Хроники Шалиона

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

Проклятие Шалиона

Проклятие Шалиона
Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Макмастер Буджолд. Проклятие Шалиона
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29

Аннотация

«Проклятие Шалиона» (2001), роман, послуживший началом нового фэнтезийного цикла «Хроники Шалиона (Мир Пяти богов)», был номинирован на несколько значимых премий, получил Мифопоэтическую премию, и, самое главное, привел читателей в восторг!

Люп ди Кэсерил, небогатый дворянин, возвращается в Шалион после тяжких, изнурительных лет плена на пиратских галерах. Он истощен и сломлен морально. Кажется, не осталось больше ни одного дома, где нищего обездоленного человека могли бы принять. Последняя надежда – провинкара Баосии, его прежняя госпожа, у которой он служил пажом много лет назад. Доброта этой женщины и ее справедливость несомненны, но какую цену в итоге придется заплатить Кэсерилу за кров и пищу?

Страшную цену.

Цену, которую едва ли платил кто-либо из смертных.

Лоис Макмастер Буджолд
Проклятие Шалиона

© Lois McMaster Bujold, 2001
© Перевод. В. Миловидов, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Автор выражает свою благодарность профессору Уильяму Д. Филипсу за предоставленную возможность познакомиться с материалами его курса по истории, а также за оказавшиеся в высшей степени полезными четыреста долларов и десять недель, что я провела в его школе. Выражаю также свою признательность Пэт Вреде («Давай, это будет забавно!») за предложение поиграть в слова, в результате чего из тайников моего мозга на свет божий выбрался прото-Кэсерил, вечно моргающий и спотыкающийся на каждом шагу тип. Благодарю также коммунальные службы Миннеаполиса за горячий душ, который вдруг связал описанные выше два пункта воедино и породил новый мир и людей, живущих в нем.

1

Стук копыт Кэсерил услышал раньше, чем увидел верховых. Он быстро обернулся. Избитая лошадиными подковами и истерзанная колесами повозок дорога уползала вбок и вверх, на пологий склон холма, а потом вновь вязла в обычной для этого времени года слякоти. Небольшой ручеек, слишком узкий и тщедушный для того, чтобы над ним кто-то взялся строить мост или убрал его в трубу, мягко журчал перед ним, стекая с ощипанных скотом пастбищ. По громкому стуку копыт, скрипу сбруи, звону оружия и бодрым голосам всадников можно было понять, что из-за поворота сейчас появятся отнюдь не мирные фермеры на повозках и не коробейники, понукающие своих мулов.

Наконец кавалькада явилась взору Кэсерила:

около дюжины вооруженных людей, в колонну по двое, в сверкающих доспехах. Слава Богам, не разбойники! Кэсерил перевел дух и сглотнул, почувствовав, как встревоженное сердце вновь забилось ровно и спокойно. Хотя, встреться он с разбойниками, взять у него им было бы нечего. Кэсерил сошел с дороги и повернулся, чтобы пропустить верховых.

В жиденьком утреннем свете кольчуги на всадниках матово сияли серебром, и ясно было, что надеты они не для боя, а для парада. Голубые накидки сочетались с белыми цветами символа Госпожи Весны, а серые плащи, закрепленные на плечах отполированными пряжками, развевались за спинами всадников в прохладном утреннем воздухе. Не воины, а придворные шуты — вряд ли они захотят испачкать свои шикарные наряды упрямой кровью Кэсерила.

К его удивлению, подъехав, капитан отряда резко вскинул руку. Если бы рядом с Кэсерилом был старый конюший его отца, ох уж он и задал бы перцу этим юнцам, неспособным аккуратно остановить коней и не дать им, чавкая копытами и рискуя упасть, нелепо сгрудиться на узкой дороге. Впрочем, какое ему до них дело?

— Послушай, старина! — обратился к Кэсерилу

капитан.

Кэсерил, который стоял на обочине один, инстинктивно дернулся, чтобы посмотреть, к кому обращается этот картинно сидящий рядом со знаменосцем офицер, и понял: они приняли его за какого-нибудь мужлана-фермера, ковыляющего на рынок, или за посыльного. И, в общем-то, он сам дал им для этого повод: на изрядно поношенных башмаках — по пуду грязи, тело прикрывает не по его росту и размеру сшитая одежда, которой он нацепил несколько слоев, заботясь не о фасоне, а исключительно о том, чтобы спастись от пронизывающего до костей юго-восточного ветра. Что делать? Так уж получилось, что он вынужден был благодарить всех зимних Богов за любой доставшийся ему клочок ткани. А тут еще эта двухнедельная щетина на подбородке! Неужели все-таки старина? Капитан мог бы выразиться и более презрительно. Но почему же все-таки старина?

Капитан показал стеком вперед — туда, где дорога, по которой они скакали, пересекалась с другой дорогой.

— Это, направо, дорога на Валенду? — спросил он.

Да, когда-то… Кэсерил задумался, и цифра,

всплывшая в памяти, ошарашила его. Семнадцать лет назад он последний раз скакал по дороге на Валенду, но не на придворный праздник, а на войну, и состоял он тогда в свите провинкара Баосии. Конечно, под ним был не роскошный боевой конь, как под этими красавчиками, а всего-навсего сивый мерин, но сам-то он был молод, отчаян и кичлив — ничем не хуже этих юных животных, что смотрят на него сейчас со своих лошадей. *Сегодня я рад был бы и ослу, хотя, конечно, пришлось бы, сидя на нем, подгибать колени, чтобы носки башмаков не зачерпывали дорожную грязь.* Кэсэрил улыбнулся, зная наверняка, что за этими роскошными фасадами прячутся пустые кошельки, стонущие от голода и широко раскрывающие рты в жажде проглотить хотя бы пару монет.

Солдаты как будто внюхивались в него, пытаясь определить, что он за птица. Конечно, они не собирались производить на него особого впечатления — он же не был высокородным господином (или тем более госпожой), способным одарить их своей щедростью. Напротив, они были бы не прочь продемонстрировать этому деревенщине свои аристократические манеры, совершенно ошибочно увидев в его любопытствующем взгля-

де восхищение, разбавленное, как им казалось, изрядной долей тупости.

Кэсерил подавил в себе желание направить их по ложному пути, на какие-нибудь затоптанные и загаженные овцами пастбища или куда-нибудь и похуже, куда привела бы их дорога, уходящая от перекрестка вправо. Но лучше не играть в такие игрушки с личной гвардией Дочери, тем более накануне празднования Ее Дня. И, конечно же, он прекрасно знал, что люди, отдавшие себя делу священной военной службы, начисто лишены чувства юмора, а это опасно! Тем более что, поскольку он направлялся в тот же город, что и они, был риск там с ними пересечься.

Кэсерил прочистил горло (он не говорил ни с одной душой со вчерашнего дня) и сказал:

— Нет, капитан! Дорога, ведущая в Валенду, отмечена дорожным камнем (по крайней мере, раньше было именно так). Отсюда до нее около трех миль. Не пропустите.

Выпростав руку из-под висящих на нем лохмотьев, он махнул ею вдоль дороги. Пока ему не удавалось разогнуть стянутые судорогой пальцы, и вместо ладони перед солдатами предстала какая-то клешня. Холод острым ножом резанул по распухшим суставам, и он поспешил спрятать

руку в складки одежды.

Кивнув широкоплечему знаменосцу, который держал древко на сгибе локтя, капитан гвардейцев запустил руку за спину, вытащил кошелек и, раскрыв его, стал искать там монетку. Наверняка минимального номинала, подумал Кэсерил. Наконец на свет появилась пара монет, и капитан принялся вертеть их пальцами, внимательно разглядывая. Одна из них оказалась полновесным золотым, вторая — медным грошом. Капитан уже хотел было протянуть грош стоящему перед ним бедолаге, но в этот момент лошадь дернулась, и, выскользнув из пальцев, в грязь к копытам коня упал золотой. Капитан в ужасе потянулся за ним, но вовремя опомнился — не станет он на глазах подчиненных копаться в дорожной грязи! Да и этот крестьянин, стоящий перед ним, не будет свидетелем его позора. Выпрямившись, он с самым гордым видом оглядел Кэсерила и презрительно усмехнулся, ожидая, что тот бросится под ноги коню и примется раскапывать грязь в поисках нежданно свалившегося на него сокровища.

Вместо этого Кэсерил поклонился и произнес:

— Да оделит вас своим благословением Госпожа Весны, юный господин, — как вы щедро

наградили недостойного бродягу, ни в малой мере не заслужившего вашей милости!

Будь у молодого воина больше ума, он распознал бы в речах Кэсерила насмешку, и последний схлопотал бы плетью по физиономии. Но бычье выражение на лице капитана отразило лишь отчаяние, он мотнул головой и жестом двинул кавалькаду вперед.

Если капитан был чересчур горд и высокомерен, чтобы снизойти до поисков золотого, то Кэсерил слишком устал, а потому, отойдя на шаг в сторону, он стал дожидаться, пока мимо него протащится обоз отряда, состоящий из слуг и повозок, запряженных мулами. Только после этого, болезненно морщась, он наклонился и выудил из лужи, натекшей в отпечаток конского копыта маленькую золотую искру монеты. Боль в спайках на спине резанула жестоко. *О, Господи, какой же я старый!* Кэсерил восстановил дыхание и выпрямился, чувствуя себя столетним стариком, куском придорожной грязи на подошве покидающего этот мир Отца Зимы.

Кэсерил отер монету от грязи, что было нетрудно, ибо грязь к благородному металлу пристает неохотно, после чего вынул кошелек и, отправив золотой в его кожаную пасть, проводил его пе-

чальным взглядом. Увы! Теперь ему вновь есть чего бояться. Опять он становится самым желанным встречным для любого бандита. Выйдя на дорогу и отправившись вслед за уже скрывшимся за поворотом отрядом, Кэсерил принялся размышлять о своем приобретении. Такой пустяк, а так много значит. А стоит ли он того? Соблазн для слабого, излишнее беспокойство для мудреца. Чем, кстати, был этот золотой для юного солдата с бычьими глазами, который был так смущен и раздосадован своей неожиданной щедростью?

Кэсерил окинул взором голый пейзаж. В неясном угольно-сером свете глазу не за что было зацепиться: голые ветви редких деревьев да кусты ежевики, разбросанные тут и там вплоть до горизонта, где поблескивает гладь неширокой реки. Единственное видимое укрытие — брошенная ветряная мельница, стоящая на вершине холма; крыша ее провалилась, а лопасти свалились перед фасадом и гниют. И тем не менее если что…

Кэсерил свернул с дороги и принялся забираться на холм, точнее — холмик, если сравнить его с горными вершинами, которые он преодолевал еще неделю назад. И тем не менее подъем показался слишком изнурительным, и он готов был уже повернуть назад, но, преодолевая силу по-

рывов ветра, который, терзая пряди стелющейся по земле серебристой травы, казался здесь много сильнее, чем внизу, все-таки вполз в темное чрево мельницы, и, взобравшись к полуразрушенному окну по шаткой лестнице, выглянул наружу.

Внизу, на оставленной им дороге, он увидел всадника. Не воин, скорее — один из слуг, с поводьями в одной руке и массивной палицей в другой. Его послал капитан в надежде выбить из бродяги случайно утраченную монету? Слуга, не спускаясь с лошади, невнимательно оглядел оставленные лошадьми следы, после чего с отвращением глянул на склоны холмов по обеим сторонам дороги и, ударив лошадь шпорами, поспешил догнать своих спутников.

Кэсерил вдруг услышал свой собственный смех. Странное, незнакомое чувство овладело им. Это не был страх, сводящий судорогой внутренности и заставляющий человека дрожать мелкой дрожью. Не чувство, а скорее отсутствие всяких чувств… Зависть, желания — все ушло, растворилось в небытии. Он не хотел вновь стать одним из этих солдат, не хотел никуда их вести. Он смотрел на их блестящий строй как на представление тупых кукол на ярмарочной площади в базарный день. *Господи! Как же я устал!* Да, а еще и хотел

есть! Но до Валенды еще четверть дня пути, и только там он сможет отыскать менялу, который поменяет его золотой на более удобные медяки. А ночью, если Госпожа Весны будет к нему благосклонна, он найдет ночлег в таверне, а не в коровьем хлеву. Сможет купить себе горячей еды, сбрить двухнедельную щетину, принять ванну…

Глаза его привыкли к полумраку, царившему внутри. Он принялся оглядываться и вдруг увидел лежащее на замусоренном полу тело.

Он в ужасе замер, но, отметив, что ни один живой человек не станет лежать в столь неудобной позе, выдохнул и присмотрелся.

Кэсерил мертвецов не боялся. Из-за чего бы человек ни умер, теперь он…

Несмотря на то что лежащий не двигался, Кэсерил, прежде чем подойти к нему, поднял с пола увесистый булыжник. Мертвец при жизни был полным, средних лет, если судить по седеющей аккуратной бородке, с опухшим багровым лицом человеком. Задушен? На шее следов никаких. Одежда неброская, но дорогая, хотя и плохо сидящая — видно, была маловата размером. Коричневый шерстяной плащ и черная туника, шитая серебристой ниткой, могли принадлежать и богатому купцу, и лорду средней руки, а может,

и амбициозному профессору. Но уж ни в коем случае не ремесленнику, не крестьянину, не солдату. На руках, покрытых желто-пурпурными пятнами, не было ни мозолей (Кэсерил посмотрел на свою левую руку, где отсутствовали два кончика пальцев, утраченные им в неравной борьбе с якорным канатом), ни видимых повреждений. Отсутствовали и украшения — ни колец, ни цепей, ни браслетов, которые ценностью соответствовали бы одежде незнакомца. Неужели до Кэсерила здесь уже побывал какой-нибудь мародер?

Стиснув зубы, Кэсерил наклонился поближе, и сейчас же его любопытство было наказано резкой болью в спине. Лежащее перед ним тело распухло — так же, как распухли лицо и руки; но любой, достигший такой степени разложения труп был просто обязан наполнить свое последнее укрытие удушающим смрадом, который моментально обездвижил бы любого вошедшего, едва тот появился на пороге мельницы. Но ничего подобного не ощущалось — лишь легкий мускусный аромат, запах дыма да глинисто-холодного пота.

Внимательно осмотрев утоптанный земляной пол, на котором лежало тело, Кэсерил понял, что был неправ, решив, что этого человека убили и

ограбили на дороге, а уж потом, чтобы скрыть следы, перетащили сюда. Рядом с телом были видны сгоревшие до конца и превратившиеся в лужицы воска разноцветные свечи — синяя, красная, зеленая, черная и белая. Здесь же валялись кучки трав и пепла, а у стены, в тени — дохлая ворона со свернутой шеей. Присмотревшись, Кэсерил увидел и мертвую крысу с перерезанным горлом. Крыса и ворона, существа, священные для культа Бастарда, Бога всех несчастий и катастроф: смерчей, землетрясений, засухи, наводнения, выкидышей и убийств… *Ты хотел о чем-то попросить Бога?* Если судить по всему, что увидел Кэсерил, этот пухлый идиот занимался магией смерти и заплатил за это обычную цену. Был ли он один или же у него были единомышленники?

Ни к чему не прикасаясь, Кэсерил осмотрел мельницу изнутри и снаружи. Ничего — ни сумок, ни одежды, ни иного имущества, сваленного в угол или повешенного на стенной крюк. К коновязи, если судить по состоянию лежащего там навоза, совсем недавно были привязаны лошади — одна или несколько. Но теперь их не было.

Кэсерил вздохнул. Конечно, ему нет до этого мертвеца никакого дела, но оставлять человека просто так гнить, не совершив над ним обряда

захоронения, — это безбожно! Кто знает, сколько времени пройдет, пока его кто-нибудь найдет! Хотя, поскольку это человек не бедный, искать его, вероятно, будут. Такие не пропадают бесследно, как пропадают бездомные, никому не нужные бродяги. И хотя Кэсерилу совсем не хотелось связываться с мертвецом, он поборол соблазн рвануть в сторону дороги и навеки забыть про эту разрушенную мельницу.

Вместо этого он пошел в противоположную сторону: тропинка, протянувшаяся вдоль склона холма, должна была привести его либо в деревню, либо на ферму. Одним словом, к людям. И не прошло и нескольких минут, как Кэсерил увидел человека, ведшего в поводу осла, нагруженного валежником. Человек остановился и с подозрением оглядел Кэсерила.

— Да одарит вас Госпожа Весны добрым утром, сэр! — вежливо произнес Кэсерил. Что за беда, если простого фермера он и назовет сэр? Сейчас, на свободе, вдали от галер, он готов был целовать заскорузлые ноги любого бедняка.

Фермер, оценив внешность Кэсерила, невнятно поприветствовал его и пробормотал:

— Будь благословенна Госпожа…

— Вы поблизости живете?

— Ну, да…

Это был средних лет человек, достаточно крепкий, в плаще с капюшоном, простым, но прочным и надежным, гораздо менее изношенным, чем плащ Кэсерила. На ногах человек стоял твердо и уверенно — словно простиравшиеся вокруг земли принадлежали ему, хотя, наверное, это было не так.

— Понятно, — кивнул Кэсерил и показал на дорожку, по которой пришел от мельницы.

— Я шел по дороге, — объяснил он, — и зашел на мельницу, чтобы укрыться…

Он не стал входить в детали относительно того, от чего он укрывался.

— …и нашел там мертвеца.

— Вот как?

Кэсерил колебался, жалея о том, что где-то выбросил свой булыжник.

— Вы что-нибудь о нем знаете? — спросил он наконец.

— Видел утром его лошадь, привязанную.

— Понятно.

Нет, все-таки стоило уйти прочь и не задерживаться. Какое ему до всего этого дело? И тем не менее он продолжил:

— А кто это мог быть?

Фермер пожал плечами и сплюнул.

— Все, что я знаю, так это то, что он не отсюда. Когда я понял, что за темные дела здесь делались прошлой ночью, я обратился к настоятельнице нашего Храма. Она пришла и забрала его вещи. На хранение, пока кто-нибудь не придет и не заберет их. Лошадь его я поставил в свой сарай. Возьму себе в уплату за хлопоты. А Хранительница сказала, нельзя его так оставлять до ночи.

Он показал на высокую гору валежника, навьюченную на спину осла и, дернув за веревку, заставил того двинуться к мельнице.

Кэсерил пошел рядом с ним, стараясь попасть в шаг.

— А вы знаете, что этот человек там делал?

— И без слов ясно, что он там делал, — фыркнул фермер. — За что и получил.

— Но… чего ради он делал это?

— Понятия не имею. Пусть Храм разбирается. Вопрос только — зачем он это делал на моей земле? Теперь жди несчастий! Я сожгу его, а заодно и мельницу — она стоит слишком близко от дороги. Приносит…

Он посмотрел на Кэсерила.

— …приносит беды.

Несколько минут Кэсерил шел молча, после

чего спросил:

— Вы его сожжете прямо в одежде?

Фермер осмотрел Кэсерила, оценив убогий вид его наряда, и сказал:

— Ничего из его вещей я не трону. Я и лошадь бы не взял, но ведь — сдохнет с голода!

Кэсерил спросил, все еще колеблясь:

— А вы не станете возражать, если я возьму его одежду?

— Не меня нужно спрашивать. Делайте, что хотите, мне все равно. Если рискнете, останавливать не стану.

— А я помогу вам его сжечь.

Фермер сморгнул.

— А вот за это — спасибо! — сказал он.

Понятно, фермер был более чем рад тому, что мертвецом займется Кэсерил, в то время как сам он принялся устраивать погребальный костер. Сжечь мертвеца было решено внутри мельницы, и Кэсерил дал фермеру несколько советов относительно того, как все устроить, чтобы обеспечить максимальную тягу и чтобы мельница наверняка была сожжена дотла. Помог он и внести внутрь хворост и ветки.

Потом фермер с безопасного расстояния принялся наблюдать, как Кэсерил будет стаскивать

одежду с окаменевшего тела и конечностей. Труп оказался гораздо более раздутым, чем показалось на первый взгляд, и, когда Кэсерил стягивал с него расшитое исподнее, распухшее брюхо мертвеца освободилось от скопившихся газов, что было страшновато. Хотя вряд ли из тела изошла какая-нибудь зараза, а вонь… что ж, вонь можно и потерпеть. Вот если до темноты труп не сжечь, он может лопнуть, и тогда Бог знает, что из него выйдет или, напротив, в него войдет! Кэсерил быстро свернул в узел снятую одежду, не трогая башмаков, которые оказались чересчур маленькими. После этого они вместе с фермером водрузили труп на костер.

Когда все было готово, Кэсерил упал на колени, прикрыл глаза и принялся молиться. Не зная, который из Богов забрал душу усопшего (хотя, хорошенько подумав, он мог бы и догадаться), он, стараясь говорить ясно и четко, обратился по очереди к каждому из пяти членов Святого Семейства. Обращаясь к Богам, ты обязан предлагать им лучшее из того, чем располагаешь, хотя это лучшее подчас — всего лишь слова.

— Молю о милости от тебя, Отец, и от тебя, Мать; от тебя Брат, и от тебя, Сестра! И от тебя милости прошу, Бастард. Пятикратной милости,

о Высшие Сущности, просим мы от вас!

Какие бы грехи ни совершил усопший, он заплатил за них. Милости просим, Высшие Сущности! *Не справедливости! Нет, только не справедливости! Мы были бы последними идиотами, если бы взывали к справедливости!*

Закончив с молитвой, Кэсерил не без труда поднялся на ноги и осмотрелся. Потом, что было вполне благоразумно, поднял трупики вороны и крысы и положил возле покойника, в ногах и возле головы.

Похоже, Боги сегодня были к нему благосклонны. Что-то еще ждет его впереди?

Столб маслянистого дыма поднялся над бывшей мельницей, когда Кэсерил вышел на дорогу, ведущую в сторону Валенды. За спиной у него болтался сверток с одеждами мертвеца. Хотя они были много чище и опрятнее того, во что он был одет, Кэсерил решил не надевать их, пока с ними не поработает прачка. Правда, придется расстаться с парой медных монет (он быстро сосчитал в уме непредвиденные расходы), но услуги прачки того стоят.

Прошлую ночь он спал в сарае, на соломе. Продрог до костей. Ужином ему была половина буханки черствого хлеба; вторая половина пошла на завтрак. От порта Загосур, что на побережье Ибры, до столицы Баосии, центральной провинции Шалиона, было около трехсот миль. Да, Кэсерил рассчитал время, но одно дело рассчитать, другое — идти! Приют храма Материнского Милосердия в Загосуре оказывал помощь всем несчастным, кого жизнь выбросила за борт, а еще и тем, кто был выброшен на берег морем. Кошелек с вспомоществованием, врученный ему служкой храма, отощал еще до того, как он добрался до цели своего путешествия. Впрочем, идти оставалось недолго. Один день, а может, и меньше. И если у Кэсерила достанет сил переступать ногами, уже скоро он доберется до своего убежища и заползет в него.

Когда Кэсерил выходил из Загосура, голову его распирали планы: как он попросит места у вдовствующей провинкары — во имя прошлых заслуг; как устроится на какую-нибудь неприметную должность в ее доме, возле ее стола. Что-нибудь не особо обременительное! Его амбиции, однако, стали уменьшаться по мере того, как, пройдя через Восточный перевал, он стал подниматься

на холодные высоты Центрального плато. Он думал уже не о высокородной госпоже. Может, начальник стражи ее замка или же конюший найдут ему местечко либо на кухне, либо при лошадях, и тогда ему не придется беспокоить их хозяйку? А если выпадет должность помощника повара, то не придется и имя свое открывать! Хотя вряд ли кто в замке помнит его по тем замечательным дням, когда он служил пажом в свите баосийского провинкара!

Мечтая о спокойном, незаметном местечке где-нибудь неподалеку от кухонного очага, о жизни без имени, о том, что никто страшнее повара не станет, размахивая руками, кричать на него, о несложной работе (что сложного в том, чтобы принести дров или нацедить воды?), он вышел под последние удары зимних ветров. Отдохнуть, забыться во сне — эта мечта стала почти наваждением, и поддерживало его силы только сознание того, что с каждым шагом он все дальше и дальше уходил от кошмаров морской жизни. Часами, меряя милю за милей по пустынной дороге, он развлекал себя поисками нового имени, с которым предстанет перед двором. А теперь все складывалось еще лучше — для первого визита в замок у него есть наряд покойника, и никто не

будет шокирован его обносками. *Ведь не зря же Кэсерил выпросил у фермера одежду мертвеца, и он искренне благодарен обоим. Искренне! Нижайше! Благодарен!*

Мягко светясь под лучами солнца, город Валенда растекался по склонам холма, подобно красно-золотистому лоскутному покрывалу: красными были черепичные крыши, золотистыми — сложенные из местного камня стены домов, а также мостовые. До боли знакомые краски родины! Кэсерил, не выдержав, прикрыл усталые глаза. В Ибре дома выбелены; осиянные жарким северным солнцем, они слепили. Местный же охряного цвета песчаник казался идеальным строительным материалом для дома, для города, для страны — своим цветом он ласкал взор глядящего. На вершине холма, подобный золотой короне, вздымался к небу замок провинкара. Его стены колебались в поднимающихся от земли испарениях. Смущенный, Кэсерил на мгновение замер, глядя на город, а затем двинулся вперед, все ускоряя шаг, несмотря на слабость, дрожь и болезненную усталость, зудящую в ногах.

Торговые часы на рынках уже закончились, улицы были спокойны и пусты, и Кэсерил прошел к центральной площади. У ворот Храма он подошел к пожилой женщине, которая, если судить по ее виду, вряд ли захочет его ограбить, и спросил, как ему найти менялу. Тот, в обмен на золотой, наполнил ладонь Кэсерила увесистой пригоршней медных монет да еще дал адрес прачки и общественных бань. Кэсерил направился по указанным адресам, по пути купив у уличного торговца большой кусок масляного пирога и торопливо заглотив его.

Высыпав свои медяки на стойку, где прачка принимала заказы, он переоделся во взятые напрокат льняные штаны, балахон и соломенные сандалии, в которых собирался пойти в бани. Красными от постоянной стирки руками прачка забрала его одежду и башмаки, а также одежду найденного на мельнице покойника. В предбаннике он уселся в кресло (вот оно, счастье!), а брадобрей подкорнал его прическу и бороду, в то время как мальчик-слуга принес чаю. И вот он уже стоит на выложенном плиткой полу в натопленной бане, натирает себя пахучим мылом и ждет, когда мальчик-слуга окатит его целым ушатом теплой воды. В радостном предвкушении

он смотрит на отделанный снизу медью огромный чан, предназначенный обычно для шести человек, но теперь, поскольку в бане никого больше нет, — только для него одного. Банщик поддерживает в чане соответствующую температуру. Как же ему будет хорошо отмокать в этой горячей, чистой воде! Хоть весь остаток дня, пока прачка кипятит его одежды.

Мальчик забрался на высокий табурет и принялся лить воду на голову Кэсерила, а тот, жмурясь от удовольствия, подставлял под теплый поток плечи и шею. Когда же он открыл глаза, то встретился с взглядом мальчика, полным ужаса.

— Ты… ты дезертир? — выдавил из себя слуга.

О Господи! На его спине громоздились один на другой шрамы от ударов кнута — наследие тех дней, когда он был у рокнарийцев галерным рабом и надсмотрщики не скупились, раздавая подарки обессиленным гребцам. Здесь же, в Шалионе, такого рода жестокому наказанию подвергались только самые опасные преступники, среди которых были армейские дезертиры.

— Нет, — твердо ответил Кэсерил. — Я не дезертир.

Изгнанник — да! Жертва предательства — конечно! Но он никогда не оставлял поста, даже

самого опасного, даже такого, что мог принести гибель.

Мальчик закрыл рот, со стуком уронил ушат и выбежал из бани. Кэсерил вздохнул и направился к чану с горячей водой.

Но не успел он погрузиться по подбородок в божественно горячую воду, как в помещение ворвался хозяин.

— Вон! — заорал он. — Вон отсюда, ты…

Кэсерил от неожиданности даже зажмурился, а хозяин схватил его за волосы и принялся вытаскивать из чана.

— В чем дело?

Но хозяин, не отвечая, сунул ему в руки его штаны, балахон и сандалии и потащил дальше, к выходу из бань.

— Что ты делаешь? — возмутился Кэсерил. — Не могу же я голым идти по улице!

Хозяин развернул его лицом к дверям, ненадолго отпустил и прошипел:

— Одевайся и катись отсюда! Здесь у меня приличное место, не для таких, как ты. А тебе дорога в публичный дом. Или, что еще лучше, пойди и утопись в реке.

Ошеломленный, мокрый, Кэсерил принялся натягивать балахон через голову, одновременно

поддерживая готовые упасть штаны и судорожно пытаясь вставить ноги в сандалии, в то время как хозяин толкал его к выходу. И тут до него дошло! Среди преступлений, за которые в Шалионе наказывали, забивая кнутом почти до смерти, значилось насилие, учиненное над девственницей или мальчиком. Лицо Кэсерила вспыхнуло.

— Это не то, что ты думаешь! — воскликнул он. — Я ничего такого не делал. Меня продали рокнарским корсарам!

Он дрожал. Можно постучать в захлопнутую перед его носом дверь, объяснить тем, кто остался внутри, кто он такой и что с ним случилось. *О, мое бедное достоинство!* Хозяин бани был отцом мальчика-слуги, догадался Кэсерил.

Он смеялся. Он плакал… Его бил озноб страха… перед чем-то, что было больше и значительнее, чем ярость хозяина общественных бань. Воздух со свистом входил в его легкие. У него не было сил спорить, да и, если они захотят его выслушать, — поверят ли ему эти люди? Отерев глаза мягкой льняной тканью рукава, он ощутил приятный запах, который способен оставить на одежде только хорошо разогретый утюг. Запах заставил его вспомнить: жить можно не только в грязном бараке для рабов, но и в чистых, просторных до-

мах. Как давно он там жил? Может быть, тысячу лет назад?

Он потерпел поражение, а потому единственный ему путь — к свежевыкрашенной зеленой краской двери прачечной. Он позвонил. Дверь отворилась.

— Не найдется ли у вас уголка, где я мог бы переждать? — спросил он у прачки, вышедшей на звонок. — Я закончил раньше, чем…

И голос его угас, подавленный чувством стыда.

Прачка пожала крепкими плечами.

— Ну что ж, — сказала она. — Идемте со мной.

Нырнув под стойку, она появилась с этой стороны, держа в руках маленькую книжицу размером не больше ладони, в простом кожаном переплете.

— Вот ваша книжка, — проговорила она. — Вам повезло, что я проверила карманы, а то бы она превратилась уже в бумажный комок. Вы уж мне поверьте, я дело знаю.

Стараясь не показать того, как он удивлен, Кэсерил взял книгу. Наверняка она лежала в кармане верхней одежды мертвеца, и он не почувствовал ее веса, когда на мельнице второпях сворачивал ее в узел. Эта книга должна была отправиться, вместе с прочими вещами покойного, в Храм. *Нет*

уж! Сегодня я туда не пойду, это определенно. Может быть, он и вернет книгу, когда сможет.

Пока же он произнес:

— Спасибо!

И последовал за прачкой в центральный дворик прачечной, где, как и в банях, был устроен глубокий колодец. Рядом с ним на огне стоял большой чан с водой, и четыре молодые женщины что-то намыливали и терли в корытах. Прачка подвела Кэсерила к стоящей у стены скамейке, подальше от брызг, летящих из корыт, и он уселся, наслаждаясь мирной сценой, развернувшейся перед его взором. Бывали времена, когда в сторону румянолицых крестьянских девиц он даже не смотрел, приберегая свои взгляды для высокородных дам. Отчего он не замечал, сколь прекрасны прачки? Сильные, веселые, двигающиеся словно в танце, необычайно добрые… такие добрые!

Наконец он вспомнил про книгу, которую по-прежнему держал в руках, и любопытство заставило его заглянуть под обложку. Наверняка там было имя владельца — ключ к тайне произошедшего. Открыв книгу, Кэсерил увидел на ее страницах плотную вязь рукописного текста, изредка перемежающегося рисунками и схемами. Все было скрыто за печатью непонятного шифра.

Моргнув, Кэсерил наклонился, и его глаза начали, помимо его воли, разбираться с шифром. Это было так называемое зеркальное письмо, когда текст пишется не слева направо, а наоборот. Также здесь применялся метод подстановки букв — способ шифровки, который разгадать, в общем-то, нетрудно, но для этого приходится убить уйму времени. Но, по счастью, столкнувшись трижды на одной странице с коротким словом, Кэсерил получил ключ к шифру. Купец выбрал самый детский из шифров, просто сдвигая каждую букву на одну позицию и не утруждая себя сдвигом всей последовательности слов. Правда текст был написан не на языке Ибры и не на каком-либо из его диалектов, что были в ходу в королевствах Ибра, Шалион и Браджар. Текст был написан на дартакийском, на котором говорили в южных провинциях Ибры и в Великой Дартаке, чья территория отделялась от Ибры горным кряжем. К тому же рука у писавшего явно подрагивала, правописание хромало, а с дартакийской грамматикой он был почти незнаком. Да, разобраться с текстом было гораздо сложнее, чем представлял себе Кэсерил. Если он захочет разобраться с этой зашифрованной тарабарщиной, ему понадобятся ручка и бумага, тихое место, время и хорошее

освещение. Впрочем, все не так и плохо. Ведь, в конечном итоге, текст мог быть написан и на рокнарийском!

В чем Кэсерил был уверен, так это в том, что перед ним, в книжке, были записи, посвященные магическому опыту. Кстати, достаточные основания для того, чтобы осудить и повесить владельца книжки — если бы, конечно, он уже не был мертв. Наказание за занятия магией смерти… Да что там занятия! Только за попытку! Так вот, наказание было быстрым и жестоким. Кстати, наказания за успешное проведение магического опыта уже не требовалось — Кэсерил не помнил ни одного случая, когда убийца, воспользовавшись магией смерти как инструментом магического убийства, сам бы остался в живых. Каким бы ни был способ, с помощью которого человек, практикующий магический ритуал, заставлял Бастарда отправить одного из своих демонов в мир, тот всегда возвращался в потусторонний мир либо с двумя душами, либо с пустыми руками.

И если так, то где-то в Баосии просто обязан быть еще один труп… Кстати, магия смерти была не слишком популярна. Здесь нельзя было использовать подставных лиц, нельзя было отправлять на убийство кого-нибудь кроме себя. И

если убиваешь кого-то, то знай — убитым будешь и ты сам. Если же убийца хотел выжить после нападения, то обычные средства убийства — нож, меч, яд, палица — были предпочтительнее. Но если кем-то владела крайняя степень отчаяния и если жизнь ему была не мила, тот вполне мог прибегнуть и к магии смерти. Нет, эту книжку нужно обязательно вернуть в Храм, где хранится остальная собственность умершего — пусть Храм сам решает, кто в королевстве станет разбираться в нюансах его дела. Нахмурив лоб, Кэсерил сел, закрыв опасную книжицу.

Теплый пар, ритмичные движения прачек и их голоса, усталость, которую испытывал Кэсерил — все это заставило его прилечь на скамью, положив под голову книгу. *Прикрою-ка я на минутку глаза…*

Он резко проснулся, почувствовав боль в шее, и ощутил поверх своего тела незнакомую тяжесть. Пальцы нащупали шерсть… Оказалось, одна из прачек набросила поверх его тела одеяло. Кэсерил даже застонал от удовольствия — как же приятно, когда о тебе заботятся даже незнакомые люди!

Наконец он сел на лавку и, прищурившись, огляделся. Дворик почти полностью погрузился в тень. Должно быть, он проспал весь день, а зву-

ком, который его разбудил, был стук башмаков, вычищенных и, насколько это было возможно, отполированных, которые прачка бросила у его скамейки. А рядом с ним, на соседнюю скамейку, она положила его чистую одежду — как новую, богатую, так и старую.

Вспомнив, как среагировал на его голую спину мальчишка в банях, Кэсерил негромко спросил:

— А нет ли у вас комнаты, где я мог бы переодеться?

И чтобы никого из посторонних не было.

Прачка дружелюбно кивнула и провела его в небольшую спальню в задней части дома, где и оставила одного. Через маленькое окно в спальню проникал свет. Кэсерил аккуратно разложил постиранные и выглаженные вещи, с немалой долей отвращения оценив те лохмотья, что болтались на нем все последнее время. Глядя в овальное зеркало, единственное украшение комнаты, стоявшее в углу, Кэсерил принялся одеваться.

Бормоча про себя благодарственные слова в адрес усопшего, нечаянным наследником которого он стал, он натянул хлопковое исподнее, тонкотканую расшитую рубашку, коричневый шерстяной камзол, еще теплый после утюжки

(хотя и несколько влажный по швам) и, наконец, черный, с серебристой нитью, плащ, который роскошными складками стекал к его ногам. Одежда покойника длиной соответствовала росту Кэсерила, хотя ему, с его нынешней худобой, было в ней излишне просторно. Присев на кровать, он натянул свои старые башмаки со стоптанными каблуками и подошвой, истончившейся до толщины пергамента. Он годами не видел себя в зеркале — разве что в отполированной поверхности стального клинка! А здесь было зеркало, да еще и такое, в котором, наклоняя стекло, он мог осмотреть себя с ног до головы.

В зеркало на него смотрел незнакомец. *О Боги! Когда моя борода успела стать седой?* Дрожащей рукой Кэсерил тронул коротко остриженный волос на подбородке. Слава Богам, хоть волосы на голове еще не стали выпадать. На кого он похож в этом наряде? Купец? Высокородный дворянин? А может, ученый? Скорее — последнее: слегка фанатик, чуть-чуть безумец, с впалыми от постоянных ученых дум глазами. Такие одежды требовали и роскошных аксессуаров: золотых или серебряных цепей, печаток, дорогого ремня с пряжкой из золота, украшенного камнями, толстых колец. Так его статус сразу поднялся бы еще на один-два

уровня. И тем не менее все было и в таком виде в высшей степени достойно. Кэсерил выпрямился.

В любом случае, придорожный бродяга исчез, растворился без остатка. И теперь… теперь вряд ли он удовлетворится местом помощника повара.

На последние медные монеты он решил переночевать в трактире, а утром представиться провинкаре. А интересно, успела ли распространиться по городу новость о пойманном в банях дезертире? И если так, не откажут ли ему в ночлеге в городских трактирах и на постоялых дворах?

Нет. Не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Он сейчас же отправится в замок и узнает, сможет ли найти там укрытие. *Еще одной ночи мне не выдержать*. Он пойдет туда, пока на землю не упала ночь. *Пока не упало мое сердце.*

Сунув книгу во внутренний карман плаща, где она, по всей видимости, всегда и находилась, Кэсерил встал и вышел из комнаты, оставив на кровати кучку своей старой одежды.

2

Поднимаясь к воротам замка, Кэсерил пожалел, что не озаботился тем, чтобы где-то добыть себе саблю или меч. Стоящие у ворот стражи, одетые в черно-зеленые цвета провинкара Баосии, смотрели на приближающегося безоружного незнакомца спокойно, но и без особого уважения, которое способен вызвать остро отточенный металл. Кэсерил поприветствовал охранника, носящего сержантские знаки отличия, скупым кивком. Особую почтительность и вежливость он приберегал для внутренних покоев замка. Слава Богам, благодаря прачке он знал имена всех нужных людей.

— Добрый вечер, сержант! — сказал он. — Мне нужен комендант замка, сэр ди Феррей. Я — Люп ди Кэсерил.

Он намеренно предоставил сержанту самому догадываться, вызвали его в замок или же он сам пришел.

— По какому делу, сэр? — спросил сержант вежливо, но без особой почтительности в голосе.

Кэсерил выпрямился. Он не знал, из каких дальних уголков его существа явился этот тон в его голосе, но он произнес — уверенно, почти командным тоном:

— По личному, сержант!

Автоматически сержант отдал честь:

— Есть, сэр!

Кивнув своему напарнику: дескать, смотри в оба, сержант сделал Кэсерилу знак — следуйте за мной:

— Прошу вас, сэр. Я осведомлюсь у хранителя замка, что и как.

И они прошли через ворота.

Сердце Кэсерила забилось с удвоенной силой, когда он увидел широкий, мощенный булыжником двор перед замком. Сколько башмаков он истоптал здесь, бегая с поручениями от его хозяйки! Начальник над пажами как-то пожаловался ей на слишком быстрый расход обуви среди его подопечных, на что провинкара пошутила: если он предпочитает ленивых пажей, у которых быстрее снашиваются от сидения штаны, чем обувь, то она добудет ему нескольких; но тогда он должен будет часто менять свои собственные

башмаки!

Похоже, она по-прежнему правила здесь твердой рукой, руководствуясь своим неизменно острым глазом. Ливреи охранников находились в отличном состоянии, двор был тщательно выметен, а по сторонам от главного входа в кадках стояли деревья, на чьих ветках искусный замковый садовник выгнал цветы — аккурат к празднованию Дня Дочери, который должен был состояться назавтра.

Охранник кивком головы пригласил Кэсерила присесть на каменную скамью, которая, благодарение Богам, была все еще теплой от дневного солнца, а сам, подойдя к дверям, ведущим внутрь замка, позвал слугу и, передав ему просьбу незнакомца, направился на свой пост. Не успел он пройти и половины расстояния, как его напарник высунул голову из-за створа ворот и крикнул:

— Принцесса возвращается!

Услышав эти слова, сержант повернулся к замку и гаркнул:

— Принцесса возвращается! Всем на свои места!

И, ускорившись, побежал на пост.

Слуги, горничные — все выбежали из разных дверей во двор и принялись вслушиваться в стук

копыт и громкие голоса, раздававшиеся из-за стены замка. Первыми на взмыленных конях, забрызганных дорожной грязью по брюхо, во двор, с воплями, совершенно неподобающими их статусу, влетели две девушки.

— Тейдес! Мы победили! — крикнула через плечо первая из девушек. На ней была надета голубая жокейская бархатная курточка и такая же шерстяная юбка с разрезом. Из-под кружевной шапочки несколько небрежно выбивались кольца рыжевато-светлых волос, словно янтарь, сиявшие в лучах последнего солнца. У нее был чувственный рот, бледная кожа и прищуренные в смехе большие глаза с несколько тяжеловатыми веками. Ее спутницей была брюнетка в красном костюме, которая, переводя дух, улыбалась и поминутно оглядывалась назад, на отставших от них двоих всадников.

Следом за девушками в ворота влетел еще более юный джентльмен в алом костюме, по всей поверхности которого серебряными нитками были вышиты фигурки разных животных. Под ним несся роскошный гнедой жеребец с блестящей холеной шкурой и длинным развевающимся шелковистым хвостом. По бокам его ехали слуги с каменными лицами, а следом — хмурящийся

пожилой джентльмен. У молодого человека были такие же, как у его… как у его сестры, вьющиеся волосы, но с большей степенью рыжины, и широкий рот. От досады он надул губы.

— Гонка закончилась у подножья холма, Изелль! Ты меня обманула!

Та иронически закатила глазки и, не успел слуга подбежать, чтобы подставить под ее ножки скамейку, соскользнула с седла и оказалась стоящей на земле.

Ее темноволосая спутница также, не дожидаясь слуги, спешилась и, передав ему поводья, сказала:

— Хорошенько выгуляй этих милых зверей, Дени, пока не остынут. Мы их сегодня изрядно измучили.

И, словно опровергая свои же слова, она поцеловала своего коня в белую звездочку и, в более практическом ключе, извлекла из кармана какое-то лакомство и дала ему.

Спустя несколько минут, последней, в ворота въехала женщина более почтенных лет, с раскрасневшимся лицом.

— Изелль! Бетрис! Умоляю, остановитесь! Именем Матери и Дочери! Милые девочки, не пристало вам так галопировать! Вы же не сума-

сшедшие!

— А разве мы не остановились? — вполне логично возразила темноволосая девушка. — Что ж, мы любим быструю езду! Но ни одна лошадь в Баосии не обгонит ваш язычок, дорогая!

Пожилая женщина сокрушенно покачала головой и подождала, пока слуга не подставит ей под ноги скамеечку.

— Ваша бабушка, принцесса, купила вам этого славного белого мула, — сказала она. — Почему вы на нем не скачете? Это подошло бы вам больше!

— Но он такой медли-и-и-и-и-тельный! — смеясь, отозвалась девушка с янтарными волосами. — Кроме того, Снежка помыли и причесали для завтрашней церемонии. Слуги сошли бы с ума, если бы я вывозила его в грязи. Они же собираются всю ночь держать его обернутым в простыни — чтобы не испачкался.

С тяжелым вздохом пожилая всадница позволила слуге помочь ей спуститься на землю. Оказавшись на твердой поверхности, она поправила юбку и потянулась, выпрямляя затекшую спину. Юный спутник девушек отправился в дом, сопровождаемый озабоченными слугами, а молодые красавицы, сопровождаемые жалостливыми

причитаниями пожилой дамы, наперегонки устремились к дверям. Женщина, горестно покачивая головой, последовала за ними.

Не успели они войти, как на пороге появился мужчина средних лет, плотного телосложения, в строгом шерстяном платье, который голосом твердым, хотя и дружелюбно, проговорил:

— Бетрис! Если ты еще раз погонишь своего коня по склону вверх, я у тебя его отберу, и тебе придется следовать за принцессой бегом. Тогда ты, конечно, сможешь истратить свою избыточную энергию.

Бетрис почтительно поклонилась и произнесла негромко:

— Слушаюсь, отец!

Девушка с волосами цвета янтаря пришла подруге на помощь:

— Прошу вас, простите Бетрис, сэр ди Феррей! Это моя вина. Я погнала первой, и у нее не было выбора.

Мужчина, приподняв бровь, почтительно поклонился и сказал:

— Человеку, наделенному властью, полезно думать о том, стоит ли ему втягивать тех, кто стоит ниже его, в рискованные предприятия, — ведь сам он, в любом случае, избегнет наказания. Вот

что вам следует иметь в виду, принцесса.

На что принцесса состроила гримаску, после чего, бросив на мужчину долгий взгляд из-под своих густых ресниц, кивнула, и девушки бросились в дом, чтобы избавить себя от дальнейших разговоров. Мужчина в черном вздохнул, а следовавшая за девушками женщина благодарно ему кивнула.

Кэсерил без труда опознал в мужчине коменданта — на отделанном серебром поясе у того висела связка ключей, а на шее — цепь с бляхой. Кэсерил встал и, приблизившись к коменданту, несколько неуклюже поклонился, преодолевая боль в спине.

— Сэр ди Феррей? Меня зовут Люп ди Кэсерил. Я прошу аудиенции у вдовствующей провинкары. Если, конечно, ей будет это угодно.

Комендант сурово посмотрел на него, и голос у Кэсерила дрогнул.

— Я не знаю вас, сэр, — произнес комендант.

— Милостью Богов, провинкара должна меня помнить. Когда-то я служил здесь пажом.

Он обвел рукой пространство двора и продолжил:

— В те годы, когда был еще жив прежний провинкар.

Он надеялся, что смог показать коменданту, насколько своим он здесь был. Нет более тягостного положения, чем положение человека, которому не за что и не за кого в этой жизни зацепиться.

Комендант приподнял седые брови.

— Я спрошу, примет ли вас провинкара.

— Это все, о чем я прошу, — сказал Кэсерил.

Комендант отправился внутрь замка, а Кэсерил, сев на скамью, скрестил пальцы.

Прошло несколько минут, в течение которых Кэсерил ежился под любопытными взглядами снующих слуг, и наконец комендант вернулся.

— Их светлость госпожа провинкара готова встретиться с вами. Следуйте за мной! — произнес он с некоторым недоумением в голосе.

От сидения на холоде спина Кэсерила затекла, а потому, встав и последовав за комендантом, он двигался несколько неуверенно, проклиная себя за неуклюжесть. В общем-то, он мог обойтись и без провожатого. Он мгновенно вспомнил расположение помещений; за каждым новым поворотом возникало перед ним до боли знакомое убранство. По устланному желто-голубой плиткой полу большого холла они прошли в выбеленные внутренние покои, а оттуда — в комнату, которую, благодаря освещению, в это время

суток предпочитала провинкара, читавшая там или занимавшаяся рукоделием. Входя в комнату через низенькую дверь, Кэсерил вынужден был нагнуться, чего не делал раньше. И это было единственным отличием от того, что он помнил. Кое-что все-таки изменилось. Но виноватой в этом была не дверь.

— Ваша светлость! Вот человек, которого вы хотели видеть, — произнес комендант нейтральным тоном, явно не желая выказывать своего отношения к посетителю.

Вдовствующая провинкара расположилась в широком деревянном кресле, на котором были разложены подушки, смягчающие жесткость сиденья. На ней была надета строгая темно-зеленая мантия, соответствующая ее статусу вдовы вельможи. В то же время головному убору вдовы она предпочла заплетенные вокруг головы седеющие косы, перевитые зелеными лентами и закрепленные заколками с драгоценными камнями. Рядом с ней сидела ее компаньонка, примерно ее же возраста, тоже вдова и, если судить по одежде, имевшая отношение к Храму как посвященная мирянка. Увидев Кэсерила, компаньонка недоверчиво нахмурилась и крепче ухватилась за свое рукоделие.

Моля всех богов, чтобы тело не предало его, Кэсерил встал перед креслом провинкары на одно колено и склонил голову в почтительном приветствии. Одежды хозяйки замка были надушены лавандой, которая перебивала сухой запах старости. Кэсерил поднял взгляд, ища в глазах сидящей перед ним дамы искры узнавания. Если она его не вспомнит, он станет никем — и очень быстро!

Провинкара посмотрела ему в лицо и удивленно закусила губу.

— О Боги! Да, это вы, милорд ди Кэсерил! Добро пожаловать в мой дом!

И протянула ему руку для поцелуя.

Кэсерил, задыхаясь от волнения, склонился к ней.

Когда-то эта рука была изящной и белоснежной, с идеальными перламутровыми ногтями. Теперь же костяшки пальцев опухли, кожа покрылась коричневыми пятнышками, хотя ногти были безупречны — как и тогда, когда их хозяйка пребывала во цвете лет. Она и виду не подала, что заметила две слезинки, упавшие на ее руку из глаз Кэсерила, хотя уголки ее губ несколько и скривились. Она протянула ладонь, тронула бороду Кэсерила, провела пальцами по морщинам

на его лице.

— Боги! Неужели я совсем состарилась? — спросила она.

Взглянув на нее, Кэсерил смахнул с глаз слезу. Нет, он не упадет перед ней на колени, рыдая, как рыдают дети.

— Прошло немало времени, ваша светлость!

— Так-так!

Она легонько похлопала Кэсерила по щеке и усмехнулась.

— А ведь это была подсказка! Разве я не учила вас, милорд, как нужно лгать слабому полу? Видно, я оказалась плохой учительницей.

Нисколько не стушевавшись, она отвела руку и обернулась к своей компаньонке.

— Я хочу познакомить вас со своей кузиной, леди Хьюлтар. Тесса! Могу я представить тебе милорда кастиллара ди Кэсерила?

Уголком глаза Кэсерил заметил, что комендант замка, увидев оказанный ему прием, расслабился и теперь стоял, сложив руки и прислонясь к дверному косяку. Не вставая с колен, Кэсерил несколько неуклюже отвесил поклон в сторону кузины провинкары.

— Вы слишком добры, ваша светлость. Увы, Кэсерил уже не принадлежит мне, как и прочие

земли моего отца. А с ними я утратил и титул.

— Не говорите глупостей, кастиллар!

Голос провинкары окреп и возвысился.

— Мой милый провинкар уже лет десять как пребывает в мире ином, но уверяю вас — демоны Бастарда сожрут первого, кто назовет меня иначе, чем провинкара. Стойте на своем, мой милый, и не позволяйте врагам усомниться в вашей твердости.

По лицу кузины хозяйки замка было видно, что она не одобряет слов своей родственницы. Да и Кэсерил счел благоразумным не уточнять, что по закону титул провинкары теперь принадлежит невестке хозяйки, поскольку провинкаром после смерти отца стал их сын. Впрочем, скорее всего, и сам нынешний провинкар не рисковал огорчать собственную мать, напоминая ей, что времена изменились, а с течением лет меняется все.

— Вы всегда оставались для меня центром вселенной, ваша светлость, как бы далеко от этого центра я ни находился, — проговорил Кэсерил.

— А вот это уже лучше, — одобрительно кивнула провинкара. — Мне нравятся мужчины, умело распоряжающиеся своими мозгами.

И, обратившись к коменданту, она произнесла:

— Ди Феррей! Принесите кастиллару кресло. И

возьмите еще одно себе — не торчать же вам там одинокой вороной!

Комендант, явно привыкший к такому обращению, улыбнулся и пробормотал:

— Конечно, ваша светлость.

Он принес резное кресло для Кэсерила, почтительно проговорив: *Не угодно ли присесть моему господину?* после чего из соседней залы принес кресло для себя и сел, поставив его в некотором отдалении от хозяйки замка и ее гостя.

Кэсерил поднялся с колен и уселся в кресло. Благословенны удобства цивилизации!

— Как я понял, у вас гостят принц и принцесса, ваша светлость! Я видел их возвращающимися с прогулки, когда пришел в замок. Я не рискнул бы побеспокоить вас, если бы знал, у вас в доме остановились столь высокие гости!

Он точно не рискнул бы!

— Они здесь не гости, кастиллар. Они у меня живут. Валенда — тихий, чистый городок, но… но моя дочь не вполне здорова. И ей здесь гораздо комфортнее, чем при этом сумасшедшем королевском дворе. Слишком много суеты и беспокойства.

Усталость и озабоченность промелькнули в ее взоре.

О Боги! Неужели и леди Иста здесь? Вдовствующая королева Иста — поправил себя Кэсерил. Когда он впервые появился в Баосии, совсем наивным и неоперившимся юнцом, младшая дочь провинкары Иста казалась ему совершенно взрослой женщиной, несмотря на то что была старше Кэсерила всего на несколько лет. К счастью, и в столь несознательном возрасте он был достаточно неглуп, чтобы никому не открыть тайну своей влюбленности в эту красавицу. Брак с королем Иасом (его второй брак, ее — первый), несмотря на значительную разницу в возрасте, казался естественной наградой ее неземной прелести. Кэсерил, да и вообще все вокруг ждали, что она вскорости овдовеет, хотя никто не предполагал, что это произойдет столь поспешно.

Провинкара же, сбросив с себя усталось щелчком пальцев, спросила:

— А как вы? Последнее, что я слышала о вас, так это то, что вы были посланником провинкара Гвариды!

— Это было… некоторое время назад, ваша светлость!

— Так как вы здесь оказались?

Она оглядела Кэсерила с ног до головы.

— И где ваш меч?

— А, это…

Автоматически он тронул бедро, где, увы, не было ни меча, ни перевязи, на которой обычно висит оружие.

— Я потерял его при… Когда маршал ди Джиронал повел войска короля Орико на Северный берег, чтобы провести зимнюю кампанию… да, это было три года назад, он сделал меня комендантом крепости Готоргет. Когда же маршал был вынужден отступить, нам пришлось девять месяцев держать оборону против армии рокнарийцев. Обычные дела, вы же понимаете! Клянусь, во всей крепости не осталось ни одной крысы, которая избежала бы шампура, но потом пришла весть, что ди Джиронал заключил с рокнарийцами перемирие, и нам было приказано сложить оружие и выйти из крепости, которая досталась нашим врагам.

Он слабо улыбнулся, погладив колено левой ладонью.

— Единственным утешением для меня, — продолжил Кэсерил, — было то, что, по соглашению, за наш замок принц Рокнари выплачивал нам триста тысяч роялов. Кроме того, мы получили компенсацию за потери, понесенные во время девятимесячной обороны.

Пустяшная компенсация за жизни, которые мы потеряли.

— Рокнарийский генерал потребовал, чтобы я отдал ему меч моего отца. Сказал, что повесит его у себя в палатке, в память обо мне. Тогда-то я и расстался со своим оружием. А после этого…

Кэсэрил на мгновение погрузился в себя, и голос его задрожал. Но, откашлявшись, он продолжал:

— Там произошла какая-то ошибка. Кто-то что-то напутал. Когда прибыл список тех, за кого готовы заплатить выкуп, и сами ящики с роялами, оказалось, что моего имени в списке нет. Рокнарийский интендант клялся, что ошибки быть не могло, потому что деньги считали по количеству голов… И тем не менее ошибка произошла. Всех моих офицеров выкупили, а меня со всеми прочими этапом погнали в Виспинг, где и продали корсарам на галеры.

Провинкара глубоко вздохнула, а комендант, который по мере того, как Кэсерил продолжал рассказывать свою историю, все ближе и ближе склонялся к нему со своего кресла, выпалил:

— И вы, конечно, протестовали!

— Еще бы! Клянусь всеми пятью Богами. Протестовал весь путь до Виспинга. Протестовал, когда меня затащили на галеру и приковали

цепями к веслу. Я протестовал, когда мы первый раз вышли в море, а потом… потом я научился воздерживаться от протестов.

Он вновь улыбнулся. Слова были для него словно маска для печального клоуна. К счастью, никто этого не заметил.

— Я был то на одном судне, то на другом… и довольно долго.

Девятнадцать месяцев и восемь дней, как он посчитал потом. Тогда же он один день был не способен отличить от другого.

— А затем, — продолжил он, — мне крупно повезло, потому что за моим корсаром погнался флот короля Ибры. Уверяю вас, волонтеры Ибры гребли лучше, чем мы, и вскоре догнали нас.

Отчаявшиеся уйти от погони рокнарийцы обезглавили двоих гребцов за то, что те якобы намеренно бросили весла. Один из несчастных все несколько последних месяцев был соседом Кэсерила по банке. Капли его крови попали Кэсерилу на губы, и он все еще чувствовал ее вкус — особенно когда начинал об этом думать. Он и сейчас ощущал ее остро-соленый вкус на своих губах. Когда ибранцы захватили корабль, они привязали к корме своих кораблей еще полуживых рокнарийцев веревками, сделанными

из их же кишок, и тащили по морю, пока тех не сожрали акулы. Некоторые из освобожденных галерных рабов вызвались грести, но Кэсерил не смог. Он был так измотан последней гонкой, что еще немного и его выбросили бы за борт как совершенно бесполезное существо. Поэтому он просто опустился на палубу и плакал, мышцы же его все это время сводила судорога.

— Добрые ибранцы, — продолжал Кэсерил, — ссадили меня на берег в Загосуре, где я и проболел несколько месяцев. Вы же знаете, что происходит с человеком, если он долго жил в напряжении, а потом оно сошло на нет. Можно вернуться в состояние… полного, бессмысленного детства.

Он, словно извиняясь, окинул взором комнату. В его случае это был полный отказ всего организма, лихорадка, а потом, когда его спина поджила, на него напали дизентерия и горячка.

И все время он безудержно плакал. Плакал, когда служка в приюте Храма Материнского Милосердия в Загосуре предлагал ему пообедать. Плакал, когда восходило солнце. Плакал, когда садилось. Даже когда он случайно сталкивался в коридоре приюта с кошкой, он начинал рыдать. Рыдал, когда его отправляли спать. В любое время, без всяких видимых и невидимых причин.

— Я нашел временное убежище в приюте Храма Материнского Милосердия, а потом, когда мне стало лучше…

То есть когда слезы у него почти иссякли, и монахи решили, что он не сумасшедший, а просто нервный…

— …когда мне стало лучше, они дали мне денег, и я пошел сюда. Три недели пути.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Кэсерил посмотрел на провинкару и увидел, что губы ее исказил гнев. Ужас скрутил его внутренности.

— Ваш замок был единственным местом, о котором я подумал, — поспешно проговорил он тоном извинения. — Простите меня, мне очень жаль!

Комендант щумно выдохнул и откинулся на спинку кресла, во все глаза глядя на Кэсерила. То же самое сделала и кузина провинкары.

Вибрирующим голосом провинкара провозгласила:

— Вы — кастиллар ди Кэсерил! Они должны были дать вам коня. Они должны были дать вам эскорт!

Кэсерил всплеснул руками, и в этом жесте страх боролся с несогласием.

— Нет, нет, моя госпожа! Они… они сделали для

меня достаточно много.

Он понял, что провинкара гневается *не на него*. О Господи! Горло сдавило, комната в его глазах закачалась. *Нет! Только не здесь!* Он решил не откладывать.

— Я хотел бы предложить вам свои услуги, ваша светлость, если вы найдете, как меня использовать. Признаюсь, пока я способен не на многое. Но только пока.

Провинкара устроилась поудобнее, положив подбородок на тыльную сторону руки, и изучающе посмотрела на Кэсерила. Через мгновение она произнесла:

— Когда-то, в бытность пажом, вы замечательно играли на лютне.

— О! — произнес Кэсерил, а его скрюченные мозолистые руки попытались спрятаться друг в друге.

Он улыбнулся, положил ладони на колени и сказал извиняющимся тоном:

— Увы, моя госпожа, только не сегодня.

Провинкара наклонилась вперед и бегло осмотрела его покореженную левую руку. Затем, поджав губы, вернулась в обычную свою позу и проговорила:

— А еще, как я помню, вы прочитали все книги

в библиотеке моего мужа. Начальник придворной службы пажей за это жаловался на вас, но я велела ему оставить вас в покое. Насколько я понимаю, вы собирались стать поэтом.

Кэсерил не был уверен даже в том, сможет ли его правая рука удержать перо.

— Я полагаю, когда я ушел на войну, я спас Шалион от изрядного количества плохой поэзии, — сказал он.

Привинкара пожала плечами.

— Да, кастиллар, вы меня озадачили. Я не уверена, что в бедной Валенде есть достаточно должностей, которые вы могли бы занять. Придворный, армейский капитан, комендант замка, посланник…

— Увы, с тех пор, как умер король Иас, я перестал быть придворным. В качестве капитана я помог проиграть сражение за Далус…

После чего почти год гнил в казематах Браджара.

— …как комендант замка я не выдержал осады, а когда я служил посланником, меня дважды чуть не повесили — как шпиона.

Он на мгновение задумался. *И три раза пытали за то, что пославший его нарушил соглашения.*

— Что я умею теперь? — продолжил Кэсе-

рил. — Грести веслом. И знаю пять способов приготовления крысы.

Я и сейчас не отказался бы от хорошей порции крысятинки.

Он не знал, что именно провинкара читает в его глазах. Может быть, то, насколько сильно он вымотан. А может быть, то, насколько голоден. Наверное, последнее, потому что провинкара ехидно улыбнулась.

— Отужинайте с нами, кастиллар! Хотя я и не уверена, что мой повар сможет попотчевать вас рагу из крыс. Нынче в Валенде не сезон. А я тем временем подумаю о вашем деле.

Не доверяя голосу, Кэсерил склонил голову в благодарном поклоне.

Поскольку все еще продолжалась зима, обедали в полдень, в торжественной обстановке, в главном зале замка. Обед был обилен и разнообразен. Ужин же накрывали с меньшей помпезностью и, следуя введенным провинкарой правилам экономии, из того хлеба и мяса, что оставались от обеда. Впрочем, отсутствие разнообразия в блюдах хозяйка дома с избытком и щедро воспол-

няла разнообразием изысканных вин из погребов замка. Летом, когда окружающие замок равнины дрожали от источаемой раскаленной землей жары, все было наоборот: днем перекусывали на скорую руку, зато после захода солнца наедались вволю, расположившись под светом ламп в прохладном внутреннем дворике замка. Такого же правила придерживались все жители Баосии, независимо от титула и должности.

В небольшом зале в новой пристройке, совсем недалеко от кухни, за столом собралось всего восемь человек. В центре стола устроилась сама провинкара, посадив Кэсерила на почетное место справа от себя. Кэсерила немало смутило присутствие самой принцессы Изелль, которая сидела слева от хозяйки, а также принца Тейдеса, который устроился напротив принцессы. Он несколько успокоился, когда принц, чтобы скоротать время, принялся бросаться хлебными шариками в свою старшую сестру — занятие, которое его бабушка прекратила одним только строгим взглядом. Принцесса метнула в брата огненно-яростный взгляд, но внимание ее отвлекла Бетрис, устроившаяся рядом с братом, чуть наискосок от Кэсерила.

Бетрис с плохо скрываемым любопытством,

хотя и дружески, улыбнулась гостю, показав ямочку на щеке, и уже хотела что-то сказать, как тут слуга принялся обходить стол с большим сосудом для омовения рук. Теплая вода была ароматизирована вербеной. Руки Кэсерила дрожали, и он уже не смог скрыть этого, хоть и поспешил воспользоваться мягким льняным полотенцем. Кресло прямо напротив него оставалось пустым.

Кэсерил кивнул в его сторону и спросил провинкару безразличным тоном:

— Присоединится ли к нам вдовствующая королева, ваша светлость?

Провинкара нахмурилась.

— Иста нездорова, к сожалению… Она ужинает у себя.

Кэсерил почувствовал на мгновение воцарившуюся за столом неловкость и решил, что узнает позже, что беспокоит провинкару и как обстоят дела у ее дочери. Реакция хозяйки указала на какую-то давнюю, долго длящуюся и слишком болезненную причину, которую не следовало обсуждать за столом. Скоро случившееся вдовство избавило Исту от опасностей, которые подстерегают молодых рожениц, но у нее могли возникнуть не менее серьезные проблемы, часто посещающие женщин в более зрелые годы…

Иста стала второй женой короля тогда, когда тот уже перевалил рубеж середины земной жизни, а его сын, Орико, был зрелым мужчиной. В те недолгие годы, что Кэсерил провел при дворе короля Шалиона, он мог наблюдать за королевой исключительно на расстоянии, но она выглядела счастливой, по крайней мере в присутствии монарха. Иас души не чаял в крошке Изелль и Тейдесе, который постоянно сидел у кормилицы на руках.

Счастье королевской четы было омрачено предательством лорда ди Лютеза, которое, как говорили многие проницательные люди, и ускорило кончину короля, не сумевшего справиться с гневом и печалью. Кэсерил так и не решил для себя, имела ли болезнь вдовствующей королевы, которая и заставила ее покинуть двор своего пасынка, некую политическую подоплеку. Но новый король, Орико, как об этом говорили все, выказывал максимальную степень уважения к своей мачехе и был необычайно добр по отношению к сводной сестре и брату.

Чтобы заглушить урчание в пустом животе, Кэсерил закашлялся и обратил свой взор на солидного господина, сидящего на краю стола — видимо, старшего воспитателя принца. Цар-

ственным кивком головы провинкара поручила именно ему прочитать молитву, в которой сидящие за столом благодарили Святое Семейство за пищу, которая вот-вот должна была появиться в зале. Кэсерилу не терпелось поскорее стать свидетелем ее появления. Тем временем разрешилась и тайна пустого кресла — вошел запыхавшийся комендант сэр ди Феррей и, пробормотав извинения за опоздание, уселся напротив Кэсерила.

— Меня задержал священник ордена Бастарда, — объяснил он, в то время как слуги обносили гостей хлебом, мясом и сушеными фруктами.

Кэсерил, едва сдерживаясь, чтобы не наброситься на еду подобно голодной собаке, кивнул, произнес нечто неопределенное и отправил в рот первый кусок.

— В высшей степени велеречивый и нудный молодой человек, — сказал ди Феррей.

— И что они требуют сейчас? — спросила провинкара. — Что-нибудь для их приюта? На прошлой неделе мы послали им целый обоз. У слуг больше не осталось старой одежды, все отправили для их подкидышей.

— Им нужны кормилицы.

— Только не из моих людей, — скептически хмыкнула провинкара.

— Разумеется! Но он просил передать именно это. Храм надеется, что у кого-нибудь из живущих в замке есть подходящая родственница, способная из милосердия принять участие в судьбе несчастных младенцев. На прошлой неделе они вновь нашли подкидыша на заднем крыльце Храма, и ожидают еще. Такое уж нынче время года!

Орден Бастарда, следуя правилам своего божественного покровителя, спасал подкидышей круглогодично. Также, вне зависимости от времени года, он заботился и о законнорожденных детях, рано потерявших родителей. Вообще-то, как думал Кэсерил, Бог, у которого в услужении находится столько могущественных демонов, мог бы и более успешно выколачивать из разных состоятельных людей пожертвования для своих храмовых приютов.

Он осторожно разбавил вино водой — преступление по отношению к виноградной лозе, но, если бы он на пустой желудок выпил чистого вина, оно непременно ударило бы в голову. Провинкара, заметив это, одобрительно кивнула, вступила в спор по этому поводу со своей кузиной и, доказав ей, что все достойные люди смешивают благородный сок винограда с чистой ключевой водой, тут же опрокинула в себя полбокала нераз-

бавленного.

Сэр ди Феррей между тем продолжал:

— У священника была и хорошая новость. Догадайтесь, кто умер прошлой ночью?

— И кто же?

— Сэр ди Наоза, знаменитый дуэлянт.

Кэсерилу имя умершего ничего не говорило, а вот провинкара одобрительно хмыкнула.

— Давно пора, — сказала она. — Отвратительный тип. *Я* его не принимала, хотя наверняка были идиоты, которые были к нему благосклонны. И что, он недооценил очередную жертву? Я хотела сказать, очередного противника?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное. Похоже, он был убит с помощью магии смерти.

Умелый рассказчик, ди Феррей сделал паузу и, пока встревоженный шепот облетал стол, со вкусом пригубил вина. Кэсерил же перестал жевать.

— Храм собирается расследовать тайну его смерти? — спросила принцесса Изелль.

— Никакой тайны там нет, — ответил комендант. — Скорее трагедия. Около года назад ди Наозу на улице случайно толкнул единственный сын провинциального торговца шерстью. Результат был самым обычным. Ди Наоза утверждал, что у них была нормальная дуэль, но нашлись

свидетели, посчитавшие это самым грязным убийством. Впрочем, когда безутешный отец попробовал привлечь убийцу к суду, все они как сквозь лед провалились. Поговаривали, что и судья был не вполне справедлив и объективен, хотя, не исключено, все это — сплетни.

Провинкара недовольно хмыкнула, Кэсерил же, проглотив кусок еды, попросил:

— Продолжайте, пожалуйста.

Почувствовав поддержку, комендант вновь заговорил:

— Этот торговец был вдовцом, и погибший был не только его единственным сыном, но и вообще единственным ребенком. К тому же юноша собирался жениться. И это, в свою очередь, подлило масла в огонь. Магия смерти — отвратительное и недостойное занятие, но я не могу отказать в сочувствии бедному торговцу. То есть, конечно, достаточно богатому, но уже немолодому и неспособному овладеть искусством дуэлянта настолько, чтобы успешно противостоять убийце сына. Поэтому он и обратился к тому, что, как он полагал, было для него единственным средством. Весь последующий год изучал магию. Забросил дело. Кстати, люди в Храме в толк не возьмут, где он взял пособия! И наконец прошлой ночью

отправился на заброшенную мельницу в семи милях от Валенды и попытался вызвать демона. И что вы думаете? У него получилось. Клянусь Бастардом! Тело этого торговца было найдено сегодня утром.

Если Отец Зима, как Бог справедливости, покровительствовал всем умершим в должное время года, то Бастард, в дополнение ко всем ужасам, которые входили в зону его ответственности, был еще и Богом палачей. А также и прочих, не менее отвратительных профессий и занятий. Похоже, торговец заключил удачную сделку. Кэсерил неожиданно почувствовал, как записная книжка, которую он все еще держал в кармане жилета, словно налилась свинцом. А вдруг она прожжет дыру в ткани и его одежда вспыхнет? Слава Богам, все это — только воображение!

— Что качается меня, то я ему вовсе не сочувствую, — сказал принц Тейдес. — Только трус способен на тайное убийство.

— Но чего иного можно ждать от торговца? — резонно заметил его наставник. — Людей этого сорта не обучают кодексу чести, коим владеет истинный джентльмен.

— Но все равно, это очень грустно, — покачала головой Изелль. — Я имею в виду несостоявшу-

юся женитьбу.

Тейдес фыркнул.

— Вечно эти девчонки говорят про женитьбу! — усмехнулся он. — Вопрос в том, что является большей потерей для королевства — какой-нибудь торговец, который озабочен лишь собственной выгодой, или же искусный дуэлянт, способный стать своему королю хорошим воином?

— Увы, это не так. По опыту знаю: между дуэлянтом и воином огромная разница, — сухо сказал Кэсерил.

— Что вы имеете в виду? — обратился к нему Тейдес.

Застигнутый врасплох, Кэсерил смешался и пробормотал:

— Простите, я поспешил со своим мнением.

— И все-таки в чем разница? — настаивал Тейдес.

Провинкара, легко постучав пальчиком по скатерти, бросила на Кэсерила взгляд, смысл которого расшифровать он был не в состоянии.

— Объясните, кастиллар! — попросила она.

Кэсерил пожал плечами и, отвесив легкий поклон в сторону юноши, проговорил:

— Суть в том, принц, что хороший воин убивает своих врагов, а хороший дуэлянт — друзей. Кого

из них предпочтет иметь в своем лагере умный генерал?

— Понял, — сказал Тейдес и задумался.

Вероятно, можно было не спешить с передачей записной книжки умершего в руки соответствующих властей. Завтра, на досуге, Кэсерил зайдет в Храм Святого Семейства в Валенде и отдаст ее какому-нибудь из тамошних служителей. Записи, кстати, придется расшифровать. Большинство, в отличие от Кэсерила, считало такого рода головоломки трудными или скучными. Ему же нравилось это занятие, он на нем отдыхал душой и умом. Кстати, он может предложить Храму свои услуги в деле расшифровки этой тайнописи. Он тронул то место на своей одежде, где прощупывалась записная книжка, и понял, как правильно он сделал, помолившись за погибшего перед тем, как пламя погребального костра охватило его тело.

Бетрис, приподняв брови, спросила:

— А кто был судья, папа?

Комендант, некоторое время поколебавшись, пожал плечами и сказал:

— Достопочтенный Врез.

— Понятно, — хмыкнула провинкара. — Он самый!

Она сморщила нос — так, словно до нее долетел неприятный запах.

— А что, дуэлянт ему угрожал? — поинтересовалась принцесса. — Он же мог… мог позвать на помощь! Мог арестовать ди Наозу.

— Я думаю, ди Наоза был достаточно умен, чтобы не угрожать судье. Хотя не исключено, что ему удалось запугать свидетелей. А к судье, я думаю, он нашел более мирный подход.

Отправив в рот кусочек хлеба, комендант сделал большим и указательным пальцами правой руки жест — так обычно намекают на денежные дела и особенно на дачу взятки.

— Если бы судья честно и по справедливости исполнил свои обязанности, торговцу не нужно было бы обращаться к магии смерти, — медленно сказала Изелль. — А теперь, вместо одного, двое мертвы и прокляты… К тому же, если бы ди Наозу приговорили к смерти, перед встречей с Богами он мог бы очистить свою душу. Но почему, если все это всем известно, этот человек продолжает исполнять обязанности судьи? Бабушка! Разве ты не можешь что-то сделать?

Провинкара нахмурилась.

— Назначение судей не входит в мои полномочия, дорогая, — сказала она. — Как и их смещение.

Хотя если бы это было так, они бы работали много лучше, уверяю тебя.

Она пригубила вина и ответила на недоумевающий взгляд внучки:

— В Баосии у меня значительные привилегии, но почти никакой власти.

Изелль бросила взгляд на брата, потом на Кэсерила, после чего повторила вопрос, который Тейдес несколькими минутами раньше задал Кэсерилу:

— И в чем разница?

— Власть дает право править и обязанность защищать. Привилегии — право быть защищенным, — ответила провинкара. — Между словами *провинкар* и *провинкара* разница больше, чем в одну букву.

Тейдес ухмыльнулся:

— Как и между словами *принц* и *принцесса*!

Изелль бросила на брата негодующий взгляд:

— И как ты собираешься сместить коррумпированного судью, ты, мальчик с привилегиями?

— А ну-ка, прекратите, вы оба! — сурово приказала провинкара, и ее голос был голосом бабушки. Кэсерил спрятал улыбку. В этих стенах она была королевой, и правила она здесь на основе закона, который был гораздо старше всех законов

Шалиона. Это было маленькое государство в государстве.

Слуги внесли сласти, сыр и вино из Браджара, и разговор обратился на менее мрачные предметы. Кэсерил, изголодавшись за долгие месяцы, наконец-то насытился, вовремя остановившись, чтобы не навредить желудку. Правда, чудесное золотистое десертное вино, которого он выпил целый стакан, не разбавляя, едва не бросило его в слезы, но он хоть и с трудом, но сдержался.

В конце ужина вновь была вознесена благодарственная молитва, после чего наставник утащил принца заниматься, а Изелль и Бетрис отправили заниматься рукоделием. Они едва ли не галопом выбежали из зала, а за ними, более неспешно, проследовал комендант замка.

— И они действительно шьют и вяжут? — спросил Кэсерил провинкару, бросив взгляд вослед улетающим юбкам.

— Большую часть времени они сплетничают и хихикают, пока мне не надоест. Но, по правде говоря, руки у них пришиты правильно.

Губы ее были сурово сжаты, хотя в глазах светилась теплота.

— Ваша внучка — чудесная молодая особа, — проговорил Кэсерил.

— В определенном возрасте, Кэсерил, все особы женского пола начинают казаться мужчине чудесными. Это первый симптом приближающейся старости.

— Не стану спорить, моя госпожа, — ответил Кэсерил.

— Она замучила уже двух гувернанток, и, похоже, третья тоже на последнем издыхании, если судить по жалобам этой несчастной. И тем не менее…

Провинкара заговорила медленно и веско.

— …тем не менее ей нужно научиться быть сильной. Однажды ей придется покинуть меня. И мне уже не удастся ни помочь ей, ни защитить…

Привлекательной, свеженькой юной принцессе была предназначена судьба скорее игрушки, чем игрока. Ее цена, цена возможной брачной партии, могла в политическом или финансовом смысле быть чрезвычайно высокой, но это не означало, что ее брак обязательно станет удачным и в более человеческом, интимном смысле. Вдовствующая провинкара была счастлива в семейной жизни, но за свои долгие годы она имела возможность увидеть, насколько по-разному могут складываться брачные отношения в семьях сильных мира сего. Не пошлют ли Изелль на

край света, в Дартаку? А может быть, ей придется выйти за какого-нибудь кузена из родственно-близкого Браджара? И, конечно, не дайте Боги, чтобы она стала разменной монетой в отношениях с рокнарийскими правителями. Обеспечит на время краткий мир, потом проведет остаток дней в ссылке на островах Архипелага.

Провинкара изучающе смотрела на Кэсерила в свете свечей, которые она предпочитала всем прочим источникам света.

— Сколько вам лет, кастиллар? — спросила она. — Мне кажется, вам было всего тринадцать, когда ваш отец прислал вас служить моему дорогому провинкару.

— Именно так, ваша светлость. Мне тридцать пять.

— Вот как? Тогда вам следует немедленно сбрить с лица эти ужасные заросли. Они делают вас лет на пятнадцать старше.

Кэсерилу хотелось мрачно пошутить насчет того, что на рокнарийских галерах год идет за три, а то и за четыре, но не стал. Вместо этого он сказал:

— Надеюсь, я не расстроил принца своей пустой болтовней, моя госпожа!

— Вы заставили Тейдеса задуматься и не молоть

чепуху попусту. Его наставнику такое нечасто удается сделать.

Провинкара постучала кончиками пальцев по скатерти и допила свое вино. Поставив стакан на стол, она произнесла:

— Не знаю, в какой таверне вы делите комнату с тамошними блохами, кастиллар, но я хочу отправить туда пажа за вашими вещами. А вас я приглашаю переночевать у меня в замке.

— С искренней благодарностью принимаю ваше приглашение, ваша светлость.

Слава Богам, всем пятерым! Он устроен, по крайней мере на время! Смущенный, он некоторое время поколебался, после чего сказал:

— Но посылать пажа нет необходимости, ваша светлость.

Провинкара вскинула брови.

— А на что они тогда нужны? Вы что, забыли, в чем состоят их обязанности?

— Нет, конечно, но…

Он улыбнулся и, жестом указав на свой костюм, закончил:

— Это все мои вещи.

Увидев боль в ее глазах, он добавил негромко:

— Когда я высадился на берег в Загосуре, у меня было и того меньше.

Тогда на нем была лишь грязная набедренная повязка, а всю кожу покрывала короста. При первой возможности служители приюта, где он оказался, сожгли его повязку.

— Тогда мой паж проводит вас в ваши покои… — произнесла провинкара, аккуратно выговаривая слова и не сводя с Кэсерила проницательного взора.

— …милорд кастиллар, — добавила она и встала.

Ее кузина встала вместе с ней.

— О делах поговорим завтра, — сказала она и, кивнув, вышла.

Покои, отведенные Кэсерилу, находились в старом здании, зарезервированном для наиболее почетных гостей. Здесь было не так удобно, но зато ночевавшие здесь люди проникались сознанием того, что спят на кроватях, где когда-то почивали великие короли прошлого. Кэсерил сам сотни раз обслуживал здесь знатных посетителей замка провинкара. На кровати громоздились три матраса — солома, перо и пух, а поверх было постелено тончайшее белье и покрывало, со-

тканное нежными ручками местных дам. Паж не успел оставить его, как явились две горничные, принесшие воду для умывания, воду для питья, полотенца, мыло, зубочистки, расшитую ночную сорочку, колпак и шлепанцы. Сам Кэсерил собирался спать в сорочке, снятой с мертвеца.

Все, что произошло и происходило, полностью выбило Кэсерила из седла. Сев на край кровати с сорочкой в руках, он разрыдался, после чего жестом отослал пажа и горничных.

— Что это с ним? — услышал он голос служанки, когда троица скрылась за дверью и затопала прочь по коридору.

— Какой-то чокнутый, как мне кажется, — ответил паж.

И через некоторое время, уже из отдаления, слабо донесся голос служанки:

— Тогда он попал куда надо…

3

Кэсерила разбудили звуки обычной предутренней суеты: во внутреннем дворике замка кто-то звал слуг, позвякивали горшки на кухне. Он открыл глаза и на мгновение, не поняв, где находится, испугался. Но нежные объятья пуховой перины заставили его вновь забыться в полусне. Да, это не та жесткая скамья, на которой ему приходилось спать последние восемнадцать месяцев. И ее не бросает вверх и вниз морская волна. И вообще никакого вокруг движения. Такова, вероятно, жизнь на небесах. И так тепло и покойно, что даже не болит исполосованная спина.

Празднование Дня Дочери должно продлиться от рассвета до заката. Наверное, он еще поваляется в постели, пока население замка не отправится для участия в общей процессии, а потом встанет.

Бездельно поболтается по замку, погреется на солнце, составив компанию замковым кошкам. Если проголодается, то, как и во времена своей пажеской жизни, проберется на кухню и уговорит повара дать ему что-нибудь, чтобы заморить червячка.

Негромкий стук в дверь прервал эти приятные размышления. Кэсерил напрягся и сразу же успокоился, услышав голос леди Бетрис.

— Милорд ди Кэсерил! Вы уже проснулись?

Мгновение тишины, и вновь:

— Кастиллар?

— Одну секунду, моя госпожа! — отозвался он. Подкатившись к краю кровати, он с сожалением расстался с нежной поверхностью матраса. Тканый ковер защитил его босые ноги от холода, источаемого каменным полом. Прикрыв ноги ночной сорочкой, он подошел к двери и открыл ее.

— Я к вашим услугам, моя госпожа!

Бетрис стояла в коридоре, держа в одной руке лампу из дутого стекла, с горящей внутри свечой, а в другой — некий сверток из ткани, кожаных ремней и чего-то еще, что позвякивало внутри. Она была полностью одета: голубое платье и белый плащ, ниспадающий к ногам, волосы,

убранные в косы и перевитые цветами и свежими листьями; бархатные карие глаза ее, в которых отражалось пламя свечи, светились весельем. Кэсерил не мог удержаться от ответной улыбки.

— Их светлость провинкара поздравляет вас со святым Днем Дочери! — провозгласила Бетрис и заставила Кэсерила едва ли не отпрыгнуть назад, резким движением раскрыв широко дверь. Войдя, она протянула ему лампу, а сама, проговорив: *Вот, это для вас*, бросила свою ношу на постель — нечто из белой и голубой ткани, а также меч на кожаном ремне. Кэсерил установил лампу на шкафчике, стоящем в ногах постели.

— Она прислала вам этот костюм, и, если он вам понравится, она просит вас присутствовать на общей утренней молитве в зале предков. После этого мы соберемся за праздничным завтраком, и вы, как она сказала, знаете, где это будет происходить. Пост кончился.

— Конечно, моя госпожа!

— А меч я попросила у своего отца. Это его второй меч. Папа сказал, для него это большая честь — предложить его вам.

Бетрис с нескрываемым любопытством рассматривала Кэсерила.

— А это правда, что вы участвовали в войне?

— Гм… В которой?

— Так их что, было много?

Глаза ее расширились, потом сузились.

Во всех войнах, что случились за последние семнадцать лет, как мне кажется. Последнюю кампанию против Ибры он пропустил, потому что сидел в казематах Браджара. Не участвовал он и в дурацкой экспедиции, которую король послал на помощь Дартаке — послал, толком не подумав, потому что все это время его беспрестанно осаждали рокнарийцы, с которыми так неумело торговался провинкар Гвариды. Кроме этих двух войн, вряд ли в обозримом прошлом были поражения, в которых он не участвовал.

— Было несколько, — уклончиво ответил он, и вдруг его пронзила ужасная мысль: между его наготой и глазами этой девушки нет почти ничего, кроме тонкого слоя льняной ткани. Он отшатнулся, скрестил руки на животе и слабо улыбнулся.

Она проследила за его жестом.

— О! Неужели я вас смутила? Но папа говорит, что солдатам несвойственна стеснительность, поскольку они долгое время живут бок о бок в открытом поле.

Она смотрела в его лицо, и ее глаза обжигали.

— Я стеснялся не себя, моя госпожа, а вас.

— Не беспокойтесь, со мной все в порядке! — улыбнулась Бетрис.

Но она все не уходила, и в упор смотрела на Кэсерила.

Он кивнул в сторону принесенных ею одежд.

— Я не хотел мешать семейному празднеству, — произнес он. — Вы уверены…

Бетрис нетерпеливо всплеснула руками и вложила в свой взгляд всю свою силу.

— Но вы просто должны участвовать в процессии и обязаны прийти в Храм на обряд подношения даров! Принцессе Изелль поручено в этом году исполнять роль Дочери!

Бетрис от нетерпения не могла устоять на одном месте.

Кэсерил покорно улыбнулся.

— Хорошо, если вы этого хотите! — сказал он.

Ну как он мог отказать себе в таком удовольствии? Принцессе Изелль, вероятно, шел шестнадцатый год. А интересно, сколько лет леди Бетрис? *Слишком молода для тебя, старина!* Но он ведь может любоваться ею исключительно из эстетических соображений и получать удовольствие, лицезрея молодость, красоту и энергию дочери коменданта. Она — как цветок — делает краски этого мира ярче!

— И кроме того, — не унималась Бетрис, — об этом вас просит сама провинкара.

Кэсерил, намекая на то, что пора бы ей уйти и дать ему одеться, зажег свою свечу от ее свечи и передал лампу хозяйке. В свете сразу двух свечей Бетрис показалась ему еще более милой, а он ей, наверное, еще более уродливым и старым, подумал он. Она уже повернулась, чтобы пойти к двери, как Кэсерил вспомнил, что вечером накануне так и не получил ответ на свой вопрос.

— Подождите, моя госпожа! — произнес он.

С любопытством во взоре Бетрис повернулась к нему.

— Я не хотел беспокоить провинкару или задавать эти вопросы при принце и принцессе, но что так печалит королеву Исту? Я не хотел бы, не зная всех обстоятельств, вдруг сказать какую-нибудь глупость…

Свет в глазах Бетрис несколько угас. Она пожала плечами.

— Она… она очень устала. И нервничает. Только и всего. Мы все надеемся, что ей полегчает, когда на небесах будет больше солнца. Летом она всегда чувствует себя лучше.

— Давно ли она живет у матери?

— Последние шесть лет, сэр!

И сделав ему реверанс, заявила:

— А теперь я должна спешить к принцессе Изелль. Опаздываю. И вы не опаздывайте, кастиллар!

И продемонстрировав ему ямочку на щеке, стрелой умчалась.

Кэсерил и представить себе не мог, чтобы эта молодая особа хоть куда-нибудь могла опоздать. Энергия ее была неистощимой. Покачав головой и чувствуя, что улыбка, которой Бетрис его одарила, все еще играет на его губах, он повернулся к постели, чтобы рассмотреть свое новое одеяние.

Похоже, в касте изгнанников и отщепенцев он занимал все более высокое положение. Его новая туника была из голубой парчи, панталоны — из тяжелого темно-синего льна, а белый, по колени, плащ был из тонкой шерсти. Вся одежда была отменной чистоты. Если на ней и имелись повреждения, то следы искусной штопки не заметил бы и самый искушенный глаз. Может быть, это был праздничный костюм ди Феррея, из которого он вырос, а может быть, это был наряд самого провинкара, аккуратно сложенный, упакованный и убранный много лет назад. Костюм был несколько более просторен, чем нужно, но что за беда! Повесив меч на левое бедро и чувствуя

его такую привычную (а может, и непривычную) тяжесть, он поспешил в зал предков.

Воздух во дворе замка был холодным и сырым, тонкие подошвы башмаков скользили по влажным камням. Высоко над головой тускло сияли последние звезды. Отворив дощатую дверь, Кэсерил заглянул внутрь. Фигуры людей, свечи. Неужели он опоздал? Скользнув в зал, он немного подождал, привыкая к полутьме.

Нет, не опоздал! Напротив, он пришел слишком рано. Перед семейным алтарем, на котором были установлены фамильные памятные скрижали, догорали с полдюжины свечей. На передней скамье сидели две женщины, закутанные в шали, и смотрели на третью.

Третьей была вдовствующая королева Иста, простершаяся перед алтарем ниц, раскинув руки по сторонам, и каждая клеточка ее тела выражала мольбу и покорность. Пальцы на ее руках сжимались и разжимались, и видно было, что ногти на них обкусаны до крови. Кто-то пытался набросить несколько шалей поверх ее ночной сорочки, чтобы защитить от утренней прохлады, но шали была сброшены и теперь лежали в беспорядке подле королевы. Копна когда-то золотистых волос, теперь потускневшая, раскинулась

вокруг головы Исты словно ореол. На мгновение Кэсерилу показалось, что Иста спит — настолько тихо и неподвижно она лежала. Но глаза на ее бледном лице — серые, немигающие и полные невыплаканных слез — были широко открыты.

Лицо королевы выражало глубочайшее горе. Кэсерил вспомнил лица людей, которые переживали горе и неимоверные страдания, были почти уничтожены телесно и душевно — будь то в казематах или же на галерах. Он вспомнил и свое лицо, которое увидел в полированном металле после того, как приютившие его служители приюта сбрили его бороду и предложили посмотреть на результат. Понятно было, что королева и близко не находилась к тому, что именуется казематами или галерами, никогда не чувствовала своей белой кожей удар кнута, и никто и никогда даже замахнуться на нее не посмел бы. *В чем же причина этого горя и этих страданий?* Кэсерил молча стоял, не в силах ни двинуться, ни произнести хоть слово.

Сзади раздался шорох шагов. Кэсерил обернулся и увидел вдовствующую провинкару, которую сопровождала ее кузина. Движением бровей провинкара поприветствовала Кэсерила, он ответил ей легким поклоном. Женщины в шалях,

прислуживавшие королеве, при приближении провинкары встали и присели в реверансе.

Провинкара прошла по проходу между рядами скамей и, подойдя к дочери, посмотрела на нее. Лицо провинкары оставалось при этом бесстрастным.

— Как давно она здесь лежит? — спросила она наконец.

Одна из женщин вновь присела в реверансе и сказала:

— Их величество встали ночью, ваша светлость. Мы сочли, что будет разумнее не препятствовать ее желанию спуститься сюда, согласно вашим распоряжениям…

— Да, да… — нервно отмахнулась провинкара от излишне пространных объяснений. — Она хоть поспала?

— Не больше двух часов, миледи!

Провинкара вздохнула и склонилась перед дочерью. Голос ее вдруг стал мягким, обычная властность ушла из ее интонаций, и впервые Кэсерил услышал в голосе провинкары знаки возраста.

— Иста, душа моя! Поднимайся и возвращайся в постель. Другие придут и помолятся за тебя.

Губы лежащей дрогнули, после чего она про-

шептала:

— Если Боги видят, если Боги слышат, но не говорят, это значит, что они отвернулись от меня, мама.

Несколько неуклюже провинкара принялась гладить дочь по голове.

— Другие будут молить Богов, дочь моя. Мы зажжем новые свечи и попробуем все с начала. А тебя отведут в постель. Ну, вставай же.

Лежащая глубоко вздохнула и нехотя поднялась с пола. Легким движением головы провинкара заставила служанок королевы подойти и помочь. Одна из женщин взялась поддерживать королеву, другая принялась собирать разбросанные по полу шали. Когда Иста проходила мимо Кэсерила, он пристально и с волнением вгляделся в ее лицо, но не нашел там следов болезни — ни желтых кругов под глазами, ни истощения. Иста же вряд ли даже заметила Кэсерила — незнакомый бородач, только и всего! Да и с чего ей его помнить? Он же был всего лишь одним из нескольких дюжин пажей, сновавших по баосийскому замку.

Когда дверь за дочерью закрылась, провинкара повернулась. Кэсерил стоял достаточно близко, чтобы услышать вырвавшийся из ее груди вздох облегчения.

Он поклонился настолько глубоко, насколько позволила ему его спина.

— Я благодарю вас за этот праздничный наряд, ваша светлость, — сказал он.

И, мгновение поколебавшись, продолжил:

— Если я могу хоть как-то помочь вам или королеве, вам нужно лишь приказать.

Повинкара улыбнулась, взяла Кэсерила за руку и, похлопав по тыльной ее стороне, промолчала. Затем подошла к восточным окнам и, распахнув шторы, впустила в комнату нежно-розовую мягкость утреннего неба.

Леди ди Хьюлтар тем временем задувала свечи и складывала их огарки в предназначенную для этого корзинку. Провинкара пригласила Кэсерила помочь ей заменить старые свечи новыми, из пчелиного воска. Когда свечи выстроились на алтаре перед памятными скрижалями, подобно строю солдат, провинкара отошла и удовлетворенно кивнула.

Тем временем стали прибывать домочадцы. Кэсерил занял место в стороне от прохода, на задней скамейке. Повара, слуги, конюхи, пажи, охотники, сокольничий, горничные, сам комендант — все в своих лучших одеждах с преобладающими синими и белыми тонами, входили и рассаживались

на скамьях. Леди Бетрис ввела принцессу Изелль, которая чувствовала себя несколько скованной в тщательно изготовленном, украшенном драгоценными камнями и вышивкой платье Госпожи Весны, роль которой ей предстояло сегодня играть. Девушки устроились на передней скамье и изо всех сил старались не хихикать над происходящим и всеми собравшимися. За ними в зал вошел священник из городского Храма Святого Семейства, также сменивший наряд — темные тона Отца сменились бело-голубыми тонами Дочери. Священник провел короткую службу, в своей молитве попросив Богов на грядущее время года оделить всех живущих миром и благополучием, а дорогих усопших, чьи имена значились на памятных скрижалях — покоем, после чего, как только первые лучи солнца пробрались в зал через восточные окна, завершил ритуал, загасив последнюю из оставшихся гореть свечей.

Все затем приступили к холодному завтраку, накрытому в замковом дворике. Завтрак был холодный, но обильный. Кэсерил вынужден был напомнить себе, что перед ним не стоит цель за день восполнить результаты трехлетнего голодания, но, тем не менее, когда во двор ввели белого мула принцессы, он уже успел хорошень-

ко подкрепиться и был готов к дальнейшим приключениям.

Белые и голубые тона доминировали и в убранстве мула. Слуги вплели свежие цветы в его гриву и хвост, а сбрую украсили символами Госпожи Весны. Изелль, одетую в священные одежды, с волосами, которые, подобно янтарному водопаду, стекали по ее плечам из-под короны листьев и цветов, подняли и усадили на седло, после чего расправили ленты и складки наряда. На этот раз была использована скамеечка и понадобилась помощь двух дюжих пажей. Священник, ухватившись за голубой шелковый повод, повел мула к воротам замка. Провинкара поднялась на мощного мерина — каштанового цвета, с белыми чулочками над копытами; ее коня вел в поводу сам комендант замка. Кэсерил, подавив отрыжку, по знаку коменданта занял позицию сразу после едущих верхом дам и галантно предложил свою руку леди Хьюлтар. Остальные домочадцы, также в пешем порядке, двинулись за ними.

Вся веселая компания проследовала по улицам города до старых восточных ворот, откуда и должна была начаться процессия. Там уже собралось несколько сотен человек, включая около пятидесяти верховых из гвардии Госпожи Весны,

которых вызвали из близлежащих городков и деревень. Кэсерил прошел прямо под носом того дюжего воина, который накануне по ошибке обронил не ту монету в грязь под ноги Кэсерилу, но этот здоровяк просто вежливо поклонился костюму и мечу вчерашнего незнакомца, так и не узнав его. Костюму, мечу, а еще бане и бритве цирюльника, подумал Кэсерил. *Как же все-таки нас ослепляет своим блеском поверхность окружающих нас вещей!* Боги, вероятно, смотрят в самую суть. А интересно, испытывают ли они при этом неловкость — так же, как иногда сам Кэсерил?

Процессия выстраивалась, и Кэсерил отбросил эти мысли. Священник передал повод мула старому джентльмену, избранному на роль Отца Зимы. Ритуал в честь Госпожи Весны был частью общего сценария, который исполнялся круглый год. В начале зимы юный Отец занимал трон Бога вместо обветшавшего Сына Осени, который, в свою очередь, принимал в свое время эстафету от Лета, а оно — от Весны. При этом, если новый молодой Бог бывал одет с иголочки, уходящего Бога наряжали в такие лохмотья, по сравнению с которыми вчерашнее одеяние Кэсерила выглядело свадебным нарядом. Так выглядел и Отец Зима, которому, кроме того, пеплом засыпали

волосы и босые ноги. Но это не помешало пожилому джентльмену в покрытом пеплом отрепье шутить с принцессой, которая весело смеялась. Гвардейцы встали за Дочерью Весной, и процессия, выйдя за городские ворота, двинулась в обход города, петляя, когда было необходимо, вокруг новых зданий, выстроенных за городской стеной. Храмовые служки растворились в процессии, чтобы петь вместе со всеми торжественный гимн и подсказывать демонстрантам правильные слова, вместо которых некоторые пытались вставить отсебятину.

Горожане, незанятые в процессии, исполняли роль праздничной толпы и бросали на дорожку, по которой вели белого мула, цветы и ароматные травы. Ближе всех стояли молодые незамужние женщины, которые, как только мул приближался к ним, бросались вперед, чтобы коснуться края одеяний Госпожи Весны; считалось, что так они получают шанс выйти этой весной замуж. Тронув край платья принцессы, они бежали назад, прыская от смеха. Погода, слава Богам, была отличной — не то что в одну из недавних весен, когда с неба обрушился дождь со снегом. Пройдясь в свое удовольствие вокруг города, процессия через восточные ворота вышла на

его центральную площадь, к Храму, стоящему в самом сердце города.

Леди ди Хьюлтар потащила Кэсерила в первые ряды, откуда принцесса, сойдя с мула, прошла в портик Храма. Все двинулись за ней. Кэсерил увидел рядом с собой леди Бетрис, которая, вытягивая шейку, старалась не упустить Изелль из виду. Он ощутил исходящий от нее запах цветов и трав, смешавшийся с теплым ароматом ее волос — ароматом самой весны. Толпа, напиравшая сзади, заставила их ускорить шаги и через широко раскрытые врата войти в Храм.

Косые тени утреннего солнца освещали плиты, которыми был выстлан храмовый дворик. Отец Зима подошел к центральному светильнику, в котором только что догорел священный огонь, собрал из него последний пепел и высыпал себе на голову и плечи. Тотчас же служки наполнили светильник свежими дровами, а священник благословил их. Джентльмен, усыпанный пеплом, отправился прочь со двора, сопровождаемый улюлюканьем, криками «брысь!» и звоном колокольчиков. Вслед ему бросали кругло скатанные комки шерсти, которые должны были символизировать снежки. Год, когда вслед Отцу Зиме бросали настоящие снежки, считался неудач-

ным.

Госпожа Весны, воплотившаяся в Изелль, должна была выйти вперед и зажечь новый огонь с помощью огнива. Она преклонила колени на специально приготовленную подушечку и самым очаровательным образом закусила губку, сосредоточившись на подготовке маленького костра из сухой древесины и священных трав. Все затаили дыхание. С тем, насколько быстро и со скольких попыток воплощение Госпожи Весны сможет зажечь светильник, связано было множество верований и предрассудков.

Быстрый удар, сноп искр — и вот уже новое пламя взлетело над светильником, раздуваемое свежим дыханием юной принцессы. Священник быстро наклонился, чтобы поджечь свечу во избежание каких-либо случайностей, которые могли бы воспрепятствовать завершению огненного действа. Но ничто не помешало ему идти своим чередом, и общий вздох одобрения наполнил храмовый дворик. Маленькое пламя перенесли на дрова, которыми был заполнен светильник, а принцессе Изелль, которая выглядела так, будто с плеч ее упала тяжелая ноша, чем она была весьма довольна, помогли встать на ноги. Ее серые глаза, казалось, сияли не менее ярко, чем пламя

светильника.

Затем Изелль подвели к трону Бога, и начались серьезные дела — сбор подношений, которые будут поддерживать жизнь и деятельность Храма в течение последующих трех месяцев. Каждый домовладелец должен был выйти вперед и вложить определенную сумму в руки Госпожи Весны, после чего получить благословение, а секретарь Храма, чей стол находился справа от трона Богини, обязан был занести точную цифру подношения в свои книги. Затем каждый дающий получит зажженную от светильника свечу, которую унесет домой. В соответствии со своим статусом провинкара была первой в чреде дающих; кожаный мешочек с золотыми монетами, который комендант замка преподнес Изелль, был тяжел и плотен. Следом шли прочие состоятельные члены общества, Изелль улыбалась, получала подношения и благословляла; священник улыбался, передавал деньги секретарю и благодарил; секретарь улыбался, записывал и складывал полученное.

Стоящая рядом с Кэсерилом Бетрис замерла. Схватив Кэсерила за рукав, она, едва сдерживая волнение, прошептала ему на ухо:

— Следующим будет этот ужасный судья, Врез.

Смотрите!

Сурового вида человек средних лет, одетый в роскошный темно-синий бархатный камзол и увешанный золотыми цепями, подошел к трону Богини с мешочком золота и, напряженно улыбнувшись, протянул его Изелль.

— Дом Вреза преподносит Богине свой скромный дар, — произнес он несколько в нос. — Благословите нас на предстоящее время года, моя госпожа!

Но Изелль не взяла подношения. Сложив руки на коленях и гордо подняв голову, она, не улыбаясь, посмотрела в глаза Вреза и ясным голосом произнесла:

— Весна принимает подарки только от чистых сердец. Взятки ей не нужны. *Досточтимый* Врез! Золото значит для вас больше всего на свете, так что можете оставить его себе.

Врез отшатнулся от трона с открытым от удивления и ужаса ртом. Тишина волнами прокатилась по толпе и вернулась к трону перешептываниями. *Что? Что она сказала? Я не слышал… Что?* Лицо священника вытянулось. Секретарь поднял от своих бумаг ошарашенные глаза, полные неподдельного испуга.

Стоящий следующим в очереди хорошо одетый

человек издал смешок. Его губы изогнулись в улыбке, которая, однако, ничего не имела общего с пустым весельем. Скорее она была знаком одобрения этого акта вселенской справедливости. Стоящая рядом с Кэсерилом леди Бетрис нервно перетаптывалась и что-то шептала сквозь зубы. Словно порыв свежего весеннего ветра, по толпе прокатилась волна плохо сдерживаемого смеха и шепота — люди объясняли друг другу, что произошло.

Судья перевел свой взор на священника и, неловко дернувшись, протянул руку с подношением ему. Священник протянул было руки в ответ на этот жест, но отдернул их, и, повернувшись вполоборота к сидящему на троне воплощению Богини, прошептал уголком губ, впрочем, достаточно громко:

— Леди Изелль! Вы не можете… мы не можем… неужели устами вашими говорит Богиня?

Изелль повернулась к нему и ответила — так, чтобы слышал не только священник:

— Богиня говорит в моем сердце. Разве в вашем сердце ее нет? Я испросила ее поддержки в момент, когда разжигала светильник, и мне был дан знак.

Отменно держа себя в руках, принцесса по-

смотрела на человека, который был в очереди следующим после судьи, который стоял теперь как вкопанный, приветливо улыбнулась и сказала:

— Прошу вас!

Судья вынужден был отойти в сторону, а следующий за ним горожанин бодро вышел вперед, желая порадовать Богиню своими дарами.

Один из храмовых служек, понуждаемый к тому суровыми взглядами священника, попытался было подойти к судье, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию и найти выход, но принцесса пригвоздила его на месте суровым взглядом. Сложив руки за спиной, служка кивком головы дал понять рассерженному Врезу, что в присутствии его более не нуждаются. На другой стороне дворика провинкара, сидевшая в специально принесенном для нее кресле, задумчиво потирала переносье большим и указательным пальцами правой руки и сердито смотрела на внучку. Изелль же, не обращая внимания на взоры бабушки, продолжала действовать от имени Богини — принимала дары, благословляла и улыбалась горожанам, а те вдруг приободрились, понимая, что участвуют не в формальной церемонии, которая за многие годы оскомину набила,

а в чем-то очень серьезном и важном.

Пока Изелль была занята состоятельными гражданами, снаружи храма служки принимали дары попроще: кур, яйца, телят. Отдав таким образом свой долг Весне, прихожане проходили внутрь, чтобы получить благословение и огонь новой жизни. Леди Хьюлтар и Бетрис присоединились к провинкаре, которая восседала на скамье для почетных гостей, и Кэсерил занял свое место позади скамьи, рядом с комендантом, который, нахмурясь, пристально смотрел на свою подозрительно скромную дочь. Толпа понемногу расходилась. Принцесса, не потеряв и доли своей жизнерадостности, приветствовала последних из тех, кто желал получить ее благословение: в конце перед ней прошли поставщик дров для светильника, углежог и городской нищий; этот в качестве своего дара Храму исполнил благодарственный гимн, за что получил благословение и улыбку Богини — такую же, какой она одарила первых людей Валенды.

Буря разразилась лишь тогда, когда семья вернулась в замок, чтобы торжественно отобедать.

Теперь Кэсерил вел в поводу мерина провинкары; комендант же твердой рукой взялся за повод белого мула, на котором восседала Изелль. Кэсерил хотел незаметно раствориться в толпе домочадцев и потихоньку исчезнуть, но провинкара, когда слуги помогли ей спешиться, приказала:

— Кастиллар! Дайте мне вашу руку.

Хватка ее была твердой, но рука заметно дрожала. Разжав сделавшиеся вдруг тонкими губы, она добавила:

— Изелль, Бетрис, ди Феррей! Следуйте за мной!

И кивнула головой в сторону дверей, ведущих в зал предков.

Изелль оставила ритуальные аксессуары своего наряда в Храме и теперь выглядела просто как милашка в бело-голубом платье. Нет, уточнил для себя Кэсерил, заметив гордо вскинутую голову девушки, — не просто юная особа, а принцесса. Под маской легкой тревоги таилась твердая уверенность в своей правоте и решительность. Кэсерил придерживал двери, пока все, включая леди Хьюлтар, не прошли в зал. В таких ситуациях, в те годы, когда он был еще пажом, его инстинкт недвусмысленно говорил ему: оставаться опасно!

Растворись и исчезни! Но ди Феррей кивком головы остановил его, и Кэсерил прошел в зал вслед за провинкарой.

Зал предков был пуст. Горящие на алтаре свечи источали мягкое тепло. Они будут гореть весь день, пока не прогорят и не погаснут сами собой. Деревянные скамьи в зале были отполированы до мягкого блеска многочисленными посетителями, присевшими здесь либо помолиться предкам, либо просто отдохнуть. Провинкара вышла вперед и, повернувшись, сурово посмотрела на девушек, которые под ее взглядом встали рядом, касаясь одна другой плечами.

— Итак! Кому из вас двоих пришла в голову эта идея?

Изелль вышла вперед и, сделав глубокий реверанс, ответила:

— Мне, бабушка.

Голос ее звучал столь же ясно и звонко, как звучал в храмовом дворике во время обряда.

— Между прочим, — продолжила она, — я испросила позволения у первого огня. И я его получила. Бетрис посоветовала мне сделать это.

Ди Феррей сурово посмотрел на дочь.

— Ты знала, что произойдет? И ничего мне не сказала?

Бетрис сделала низкий реверанс, полностью повторивший движение Изелль.

— Как я понимаю, я призвана служить принцессе, а не шпионить за ней, папа. Ты же сам мне велел: защищай ее честь ценой своей жизни. Так?

И более спокойным и взвешенным тоном она закончила:

— К тому же, как я могла узнать, что произойдет, пока Изелль не выбила первую искру?

Комендант развел руками и беспомощно посмотрел на провинкару. С столь изощренным юным софистом ему было не совладать.

— Ты старше принцессы, Бетрис, — сказала провинкара, — и должна была должным образом влиять на нее. Внушать ей принципы поведения, коим обязана следовать богобоязненная и почтительная девушка.

Губы провинкары скривились, она с трудом сдерживала гнев.

— Наш егерь, Битим, воспитывает молодых щенков, запуская их в свору старших собак, и те обучают молодняк и прививают им навыки приличного поведения. Похоже, вас нужно было отдать под начало Битима, а не этих бесполезных гувернанток.

— Да, миледи, я согласна! — скромно потупив глаза, проговорила Бетрис, делая очередной реверанс.

Провинкара всматривалась в ее лицо — не иронизирует ли эта девица? Кэсерил прикусил губу.

Изелль глубоко вздохнула и проговорила:

— Если среди главных обязанностей богобоязненной и почтительной девушки есть обязанность терпеть несправедливость и не замечать горя и страданий ни в чем не повинных людей, то, должна сказать, этому меня не учили — ни священник, ни мои гувернантки.

— Еще бы они тебя учили этому! — резко ответила провинкара. В первый раз суровый тон ее речей сменился на нечто более мягкое. Похоже, она желала не столько наказывать, сколько убеждать.

— Но судить, хоть и по справедливости, не входит в твои *обязанности*, моя милая.

— Люди, в чьи обязанности это входит, похоже, забыли о них, — не унималась принцесса. — Я не молочница. Если мой статус дает мне в Шалионе огромные привилегии, столь же велик и мой долг перед моей страной. Об этом мне говорили и мой священник, и моя наставница.

И она бросила взгляд на леди ди Хьюлтар.

— Я говорила всего-навсего об обязанности хорошо учиться, — запротестовала та.

— А когда священник говорил вам о ваших обязанностях, принцесса, — подхватил ди Феррей, — он не имел в виду… не имел в виду…

— Не имел в виду, что все его наставления нужно принимать всерьез? — с самым невинным видом спросила Изелль.

Ди Феррей запнулся. Кэсерил не смог не посочувствовать принцессе: невинная душа, абсолютно несведущая в делах мира — как те храбрые и наивные щенки, с которыми сравнила ее провинкара. Кэсерил был благодарен судьбе за то, что не имеет к происходящему прямого отношения.

Провинкара нахмурилась. Голос ее вновь приобрел суровые властные интонации.

— Пока отправляйтесь в свои покои и оставайтесь там. Вам надлежит читать Священное Писание и думать о своем поведении… Позже я решу, стоит ли пускать вас на праздничный обед. Кузина! Отправляйтесь с ними и проследите, чтобы все было исполнено. Идите!

И она в нетерпении махнула рукой.

Кэсерил собрался было последовать за уходящими, но рука провинкары застыла в воздухе, после чего она твердо указала ему на его место

рядом с ней.

— Кастиллар! Ди Феррей! Задержитесь на минуту.

Выходя из зала, леди Бетрис бросила через плечо любопытный взгляд на Кэсерила. Изелль же вышла не оборачиваясь, с гордо поднятой головой.

— А ведь мы надеялись, что они подружатся, — устало проговорил комендант.

Провинкара грустно улыбнулась:

— Увы! Так и получилось.

— Сколько же лет леди Бетрис? — спросил Кэсерил, глядя на закрывшуюся за девушками дверь.

— Девятнадцать, — ответил комендант со вздохом.

Ну что ж, подумал Кэсерил, разница в возрасте между нами не так уж и велика. Хотя разница в жизненном опыте — огромна!

— Я действительно думал, что моя дочь будет для принцессы хорошим примером, — проговорил комендант. — Но, похоже, все получается наоборот.

— Вы обвиняете мою внучку, что она портит вашу дочь? — с плохо скрываемой иронией спросила провинкара.

— Я сказал бы: вдохновляет! — ответил ко-

мендант, пожав плечами. — Хотя последствия непредсказуемы. Интересно, а что будет, если мы их разлучим?

— Что будет? Вопли и слезы! Будто вы не знаете!

Провинкара села на скамью и предложила мужчинам устроиться рядом.

— А мне и без этого есть на что нервы тратить, — сказала она.

Кэсерил, положив руки на колени, ждал, что еще скажет провинкара. Не зря же она позвала его, есть какая-то тому причина! Некоторое время она задумчиво смотрела на Кэсерила.

— У вас, как у человека пришлого, свежий взгляд, Кэсерил, — сказала она наконец. — Есть предложения?

Кэсерил удивленно поднял брови.

— Я воспитывал молодых солдат, ваша светлость. С девицами дела никогда не имел. Здесь я — профан!

Он помедлил, после чего заговорил, хотя и не намеревался влезать в чужие семейные дела.

— Мне кажется, уже слишком поздно учить Изелль искусству трусости. Но вы можете привлечь ее внимание к тому факту, что она принимает решения, основываясь на неполной и

непроверенной информации. Можно ли быть уверенным в том, что судья действительно виновен? А может быть, он стал жертвой сплетни? К тому же самые очевидные свидетельства на поверку могут обернуться ложью.

Он с грустью вспомнил, в чем его обвинили в бане, когда мальчик увидел шрамы на его спине.

— То, что произошло сегодня, уже не исправить, но на будущее это может стать уроком.

И добавил сухо:

— А вам следует быть более осторожной и не обсуждать такие дела в присутствии принцессы.

Ди Феррей поморщился.

— Скорее в присутствии обеих девиц, — кивнула провинкара. — Четыре уха, одни мозги. Одна другой стоит.

Провинкара поджала губы и, прищурившись, пристально посмотрела на Кэсерила.

— Скажите, Кэсерил! Вы ведь говорите по-дартакански, верно?

Кэсерил недоумевал: отчего такая резкая перемена в предмете разговора?

— А по-рокнарийски?

— Мой книжный, придворный рокнарийский немного потрепан, зато разговорный — неплох.

— А как у вас с географией? Вы знаете геогра-

фию Шалиона, Ибры, Рокнари?

— Клянусь всеми пятью Богами, по тем местам, где я не ехал верхом, я шел в пешем порядке, а где не шел — там меня тащили волоком. Вся эта география впечатана в мою кожу. А на галерах я обошел почти половину Архипелага.

— Вы ведь пишете, знаете шифры, имеете дело с книгами, так? Пишете письма, доклады, составляете договоры, маршруты следования грузов и людей, верно?

— Рука моя несколько утратила твердость, ваша светлость, но я действительно имею соответствующий опыт, — ответил Кэсерил, все в большей степени волнуясь. К чему она затеяла этот допрос?

— Все правильно! — воскликнула провинкара и хлопнула в ладоши, отчего Кэсерил вздрогнул. — Сами Боги прислали вас в мой замок. И пусть демоны Бастарда заберут меня, если я пренебрегу их решением.

Кэсерил ошарашенно смотрел на провинкару.

— Кастиллар! Вы говорили, что ищете места? У меня есть место для вас.

Она выпрямилась с с видом победителя.

— Вы будете секретарем-наставником принцессы Изелль.

Кэсерил вдруг понял, что челюсть его отвисла. Он уставился на провинкару.

— Что?

— У Тейдеса уже есть секретарь, который ведет его дела, пишет письма и все такое… Изелль пора иметь собственного наставника, который подготовил бы ее к выходу из девичества в большой мир. Кроме того, ни одна из ее глупых гувернанток не могла с ней справиться. Ей нужна мужская рука и мужской авторитет. У вас есть статус, у вас есть жизненный опыт…

Она усмехнулась, хотя радостным этот смешок было не назвать.

— Что вы на это скажете, кастиллар?

Кэсерил сглотнул.

— Я думаю… я думаю, если бы вы сейчас дали мне бритву, чтобы я перерезал себе горло, мне было бы легче решиться на это.

Провинкара вновь усмехнулась.

— Очень хорошо, Кэсерил. Мне нравятся люди, которые адекватно оценивают ситуацию и свои возможности.

Ди Феррей, который был немало удивлен и обеспокоен словами провинкары, смотрел теперь на Кэсерила с интересом.

— Я надеюсь, вам удастся направить ее ум на

заучивание дартаканской системы склонений. В конце концов, вы там были, а ее тупые гувернантки — нет.

Голос провинкары звучал все более бодро.

— Нужно приналечь и на рокнарийский, хотя все мы молим Богов, чтобы нас сия чаша миновала. Читайте ей браджарийскую поэзию. Я помню, она вам нравилась. Научите ее хорошим манерам — вы же служили при дворе короля и знаете, насколько это важно. И, Кэсерил, не смотрите на меня как побитая собака! Для вас это будет нетрудно. Заодно и поправите здоровье. Вы думаете, я не вижу, насколько вы больны?

Покачав головой, провинкара продолжила:

— Вам придется отвечать всего на пару писем за неделю. Может быть, и того меньше. Вы знаток лошадей и отлично держитесь в седле, а потому возьмете на себя прогулки верхом с этими девицами, и мне не придется больше слушать их хныканье по поводу того, что они натерли то то, то это. Что до ее дел, то после того, как вы вели дела целой крепости, бухгалтерия принцессы покажется вам детской игрой. Ну, что вы на это скажете, дорогой Кэсерил?

Перспектива была одновременно и привлекательной, и пугающей.

— А может быть, у вас есть осажденная крепость? Мне это было бы привычнее.

Лицо провинкары стало серьезным. Наклонившись вперед, она похлопала Кэсерила по колену и произнесла чуть слышно:

— Скоро такая появится! Стоит лишь немного подождать.

Помолчав, она изучающе посмотрела Кэсерилу в лицо.

— Вы спрашивали, не можете ли вы сделать хоть что-то, чтобы облегчить мне жизнь. В общем и целом — нет. Вы не вернете мне молодость, вы не… много есть чего, что мне хотелось бы изменить…

Да, вероятно, это состояние дочери так невыносимо огорчает провинкару.

— Но неужели вы откажете мне в такой малости?

Она умоляет его? *Она* умоляет *его?* Этого нельзя допустить, ни в коем случае!

— Вам стоит лишь приказать, моя госпожа! — поспешно сказал Кэсерил. — Но… но уверены ли вы в том, что я подходящая кандидатура?

— Вы здесь не чужой, Кэсерил. А мне крайне необходим человек, которому я могла бы всецело доверять.

Сердце его растаяло. А может быть, это был его разум? Он низко склонил голову.

— Тогда я полностью принадлежу вам, ваша светлость!

— Вы принадлежите Изелль.

Кэсерил, все еще со склоненной головой, глянул на провинкару, потом — на хмурящегося в раздумьях ди Феррея, а затем — вновь на хозяйку замка.

— Я понимаю…

— Конечно, понимаете! И именно поэтому, Кэсерил, я хочу, чтобы вы приняли это место.

4

И вот, на следующее утро сама провинкара отвела Кэсерила в учебную комнату, где девушки занимались науками и искусствами. Небольшое залитое солнечным светом помещение находилось на восточной стороне замка, на верхнем этаже, который занимали сама принцесса Изелль, леди Бетрис, их гувернантки и горничные. Принц Тейдес тоже жил на верхнем этаже, но в другом, новом крыле замка, и, как подозревал Кэсерил, его помещения были куда как тщательнее спланированы и обставлены, да и камины там были получше. В классе, где занималась Изелль, стояла парочка небольших столов, кресла, полупустой книжный шкаф да еще два небольших сундука. Когда в комнате появился Кэсерил, чувствовавший себя излишне неук-

люжим и слишком громоздким под ее низкими потолками, гувернантке пришлось, подхватив свое вязание, переместиться в соседнюю комнату, оставив открытой дверь, которая разделяла помещения, — места для нее здесь, казалось, уже не осталось.

Впрочем, Кэсерилу досталась не одна ученица, а две. Девушку статуса Изелль ни в коем случае нельзя было оставлять одну, тем более наедине с мужчиной — даже если он был много старше ее, нездоров и принадлежал к домочадцам. Кэсерил не знал, как юные леди отнесутся к решению провинкары, но сам он был ему рад, хотя и виду не показал. Да, он чувствовал себя грубым мужланом, был неуклюж и неповоротлив, но эта комната, заполненная атмосферой юной женственности, находилась так далеко от гребной скамьи на рокнарийской галере, что, склонив голову, чтобы не удариться о перемычку дверного проема, и войдя в класс, он почувствовал, как волна самой безоблачной радости ударила в него и понесла.

Провинкара представила Кэсерила принцессе как секретаря-наставника.

— То же самое, что есть у твоего брата, — сказала она.

Для Изелль это был неожиданный подарок, но, удивленно моргнув, она приняла его без возражений. Впрочем, это новое приобретение было ей по вкусу — наставник-мужчина делал ее выше в собственных глазах и глазах окружающих. Да и леди Бетрис, как успел заметить Кэсерил, смотрела на него не враждебно, а скорее заинтересованно.

Кэсерил полагал, что выглядит вполне поучительски в коричневом шерстяном одеянии торговца шерстью, с доставшимся от коменданта поясом, украшенным серебром. Покопавшись в остатках разрозненной библиотеки провинкара, он благоразумно запасся там полудюжиной книг на дартаканском. С преднамеренно громким хлопком опустив стопку книг на поверхность одного из столов в учебной комнате, он одарил своих учениц намеренно зловещей улыбкой. Если обучение девиц похоже на обучение солдат, лошадей или молодых соколят, то главное — взять инициативу в свои руки и уже больше никогда ее не выпускать. Не требуйте от барабана богатого внутреннего содержания! Главное — чтобы он громко бумкал!

Провинкара ушла так же быстро, как и пришла. Кэсерил разработал план, в соответствии с которым и действовал. Начал он с того, что проверил,

насколько принцесса владеет дартаканским. Она прочитала выбранную наугад страничку из книжки о предмете, который Кэсерил знал на «пять» — подкоп и минирование стен осажденной крепости. С его постоянной помощью и подсказками принцесса проковыляла по трем абзацам, после чего он задал ей на дартаканском пару-тройку вопросов, чтобы понять, что из прочитанного осело в ее голове.

— У вас ужасный акцент, — честно сообщил он принцессе. — Ни один дартаканец вас не поймет.

Подняв голову, Изелль сверкнула на него глазами.

— А моя *гувернантка* говорит, что у меня все хорошо. Она сказала, что у меня очень музыкальная интонация.

— Вы говорите как торговка рыбой из Южной Ибры. У них тоже очень музыкальные интонации. Только вот дартаканские лорды, весьма щепетильные в том, что касается их дурацкого языка, будут смеяться вам в лицо.

По крайней мере Кэсерилу в лицо они смеялись. Правда, лишь один раз.

— А ваша гувернантка, — продолжил он, — вам просто льстит, принцесса.

Нахмурившись, принцесса сердито посмотрела на него и сказала:

— Как я полагаю, себя вы в льстецы не записываете, кастиллар.

Тон и манеры принцессы были несколько более резкими, чем он ожидал. Не вставая с сундука, на котором сидел, Кэсерил иронически поклонился. Из-за боли в спине поклон вышел не слишком глубоким, да и не должен учитель слишком уж извиняться перед учениками, даже если они — королевской крови.

— Я полагаю, что я не окончательный мужлан. Но если вам нужен человек, который будет только расхваливать ваши достоинства, чем сделает бесполезными любые мечты об истинном совершенстве, то таких вы найдете на каждом углу. Не во всех тюрьмах на окнах установлены железные решетки. В тюрьме можно удержать и пуховой периной, принцесса.

Принцесса гневно сжала губы, ноздри ее дрожали. Неожиданно Кэсерила как ударило — а вдруг он выбрал неверный тон? Принцесса — почти ребенок, и ему, вероятно, следует быть помягче, а то она пожалуется провинкаре, и он потеряет…

Принцесса же перевернула страницу.

— Ну что ж, тогда продолжим, — сказала она

ледяным тоном.

Клянусь всеми пятью Богами, я видел этот взгляд, исполненный бессильной ярости, в глазах молодых солдат, когда они, поднимаясь с земли, выплевывали грязь изо рта; эти ребята становились лучшими лейтенантами! Может быть, все это и не будет так уж сложно? Не без усилия над собой Кэсерил вставил широкую улыбку в свою нахмуренную физиономию и, царственно кивнув, предложил:

— Продолжайте!

В столь же приятных развлечениях пролетели остатки первого часа. Для него это оказалось делом нетрудным. Когда он увидел, что принцесса начинает растирать себе виски, а между бровями у нее появились складки, ничего общего не имеющие с гневом или недовольством, он забрал у нее книгу.

Леди Бетрис, сидевшая с принцессой бок о бок, все это время беззвучно шевелила губами, повторяя про себя упражнения, которые исполняла Изелль. Теперь Кэсерил попросил ее все проговорить вслух. Имея перед собой пример принцессы, Бетрис все проделала быстрее, но у нее тоже оказался этот южно-ибранский акцент, которого, как и Изелль, она набралась у своей предыдущей

учительницы. Пока Кэсерил делал исправления, Изелль внимательно слушала и про себя повторяла правильный вариант произношения.

Наконец Кэсерил почувствовал, что они вполне заработали себе на обед. Но у него было еще одно, и весьма неприятное поручение, которое провинкара строго-настрого наказала исполнить. Девушки собирались уже встать и покинуть класс, но он откашлялся и произнес:

— То, что вы устроили сегодня в Храме, принцесса, выглядело просто превосходно!

Изелль улыбнулась, в глазах ее Кэсерил прочитал удовольствие.

— Благодарю вас, кастиллар! — отозвалась она.

Он медленно погасил улыбку на своем лице.

— Так красиво нанесли удар человеку, который заведомо не мог вам ответить! Зевакам понравилось, если судить по тому, как они смеялись.

Удовольствие на лице принцессы сменилось недоумением.

— В Шалионе так много злого и нехорошего, а я мало что могу сделать. То, что я совершила в Храме, — это пустяк!

— Что сделано, то сделано! — отозвался Кэсерил, одобрительно кивнув. — Но скажите мне, принцесса, какие шаги вы предприняли, чтобы

убедиться в нечестности этого человека?

Принцесса пожала плечами.

— Так о нем сказал ди Феррей. А комендант замка — честный человек.

— Сэр ди Феррей сказал, а я точно помню его слова, что он *слышал разговоры*, будто бы судья получил взятку от этого дуэлянта. Вы не спросили у коменданта, скажем, сразу после обеда, можно ли считать эти сведения достоверными?

— Нет. Если бы я кому-нибудь рассказала о том, что хочу сделать, мне бы запретили.

— Но вы же рассказали об этом леди Бетрис.

И он поклонился в сторону темноглазой дочери коменданта.

Напрягшись, Бетрис осторожно вставила:

— Именно поэтому я и предложила спросить совета у огня. Если огонь загорится с первого удара огнива, тогда…

Кэсерил пожал плечами.

— С первого удара… Но у вас сильная и твердая рука, принцесса. То, что пламя вспыхнуло с первого удара, могло быть исключительно следствием вашего мастерства.

Принцесса нахмурилась еще сильнее.

— Но ведь горожане аплодировали!

— Конечно, а как же иначе? В среднем полови-

на из людей, предстающих перед судьей, уходит от него либо рассерженными, либо разочарованными. Но это совсем не значит, что с ними он поступил несправедливо. Такое уж это дело — суд!

Этот аргумент, как понял Кэсерил, попал точно в цель. Дерзкое выражение на лице принцессы сменилось выражением сомнения и стыда, и следить за этими изменениями было не слишком радостно.

— Но… но…

Кэсерил вздохнул.

— Я не хочу сказать, что вы были неправы, принцесса. В этом, конкретном, случае. Я хочу сказать, что вы действовали вслепую. И если вы попали в точку, то только благодаря милосердию Божьему, а не по собственному замыслу.

— Вот как?

— Вы могли опорочить честного человека. А могли нанести сокрушительный удар по принципу справедливости. Слава Богам, не случилось ни того, ни другого.

На этот раз ее «вот как?» было настолько тихим, что его можно было прочитать лишь по губам.

Через сотни и сотни житейских препятствий и опасностей продрался Кэсерил благодаря сво-

ей практической жилке, а потому он не мог не добавить:

— Кроме того, вы нажили себе врага, но оставили его в живых. Плохая тактика и совершенно неуместный акт милосердия.

Черт побери! Вряд ли стоило говорить это юной нежной девице. Кэсерил едва не хлопнул себя по губам, но вовремя одумался — этот жест не добавит авторитета его фигуре мудрого наставника и советчика.

Изелль была явно ошеломлена, как и Бетрис.

Напряженная пауза длилась и длилась, и наконец Изелль сказала:

— Благодарю вас за ваши мудрые советы, кастиллар.

Он ответил кивком головы. Слава Богам! Если ему удалось прорваться через это препятствие, дальше ему будет с принцессой много легче. Теперь ничто не помешает им отправиться за щедрый стол провинкары.

Изелль тем не менее не торопилась уходить. Она откинулась на спинку кресла и сложила руки на коленях.

— Вы ведь не только мой наставник, кастиллар, но и секретарь, верно?

Кэсерил сел.

— Да, моя госпожа. Вам нужно помочь с письмом?

Он едва не добавил *после обеда*.

— Помочь? Да. Но не с письмом. Сэр ди Феррей говорил, что вы в свое время исполняли обязанности посланника, так?

— Да, для провинкара Гвариды. Когда был помоложе.

— Но ведь посланник — он же еще и шпион, так?

Принцесса смотрела на Кэсерила оценивающе.

— Не всегда и не обязательно, — ответил он. — Хотя убедить людей в обратном бывает трудновато. Посланник прежде всего это тот, кому всецело доверяют донести до другой стороны некоторые сведения или мнения. Но, конечно же, мы должны были наблюдать, изучать, а после — рассказывать, что мы видели и что поняли.

— Отлично! — отозвалась принцесса, вновь гордо вскинув голову. — Мое первое задание вам как моему секретарю — пронаблюдать за тем, что я вам укажу. Вы должны понять, ошибаюсь я или нет. Я не могу часто появляться в городе, не могу никого расспрашивать… Мое место — здесь, в этой тюрьме, на… на пуховой перине.

Она состроила ироничную гримаску.

— Но вы можете это сделать.

И она посмотрела на него с выражением настолько безграничного доверия, что ему сделалось не по себе.

Желудок у Кэсерила сделался в это мгновение совершенно пустым, словно это был не желудок, а барабан, хотя испытанное им ощущение ничего общего не имело с голодом. Похоже, он слишком хорошо отыграл свою роль.

— Я… я должен это сделать немедленно?

Она пожала плечами.

— Как только представится возможность. И, прошу вас, действуйте крайне осторожно.

Кэсерил сглотнул.

— Сделаю все, что в моих силах, моя госпожа, — сказал он.

Спускаясь по лестнице в свои покои, располагавшиеся этажом ниже, Кэсерил вспомнил те дни, когда служил в этом замке пажом. Тогда он считал себя искусным фехтовальщиком — просто потому, что работал мечом чуточку лучше, чем дюжина прочих высокородных оболтусов, которые, как и он, выполняли различные пору-

чения провинкара и его семьи. Однажды в замке появился новый паж — невысокого роста крепкий юноша, и учитель фехтования предложил Кэсерилу встретиться с ним в учебном поединке. Кэсерил к тому времени выучил пару трюков, которые, если бы мечи были не тренировочными, а боевыми, позволили бы ему без труда пообрубать уши любого соперника. Они сошлись, и когда Кэсерил, применив свой прием, уже готов был обрушить свой меч на голову противника, то с удивлением увидел, что оружие коротышки, согнувшись, уже уткнулось ему в грудь. Если бы не защитные мешки и если бы меч был не учебный, а настоящий, Кэсерил испустил бы дух, так и не успев насладиться своим триумфом.

Тот паж впоследствии стал учителем фехтования при дворе браджарского короля. Правда, сам Кэсерил к тому времени подостыл к искусству фехтования — его интересы были слишком широки, чтобы он мог остановиться на чем-то одном. Но он так и не забыл тот любопытный эпизод, ту свою смерть понарошку.

Интересно, а почему это воспоминание всплыло в его голове после первого урока, проведенного с Изелль? Одно и то же выражение настойчивой сосредоточенности, хотя глаза такие разные! Как,

кстати, звали того пажа?

У себя на постели Кэсерил обнаружил еще пару туник и пару панталон — скорее всего, несших воспоминания о юных днях коменданта. Хотя, конечно, Кэсерил в своих предположениях мог и ошибаться. Убрав их в шкафчик, стоящий в ногах постели, он вспомнил о записной книжке погибшего торговца шерстью, лежавшей в складках его черного плаща. Он взял книжку, решив после обеда отнести ее в Храм, но, подумав, вернул на место. Может быть, в ее шифрованных записях он найдет что-нибудь, что сможет укрепить позиции принцессы (ведь именно этого она от него хочет, как он полагал) в ее мнении относительно преступного судьи? Сперва он изучит книжку сам. Может быть, книжка откроет ему некоторые тайны городской жизни.

После обеда он славно подремал. Разбудил его и вернул к реальности комендант, который принес ему документы, имеющие отношение к жизни и быту принцессы: бухгалтерские книги, счета и прочие деловые бумаги. Вслед за отцом явилась Бетрис с коробкой писем, которые нужно

было привести в порядок, и все послеполуденное время Кэсерил занимался документами, детально знакомясь с домашними обстоятельствами принцессы.

Бухгалтерия была достаточно проста — покупка простеньких игрушек и бижутерии, список сувениров — полученных или кому-то посланных. Отдельно шли записи, относящиеся к более значительным вещам — драгоценным камням, дорогим подаркам и наследованию того или иного имущества. Счета на покупку и изготовление одежды. Расходы по содержанию лошади, мула. Такие вещи, как мебель и постельное белье, учитывала, надо полагать, провинкара, но со временем, как понял Кэсерил, эти статьи расходов принцессы придется вести ему. Высокородные дамы обычно выходят замуж с богатым приданым, объемы которого равны грузу целых обозов (хорошо, если не кораблей), и Изелль, вероятнее всего, уже начала собираться в это столь важное для любой дамы путешествие. Может быть, Кэсерилу предназначена первая роль среди предметов приданого Изелль?

Он представил, как запись о нем появится в соответствующей бухгалтерской книге: *Секретарь-наставник. Подарок от бабушки. Возраст*

— тридцать пять лет. Значительные повреждения при транспортировке. Стоимость…

Замужество — это, как правило, путешествие в один конец, хотя мать Изелль, вдовствующая королева, и вернулась из него… *сломленной*? Кэсерил старался не думать об этом. Леди Иста тревожила и ставила в тупик. Широко известно, что в некоторых благородных семействах среди прочих наследственных заболеваний фигурирует безумие. Правда, не то семейство, к которому принадлежал Кэсерил. Его род, в конечном счете, пришел в упадок благодаря неряшливости в финансах и неудачным политическим союзам. А Изелль? Есть ли риск, что… *Конечно, нет!*

Корреспонденция Изелль была скудной, но интересной. Коротенькие, но полные любви и заботы записки от бабушки, относящиеся еще к тем временам, когда вдовствующая королева жила при дворе и не думала возвращаться домой. В записках провинкара давала обычные советы и наставления: будь хорошей девочкой, слушайся маму, не пропускай молитву, помогай с маленьким братом. Несколько писем от дядь и теть, других детей провинкары — у Изелль не было родственников по линии отца, короля Иаса, который был единственным выжившим ребенком

своего отца, жертвы злой судьбы. Лежали здесь и поздравительные письма от старшего брата по отцу, нынешнего короля Орико.

Написаны они были самим королем, что Кэсерил отметил с удовлетворением; по крайней мере, было ясно, что Орико не стал искать особого человека, который писал бы точно так же, как сам король — а именно как курица лапой. Это были составленные либо ко дню рождения, либо к святым праздникам коротенькие послания, по которым было видно, с каким трудом взрослый человек старается выказать свою любовь и доброту ребенку. Правда, сухость и натянутый тон мигом исчезали, стоило Орико начать рассказывать о своем зверинце: слова лились легко и свободно, и пишущий, конечно же, был уверен, что его юные родственники разделяют его энтузиазм и восторг по поводу принадлежавших ему диких зверей.

Эти занятия были прерваны ближе к вечеру приходом пажа, который объявил, что Кэсерил должен сопровождать принцессу и леди Бетрис во время конной прогулки. Быстро нацепив меч, он спустился во внутренний дворик замка и увидел там уже оседланных лошадей. Кэсерил уже года три не садился верхом, и стоящий рядом

паж посмотрел на него неодобрительно, когда он попросил скамеечку, чтобы с ее помощью забраться в седло. Ему дали спокойную, хорошо воспитанную кобылу — ту самую, на которой скакала накануне гувернантка принцессы. Теперь же она смотрела на формирующуюся кавалькаду из окна, и, когда они тронулись, гувернантка радостно замахала им льняным платком. Но поездка оказалась гораздо более спокойной, чем Кэсерил ожидал, — они просто доехали до реки и вернулись обратно. Так как при выезде из ворот замка он заявил, что говорить они во время прогулки будут только по-дартакански, поездка проходила в полном молчании, что было тоже неплохо.

Потом был ужин, после которого он вернулся в свою комнату, где принялся примерять свои новые одежды, после чего, сложив и убрав их в шкаф, попытался расшифровать первые страницы из записной книжки бедного торговца шерстью. Но попытка не удалась — глаза его словно налились свинцом, он лег и проспал до утра как бревно.

Как все началось, так пошло и дальше. С утра — занятия с двумя юными леди: дартаканский, рокнарийский, география, арифметика, геометрия… Наставник принца Тейдеса одолжил Кэсерилу хорошие карты, а, чтобы занятия географией не были слишком скучными, их странствия по карте он иллюстрировал рассказами о собственных странствиях по Шалиону, Ибре, Браджару, большой Дартаке и расположенным вдоль северного побережья пяти герцогствам рокнарийским. Правда, рассказы эти ему приходилось хорошенько редактировать — не все из того, что он видел и слышал, могло предназначаться для ушей столь юных особ.

Особенно это касалось рассказа о рокнарийском Архипелаге, который он изучал на скамье галерного раба. Кстати, ту скуку, которую Изелль и Бетрис испытывали во время уроков придворного рокнарийского, ему удалось победить с помощью приема, проверенного в Гвариде при дворе тамошнего провинкара, где он обучал этому языку двух пажей: за двадцать выученных слов придворного языка он в качестве подарка давал девушкам заучивать одно грубое или неприличное — впрочем, не самое грубое и не самое неприличное. Зачем им эти слова? Вряд ли

они стали бы их использовать в разговорах. Но могли, услышав, опознать — а это важно и даже полезно. А как мило они при этом хихикали!

С немалым волнением приступил Кэсерил к исполнению своего первого поручения, а именно — к изучению провинциальной юриспруденции. Из разговоров с провинкарой и ди Ферреем, которым он между делом задавал косвенные вопросы относительно судьи Вреза, толком выяснить ничего не удалось, поскольку ни тот, ни другая никогда не имели с ним дела и если и встречались, то мельком. Несколько походов в город в надежде найти кого-нибудь, кто мог помнить Кэсерила семнадцатилетней давности и откровенно с ним поговорить, успехом также не увенчались. Единственным человеком, который его узнал, был старый пекарь, который составил себе приличное состояние, продавая сласти многочисленным замковым пажам, но он был мирным существом и в судебных тяжбах не участвовал.

Страничку за страничкой Кэсерил расшифровывал записи торговца шерстью. Времени на это было мало, но, как только прочие обязанности отпускали его, он брался за дело. Как следовало из записей, самые первые опыты по вызову де-

монов Бастарда, действительно отвратительные по своей сути и форме, были неудачными. Имя дуэлянта если и встречалось, то только вместе с разнообразными уничижительными эпитетами; иногда же имени вовсе не было, а лишь эпитеты. Что же до имени судьи, то оно Кэсерилу пока не встретилось ни разу. Но не успел Кэсерил осилить и половины книжки, как дело расследования у него забрали.

Из Тариуна, куда сын вдовствующей провинкары, унаследовавший титул и обязанности отца, перевел столицу Баосии, прибыл офицер-следователь. Почему не сразу? Потребовалось время: пока провинкара написала письмо сыну, пока отправила его, пока, получив и прочитав письмо, действующий провинкар переслал его в канцелярию, занимающуюся делами правосудия, пока те назначили и отправили своего чиновника в Валенду… Да, против бюрократии бессильны самые высокие привилегии. Кстати, Кэсерил так и не решил для себя, что провинкару беспокоит больше — состояние правосудия как такового или же тот факт, что принцесса, ее внучка, нажила себе врага, и весьма опасного.

Но на следующий день обнаружилось, что судья Врез сбежал из города с двумя слугами и

кое-каким в спешке упакованным имуществом, оставив полный камин пепла от сожженных бумаг.

Кэсерил пытался убедить Изелль, что бегство судьи не может быть стопроцентным доказательством его вины — это лишь косвенное, а не прямое подтверждение того, что рыльце у того в пушку. Но беспокоила его и альтернатива — то, что Изелль в тот день действительно получила знак от Богини. Боги, как учили мудрые теологи Святого Семейства, входят в этот мир путями тайными, скрытыми и, кроме того, расходуют свои силы экономно и действуют не сами, а через посредство людей. Именно свободная воля человека должна открыть каналы для того, чтобы воля Божья вошла по ним в этот мир и совершила либо такие яркие и исключительные чудеса, как исцеление, либо стала причиной столь темных событий, как катастрофа или смерть. В свое время Кэсерил встретил пару-тройку людей, которые, как он полагал, действительно имели контакт с Богами, и гораздо больше таких, которые только думали, что этот контакт имели. Находясь рядом с ними, Кэсерил чувствовал себя как-то *неуютно*, беспокойно. Он надеялся на то, что Госпожа Весны, когда Изелль, ее воплощение, совершила то,

что совершила в Храме, удалилась удовлетворенной. *Или просто удалилась*…

Изелль мало общалась со своим братом, который занимал покои в противоположном крыле замка, куда пройти было нужно через внутренний дворик. Они встречались разве что на конных прогулках да за столом. Кэсерил полагал, что в раннем детстве брат и сестра были более близки, чем сейчас, когда просыпающаяся зрелость развела их по разным мирам — миру мужчин и миру женщин.

Наставник-секретарь принца, сэр ди Санда, которого, как и многих глупых людей, больше заботили чужие дела, чем собственные, не мог понять и простить Кэсерилу то, что тот носит титул более высокий, *кастиллар*, хотя замка у него никакого нет. Этот человек за столом или во время процессий стремился занять положение более почетное, чем Кэсерил, который был всего-навсего наставником девушек, и лицемерно-извинительно улыбался, когда ему это удавалось. Кэсерил несколько раз пытался объяснить ди Санде, что ему на все это абсолютно наплевать, но убедился, что до того такие сложные вещи просто не доходят, а потому уже просто улыбался в ответ, чем страшно беспокоил ди Сан-

ду, который подозревал в его улыбках признаки некой тайной, а потому страшной стратегии. Когда однажды он вдруг явился в класс принцессы и потребовал, чтобы Кэсерил вернул ему его карты, он, вероятно, надеялся, что тот будет биться за них насмерть, словно это были секретные правительственные документы. Но Кэсерил вернул ему карты без слов, вежливо поблагодарив, чем поставил в тупик.

Когда, озадаченный, ди Санда ушел, Бетрис проговорила с усмешкой:

— Этот тип! Он ведет себя как…

— Как один из замковых котов, — подхватила Изелль, — когда в замке появляется новичок. Что вы ему сделали, Кэсерил, отчего он на вас постоянно шипит?

— Уверяю вас, я не метил стены под его окнами, — искренне проговорил Кэсерил, на что Бетрис разразилась хихиканием, а он быстро осмотрелся — не слышала ли его слова гувернантка, что было по-настоящему опасно. Наверное, иногда он выражается излишне грубовато. Пока он не до конца понял своих подопечных, но они, несмотря ни на что, на него еще ни разу не пожаловались — даже из-за дартаканского.

— Я полагаю, ему кажется, будто я претендую на

его место. Вряд ли он все как следует продумал.

А может, и продумал! Когда Тейдес только родился, мало кто думал о том, что он может стать наследником своего недавно женившегося сводного брата, нынешнего короля Орико. Но годы шли, а жена монарха все никак не могла забеременеть, в связи с чем при дворе Шалиона начал расти интерес к Тейдесу как возможному преемнику короля. Может быть, именно поэтому Иста покинула столицу, забрав детей из пропитанной нервозностью атмосферы двора в тихую, спокойную обстановку семейного замка. Мудрое решение!

— О, ни в коем случае, Кэсерил! — сказала Изелль. — Оставайтесь с нами. У нас вам будет лучше.

— Нисколько не сомневаюсь! — уверил он ее.

— Это несправедливо! — вступила Бетрис. — У вас в два раза больше мозгов, чем у ди Санды, и вы в десять раз больше путешествовали. Почему вы относитесь к нему так…

Похоже, ей пришлось подыскивать соответствующее слово.

— Спокойно, — наконец закончила она.

И отвернулась, словно испугалась, что Кэсерил предположит, будто она хотела сказать нечто

иное, менее для него лестное.

Кэсерил с ироничной улыбкой посмотрел на своего нежданного сторонника и защитника.

— А вы думаете, он будет счастливее, если я стану сознательно изображать мишень для его глупости?

— Конечно!

— Тогда в вашем вопросе уже кроется и ответ.

Бетрис открыла и тут же закрыла рот. Изелль же едва не расхохоталась.

Тем не менее Кэсерил изменил свое мнение о ди Санде, когда однажды утром тот появился с лицом, настолько обескровленным, что оно казалось зеленым, и объявил, что его подопечный исчез и найти его невозможно ни в доме, ни на кухне, ни на псарне, ни в конюшнях. Кэсерил тотчас же нацепил свой меч, готовый отправиться на поиски вместе с дворовыми, в уме своем разделяя прилегающую к замку местность и город на сектора и квадраты и прикидывая маршруты поиска. Чего можно было ожидать? Что могло произойти с принцем? Он ранен? На него напали бандиты? Может, придется искать его на дне реки? Или в тавернах? А что? Не исключено, что Тейдес, почувствовав себя достаточно взрослым, отправился к жрицам любви. В этом случае он,

конечно, сделал все возможное, чтобы оторваться от своих слуг и прилипчивых наставников.

Но не успел Кэсерил изложить все эти варианты секретарю принца, который склонялся к мысли о нападении бандитов, как Тейдес собственной персоной въехал в замковый дворик — мокрый и весь заляпанный грязью, с луком через плечо и в сопровождении мальчика-грума; к седлу его была приторочена убитая лисица. Принц с нескрываемым ужасом смотрел на формирующуюся во дворике кавалькаду.

Кэсерил с облегчением оставил попытки взгромоздиться на коня с помощью подставленной под ноги скамеечки, и вместо этого сел на нее, держа поводья в руках. С нескрываемым любопытством он стал вслушиваться в то, что говорят четверо взрослых мужчин, набросившиеся на мальчика с упреками.

Спрашивать, где он шатался, было бессмысленно — так же, как интересоваться тем, что он делал. Ответ очевиден. *Почему вы никому ни о чем не сказали?* — такой вопрос был вполне уместен. Тейдез молча слушал вопрошавших.

Когда ди Санда, чтобы перевести дыхание, взял паузу, принц бросил свой окровавленный и бездыханный трофей Битиму и сказал:

— Сними с нее шкуру. Она мне нужна.

— В это время шкура не так хороша, мой господин, — сурово отозвался Битим. — Волос тонкий и выпадает.

Он пощупал соски лисицы, тяжелые от молока, и добавил:

— А убивать мать в сезон Дочери — вообще весьма сомнительное дело. Придется сжечь ее усы, а то дух лисицы придет и всю ночь станет пугать моих собак. А где лисята? Нужно было убить и их: это жестоко — оставить их на голодную смерть. Или вы где-то их спрятали?

Он сурово посмотрел на мальчика-грума.

Тейдес бросил лук на камни дворика и раздраженно бросил:

— Мы *искали* логово, но не смогли найти.

— А ты! — обратился ди Санда к груму. — Ты же знаешь, что обязан обо всем докладывать мне.

Он начал ругать мальчика в гораздо более крепких выражениях, чем те, с которыми позволял себе обращаться к принцу. Хорошенько отчитав грума, он приказал Битиму:

— Всыпь ему как следует за глупость и нахальство!

— Со всем нашим удовольствием! — сурово сказал Битим и пошел к конюшням, в одной руке

держа мертвую лисицу, а в другой — ухо упирающегося грума.

Старшие грумы повели лошадей в стойла. Кэсерил с радостью отпустил своего скакуна и удовлетворенно отметил, что к завтраку он не опоздает. Ди Санда, чей ужас сменился яростью, конфисковал у мрачного Тейдеса его лук со стрелами и повел в замок. Последними словами принца, которые расслышал Кэсерил, были:

— Но мне так скучно!

Кэсерил рассмеялся. Как же трудно жить этому мальчику! Ужасный возраст! Терзаемый непонятными импульсами, преисполненный рвущейся наружу энергией, он вынужден торчать в церкви и молиться, а еще слушаться тупых и упрямых взрослых вместо того, чтобы ясным весенним утром охотиться за лисами… А утро-то какое! Лазурное небо, омытое утренним туманом, который растопило весеннее солнце. Тишина и покой замка, коими наслаждался Кэсерил, были для этого юного создания, запертого в каменных стенах, что твоя кислота.

Конечно, вряд ли ди Санда станет слушаться советов без году неделя живущего в замке кастиллара, да еще и *кастиллара без замка* — тем более при сложившихся сейчас между ними

отношениях. Но, как считал Кэсерил, если бы наставник-секретарь принца серьезно подумал о том, чтобы сохранить свое влияние на Тейдеса, когда тот войдет в зрелые годы и, не исключено, станет правителем Шалиона, то принципиально изменил бы свою тактику в отношении подопечного. А так Тейдес попробует при первой же возможности от него избавиться.

И все-таки Кэсерил должен был признать, что ди Санда добросовестно исполняет свои обязанности. Человек с такими же, как у него, амбициями, но с более подлым характером стал бы потакать аппетитам своего подопечного вместо того, чтобы сдерживать их и контролировать, и тот впал бы в нездоровую от наставника зависимость. Именно зависимость, а не верность и преданность! Кэсерил в свое время встречал парочку отпрысков знатных фамилий, испорченных своими наставниками. Правда, было это не в Баосии. Пока провинкара заботилась о своих внуках, такие паразиты просто не могли завестись в ее доме. Успокоив себя этим выводом, Кэсерил встал со скамеечки.

5

Шестнадцатилетие принцессы Изелль пришлось на самую середину весны. В этот день исполнилось ровно шесть недель пребыванию Кэсерила в Валенде. Из Кардегосса, столицы Шалиона, брат принцессы король Орико прислал сестре в качестве подарка серую, в яблоках, кобылу. То ли Орико все удачно рассчитал, то ли ему просто повезло, но, когда Изелль увидела лоснящуюся шерсть статной кобылы, ее охватил такой восторг, что очень долгое время она ничего вокруг себя не видела. Да, это был поистине королевский подарок, признал про себя Кэсерил. И ему не пришлось бороться со своим корявым почерком, потому что убедить Изелль самостоятельно написать брату благодарственное письмо не составило никакого труда.

В эти же дни Кэсерил стал объектом пусть

и осторожных, но все-таки ввергавших его в смущение расспросов со стороны Изелль и Бетрис, которые вдруг озаботились состоянием его здоровья. Они принялись усиленно опекать Кэсерила: чтобы улучшить его аппетит, за столом предлагали ему фрукты и различные деликатесы, советовали пораньше ложиться спать, пить целебные вина (правда понемногу), а также побольше гулять в саду. Истинная причина этой заботы стала ясной лишь тогда, когда ди Феррей, смеясь, рассказал провинкаре, что Изелль и ее служанка отказались от своих безумных скачек на лошадях по причине слишком хрупкого здоровья секретаря принцессы, который их обычно сопровождал. Кэсерил готов был возмутиться, но потом передумал и даже подтвердил диагноз коменданта тем, что некоторое время весьма убедительно прихрамывал. В конце концов, когда столь милые дамы оказывают тебе знаки внимания, можно и потерпеть, и притвориться…

Впрочем, он сам был невольным виновником этого маленького недоразумения. С каждым днем погода становилась все лучше, здоровье его тоже, воспоминания о перенесенных тяготах стирались, и он расслабился. Скоро начнется лето, жизнь успокоится окончательно — чего

еще желать? И вот однажды, наблюдая, как девушки носятся на своих конях по берегу реки, перепрыгивая через бревна и поднимая снопы сверкающих брызг на мелководье, он совсем забыл о безопасности. Это *его* лошадь прянула в сторону, когда на нее из чащи выскочил олень, и сбросила Кэсерила на груду камней, причем ударился он спиной так, что дыхание прервалось, а из глаз посыпались искры. Некоторое время он лежал, хватая ртом воздух и ничего не видя от выступивших на глаза слез, пока над ним, на фоне голубого неба и свежей листвы, не склонились два озабоченных женских личика.

Вдвоем, использовав вместо скамеечки ствол упавшего дерева, они взгромоздили Кэсерила на его лошадь и отправились в замок, причем, чувствуя вину за произошедшее, ехали так тихо и чинно, что гувернантка Изелль пришла бы в восторг. К моменту, когда их компания достигла ворот замка, голова у Кэсерила перестала кружиться, хотя продолжала терзать боль в спине: при падении он прорвал сросшиеся было мышечные ткани, и теперь там взбухла гематома величиной с яйцо. Теперь она почернеет и если рассосется, то не скоро. Главное теперь было спешиться. Подоспел со скамейкой грум, и Кэсерил,

озабоченный только своей спиной, сполз с коня и несколько мгновений стоял, кривясь от боли и приклонив голову к седельной луке.

— Кэс! — вдруг услышал он знакомый голос. Откуда? Кто это?

Подняв голову, он огляделся и увидел: к нему мчится, с распростертыми объятьями, высокий, атлетического сложения человек с черными волосами, в элегантной тунике из красной парчи и высоких сапогах для верховой езды.

— О Боги! — прошептал Кэсерил. — Да это *Палли*!

— Кэс! Кэс! Целую твои руки! Целую ноги!

Здоровяк схватил его в объятья и воплотил в реальные действия первую часть приветствия, заменив вторую крепкими объятьями.

— Кэс, друг мой! Я думал, ты погиб!

— Да нет! Нет, Палли!

Почти забыв о боли, Кэсерил крепко пожимал руки Палли, а когда увидел Изелль и Бетрис, которые спешились и, передав своих лошадей грумам, теперь с любопытством глядели на объятья двух мужчин, произнес:

— Принцесса Изелль, леди Бетрис! Позвольте представить вам сэра ди Паллиара, бывшего моим ближайшим соратником в Готоргете!

И, вновь обратившись к Палли, спросил:

— Но, ради всех пятерых Богов, скажи, что ты здесь делаешь?

— Я могу тебя спросить о том же, и с большими основаниями! — ответил Палли и отвесил поклон в сторону дам, которые рассматривали его со все большим одобрением. Пролетевшие два с небольшим года возвратили Палли его внешнюю привлекательность, хотя тогда, ближе к концу осады Готоргета, все они в крепости выглядели как ощипанные вороны.

— Принцеса! Леди! — провозгласил Палли, обратившись к дамам. — Позвольте представиться! Марч ди Паллиар!

И, вновь повернувшись к Кэсерилу, уточнил со вздохом:

— Теперь, увы, так.

— О! — сочувственно покачал головой Кэсерил. — Прими мои соболезнования. И давно?

Палли понимающе кивнул в ответ.

— Почти два года. У старика случился апоплексический удар, когда мы были еще в Готоргете, но он продержался, пока я не вернулся домой, слава Отцу Зиме! Он меня узнал, я ему рассказал о компании. И ты знаешь, перед смертью он тебя благословил, хотя мы оба думали, что тебя уже

нет в живых. Но скажи, куда ты подевался, Кэс?

— Меня… не выкупили.

— Не выкупили? Как так? Как *тебя* могли не выкупить?

— Какая-то ошибка. Моего имени не было в списке.

— Но ди Джиронал и рокнарийцы заявили, что ты умер от внезапной лихорадки.

Кэсерил натянуто улыбнулся:

— Нет. Меня продали на галеры.

Палли протестующе замотал головой.

— Какая еще ошибка? — воскликнул он. — Что за бессмыслица?..

Кэсерил пристально посмотрел в глаза Палли, прижал руку к его груди, и тот умолк, хотя во взгляде его читалось возмущение и протест. Палли был всегда чуток к разного рода намекам, если намекать убедительно и красноречиво. Выражение его лица говорило: ладно, потом расскажешь в деталях!

Теперь же он повернулся к улыбающемуся ди Феррею, который с интересом наблюдал за встречей давних друзей.

— Мой господин ди Паллиар приглашен провинкарой в сад, где они будут беседовать за бокалом нашего лучшего вина, — объяснил ко-

мендант. — Присоединяйтесь к нам, Кэсерил!

— Благодарю вас!

Палли взял Кэсерила под руку, и они проследовали за комендантом из замкового дворика, в ту часть сада, где садовник провинкары устроил цветник. Там в это время года провинкара любила бывать более всего. Палли шел бодрым широким шагом, Кэсерил же, по-прежнему превозмогавший боль, тащился, почти повиснув на его руке. Когда он споткнулся и едва не упал, Палли замедлил шаг и изучающе посмотрел на него. Разговаривать было не время: провинкара ждала их с терпеливой улыбкой в решетчатой беседке, увитой пока еще не распустившимися розами, и, когда они приблизились, указала им на принесенные слугами кресла. Кэсерил, скривившись от боли и издав легкий стон, не без труда устроился на подушке.

— О, демоны Бастарда! — тихо проговорил Палли. — Это рокнарийцы так тебя?

— Только наполовину. Их дело завершила леди Изелль.

Он наконец нашел приемлемое положение, облегченно вздохнул и закончил:

— И моя глупая лошадь.

Провинкара нахмурилась, увидев девушек,

которые, неприглашенные, стояли в сторонке.

— Изелль! Ты опять гоняла лошадь галопом? — спросила она строго.

Кэсерил отрицательно покачал головой.

— Это исключительно вина моей благородной клячи, моя госпожа! Ее атаковал, как она решила, олень, питающийся лошадьми. Лошадь бросилась в сторону, а я — не успел. Благодарю вас!

Он взял протянутый слугой бокал, полный вина, и тут же пригубил, чтобы не расплескать. Неприятное дрожание в животе понемногу исчезло.

Изелль бросила на Кэсерила благодарный взгляд, не ускользнувший от провинкары. Строго посмотрев на внучку, она приказала:

— Изелль! Бетрис! Смените костюмы для верховой езды на что-нибудь более подходящее для ужина. Мы деревенские жители, но мы не дикари!

И девушки покинули сад, бросив через плечо по паре взглядов на очаровательного гостя.

— Но как ты здесь оказался, Палли? — спросил Кэсерил, когда красавицы удалились. Палли, оказалось, тоже нужно было прийти в себя — девушки произвели на него неизгладимое впечатление. *Закрой рот, приятель!* подумал про

себя, ухмыляясь, Кэсерил.

— О! Я еду в Кардегосс, немного пошаркать ножкой при дворе. Мой старик постоянно гонял в столицу. Со старым провинкаром они были приятели, и вот, оказавшись возле Валенды, я послал сюда гонца, и моя госпожа…

Он отвесил поклон в сторону провинкары.

— …была достаточно добра, чтобы пригласить меня посетить ее замок.

— Я приказала бы доставить вас сюда в кандалах, если бы вы меня не навестили, — улыбнулась провинкара. — Я много лет не видела ни вас, ни вашего отца. Мне очень жаль, что он покинул нас.

Палли кивнул и вновь обратился к Кэсерилу:

— Мы собираемся остановиться на ночь и дать нашим лошадям отдохнуть, а утром, не торопясь, двинемся дальше. Погода слишком хороша, чтобы спешить. На дорогах теперь множество паломников — идут в храмы, на поклонение. А еще, как нам сообщили, много бандитов, которые грабят паломников, особенно — среди холмов. Но мы ни одного так и не нашли!

— А ты хорошо искал? — с удивлением в голосе спросил Кэсерил. Чтобы на дорогах не было бандитов — о таком он только мечтал!

— Но ведь я теперь в Паллиаре лорд-офицер ордена Дочери. Примерил, что называется, отцовские сапоги. И у меня теперь новые обязанности.

— Так ты путешествуешь с братьями-воинами?

— Скорее, с обозом. Там у меня бухгалтерские книги — веду сбор ренты, ищу пропавшее имущество, планирую доставку всякого барахла. В общем, получаю все удовольствия, которые только может получить командир. Спасибо, что ты меня всему этому научил. Но, как водится, — одна доля славы на девять долей навоза.

Кэсерил ухмыльнулся.

— Это еще приличное соотношение. Тебе повезло!

Палли усмехнулся в ответ и принял от слуги сыр и пирожные.

— Своих солдат я поселил в городе. Но ты, Кэс! Когда я сказал здешним людям, что был в Готторгете, первым делом они спросили, знаком ли я с тобой! А когда миледи сообщила, что ты здесь, что ты пришел… пешком пришел из Ибры, я едва сознание не потерял. Пришел пешком и выглядел как мышь, которую не доел кот.

Провинкара, как ни в чем не бывало, пожала плечами в ответ на укоризненный взгляд Кэсерила.

— Пришлось рассказывать им истории наших военных приключений, — продолжал Палли. — Битых полчаса рассказывал. Кстати, как твоя рука?

Кэсерил попытался расправить ладонь, лежащую на коленке.

— Более-менее, — сказал он и, поспешив сменить тему, спросил:

— Зачем едешь ко двору?

— Все никак не мог после смерти отца дать формальную присягу королю Орико. Мне же во время инвеституры придется представлять орден Дочери.

— Инвеституры? — переспросил Кэсерил. — И кого же приводят к должности?

— А что, — вмешался комендант, — Орико наконец решился назначить генерала ордена Дочери? С тех пор как старый генерал умер, не было ни одной знатной семьи в Шалионе, которая бы не терзала короля по поводу этой вакансии.

— Кто бы подумал иначе? — сказала провинкара. — Должность прибыльная, да и власти изрядно. Хотя и не так много, как у генерала ордена Сына.

— Верно, — кивнул Палли. — Объявлено еще не было, но все уже знают, что место достанется

Дондо ди Джироналу, младшему брату канцлера.

Кэсерил замер и, чтобы скрыть охватившую его тревогу, отхлебнул из бокала.

Через несколько мгновений провинкара сказала:

— Странный выбор. Предполагается, что генерал святого воинского ордена, как человек, должен быть более суров и сдержан.

— Так-так, — протянул ди Феррей. — Канцлер Марту ди Джиронал руководит орденом Сына. Этот будет командовать орденом Дочери. Два генерала в одном семействе. Опасная концентрация власти!

— Марту должен еще стать провинкаром ди Джироналом. Как только старый Ильдар покончит со своими делами на этом свете.

— Вот как? — спросил Палли неожиданно обеспокоенным тоном.

— Именно, — провинкара кивком подтвердила свои слова. — Семейство Ильдар по этому поводу выражает открытое недовольство. Мне кажется, они надеялись, что провинкаром станет кто-то из их племянников.

Палли пожал плечами.

— Да, братья Джиронал, благодаря покровительству Орико, летают весьма высоко. Если бы

я был умным человеком, то ухватился бы за края их туник и летал бы вместе с ними.

Кэсерил, чтобы скрыть свои чувства, утопил нос в бокале и поспешил сменить тему.

— А какие у тебя еще новости? — спросил он.

— За эти две последние недели? Наследник короля Ибры опять поднял флаг войны и пошел на эту старую лису, своего отца. Все думали, что зимнее соглашение обеспечит им мир, но что-то пошло не так. Наверняка король нарушил осенью какой-то пункт.

— Если он наследник, — произнесла провинкара, — то у короля, естественно, другого сына нет, верно?

— В прошлый раз Орико поддержал именно наследника.

— За счет Шалиона, — пробормотал Кэсерил.

— Мне кажется, Орико играет в долгую, — заметил Палли. — В любом случае, молодость победит.

— Если победит отец, радости для него в этой победе не будет, — задумчиво произнес ди Феррей. — Угробят тысячи жизней, а потом примирятся над трупами.

— Грустно все это, — сказала провинкара, поджав губы. — Ничего хорошего из этого не

выйдет.

Она вздохнула и, взглянув на Палли, произнесла:

— Ну, а как насчет хороших новостей? У королевы кто-нибудь родится?

Палли печально покачал головой:

— Увы, моя госпожа!

— Ну что ж, тогда пойдемте ужинать и больше ни слова о политике. От этих разговоров моя старая голова начинает болеть.

Несмотря на выпитое вино, мышцы у Кэсерила затекли, и когда он встал, то едва не упал головой вперед. Палли, подхватив его под локоть, удержал и при этом нахмурился. Кэсерил благодарно кивнул и отправился умыться и переодеться. А заодно и осмотреть свои синяки и ссадины.

Ужин удался на славу — обильный и веселый. За столом собрались почти все домочадцы. Ди Паллиар, привыкший за любым обильным столом быть душой компании, не умолкал, рассказывая разнообразные истории, и внимание всех — от лорда Тейдеса и принцессы Изелль до последнего пажа — было приковано именно к

нему. Несмотря на обильные возлияния, голова его работала исправно, и он делился только веселыми рассказами, где сам фигурировал в роли не героя а, наоборот, предмета насмешек. Когда он рассказал, как однажды участвовал вместе с Кэсерилом в ночной вылазке против рокнарийских саперов и они так напугали рокнарийцев, что те целый месяц не высовывались, все за столом, широко раскрыв глаза, с удивлением посмотрели на наставника-секретаря принцессы. И действительно, было непросто разглядеть в этом скромном человеке, который старался никогда не повышать голоса, головореза, который весь в земле и саже, с кортиком в руке и горящими от ярости глазами продирается сквозь пылающий лес к позициям врага. Кэсерилу же было неуютно под этими взорами. Как бы он хотел стать… невидимым! Пару раз Палли попытался передать ему роль рассказчика, чтобы он сам развлек собравшихся рассказами о своих воинских подвигах, и оба раза Кэсерил передал эту роль ди Феррею. После неудавшейся второй попытки Палли оставил эту затею.

Ужин затянулся, но наконец настал момент, которого Кэсерил одновременно и боялся, и желал: все разошлись на ночь, и Палли постучал в

комнату Кэсерила. Кэсерил впустил его, пододвинул сундук к стене, взгромоздил на него подушку, а сам сел на кровать. Оба — и он, и кровать, — скрипнули. Палли сел напротив, на сундук, и с присущей ему прямотой начал:

— Ты думаешь, ошибка, Кэсерил?

Тот вздохнул.

— У меня было одиннадцать месяцев, чтобы об этом подумать, Палли. Я думал об этом так долго, что от думанья мозоли натер на мозгах. Думал так, что едва не помер от напряжения. И тогда сказал себе: хватит. И больше не думаю.

На этот раз Палли не уступил намеку.

— Может быть, рокнарийцы просто захотели тебе отомстить, а потому спрятали от нас и сказали, что ты умер?

— Такой возможности не исключаю.

Хотя я собственными глазами видел список.

— А может быть, кто-то намеренно не вставил тебя в список? — не унимался Палли.

Список был написан рукой Марту ди Джиронала.

— Это был мой окончательный вывод.

Палли шумно вздохнул.

— Гнусное предательство! — воскликнул он. — И это после всего, что мы там вынесли! Кэс! Когда

я приеду ко двору, то обо всем расскажу Марту ди Джироналу. Он самый влиятельный лорд Шалиона, С его помощью мы раскрутим твое дело…

— Нет! — воскликнул Кэсерил, выпрямившись. — Не делай этого, Палли. Даже не говори ди Джироналу о том, что я жив. Не упоминай моего имени. Если мир будет думать, что я мертв, мне будет лучше. Если бы я понял это раньше, то остался бы в Ибре. Давай не будем об этом…

Палли недоумевающе посмотрел на Кэсерила.

— Но ведь Валенда не на краю света, — сказал он. — В конце концов люди узнают, что ты жив.

— Здесь тихое, мирное место, и я никого здесь не беспокою.

Другие люди в окружении Кэсерила были не менее храбрыми и не менее сильными, чем Палли, но Палли стал любимым лейтенантом Кэсерила в Готоргете именно благодаря своему уму и сообразительности. Нужно было лишь намекнуть, и мозги у того начинали работать… Он прищурился, и глаза его сверкнули в свете свечи.

— Так это *ди Джиронал*? Сам, собственной рукой? — проговорил он. — О Боги! Но что же такого ты ему сделал?

Кэсерил поморщился.

— Я не думаю, что это у него что-то личное.

Думаю, он просто оказал кому-то… маленькую любезность. Маленькую…

— Правду должны знать, по меньшей мере, двое. Кто они, Кэсерил?

Кэсерил может ему ничего и не говорить, но Палли все равно станет разузнавать, что, как и почему. Правда, смысла в этом никакого не будет, но его не остановить. Во всем-то он стремится дойти до самой сути! Никаких полутонов! Так уж устроен его мозг — если есть головоломка, Палли примется ее решать. Уже решает.

— Кто же мог питать к тебе такую ненависть? — продолжал задумчиво Палли. — Ты самый сговорчивый человек из всех, что я знаю. К дуэлям относишься крайне отрицательно, задир высмеиваешь так, что они выглядят дураками и больше не бузят. Никто лучше тебя не составляет договоры и соглашения. Ты умеешь избегать любых трений. Ты даже в азартные игры не играешь и не бьешься об заклад, да будут мне свидетелями все демоны Бастарда! А здесь — такая степень ненависти! Не понимаю, что ее могло вызвать!

Кэсерил потер лоб, который уже начинал побаливать, и не от сегодняшнего вина, и сказал:

— Думаю, страх.

Палли застыл в изумлении.

— И если все узнают, что ты знаешь то, что знаю я, тебя тоже будут опасаться. А мне не хочется подвергать опасности и тебя. Поэтому давай не будем об этом!

— Если страх, который питают твои враги, столь силен, то они станут меня подозревать уже потому, что мы с тобой увиделись и говорим. Их страх плюс мое неведение относительно его причин — о Боги! Кэс! Не отправляй меня в бой безоружным.

— Я никого и никогда больше не стану отправлять в бой! — заявил Кэсерил, и ярость, сквозившая в его голосе, едва не заставила Палли отпрянуть. Глаза его расширились. Но Кэсерил уже принял решение. Палли хочет узнать? Что ж, пусть узнает. Как только его любопытство будет удовлетворено и Кэсерил ему все расскажет, у того уже не будет охоты продолжать следствие.

— Если я расскажу тебе все, что знаю, до последней детали — ты дашь мне слово, что никогда и ни с кем не станешь об этом говорить? Даже упоминать не станешь — ни того, что я расскажу, ни самого моего имени? Никаких намеков, никаких полуправд?

— То есть всего того, что ты вываливаешь сейчас на меня? — сказал сухо Палли.

Кэсерил хмыкнул — наполовину от боли, наполовину от удовольствия:

— Именно!

Палли откинулся спиной на стену и отер губы.

— Да, тебе бы купцом быть, — усмехнулся он дружески. — Продаешь мне свинью в мешке, а я ее даже не вижу.

— Зато услышишь: *хрю*!

— Ладно! *Хрю* так *хрю*! Черт с тобой! Тебе нельзя не верить. Ты никогда не заводил нас в засаду, никогда не совершал необдуманных действий, зная, что от тебя зависит наша жизнь. Я всегда полагался на твой ум и выдержку — так же, как ты можешь положиться на мое молчание. Даю *слово*!

Отлично сказано. Кэсерил не мог не оценить то, что сказал Палли. Он вздохнул:

— Хорошо.

Несколько мгновений он сидел молча, не зная, с чего начать и приводя в порядок мысли. Собственно, это было излишне: он же много раз прокручивал эту историю в своем сознании, и она была отполирована, что называется, до блеска, но никогда еще ни одного слова из нее не срывалось с его уст.

— История недолгая, — сказал он наконец. —

Впервые я встретил Дондо ди Джиронала четыре… нет, пять лет назад. Я участвовал в Гвариде в той маленькой приграничной войне, что мы вели против рокнарийского принца Олуса. Ну, помнишь, тот ублюдок, который закапывал своих врагов по пояс в экскрементах, а потом жег их огнем. Его еще потом убили его собственные телохранители.

— Да, помню! Как мне говорили, закопали самого головой вниз в экскременты.

— Есть несколько версий. Но в то время, о котором я рассказываю, он был еще на коне. Лорд ди Гварида зажал армию Олуса в горах на самом краю его королевства. Нас с Дондо послали к нему в качестве переговорщиков, чтобы мы вручили ультиматум, а также оговорили условия капитуляции и суммы выкупа за пленных. Но все пошло не так, как мы планировали, и во время переговоров Олус решил, что ему достаточно вернуть в Шалион только одного посланника, чтобы тот сообщил совету лордов о том, что он не принимает никаких ультиматумов. Нас с Дондо привели в его палатку, где он сидел в окружении четырех звероподобных охранников с мечами и сказал: тот из нас, кто отрубит голову другому, вернется домой живым. Если мы откажемся оба,

то обезглавят обоих, а головы вернут с помощью катапульты.

Палли слушал, раскрыв рот.

— Мне дали право выбрать свою судьбу первым. Я отказался взять в руки меч. Олус прошептал мне: *Ты не сможешь выиграть в эту игру, лорд Кэсерил*. На что я ответил: *Да, я знаю. Но ты в нее все равно проиграешь, принц!* Несколько мгновений он молчал, после чего рассмеялся и повернулся к Дондо, который в этот момент был уже зеленый, как труп…

Палли дернулся, но не стал прерывать Кэсерила, а только дал знак продолжать.

— Один из охранников сбил меня с ног и поставил на колени, прижав голову к скамье так, что мышцы шеи напряглись, а Дондо взял меч и нанес удар.

— Охраннику по руке? — с надеждой в голосе спросил Палли.

Кэсерил мгновение колебался, после чего сказал:

— Нет.

Помолчал и продолжил:

— В последний момент Олус подставил под удар Дондо свой меч, и удар пошел вбок.

Кэсерил в воспоминаниях своих часто слы-

шал этот звук — скрежещущий удар металла о металл.

— Закончилось тем, что на шее у меня остался синяк, который держался целый месяц. Стражники же между тем отобрали меч у Дондо, нас обоих посадили на лошадей и отправили в лагерь лорда ди Гвариды. Руки мои были привязаны к луке седла, и перед нашим отъездом Олус подошел ко мне и прошептал: *А вот теперь мы посмотрим, кто из нас проиграет.*

— Домой мы ехали молча, — продолжил Кэсерил. — пока вдали не показался лагерь. Только тогда Дондо повернулся ко мне и сказал, что убьет меня, если я хоть кому-нибудь расскажу о том, что с нами произошло. Я же ответил: *Не волнуйтесь, лорд Дондо! За столом я рассказываю лишь забавные истории*. Наверное, мне следовало поклясться, что я буду хранить молчание. Хотя не исключено, что и это вряд ли бы помогло…

— Но он обязан тебе жизнью!

Кэсерил покачал головой и отвернулся.

— Я видел его душу голой, без всяких прикрас. Сомневаюсь, что он мне это простит. Я сдержал свое обещание, он молчал, и я думал, что этим все кончится. Но потом в нашей жизни случился Готоргет, а потом… Потом — то, что было потом. И

теперь я под двойным ударом. Если до Дондо каким-то образом дойдет, что я знаю, как оказался на галерах, моя жизнь не будет стоить и ломаного гроша. Но если я ничего никому не скажу, не стану предпринимать ничего, что напомнило бы ему… Может, он уже все и забыл? Наверняка у него нынче есть и другие враги, посерьезнее. Я же хочу, чтобы меня оставили в покое, в этом тихом, мирном уголке.

Он повернулся лицом к Палли и сказал — медленно и с нажимом на каждое слово:

— Не упоминай мое имя при Джироналах. Никогда. Ты не слышал моей истории. Ты даже толком и не знаешь меня. Пусть будет так, Палли, если ты мне друг.

Палли сидел, сжав кулаки. Да, он исполнит свое обещание, подумал Кэсерил. Но так просто усидеть Палли не мог. Он ерзал и изрыгал сдавленные проклятья:

— Как скажешь, но черт побери! Чтобы их всех… Это же черт знает что!..

Немного успокоившись, он принялся рассматривать Кэсерила и рассматривал долго и внимательно.

— Именно поэтому ты носишь эту кошмарную бороду? Ты сильно изменился.

— Ты думаешь? Может быть.

Палли вздохнул и спросил:

— А как… Как там все было, на галерах?

Кэсерил пожал плечами.

— Я был удачлив в своих неудачах. Мне удалось выжить. Не все этим могут похвастаться.

— О галерах рассказывают ужасные истории. Как там издеваются над рабами, как… как унижают…

Кэсерил погладил свою бороду, раскритикованную Палли. Наверное, он прав, но с бородой спокойнее.

— Эти истории не то чтобы лживы! Скорее там все преувеличено. Исключительные случаи там выдаются за правило. Нет! Хороший капитан относится к своим гребцам как умный фермер к своим животным — даже с какой-то добротой. Еда, вода, упражнения… О чистоте заботится, чтобы никто не заболел и вообще был в рабочем состоянии. Если человека бить смертным боем, вряд ли он сумеет нормально орудовать веслом. Хотя в порту, на суше — бьют. Для дисциплины, так сказать. А в море за дисциплину отвечает море.

— Не понял!

Кэсерил вскинул брови.

— Зачем рвать человеку кожу или разбивать голову, если можно разбить ему сердце, просто выкинув за борт, где он примется болтать руками и ногами, привлекая акул? Рокнарийцам нужно лишь немного подождать, и раб начинает орать и проситься назад, на борт. Рабство для большинства милее смерти.

— Ты всегда был отличным пловцом, — сказал Палли, и в голосе его зазвучала надежда. — И это наверняка тебе помогало.

— Боюсь, как раз наоборот. К тем, кто сразу шел на дно, судьба была более милосердна. Подумай об этом, Палли. Я об этом много думал.

Кэсерил пристально глядел в темноту и видел страшную картинку: вода смыкается над его головой… Или еще страшнее — не смыкается… Однажды надсмотрщик играл в эту игру с одним непокорным ибранцем, как вдруг задул штормовой ветер, и капитан галеры, не желая подвергать судно опасности, спешно направил его в порт, и надсмотрщик не успел вытащить из воды плавающего за кормой раба. Крики раба долго еще раздавались из-за кормы галеры, пока не стали совсем тихими и наконец не смолкли окончательно. Капитан оштрафовал надсмотрщика на сумму, равную стоимости одного раба, и тот

несколько недель ходил с кислой физиономией.

Палли, слушая рассказ Кэсерила, сокрушенно качал головой.

Было отчего!

— Правда, моя гордость, а еще больше мой язык стали причиной того, что однажды меня хорошенько избили. Но тогда я все еще воображал себя лордом Шалиона. Позже я избавился от этих иллюзий.

— Но ведь тебя не… Ты не стал ведь жертвой… То есть этих дел… Нет?

В свете свечи невозможно было понять, покраснел Палли или нет, но до Кэсерила наконец дошло, что Палли отчаянно пытается найти слова, чтобы спросить, не подвергался ли Кэсерил сексуальному насилию. Кэсерил сочувственно усмехнулся.

— Ты путаешь рокнарийцев с дартаканцами. Мне кажется, в таких историях кое-кто пытается выдать желаемое за действительное. Рокнарийские еретики, поклоняющиеся четырем Богам, считают преступлением те нетрадиционные формы любви, которым у нас покровительствует Бастард. Рокнарийские же богословы считают Бастарда демоном — как и его отца, но не Богом, хотя его святая мать — Богиня. Поэтому мы для

них — почитатели дьявола, что есть прямое оскорбление Госпожи Весны, да и самого бедняги Бастарда. Разве он просил, чтобы его произвели на свет? Поэтому-то рокнарийцы пытают и вешают тех, кого заподозрят в содомии, а лучшие из тамошних кораблевладельцев и на дух таких не подпускают к своим кораблям.

— Понятно! — облегченно вздохнул Палли, после чего (Палли в своем репертуаре!) спросил:

— А худшие?

— У таких бывало все. Меня, слава Богам, эта судьба миновала — думаю, я был слишком костляв. Но несколько юношей… Мы, рабы, понимали, что они принесены в жертву на наше благо, а потому старались быть к ним подобрее, когда они возвращались к веслам. Некоторые из них плакали. Некоторые же научились свой позор обращать во благо — получали дополнительную еду, всякие поблажки… И мы не особо сетовали, потому что знали, чем они за все заплатили. И это была опасная игра: рокнарийцы, которые втайне предавались с ними плотским утехам, в любой момент могли их убить, если возникала опасность разоблачения в грехе.

— У меня волосы встают дыбом. Я-то думал, что знаю, как устроен этот мир, а оказывается… Но,

слава Богам, тебя миновало самое плохое!

— А я уж и не знаю, что считать самым плохим, — задумчиво сказал Кэсерил. — Однажды со мной сыграли такую дьявольскую шутку, по сравнению с которой то, что испытали те несчастные юноши, можно было воспринять как дружеский жест. Самое интересное, что ни один рокнариец не рисковал за это жизнью.

Кэсерил никому еще не рассказывал об этом случае — ни братьям в монастырском приюте, ни домочадцам провинкары, ни самой хозяйке замка. Просто не с кем было поговорить — до этой самой минуты.

— Мой корсар совершил ошибку, напав на купца из Браджара. Когда он заметил галеры охраны, было поздно. Началась погоня, и я, перенапрягшись на жаре, потерял сознание. Чтобы получить от меня хоть какую-то пользу, наш надсмотрщик освободил меня от цепей, раздел догола и велел, предварительно привязав мои руки к лодыжкам, выставить к кормовым леерам, задом к нашим преследователям. Чтобы, так сказать, поиздеваться над ними. Не знаю, что меня спасло. То ли лучники у Браджара никуда не годились, то ли вступились за меня все пять Богов, но ни одна стрела, пущенная браждарцами, в меня не

попала. А стреляли плотно — думали, наверное, что я рокнариец. А может, хотели прервать мои страдания. В общем, повезло. А то мог бы закончить свой жизненный путь с дюжиной стрел в голой заднице!

Чтобы глаза Палли окончательно не вылезли из орбит, Кэсерил опустил некоторые, наиболее гротесковые детали.

— Ты помнишь, — продолжил Кэсерил, — в Готоргете мы жили в постоянном страхе долгие месяцы. И в конце концов привыкли к нему, как привыкаешь к ноющей боли в кишках. Она есть, но ты уже переболел ею и не обращаешь на нее внимание.

Палли кивнул, а Кэсерил, едва заметно улыбнувшись, проговорил:

— Но тогда я понял… Это очень странно… Я не уверен, что смогу это выразить.

Он, правда, до этой минуты и не пытался воплотить в слова то, что хотел сейчас открыть Палли.

— Я понял, что есть жизнь и по ту сторону страха. То есть там, где ни тело, ни ум уже не способны его терпеть. Весь мир, время, пространство… полностью себя видоизменяют, обретают совершенно иной порядок. Сердцебиение мое замедлилось. Я перестал потеть, в норму пришло

слюноотделение. Это было похоже… на транс, в который впадают святые и мистики. Когда рокнарийцы привязывали меня на корме, я плакал от ужаса и стыда. Но когда браджарцы отстали, и наш надсмотрщик велел меня отвязать, и меня, всего обожженного солнцем, бросили на палубу, я смеялся. Рокнарийцы, как и мои бедные товарищи, наверное, решили, что я сошел с ума. Но это не было безумием. Просто… изменился, стал новым весь мир!

Он помолчал и продолжил:

— Конечно, весь мир для меня тогда состоял в паре-тройке десятков метров, он был сделан из дерева и качался на воде, а о времени я мог судить только по корабельным склянкам, и я планировал по ним жизнь — не год за годом, а час за часом. Но все равно: все люди были прекрасны — и рокнарийцы, и их рабы, и хорошие, и негодяи; и все были мне друзьями, и я им улыбался, и не боялся никого и ничего. Хотя с тех пор я и позаботился о том, чтобы во время гребли не терять сознания.

На минуту воцарилось молчание.

— Поэтому, когда бы страх ни проник в мое сердце, — продолжил Кэсерил задумчиво, — я рад его приходу, ибо он есть знак, что я не сошел с

ума. Страх — мой друг!

Он посмотрел на Палли с извиняющейся улыбкой на устах.

Тот же неподвижно сидел, упершись спиной в стену, с глазами размером с блюдца, не мигая. Кэсерил рассмеялся.

— О Боги! Палли, прости меня! Я совсем не хотел нагружать тебя, как вьючного осла, своими переживаниями, чтобы ты их увез от меня подальше.

А может, и хотел — ведь Палли действительно собирался назавтра уезжать!

— Я вижу, они тебя под собой похоронили. Прости!

Палли отмахнулся — не нужно извиняться! Сглотнув, он спросил:

— А ты уверен, что это был не солнечный удар?

Кэсерил усмехнулся.

— Солнечный удар у меня тоже был. Но если он тебя не убил, через пару дней ты уже в полном порядке. А это длилось… много месяцев.

До последнего случая с этим юношей из Ибры и финального бичевания, которому подвергли Кэсерила.

— Мы, рабы… — начал он.

— Прекрати! — воскликнул Палли, схватив

себя за волосы.

— Прекратить что? — недоуменно спросил Кэсерил.

— Так говорить! *Мы — рабы!* Ты — лорд Шалиона!

Кэсерил криво усмехнулся и тихо сказал:

— А тогда, на галерах, мы тоже были лордами? Благородными господами — в поту, в моче, крови и мозолях, под палящим солнцем? Думаю, нет, Палли. Мы не были там лордами. Мы не были благородными господами. Мы были там либо людьми, либо животными. И то, кем ты там был, не зависело ни от крови, ни от происхождения. Самым благородным человеком, которого я там встретил, был простой дубильщик. И если бы я его встретил сейчас, я бы бросился целовать его ноги — от радости, что он жив! Рабы, лорды, мужчины, женщины — все мы, смертные, равны, и все мы являемся лишь игрушкой в руках Богов. То же самое я думаю и сейчас.

Выслушав Кэсерила, Палли глубоко вздохнул и неожиданно резко сменил тему — стал спрашивать о разных мелочах, важных для его миссии командира отряда гвардейцев Дочери, и Кэсерил начал рассказывать ему о разных хитростях ухода за кожей (чтобы не гнила) и копытами лошадей

(чтобы не попадала инфекция). Через некоторое время Палли ушел (а может быть, сбежал?). Достойный отход, подумал Кэсерил.

Потом он долго лежал в темноте наедине со своей болью и воспоминаниями. Несмотря на выпитое вино, сон к нему не шел. Да, страх, может быть, и был его другом (если сказано это было не для красного словца, чтобы объяснить Палли то, что с ним произошло), но к страху по поводу братьев ди Джиронал ничего дружеского он не ощущал, хотя именно они стали причиной его нынешних страхов. Рокнарийцы сообщили, что он умер от лихорадки. Это была ложь, причем ложь, которую уже не проверить. Да, здесь, в Валенде, он в безопасности — больше, чем где бы то ни было.

Кэсерил надеялся, что достаточно хорошо подготовил Палли к тому, как вести себя при дворе в Кардегоссе и не наступить в кучу старого навоза. Повернувшись в темноте, Кэсерил вознес молитву Госпоже Весны. Предметом его молитвы стала безопасность Палли. Следующей молитвой была молитва ко всем пяти Богам, включая Бастарда. Он молился о спасении всех, кто этой ночью отдал себя на милость бурной стихии океана.

6

Пришло время праздновать приход Лета. Поскольку во время торжественной церемонии роль Госпожи Весны здесь должна была по традиции исполнять только что вышедшая замуж молодая женщина, Изелль осталась не у дел. Робкая, скромная новобрачная передавала трон Богини зрелой женщине, носящей под сердцем ребенка. Кэсерил, наблюдавший за церемонией, краем глаза увидел, как облегченно вздохнул храмовый священник — на этот раз все прошло без эксцессов.

Жизнь замедлилась. Солнце немилосердно нагревало камни замка, и в душном классе ученицы Кэсерила без конца вздыхали и зевали, в чем им не уступал и их педагог. В один по-особому жаркий день он вообще прервал урок, да еще и отменил послеобеденные занятия, поскольку днем в помещении было совсем невыносимо. Как и обещала Бетрис, по мере наступления

более теплых и долгих дней состояние вдовствующей королевы улучшилось. Она стала чаще появляться за семейным столом и каждый день, после полудня, проводила время в дальнем конце сада провинкары, в тени пышных фруктовых деревьев, в компании своих служанок. Правда, служившие Исте люди не позволяли ей подниматься на кромку замковых стен, где она могла бы разделить удовольствие вдохнуть свежего ветерка с Изелль и Бетрис, которые спасались там от жары и от ворчания всевозможных стареющих личностей, не желавших карабкаться вверх по ступеням.

Как-то жарким днем, который последовал за дождливой ночью, Кэсерил рискнул в поисках прохлады сбежать из своего душного помещения в сад. Под мышкой у него была книга из достаточно скудной замковой библиотеки — одна из немногих, которые он еще не прочитал. Не то чтобы его волновала тема этой книги, озаглавленной «Пять дорог к высшей цели: об истинных методах квинтарианской теологии». Скорее факт наличия этой толстой книги на его коленях, с ее страницами, шуршащими на ветру, должен был убедить случайного прохожего, что Кэсерил не просто дремлет, а дремлет сном серьезного

ученого и педагога. Он обошел розарий и увидел королеву, сидевшую на скамье, которую он мечтал занять. С королевой была ее служанка, державшая в руках пяльцы. Как только женщины подняли на него глаза, Кэсерил, отогнав парочку назойливых пчел, отвесил поклон и пробормотал извинения за непрошеное вторжение.

Но как только он повернулся, чтобы уйти, вдовствующая королева окликнула его:

— Постойте, кастиллар… ди Кэсерил, верно?

И когда он повернулся к ней, спросила:

— Как у вас занимается моя дочь?

— Отлично, моя госпожа! — ответил Кэсерил, склонившись в почтительном поклоне. — Она очень хороша в арифметике и геометрии и настойчива в овладении дартаканским.

— Хорошо, — кивнула Иста. — Очень хорошо.

И отвернулась, переведя взор на залитый солнцем сад.

Служанка тем временем, склонившись к пяльцам, боролась с очередной ниткой. Сама леди Иста не занималась рукоделием, не вязала и не вышивала. Кэсерил случайно услышал от одной из служанок, что королева и ее дамы полтора года трудились над расшитым алтарным покрывалом для Храма, но в самом конце процесса, когда

оставалось сделать всего несколько стежков, Иста, воспользовавшись временным отсутствием своих спутниц, сожгла почти завершенную работу в камине. Правду ли рассказала служанка или нет, но в руках леди Исты нынче была не иголка, а роза.

Кэсерил всматривался в лицо королевы.

— Простите мою дерзость, моя госпожа, — начал он, — но я хотел спросить, помните ли вы меня по тем временам, когда я служил вашему благородному отцу в качестве пажа? Прошло много времени, и я не удивлюсь, если вы меня забыли.

Он улыбнулся.

— И в те годы я еще не носил бороды.

Чтобы помочь королеве, он прикрыл нижнюю часть лица ладонью.

Иста улыбнулась Кэсерилу в ответ, внимательно, слегка прищурившись, посмотрела на него, и отрицательно покачала головой:

— Увы! У моего отца было очень много пажей.

— Я понимаю! Ваш отец был влиятельным человеком, и его окружала огромная свита.

Он перекладывал книгу из одной руки в другую, чтобы скрыть разочарование, и вновь улыбнулся, извиняясь за дерзость. Он надеялся: то, что она

его не узнала, не связано с ее состоянием. Скорее в те годы, когда она переживала самый расцвет своей жизни, взгляд ее был устремлен вперед и вверх, а не вниз и по сторонам.

Служанка королевы, которая тем временем, что-то ворча, рылась в своей шкатулке для рукоделия, подняла глаза и проговорила, улыбаясь:

— Милорд ди Кэсерил! Если вас не затруднит, не могли бы вы на время составить компанию моей госпоже, пока я схожу за темно-зеленым шелком?

— Нисколько, леди, — машинально ответил Кэсерил. — То есть если…

Он глянул на Исту, которая ответила ему взглядом несколько ироничным.

Нет, в том, что он останется с королевой наедине, не крылось никакой опасности. Вряд ли она примется буйствовать, кричать и вообще выйдет из себя. Она даже слезы лила молча — он видел это, хотя и нечасто. Он поклонился служанке королевы; она же взяла его за локоть и, отведя за розовый куст, прошептала на ухо:

— Все будет хорошо. Просто не упоминайте имя лорда ди Лютеза. И оставайтесь с ней рядом, пока я не вернусь. Если же она сама станет говорить о нем, произносить его имя… просто не отходите

от нее — и все!

И она умчалась.

Кэсерил почесал затылок. Ничего себе, история!

Блестящий лорд ди Лютез в течение тридцати лет был ближайшим советником короля Иаса. Они стали друзьями еще в детстве, вместе воевали, вместе бражничали. Со временем Иас наградил друга всеми наградами, одарил всеми привилегиями, которые только были в его распоряжении: ди Лютез стал провинкаром сразу двух провинций, канцлером Шалиона, маршалом личной гвардии короля и командиром гвардии Сына, самого могущественного из святых орденов. О причине такой неистовой благосклонности шептались и враги, и поклонники ди Лютеза: настоящим королем Шалиона был ди Лютез — во всем, кроме официального титула; Иас же был его королевой…

В свое время Кэсерил пытался понять, слабость или же, напротив, мудрость заставила короля переложить всю грязную работу, результаты которой вызывали недовольство шалионской знати, на плечи ди Лютеза, а за собой оставить право называться *Иасом Добрым. Добрым*, а не *Сильным, Мудрым* или, на худой конец, *Удач-*

ливым. Именно ди Лютез устроил второй брак Иаса с леди Истой, заткнув рот тем среди кардегосского нобилитета, кто распространял слухи о несколько странной любви, которую король питал к своему старому другу. И тем не менее…

Через пять лет после свадьбы короля и леди Исты ди Лютез вдруг резко впал у короля в немилость. Обвиненный в предательстве и измене, он умер под пытками в казематах Зангры, королевского замка в Кардегоссе. За пределами шалионского двора ходили слухи, что предательством сочли любовь ди Лютеза к молодой королеве Исте. В кругах же более близких ко двору шептались, правда, еще более осторожно, по поводу того, что якобы сама королева убедила мужа уничтожить человека, которого считала соперником в своей любви к монарху.

В общем, любовный треугольник был разрушен; из трех его углов осталось два, а затем, не прошло и года со дня смерти ди Лютеза, вообще один: однажды вечером король лег, отвернувшись к стене, и больше не встал. Умер. А Иста забрала детей и сбежала из Зангры. А может, и была изгнана.

Ди Лютез. *Не упоминайте имя лорда ди Лютеза.* То есть ни слова не говорите об истории Шали-

она за последние полтора поколения. Хорошо, не буду!

Кэсерил вернулся к Исте и осторожно присел на оставленное служанкой кресло. Королева же принялась срывать лепестки с розы — мягко и осторожно отрывая по одному и складывая рядом с собой на скамейку — как ни странно, в форме именно розы, слой за слоем, спиралью.

— Мои мертвецы приходили ко мне сегодня ночью во сне, — сказала Иста, словно продолжая прерванный на мгновение разговор. — Хотя, думаю, это были ложные сны. А к вам ваши мертвецы приходят, Кэсерил?

Всмотревшись в лицо королевы, Кэсерил решил, что Иста слишком разумна, чтобы ее можно было считать сумасшедшей, хотя речи ее иногда бывали излишне отрывисты и даже бессвязны. И кроме того, он без труда понял то, что она сказала; если бы она была безумна, ему было бы не добраться до смысла ее слов.

— Иногда во сне ко мне приходят отец и мать. Ненадолго. Но они и говорят, и ходят как живые. Мне всегда жалко просыпаться и терять их…

Иста кивнула.

— Ложные сны всегда пронизаны грустью. Зато истинные — жестоки и беспощадны. Боги избав-

ляют вас от истинных снов, Кэсерил.

Кэсерил нахмурился и склонил голову.

— Обычно мои сны беспорядочны и нелепы, и воспоминания о них исчезают, как дым или туман, когда я просыпаюсь.

Иста склонила голову к растерзанной розе. Теперь она аккуратно складывала ее тычинки, похожие на обрезки шелковой нити, на скамью, в центр круга, образованного лепестками.

— Истинные сны, словно свинец, давят на ваше сердце и душу. Они тяжелы настолько, что могут… *утопить* вас в море печали. Истинные сны являются ясным днем. Но, тем не менее, и они способны вас обмануть — так же, как давший клятву человек может легко забрать ее обратно. Не доверяйте своим снам, кастиллар! И клятвам — тоже не доверяйте!

Она подняла глаза и внимательно посмотрела на Кэсерила.

Кэсерил откашлялся, чтобы скрыть беспокойство, которое с каждой минутой начинал ощущать все явственнее.

— О, нет, моя госпожа! Все не так уж и страшно. Например, я рад время от времени видеть своего отца. Где же мы еще с ним можем встретиться?

Иста посмотрела на Кэсерила со странной

улыбкой на устах.

— Так вы не боитесь ваших мертвецов? — спросила она.

— Нет, моя госпожа! Не боюсь.

— Возможно, ваши мертвецы — не такой уж и страшный народ!

— Совершенно верно, — согласился с королевой Кэсерил.

Высоко, под самой крышей замка, отворилось окно, оттуда выглянула служанка королевы, посмотрела в сад и, вероятно, успокоенная видом королевы, которая вела спокойную беседу с кастилларом ди Кэсерилом, помахала им рукой и исчезла из виду.

Кэсерилу стало интересно — а как Иста проводит время? Шитьем она не занималась, читала не много, собственных музыкантов не держала. Иногда Кэсерил видел ее молящейся, иногда даже по нескольку часов — в зале памяти предков или перед маленьким алтарем, который вдовствующая королева держала в своих покоях. Время от времени Иста, сопровождаемая служанками и ди Ферреем, посещала Храм в городе, но только в те часы, когда ни в Храме, ни на улице не было толп. А иногда по целым неделям она словно забывала о существовании Богов.

— Находите ли вы утешение в молитве, моя госпожа? — спросил Кэсерил, побуждаемый к тому любопытством.

Иста взглянула на него со слабой улыбкой.

— Я? — переспросила она. — Ни в чем мне нет утешения. Боги, и это вполне очевидно, посмеялись надо мной. Я могла бы ответить им тем же, но они держат мое сердце и мое дыхание заложниками своих капризов. Дети же мои — заложники судьбы, а судьба в Шалионе сошла с ума.

— Мне кажется, существуют гораздо более мрачные тюрьмы, чем этот согретый солнцем замок, моя госпожа! — нерешительно предположил Кэсерил.

Иста откинулась спиной на скамью и посмотрела на Кэсерила.

— Вероятно! А вы когда-нибудь были в Зангре, в Кардегоссе?

— Да, еще молодым человеком. Давно. Мне он напомнил гигантский лабиринт. Большую часть времени я плутал по его коридорам, как потерянный.

— Странно. У меня было такое же ощущение. Кстати, там множество призраков, вы знаете?

Ничего себе! О привидениях — и таким буднич-

ным тоном!

— Я бы удивился, если бы это было не так, — сказал он. — Это в природе больших крепостей и замков. Многие умирают там во время строительства, многие — воюя под их стенами. Шалионцы, рокнарийцы, первые короли, те, кто жил там до первых королей, в пещерах, много веков назад. Место притягательное.

Зангра много поколений была домом королей и аристократов, и почти все они закончили свои дни в замке. Некоторые сделали это весьма драматично, и об их смерти потом вспоминали долгие годы, другие — втайне.

— Зангра ведь старше, чем сам Шалион, и за это время она столько всего… накопила.

Иста принялась отрывать от стебля розы ее шипы и выкладывать их рядком на скамейке. Похоже было на зубья пилы.

— Да, — кивнула она. — Именно *накопила*. Точное слово. Она накопила целые подвалы зла — точно так же, как его рвы накопили тонны дождевой воды. Вы поступите мудро, Кэсерил, если всеми силами будете держаться от Зангры подальше.

— У меня нет никакого желания жить и бывать при дворе, моя госпожа.

— А я одно время желала. Всем сердцем. Но вы же знаете — Боги проклятьями отвечают на самые искренние наши молитвы. Молитва — опасное занятие. Молитву следует объявить вне закона.

И она принялась снимать кожу со стебля розы, полоску за полоской, обнажая белую сердцевину.

Кэсерил даже не знал, как ответить королеве, и лишь смущенно улыбался. Иста же принялась разрывать сердцевину по всей длине стебля.

— Лорду ди Лютезу было предсказано, что он утонет на вершине горы, а потому он смело плавал в любую погоду, в любой шторм — ведь на вершинах гор нельзя утонуть, там нет воды, и это всем известно! Вся вода — в долинах!

Кэсерил начал нервничать и посматривать — не идет ли служанка королевы. Но той все не было. Рассказывали, что лорд ди Лютез захлебнулся и умер, когда в подвалах Зангры его пытали водой. Да, это были подвалы, но, поскольку замок высоко вознесся над городом, дело происходило вроде как бы и на вершине горы. Облизнув вдруг пересохшие губы, Кэсерил начал:

— Вы знаете, я ни разу не слышал об этом предсказании при жизни лорда. Я думаю, все это сочинил позднее какой-нибудь любитель жутких

историй. Эффектная смерть значительной фигуры часто получает постфактум и самое эффектное объяснение.

Королева улыбнулась — очень странной улыбкой. Отделив от стебля последние лоскуты сердцевины, она положила их на колени и разгладила.

— Бедный Кэсерил! — проговорила она. — Так мало прожил, а такой мудрый!

Появление служанки с мотками цветного шелка в руках избавило Кэсерила от поисков ответа на сказанное Истой. Он встал и поклонился королеве:

— Ваша служанка…

Проходя мимо той, он кивнул и услышал шепот:

— Она в разуме, милорд?

— Да, абсолютно. Ну, понятно, в определенных границах.

— Про ди Лютеза не говорила?

— Ничего особенного.

Это для меня ничего особенного. А для нее?

Служанка вздохнула с облегчением и прошла к королеве, нацепив на лицо приветливую улыбку. Иста принялась терпеливо слушать о приключениях служанки, в которых той пришлось

участвовать во время поисков куда-то запропастившегося мотка зеленого шелка.

Да, вдовствующая королева, дочь провинкары и мать Изелль, совсем не безумна, как о ней шепчется большинство. Если она говорит с теми, кто составляет ее ежедневное окружение, на том языке, на котором она сейчас говорила с Кэсерилом, понятно, почему те объявляют ее безумной! Для Кэсерила же некая туманность ее речей была шифром, а не бессмыслицей. В ней была скрытая логика. Если бы только у него был к этому шифру ключ! Но где ж его взять? Хотя, с другой стороны, и при некоторых формах безумия люди говорят в такой же манере!

Взяв книгу под мышку, Кэсерил отправился на поиски более спокойного тенистого местечка.

Лето неспешно продвигалось вперед, и его неторопливый ход вносил в душу Кэсерила ощущение покоя. Лучше он чувствовал себя и телесно. Только бедняга Тейдес страдал от ничегонеделанья, поскольку путь на охоту ему преграждали, с одной стороны, жара, а с другой — наставник. Правда, к радости садовников, по утрам он весьма

успешно палил из лука по кроликам. Но что такое кролик для настоящего охотника! Лето было не его временем года. Есть люди, которые по самому складу личности своей готовы служить Сыну Осени, Богу охоты, войны и прохладной погоды. Таковым, безусловно, был Тейдес.

Кэсерил был немало удивлен, когда шел однажды на ланч, и его окликнул принц Тейдес, направлявшийся туда же в сопровождении своего наставника. Оба — и юноша, и его секретарь шли раскрасневшиеся: был у них, вероятно, очередной, и весьма ожесточенный, спор. Заметив Кэсерила, принц позвал:

— Лорд Кэс!

Кэсерил остановился и подождал, когда к нему подойдут запыхавшиеся от возбуждения Тейдес и ди Санда.

— Лорд Кэс! — спросил принц. — А правда ли, что учитель фехтования, который служил старому провинкару, водил пажей на скотобойню, где они убивали молодых быков? Ну, для того, чтобы внушить им храбрость и научить, как на дуэли противостоять опасному противнику? Не просто красиво танцевать, а по-мужски сражаться.

— Ну да, было дело…

— А что я вам говорил? — воскликнул Тейдес,

гляда на ди Санду.

— Но мы и на дуэльном ринге практиковались, — добавил Кэсерил, чтобы хоть как-то поддержать и ди Санду.

Но наставник принца только скривился в презрительной усмешке.

— Травля быков — это старая деревенская забава, принц, — сказал он. — А вам самой судьбой назначено быть джентльменом, а не помощником мясника. И такого рода тренировки — не для людей вашего уровня!

Провинкара не держала учителя фехтования, а потому, конечно, наставник принца должен был владеть оружием. Кэсерил, который время от времени видел, как принц фехтует с ди Сандой, оценил мастерство, с которым тот владеет мечом. Достойно. Вполне на уровне. Но если ди Санда и знал какие-то особо жестокие трюки, которые помогают человеку выжить во время резни на боевом поле, то вряд ли он показывал их Тейдесу.

Кэсерил криво усмехнулся.

— Наш учитель фехтования делал из нас не джентльменов, а солдат. И в том, что я жив — его заслуга, потому что поле боя — как оно есть на самом деле — это скорее скотобойня, а не дуэльный ринг. Наш учитель учил нас страшным вещам,

но иначе было нельзя.

Кстати, быку совершенно наплевать, будет ли перед ним целый час плясать какой-нибудь кретин с мечом, или ему сразу вломят кувалдой промеж глаз. Сам Кэсерил в свое время предпочитал не устраивать пляску смерти перед рогами быка, как это любили делать его сверстники, зато научился моментально укладывать разъяренное животное наземь — не хуже, чем профессиональный мясник.

— Кстати, на поле боя мы не ели то, что убивали, — за исключением, может быть, конины.

Ди Санда неодобрительно фыркнул в ответ на мрачную шутку Кэсерила, после чего, с умиротворяющим тоном в голосе, обратился к принцу:

— Завтра будем охотиться с соколами, милорд. Если, конечно, жара не помешает. И если вы выполните свое задание по картографии.

— Это развлечение для дам! С соколами охотиться на голубей! На кой черт мне эти голуби?

И добавил тоскующим тоном:

— При королевском дворе в Кардегоссе они осенью охотятся в дубовых лесах на диких кабанов. Вот это — настоящая охота, мужская! Говорят, эти свиньи опасны!

— Правильно говорят, — кивнул Кэсерил. —

Своими клыками они способны порвать собаку. Или лошадь. Или человека. Кабаны бегают гораздо быстрее, чем можно от них ожидать.

— А вы охотились в Кардегоссе? — спросил Тейдес.

— Несколько раз я там сопровождал на охоте своего лорда, ди Гвариду.

— Здесь, в Валенде, нет никаких кабанов! — вздохнул принц. — Но у нас есть быки. А это уже кое-что! Гораздо лучше, чем голуби или кролики.

Пытаясь успокоить принца, Кэсерил проговорил:

— Охота на кроликов — отличная школа для солдата. Пригодится, если придется охотиться на крыс. Иногда это единственная еда воина. А принцип охоты примерно тот же.

Ди Санда свирепо посмотрел на Кэсерила. Кэсерил же улыбнулся и, отвесив поклон, отошел, оставив принца наедине с его проблемами и его наставником.

За столом Изелль завела похожую песню, правда, объектом ее атаки стал не наставник, а бабушка.

— Бабушка! — проговорила принцесса. — Так жарко! Можно мы поплаваем в реке, как и Тей-

дес?

В связи с наступлением жары ежедневные верховые прогулки, которые принц совершал в компании наставника, грумов и пажей, были заменены на купания в огороженном заливе протекавшей возле Валенды реки — в том же самом месте, где в бытность свою пажом Кэсерил плавал в компании своих однокашников. Дамам, естественно, не позволялось участвовать в этих заплывах. Тейдес приглашал и Кэсерила разделить с ним и его свитой удовольствие дневного купания, но он вежливо отказывался, ссылаясь на свои обязанности по отношению к Изелль, хотя причина отказа была в ином: ему не хотелось, раздевшись, превратиться в мишень для вопросов о происхождении шрамов на исполосованной бичами спине. Он еще помнил недоразумение с мальчиком-слугой в бане.

— Конечно же, нельзя! — ответила принцессе провинкара. — Это неприлично!

— Но мы поедем не с *ним*! — настаивала Изелль, имея в виду своего наставника. — Пусть там будут только дамы.

Она повернулась к Кэсерилу.

— Вы говорили, что, когда вы были пажом, дамы купались в реке.

— Служанки, принцесса! — строго пояснила провинкара. — Простой народ. Это времяпрепровождение не для вас.

Изелль пригорюнилась. Жара и впрямь была невыносимой. Бетрис, надеявшаяся, вероятно, на более благосклонный исход переговоров, совсем сникла. Принесли суп. Все с ненавистью посмотрели на горячий пар, который поднимался над тарелками. Но, стараясь ни на йоту не отступать от этикета, провинкара взяла ложку и сделала первый глоток.

Кэсерил же неожиданно произнес:

— Но ведь леди Изелль умеет плавать, ваша светлость, не так ли? То есть ее научили, когда она была маленькой, так?

— Нет, конечно, — покачала головой провинкара.

— О! — отозвался Кэсерил. — О господи!

Он оглядел стол. Королева Иста отсутствовала. Поскольку ничто не мешало ему говорить об этом опасном предмете, он рискнул продолжить.

— Я в этой связи вспомнил об одной ужасной трагедии.

Провинкара, прищурившись, посмотрела на Кэсерила. Ее рука с ложкой застыла на полпути к цели; Бетрис же, напротив, отправила свою

ложку в рот.

— И что за трагедия? — спросила провинкара.

— Она случилась, когда я служил в армии провинкара Гвариды, во время нашей войны с рокнарийским принцем Олусом. Его армия ночью, в грозу, перешла границу, и мне было дано задание эвакуировать дам из замка ди Гвариды, пока враг не окружил город. Полночи мы скакали, а к утру, на рассвете, нам пришлось форсировать небольшую реку. После грозы она разлилась, течением одну из дам смыло в поток с лошади, и вода унесла ее вместе с пажом, который бросился ей на выручку. Не успел я развернуть лошадь, чтобы поспешить на помощь, как они исчезли из виду… Мы нашли тела на берегу следующим утром. Река была не слишком глубокой и широкой, но несчастная, не умея плавать, запаниковала и сразу захлебнулась. А, между тем, небольшая предварительная тренировка спасла бы и ее жизнь, и жизнь еще двоих человек.

— Еще двоих? — переспросила Изелль. — Но их же было двое — она и паж.

— Под сердцем она носила ребенка, — ответил Кэсерил.

Над столом повисла тишина.

Провинкара потерла подбородок и, пристально

посмотрев на Кэсерила, спросила:

— Это реальная история, кастиллар?

— Увы, — вздохнул Кэсерил.

Кожа на теле той дамы была в ссадинах и кровоподтеках, вся в синих пятнах, под ногтями — глина, одежда промокла и, пропитавшись речным илом, стала тяжелой… Но не тяжелее той тяжести, что легла на его сердце.

— Мне пришлось сообщать обо всем ее мужу, — закончил Кэсерил.

Ди Феррей только хмыкнул. Комментировать историю Кэсерила он не взялся.

— Не хотел бы вновь оказаться в такой ситуации, — добавил Кэсерил.

Провинкара несколько секунд молчала, после чего заявила:

— Моя внучка не может плескаться в реке, в чем мать родила, словно она какой-то угорь, а не принцесса.

Изелль посмотрела на бабушку умоляюще:

— Но мы же можем надеть, скажем, длинные льняные рубашки.

— Это было бы разумно, — кивнул Кэсерил. — В критических ситуациях в воде люди, как правило, одеты.

Бетрис же добавила задумчиво:

— Это еще и лучше. Освежимся дважды — и во время купания, и когда будем сохнуть на берегу.

— Наверняка, кто-нибудь из служанок, живущих в замке, может показать принцессе, как нужно плавать, — вкрадчиво произнес Кэсерил.

— Ни одна из них не умеет этого делать, — твердо сказала провинкара.

— Так оно и есть, — подтвердила Бетрис. — Могут только вброд переходить, да и то только там, где мелко.

Она подняла глаза на Кэсерила и спросила:

— А вы смогли бы нас научить, лорд Кэс?

Изелль даже в ладоши захлопала:

— О да!

Кэсерил колебался. С другой стороны, в компании дам он сможет не снимать рубашку и никак это не объяснять.

— Я полагаю, смог бы, — ответил он, — если вы не будете против.

Он поднял глаза на провинкару:

— И если их светлость мне позволит.

Последовала долгая пауза, в конце которой провинкара проворчала:

— Ладно! Только смотрите не простудитесь.

Изелль и Бетрис предусмотрительно сдержались и не стали слишком открыто выражать

свою радость, но на Кэсерила посмотрели с выражением крайней признательности. А интересно, поверили ли они в правдивость его истории о гибели той молодой женщины?

Уроки начались в тот же день, после обеда. Кэсерил стоял посередине реки и пытался убедить несколько смущенных дам в том, что они не пойдут ко дну сразу, как только намочат волосы. Напротив, только опустив лицо и голову в воду и задержав при этом дыхание, они поплывут, даже не прилагая к этому никаких усилий. Наконец дамы расслабились и научились, повинуясь его инструкциям, держаться на поверхности. Плавучесть у них, конечно, была получше, чем у Кэсерила, хотя месяцы, проведенные за столом провинкары, несколько округлили бородатую физиономию кастиллара, в значительной степени утратившую сходство с волчьей.

Терпение Кэсерила было вознаграждено. К концу лета девушки плескались и ныряли в неглубокой реке, наполовину выпитой засухой, не хуже, чем опытные пловцы. При этом Кэсерил мог позволить себе посидеть в сторонке, по пояс

в воде, откуда время от времени изрекал какие-нибудь дельные советы.

То, что он выбрал именно такую позицию, лишь частично было вызвано желанием найти местечко попрохладнее. Да, следовало признать: провинкара была права, считая купание занятием неприличным. Она могла бы выразиться и более определенно — непристойным. Длинные льняные рубашки, которые, промокнув, льнули к юным гибким телам, служили насмешкой над скромностью, которую призваны были защищать, — неожиданный эффект, на который он не рискнул обратить внимание своих счастливых учениц. Что было еще хуже, это была палка о двух концах. Ткань, прилипшая к нему, красноречиво свидетельствовала о состоянии его ума, точнее… точнее, тела, которое наконец полностью восстановилось от пережитых в плену невзгод, — как он надеялся, что они не обратят на это внимания! Изелль, похоже, было не до него. Что касается Бетрис, то здесь он не был уверен. А вот служанка-гувернантка Изелль, средних лет дама по имени Нан ди Врит, которая отказалась брать уроки плавания, но болталась поблизости по щиколотку в мелкой водичке, полностью одетая, ничего не упустила из виду и, видно было, изо

всех сил боролась с собой, чтобы не сорваться и не захихикать. К чести ее, нужно было сказать, что она не только не смеялась, но и не жаловалась на него провинкаре. По крайней мере, так он думал.

Мало-помалу Кэсерил с неудовольствием обнаружил, что с каждым днем все больше и больше думает о Бетрис. Нет, конечно, речи пока не шло о том, чтобы совать под ее дверь скверные стишки — от этого его, слава Богам, уберегали сохранившиеся остатки здравого смысла. Да и играть на флейте под ее окном у него вряд ли бы получилось — руки уже не те! И, тем не менее, в этом жарком покое летней Валенды он начал думать о чем-то, что выходило за рамки обычного дневного распорядка.

Бетрис ему улыбалась — здесь он себя не обманывал. И она была к нему добра. Но она улыбалась и была добра и по отношению к своей лошади! На фундаменте ее искреннего дружеского расположения вряд ли можно было построить замок мечты, да еще внести туда застеленную постель. И тем не менее она ему действительно улыбалась.

Он отгонял от себя эти глупости, но они вновь овладевали им, наряду с прочими, и особенно — во время занятий плаванием. Но он твердо

решил: дурака он из себя делать не станет. То, что с ним происходит и что так его смущает, есть наверняка результат того, что он восстановил свою природную силу. Но что толку? Он гол как сокол, как и в те времена, когда служил пажом — ни земли, ни денег. К тому же поводов на что-то надеяться у него еще меньше, чем тогда. Это безумие — поддаваться голосу природы и любви. И тем не менее… Кстати, отец Бетрис находится точно в таком же положении, что и Кэсерил, — происхождение у него хорошее, но земли нет. Человек он, что называется, служащий. И вряд ли он стал бы презирать Кэсерила, плавающего в такой же, как и он, лодке.

Да, ди Феррей был слишком мудр, чтобы презирать Кэсерила. Но он также понимал, что красота его дочери и ее отношения с принцессой представляют собой капитал, который может в качестве жены принести ей нечто более достойное, чем нищий Кэсерил или те сыновья бедной местной знати, которые служат в замке пажами. Да и сама Бетрис считала этих малолеток досадливыми щенками — не больше! Но у этих юношей есть наверняка старшие братья, наследники пусть и небольших, но состояний.

Сегодня он погрузился в воду по подбородок

и притворился, будто не смотрит сквозь полуопущенные ресницы на Бетрис, забравшуюся на камень, и не видит ее мокрой, почти прозрачной рубашки, с которой стекает вода, ее черных волос, струящихся по изгибам плеч и груди. Она протянула руки к солнцу, после чего бросилась в воду, обдав снопом брызг Изелль; та же с веселым криком метнулась в сторону и ударила по воде ладонями, стараясь отплатить Бетрис той же монетой.

Дни между тем становились короче, ночи прохладнее, как и вечера. Приближался праздник явления Осени. Из-за перемены погоды всю прошлую неделю купаться было нельзя, и только пара дней была достаточно теплой для обычной поездки на реку. Зато теперь можно будет вволю галопировать на лошадях и охотиться. Вскоре купанья вообще прекратятся, и Кэсерил вернется в обычное состояние духа, как блудный пес в свою конуру. Только вот вернется ли?

День клонился к закату. Вечер обещал быть прохладным, и купальщики решили, обсохнув на каменистом берегу, отправиться домой. Кэсерил

был настолько погружен в свои переживания, что даже не настаивал, чтобы его подопечные, ради упражнения, говорили на рокнарийском или дартаканском. Наконец, он натянул свои тяжелые штаны для верховой езды и башмаки — отличные новые башмаки, подарок провинкары, — после чего нацепил меч. Подтянув на лошадях подпруги и сняв с них путы, он помог дамам подняться в седло, после чего маленькая кавалькада, постоянно оглядываясь на красоты речной долины, отправилась вверх по холму, к замку.

Повинуясь вдруг нахлынувшему на него бесшабашному чувству, Кэсерил приблизился к Бетрис, и их лошади пошли рядом, в ногу. Девушка взглянула на него, и легкая улыбка обнажила ямочку на ее щеке. Почему он не заговорил? Из трусости или от отсутствия сообразительности? И от того, и от другого, решил он. Они с Бетрис ежедневно служат Изелль. Если он нарушит сложившиеся между ними отношения каким-нибудь необдуманным признанием и будет отвергнут, удастся ли им восстановить ту легкость, с которой они нынче общаются, исполняя свои обязанности по отношению к принцессе? И все-таки он должен ей кое-что сказать. И скажет!

Но в этот момент, завидев ворота замка, лошадь Бетрис пошла рысью, и момент был потерян.

Как только копыта их лошадей застучали по тесаному камню, покрывавшему двор замка, из боковой двери выбежал Тейдес и закричал:

— Изелль! Изелль!

Рука Кэсерила автоматически скользнула к рукоятке меча — туника и панталоны мальчика были забрызганы кровью; но позади принца семенил запыленный, мрачный ди Санда, и Кэсерил успокоился: кровь на одеждах Тейдеса появилась, вероятно, когда он тренировался на скотобойне в искусстве владения мечом. Да и в криках принца звучал не ужас, а скорее восторг. Лицо же его светилось от неподдельной радости.

— Изелль! Случилось нечто чудесное! Догадайся, что.

— Да как же я догадаюсь? — смеясь, отозвалась принцесса.

Тейдес нетерпеливо отмахнулся, терпеть он больше не мог.

— Только что приехал курьер от короля Орико. Мы с тобой приглашены этой осенью прибыть ко двору в Кардегоссе. А мама и бабушка — нет! Ура! Наконец-то мы сбежим из Валенды!

— Мы едем в Зангру! — воскликнула Изелль, и,

соскользнув с седла, подбежала к брату. Схватив его за руки, она закружилась с ним в веселом хороводе. Склонившись на луку седла, Бетрис наблюдала за ними — в глазах ее светилась радость.

Гувернантка Изелль поджала губы — новость, которую сообщил принц, понравилась ей гораздо меньше. Наставник принца разделял ее чувства: он нахмурился, а его рот скривился в мрачно-скептической улыбке.

Кэсерил почувствовал, как вдруг пусто стало в его груди. Итак, принцессу призывают ко двору. Следовательно, в Кардегосс отправится и ее маленькая свита. Включая леди Бетрис.

И ее секретаря.

7

Караван принца и принцессы приближался к Кардегоссу по южной дороге. Путники поднялись на холм; под их ногами простиралась окруженная горами долина, в которой уютно угнездилась столица.

Ноздри Кэсерила трепетали, вдыхая острый холодный ветер. Прошедший ночью дождь очистил воздух, сделал его колким и прозрачным. Обрывки серо-голубых облаков сгрудились на востоке, очертаниями повторяя линию горных вершин, закрывавших горизонт. Луч заходящего солнца рассек долину, словно ударом меча. В месте слияния двух рек, на высокой скале, возвышающейся над долиной, реками и городом, стоял и сиял отраженным светом замок Зангра. Его каменные стены цвета свежей охры венчались башнями

с черепичными крышами, окрашенными в тон вечерним облакам. Крыши эти напоминали шлемы солдат, вставших на защиту двора и короля. Излюбленная резиденция шалионских монархов, Зангра выглядел не как дворец, а, скорее, как крепость, что говорило о том, что его хозяева посвятили свои жизни, прежде всего, делам войны — так же, как посвящают свою жизнь служению пяти Богам солдаты — братья святых орденов.

Принц Тейдес подвел своего гнедого коня ближе к лошади Кэсерила и встал рядом с ним, глядя на цель их путешествия с выражением благоговейного восторга на лице. Да, его влек сюда голод по настоящей жизни, свободной от опеки матери и бабушки. Но восторги Тейдеса наверняка уменьшились бы, если бы он до конца осознал, что его ждет в случае, если этот замок когда-нибудь станет принадлежать ему. Ведь Орико не зря вызвал его ко двору. Вероятно, отчаявшись заиметь наследника от собственного семени, он решил воспитать себе преемника из младшего брата.

Изелль придержала свою серую в яблоках кобылу и принялась рассматривать долину и замок.

— Странно, — сказала она. — Я помню, он был гораздо больше.

— Подождите, пока мы не подъедем поближе, — отозвался Кэсерил.

Сэр ди Санда, сидевший в крытой повозке, предложил двинуться дальше, и караван устремился вперед по покрытой грязью дороге: принц и принцесса, их секретари-наставники, леди Бетрис, слуги, грумы, вооруженные гвардейцы в мундирах зелено-черных тонов Баосии, дополнительные лошади, белый мул принцессы, который от дорожной грязи сделался вполне черным, а также объемный багаж.

Кэсерил, не одну собаку съевший в деле организации караванов с женским составом пассажиров и потерявший на этом немало волос (он, бывало, в отчаянии рвал их на своей голове), оценил то, что в конечном итоге у них получилось, как несомненный успех. Всего пять дней (четыре с половиной, если быть точным) потребовалось им, чтобы добраться из Валенды до столицы — и все благодаря собранности и деловитости принцессы, которая, полагаясь на помощь Бетрис, организовала сборы и поездку с изумительной эффективностью. И если по пути у них и были какие-нибудь задержки, то не по причине ее капризов.

Тейдес и Изелль и задали темп поездке, когда,

выехав из ворот замка, припустили по дороге впереди каравана, чтобы поскорее уйти от горестных воплей Исты, которые доносились из-за замковых стен. Изелль даже уши закрыла ладонями, а кобылой своей управляла исключительно движением коленей, посылая ее вперед, подальше от эхом отдававшихся криков матери, почему-то опечаленной тем, что перед ее детьми открываются столь радужные жизненные перспективы.

Известие о том, что ее детей от нее отрывают, бросило вдовствующую королеву в состояние если не безумия, то крайнего горя и отчаяния. Она плакала, молилась, спорила с детьми и матерью, снова плакала и наконец, ко всеобщему успокоению, замолкла. Ди Санда тайком поведал Кэсерилу, что королева, зажав его в каком-то углу, пыталась подкупить, чтобы он позволил ей бежать с Тейдесом. Но куда и как — этого она сказать не сумела. Королева цеплялась за края его одежды, что-то невнятно бормотала — словом, демонстрировала крайнюю степень безумия.

Пришла она и к Кэсерилу, когда он, накануне отъезда, паковал свои седельные сумки. С ним она говорила не так, как с ди Сандой; по крайней мере, не бормотала, а выражалась ясно и четко.

Некоторое время пристально глядя на Кэсери-

ла, она спросила:

— Боитесь ехать, Кэсерил?

Тот, за несколько мгновений обдумав ответ, сказал просто и честно:

— Да, моя госпожа.

— Ди Санда глуп, — сказала Иста. — Вы — нет.

Не зная, что на это сказать, Кэсерил отвесил вежливый поклон.

Она глубоко вздохнула и, посмотрев на него глазами, в которых, как ему показалось, открылась бездна, проговорила:

— Берегите Изелль. Если вы любили меня, если заботитесь о своей чести, берегите Изелль. Поклянитесь, что сделаете это!

— Клянусь.

Она внимательно рассматривала Кэсерила, но, к его удивлению, не стала требовать более многословных клятв и обещаний.

— От чего мне ее защищать, моя госпожа? — спросил он осторожно. — Чего вы боитесь, леди Иста?

Она молча стояла, освещенная неясным светом свечи.

И тогда Кэсерил повторил слова, сказанные в свое время Палли:

— Леди! Не отправляйте меня в бой слепым и

без оружия.

Она скривилась, словно от боли, в отчаянии покачала головой и, резко повернувшись, выбежала из комнаты. Служанка, с которой она приходила, в страшном беспокойстве ринулась за ней.

По мере того, как цель их путешествия приближалась, Кэсерил все больше подпадал под влияние радостных чувств, которые испытывали принц и принцесса, и забывал печальный образ мучимой отчаянием и страхом королевы. Дорога пересекла реку, ведущую к замку. Некоторое время дорога и река текли параллельно через поросшую лесом равнину, пока первый поток не слился с другим потоком. В тенистом лесу царила сухая прохлада. На другой стороне реки над дорогой вознесся каменистый обрыв высотой до трехсот футов; в разломах его ютились редкие деревья, отчаянно цеплявшиеся корнями за камни; то тут, то там росли папоротники.

Изелль остановила лошадь и принялась разглядывать обрыв. Кэсерил подъехал и встал рядом. Отсюда, снизу, трудно было определить, где кончается стена, созданная природой, и начинается та, что сложена человеком.

— Вот это да! — восхищенно произнесла Изелль.

— Мощно! — выдохнула подъехавшая к ним Бетрис.

— Зангру, — сказал Кэсерил, — никто и никогда не смог взять штурмом.

— Понятно! — задумчиво произнесла Бетрис.

Подхваченные речным потоком, мимо них плыли пожелтевшие листья, предвестники приближающейся осени. Всадники двинулись вперед, по направлению к огромной каменной арке, которая соединяла берега реки и открывала дорогу к одним из семи ворот города. Кардегосс делил с городом плато, обтекаемое двумя реками. Городские бастионы высились по краям высоких валов, которые очертаниями напоминали борта гигантского корабля, на носу которого стоял замок.

В ясном свете вечернего солнца город отнюдь не выглядел мрачным. Рынки, раскинувшиеся по сторонам улиц, пестрели разнообразием товаров и цветов; между рыночными рядами толпами бродили мужчины и женщины. Булочники и менялы, ткачи и портные, ювелиры и шорники, а также прочие ремесленники предлагали свои товары.

Принц и его спутники пересекли Храмовую площадь, у которой было пять сторон — по числу

Богов и количеству святых орденов, которые имели здесь свои резиденции. По площади сновали священники, служки, прочий церковный люд, которые выглядели скорее как измотанные своей бюрократической службой чиновники, чем святые аскеты. В центре площади, вымощенной толстыми плитами, высились украшенные трилистниками и прорезанные стрельчатыми окнами стены и башни кардегосского Храма Святого Семейства, более массивного, чем его домашняя копия, стоящая в Валенде.

К неудовольствию Тейдеса, который страстно желал поскорее добраться до цели путешествия, Изелль потребовала остановиться у Храма и послала Кэсерила совершить подношение в виде пригоршни монет — в благодарность Госпоже Весны за их благополучное прибытие в столицу. Служка с поклоном и с любопытством во взоре уставился на Кэсерила, который, отдав деньги, наскоро и невнимательно помолился, после чего, выбравшись на площадь, сел на коня.

Одолевая длинный пологий подъем к замковым воротам, путники проезжали по улицам, где плечом к плечу, высокие и массивные, громоздились дома знати, изготовленные из тесаного камня и украшенные изящными коваными ре-

шетками, защищавшими окна и ворота. В одном из этих домов в первые годы своего вдовства жила с детьми королева Иста, и Изелль, взволнованная воспоминаниями о раннем детстве, пыталась его найти, но бросила поиски после того, как знакомыми ей показались один за другим сразу три здания. Впрочем, принцесса взяла с Кэсерила обещание найти дом, где она провела несколько лет своей юной жизни.

Наконец они подъехали к воротам замка. Естественная лощина, прорезавшая плато, на котором раскинулся город, здесь превращалась в глубокий, затененный высокими откосами овраг, служивший крепостным рвом. Огромные валуны формировали основание стены замка; камни все были разной, неправильной формы, но сложены так умело, что никто не смог бы просунуть между ними и лезвие ножа. Кладка поверх валунов фундамента была делом рук рокнарийских каменотесов, которые вложили все свое искусство в создание геометрического каменного орнамента. Выше — новые ярусы аккуратно обработанного камня, которые уходили так высоко, что казалось, архитектор замка бросил вызов самим Богам, швырнувшим к его ногам гору валунов, которые стали фундаментом. Зангра была единственным

замком, возле которого у Кэсерила кружилась голова, когда он смотрел снизу вверх.

По навесному мосту всадники проехали к узкой арке и через нее — в замковый двор. Откуда-то сверху протрубил рог, и солдаты в мундирах гвардии короля Орико, вытянувшись в струнку, приветствовали прибывших. Крепко удерживая в руках поводья, леди Бетрис рассматривала устройство двора. Над ним доминировала недавно выстроенная прямоугольная башня, отметившая время правления короля Иаса и лорда Лютеза. Кэсерилу всегда хотелось понять, символом чего были огромные размеры этой башни — силы короля или же страхов, жертвой которых он был. Немного поодаль высилась другая башня, круглая, примыкавшая к углу главного здания. Крыша этой башни была провалена, а верхушка стены — полуразрушена.

— О Боги! — воскликнула Бетрис, глядя на руины. — Что здесь произошло и почему ее не восстановят?

— Видите ли, — начал Кэсерил тоном педагога — больше для того, чтобы внушить уверенность себе, а не Бетрис, — это башня короля Фонзы Мудрого.

Которого после его смерти знали скорее как

Фонзу Мудрствующего.

— Говорят, — продолжил Кэсерил, — что по ночам он любил бродить по ней, пытаясь по звездам вычислить волю Богов и судьбу Шалиона. Однажды ночью, когда он пытался с помощью магии смерти избавить мир от Золотого генерала, тогдашнего правителя Рокнари, поднялся ураган, ветром снесло крышу, а зажженный молнией пожар бушевал до утра, и его не мог потушить даже сильнейший ливень.

Когда рокнарийцы впервые хлынули с морского побережья, в своем первом энергичном натиске они заняли большую часть Шалиона, Ибры и Браджара, продвинувшись далеко за Кардегосс, к самим отрогам южных гор. Их передовые отряды угрожали самой Дартаке. Но из пепла старых, внутренне слабых королевств на холмистых равнинах стало взрастать новые воинства, которые поколениями сражались за то, чтобы вернуть утраченное. Воины-воры, создавшие экономику грабежа, сколачивавшие состояния не трудом, а кражей. Все поменялось радикально. Рокнарийцы собирали дань с покоренных земель, отправляя многочисленные, как стада саранчи, колонны воинов по горам и долам, и те силой забирали, что считали данью.

На смену этой практике пришла другая — взятка, подкуп, коррупция. Лучше же поделиться кое-чем с нужными людьми, чем все отдать ненужным! Постепенно весь Шалион превратился в сборище торгашей и взяточников. И трудно было сказать, кто перед тобой — солдат или бухгалтер! А такого солдата и победить в бою легче! И постепенно рокнарийцев вытеснили туда, откуда они пришли — на северное побережье и острова Архипелага, где они и образовали пять небольших государств. Но, уходя, рокнарийцы оставили на освобожденных землях свое наследие — замки и жестокость.

Золотой генерал, Лев Рокнари, мечтал развернуть ход истории. Мечом, подкупом и хитроумно сплетенными брачными узами за десять сияющих лет он объединил все пять государств в единое целое. В свои тридцать лет он поставил под знамена рокнарийской армии огромное количество людей, намереваясь двинуться на юг, огнем и мечом уничтожая квинтарианскую ересь и практику поклонения демону Бастарду. Разрозненные в своих усилиях, шалионцы, ибранцы и браджарцы раз за разом проигрывали битвы на всех фронтах.

Когда попытки уничтожить Золотого генерала

обычными способами не увенчались успехом, было решено извести его с помощью магии смерти. Но и здесь после дюжины опытов король Фонза потерпел неудачу. Внимательно изучив все происходящее, он пришел к выводу, что, вероятно, Золотой генерал был избранником одного из Богов и, чтобы уничтожить его, в жертву нужно принести не меньше чем короля. Фонза уже потерял в северных войнах одного за другим пятерых своих сыновей. Последний же из оставшихся в живых сыновей, Иас, отчаянно бился с рокнарийцами за проход в горах — единственный, еще не занятый врагами путь на равнину. И вот однажды грозовой ночью, взяв с собой только священника Бастарда и пажа, король Фонза вошел в круглую башню и запер за собой дверь…

На следующее утро придворные Шалиона, взломав дверь, нашли в башне три обгорелых трупа. Только разница в росте позволила им сказать, кто из троих был священником, кто пажом, а кто — королем. Дрожа от ужаса, королевский двор ждал своей судьбы. Курьер, галопом мчащийся на север с горестными новостями, встретился на полпути с курьером, несшим в Кардегосс радостные вести: Иас одержал победу над рокнарийцами. Похороны и коронация были проведены в стенах замка

Зангра одновременно, в один день.

Кэсерил внимательно рассматривал стены башни.

— Когда принц, а потом король Иас вернулся с войны, — вновь обратился он к Бетрис, — то приказал замуровать дверь и нижние окна башни, запретив кому бы то ни было проникать внутрь.

Темная тень, отделившись от вершины башни, взлетела и, хлопая крыльями, удалилась прочь. Бетрис охнула и вжала голову в плечи.

— Это вороны, — успокоил ее Кэсерил, проследив за полетом птицы на фоне темно-синего неба. — Они там устроили гнезда. Говорят, эту стаю кормят священники Бастарда. Умные создания. Храмовые служки приручают их и учат говорить.

Изелль, подъехавшая поближе, чтобы послушать историю своего царственного деда, спросила:

— И что они говорят?

— Не много, — отозвался Кэсерил, улыбнувшись. — Не видел ни одной вороны, у которой в словаре было бы больше трех слов. Но священники утверждают, что словарный запас у многих из них гораздо больше.

Ди Санда заблаговременно выслал вперед гон-

ца, который предупредил короля о прибытии брата и сестры, и как только они въехали во двор, толпа грумов и слуг высыпала из внутренних помещений, чтобы помочь гостям. Комендант замка собственноручно предложил принцессе Изелль скамеечку, чтобы помочь спуститься с лошади. Принцесса, увидев склонившиеся перед ней благородные седины, вспомнила о своем высоком положении и, ради разнообразия, не спрыгнула с лошади, как обычно, а максимально грациозно, по-дамски, сошла на каменное покрытие замкового двора. Бросив поводья на руки подбежавшему груму, Тейдес обозревал замок сияющим взором. Комендант быстро решил с ди Сандой и Кэсерилом дюжину практических вопросов — куда, в какие стойла отвести лошадей, а в какие (Кэсерил ухмыльнулся) — принца и принцессу.

Комендант проводил королевских родственников в их покои в левом крыле главного здания. Следом за ними шла вереница слуг, несущих багаж. Тейдесу с его свитой предоставили полэтажа, Изелль и ее спутницам — этаж наверху, над ним. Кэсерилу отвели небольшую комнату на мужском этаже, но в самом конце. Ему что, поручат охранять лестницу, ведущую наверх?

— Отдыхайте и осматривайтесь, — сказал комендант. — Король и королева примут вас вечером, во время торжественной церемонии, на которой будет присутствовать весь двор.

Толпа слуг, принесших воду, чистое белье и полотенца, хлеб, фрукты, сласти, сыр и вино, убедила приезжих, что с голоду они не погибнут.

— А где мой брат-король и его жена, моя невестка? — спросила коменданта Изелль.

Комендант отвесил поклон.

— Королева отдыхает, король же отправился в свой зверинец, доставляющий ему немалое утешение.

— Я бы хотела посмотреть зверинец, — задумчиво проговорила Изелль. — Король о нем мне часто писал.

— Скажите ему об этом, — отозвался комендант, улыбнувшись. — И он вам обязательно покажет своих зверей.

Дамы на своем этаже меж тем потрошили свой багаж, выискивая наряды для вечернего торжества — занятие, в котором Кэсерил вряд ли смог бы им помочь. Приказав слуге внести его багаж в предназначенную для секретаря принцессы узкую комнату, он разложил седельные сумки на кровати и вытащил из одной из них письмо

провинкары к королю, которое он должен был вручить монарху в собственные руки при первой возможности. Кэсерил успел лишь отмыть дорожную грязь со своих рук и выглянуть в окно — там, внизу, под его окном, находился овраг, заполненный водой и окруженный густыми деревьями.

Двигаясь к королевскому зверинцу, Кэсерил лишь однажды ошибся выбором маршрута. Зверинец был устроен вне замковых стен, через двор, и примыкал к конюшням. Собственно, найти его было нетрудно по странному запаху, который никоим образом не напоминал запах лошадиного навоза. Внимательно осмотрев арку входа, Кэсерил вошел и, дав своим глазам привыкнуть к темноте, осторожно двинулся вперед по проходу.

Парочка помещений, когда-то бывших стойлами, была переоборудована в клетки, и там содержались два огромных медведя с глянцево-черной шерстью. Один медведь спал, лежа на ворохе свежей соломы, другой, завидев Кэсерила, вытянул морду и принялся нюхать воздух, с надеждой глядя на непрошеного гостя. На противоположной стороне прохода жили в высшей степени странные звери, которым Кэсерил не смог найти названия — они напоминали длин-

ноногих козлов, но с длинными гибкими шеями, выпуклыми нежными глазами и густой мягкой шерстью. В отдельной комнате стояли клетки с большими, ярко раскрашенными птицами, которые, сидя на насестах, щелкали клювами и что-то бормотали, а по бокам коридора — клетки поменьше с маленькими разноцветными птичками, которые неумолчно щебетали, пели, чирикали и посвистывали. На выходе из птичника Кэсерил, наконец, увидел людей: грума в ливрее и толстого человека который положив ногу на ногу, сидел у низенького стола, удерживая за украшенный драгоценными камнями ошейник стоящего на столе крупного леопарда. Кэсерил замер, увидев, как близко человек поднес свою голову к разверстой пасти огромной кошки.

Человек специальной щеткой расчесывал шкуру леопарда. Облако желтых и черных шерстинок поднималось над зверем, а леопард выгибался под щеткой, и в глазах его Кэсерил, моргнув и присмотревшись, увидел истинный экстаз. Кэсерил так увлекся разглядыванием зверя, что не сразу понял — перед ним стоит король Орико.

Больше десятка лет, прошедших с той поры, когда Кэсерил видел этого человека в последний раз, не были к нему благосклонны. Орико нико-

гда не был слишком привлекательным, даже в расцвете молодости. Ниже среднего роста, с коротким носом, который в юности был сломан во время падения с коня, а сейчас походил на сплющенный гриб, выросший в центре лица. Волосы, рыжеватые и кудрявые, с годами, правда, стали пожиже, зато тело, в отличие от волос, — только плотнее и толще. Лицо у короля было пухлое и одутловатое, с нависшими над глазами веками.

Король мурлыкал что-то на ухо леопарду, а тот терся головой о тунику Орико, покрывая ее своей линяющей шерстью, после чего высунул язык размером с небольшую лопату и лизнул короля в укрытую парчой грудь, оставив мокрое пятно на королевском наряде. Рукава у Орико были засучены, и на них виднелись небольшие шрамы и царапины разной степени свежести. Леопард выгнул шею, ухватил Орико за руку и некоторое время удерживал в своих желтоватых зубах, не смыкая челюстей. Кэсерил снял ладонь с рукоятки меча и вежливо кашлянул.

Когда король повернулся к Кэсерилу, тот упал на одно колено и сказал:

— Мой государь! Примите самые почтительные приветствия от вдовствующей провинкары Баосии, поручившей мне передать вам это письмо.

Он протянул пакет и добавил — на тот случай, если король еще не знает о прибытии своих брата и сестры:

— Принц Тейдес и принцесса Изелль благополучно прибыли в ваш замок, мой государь.

— О, да!

Король кивнул груму, и тот, вежливо поклонившись, потянулся за письмом.

— Их светлость поручила мне передать письмо непосредственно в ваши руки.

— О, да, секундочку!

Не без труда склонившись, король приобнял леопарда, после чего пристегнул к ошейнику серебряную цепь. Промурлыкав что-то еще в ухо зверя, он подтолкнул того к краю стола. Леопард легко спрыгнул; король с усилием встал и, протянув конец цепи груму, произнес:

— Умегат!

Вероятнее всего, это было имя грума, а не леопарда.

Грум взял цепь и повел леопарда к клетке, находившейся чуть дальше по проходу, при этом довольно бесцеремонно подтолкнул коленом, когда зверь, остановившись, начал тереться о ее железные прутья.

Орико взял письмо, сломал печать, бросив

обломки воска на выметенный пол. Кивком он заставил Кэсерила подняться с колена и стал медленно разбирать изящный почерк провинкары, время от времени поднося бумагу ближе к глазам и прищуриваясь в тех местах, которые требовали большего напряжения глаз. Кэсерил, войдя в столь привычную для себя роль курьера, спокойно стоял, сложив руки за спиной и ожидая, что скажет король — отошлет или же станет задавать вопросы.

Грум тем временем завел леопарда в клетку и вернулся. По происхождению он был явно рокнарийцем — можно было даже не знать его имени. Высокий, хотя с годами и ссутулившийся. Кожа, которая в юности, вероятно, отливала золотом, с годами утратила блеск и приобрела тона потускневшей слоновой кости. Тонкие морщины окружали глаза грума и уголки его рта. Вьющиеся, цвета бронзы, волосы, с годами подернувшиеся солью седины, были сплетены в две косички, которые на затылке сходились в одну — типично рокнарийский стиль. И выглядел он как чистокровный рокнариец, хотя в Шалионе было немало полукровок; у самого короля в обоих коленах, восходящих как к шалионским, так и к браджарским королям, были принцы и принцес-

сы — рокнарийцы и рокнарийки. Отсюда, кстати, и фактура волос. На груме была ливрея Зангры, туника, лосины и накидка с вышитым символом Шалиона — королевский леопард на фоне замка. Грум выглядел гораздо более аккуратным и ухоженным, чем его хозяин.

Орико закончил чтение письма и вздохнул.

— Что, королева Иста по-прежнему грустит? — спросил он.

— Естественно, она печалится по поводу разлуки с детьми, — уклончиво ответил Кэсерил.

— Этого я и боялся, — отозвался король. — Но тут уж ничего не поделаешь. Лучше пусть она грустит в Валенде, а не в Кардегоссе. Я не хотел бы видеть ее здесь. С ней слишком… трудно.

Потерев нос тыльной стороной ладони, король чихнул.

— Напишите их светлости провинкаре о моем к ней почтении, уверьте ее, что ее внук и внучка находятся под моей братской защитой и покровительством, а их судьба — главная моя забота.

— Я собираюсь писать ей вечером — известить о нашем благополучном прибытии. И передам ваши слова.

Орико, кивнув, вновь потер переносье и, прищурившись, взглянул на Кэсерила.

— Я вас знаю? — спросил он.

— Не думаю, господин мой. Вдовствующая провинкара недавно назначила меня секретарем при принцессе Изелль. В юности я служил провинкару Баосии в качестве пажа, — добавил он.

Он не упомянул свою службу при ди Гвариде — факт, который мог заставить короля включить свою ближнюю память. Хотя вряд ли он различал кого-нибудь из той толпы придворных, которая окружала ди Гвариду! А если король не узнал его — в немалой степени благодаря его нынешнему облику (борода, седеющие волосы, весь его потрепанный жизнью вид), — то и другие, надеялся Кэсерил, не узнают. А интересно, сколько он сможет прожить здесь, в Кардегоссе, не называя своего имени? Менять же его, увы, слишком поздно!

Но некоторое время он, тем не менее, мог побыть анонимом — Орико удовлетворенно кивнул и отпустил его.

— Увидимся на банкете. Скажите моей сестре, что я с нетерпением жду нашей встречи.

Кэсерил, почтительно поклонившись, вышел.

Он шел к воротам замка и в беспокойстве покусывал нижнюю губу. Если на банкете вечером будет присутствовать весь двор, то явится и

канцлер Марту ди Джиронал, правая рука и постоянная поддержка короля. А там, где появлялся канцлер, обязательно оказывался и его брат, лорд Дондо.

Может быть, они меня тоже не узнают? Прошло два года с момента падения (*постыдная сделка*) Готоргета и еще больше — с того ужасного случая в палатке безумного принца Олуса. Появление кастиллара Кэсерила для этих могущественных лордов не может стать значительным событием. Да и откуда им знать, что он понял причину того, что его продали на галеры? Если он не станет привлекать к себе внимание, ничто не напомнит им о том, что они наверняка благополучно забыли. И он будет в безопасности.

Тщетные надежды.

Он сгорбился и ускорил шаги.

Вернувшись в свою комнату, Кэсерил принялся осматривать свой коричневый шерстяной камзол и черный плащ, намереваясь надеть их на банкет. Но, подчиняясь поступившему сверху приказу, который принесла запыхавшаяся служанка, он принялся доставать из багажа более

нарядное платье: бледно-желтую с голубыми полосами тунику с вставками бирюзовой парчи и темно-синие панталоны из запасов старого провинкара, все еще пахнущие специями, вместе с которыми они были упакованы для защиты от моли. Башмаки и меч завершили облачение придворного — вполне приличное, хотя и не было на нем ни колец, ни цепей.

Повинуясь настойчивому требованию Тейдеса, он отправился на верхний этаж, чтобы осведомиться, готовы ли дамы, и увидел, что его наряд формирует с их одеждой вполне гармоничный ансамбль. Изелль была одета в свои лучшие бело-голубые платье и плащ, а Бетрис и гувернантка принцессы — в бирюзовые и темно-синие наряды. Кто-то посоветовал принцессе не слишком увлекаться украшениями, и она ограничилась тем, что пристало носить девушке: бриллианты в ушах, брошь на груди, пояс с эмалями да парочка колец. Остальное несла на себе Бетрис, позаимствовавшая украшения у принцессы. Кэсерил же удовлетворился тем что есть, иначе говоря, ничем.

Всего раз семь-восемь дамы спохватывались — что-то было не так надето или забыто из одежды и украшений, и вот уже Кэсерил повел их вниз,

присоединиться к принцу и его свите, состоящей, по старшинству и важности, из ди Санды, баосийского капитана гвардейцев и его сержанта — оба в парадной форме, с мечами, украшенными драгоценными камнями. Шелестя дорогими тканями и позвякивая украшениями, блестящая процессия, предводительствуемая королевским пажом, двинулась к дверям тронного зала.

На мгновение их задержал комендант замка, чтобы перестроить в порядке, предписанном правилами придворной иерархии, после чего двери тронного зала отворились, прозвучал звук рога, и комендант объявил — четко и громогласно:

— Принц Тейдес ди Шалион! Принцесса Изелль ди Шалион! Сэр ди Санда…

И дальше — по мере установленного порядка:

— Леди Бетрис ди Феррей! Кастиллар Люп ди Кэсерил! Леди Нан ди Врит…

Бетрис краем глаза взглянула на Кэсерила. Во взгляде ее сверкнули искорки смеха, и она спросила:

— Люп? Ваше первое имя — *Люп*? На одном из древних языков это означает *волк*!

Кэсерил решил, что в данной ситуации у него есть законный повод не отвечать — не до этого! В зале толпились придворные лорды и леди, шеле-

стели шелк и бархат, позвякивали бриллианты; воздух был напитан ароматами духов и всеобщим возбуждением. В этой толпе его одеяние выглядело вполне приличным; если бы он оделся в свой обычный черно-коричневый наряд, то смотрелся бы как ворона на сборище павлинов. А здесь даже стены были драпированы красной парчой.

На возвышении в конце тронного зала, осененном шатром из красного шелка, украшенного золотым шитьем, на позолоченных креслах восседали король Орико и королева Сара. Вечером Орико выглядел лучше, чем днем, — чисто умытый, в аккуратных одеждах, с легким румянцем на пухлых щеках. На голове его, в полном соответствии с замшелыми средневековыми обычаями, красовалась золотая корона. Королева была одета в весьма элегантное алое платье, в тон с одеянием супруга. Сара сидела подчеркнуто прямо, даже несколько чопорно, как показалось Кэсерилу. Ей было около тридцати пяти, и ее былая красота и свежесть несколько потускнели, а на лице застыло какое-то деревянное выражение, и Кэсерил понял, насколько смешанные чувства владеют королевой во время королевских приемов. Будучи так долго бесплодной, она понимала, что не исполнила своей главной обязанности по

отношению к Шалиону, и склонна была винить исключительно себя. С другой стороны, когда Кэсерил был близок ко двору, он слышал разговоры, что у Орико не было и внебрачных детей, хотя объясняли это, как правило, его образцовой верностью жене и приверженностью исключительно брачному ложу. Приглашение ко двору принца Тейдеса можно было воспринять как публичное признание печального фиаско, которое королевская семья потерпела в весьма частном секторе своей государственной деятельности.

Принц и принцесса подходили к королю и королеве по очереди. С монархом и его супругой они обменялись родственными поцелуями, хотя полный ритуал приветствия предполагал целование лба, рук и ног. Но сегодня церемония шла по облегченной программе. Каждый же член свиты Тейдеса и Изелль должен был, преклонив одно колено, целовать руку короля и королевы. Рука Сары под поцелуем Кэсерила была холодна, как воск.

Кэсерил, стоя позади Изелль, тайком потирал спину, готовясь к проходу вереницы придворных, ни одному из которых принц и принцесса не имели права отказать в приветствии, а также пусть и малом, но знаке внимания. Дыхание замерло в

груди Кэсерила, когда он увидел, кто из придворных первым приближается к Тейдесу и Изелль.

Марту ди Джиронал был одет в полный мундир генерала святого военного ордена Сына, и преобладали в его одеянии коричневый, оранжевый и желтый цвета. С тех пор, как Кэсерил последний раз видел генерала три года назад, получая из его рук ключи от Готоргета и полномочия командира гарнизона, ди Джиронал изменился не сильно. Суховатый, с седеющими волосами, холодным взором, налитый энергией и неулыбчивый — такой же, как и в те дни. Широкая перевязь, на которой висел меч ди Джиронала, была украшена изготовленными из эмали и драгоценных камней символами Сына, а также изображениями оружия, животных и кубков. Тяжелая золотая цепь канцлера Шалиона висела на шее генерала.

Руки его украшали три перстня с печатями: один — с печатью его собственного дома, один — Шалиона и один — ордена Сына. И больше никаких украшений: никакие драгоценные камни не затмили бы блеск власти, воплощенной в поясе, печатях и цепи канцлера.

В генеральских одеждах был и лорд Дондо ди Джиронал. В его наряде преобладали белый и голубой цвета Дочери. Гораздо более плотный, чем

брат, а также страдающий излишней потливостью, в свои сорок лет он по-прежнему воплощал присущую всей семье энергию. Он ничуть не изменился с тех пор, когда Кэсерил видел его в лагере брата — за исключением появившихся с тех пор на его груди новых знаков отличия. Когда-то Кэсерил думал, что Дондо, отличавшийся неумеренностью за столом и в постели, падкий до плотских утех, в конце концов станет таким же толстым и потрепанным, как Орико, но оказалось, что он нажил себе всего-навсего небольшое брюшко. Сияющие разнообразными драгоценностями руки, уши, шея, орнаментированные золотом носки башмаков — все говорило о том, что он решил с избытком восполнить недостаток драгоценностей, ощущавшийся в одежде брата. Ди Джиронал просто скользнул взглядом по Кэсерилу и не узнал. Зато брат его уже при приближении мрачно сдвинул брови и нахмурился, вглядываясь в смутно знакомые черты. Узнав кастиллара, он нахмурился еще сильнее, но тут же вынужден был отвести глаза, поскольку его брат приказал слуге принести подарки, предназначавшиеся принцу Тейдесу, — отделанные серебром седло и упряжь, а также изысканной работы охотничий лук и копье для медвежьей

охоты с сияющим стальным наконечником. Тейдес, искренне взволнованный подарками, сердечно благодарил.

Лорд Дондо, поприветствовав принцессу, щелкнул пальцами, и тут же вперед выступил слуга с маленькой шкатулкой. Театральным жестом открыв ее, Дондо извлек оттуда невероятной длины нитку жемчуга, которую показал всем окружающим, после чего обратился к Изелль:

— Принцесса! Позвольте от лица святого ордена Дочери, моей славной семьи и от себя лично приветствовать вас в Кардегоссе! Могу ли я в качестве подарка преподнести вам эту нитку жемчуга, в два раза превосходящую длиной ваш рост…

Он потряс ниткой, которая, действительно, будучи сложенной вдвое, была размерами с принцессу.

— …и поблагодарить Богов за то, что вы не выше, чем есть; в противном случае, я был бы разорен.

Смех пронесся по толпе придворных. Дондо улыбнулся Изелль и прошептал:

— Можно?

И, не дождавшись ответа, наклонился вперед и перекинул нитку через ее голову. Принцесса отклонилась, когда рука придворного как бы

случайно коснулась ее щеки, и принялась восхищенно перебирать и рассматривать сверкающие шарики жемчуга. Принцесса поблагодарила дарителя, а тот поклонился — слишком низко, подумал Кэсерил, усмотревший во всем этом действе некую насмешку.

Лишь после этого Дондо улучил мгновение и что-то произнес брату на ухо. Кэсерил не расслышал слов, но по тому, как сложились поросшие бородой губы младшего брата, можно было прочитать *Готоргет*. Ди Джиронал взглянул на Кэсерила мрачным острым глазом, но оба тут же вынуждены были покинуть место действия, ибо очередь дарителей была достаточно длинна и напориста.

Водопад подарков — и умных, и просто дорогих — пролился на принца и принцессу. С помощью Бетрис Кэсерил не просто охранял подарки, но и делал детальные заметки относительно тех, кто и что дарил. Позже эти записи он использует при составлении полной описи. Придворные роились вокруг молодых брата и сестры короля, как пчелы вокруг пролитого меда. Тейдес находился в столь сильном и радостном возбуждении, что за малым не принимался хихикать и по поводу, и без повода. Ди Санда стоял рядом с принцем, несколько

напряженный, но довольный. Изелль, хотя блеск и красота двора и произвели на нее впечатление, вела себя с подобающим ее статусу достоинством. Забеспокоилась она лишь однажды — когда ей представили посла одного из северных рокнарийских государств — высокого, с золотистой кожей и каштановыми волосами, уложенными в аккуратные косы. Его расшитые одежды затрепетали, словно знамена на ветру, когда посол поклонился принцу и принцессе. Принцесса без улыбки, но вежливо ответила на приветствие и поблагодарила за прекрасный пояс, украшенный кораллами, нефритами и золотом.

Подарки, преподнесенные Тейдесу, были более разнообразны, хотя чаще всего ему дарили оружие. Принцессу одаривали преимущественно драгоценными камнями. Правда, были там еще и три музыкальные шкатулки. Наконец все подарки, за исключением тех, что были уже надеты на принца и принцессу, выложили на столах для всеобщего обозрения, где они и лежали некоторое время под охраной двух пажей — демонстрация богатства, ума и щедрости дарителей (знаком чего они, собственно, и были). Вся же толпа придворных отправилась в банкетный зал.

Принца и принцессу провели за королевский

стол и посадили рядом с королем и королевой. Дальше за столом уселись братья ди Джиронал. Канцлер ди Джиронал несколько скованно улыбался четырнадцатилетнему Тейдесу, Дондо же старался произвести на Изелль наиболее благоприятное впечатление, хотя заметно было, что своим шуткам он смеется гораздо громче, чем она. Кэсерила посадили за один из столов, установленных перпендикулярно по отношению к столу королевскому, недалеко от его подопечной. Рядом с ним оказался средних лет человек, представившийся послом Ибры.

— Ибранцы хорошо отнеслись ко мне во время моего последнего визита в вашу страну, — вежливо проговорил Кэсерил, когда они познакомились, не вдаваясь в детали. — А вы по каким делам в Кардегоссе, милорд?

Ибранец дружески улыбнулся.

— Вы ведь человек принцессы Изелль, верно? Ну что ж, скажу: главным образом, меня привлекли сюда прелести осенней охоты. Но, кроме того, мой король попросил меня убедить короля Орико не оказывать поддержки новому восстанию наследника нашего престола, которое тот учинил в Южной Ибре. Его, кстати, поддержала Дартака. Но я уверен, что со стороны дартакийцев это —

медвежья услуга, и наш наследник со временем это поймет.

— Восстание наследника, конечно же, есть серьезный удар по королю Ибры и причина серьезных беспокойств, — вдумчиво сказал Кэсерил, и в словах, и в тоне своем сохраняя строгий нейтралитет. Старый Лис Ибры достаточно часто за последние тридцать лет играл с Шалионом в двойную игру, считаясь ненадежным другом и опасным врагом, и эта то затихающая, то вновь вспыхивающая распря с сыном наверняка была возмездием за его вероломство: с Богами шутки плохи!

— Я не знаю, что думает по этому поводу король Орико, — продолжил он, — но, как мне кажется, более надежным делом было бы поддержать именно сына. Враждующие стороны либо помирятся, либо само время решит их спор. Борьба с молодостью обречена на неизбежное поражение — это борьба с будущим!

— Не в нашем случае. У Ибры есть еще один сын.

Посол склонился к уху Кэсерила и прошептал:

— И это обстоятельство не ускользнуло от наследника. Чтобы обезопасить себя, прошлой осенью он решил избавиться от соперника.

Это было гнусное нападение, хотя наследник и уверял всех, что он ни при чем и попытку убийства организовали его излишне услужливые царедворцы, которые не так поняли его слова. Слишком хорошо они все поняли! Но попытка покушения на принца Бергона была пресечена, слава Богам! Этим поступком наследник истощил терпение отца. Мира между ними уже не будет, пока Южная Ибра не подчинится воле короля.

— Печальная история, — сказал Кэсерил. — Будем надеяться, что ее участники найдут разумное решение.

— Что нам остается? — кивнул посол и одобрительно улыбнулся — ему, верно, понравилось искусство, с которым Кэсерил обходил в этом деле острые углы и сохранял нейтралитет.

Еда в Зангре была отменной, и Кэсерил насытился так, что глаза его за малым не сходились к носу. Придворные двинулись в зал, где должны были начаться танцы и где король Орико, к зависти Кэсерила, уже спал в своем кресле. Придворные музыканты превзошли самих себя. Королева Сара, как и король, не танцевала, но черты лица ее смягчились, и она явно наслаждалась музыкой, отбивая такт ладонью по ручке своего кресла. Кэсерил, уютно устроившись у

боковой стены и предавшись мирным заботам пищеварения, смотрел на более молодых и энергичных, а может быть, просто менее объевшихся танцующих, которые изящно двигались под звуки изысканных мелодий. Ни у Изелль, ни у Бетрис, ни даже у Нан ди Врит не было недостатка в партнерах.

Кэсерил недовольно нахмурился, когда рядом с Бетрис появился третий… нет, пятый партнер по танцам. Королева Иста была не единственной родительницей, обратившейся с просьбой присмотреть за ее дитятей перед тем, как Кэсерил покинул Валенду. С тем же пришел к нему и ди Феррей. *Приглядите за моей Бетрис*, просил он Кэсерила. *Конечно, с ней должна была бы поехать ее мать или другая какая-нибудь дама, которая знает жизнь, но…* Ди Феррей, с одной стороны, боялся опасностей, которые могли подстерегать юную девушку при дворе, а с другой, он боялся упустить открывающиеся возможности. *Научите ее остерегаться ничего не стоящих искателей, проходимцев, безземельных вертопрахов — ну, вы ведь знаете…* Еще бы Кэсерилу не знать! Он ведь и сам — безземельный… *С другой стороны, если она встретит достойного человека, ну, скажем, такого, как ваш друг, марч ди Паллиар…* Пример

был, как показалось Кэсерилу, выбран не так уж и произвольно. Не успела ли Бетрис отметить для себя этого энергичного молодца? Палли, к сожалению, при дворе не было — он вернулся в свои края после торжественного возведения Дондо в статус генерала ордена Дочери. А жаль! Кэсерил рад был бы хотя бы одному знакомому лицу на этом сборище придворных!

И тут, глянув в сторону, он увидел знакомое лицо. Холодная, но далеко не приветливая улыбка. Канцлер ди Джиронал, приветствуя Кэсерила, кивнул; Кэсерил оттолкнулся от стены и поклонился. Несмотря на выпитое и съеденное, ум его при виде ди Джиронала пришел в состояние полной боеготовности.

— Ди Кэсерил! Это вы? Мы думали, вы умерли!

Еще бы не думали!

— Нет, милорд! Мне удалось спастись.

— Кое-кто из ваших друзей решил, что вы дезертировали…

Ни одному из моих друзей такая мысль не пришла бы в голову.

— …но рокнарийцы сообщили, что вы умерли.

— Гнусная ложь, сэр! — ответил Кэсерил, не уточняя, кто именно солгал. — Меня продали на галеры, вместе со всеми теми, за кого рокнарий-

цы не получили выкуп.

— Действительно, как все это гнусно!

— Именно так!

— Это чудо, что вы пережили это испытание.

— Согласен, милорд!

Кэсерил улыбнулся самой добросердечной своей улыбкой.

— Надеюсь, вам вернули деньги, которые предназначались для моего выкупа? Или их присвоил какой-нибудь вор? Я думаю, кто-то кому-то заплатил за предательство.

— Я не помню, — покачал головой ди Джиронал. — Этими делами занимались интенданты.

— Одним словом, это была ужасная ошибка, но все в конце концов разрешилось.

— Ну и слава Богам! Хотелось бы побольше услышать о ваших приключениях!

— Когда вам только будет угодно, милорд!

Ди Джиронал сурово кивнул, холодно улыбнулся и отошел, очевидно, успокоенный.

Кэсерил улыбнулся ему в ответ, довольный тем, насколько умело он себя контролирует. Оказывается, он может шутить, улыбаться и не бросаться с мечом на стоящего перед ним гнусного лжеца. *Да, придворный из меня — хоть куда!*

Теперь, когда его худшие страхи были частично

развеяны, он решил более не прятаться (что было и совершенно бесполезно) и попросить Бетрис о танце. Он знал, что он излишне долговяз и достаточно неуклюж, но по крайней мере он не падал от избытка выпитого, как добрая половина более молодых лордов. То же самое, кстати, можно было сказать и про лорда Дондо, который, монополизировав было Изелль в начале вечера, потом потерял ее и, в компании своих, таких же подвыпивших приятелей отправился либо за более грубыми удовольствиями, либо в дальние коридоры замка — облегчить желудок. Кэсерил надеялся на последнее. Глаза Бетрис сияли от возбуждения, когда он в паре с ней выделывал на танцполе всякие замысловатые фигуры.

Наконец Орико проснулся, музыканты остановили игру, и вечер закончился. Кэсерил мобилизовал пажей, леди Бетрис и сэра ди Врита на транспортировку подарков, полученных принцессой, в ее покои. Тейдес, презиравший танцы, отдал дань скорее сластям, чем напиткам, хотя было не исключено, что ди Санде придется утром повозиться с головной болью, вызванной у принца похмельем. И все-таки было ясно, что юноша пьян не столько от вина, сколько от всеобщего внимания к своей персоне.

— Лорд Дондо сказал мне, что любой примет меня за восемнадцатилетнего! — гордо и радостно провозгласил он, прощаясь на ночь с сестрой. Действительно, за это лето он вытянулся и стал выше Изелль, в силу чего время от времени над ней подтрунивал, на что она отвечала ироническим фырканьем. Теперь же он, едва касаясь пола ногами, пошел — нет, полетел в свою спальню.

Бетрис, укладывая в запирающиеся ящики и шкатулки полученные принцессой драгоценности, спросила Кэсерила:

— А почему вы не пользуетесь своим первым именем, лорд Кэс? Что с ним не так? Отличное мужское имя.

— Детская травма. Мой старший брат и его приятели дразнили меня — тявкали как волчата и выли, чем доводили меня до слез и приступов ярости. А от собственных слез я вообще сходил с ума. И вот, когда я вырос достаточно большим, чтобы побить брата и таким образом отомстить ему, он уже перерос эти развлечения. Страшно нечестно с его стороны!

— Да уж! — рассмеялась Бетрис.

Наконец Кэсерил оказался в тишине своей комнаты и тут же вспомнил, что забыл написать провинкаре. Разрываясь между чувством долга и

желанием упасть и заснуть, он, вздыхая, достал перо, бумагу и воск. Правда, его отчет оказался короче, чем то, что он планировал написать, и заканчивался словами: *В Кардегоссе все хорошо!*

Запечатав письмо, он нашел сонного пажа, который должен был отнести его первому же курьеру, который утром отправится из Зангры, после чего упал на постель и заснул.

8

За банкетом по случаю приезда принца и принцессы последовал завтрак, потом обед, а вечером — еще один банкет, но уже с маскарадом. В дальнейшие дни количество поглощаемой королем и придворными еды не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось! В самом начале Кэсерил думал: как же это печально, что король так растолстел! Теперь же он начал удивляться — как король вообще сохранил способность ходить? Правда, уменьшился поток подарков, которыми осыпали принца и принцессу все являвшиеся ко двору, и Кэсерил, составивший наконец полный их список, принялся прикидывать, кому какие из них передарить. Принцессе вменялось в обязанность быть щедрой.

На четвертое утро Кэсерила разбудил странный сон: он бежит по Зангре с полными пригоршнями

драгоценных камней и боится, что не сможет их вовремя доставить в нужное место, при этом какая-то говорящая крыса постоянно указывает ему неверное направление. Потерев глаза и смахнув с ресниц остатки сна, он подумал, что причиной кошмара были либо вина из подвалов Орико, либо сласти с явным избытком миндальной пасты, после чего вспомнил, какие застолья ожидают его нынче, и, наконец — тот скудный рацион, который был у него и его гарнизона во время осады крепости Готоргет. Рассмеялся и выкатился из постели.

Кэсерил потряс туникой, которую носил накануне, и, расшнуровав рукав, вытащил оттуда полбулки хлеба, которую Бетрис велела ему там спрятать, когда во время вчерашнего пикника у реки на них вдруг обрушился дождь. А интересно, такие широкие рукава на одежде придворных как раз и предназначены для того, чтобы таскать еду с банкетов? Кэсерил, усмехнувшись, стянул ночную рубашку, надел панталоны и отправился умываться.

Робкое хлопанье крыльев за окном привлекло внимание Кэсерила. Он повернул голову и увидел на внешнем каменном карнизе одну из замковых ворон, которая сидела, внимательно

на него глядя. Дважды прокаркав, ворона принялась издавать какие-то бормочущие звуки. Удивленный и озадаченный, Кэсерил отер лицо полотенцем, взял найденный в рукаве хлеб и, отломив кусок, приблизился к окну. Если это одна из прирученных птиц, она может взять хлеб прямо из его рук.

Похоже, ворона увидела хлеб, потому что при приближении Кэсерила никуда не улетела. Он протянул ей кусок. Сияющая черным опереньем птицы некоторое время изучала человека, после чего быстро выхватила хлеб из его пальцев. Жесткий клюв ущипнул кожу, хотя и не поранил, а потому Кэсерил сдержался и не отдернул руку. Птица отряхнулась, расправила крылья, потянулась, опять что-то пробормотала и дважды каркнула, наполнив резким звуком маленькую комнату Кэсерила.

— Ты должна говорить не «Кар-кар», — сказал Кэсерил, — а «Кэс-Кэс».

Конечно, он просто развлекался и одновременно развлекал птицу, обучая ее шалионскому наречию: произнося свое имя, имитировал птичий акцент. Но, увы, несмотря на обильные подношения в виде новых кусков хлеба, шалионский вороне давался еще хуже, чем дартаканский

— принцессе Изелль.

Стук в дверь прервал его педагогические усилия, и он спросил:

— Кто там?

Дверь открылась. Ворона захлопала крыльями и, оттолкнувшись от карниза, полетела. Кэсерил проследил, как она, вначале спикировав вниз, поднялась, воспользовавшись порывом утреннего ветра, дующего вдоль стен замка.

— Милорд ди Кэсерил, при… — голос оборвался. Кэсерил отошел от окна и, повернувшись, увидел ошеломленное лицо пажа, стоящего в проходе двери. Кэсерил с досадой вспомнил, что так и не успел надеть тунику.

— Слушаю тебя, мальчик! — сказал Кэсерил и, не торопясь, надел, предварительно встряхнув, свою тунику. — Что ты хочешь сказать?

Он совсем не собирался выслушивать комментарии мальчика по поводу своей исполосованной спины и дал это понять суровым тоном.

Паж сглотнул и начал заново:

— Милорд Кэсерил! Принцесса Изелль просит вас прибыть к ней непосредственно после завтрака.

— Спасибо! — кивнул головой Кэсерил, и паж выкатился из комнаты.

Утренний поход, сопровождать в который принцессу должен был Кэсерил, был всего лишь прогулкой в зверинец, которую давно обещал сестре король. Орико сам взялся провести эту экскурсию. Войдя в зеленый зал, Кэсерил обнаружил короля, дремлющего после завтрака. Проснувшись, Орико потер лоб, словно он болел. Сбросив с туники крошки, он подхватил стоящую у его ног сумку и повел Изелль, Бетрис и Кэсерила из замковых ворот через сад.

У конюшен они встретили Тейдеса, вокруг которого формировалась партия охотников. Мальчик просил об этом развлечении с первого дня, когда только приехал в Зангру. Просьбу принца взялся выполнить лорд Дондо, который возглавил команду, состоявшую из полудюжины придворных, группы грумов и загонщиков, трех свор собак и, наконец, ди Санды. Сидя на спине гнедого коня, Тейдес радостно приветствовал сестру и брата-короля.

— Лорд Дондо говорит, что на кабана идти еще рановато — лист не упал, — сообщил он. — Но нам может и повезти.

Грум, сидевший на коне рядом с принцем, был нагружен изрядным арсеналом всевозможного оружия, включавшим новый лук и копье на ка-

бана. Изелль, которую на охоту не пригласили, смотрела на приготовления с некоторой завистью.

Ди Санда удовлетворенно улыбался — насколько он вообще мог быть удовлетворен в такой ситуации. Наконец лорд Дондо гикнул, и блестящая кавалькада быстрой рысью выехала со двора. Кэсерил смотрел им вслед и не мог понять, отчего ему так грустно смотреть на эту красивую череду коней и блестящих всадников, которые составляли столь живописную картину на фоне осенней природы. Наконец он понял: ни одному из спутников Тейдеса не было меньше тридцати лет, а значит, ни одному из них не хотелось стать Тейдесу просто другом; каждый преследовал какой-то интерес. Если бы у этих царедворцев были бы хоть какие-нибудь мозги, они позвали бы с собой своих сыновей и дали бы природе решать все дела обычным чередом. Нет, конечно, в этом случае тоже могло все пойти не так, но все-таки…

Обойдя конюшни, Орико и его спутники вошли в здание зверинца. Там они нашли грума Умегата, заранее предупрежденного о визите короля и его сестры. Грум стоял у открытых ворот зверинца, склонив голову с косичками в почтительном

поклоне.

— Это Умегат! — представил грума сестре король. — Управляется с моим зверинцем. Рокнариец, но хороший человек.

В глазах Изелль мелькнуло беспокойство, но она подавила его и, кивнув груму, на хорошем придворном рокнарийском сказала:

— Да будет благословен всеми Святыми день твой, Умегат!

Как отметил Кэсерил, грамматически она выразилась не очень точно: в таких формах господин говорит с воином, но не со слугой.

Глаза Умегата расширились, а голова склонилась еще ниже, и он ответил на чистейшем диалекте Архипелага, в грамматических формах, с которыми рабы обращаются к господам:

— Да благословят и ваш день все Святые, моя госпожа!

Кэсерил внимательно посмотрел на грума. Тот явно не был полукровкой, выросшим и воспитанным в Шалионе. Интересно, какими извилистыми путями жизнь привела его сюда, в зверинец короля Шалиона? Желая удовлетворить свой интерес, Кэсерил обратился к нему в формах, которые один слуга, повыше положением, использует по отношению к другому, положе-

нием ниже:

— Далеко же тебя забросило от дома, Умегат!

По губам грума пробежала легкая улыбка.

— У вас хороший слух, мой господин, — сказал он. — В Шалионе это редкость.

— Лорд ди Кэсерил — мой наставник! — с удовольствием вставила словцо Изелль.

— Вам повезло с учителем, моя госпожа, но…

И, повернувшись к Кэсерилу, он, сменив тональность (раб обратился к ученому, в гораздо более вежливой форме, чем обращение раба к хозяину), сказал:

— Шалион стал моим домом, Ваша Мудрость!

— Давай же покажем сестре моих питомцев, — вторгся в разговор Орико, которому надоели научные прения его слуги и наставника принцессы. Он приоткрыл льняной узелок, который держал в руках, и заговорщицки ухмыльнулся.

— Вот, — сказал он, — стащил со стола соты с медом. Для медведей. Нужно поскорее отдать им, а то весь на меня вытечет.

Умегат улыбнулся и повел их внутрь прохладного здания зверинца.

Помещение было гораздо более чистым и ухоженным, чем накануне, — даже чище и ухоженнее, чем банкетные залы короля. Орико

извинился и нырнул в одну из двух медвежьих клеток. Медведь, спавший там, проснулся и сел. Король присел напротив, на ворох гладкой блестящей соломы, и некоторое время зверь и человек внимательно рассматривали друг друга, причем формами своими медведь и Орико были весьма похожи. Орико вновь раскрыл узелок и разломил на две половины большой кусок медовых сотов. Медведь шумно принюхался, после чего, потянувшись носом к королю, принялся облизывать его пальцы длинным розовым языком. Изелль и Бетрис были поражены красотой гладкого медвежьего меха, но ни одна из них не рискнула присоединиться к королю в клетке.

Умегат провел их к менее опасным, травоядным козам и козлам, и дамы с удовольствием вошли в загон, где принялись гладить нежную шерсть животных и говорить, как красивы их влажные карие глаза и нежные веки. Умегат сообщил дамам, что этих козочек зовут веллами, привезли их откуда-то с севера, из мест, находящихся далеко за Архипелагом, после чего дал им несколько морковок, которые и были скормлены козочкам под попискивание и нежное хихиканье гостей и, к общему удовольствию, людей и животины. Изелль отерла о юбку руку, испачканную слюной

веллы, и все под предводительством Умегата отправились к вольеру. Орико же, задержавшийся с медведями, вяло махнул им рукой, предлагая пока обойтись без него.

Черная тень скользнула в темноту коридора снаружи, из двора, залитого солнечным светом и с хлопаньем крыльев и невнятным бормотанием уселась Кэсерилу на плечо. От неожиданности он отпрянул и едва не выскочил из собственных башмаков. Повернув голову, он увидел ту самую ворону, что прилетала утром на его окно — он узнал ее по парочке отсутствующих на хвосте перьев. Ворона уцепилась за плечо Кэсерила и произнесла:

— Кэс! Кэс!

Кэсерил рассмеялся.

— Ты вовремя, глупая птица! Но теперь тебе от меня никакого толку! Хлеба у меня здесь нет!

Он дернул плечом, намереваясь согнать ворону, но та, крепко уцепившись, прокричала в самое его ухо — так, что он поморщился:

— Кэс! Кэс!

Бетрис рассмеялась, удивленная:

— Так это ваш друг, лорд Кэс?

— Утром прилетела на мое окно. Я решил научить ее произносить мое имя. Попробовал, но не

думал, что у меня получиться.

— Кэс! Кэс! — не унималась птица.

— Прошу вас, уделяйте больше внимания своему дартаканскому, моя госпожа! — обратился Кэсерил к птице, улыбаясь. — А теперь, сэр ди Ворона, отправляйтесь прочь. Поищите себе рыбу, которую оглушило в водопаде, или дохлую овцу, или еще что-нибудь…

Он вновь попытался сбросить ворону с плеча, но та упрямо держалась за ткань его туники.

— Какие жадные птицы, эти замковые вороны! — проговорил Кэсерил. — Их деревенские сестры сами ищут себе еду, а эти ленивицы ждут, что лакомый кусочек им кто-то принесет и положит в клюв.

— Это точно! — проговорил Умегат с ехидной улыбкой. — Вороны замка Зангра — настоящие придворные в мире ворон!

Кэсерил проглотил приступ смеха и бросил внимательный взгляд на этого безупречного рокнарийского (экс-рокнарийского) грума. Ну что ж, если Умегат проработал здесь достаточно долго, у него было время понять законы придворной жизни.

— Будь ты хоть чуточку покрасивее, цены бы тебе не было, — сказал Кэсерил и вновь попы-

тался сбросить ворону с плеча, но та, взмахнув крыльями, взлетела и уселась ему на макушку, вцепившись когтями в волосы.

— Кэсерил! — прокаркала она со своего нового насеста.

— Вы действительно знаток языков и отличный учитель, милорд ди Кэсерил! — широко улыбнулся Умегат, после чего, обратившись к вороне, уверил ее:

— Все тебя отлично слышат. И я слышу тоже.

И, повернувшись к Кэсерилу, предложил:

— Если вы опустите голову, милорд, я попытаюсь снять вашего пассажира.

Кэсерил так и поступил.

Мурлыча себе под нос что-то по-рокнарийски, Умегат убедил птицу перепрыгнуть ему на руку, после чего отнес ее к дверям и, махнув рукой, отправил в воздух. Ворона захлопала крыльями, закаркала (на этот раз в более традиционной форме) и улетела.

Наконец они дошли до вольера, где оказалось, что Изелль не менее популярна у маленьких ярких птичек, живущих там, чем Кэсерил — у ворон. Крохотные птахи карабкались по рукавам принцессы, и Умегат показал Изелль, как можно заставить эти маленькие существа брать корм

прямо из губ кормящего.

Затем они перешли к более крупным птицам. Те сидели на насестах, важно поглядывая на гостей. Бетрис понравилась одна — большая, зеленая, с желтой грудкой и рубиновым горлышком. Она постукивала своим толстым желтым клювом, переваливалась с боку на бок и высовывала длинный черный язык.

— Это наше недавнее приобретение, — пояснил Умегат. — Похоже, жизнь у него была непроста. Он достаточно хорошо приручен, но мы потратили какое-то время, чтобы его успокоить.

— Он знает какие-нибудь слова? — спросила Бетрис.

— Да, — ответил Умегат. — Но только неприличные. Правда, к счастью, по-рокнарийски. Мне кажется, раньше он принадлежал какому-нибудь моряку. Этой весной нам его привез с севера марч ди Джиронал, в качестве военного трофея.

Слухи об этой неудачной кампании дошли и до Валенды. А может, сам Умегат тоже относится к числу военных трофеев?

Кэсерил сказал сухо:

— Невысокая плата за три города и контроль над проходом в горах.

— Лорд Джиронал привез гораздо больше, —

проговорил Умегат. — Его обоз проходил через городские ворота почти час.

— У нас тоже есть медленные мулы, — произнес Кэсерил. — Шалион в этой плохо задуманной операции потерял гораздо больше, чем приобрел лорд ди Джиронал.

Изелль встревоженно посмотрела на Кэсерила.

— А разве мы не победили? — спросила она.

— Что считать победой? Мы и рокнарийцы бодались за эти земли несколько десятилетий. Раньше это были замечательные места. Теперь там — пустыня. Сады, оливковые рощи, виноградники — все сожжено; фермы брошены, потерявшие хозяев животные либо одичали, либо умерли с голода. Страну богатой делает не война, а мир! Война просто перераспределяет собственность — от слабого к сильному. Что еще хуже, так это то, что купленное кровью продается за деньги.

Подумав, он добавил с горечью в голосе:

— Ваш дед, король Фонза, оплатил Готоргет кровью своих сыновей. А марч ди Джиронал продал эту крепость за триста тысяч роялов. Чудесное превращение — кровь, пролитая одним человеком, превращается в золото, полученное другим. Небывалая алхимия.

— И что, на севере вообще не может быть мира? — спросила Бетрис, обеспокоенная необычной страстностью, с которой Кэсерил произнес эти слова.

Тот пожал плечами.

— Нет, пока кто-то будет получать с этого прибыль. Рокнарийцы играют в ту же игру. Они тоже торгуют кровью.

— Нужно просто *победить* в войне, и тогда все закончится, — задумчиво сказала Изелль.

— Увы, это почти неисполнимая мечта! — вздохнул Кэсерил. — Это случится только в том случае, если король сделает так, чтобы лорды не заметили, что теряют источники своего дохода. С другой стороны, один Шалион не сможет одолеть союз пяти рокнарийских королевств. Даже чудо не поможет! Но даже если это и осуществится, нам не удержать побережье, потому что нет у нас ни опыта, ни соответствующих сил. Вот если бы объединились все королевства, которые исповедуют культ пяти Богов, если бы во главе этого союза встал по-настоящему целеустремленный и сильный король, тогда, может быть, мы смогли бы победить. Но война длилась бы время жизни целого поколения, и мы потеряли бы огромное количество людей, нервов и средств.

Медленно, тщательно подбирая слова, Изелль сказала:

— Но это лучше, чем постоянная война. Она же изнуряет человека куда как тяжелее, а кровь и силы из нас высасывает по капле. Если напрячься однажды, результатом будет мир на все времена.

— Увы, — покачал головой Кэсерил. — Нет у нас человека, наделенного достаточной прозорливостью, силой и волей. Король Браджара — старый пьяница, который не может толком разобраться со своими придворными дамами, ибранский Лис полностью поглощен разборками с сыном, Шалион…

И Кэсерил запнулся, осознав, что чувства слишком увлекли его, а его откровенные мнения относительно политики могут быть восприняты неоднозначно.

— Тейдес! — начала Изелль, глубоко вздохнув. — Может быть, в этом и состоит предназначение Тейдеса. И когда он станет мужчиной…

Не каждому Кэсерил пожелал бы такой судьбы, но, как ему виделось, у мальчика были определенные задатки военного вождя — важно было в течение нескольких ближайших лет сформировать их и сфокусировать на определенной цели.

— Завоевание — не единственный способ объ-

единить народы, — заявила Бетрис. — Есть еще брак.

— Да, но никто не сможет жениться или выйти замуж сразу за пять рокнарийских королевств, — сказала Изелль, наморщив носик. — По крайней мере, одновременно.

Зеленая птица, которой, вероятно, надоело, что пришедшие к ней в гости люди о ней забыли и болтают о своих глупых делах, вдруг разразилась по-рокнарийски длинной фразой, состоящей из непристойностей и ругательств. Да, подумал Кэсерил, это действительно птичка, когда-то принадлежавшая моряку. Хозяину галеры. Умегат сухо усмехнулся, услышав, как Кэсерил непроизвольно хмыкнул, и обратил внимание на девушек, которые, услышав разухабистую тираду невоспитанной птицы, поджали губы, покраснели и, посмотрев друг на друга, едва устояли на ногах. Умегат протянул руку и надел на голову похабника кожаный колпачок.

— Спокойной ночи, мой зеленый друг, — сказал он. — Мне кажется, ты еще не готов вращаться в приличном обществе. Может быть, лорд ди Кэсерил научит тебя и придворному рокнарийскому!

Кэсерил подумал, что Умегат и сам способен кого угодно научить изысканному обращению,

но внимание его отвлекли удивительно быстрые шаги, послышавшиеся от дверей вольера, и, обернувшись, он увидел короля, который, отирая о штаны руки, испачканные медвежьей слюной, радостно улыбался. Да, комендант, с коим Кэсерил познакомился в день их приезда, был прав: зверинец доставлял королю немалое утешение. Может быть, даже единственное. Взгляд его был ясен, кожа щек вновь обрела цвет, а лицо рассталось с выражением смертельной усталости, поселившемся на лице короля сразу после завтрака.

— Вы просто обязаны посмотреть моих кошек! — сказал король дамам, и все они отправились по коридору к клеткам. В одной из них сидела парочка изящных золотистых рысей с кисточками на ушах — их привезли с юга Шалиона, с гор. Дальше содержался в отдельной клетке горный барс-альбинос; его уши тоже украшали кисточки, но — черные. Еще дальше по коридору жили те, кого Умегат назвал песчаными лисицами с Архипелага, — поджарые звери, напоминающие маленьких волков, но с огромными треугольными ушами и циничным взглядом зеленых глаз.

Наконец, весь горя нетерпением, Орико подо-

шел к своему любимцу, леопарду. Выведенный из клетки на серебряной цепи, зверь тут же принялся тереться о ноги короля, одновременно издавая глухие мурлыкающие звуки. Кэсерил затаил дыхание, когда, поощряемая братом, принцесса Изелль склонилась к леопарду и принялась гладить его, при этом лицо ее оказалось в нескольких дюймах от мощных челюстей хищника. Кэсерил внимательно вглядывался, но так и не увидел в глазах кошки хоть какой-нибудь намек на дружеское расположение, хотя леопард и полуприкрыл веки, а ноздри его дрожали — зверь явно наслаждался тем, как принцесса почесывала его под мордой и за ушами, как гладила своей мягкой ладонью густую и плотную пятнистую шерсть на спине и боках. Когда же над леопардом склонился сам Кэсерил, зверь издал негромкий басовитый рык, явно давая понять, что не всех собирается считать друзьями, а потому Кэсерил решил не вольничать со зверем и предусмотрительно убрал руки за спину.

Королю нужно было остаться и поговорить с грумом, а потому Кэсерил один повел дам к воротам Зангры. По пути они обсуждали зверей и птиц, пытаясь решить, что же самого интересного они увидели.

— А на ваш взгляд, кто там был самым любопытным существом? — спросила Кэсерила Бетрис.

Кэсерилу потребовалось мгновение, чтобы сообразить, и он ответил определенно:

— Умегат.

Бетрис уже открыла рот, чтобы отчитать Кэсерила за легкомыслие, но принцесса бросила на кастиллара пристальный взгляд, и она промолчала. В задумчивости они прошли весь путь до ворот замка.

Дни становились короче, а ночи длиннее; осень вступала в свои права. Но обитатели Зангры не чувствовали себя обделяемыми — ночной мрак не страшен, если у тебя в избытке свечи, еда и питье, если дом твой полон гостей и веселья. Придворные короля Орико состязались в том, кто предложит развлечения поинтереснее, и не скупились, щедро тратя деньги и идеи. Тейдес и Изелль были ослеплены окружавшими их роскошью и великолепием. Впрочем, Изелль, к счастью, в меньшей степени, чем брат: ловя мимоходом брошенные Кэсерилом замечания, она научилась видеть в словах окружающих скры-

тые значения и смыслы, разоблачать намерения, просчитывать цели и средства.

Тейдес, как и предполагал Кэсерил, скоро переел удовольствий придворной жизни. Между ним и его наставником все чаще вспыхивали стычки — ди Санда пытался восстановить порядок, который определял жизнь принца в замке провинкары Баосии, а тот все больше отбивался от рук. Даже Изелль начала беспокоиться по поводу напряжения, которое все росло в отношениях между ее братом и его наставником, что Кэсерил быстро понял, когда Бетрис, словно невзначай, остановила его возле окна, глядящего на слияние текущих через Кардегосс рек.

После ничего не значащих замечаний по поводу погоды и охоты Бетрис быстро перешла к делу, которое и заставило ее встретиться с наставником принцессы.

— Что это за ужасная ссора была вчера вечером у принца и бедного ди Санды в вашем коридоре? — спросила она негромко, но внятно. — Мы слышали шум и крики не только через окна, но и через пол.

— Гм… — начал было Кэсерил, но осекся.

Ох уж эти *девицы*! Лучше было бы, конечно, если бы Изелль послала к нему Нан ди Врит. Ко-

нечно, эта разумная, с приличным жизненным опытом вдова прекрасно понимает, что происходит, и с ней можно говорить прямо. А лучше уж действительно говорить прямо, чтобы тебя верно поняли. Хотя, в конце концов, Бетрис — не ребенок и сама может решить, какую часть сведений и как донести до ушей Изелль.

— Дондо ди Джиронал купил и притащил в постель Тейдеса какую-то девицу, а ди Санда ее вышвырнул. Тейдес рассвирепел.

Да, рассвирепел, хотя, конечно, и смущен был сверх меры, а потом, когда девицу выставили, почувствовал облегчение, стал искать утешения в вине и, увы, перепил. Вот они, утехи деревенской жизни!

— Вот как?

Бетрис была несколько ошарашена, хотя и не слишком сильно, с облегчением понял Кэсерил.

— Вот как… — повторила она.

Впав на несколько мгновений в задумчивое молчание, она смотрела на золотые поля, простиравшиеся за рекой вдоль уходящей к горизонту равнины. Урожай уже почти собрали. Бетрис прикусила нижнюю губу и посмотрела в глаза Кэсерилу с выражением глубокой озабоченности на лице.

— А вам не кажется… не кажется, — начала она, — что есть нечто странное и противоестественное в том, насколько цепко сорокалетний мужчина ухватился за рукав четырнадцатилетнего юноши?

— Просто за рукав юноши? Это действительно было бы странно. Но это рукав не просто юноши, а принца, рукав будущего короля, человека, который будет раздавать должности, блага, посылать на войну, казнить и миловать. Уверяю вас, если бы лорд Дондо отцепился от рукава принца, к нему сразу бы прицепилось человека три-четыре. Что тут важно, так это сама *манера,* сами формы…

Бетрис с отвращением поджала губы.

— Продажная девица! Какая гадость. А лорд Дондо… это то, что называют *сводник*?

— Есть более грубые и точные слова. Беда в том, что Тейдес еще даже не стоит на пороге мужской жизни, а мужчина, так или иначе, должен каким-то образом научиться…

— Разве для этого недостаточно брачной ночи? Мы все обязаны научиться этому именно тогда.

— Мужчины обычно… женятся позже, — начал было он, но осекся, поняв, что лучше ему не вести этих разговоров. К тому же не такой уж

он и знаток этих дел — сам он был посвящен в них достаточно поздно. — У молодого мужчины обычно есть друг, брат или, в конце концов, отец, который мог бы объяснить… ну, как все происходит. Ну, с дамами. Только вот Дондо ди Джиронал на эту роль не подходит.

Бетрис нахмурилась.

— У Тейдеса никого нет, — покачала она головой. — Ну, может быть, за исключением короля Орико, который ему и как брат, и, в известной степени, заменяет отца.

Глаза их встретились, и Кэсерил понял, что ему совсем не обязательно вслух произносить: *Но не в том смысле, в котором это необходимо*.

Она же добавила, подумав:

— А ди Санду я и представить себе не могу…

Кэсерил усмехнулся.

— Бедный Тейдес! И я не могу представить ди Санду…

Поколебавшись мгновение, он добавил:

— Дурацкий возраст. Если бы Тейдес все это время жил при дворе, он бы привык к подобной атмосфере и на него это не произвело бы… особого впечатления. Или, наоборот, если бы приехал сюда уже более взрослым, с установившимся характером и сложившимися представлениями

о жизни. Конечно, двор опасен для человека в любом возрасте — своими соблазнами, своей вкрадчивой привлекательностью. Тут есть от чего голову потерять, особенно если тебя сходу бросают в этот водоворот. И тем не менее, если Тейдесу суждено стать преемником Орико, нужно его к этому готовить. Чтобы умел разумно балансировать между удовольствиями придворной жизни и своими обязанностями монарха.

— Но кто же станет его готовить? Я не вижу никого… подходящего. Ди Санда пытается, отчаянно пытается, но…

— Но у него не хватает сил и средств, — закончил Кэсерил за Бетрис. — В этом и причина всех бед.

Нахмурившись, он напряженно думал.

— В замке провинкары, — продолжил он, — за всеми усилиями ди Санды стояли ее власть, сила и авторитет. Здесь, в Кардегоссе, эту роль должен был бы взять на себя король Орико; но ему на все наплевать, а потому ди Санда и бьется один на один с этими неподъемными проблемами.

— А при дворе… — задумчиво произнесла Бетрис, пытаясь оформить мысли, которые раньше не могли ее занимать, — разве при дворе нет некоего центра, допустим, человека, который…

Кэсерил вздохнул и сказал:

— Хорошо организованный двор всегда имеет этот центр — человека, который играет роль морального авторитета. Если это не король, тогда это королева. Одним словом, тот, кто — как наша провинкара — задает тон, поддерживает стандарты. Орико…

Он не хотел сказать *слаб*, не хотел сказать *болен*, но и нужного слова не нашел.

— …а королева Сара…

Сара вообще казалась Кэсерилу неким призраком, бледным и ускользающим, почти невидимым.

— …тоже ничего не далает. Кто остается? Канцлер ди Джиронал. Но он слишком поглощен заботами государства и даже не думает о том, чтобы как-то сдерживать своего брата. А, может, и не собирается делать это.

Глаза Бетрис пристально смотрели в его лицо.

— Вы хотите сказать, что канцлер поощряет Дондо?

Кэсерил тронул пальцем губы и едва слышно произнес:

— Помните шутку Умегата про зангрийских придворных ворон? А вы видели когда-нибудь, как пара ворон грабит чужие гнезда? Одна от-

влекает родителей, а другая тащит яйца или птенцов.

И закончил — тоном сухим и безличным:

— К счастью, большинство местных придворных не так умны, как замковые вороны.

Бетрис тяжело вздохнула.

— Я даже не уверена, что Тейдес понимает, ради чего это все делается, — сказала она.

— А я боюсь, что ди Санда, при всей его крайней озабоченности, не объяснил принцу прямо, что здесь к чему и как понимать лесть и знаки внимания, в море которых он сейчас купается.

— Но Изелль-то вы объясняете это, все время! — напомнила ему Бетрис. — Вы говорите: понаблюдайте за этим человеком, посмотрите, что он сделает, попытайтесь понять, что за всем этим стоит. Вы повторяете это по многу раз, и наконец мы начинаем все понимать и сами. Почему ди Санда не может таким же образом говорить с принцем?

— У него другая история! Эти стаи придворных, слава Богам, не охотятся на Изелль так же настойчиво, как на Тейдеса. Они же понимают, что принцессу выдадут замуж и увезут из Кардегосса, а может быть, и вообще из Шалиона. Она для них не является добычей. А принц — вполне!

На этом полунамеке, которое не удовлетворило ни его, ни ее, они вынуждены были расстаться, но Кэсерил, по крайней мере, был рад, что девушки начинают понимать скрытые опасности придворной жизни. Вечный праздник, который, казалось, царит в стенах замка, мог соблазнить и опьянить неподготовленный рассудок, как соблазнял и опьянял тело. Для многих придворных — как мужчин, так и женщин, — жизнь при дворе казалась какой-то невинной, радостной, хотя и дорогой игрой. Для других — зашифрованным сообщением, гораздо более серьезным и смертоносным, чем дуэль. Чтобы оставаться на ногах, ты просто обязан был понять, что представляют собой игроки, а что — игра, в которую они играют. Дондо ди Джиронал был главным игроком на поле, хотя и трудно было сказать, самостоятелен ли он в своих ходах, или же все то, что он делает, определяет его брат. Определяет или хотя бы разрешает. Думать так — значит гарантировать себе известную безопасность, поскольку, вероятно, так оно на самом деле и есть. А кто знает, тот защищен.

Как бы скептически ни относился Кэсерил к нравам, царившим при дворе, он должен был признать, что замковые музыканты были превосходны. Так думал он в самом начале очередного танцевального вечера, готовясь слушать искусных мастеров придворной музыки. Если у королевы Сары и было утешение, подобное тому, которому предавался в своем зверинце ее муж, то это, конечно, были ее менестрели и певцы. Она никогда не танцевала, редко улыбалась, но не пропускала праздников, где играла музыка. Там она либо сидела рядом со своим спящим супругом, либо, если он рано отправлялся в постель, устраивалась со своими фрейлинами на задрапированной галерее напротив сцены. Кэсерил понимал эту тягу королевы; его и самого радовала и утешала музыка, и он не без удовольствия вслушивался в ее гармонии, когда, прислонившись к стене, отбивал носком башмака такт за тактом и наблюдал за тем, как его дамы отплясывали на полированном деревянном полу.

Музыканты и танцоры остановились, чтобы перевести дух после очередного быстрого танца, и Кэсерил присоединился к аплодисментам, которые раздались из-за королевской ширмы и были подхвачены залом. И тут рядом с ним прозвучал

голос, услышать который он никак не ожидал:

— Кэсерил! Теперь-то ты выглядишь совсем как в старые времена.

— Палли!

Кэсерил с трудом подавил желание броситься вперед и обнять старого приятеля, и вместо этого поклонился. Палли, одетый в официальные бело-голубые тона военного ордена Дочери, в ярко вычищенных башмаках и с сияющим на поясе мечом, рассмеялся и с ироничной улыбкой церемониально поклонился в ответ, одновременно крепко пожимая Кэсерилу руку.

— Ты как оказался в Кардегоссе? — спросил Кэсерил.

— Я здесь по делам правосудия! Процесс тянется уже почти год. Я приехал поддержать провинкара Яррина в его поисках святой истины. Расскажу подробнее…

Палли осмотрел заполненный оживленной публикой зал.

— …но не здесь. А ты, как я вижу, справился со своими проблемами. И при дворе выглядишь как свой.

Кэсерил скривил губы.

— Это пока. Я тоже все тебе расскажу, но не здесь.

Бросив беглый взгляд в зал, Кэсерил отметил для себя, что ни лорда Дондо, ни его старшего брата поблизости не было, хотя с полдюжины присутствующих могли быть негласными агентами ди Джироналов, и они, конечно же, доложат своим хозяевам, с кем встречался и кого приветствовал Кэсерил. Ну и черт с ними!

— Найдем местечко попрохладнее, — предложил он.

Неспешно они прошли в соседний зал и подошли к амбразуре, которая выходила на залитый лунным светом двор замка. На противоположной стороне сидела, тесно прижавшись друг к другу, влюбленная парочка, но они были слишком далеко, чтобы что-то услышать или увидеть.

— Так что там заставило старину ди Яррина поспешить в суд? — полюбопытствовал Кэсерил. Провинкар Яррин был самым высокопоставленным лордом Шалиона, имевшим связь со святым военным орденом Дочери. Большинство молодых людей, имевших склонность к военной службе, предпочитали более славный, как считалось, орден Сына, ставший знаменитым после сражений с рокнарийскими захватчиками. Даже Кэсерил в юности поклялся в верности Сыну, хотя потом и отказался от клятвы, так как… но не стоит

вдаваться в детали. Гораздо менее многочисленный святой орден Дочери занимался в большей степени «домашними» делами: охранял храмы, патрулировал дороги, по которым передвигались паломники, одновременно отлавливал бандитов, а также конокрадов и похитителей скота, помогал в розыске убийц. То, что орден Дочери уступал ордену Сына в численности, компенсировалось особым романтическим рвением, с котором его гвардейцы относились к своим обязанностям. Палли, как подумал Кэсерил, внутренне усмехнувшись, будучи романтиком по складу характера, нашел в служении Дочери свое истинное призвание.

— Весенняя генеральная уборка, — ухмыльнулся Палли, став на мгновение похожим на одну из песчаных лис, живших в замковом зверинце. — Нужно, наконец, вымести из Храма плесень, что завелась в его стенах. Ди Яррин подозревает, что, пока генерал не у дел, у местного казначея ордена, когда он распределяет средства, многое прилипает к пальцам…

Палли пошевелил своими пальцами, демонстрируя, как это, вероятно, происходит.

— А потом перетекает в его собственный кошелек.

Кэсерил хмыкнул:

— Не повезло бедняге. Накрыли.

Палли вскинул брови:

— И тебя это не удивляет?

Кэсерил пожал плечами.

— Нисколько. Такие вещи происходят всегда, когда соблазн слишком велик, а силы противостоять ему — малы. Хотя ничего особенного о вашем кардегосском казначее я не слышал — только обычные сплетни, которые ходят здесь о каждом официальном лице и которые повторяют все, кому не лень.

Палли кивнул.

— Но ди Яррин в течение года собирал сведения, искал свидетелей. Два часа назад мы неожиданно явились и взяли казначея с его книгами. Теперь он сидит под охраной в подвале дома Дочери. Завтра ди Яррин представит дело совету ордена, и казначея лишат его должности и звания, а потом передадут в Канцелярию Кардегосса, которая и определит ему наказание.

Палли сжал кулак, предвосхищая победу правого дела.

— Отличная работа, — кивнул Кэсерил. — В городе останешься?

— На недельку-другую, поохотиться.

— Отлично!

Будет время поговорить, а поговорить с умным, достойным человеком — это двойная роскошь.

— Я остановился во дворце Яррина и здесь не задержусь. Ди Яррин явился в Зангру, чтобы поклониться королю и доложить состояние дел генералу Дондо ди Джироналу.

Палли сделал паузу и продолжил:

— Судя по твоему здоровому виду, твои опасения по поводу ди Джироналов оказались беспочвенными?

Кэсерил несколько мгновений помолчал. Ветерок, дующий из окна, принес ночную свежесть. Даже влюбленные, сидевшие внизу, предпочли уйти в тепло. Подумав, он проговорил:

— Стараюсь поменьше встречаться с обоими. На всякий случай.

Палли нахмурился. Чувствовалось, что он хочет что-то сказать, но в этот момент в зале появилась пара слуг, которые везли в танцзал тележку, нагруженную глинтвейном, специями и сахаром, а вслед за ними вбежала хихикающая юная леди, которую преследовал смеющийся молодой придворный. Все скрылись за дверями, но некоторое время еще можно было слышать веселый молодой смех, перебивающий несущиеся из зала

звуки музыки, гармонией своей напоминающей цветочный букет.

Увиденное заставило Палли сменить тему.

— А леди Бетрис ди Феррей сопровождает принцессу Изелль?

— А разве ты не видел ее среди танцующих?

— Да нет! Я первым увидел тебя. Тебя нельзя не заметить — этакую оглоблю, подпитающую стенку! Когда я услышал, что принцесса здесь, я подумал, что, может быть, и ты приехал, хотя после нашего последнего разговора наверняка было сказать трудновато. Как ты думаешь, удастся мне ухватить ее на танец, пока ди Яррин сидит с Орико?

— Если у тебя достанет сил раскидать толпу, которая ее окружает, попробуй! Мне не удается, — сказал Кэсерил суховато.

Но Палли удалось это без особых усилий, и вскоре он уже грациозно вытанцовывал с удивленной и смеющейся Бетрис фигуру за фигурой. Удалось ему потанцевать и с принцессой. Обе дамы были, похоже, рады увидеться с ним. Переводя дух после танца, Палли успел раскланяться еще с несколькими лордами, с которыми был знаком, после чего к нему подошел паж и, тронув за рукав, что-то прошептал на ухо. Палли раскланялся со

всеми и ушел — вероятно, чтобы сопровождать ди Яррина в его дворец.

Кэсерил страстно надеялся, что новый генерал ордена Дочери Дондо ди Джиронал будет рад получить свое новое хозяйство очищенным от воров.

9

Следующий день он провел в предвкушении удовольствия, которое ожидал получить от приезда Палли. Но Бетрис и Изелль тоже наперебой хвалили молодого марча, и Кэсерил призадумался. Конечно же, в присутствии юных дам Палли может быть неотразим!

С другой стороны — ну и что? У Палли — именье, деньги, молодость, привлекательность, статус. Палли и Бетрис — совсем неплохая пара и, в общем-то, друг друга заслуживают. И тем не менее, думая о приятном времяпрепровождении в беседах с приятелем, Кэверил подсознательно исключал милых дам из этого занятия.

Но, к разочарованию Кэсерила, Палли этим вечером так и не появился в Зангре, как не появился и ди Яррин. Кэсерил предположил, что в деле ознакомления совета ордена со свидетельствами, доказывающими злоупотребления казначея, возникли непредвиденные трудности и

дело затянулось на послеобеденное время. Тогда логично было предположить, что Палли продлит свое пребывание в столице и у них все равно будет достаточно времени, чтобы поговорить.

С Палли он увиделся утром следующего дня, когда тот появился на пороге его рабочей комнаты, бывшей неким преддверьем в анфиладу помещений, занимаемых принцессой и ее свитой. Кэсерил оторвался от стола и с удивлением посмотрел на приятеля. Тот сменил свой придворный наряд на дорожный костюм — высокие сапоги, толстая туника и короткий кавалерийский плащ.

— Палли! Садись же! — сказал Кэсерил.

— Я к тебе на секунду, старина! Не мог уехать, не обняв старого приятеля. Ди Яррину, мне и всему нашему отряду приказали до полудня покинуть Кардегосс. В противном случае нас лишат права и чести служить в ордене Дочери.

Он натянуто улыбался, словно пытался перебороть боль.

– *Что?* — спросил ошеломленный Кэсерил. — Но что случилось?

Он положил на стол перо и отодвинул бухгалтерские книги, в которых вел записи касательно исключительно непростого хозяйства прин-

цессы.

Палли провел ладонью по своим черным волосам и мотнул головой. Ощущение было такое, словно он сам не верил в происходящее.

— Не уверен, что смогу рассказать и не взорваться! — начал он. — Не знаю, как я удержался и не выпустил кишки этому вонючему сукиному сыну! Кэс! Они уничтожили все материалы по делу. Конфисковали улики, прогнали свидетелей. И выпустили из подвала этого ворюгу, этого склизкого червяка казначея!

— И кто это сделал?

— Наш генерал! Воплощение *святости*, Дондо ди Джиронал, и его прихлебатели из совета, его цепные псы — пусть я ослепну, если поклянусь, что когда-либо видел таких-сяких подонков. Это позор чистым цветам нашего ордена!

В гневе Палли сжимал кулаки.

— Мы все знали, что орден Дочери переживает не лучшие времена, — продолжал он. — Нам давно нужно было просить короля отправить на покой старого генерала, тем более что тот болел. И все мы полагали, что новый, энергичный, молодой лорд позволит нам начать все с чистого листа. Но этот оказался еще хуже! Он намеренно творит зло и беззаконие! Кэс! Они оправдали казначея

и выгнали ди Яррина! Они даже не посмотрели на письма, на отчетность, а бумаг у нас было два сундука! Клянусь, они приняли решение еще до заседания совета!

Кэсерил не видел Палли в такой ярости с того дня, как новость о продаже Готоргета роканарийцам стала известна изголодавшимся и израненным защитникам крепости. Он откинулся на спинку кресла и принялся задумчиво теребить бороду.

— Я подозреваю… нет, я уверен в том, что Дондо ди Джироналу заплатили. Он ведь теперь начальник нашего казначея, и, похоже, орден он будет использовать как собственную дойную корову, а наши два сундука доказательств пойдут на растопку каминов Храма Дочери. Вчера один из священников на лестнице нашептал мне на ухо, что Дондо отправил шесть отрядов нашего ордена в помощь наследнику Ибры — как простых платных наемников. Но это не входит в наш мандат! Это не имеет ни малейшего отношения к святым делам ордена Дочери! Это хуже, чем кража денег. Он крадет чужую кровь!

Шорох и чье-то дыхание заставили Палли остановиться. Они с Кэсерилом посмотрели в сторону двери, ведущей во внутренние покои. Опершись

о косяк двери, в проеме стояла леди Бетрис, а из-за ее плеча выглядывала принцесса Изелль. Глаза девушек были широко раскрыты от изумления.

Палли открыл, после чего закрыл рот, сглотнул, вскочил с кресла и, поклонившись, сказал:

— Принцесса! Леди Бетрис! К сожалению, я вынужден покинуть вас. Сегодня я возвращаюсь в Паллиар.

— Нам очень жаль расставаться с вами, марч! — слабым голосом проговорила Изелль.

Палли повернулся к Кэсерилу.

— Кэс, — сказал он извиняющимся тоном, — мне жаль, что я не поверил твоим словам по поводу ди Джироналов. Это было не безумие. Отнюдь! Ты оказался прав по всем пунктам.

Кэсерил с горечью усмехнулся:

— Я думал, мне удалось тебя убедить.

— Старина ди Яррин такой же проницательный, как и ты. Он с самого начала подозревал, что мы останемся с носом. Я еще спросил его, зачем мы въезжаем в Кардегосс с таким большим отрядом, и он сказал: *Мальчик мой, такой отряд нам нужен не для того, чтобы въехать, а для того, чтобы выехать*. Я тогда не понял его шутки. Теперь мне стало все ясно.

Палли грустно улыбнулся.

— Так вы не вернетесь в Кардегосс? — спросила леди Бетрис обеспокоенно, приложив ладонь к губам.

— Клянусь именем Богини, — ответил Палли и, ритуально приложив ладонь ко лбу, губам, груди и животу, в конце концов прикрыл ею сердце. — Если я и вернусь, то только на похороны Донго ди Джиронала.

Вытянувшись в струнку, он отдал честь дамам:

— Леди!

После этого склонился к столу, за которым сидел Кэсерил и поцеловал его руку. Кэсерил сердечно ответил на жест прощания.

— Прощайте! — произнес Палли наконец и, развернувшись, вышел из комнаты.

Пространство вокруг того места, которое Палли занимал в комнате, казалось, обрушилось и заполнило его, втянув внутрь дам. Бетрис на цыпочках подошла к наружной двери и выглянула — удостовериться, что там никого нет.

Кэсерил взялся за перо и принялся нервно крутить его в пальцах.

— Сколько вы успели услышать? — спросил он.

Бетрис взглянула на принцессу и ответила:

— Я думаю, все. Марч не сдерживал своих

чувств.

Ее лицо выражало крайнюю степень обеспокоенности.

Теперь Кэсерилу нужны были средства, чтобы успокоить и ее, и принцессу.

— Марч рассказывал о закрытом совещании совета ордена Дочери, — сказал он. — Ему не следовало говорить об этом за пределами Храма.

— Но разве он не является гвардейцем Дочери и членом совета? Если так, то у него не меньше прав, чем у кого бы то ни было из тех, кто служит Богине, — сказала Изелль.

— Да, но в своей горячности он высказал обвинения в адрес генерала ордена, подтвердить которые он… он не в состоянии.

Изелль пристально посмотрела на Кэсерила.

— Но вы ведь верите ему? — спросила она.

— Дело не во мне и не в том, во что я верю или не верю.

— Но если то, что рассказал марч, правда, то это — преступление. Даже хуже, чем преступление. Это богохульство, надругательство над верой в короля и Богиню, а также над всеми, кто присягнул исполнять их волю!

Она видит все возможные следствия. Это хорошо! Хотя подождите, милые дамы…

— Мы не видели доказательств, — проговорил он. — Может быть, они не удовлетворили членов совета, и он отверг их как несостоятельные. Мы же не знаем!

— Но если мы не видели улик, которые представил на суд совета марч ди Паллиар, мы же можем исходить из того, что мы знаем о людях, и уже на основе этого судить о том, кто прав, а кто — нет?

— Нет, — твердо ответил Кэсерил. — Даже завзятый лжец может время от времени говорить правду, а самый честный человек в исключительных обстоятельствах лгать.

Бетрис обеспокоенно посмотрела на Кэсерила.

— Вы считаете, что ваш друг лгал?

— Как мой друг, конечно же, нет… Но он мог ошибаться.

— Все это слишком туманно, — решительно заявила принцесса. — Я спрошу совета у Богини.

Кэсерил, вспомнив, каким образом она воспользовалась советом Богини в прошлый раз, поспешил сказать:

— Не нужно обращаться за советом в столь высокие сферы, принцесса. Вы случайно услышали чьи-то тайны и должны следовать простой человеческой обязанности — никому их не раскрывать. Ни словом, ни делом.

— Но если это правда, это очень серьезно, лорд Кэс.

— И тем не менее, симпатии или антипатии в наших суждениях о ком-то или о чем-то весят не больше, чем досужие слухи.

Изелль задумчиво нахмурилась.

— Мне действительно не нравится лорд Дондо. Он странно пахнет, а руки у него горячие и потные.

Бетрис кивнула с гримаской отвращения и добавила:

— Точно! И он всегда норовит до тебя дотронуться. Фу!

Перо выпало из пальцев Кэсерила, испачкав ему рукав капелькой чернил. Он отложил бумаги в сторону.

— Вот как? — спросил он, как ему показалось, тоном вполне бесстрастным. — И где?

— Да везде! Во время танцев, за обедом, в зале. То есть я имею в виду, что тут многие джентльмены флиртуют, а некоторые делают это очень мило. Но лорд Дондо… Он такой настырный! Почему бы ему не поухаживать за дамами своего возраста? Не понимаю, почему он не хочет очаровывать их?

Кэсерил едва не спросил Бетрис, считает ли

она тридцатипятилетнего мужчину таким же стариком, как и сорокалетнего, но вовремя осекся и вместо этого сказал:

— Он хочет получить возможность влиять на принца Тейдеса, а потому стремится заручиться поддержкой принцессы и, заодно, и ее дам.

Бетрис облегченно вздохнула:

— Вы считаете? А то я уж думала, что он питает ко мне какой-то особый, гнусный интерес. Но если его интересует принц — тогда понятно!

Кэсерил продолжал обдумывать сказанное Бетрис, когда Изелль произнесла:

— У лорда Дондо странные представления о моем характере. Он думает, что, соблазняя моих дам, он заручится моим хорошим к нему отношением? И мне не кажется, что его влияние на Тейдеса так уж благотворно, если исходить из того, что я вижу. То есть, если бы он влиял в лучшую сторону, мы видели бы и добрые результаты. Тейдес бы лучше учился, был бы здоровее, стремился узнать что-нибудь новое о мире, в котором мы живем.

Да, влияние лорда Дондо вело принца, увы, совсем не в эту сторону, как это понимал Кэсерил.

Изелль же продолжала, горячась все больше:

— Ведь Тейдесу пора изучать государственное устройство, верно? И как управлять страной!

Мог бы посмотреть, как работает канцлер и его службы, посидеть на заседаниях разных советов, послушал бы послов. Или занялся бы изучением воинского дела. Охота — это, конечно, интересно, но разве не обязан он учиться и воинскому ремеслу? Его духовной пищей являются исключительно сласти. А где же настоящая еда? Где мясо? Что же у нас будет за король, если его так воспитывают?

Наверное, точно такой, как и нынешний, Орико — вялый и слабый. И он, увы, не сможет победить канцлера ди Джиронала в борьбе за власть в Шалионе.

Но вслух он сказал:

— Не знаю, принцесса!

— Что же мне делать? Что делать?

Изелль нервно расхаживала из угла в угол, шелестя юбками.

— Мама и бабушка наказывали мне присматривать за Тейдесом. Кэсерил! Но ведь вы можете что-то узнать достоверное про продажу наших людей наследнику Ибры? В конце концов, это же не секрет!

В этом она была права. Кэсерил сглотнул.

— Я постараюсь, моя госпожа! — сказал он. — Только… только что потом?

Он посуровел голосом.

— Дондо ди Джиронал — это власть и сила, с которыми нужно обходиться очень осторожно.

Изелль, резко повернувшись к Кэсерилу, внимательно посмотрела на него.

— И неважно, насколько прогнили эти власть и сила?

— Чем более они прогнили, тем менее защищены.

Изелль вскинула голову.

— Тогда скажите мне, кастиллар: насколько защищен, по вашему мнению, Дондо ди Джиронал?

Вопрос застал Кэсерила врасплох. Должен ли он сказать: *Дондо ди Джиронал после своего брата — самый опасный человек в Шалионе*? Но вместо этого он достал из глиняного кувшина новое перо и стал его аккуратно подрезать ножичком. Пролетело несколько секунд, и он сказал:

— Мне тоже не нравятся его потные руки.

Изелль недовольно фыркнула. Кэсерила же от дальнейшего допроса спас зов Нан ди Врит, которой срочно потребовались принцесса и леди Бетрис — возникли какие-то проблемы с шарфами и жемчугом, и юные дамы удалились.

Осень наступала на остатки лета; охотники прекратили свои вылазки, и принцесса Изелль, чтобы умерить бушевавшую в ней неуемную энергию, почти каждый день выезжала в сопровождении своей небольшой свиты на конные прогулки по поросшим дубовыми лесами окрестностям Кардегосса. Во время одной из таких прогулок Кэсерил, ехавший вместе с Бетрис и парочкой уныло постанывающих грумов позади принцессы, бодро галопирующей на своей кобыле, старался найти утешение в холодном свежем воздухе и мягком похрустывании пожелтевшей листвы, как вдруг услышал позади приближающийся топот копыт. Глянув назад, он почувствовал, как все внутри его напряглось: их догоняла кавалькада всадников в масках. Кричащая и гикающая толпа конных приблизилась к ним, и Кэсерил уже наполовину вытащил свой меч, но тут же успокоился: поравнявшиеся с ними лошади и экипаж принадлежали молодым придворным Зангры. Сами же всадники были одеты в причудливые лохмотья, а их голые руки и ноги вымазаны ваксой для обуви, которая должна была имитировать грязь.

Кэсерил вздохнул и пригнулся к луке седла, чтобы успокоить сердцебиение, а смеющиеся

«бандиты» в это время пленили принцессу и леди Бетрис, связав их, а также грумов и Кэсерила, разноцветными шелковыми лентами. Лучше бы, конечно, чтобы хоть кто-то его предупредил об этой учиненной придворными забаве. Ведь тот же весело смеющийся лорд ди Риналь за малым не получил по горлу остро отточенным мечом Кэсерила — равно как и его паж, которому кастиллар в момент перерубил бы хребет. Да и третий из скакавших рядом «бандитов» не увернулся бы и получил сталь в живот. И все это произошло бы еще до того, как Кэсерил подумал бы, что ему делать, или открыл бы рот, чтобы предупредить принцессу об опасности. Напавшие на них начали смеяться над выражением ужаса в лице Кэсерила, над мертвенной бледностью его кожи, над мечом, который он едва не выхватил. Знали бы они, что кроется за этим ужасом и бледностью, они бы моментально прекратили смеяться. Он же только улыбнулся и предпочел промолчать.

Они подъехали к «лагерю бандитов», где несколько слуг из Зангры, также одетых в живописные лохмотья, жарили на вертелах целого оленя и дичь помельче. Дамы, изображавшие бандитских подружек — в основном, пастушек и нищенок, приветствовали появление добычи

громкими криками. Принцесса, смеясь, вскрикнула, когда король «бандитов», ди Риналь, выхватив ножницы, отлезал ей локон волос — локон он якобы пошлет королю и потребует за нее выкуп. Но маскарад на этом не закончился, потому что в этот момент в лагерь ворвался отряд «спасителей», ведомый Дондо ди Джироналом. Воины отряда были одеты в бело-голубые наряды рыцарей Дочери. Началась схватка игрушечными мечами, во время которой было пролито немало свиной крови, которую щедро брызгали на дерущихся слуги. Всех «бандитов» убили, несмотря на то что кто-то жаловался, что это нечестно, а локон принцессы у короля бандитов забрал сам лорд Дондо. После окончания битвы появился человек в костюме священника и, окропив «убитых» вином, вернул их к жизни, после чего вся компания уселась за пирушку.

Кэсерил оказался за одной скатертью с принцессой, Бетрис и лордом Дондо. Сидя с краю, он едва притрагивался к вину и еде, наблюдая и слушая, как Дондо развлекает, как тому казалось, принцессу своими тяжеловесными шутками. Дондо умолял Изелль подарить ему локон в награду за свое спасение, и, щелкнув пальцами и подозвав пажа, предложил в обмен кожаный фу-

тляр, в котором лежали два инкрустированных бриллиантами черепаховых гребня.

— Сокровище в обмен на сокровище, — заявил Дондо, картинно убирая локон принцессы в нагрудный карман, поближе к сердцу.

— Это жестоко с вашей стороны, — парировала Изелль, — дарить гребни, но забирать волосы, которые я должна ими украшать.

Она принялась рассматривать, как в лучах солнца играют бриллианты на гребне.

— Но вы легко отрастите новый локон, принцесса!

— А вы сможете вырастить новое сокровище?

— Так же легко, как вы, уверяю вас!

Лежа рядом с сидящей принцессой, он опирался на локоть, едва не касаясь ее колен своей головой.

Принцесса улыбнулась:

— Ваша новая должность приносит вам хороший доход, генерал?

— Немалый!

— Тогда вам нужно было бы играть роль короля бандитов, а не нашего спасителя, — проговорила Изелль.

Улыбка на лице Дондо потускнела, и он сказал:

— Если бы это было не так, где бы я взял деньги,

чтобы покупать бриллианты на радость прекрасным дамам?

Изелль вспыхнула и опустила глаза. Дондо довольно осклабился. Кэсерил, прикусив язык, потянулся к серебряной фляге, думая в случае острой необходимости как бы случайно плеснуть несколько капель на шею сидевшей перед ним принцессы. Увы, фляга была пуста. Но, к его немалому облегчению, принцесса взяла немного хлеба и мяса и принялась есть. Что характерно, меняя в очередной раз позу, она подобрала юбки так, чтобы они не касались лорда Дондо.

Наступил вечер, и с низин повеяло холодом. Бандитский пикник закончился. Вся компания поднялась и медленно направилась к замку. Изелль, ехавшая впереди, на минуту придержала свою кобылу и дождалась, когда с ней поравняется Кэсерил.

— Кастиллар! — спросила она. — Вы разузнали все, о чем я просила в связи с продажей наемников в Ибру?

— Несколько человек подтвердили эти слухи, но их свидетельств недостаточно. Нужно искать еще.

По правде сказать, у Кэсерила были веские доказательства свершившегося, но он счел, что

рассказывать об этом Изелль здесь и сейчас было бы неблагоразумно.

Она молча кивнула и, пришпорив лошадь, догнала Бетрис.

Этим вечером банкет продолжался не так долго, как обычно, и закончился без танцев. Усталые лорды и леди разошлись по своим покоям — отдыхать или предаваться более интимным утехам. Кэсерил, шедший к себе, увидел, что его догоняет Дондо ди Джиронал.

— Пройдитесь со мной, кастиллар, — сказал Дондо. — Я думаю, нам следует поговорить.

Кэсерил пожал плечами и последовал за Дондо, не упустив при этом из виду, что сзади, на некотором расстоянии, за ними следуют двое из молодых приятелей генерала, явно его подручные. Выйдя из башни, расположенной в узкой оконечности крепости, Кэсерил и Дондо оказались в маленьком дворике, откуда видно было слияние рек. По сигналу Дондо его приятели остановились и, словно стражи, остались ждать у двери, устало прислонившись к ее косяку.

Кэсерил просчитал шансы. Дондо в случае необходимости он достанет. Несмотря на все последствия плена и тяжкого труда на галерах, его жилистые руки были гораздо сильнее, чем каза-

лись. С другой стороны, Дондо был, без сомнения, лучше обучен. Его приятели были молоды. Немного пьяны, но молоды. Трое на одного — здесь даже мечом особенно не помашешь. Что потом скажут? Скажут: неуклюжий секретарь перебрал за ужином, вышел погулять по крепостной стене и, оступившись в темноте, с высоты в три сотни футов упал в протекающую внизу реку. Его изломанное падением тело найдут на следующий день, и никто не определит причин, по которым он погиб.

Несколько светильников, встроенных в стенные ниши, освещали мощенный камнем дворик. Дондо пригласил Кэсерила присесть на гранитную скамью у внешнего парапета. Камень был холоден и шершав, а ночной ветерок резанул по шее. Негромко хмыкнув, Дондо присел рядом и, автоматически откинув полы плаща, обнажил рукоять меча.

— Итак, Кэсерил, я вижу, вы теперь в большом доверии у принцессы Изелль!

— Должность ее секретаря — это большая ответственность. Еще большая — должность ее наставника. Я очень серьезно к этому отношусь.

— Не удивительно. Вы всегда ко всему относились серьезно. Но вы же знаете: во всем нужно

следовать мере. Слишком много добрых качеств в одном человеке — это уже плохо.

Кэсерил пожал плечами.

Дондо, развалившись, сел поудобнее, словно намеревался поболтать с самым близким другом.

— Например, — начал он и махнул рукой в сторону башен, лицом к которым они сидели, — девушка ее возраста и склонностей должна интересоваться мужчинами, и, тем не менее, я нахожу, что она чрезвычайно холодна. Кобылка, подобная ей, предназначена для размножения — у нее широкие бедра, уже сейчас вполне годные для того, чтобы принять мужчину.

И он указал на себя, словно в качестве иллюстрации.

— Все, конечно, надеются, что ей не досталась в наследство от ее бедной матери та капля крови, из-за которой у той были проблемы с головой.

Кэсерил решил не участвовать в обсуждении этих вопросов и вновь пожал плечами.

— Будем надеяться и мы, — отозвался он.

— Будем, — подхватил Дондо. — И тем не менее, даже не принимая это в расчет, можно задаться вопросом: а настраивает ли против меня принцессу кто-нибудь… кто-нибудь, кто слишком серьезно относится к своим обязанностям?

— При дворе много сплетников.

— Согласен, — кивнул Дондо. — И все-таки Кэсерил, скажите, *как* вы говорите принцессе обо мне?

— Как? Очень корректно. Очень аккуратно.

Дондо сел поудобнее, сложив руки на груди.

— Это хорошо. Очень хорошо.

Несколько мгновений он помолчал и продолжил:

— И все-таки я бы предпочел, чтобы вы говорили обо мне с большей теплотой. Так было бы еще лучше.

Кэсерил, покусывая нижнюю губу, сказал:

— Изелль — очень умная и тонко чувствующая девушка. Я уверен, она поймет, где я говорю неправду. Лучше оставить все, как есть.

— Ну что ж, теперь подойдем к тому, о чем нельзя было не поговорить. Я полагаю, вы еще держите на меня зуб за ту жуткую игру, в которую нас заставил играть безумный принц Олус!

Кэсерил отрицательно покачал головой:

— Все это забыто, милорд.

Близость Дондо, его запах всколыхнули память Кэсерила, заставили его все вспомнить в деталях — его отчаяние, тяжелый удар, который нанес Дондо, скрежещущий звук металла…

— Забыто и быльем поросло…

— Ну что ж, вовремя забывать — это свойство порядочного человека. И все-таки, как мне кажется, вам чего-то недостает. Вы ведь, как я знаю, не так уж и богаты. Не всем удается отхватить у этого мира кусок пожирнее.

Дондо не без труда снял со своего толстого влажного пальца перстень — золото было достаточно тонкое, но в него был вправлен большой зеленый камень. Он протянул перстень Кэсерилу и сказал:

— Я надеюсь, что этот пустячок сделает вас более дружелюбным по отношению ко мне. И более молчаливым.

Кэсерил никак не отреагировал на это предложение.

— Все, в чем я нуждаюсь, я получаю у принцессы, милорд.

— Понимаю.

Дондо сдвинул, нахмурившись, свои темные брови, искорки загорелись в его прищуренных глазах.

— И все-таки, — сказал он, — ваша должность не позволяет вам как следует набить карманы, верно?

Кэсерил стиснул зубы, едва сдерживая ярость.

— Если вы отказываетесь верить в мое бескорыстие, милорд, попробуйте подумать о будущем, которое ожидает принцессу Изелль. Тогда вы поймете, что Боги все-таки наградили меня мозгами. Сегодня у принцессы в распоряжении всего-навсего небольшая свита. А завтра это может быть целое королевство.

— И вы это серьезно?

Дондо откинулся на спинку скамейки и разразился смехом.

— Бедный Кэсерил! Если человек во имя журавля в небе пренебрегает синицей, которую держит в руке, то, скорее всего, он останется и без журавля, и без синицы. И это умно, считаете вы?

Он положил перстень на скамейку — как раз между собой и Кэсерилом.

Кэсерил развел руками — что делать! После чего положил ладони на колени и сказал негромко:

— Сберегите свое сокровище, милорд, и купите себе кого-нибудь другого. Не думаю, что такого человека будет трудно найти.

Дондо взял перстень и бросил на Кэсерила гневный взгляд.

— Вы нисколько не изменились. Такой же ханжа, как и раньше. Вы с ди Сандой — два сапога пара. Не удивительно, если вспомнить ту стару-

шенцию в Валенде, которая наняла вас обоих.

Он встал и направился внутрь, на ходу надевая перстень на палец. Его приятели с любопытством посмотрели в сторону Кэсерила и последовали за своим господином.

Кэсерил вздохнул. А не слишком ли высокую цену он заплатил за эту минуту яростного торжества? Может быть, было бы мудрее принять взятку, успокоить Дондо, дать ему понять, что он купил себе еще одного человека — такого же, как он сам? Человека, которого легко понять, которого просто держать в узде? Чувствуя свинцовую усталость во всем теле, Кэсерил встал и пошел домой.

Он уже вставлял ключ в замочную скважину, когда мимо него, зевая, прошел ди Санда. Они оба промычали вялые, хотя и дружественные приветствия.

— Подождите секунду, ди Санда! — попросил Кэсерил.

Ди Санда остановился.

— Кастиллар? — произнес он.

— Хорошо ли вы запираете свою дверь и не расстаетесь ли вы с ключом? — спросил Кэсерил.

Ди Санда удивленно приподнял брови.

— У меня отличный сундук с крепким замком.

И там лежит все, что я должен беречь.

— Этого недостаточно! Необходимо хорошенько запирать всю комнату.

— Чтобы никто ничего не украл? Но у меня нечего…

— Нет. Чтобы никто не положил туда нечто уже украденное.

Ди Санда ошеломленно посмотрел на Кэсерила. Видно было, как напряженно работают его мозги. Наконец он поднял глаза на кастиллара.

— Вот это да! — произнес он.

И кивнув, то есть почти поклонившись, сказал:

— Благодарю вас, кастиллар. Об этом я не подумал.

Кэсерил ответил поклоном на поклон и вошел в комнату.

10

Удовлетворенно похмыкивая, Кэсерил сидел в своей ярко освещенной комнате, держа на коленях томик классического браджарианского стихотворного романа «Легенда о зеленом дереве». Когда-то, в годы правления Фонзы Мудрого, о библиотеке Зангры говорили как об одном из чудес света. Теперь же она медленно погибала, оставленная без внимания. Томик, который Кэсерил листал, никто не брал с полки уже много лет, свидетельством чему был толстый слой пыли, который Кэсерил стряхнул, когда нашел книгу в библиотеке.

Он получал настоящее удовольствие: автор романа, Бехар, оказался искусным мастером стихосложения; свечей было даже в избытке (отчего Кэсерил чувствовал себя чуть-чуть преступни-

ком: когда комендант замка будет подписывать счета за освещение, он, конечно, удивится такой расточительности принцессы). Ритм Бехаровых каденций звучал в голове Кэсерила. Он послюнявил палец и перевернул страницу.

Но оказывается, в его голове звучали не только строфы, искусно составленные Бехаром. Стук, топот и смех, приглушенные потолком, доносились и с верхнего этажа. Впрочем, забота о том, чтобы Изелль и ее свита вовремя ложились спать, лежала на плечах Нан ди Врит, а не на его собственных. Он вновь обратил глаза и внутренний слух к божественным видениям Бехара и решил не обращать внимания на доносящийся сверху шум, пока оттуда не раздался, явственно и определенно, отчаянный поросячий визг.

Никакой Бехар не был в состоянии справиться с *этой* тайной. Усмехнувшись, Кэсерил отложил книгу на кровать, встал, обулся и, подтянув тунику, взял со столика одну из свечей, чтобы посветить себе на черной лестнице, ведущей наверх.

Поднимаясь, он едва не столкнулся с летящим вниз Дондо ди Джироналом. Тот был одет в свой обычный наряд придворного — голубую парчовую тунику и шерстяные панталоны, хотя его

белый плащ свисал с руки вместе с перевязью меча. Лицо его выражало крайнюю степень озлобленности и горело огнем. Кэсерил уже было открыл рот, чтобы вежливо поприветствовать генерала, но при виде убийственной гримасы на лице Дондо слова замерли на его губах. Дондо промчался мимо Кэсерила, не произнеся ни слова.

Кэсерил бросился наверх и, вбежав на верхний этаж, увидел, что все настенные светильники горят, а в коридоре толпятся люди, некоторым из которых там было явно не место в столь поздний час. Он увидел не только Бетрис, Изелль и Нан ди Врит, но и лорда ди Риналя, одного из приятелей лорда ди Риналя, а также некую незнакомую даму и ди Санду. Вся эта толпа заливисто хохотала, заслоняя собой от Кэсерила некий предмет. Неожиданно они расступились, и в образовавшемся проходе Кэсерил увидел принца Тейдеса и пажа, вдруг бросившихся за рванувшим от них поросенком, шея которого была обмотана яркими лентами. Поросенок подбежал к ногам Кэсерила, и паж, воспользовавшись секундным замешательством животного, поймал его. Тейдес разразился триумфальными криками.

— В мешок его, в мешок! — вопил ди Санда.

Вместе с Бетрис ди Санда подбежал к Тейдесу,

который с помощью пажа пытался засунуть визжащего зверя в большой холщовый мешок, куда тот совсем не хотел идти. Бетрис наклонилась и почесала поросенка за ухом.

— Благодарим тебя, леди Свинка! — сказала она, смеясь. — Ты отлично исполнила свою роль. Пора тебе и домой.

Паж взвалил мешок с дергающимся животным на плечо, поклонился всей компании и, ухмыляясь, ушел.

— Да что тут происходит? — спросил Кэсерил, в котором желание посмеяться боролось с чувством тревоги.

— О! У нас получилась бесподобная шутка! — воскликнул Тейдес. — Видели бы вы лицо лорда Дондо!

Это лицо Кэсерил только что видел, и выражение этого лица не внушило ему чувства радости. Под ложечкой у него засосало.

— Что же вы сделали?

Изелль гордо вскинула голову.

— Я прозрачно намекала, а Бетрис прямо и откровенно заявляла лорду Дондо, что его ухаживания и претензии нам неприятны, но он не отставал. И тогда мы решили удовлетворить его притязания. Тейдес нашел для него возлюб-

ленную в свинарнике, и вместо девственницы, которую лорд Дондо ожидал найти в постели Бетрис, когда на цыпочках пробирался к ней в спальню, он нашел там леди Свинку.

— О, не обижайте нашу красавицу! — воскликнул лорд Риналь. — Она ведь тоже могла оказаться девственницей!

— Конечно, могла! — засмеялась сопровождавшая его дама. — Только в прошлом, до визита лорда Дондо. Иначе зачем бы она так визжала?

— Жаль, что она пришлась лорду Дондо не по вкусу, — сказал ди Санда ядовито. — Я, признаться, удивлен. Все в один голос говорят, что он готов возлечь с кем угодно и с чем угодно.

Он бросил украдкой взгляд вбок, чтобы увидеть, какой эффект его слова произвели на ухмыляющегося принца.

— И это после того, как мы щедро оросили ее моими лучшими дартаканскими духами! — делано вздохнула Бетрис. Смех в ее глазах не смог перебить выражение ярости, которая ждала удовлетворения и наконец дождалась.

— Вам следовало все мне рассказать, — начал было Кэсерил, но замолчал. Рассказать о чем? Об этой шутке, этом злом розыгрыше? Они наверняка догадывались, что он воспрепятствует этой

затее. А может быть, о том, как Дондо домогается их внимания? О том, насколько гнусны его приставания? Кэсерил сжал кулаки так, что ногти впились в его ладони. И что он сделает? Пойдет к королю? Королеве? *Бесполезно!*

— Шуму в Кардегоссе будет! — между тем говорил лорд Риналь. — Все будут говорить: *Этот прохвост получил свое!* Кстати, и про хвост не забудут. У нашей свинки такой чудесный хвостик крючком! Я уже слышу, как каждый, кто встретится с Дондо, начнет вилять задом и похрюкивать. А сам Дондо вряд ли теперь сядет за стол, где подают свинину.

— Принцесса! Леди Бетрис! — обратился он к дамам. — Благодарю вас от всего сердца!

И придворные удалились, вероятно, чтобы рассказать о замечательном розыгрыше тем своим друзьям, которые еще не спали.

Кэсерил, подавив чувства, в нем бушевавшие, тщательно обдумал свои слова и произнес:

— Принцесса! Это было не вполне разумно.

Принцесса, нахмурившись, гордо посмотрела на своего наставника.

— Этот человек, — произнесла она, — носит одежды генерала святого ордена Госпожи Весны, а сам готов сорвать одежды с любой девушки и

лишить ее того, что для нее поистине свято — ее девственности. Кроме того, он хапает все, до чего только может дотянутся… Вы говорили, что у вас пока нет доказанных свидетельств относительно того, что и где еще он подгребает под себя. Но у нас достаточно доказательств, слава Богине. По крайней мере, мы доказали ему, как это глупо — пытаться что-то украсть у меня. Зангра — это королевский дворец, а не скотный двор.

— Да успокойтесь вы, Кэсерил! — посоветовал ему ди Санда. — Не станет же этот тип мстить принцу и принцессе!

Он осмотрелся. Тейдес ходил по коридору, собирая смятые ленты, которыми был украшен поросенок и которые он разбросал во время своего бегства.

Понизив голос, ди Санда продолжил:

— И важно было еще, чтобы Тейдес увидел своего героя в менее благоприятном свете. Когда лорд Дондо выскочил из спальни леди Бетрис с падающими штанами, мы все стояли в коридоре. А тут еще и свинья пробежала у него между ног. Он выглядел как полный дурак! Это лучший урок за последние месяцы, который я мог преподать Тейдесу. Может быть, мне все-таки удастся его наставить на путь истинный?

— Буду молиться о том, чтобы вы оказались правы, — сказал Кэсерил. Он не стал говорить, что, кроме принца и принцессы, в Зангре есть еще люди, которым Дондо может мстить за свой позор.

Тем не менее в последующие дни никаких намеков на то, что обиженный Дондо собирается кому-то мстить, не было. Он воспринимал шутки ди Риналя и его приятелей с жиденькой улыбкой — пусть и не радостной, но — улыбкой! Когда Кэсерил садился за стол, он ждал, что на нем непременно появится жареный поросенок, украшенный лентами, но и этого не происходило. Бетрис, на которую реакция Кэсерила поначалу произвела впечатление, понемногу успокоилась. Несмотря на свой взрывной темперамент, Дондо демонстрировал, как долго он может ждать, чтобы отомстить за свои незаживающие раны.

К немалому облегчению Кэсерила, похрюкивание и повизгивание в коридорах замка затихли раньше, чем через две недели, — у придворных появились новые объекты сплетен и шуток. Кэсерил начал надеяться: а вдруг Дондо, без всяких для окружающих людей последствий, просто взял, да и проглотил, не плюясь, то лекарство, которое вынужден был публично принять? А

может быть, его старший брат, горизонт которого был, конечно, гораздо шире, чем узкий мирок замка, предпринял какие-нибудь усилия, чтобы подавить в своем брате желание мести? За пределами столицы достаточно проблем, к которым должны были обратить свое внимание взрослые, солидные люди: на юге Ибры разгорался пожар гражданской войны, в провинциях орудовали бандиты, плохая погода слишком рано сделала горные проходы непригодными для использования.

В свете этих последних событий Кэсерил решил заняться организацией переезда принцессы и ее хозяйства — на тот случай, если король и двор решат, что нужно перебираться из Зангры в зимнюю резиденцию, и сделать это необходимо до наступления Дня Отца. Кэсерил сидел в своей рабочей комнате, подсчитывая, сколько и чего нужно лошадям и мулам принцессы, как на пороге появился паж.

— Милорд Кэсерил! — произнес паж. — Король просит вас прибыть к нему в башню Иаса.

Кэсерил отложил перо и отправился вслед за пажом, недоумевая, что от него потребовалось королю. Неожиданные фантазии Орико могли быть весьма эксцентричными. Дважды он при-

казывал Кэсерилу сопровождать его в зверинец и выполнять работу, которую мог бы легко сделать и паж — подержать цепь или передать скребницу или корм. Впрочем, во время этих совместных экспедиций король задавал вопросы относительно принцессы и ее дел, а Кэсерил воспользовался возможностью внушить Орико мысль о том, насколько Изелль боится стать платой за мир с Архипелагом или с каким-нибудь иным рокнарийским королевством. Кэсерил надеялся, что эта мысль укоренилась в голове монарха — несмотря на сомнения, что в его полусонном мозгу вообще могли укореняться какие-нибудь мысли.

Паж проводил Кэсерила в длинную комнату в башне Иаса, которую лорд ди Джиронал использовал для своей канцелярии, когда двор жил в Зангре. В комнате по стенам были рядами устроены полки, на которых стояли и лежали книги, свитки пергамента, папки, а также седельные сумки, с которыми разъезжали по своим делам королевские курьеры. Два стража в ливреях встретили Кэсерила и пажа перед входом в комнату и, впустив их, вошли следом, заняв место у дверей. Кэсерил обратил внимание, как внимательно стражи смотрят в его сторону.

Король Орико сидел рядом с канцлером за сто-

лом, на котором лежали бумаги. Орико выглядел усталым. Ди Джиронал, напротив, был подтянут и напряжен. Одет он был в свой ежедневный наряд, но с шеи его свисала цепь — атрибут высокой должности. Придворный, в котором Кэсерил опознал сэра ди Марока, отвечавшего за состояние личного оружия и гардероба короля, стоял на одном конце стола. На другом, с лицом, исполненным крайнего беспокойства, стоял паж.

Приведший Кэсерила паж провозгласил:

— Кастиллар ди Кэсерил, сир.

После чего, глянув на стоящего возле стола приятеля, удалился к дальней стене.

Кэсерил поклонился.

— Мой король! Милорд канцлер!

Ди Джиронал, поглаживая свою тронутую сединой бороду, посмотрел на Орико, который при этом пожал плечами, и спокойно сказал:

— Кастиллар! Вы крайне обяжете их величество, если снимете тунику и повернетесь к нам спиной.

Словно холодная рука сжала его горло. Кэсерил сжал зубы, кивнул и развязал фалды туники, после чего скинул ее с плеч вместе с плащом, удержав на согнутых локтях. Сделав бесстрастное лицо, лицо военного, подчиняющегося приказу,

он повернулся и услышал сдавленные вздохи, изданные двумя взрослыми, и молодой голос, произнесший:

— Это он! Я это видел!

Вот как? Это *тот самый* паж!

Кто-то откашлялся. Кэсерил подождал, когда лицо его прекратит гореть, и повернулся.

— Могу ли я одеться, сир? — спросил он короля.

Орико кивнул и, поерзав, сказал:

— Кэсерил… ходят слухи, что вас обвинили… что вас приговорили в Ибре… приговорили в Ибре за изнасилование, забили в колодки и бичевали. Это так?

— Это ложь, сир, — ответил Кэсерил. — Кто это утверждает?

Он посмотрел на ди Марока, который при виде спины Кэсерила мертвенно побледнел. Насколько Кэсерилу было известно, ди Марок не был связан со старшим ди Джироналом служебными отношениями. Не принадлежал он и к приятелям Дондо. Может, ему дали взятку? Или он просто честный простак?

Неожиданно из коридора раздался звонкий женский голос:

— Я должна увидеть брата. У меня есть на это

право!

Один из стражников с воинственным видом подался вперед, а потом отступил — в комнату вошла принцесса Изелль, сопровождаемая леди Бетрис и ди Сандой.

Изелль быстро обвела взглядом собравшихся у стола мужчин и, вскинув голову, воскликнула:

— В чем дело, Орико? Ди Санда сказал, что вы арестовали моего секретаря. Почему меня не поставили в известность?

По тому, как скривилась физиономия ди Джиронала, стало ясно, что вторжение принцессы никак не входило в его планы. Орико же замахал своими толстыми ручками:

— Что ты! Никто никого не арестовывал. Мы собрались, чтобы исследовать предъявленные обвинения.

— Какие обвинения?

— Очень серьезные, принцесса, — вступил в разговор канцлер. — Но они не для ваших ушей. Вам следует удалиться.

Намеренно проигнорировав слова ди Джиронала, Изелль пододвинула кресло и села, сложив руки на груди.

— Если это серьезные обвинения, относящиеся к моему самому доверенному слуге, то они как

раз для моих ушей. Кэсерил! В чем дело?

Кэсерил отвесил легкий поклон в сторону принцессы.

— Был распространен слух людьми, чьи имена пока не названы, будто шрамы на моей спине есть следствие наказания за совершенное мной преступление.

— Прошлой осенью, — нервно покусывая губы, произнес ди Марок. — В Ибре.

Бетрис, которая вместе с Изелль зашла за спину Кэсерила, чтобы разглядеть его исполосованную спину, сдавленно охнула. Лицо ди Санды сморщилось в гримасе ужаса и сочувствия.

— Могу ли я надеть тунику, сир? — спросил Кэсерил.

— Конечно! — поспешно ответил король.

— Природа преступления, в котором подозревается кастиллар ди Кэсерил, такова, что возникают веские сомнения в том, что ему можно доверять служить вам, принцесса, равно как и всем прочим дамам.

— Что? Изнасилование? — с едкой усмешкой спросила принцесса. — *Кэсерил* и изнасилование? Да это самая абсурдная ложь из всего, что я когда-либо слышала!

— И тем не менее мы же видим следы бичева-

ния! — сказал ди Джиронал.

— Это подарок от хозяина рокнарийской галеры, — проговорил Кэсерил сквозь зубы. — В ответ на мое необдуманное поведение. Да, это было прошлой осенью, но весьма далеко от берегов Ибры.

— Ну что ж, таким объяснением можно было бы и удовлетвориться, — судейским тоном проговорил ди Джиронал. — Однако это странно. Мы слышали легенды о жестоких условиях жизни на галерах, но их хозяева, как правило, не станут наказывать рабов так, что те больше не смогут работать веслами.

Кэсерил усмехнулся.

— Я его спровоцировал.

— И каким образом, Кэсерил? — спросил Орико, подставив ладонь под свой жирный подбородок.

— Я набросил свою цепь ему на горло и хотел придушить. Мне почти удалось это, но меня оттащили.

— О Боги! — воскликнул король. — Вы собирались совершить самоубийство?

— Не уверен. Тогда я уже дошел до состояния, в котором не чувствовал ни страха, ни надежды, ни ярости. Мне дали напарника в соседи по галерной скамье, мальчика с Ибры, лет пятна-

дцати от роду. Он сказал, что его похитили, и я ему поверил. По виду он был из хорошей семьи, воспитанный. Явно галеры были не для него. Он страшно обгорел на солнце, а руки его кровоточили. Испуганный, робкий, стыдливый. Он сказал, что его имя — Дэнни. Имени своих родителей он, правда, не назвал. Хозяин галеры собирался использовать его способом, запрещенным у рокнарийцев, и Дэнни, защищаясь, ударил хозяина. Конечно, это было глупо, и я не успел остановить его… Он просто не понимал. Я тогда соображал очень слабо, но решил, что если я ударю хозяина галеры, то отвлеку его внимание от мальчика.

— И тот станет мстить не Дэнни, а вам? — выдохнула Бетрис.

Кэсерил пожал плечами. Перед тем как набросить цепь на шею хозяина, он ударил его коленом в пах, чтобы охота развлекаться с мальчиками пропала у него хотя бы на неделю. Но ведь неделя — не такой уж и большой срок. А что потом?

— Это был бесполезный шаг. Точнее, был бы бесполезным, если бы нас на следующее утро не спасла ибранская военная флотилия.

— Стало быть, у вас есть свидетели! — ободряющим тоном сказал ди Санда. — И довольно много! Мальчик, рабы, ибранские моряки. А что стало

с мальчиком?

— Я не знаю. Некоторое время я лежал в Загосуре, в приюте при храме Материнского Милосердия, и к тому времени, как смог встать, все свидетели уже разошлись и разъехались кто куда.

— Да, поистине героическая история, — сказал ди Джиронал, пытаясь своим тоном убедить слушателей, что это — лишь версия Кэсерила, причем не обязательно правдивая. Нахмурившись, он оглядел собравшихся, задержавшись взглядом на ди Санде и разгневанной Изелль.

— И, как я полагаю, вы можете попросить принцессу дать вам отпуск на месяц, чтобы вы смогли съездить в Ибру и разыскать этих… вовремя, так сказать, разъехавшихся свидетелей.

На целый месяц оставить дам без охраны? Здесь? Да и переживет ли это путешествие он сам? Или будет убит и похоронен в безымянной могиле в двух часах езды от Кардегосса, а при дворе подумают, что он сбежал и, следовательно, виновен в том, в чем его обвиняют? Бетрис прижала ладонь к побелевшим губам, пристально глядя на ди Джиронала. Один человек по крайней мере больше верит его, Кэсерила, словам, чем шрамам на его спине. Он выпрямился.

— Нет, — сказал он наконец. — Меня оболгали. На чашах весов — мое честное слово и сплетня. Пока у вас не будет более веских доказательств, чем слухи, я буду утверждать: все сказанное здесь обо мне — ложь. Кстати, а откуда ветер дует? Вы проследили эту сплетню к ее истокам? Кто меня обвиняет? Вы, ди Марок?

Нахмурясь, он посмотрел на стоящего возле стола придворного.

— Расскажите, ди Марок, — предложил ди Джиронал.

Ди Марок вздохнул.

— Я услышал эту историю от ибранского торговца шелком, когда имел с ним дела в связи с королевским гардеробом. Он узнал кастиллара, сказав, что видел, как того подвергали бичеванию в Загозуре. И когда он встретил кастиллара здесь, то был поражен. Торговец рассказал, что дело было весьма неприятное: кастиллар изнасиловал дочь человека, который его приютил. Свидетель запомнил эту историю именно потому, что преступление было таким отвратительным.

Кэсерил погладил бороду.

— Вы уверены, что он не принял меня за другого?

Ди Марок ответил:

— Нет, он знал ваше имя.

Кэсерил прищурился. Никакой ошибки — наглая ложь, купленная и оплаченная. Но чей язык купили? Язык придворного или язык торговца шелком?

— И где тот торговец сейчас? — вступил в разговор ди Санда.

— Отправился со своим обозом в Ибру, чтобы успеть до снегов.

Кэсерил же спросил нарочито мягко:

— Вспомните, когда точно вы слышали эту историю.

Некоторое время ди Марок колебался, считая в уме и помогая себе считать шевелением пальцев, после чего проговорил:

— Уехал он три недели назад, а рассказал мне все перед отъездом.

О, теперь известно, кто лжет! Кэсерил усмехнулся, но это была усмешка отнюдь не радостная. То, что торговец шелком не был выдумкой, сомнению не подлежит, как и дата его отъезда. Но этот ибранец отбыл из Зангры задолго до того, как Дондо пытался подкупить Кэсерила. И тогда, не сумев избавиться от него прямо, с помощью подкупа, он решил сделать это обходными путями, через клевету. К сожалению, такие аргументы

Кэсерил не мог привести в свою защиту.

— У торговца из Ибры не было причин лгать, — сказал ди Марок.

А у тебя — была. Интересно, какая?

— Вы знали эти факты три недели и лишь сейчас донесли их до короля и канцлера. Почему так долго, ди Марок?

Ди Марок затравленно взглянул на Кэсерила.

— Поскольку торговец уехал, — ворчливо проговорил король, — невозможно определить, кто говорит правду, а кто — нет.

— Тогда, как я думаю, — вступил, выпрямившись, ди Санда, — следует истолковать имеющиеся сомнения в пользу ди Кэсерила. Вы можете его знать недостаточно хорошо, но его отлично знает провинкара Баосии, которая полностью ему доверяет. Он пять или шесть лет служил у ее мужа.

— В юности! — вторгся ди Джиронал. — А люди меняются. Особенно на войне с ее жестокостью. Если в человеке есть хотя бы незначительные сомнения, ему не следует доверять должность, особенно если ее отправление сопряжено с… соблазнами известного рода.

И он красноречиво посмотрел на Бетрис.

Та, глубоко вздохнув, хотела уж было что-то ска-

зать, но, к счастью, в разговор вступила Изелль:

— Это чепуха. В условиях самой жестокой войны вы, марч, передали ди Кэсерилу ключи от крепости Готоргет, которая была оплотом всей оборонительной линии Шалиона на севере. Тогда вы ему доверяли, и он полностью оправдал ваше доверие.

Лицо ди Джиронала напряглось, и он, едва заметно улыбнувшись, сказал:

— Смотрите, насколько вырос воинский дух в Шалионе: теперь даже юные девицы советуют военачальникам, каких стратегий им придерживаться.

— Иногда это бывает полезным, — негромко проговорил Орико. Только легкое, почти незаметное движение глаз канцлера в сторону монарха дало всем понять, что он слышал слова короля.

Голосом недоумевающим ди Санда сказал:

— Да, но почему тогда кастиллар не был выкуплен вместе с остальными офицерами Готоргета, ди Джиронал?

Кэсерил сжал зубы. *Заткнись, ди Санда.*

— Рокнарийцы сообщили нам, что он погиб, — ответил коротко канцлер. — Вероятно, они не отдали его нам из мести. Я предположил, что это так, когда узнал, что кастиллар жив. Хотя

если торговец шелком говорит правду, то, что он сделал, он мог сделать, будучи доведенным до крайнего состояния. Бежал, потом скитался по Ибре, мог не отдавать себе отчета в том, что совершил, а потом этот… этот арест.

Он посмотрел на Кэсерила и тут же отвел взгляд.

Ты знаешь, что ты лжешь. И я знаю, что ты лжешь. Но ди Джиронал до сих пор не знал, осведомлен ли Кэсерил о том, что произошло на самом деле. Правда, теперь это нельзя отнести к преимуществам. Сплетня уже выбила почву из-под ног Кэсерила — независимо от результатов расследования, которое назначит Орико.

— Чего я не понимаю, — сказал ди Санда, глядя на ди Джиронала, — так это то, почему никто не занимался расследованием исчезновения кастиллара. Ведь он, в конце концов, был *начальником* гарнизона крепости!

Изелль же, подумав, заявила:

— Если вы полагаете, что рокнарийцы мстили нам, то не кажется ли странным то, как они распорядились человеком, который как командир гарнизона стоил гораздо большего?

Ди Джиронал состроил натужную гримасу — ему явно не нравилось то, куда могла завести

всех логика принцессы, а потому он сел и решил побыстрее закончить обсуждение.

— Ну что ж, — сказал он, — пока мы зашли в тупик. Что мы имеем? Слово одного человека против слова другого, и никаких доказательств. Я бы предложил действовать предусмотрительно. Нужно, вероятно, перевести лорда ди Кэсерила на менее значительную должность или же отправить назад, в распоряжение вдовствующей провинкары Баосии.

Изелль едва не взорвалась от негодования:

— И пусть сплетники торжествуют? Нет! Ни за что не соглашусь!

Орико тер виски так, словно у него болела голова, и попеременно бросал взгляды то на своего холодного как лед главного советника, то на свою разгневанную сводную сестру. Наконец он издал легкий стон:

— О Боги! Как не люблю я…

Выражение лица монарха сменилось, и он выпрямился.

— Есть лишь одно решение, — начал он, — и это решение будет справедливо.

Он подозвал пажа, который привел Кэсерила, и что-то прошептал тому на ухо. Ди Джиронал напрягся, нахмурившись, но, похоже, так и не

понял, что король сказал пажу.

Паж вышел.

— И каково ваше решение, мой господин? — спросил ди Джиронал с некоторой опаской.

— Это будет не мое решение. Пусть решение примут Боги. Пусть они сообщат нам, кто невиновен, а кто лжет.

— Неужели вы думаете о судебном поединке? — спросил ди Джиронал с нескрываемым ужасом в голосе.

Кэсерил также испытал ужас — как и мертвенно побледневший ди Марок.

Орико моргнул.

— Нет, — сказал он. — Мысль у нас совсем иная.

Он взглянул на ди Марока и Кэсерила и продолжил:

— Они достаточно подходят друг другу. Конечно, ди Марок помоложе и показывает хорошие результаты на моем песчаном ринге, но опыт тоже имеет значение.

Бетрис взглянула на ди Марока и озабоченно нахмурилась. То же сделал и Кэсерил, но, как он подозревал, по иной причине. Ди Марок действительно был превосходным ринговым «танцором», но если ему будет противостоять бо-

ец, владеющий жестокими, бескомпромиссными приемами, принятыми на реальной войне, то дворцовому дуэлянту не протянуть и пяти минут. Кэсерил на мгновение столкнулся взглядом с ди Джироналом и понял, что канцлер пришел к таким же выводам. При мысли о том, что ему придется убить этого юношу — даже притом что тот мог действительно оказаться лжецом, сердце у Кэсерила упало.

— Я не знаю, лгал ли тот ибранец, или нет, — проговорил ди Марок, аккуратно выбирая слова, — но я передал то, что слышал.

— Хорошо, хорошо! — отмахнулся от него Орико. — Я думаю, мой план будет получше.

Он шмыгнул носом, отер его рукавом и принялся ждать. В комнате воцарилось нервное молчание.

Прервал молчание паж, который, войдя, объявил:

— Умегат, сир!

В дверях появился как всегда аккуратно одетый рокнариец, который с немалым удивлением посмотрел на собравшихся, но тут же, подойдя к королю и встав напротив, низко поклонился.

— Чем я могу служить вам, милорд?

— Умегат! — сказал Орико. — Отправляйся во

двор замка и принеси нам первую из священных ворон, которую ты поймаешь. А ты, — он кивнул пажу, — пойдешь с ним в качестве свидетеля. А теперь — быстро! Быстро! Пошли!

И, поторапливая Умегата и пажа, он захлопал в ладоши.

Не задав ни единого вопроса и не выразив никакого удивления, Умегат поклонился и вышел. Кэсерил заметил, как ди Марок бросает на канцлера встревоженный взгляд, дескать — *Ну и что дальше?* Но ди Джиронал лишь стиснул зубы, проигнорировав немой вопрос придворного.

— Итак! — сказал Орико. — Как же нам это организовать? Я знаю: Кэсерил встанет в этом углу комнаты, ди Марок — в противоположном.

Ди Джиронал напряженно размышлял. После чего едва заметным кивком головы указал ди Мароку на стену с окном. Кэсерилу досталась противоположная.

— Все вы, — обратился он к Изелль и ее свите, — встаньте в сторонке, будете свидетелями. Вы — тоже!

В свидетели он записал и пажей, и охранников. Поднявшись из-за стола, он сам, по своему вкусу, всех расставил и рассадил. Ди Джиронал, хмурясь, играл пером и оставался сидеть там,

где сидел.

Гораздо быстрее, чем ожидал Кэсерил, вернулся Умегат, неся под мышкой весьма недовольную ворону. Сопровождал рокнарийца скачущий вокруг него взволнованный паж.

— Была ли эта ворона первой из тех, что вы увидели? — спросил король мальчика-пажа.

— Да, милорд, — ответил тот. — Вся стая кружила вокруг башни короля Фонзы, и было их шесть или восемь. Умегат встал во дворе, закрыл глаза и вытянул руку. И эта ворона спустилась и села ему на рукав.

Кэсерил напряг глаза, всматриваясь в оперение бормочущей что-то птицы — не отсутствует ли у нее в хвосте пара перьев?

— Отлично, — радостно сказал король. — А теперь, Умегат, встань посередине комнаты, и, когда я подам сигнал, ты отпустишь ворону. Мы увидим, к кому она полетит, и узнаем ответ на вопрос, который нас интересует. Подождите! Каждый должен в душе своей произнести молитву и попросить Богов, чтобы они открыли нам истину.

Изелль приготовилась было молиться, но Бетрис спросила:

— Но, сир! Что мы в таком случае узнаем? Она

же может полететь и ко лжецу, и к честному человеку.

— Вот как? — озадаченно проговорил Орико.

— А может, она просто начнет кружить по комнате, — проговорил ди Джиронал, и нотки отчаяния засквозили в его голосе.

И тогда мы узнаем, что Боги — в таком же тупике, что и мы, — подумал Кэсерил, но воздержался от того, чтобы произносить это вслух.

Умегат, поглаживая птицу, чтобы успокоить, поклонился и проговорил:

— Так как Богам мила и любезна правда, ворона непременно полетит к честному человеку, сир.

При этом он не посмотрел ни на Кэсерила, ни на ди Марока.

— Отлично! — кивнул король. — Начинаем!

Умегат, в котором Кэсерил начал подозревать наличие изрядного театрального таланта, расположился ровно посередине комнаты, на равном расстоянии от обоих подозреваемых и, вытянув вперед руку, на которой сидела птица, медленно снял с ее спины и крыльев вторую руку. Лицо его при этом несло выражение почтительной богобоязненности. Кэсерилу стало интересно — а что станут Боги делать с какофонией разнообразных и, соответственно, конфликтующих друг с другом

молитв, которые втекали в их уши из уст людей, собравшихся в этой комнате? Наконец Умегат слегка подбросил птицу вверх и опустил руку. Ворона каркнула и раскрыла крылья. На хвосте ее Кэсерил отметил отсутствие двух перьев.

Ди Марок выставил вперед две руки, надеясь, что ему удастся перехватить птицу, если она будет пролетать мимо. Кэсерил хотел было крикнуть *Кэс*, но осекся — его увлекла чисто теологическая сторона вопроса: правду он знал, но его интересовали сами возможности испытания, где критерием истины была объявлена воля Богов. Он стоял у стены, выпрямившись и завороженно смотрел за тем, что происходит. Птица же, сделав неполный круг по комнате, пролетела мимо окна и, подлетев к Кэсерилу, села на его плечо.

— Молодчина! — спокойно сказал он вороне, а та вцепилась когтями в его плечо и сидела, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, после чего откинулась назад и принялась всматриваться в лицо Кэсерила бесстрастным взглядом своих глаз-бусин.

Изелль и Бетрис вскочили с радостными криками и принялись обниматься, чем едва не спугнули птицу с плеча Кэсерила. Ди Санда

мрачно улыбался. Ди Джиронал явно скрипел от злости зубами. Ди Марок же, убитый до последней степени, едва держался на ногах.

Орико потер свои пухлые ладони.

— Отлично! Дело решено. И теперь, слава Богам, я могу пообедать.

Изелль, Бетрис и ди Санда, словно почетный караул, окружили Кэсерила, выводя его из башни Иаса во двор замка.

— Как вы догадались прийти мне на помощь? — спросил Кэсерил, подняв голову вверх и, кстати, не заметив над башней ни одной вороны.

— Я узнал от пажа, что вас этим утром собираются арестовать, — сказал ди Санда, — и сразу же отправился к принцессе.

А интересно, у ди Санды есть личный бюджет, из которого он оплачивает своевременное поступление горячих новостей о жизни в Зангре и в округе? И почему его собственные, принадлежащие лично Кэсерилу, ресурсы, на этот раз не сработали?

— Спасибо, что прикрыли мою…

Он придержал и не произнес слово *задница*…

— …мою незащищенную сторону. Меня бы уже везли в Баосию, если бы вы все не подоспели и не вытащили меня.

— Да не стоит благодарить! — отозвался ди Санда. — Уверен, вы для меня сделали бы то же самое.

— Мой брат нуждается в человеке, который мог бы его поддерживать и направлять, — сказала Изелль. — А то он склоняется к мнению того, кто сильнее, а не того, кто прав.

Кэсерила разрывало между желанием оценить прозорливость принцессы и одновременно сдержать ее излишнюю искренность. Он посмотрел на ди Санду.

— Как давно по замку ходят эти сплетни? — спросил он воспитателя принца.

Тот пожал плечами:

— Четыре-пять дней, не больше.

— Мы услышали об этом впервые! — возмущенно проговорила Бетрис.

— Новость была недостаточно пропечена для того, чтобы стать достойной дамских ушей! — отозвался ди Санда.

Принцесса недовольно нахмурилась. Ди Санда же еще раз выслушал слова благодарности от Кэсерила и отправился посмотреть, как там Тейдес.

Бетрис, вдруг притихшая, сказала вполголоса:

— Вина лежит на мне. Это Дондо мстит вам за мою шутку со свиньей. О, лорд Кэс! Простите меня!

— Нет, моя госпожа, — твердо сказал Кэсерил. — У нас с Дондо старые счеты, еще со времен… до Готоргета.

Лицо ее просветлело, к его облегчению, но тем не менее он воспользовался случаем, чтобы добавить:

— Но вот ваша шутка с поросенком, увы, не привела ни к чему хорошему, и лучше таких шуток не повторять.

Бетрис вздохнула и улыбнулась.

— Да нет, помогла. Больше он не пристает.

— Что ж, это хорошо. И тем не менее Дондо остается в силе, и я вас умоляю — обходите его стороной.

Изелль сверкнула глазами и произнесла тихо, но веско:

— Похоже, мы здесь все в осаде. Я, Тейдес, все наши люди.

— Мне кажется, — вздохнул Кэсерил, — не все так мрачно. Просто будьте осторожны и предусмотрительны.

Кэсерил проводил своих спутниц до их покоев,

но к себе не вернулся. Вместо этого, вновь спустившись по лестнице, он отправился за конюшни, в зверинец. Там он нашел Умегата, который, стоя в вольере, пытался убедить маленьких птичек принять зольную ванну — против блох и клещей. Аккуратная накидка рокнарийца была защищена от золы и пыли фартуком. Умегат посмотрел на Кэсерила и улыбнулся.

Но Кэсерил не стал отвечать на улыбку улыбкой.

— Умегат! — начал он без всяких предисловий. — Я должен знать: это вы выбрали ворону или она выбрала вас?

— А это имеет для вас значение, милорд?

— Да.

— Почему?

Кэсерил открыл было рот, но тут же закрыл и через несколько мгновений продолжил — почти просяще:

— Это ведь был фокус? Вы обманули их, принеся ворону, которую я кормлю у своего окна, а Боги в мою комнату и не заглядывают, верно?

Умегат приподнял брови и в упор посмотрел на Кэсерила.

— Бастард — самый сложный и непредсказуемый из всех Богов, милорд, — сказал он. — И если

кто-то кому-то показывает фокус, это совсем не означает, что это происходит без участия Бога.

И добавил извиняющимся тоном:

— Боюсь, чаще всего именно так все и происходит.

Имитируя птичье чириканье, он сказал что-то маленькой яркой птахе, которая заканчивала купание в золе, посадил ее себе на руку и, достав из кармана фартука зернышко, отдал ей и отправил в клетку.

Но Кэсерил не унимался:

— Это была ворона, которую я кормил. Понятно, она полетела ко мне. А вы ее тоже кормили?

— Я кормлю всех ворон башни короля Фонзы. И то же самое делают пажи, многие дамы, священники и служки всех Храмов города. Это настоящее чудо, что эти вороны не жиреют и сохраняют способность летать.

Аккуратно просунув ладонь в дверцу очередной клетки, он извлек оттуда птичку и посадил в тазик с золой.

Кэсерил, чтобы его не задело облако золы, поднятое птицей, отстранился и, нахмурившись, спросил:

— Вы ведь рокнарианец, верно? Разве вы исповедуете не Четверобожие? Не кватренианство?

— Нет, милорд. С ранней юности я уверовал в Пять Богов. Я — квинтерианец.

— И стали таковым, когда приехали в Шалион?

— Нет, это было еще на Архипелаге.

— И как получилось, что вас… не повесили как еретика?

— Я успел сесть на корабль, идущий в Браджар, и меня не поймали.

Улыбка на лице Умегата медленно потухла.

Да, так просто из этого человека ничего не вытащить! Кэсерил внимательно изучал тонкие черты лица стоящего перед ним рокнарийца.

— А кем был ваш отец? Там, на Архипелаге?

— Это была весьма узколобая личность. Очень религиозен. Но, правда, как кватренианец.

— Это не то, что я имею в виду.

— Я понимаю, милорд. Но он умер двадцать лет назад, и все это уже не имеет никакого значения. Я вполне удовлетворен тем, что у меня есть сейчас.

Умегат занялся с очередной птичкой. Кэсерил, погладив бороду, спросил:

— И сколько лет вы занимаетесь этим зверинцем?

— С самого его основания. Около шести лет. Я

появился здесь с леопардом и первыми птицами. Мы были подарком.

— От кого?

— От архиепископа Кардегосса и ордена Бастарда. Подарок был сделан королю на день его рождения. С тех пор зверинец пополнился многими замечательными животными.

Кэсерил, обдумывая сказанное, несколько мгновений молчал, после чего сказал:

— Это очень необычное собрание животных и птиц.

— Да, милорд.

— А насколько необычное? Вы об этом задумывались?

— Очень необычное.

Кэсерил напряженно смотрел в лицо рокнарийца.

— Можете уточнить? — спросил он.

— Прошу вас, не спрашивайте меня об этом, милорд!

— Но почему?

— Потому что я не хочу вам лгать.

— Вот как? Но *другие же мне лгут*! Почему бы и вам не солгать?

Умегат глубоко вздохнул и, глянув с улыбкой на Кэсерила, проговорил:

— Потому что ворона выбрала вас.

Кэсерил улыбнулся в ответ, отвесил легкий поклон и удалился.

11

Тремя днями позже Кэсерил выходил из своей комнаты, чтобы отправиться на завтрак, когда к нему подбежал запыхавшийся паж и, схватив за рукав, произнес:

— Милорд ди Кэсерил! Комендант просит вас срочно увидеться с ним, во дворе замка.

— Что? А что случилось?

Видя, в каком беспокойстве пребывает паж, Кэсерил быстро пошел за ним. Тот на ходу принялся рассказывать:

— С сэром ди Сандой беда. Прошлой ночью на него напали разбойники, ограбили и несколько раз ударили ножом.

Кэсерил еще ускорил шаги.

— Как сильно он пострадал? — спросил он. — Где он лежит?

— Он не просто пострадал, милорд! Он убит.

О Боги! Нет! Оставив пажа далеко позади, Кэсерил, перепрыгивая через несколько ступенек, слетел по лестнице вниз. Он вбежал в передний двор замка и увидел городского констебля в официальном облачении и еще одного человека,

по виду фермера, который сгружал с мула уже окоченевшее тело ди Санды. Тело положили на каменное покрытие двора, и над ним, нахмурившись, склонился комендант Зангры. Пара королевских стражей наблюдала за происходящим со стороны, словно боялась, что ножевые ранения могут оказаться заразными.

— Что произошло? — спросил Кэсерил, едва переведя дух.

Фермер, желая показать себя воспитанным, в качестве приветствия снял войлочную шляпу.

— Я нашел его этим утром на берегу реки, милорд, когда привел на водопой своих овец и коров. Там, на мелководье, река всегда что-нибудь да выносит. На прошлой неделе вынесла колесо от телеги. Я всегда проверяю. Бывают и мертвецы, но нечасто, слава Матери Милосердия. Последний раз это была леди, два года назад. Она утопилась. Наложила на себя руки.

Он посмотрел на констебля, и они обменялись понимающими кивками.

— А этот не был похож на утопившегося.

Панталоны ди Санды были все еще пропитаны речной водой, хотя волосы уже высохли. Люди, нашедшие его, сняли с него тунику — Кэсерил заметил нечто, сделанное из парчи и притороченное к седлу фермерского мула. Речная вода вымыла кровь из ран на теле ди Санды, и теперь это были лишь чернеющие отверстия на мертвенно-бледной коже — на спине, животе, шее. Кэсерил насчитал с дюжину жестоких и глубоких ударов.

Комендант замка, сидящий на корточках над телом несчастного, показал на кусок потертого ремешка, прикрепленного к поясу убитого.

— Срезали кошелек. В спешке, как я полагаю, — сказал он.

— Но это было не просто ограбление, — сказал Кэсерил. — Одного или двух ударов было бы достаточно, чтобы подавить сопротивление жертвы. Здесь же убийцы хотели удостовериться, что ди Санда мертв.

Убийцы или убийца? Сейчас этого наверняка не скажешь, но ди Санда был не тот, с кем можно было легко справиться. Скорее убийц было несколько.

— Меча при нем не было, — заметил комендант.

А имел ли убитый время, чтобы его вытащить? Или первый удар был нанесен ему неожиданно, человеком, которому он, может быть, доверял?

— Меч у него могли забрать, — сказал фермер. — А мог он и утонуть в реке.

— Кольца, драгоценные камни при нем были? — спросил констебль.

Комендант кивнул:

— Было несколько штук, а еще и золотое кольцо в ухе. Все исчезло.

— Мне нужно подробное описание пропавших вещей, милорд, — проговорил констебль, и комендант согласно кивнул.

— Вы знаете, где убитого нашли, — проговорил Кэсерил. — А можно узнать, где на него напали?

Констебль покачал головой.

— Трудно сказать, — ответил он. — Может быть, где-то в нижней части города.

Нижняя часть Кардегосса — нижняя и в топографическом, и в социальном смысле — простиралась по обе стороны городской стены, которая разделяла две реки.

— В городе есть с полдюжины мест, — продолжал констебль, — где можно незаметно сбросить тело с городских стен в реку — так, чтобы вода унесла его подальше. Некоторые места совершен-

но безлюдны, в некоторых еще можно встретить человека. Где убитого видели в последний раз? Кто-нибудь знает?

— Я видел его за ужином, — ответил Кэсерил. — Но он ничего не говорил о том, что собирается в город.

Кстати, и в Зангре есть укромные места, где тело можно незаметно сбросить в реку.

— Кости у него не сломаны? — спросил Кэсерил констебля.

— Я, по крайней мере, ничего не почувствовал, милорд! — произнес констебль. И действительно, на бледном теле погибшего ни синяков, ни кровоподтеков не было видно.

Опрос замковой стражи показал, что ди Санда покинул территорию замка примерно в полночь, во время смены караула. Был он один и шел пешком. Услышав это, Кэсерил оставил планы исследовать каждый коридор замка в поисках следов ди Санды и пятен его крови. Уже позже, к вечеру, констебль нашел в городе трех людей, которые показали, что видели секретаря принца в таверне в нижней части города — тот сидел в одиночестве за столом и выпивал, после чего ушел. Один из свидетелей заявил, что ди Санда был изрядно пьян и шатался. Этого свидетеля

Кэсерил с удовольствием опросил бы наедине в одном из каменных казематов замка, откуда наружу не долетают ни стоны, ни крики — тогда бы этот свидетель, может быть, рассказал бы что-нибудь другое. Дело было в том, что Кэсерил ни разу не видел, чтобы секретарь и наставник принца Тейдеса напивался. Ни разу. Никогда.

Именно Кэсерилу было поручено разобрать вещи ди Санды — за все годы службы тот не нажил себе состояния, так что работы было немного. Предполагалось, что вещи погибшего будут отосланы его старшему брату, жившему в отдаленной провинции. Пока констебль и его помощники рыскали по городу в поисках убийц (совершенно бессмысленное занятие, как полагал Кэсерил), сам он занялся внимательным изучением бумаг покойного. Но чтобы ни заставило ди Санду той злополучной ночью отправиться в нижний город, тайну своей смерти он унес с собой.

Поскольку родственников, желающих постоять и посидеть у гроба, у ди Санды не было, похороны были назначены на следующий день. Особую торжественность церемонии придало присутствие принца и принцессы, а также тех придворных, которые пытались завоевать их расположение.

Ритуал прощания, устроенный в зале Сына, выходящем своими вратами на главный двор Храма, был короток, и Кэсерил, стоявший рядом с гробом, подумал: как же одинок в своей жизни был этот человек! Ни один друг не встал в изголовье его смертного ложа и не произнес длинной речи, к вящему утешению всех присутствующих. Лишь Кэсерил, по поручению принцессы, сказал несколько обязательных слов, стараясь обойтись без заготовленной еще утром шпаргалки, сунутой в рукав туники.

Он отошел от постамента, на котором был установлен гроб, чтобы дать дорогу священникам и служкам различных квинтерианских храмов, одетым в цвета избранных ими Богов и Богинь. Священнослужители встали в пяти точках вокруг смертного одра ди Санды. В руках они держали священных животных и птиц — обычных участников похоронных церемоний. Кэсерил однажды видел такую церемонию, на которую священник принес в корзинке пять котят с обвязанными вокруг шеи разноцветными лентами. Священник был один, и выглядел он страшно усталым, но заказчик — бедняк, хоронивший единственную дочь, — не мог себе позволить пригласить больше служителей церкви. Рокнарийцы в сходных

ситуациях часто использовали рыб, но, в соответствии с их религиозными традициями, числом четыре, а не пять. Рокнарийские священники окрашивали рыб в разные цвета, а потом по маршруту, которым рыбы плавали в тазу, узнавали волю Богов. Какими бы рыбами, птицами или животными не пользовались священники, участвовавшие в церемонии, именно таким способом Боги одаривали усопшего счастьем последнего чуда.

Богатый Храм в Кардегоссе имел возможность организовать похороны с участием самых разнообразных животных и птиц — разного вида, типа, пола и породы. Священник Храма Дочери, одетый в ритуальный бело-голубой костюм, держал в руке хохлатую белую сойку. Наряженная в зеленое женщина-священник из Храма Матери несла на руках большую зеленую птицу, близкородственную, как полагал Кэсерил, птицам из зверинца Умегата. Человек из Храма Сына, сам в красно-оранжевом плаще, вел на поводке молодого лиса, чья ухоженная шкура сияла среди мрачных теней ритуального зала подобно огню. Священник Отца, весь в сером, вел крупного, массивного, явно осознававшего свое достоинство волка. Кэсерил ожидал, что служка

из Храма Бастарда, одетая в белое, принесет одну из священных ворон из башни короля Фонзы, но у той в руках оказалась парочка пухлых крыс, с любопытством поглядывающих на собравшихся двуногих своими пытливыми глазками.

Служители культа пали ниц, умоляя Богов подать им знак, после чего встали в изголовье смертного одра и начали по очереди подносить к усопшему принесенных животных и птиц. Священник Храма Дочери стряхнул с руки сойку, но та полетела не к покойнику, а к хозяину — так же, как и зеленая птица из Храма Матери. Лисица, освобожденная от поводка, понюхала воздух, подбежала к постаменту, на котором стоял гроб, и, поднявшись наверх, колечком свернулась возле тела, уткнувшись носом в голову покойника. Улегшись, лисица глубоко вздохнула.

Волк, весьма опытный в подобных делах, не проявил к мертвому ди Санде никакого интереса. Служка Храма Бастарда опустила крыс на каменный пол, но те бросились назад, пробрались по рукаву ее плаща вверх и, выбравшись наружу возле ушей хозяйки, стали попискивать и хвататься зубками за локоны ее волос — так что ей пришлось почти силой отрывать их от прически.

Итак — ничего особенного, никаких сюрпризов. Если человек при жизни заранее не посвящал себя какому-нибудь конкретному Божеству, то души бездетных шли обычно к Дочери или Сыну, а души почивших родителей — к Отцу или Матери. Ди Санда был бездетен, свою юность отдал службе в военном ордене Сына, поэтому, что было совершенно логично, Сын и должен был забрать его душу. Бастард, Бог последнего прибежища, Бог двусмысленный и постоянно противоречащий самому себе, был спасением для тех, кто сделал из своей жизни катастрофу, кого презирали, кем брезговали старшие Боги. Допустим, если умерший имел где-то незаконного ребенка, но не знал об этом и не отдал тому ни части своего сердца, ни должной заботы, его душой могли пренебречь и Сын с Дочерью, и Отец с Матерью. Тут-то и подворачивался Бастард.

Подчиняясь выбору, сделанному изящным лисом Господина Осени, священник Храма Сына выступил вперед, чтобы, завершая церемонию, именем своего Бога благословить мятежную душу усопшего, после чего скорбящие прошли мимо смертного одра ди Санды, возлагая пожертвования на алтарь Сына за упокой новопреставленного.

Кэсерил едва не пронзил кожу ладоней ногтями, когда среди прочих к смертному ложу ди Санды подошел Дондо ди Джиронал. Тейдес, еще не оправившийся от потери, с лицом, исполненным горя и грусти, прошел мимо своего секретаря, сожалея, как надеялся Кэсерил, обо всех своих ссорах с преданным ему наставником. На алтарь он возложил солидную сумму в золоте.

Изелль и Бетрис, обе также были тихими и вели себя спокойно — и во время церемонии прощанья, и позже. Они почти ничего не говорили по поводу сплетен, которые были спровоцированы убийством ди Санды, отклоняли все предложения посетить город и находили мельчайшие поводы для того, чтобы увидеться с Кэсерилом и убедиться в том, что тот жив.

Весь королевский двор только и говорил, что о таинственном убийстве ди Санды. Новые, драконовские меры были приняты против самых опасных отбросов общества — грабителей и воров. Кэсерил хранил молчание. Смерть ди Санды не казалась ему чем-то непостижимым. Проблема состояла в том, чтобы веско и однозначно донести доказательства до ди Джироналов. Он вновь и вновь обдумывал их, но никак не мог выстроить логическую цепочку так, чтобы каждый

шаг неумолимо вел к следующему, и так — до самого конца. А если он не добьется в своих фактах и мыслях предельной стройности и четкости, то лучше уж тогда садануть себе ножом по горлу — и дело с концом!

Может быть, в преступлении безосновательно обвинят какого-нибудь неудачливого грабителя? И тогда он… Но что тогда? Чего стоит *его* слово сейчас, когда по замку и городу распространились слухи о причине появления на его спине этих ужасных шрамов? Большинство придворных убедились в его невиновности, узнав о том, какие свидетельства принесла на своих крыльях священная ворона. Но были и такие, кто считал, что сплетня имеет под собой основания — не случайно же некоторые мужчины-придворные сторонились Кэсерила, а дамы отшатывались, когда он имел неосторожность случайно к ним прикоснуться. Но констеблю так и не удалось найти жертвенное животное, а потому двор зажил своей обычной беззаботной жизнью, которая прикрыла неприятный случай, произошедший с секретарем принца, как струпья прикрывают заживающую рану.

Тейдесу предоставили нового секретаря, которого собственноручно из штата своей канцелярии

выбрал старший ди Джиронал. Это был некий узколицый тип, креатура самого канцлера, который ничего не предпринял, чтобы сблизиться с Кэсерилом. Дондо, не скрываясь, делал все, чтобы отвлечь принца от скорбных мыслей, организовывая различные, порой весьма предосудительные, развлечения. Тому, насколько они были предосудительными, Кэсерил сам стал свидетелем, когда Тейдес, явно неспособный найти нужную дверь, ввалился в комнату Кэсерила, где его вывернуло прямо под ноги хозяина комнаты доброй квартой красного вина. Кэсерил отвел принца, совершенно ослепшего и слабого, в его покои и препоручил заботам слуг.

Более всего, однако, обеспокоил Кэсерила другой случай — когда он увидел зеленый изумрудный блеск на руке капитана гвардейцев, которые сопровождали принца и принцессу в столицу из их баосийского замка — того самого капитана, который, преклонив колено, клялся провинкаре, что жизнь готов положить за жизнь и благополучие Изелль и Тейдеса. Когда капитан проходил мимо Кэсерила, тот схватил гвардейца за руку и, подняв поближе к глазам, увидел знакомые очертания драгоценного камня.

— Замечательное кольцо, — сказал Кэсерил.

Нахмурившись, капитан освободил руку:

— Я того же мнения!

— Надеюсь, вы не слишком дорого за него заплатили. Камешек-то, похоже, фальшивый.

— Это настоящий изумруд, милорд!

— На вашем месте я пошел бы к ювелиру и проверил. Просто удивительно, как легко нынче лгут люди — лишь бы заработать!

Капитан пркрыл камень другой ладонью.

— Это хорошее кольцо.

— Если сравнить с тем, чем вы за него расплатились, то ваше кольцо — мусор!

Капитан сжал губы, пожал плечами и ушел.

Если это осада, подумал Кэсерил, *то мы проигрываем.*

ОВ

Со временем совсем похолодало. Пошли дожди, и реки вздулись от паводковой воды. Время Сына подходило к концу. Как-то после ужина, когда музыканты принялись услаждать слух гостей своими очередными экзерсисами, король наклонился к сестре и негромко сказал:

— Завтра в полдень приходи к трону со всеми своими людьми. Будет возведение в должность ди Джиронала, и у меня есть кое-какие радостные новости. Я о них объявлю. Оденься в самые празд-

ничные одежды. И обязательно — в жемчуга. Лорд Дондо только вчера вечером пожаловался мне, что никогда не видел на тебе тот жемчуг, что он подарил.

— Мне кажется, он мне не идет, — отозвалась Изелль, глянув бегло на сидящего неподалеку Кэсерила, а потом вниз, себе на колени.

— Пустяки! — заявил Орико. — Жемчуга к лицу любой девушке.

Сказав это, король принялся аплодировать музыкантам, только что закончившим очередной опус.

Изелль молчала весь путь до своего этажа, и Кэсерил, сопровождавший дам, уже готов был, пожелав им спокойной ночи, зевнуть и отправиться спать, как тут принцесса заговорила:

— Я не хочу носить жемчуга этого ворюги лорда Дондо. Я бы вернула их ордену Дочери, но боюсь, этим я оскорблю Богиню. Они замазаны грязью. Кэсерил! Что мне делать с этим жемчугом?

— Отдайте их священникам Бастарда. Бастард не такой щепетильный Бог, как прочие. Священники продадут жемчуг, а деньги отправят на нужны больницы.

Изелль, размышляя, покусывала губку.

— Отлично! Лорд Дондо ничего не сможет ска-

зать. Даже протестовать не посмеет. Отлично! Прошу вас — отнесите жемчуг в Храм, для бедных и несчастных. А завтра я надену красный бархатный плащ поверх белого шелкового платья. Это будет нарядно. А из драгоценностей — мамин гранатовый гарнитур. Никто не упрекнет меня в том, что я ношу мамины камни.

Стоявшая рядом Нан ди Врит спросила:

— А что ваш брат имел в виду под радостными новостями? Не кажется ли вам, что он намеревается выдать вас замуж?

Изелль подумала и сказала решительно:

— Нет, вряд ли. Сначала должны пройти месяцы переговоров — послы, письма, обмен подарками, проекты брачного договора. Нужно еще завоевать мое расположение. С меня станут писать портрет; портрет будут писать и с жениха, кем бы он ни был. Причем, это будет честный портрет, который напишет посланный мной художник. Если мой прекрасный принц будет толстым, лысым, с отвисшей губой — не страшно. Пусть только живописец не лжет.

Бетрис, представив себе нарисованный принцессой портрет, скривилась.

— Надеюсь, в должное время возле вас появится по-настоящему прекрасный принц, — сказала

она.

Изелль вздохнула.

— Это было бы хорошо, — проговорила она. — Но маловероятно, если вспомнить всех достойных руки принцессы лордов, которых я знаю или видела. Мне достаточно было бы, чтобы он был здоров. И я не молю Богов о невозможном. Пусть только будет здоров и принадлежит к нашей вере.

— Разумно! — кивнул Кэсерил, поддерживая в принцессе практический склад мысли в надежде на то, что в этом случае и в его жизни не случится осложнений.

— Последнее время приезжало немало послов от рокнарийских принцев, — вспомнила Бетрис.

Изелль недовольно сморщилась.

— Но среди самых высокородных квинтарианцев выбор не такой уж и большой, — покачал головой Кэсерил.

— Король Браджара вновь овдовел, — сказала Нан ди Врит с легкими нотками сомнения в голосе.

Изелль от нее отмахнулась.

— Нет уж! Ему пятьдесят семь, у него подагра и взрослый женатый наследник. Какой смысл мне иметь от него сына, который был бы племян-

ником дяде Орико или дяде Тейдесу, если он все равно не будет править?

— Но у Браджара есть и внук, — вставил словечко Кэсерил.

— Ему семь лет. Тогда еще семь лет мне придется ждать.

Да нет, подумал Кэсерил. *В любом случае — не вариант*!

— За семь лет немало воды утечет, — покачал головой Кэсерил. — Люди умирают, государства начинают воевать друг с другом.

— Да уж! — согласилась Нан ди Врит. — Ваш отец, король Иас, обручил вас с рокнарийским принцем, когда вам было два года, но бедный мальчик подхватил лихорадку и умер. И ничего не вышло! А так вас увезли бы туда еще два года назад.

Бетрис же насмешливо напомнила:

— Есть еще старый Лис Ибры. И он тоже вдовец.

— Так ему за семьдесят, — засмеялась Изелль.

— У него есть плюсы! Он не толстый. И вам не придется его долго терпеть.

Принцесса рассмеялась:

— Да он мне назло проживет еще лет двадцать. Его на это станет! Если же серьезно, то его наслед-

ник тоже женат. Мне кажется, единственным принцем моего возраста будет второй сын Лиса, но он — не наследник.

— Вряд ли вам предложат в этом году выйти за ибранца, принцесса, — сказал Кэсерил. — Лис сердится на Орико за неумелое участие в его конфликте со старшим сыном.

— Да, — задумчиво сказала Изелль. — Но говорят, что все высокородные лорды Ибры — отличные моряки.

— А какую пользу это принесло бы Орико? — фыркнула Нан ди Врит. — У нас же нет ни одного ярда морского побережья.

— Но может и появиться! — проговорила принцесса.

Кэсерил, с ноткой сожаления в голосе, сказал:

— Когда Готоргет был нашим и мы держали горные проходы, то запросто могли бы двинуться дальше и захватить порт Виспинг. Но, увы, этот плацдарм мы потеряли. Вероятнее всего, принцесса, вам предназначен брак с кем-то из лордов Дартаки. Поэтому давайте еще немного времени проведем в догадках, а там посмотрим.

Изелль состроила было недовольную гримаску, но вздохнула — ее наставник редко ошибался в своих предположениях. Кэсерил улыбнулся и, от-

кланявшись, отправился к себе. Если принцессе не суждено выйти замуж за правящего короля, сам он не возражал бы и против какого-нибудь дартаканского лорда, владеющего приграничными областями. Лучше, конечно, теплыми, северными. И подальше от Шалиона, чтобы избавить от лишних проблем…

Кого, кстати, избавить? Ее или себя?

Увы, обоих!

ОВ

Несмотря на то что Нан ди Врит, прикрыв глаза ладонью и поморщившись, дала понять, что думает о наряде принцессы, Кэсерилу показалось, что Изелль выглядит превосходно — в карминовом плаще, с янтарными локонами, каскадом стекающими почти до талии. Дабы цветом соответствовать наряду принцессы, Кэсерил надел красную парчовую тунику, принадлежавшую еще старому провинкару Баосии, а также белый плащ. В своем любимом красном была и Бетрис. Нан же, жалуясь на то, что от обилия красного у нее начинают болеть глаза, оделась в более спокойные тона — черный и белый. Красного действительно было многовато, но по крайней мере дождь на красном был не так заметен.

По мокрым камням замкового двора они по-

спешили к башне Иаса. Все священные вороны прятались от дождя… Впрочем, не все. Кэсерил пригнулся, когда, отделившись от башни Фонзы, на него спикировала черная тень с приметным дефицитом хвостового оперения. Кэсерил не мог допустить, чтобы белизна его плаща была нарушена следами жизнедеятельности дружелюбной птицы, а потому отмахнулся от нее, и ворона с печальным криком *Кэс… Кэс…* кругами взмыла вверх, к макушке башни.

Обитый красной парчой тронный зал был залит ярким светом настенных светильников, успешно прогнавшим серые тона осени, и нагрет присутствием нескольких дюжин придворных дам и кавалеров. Орико был в своей официальной королевской мантии и короне, но королевы с ним не было. Тейдеса усадили рядом с королем, по его правую руку, на низеньком стульчике.

Домочадцы принцессы, поцеловав королю руку, заняли свои места: Изелль на стульчике по левую руку от пустого трона королевы, ее свита встала сзади. Орико, улыбаясь, начал процедуру объявления радостных новостей с того, что подарил Тейдесу еще четыре города, налоги с которых, вне всякого сомнения, должны были укрепить финансовое благополучие принца.

Тейдес отвечал на щедрость короля целованием рук монарха и краткой благодарственной речью. Дондо накануне вечером не развлекал Тейдеса, а потому принц выглядел не таким зеленым и опухшим, каким частенько бывал до этого.

Орико пригласил к трону канцлера. Как и предполагалось, король вручил ему соответствующие документы и меч, в ответ выслушав торжественную присягу, которой скреплялось вступление старшего ди Джиронала в должность провинкара Ильдара. Младшие ильдарские лорды, в свою очередь, присягнули ди Джироналу. Затем последовало то, чего никто из собравшихся в тронном зале не ожидал: новый провинкар Ильдара передал свой титул марча, вместе с городами и, соответственно, поступающими от городов налогами, лорду Дондо, который с этой минуты становился марчем.

Изелль была удивлена, но и обрадована, когда старший брат передал ей шесть городов. Это было кстати — со временем ее хозяйству уже перестало хватать средств, чтобы содержать принцессу на достойном уровне, и новые налоговые поступления оказались к месту. Она искренне поблагодарила Орико, а Кэсерил тут же в уме занялся расчетами. Сможет ли она поз-

волить себе собственный отряд охраны вместо тех гвардейцев, которых они привезли из Баосии и которых она делила с Тейдесом? Поручит ли она Кэсерилу подобрать достойных воинов? Не захочет ли переехать в город, в собственный дом, который и будет защищать ее личная гвардия? Изелль возвратилась на свое место, расправила подол платья, и Кэсерил заметил, что напряжение, омрачавшее до этого ее лицо, спало.

Орико, прочищая горло, откашлялся.

— А теперь мы переходим к самому радостному моменту нашего праздника. Самый большой подарок, самый достойный и желанный. Изелль, встань-ка…

Орико поднялся и подал руку сестре. Озадаченная, но улыбающаяся, она встала рядом с ним.

— Марч ди Джиронал! Выйдите вперед! — продолжил Орико.

В полном одеянии генерала святого ордена Дочери, сопровождаемый пажом в ливрее дома ди Джироналов, лорд Дондо вышел и встал от Орико по другую руку. Кэсерил, глядевший на происходящее от дальней стены, почувствовал, как кожа у него на шее начинает зудеть. *К чему он клонит?*

— Отмеченный благосклонностью короля и

верный нам канцлер и провинкар лорд Джиронал умолял меня о чести кровно породниться с нашим домом. И, по размышлении, я, с искренней радостью в сердце, решил дать согласие.

Но Орико не выглядел радостным. Скорее — нервозным.

— Он испросил, — продолжал король, — руки моей сестры Изелль для своего брата, нового марча ди Джиронала. Свободно и с радостью в сердце я выполняю его просьбу.

Взяв Дондо за руку, он повернул ее пухлой ладонью вверх и, вложив в нее хрупкую руку Изелль, сжал их и сделал шаг назад.

Принцесса побледнела. Застыв, она смотрела на Дондо так, словно не верила своим чувствам. Кровь стучала, почти ревела водопадом в ушах Кэсерила. Он с трудом хватал воздух полуоткрытым ртом. Нет! Только не это!

— В качестве подарка позвольте преподнести вам, дорогая принцесса, то, что, безусловно, дополнит ваше приданое, — сказал Дондо и кивнул пажу.

Изелль, не сводя с Дондо ледяного взгляда, произнесла:

— Вы догадались, что мне нужен прибрежный город с хорошей гаванью?

Дондо, сбитый с толку, хохотнул и отвернулся от Изелль. Паж раскрыл изящную кожаную шкатулку, в которой оказалась украшенная жемчугами серебряная тиара. Дондо взял ее и показал придворным. Его приятели, стоящие в толпе, дружно зааплодировали. Рука Кэсерила помимо его воли сжала рукоять меча. Но если он выхватит его и бросится вперед, его сразят еще до того, как он достигнет цели.

Дондо поднял тиару и хотел было водрузить ее на голову принцессы, но та отшатнулась.

– *Орико!*

— Эта помолвка, дорогая сестра, есть исполнение моей воли и желания, — произнес король сухо.

Дондо, не пожелавший преследовать Изелль по всему тронному залу с тиарой в руке, остановился и внимательно посмотрел на короля.

Кэсерил видел: Изелль перебирает в уме возможные варианты ответа. Она не поддалась первому приступу ярости и не стала изображать обморок.

— Господин мой, — наконец сказала она. — Как сказал провинкар Лабрана, когда войска Золотого генерала ворвались в его крепость… *вот это сюрприз!*

Шепот прокатился по залу в ответ на остроумную и злую шутку принцессы.

И, понизив голос, она произнесла сквозь зубы:

— Ты мне ничего не сказал. Ты меня даже ни о чем не *попросил*.

Орико, так же негромко, ответил:

— Позже поговорим.

Изелль кивнула.

Спустя несколько мгновений Дондо умудрился-таки взгромоздить свою тиару на предназначенное ей место, после чего поймал руку принцессы и поцеловал. Ума у него хватило, чтобы не требовать ответного поцелуя — если судить по выражению лица принцессы, она вполне могла его укусить.

Придворный священник, облаченный, в соответствии с временем года, в одежды Храма Брата, вышел вперед и попросил Богов благословить пару.

Орико же провозгласил:

— Через три дня мы встретимся вновь и, засвидетельствовав новый брачный союз, радостно отпразднуем это событие. Благодарим всех!

— Три дня? — воскликнула Изелль, и голос ее впервые дрогнул. — Три *дня*? Может быть, вы имели в виду три *года*, сир?

— Три дня, — повторил Орико. — Приготовься.

Сам он уже кивнул слугам и был готов выскользнуть из тронного зала. Большинство придворных отправились вслед за братьями ди Джиронал, рассыпаясь в поздравлениях. Другие, более любопытные, остались и навострили уши, чтобы узнать, о чем станут говорить брат и сестра.

— Почему три дня? У меня нет даже времени, чтобы послать курьера в Баосию, не говоря уж о том, чтобы получить ответ от мамы или бабушки.

— Твоя мать, как все знают, слишком больна, чтобы приехать и участвовать в церемонии бракосочетания, а бабушка должна остаться в Валенде и присматривать за ней.

— Но я не хочу…

Изелль обнаружила, что обращается к широкой спине короля, который поспешил прочь из тронного зала.

Она бросилась за ним в следующее помещение. Бетрис, Нан и Кэсерил взволнованно шли за ней.

— Но, Орико! Я не хочу выходить за Дондо ди Джиронала!

— Дама твоего статуса выходит замуж не для того, чтобы доставить себе удовольствие, но для того, чтобы принести выгоду своему роду, —

сказал король сурово, когда она затормозила его движение, выбежав вперед и перегородив проход.

— Так? Тогда, может быть, ты объяснишь мне, какую выгоду получит род Шалион, если ты выдашь меня за того, кто значительно ниже нас? Да еще и за младшего брата? Мой муж должен принести нашему дому королевство в качестве свадебного подарка!

— Этот брак привяжет ди Джироналов ко мне… И к Тейдесу.

— Скажи лучше, он привяжет *нас* к этим людям. Выгода, как мне кажется, односторонняя.

— Ты говорила, что не хочешь выйти за кого-нибудь из рокнарийских принцев, и я тебя не выдал. Хотя только в этом году у меня было два предложения, и в обоих случаях я отказал. Подумай об этом и будь благодарна, дорогая сестра!

Кэсерил не был уверен — просит король сестру или же угрожает ей.

Орико между тем продолжал:

— Ты не хотела покидать Шалион? Очень хорошо! Ты не покинешь Шалион. Ты желала выйти за лорда-квинтарианца? Пожалуйста! Квинтарианец, лорд, да еще и генерал святого ордена! И кроме того…

Король раздраженно пожал плечами и продолжил:

— Если я отдам тебя за кого-нибудь из соседей, тот запросто заявит претензии на часть моих земель. То, что я делаю, служит будущему миру и благополучию Шалиона.

— Но лорду Дондо уже сорок лет. Он — грязный вор! Безбожник и растратчик! Человек безнравственный. Даже хуже того! Орико! Ты не можешь так со мной поступить!

Голос ее поднялся и дрожал на высших точках тона.

— И слушать тебя не стану! — воскликнул Орико и буквально заложил уши ладонями. — Три дня. Приведи в порядок свои мысли и свой гардероб.

И король бежал, словно из горящей башни.

— И слушать тебя не стану… — услышал Кэсерил его удаляющийся голос.

Король действительно не собирался слушать сестру. Раза четыре она хотела прорваться в его покои, чтобы повторить свою просьбу, и каждый раз стражи короля давали ей от ворот поворот. А потом Орико вообще уехал из Зангры и скрылся в охотничьем доме в дубовом лесу — поступок законченного труса! Кэсерил молил Богов, чтобы

ледяной дождь протек через крышу этого дома и насквозь промочил Орико.

Ночью Кэсерил так и не смог сомкнуть глаз. Поднявшись поутру по лестнице в покои принцессы, он застал там трех измученных дам, которые, как оказалось, даже не ложились.

Изелль, с опухшими глазами, ухватила Кэсерила за рукав и утащила в свой кабинет, где, усадив у окна, заговорила шепотом:

— Кэсерил! Можете достать четырех лошадей? А трех? Или две? А может, и одной хватит, а? Я все обдумала. Ночь не спала. Единственный способ всего этого избежать — бегство.

Кэсерил вздохнул.

— Я тоже думал, — сказал он. — Но, во-первых, за мной следят. Вчера вечером я уходил из Зангры, и меня сопровождали два охранника. Сказали, чтобы меня защищать. Одного бы я еще смог убить или подкупить, но двоих — нет!

— Мы можем притвориться, будто едем охотиться, — предложила Изелль.

— В дождь?

Кэсерил махнул рукой в сторону высокого окна, за которым лил унылый дождь, такой мелкий и густой, что за его пеленой полностью скрылась речная долина, а купы деревьев превратились в

черные чернильные пятна.

— И даже если они позволят нам выехать из замка, то обязательно дадут вооруженный эскорт, — добавил он.

— А если мы каким-то образом оторвемся?

— Даже если оторвемся — они смогут нагнать нас на дороге. Первым делом они стянут меня с коня и отрубят голову, а тело бросят на растерзание лисицам и воронам. Вас же вернут назад. А если каким-то чудом нам удастся все-таки убежать и нас не поймают, то куда мы направимся?

— За границу! За любую границу!

— Браджар и Южная Ибра немедленно вернут вас Орико, чтобы сделать ему приятно. Любая из пяти провинций, принадлежащих Лису, возьмет вас в качестве заложницы. Дартака… Чтобы попасть туда, нужно пересечь половину Шалиона и всю Южную Ибру. Боюсь, у нас ничего не выйдет.

— Но что же мне делать?

Юный голос принцессы дрожал от неизбывного отчаяния.

— Никто никого не может заставить жениться или выйти замуж. Вступающие в брак перед ликом Богов заключают этот союз свободно и без принуждения со стороны. Если у вас достанет

храбрости, чтобы просто встать и сказать «Нет!», то ничего и не произойдет. Разве в вас нет сил, чтобы поступить именно так?

Изелль сжала губы.

— Конечно, силы есть. Но что будет дальше? Мне кажется, вы не продумали последствия. Вам кажется, что лорд Дондо от меня отстанет? Вряд ли!

Кэсерил покачал головой.

— Они не посмеют сделать что-то силой. Держитесь этой мысли, и все!

Принцесса с грустным отчаянием посмотрела на своего наставника.

— Вы не понимаете, — проговорила она.

Он не принял бы ее грусть за что-то действительно серьезное, если бы днем этого же дня в покои принцессы не явился сам лорд Дондо, чтобы склонить свою суженую к большей покладистости. Оставив двери в гостиную Изелль открытыми, у каждой из них он поставил по вооруженному стражу, и те преградили путь и Кэсерилу, и Нан ди Врит с Бетрис. Как Кэсерил ни прислушивался, он услышал едва ли третью часть той яростной перепалки на приглушенных тонах, что вели между собой коренастый придворный и златовласая принцесса. Но в конце

Дондо вышел из гостиной с выражением яростного удовлетворения на физиономии, а Изелль упала в кресло, от ярости и ужаса едва способная дышать.

Ухватившись за руку Бетрис, она выдохнула:

— Он сказал… Он сказал, что, если я не соглашусь, он возьмет меня силой. Я возразила: Орико никогда не позволит никому изнасиловать свою сестру. А он: почему нет? Позволил же он изнасиловать свою жену. Когда стало понятно, что королева Сара не может понести, а сам король оказался не способен произвести хотя бы незаконного отпрыска — сколько бы ни приводили к нему девиц, женщин и даже уличных девок, — Джироналы убедили его дать попробовать им. И в течение целого года — то по очереди, то вместе каждую ночь они пытались что-то сделать, пока Сара не пригрозила, что убьет себя. Еще он сказал, что будет перепахивать меня, пока его семя не прорастет в моем чреве, и когда оно созреет, я непременно признаю его в качестве мужа и господина.

Взглянув на Кэсерила, принцесса моргнула и продолжила сквозь сжатые зубы:

— Он сказал, что у меня будет действительно очень большой живот, потому что я невысокая.

Так сколько храбрости мне нужно, чтобы сказать «Нет!», Кэсерил? Ведь сколько бы у меня ее ни было, смысла в ней — ровно ноль!

Я думал, единственное место, где не нужна храбрость, — это на рокнарийских галерах. Оказывается, я был не прав.

— Я не знаю, принцесса! — прошептал он пристыженно.

Зажатая в капкан, вконец отчаявшаяся принцесса обратилась к посту и молитве. Нан и Бетрис устроили в ее покоях алтарь и, чтобы украсить его, собрали там все символы Госпожи Весны. Кэсерил, сопровождаемый двумя стражами, отправился в Кардегосс, где нашел цветочника, который, несмотря на холода, в теплице выращивал фиалки. Вернувшись в замок, Кэсерил, опустив их в воду, водрузил на алтарь. Он чувствовал себя глупым и беспомощным, хотя принцесса, когда благодарила его, и уронила слезу ему на руку. Не притрагиваясь ни к воде, ни к пище, Изелль ничком лежала на полу перед алтарем — совсем как королева Иста, когда Кэсерил впервые увидел ее в зале предков в замке провинкары. Не в силах вынести этого зрелища, Кэсерил покинул покои принцессы и часами бродил по замку, пытаясь думать, но думать он мог лишь об ожидавшем

принцессу ужасе.

Позже вечером леди Бетрис явилась в его кабинет, который стал теперь для Кэсерила домом кошмаров.

— Я знаю выход! — проговорила она. — Кэсерил! Научите меня орудовать ножом — так, чтобы я смогла убить мужчину.

— Что?

— Охрана лорда Дондо достаточно умна, чтобы не подпустить к нему вас. Но во время брачной церемонии я буду стоять рядом с невестой — как свидетель. И я должна буду говорить какие-то слова. Никто и не заподозрит, что у меня в корсете будет спрятан нож. Когда Дондо подойдет, чтобы поцеловать руку принцессы, я успею нанести несколько ударов, пока меня остановят. Только я не знаю, куда и как бить. В шею, понятно. Но только в какую часть?

И она, достав из складок своего платья тяжелый кинжал, протянула его Кэсерилу.

— Покажите, как им орудуют, — попросила она. — Мы можем потренироваться, пока у меня не получится делать это быстро и точно.

— О Боги! Леди Бетрис! Оставьте этот безумный план! Они же набросятся на вас, а потом — повесят!

— Если мне удастся сперва прикончить Дондо, я с радостью взойду на эшафот. Я поклялась защищать Изелль, не считаясь с собственной жизнью. И что мне тогда смерть?

Ее глаза звездами сияли на бледном лице.

— Нет! — твердо сказал Кэсерил, забрав у нее кинжал и не намереваясь возвращать. Где только она его раздобыла? — Это работа не для женщины.

— Это работа для того, у кого есть шансы на успех. У меня их больше всего.

— Послушайте… Подождите! Я… я попытаюсь что-нибудь сделать. Нужно посмотреть…

— А вы *можете* убить Дондо? Изелль просит Богиню убить либо Дондо, либо ее. И ей все равно, кто это будет. А мне не все равно! Я думаю, умереть должен он.

— Я полностью согласен с вами, леди Бетрис. Я подумаю, что можно сделать.

Если Боги не отзовутся на вашу молитву, леди Изелль, во имя Богов я сам сделаю это.

Весь последующий день, день накануне свадьбы, он рыскал по замку в поисках Дондо — как медведь по каменному лесу. Но приблизиться на расстояние удара к марчу ему так и не удалось. К вечеру Дондо отправился в городской дворец

Джироналов, но ни пройти через ворота, ни перебраться через стену Кэсерилу не удалось. Когда он предпринял вторую попытку, на него напали подручные Дондо, каждый вдвое его ростом, и избили, причем один держал, а другой молотил в грудь, живот и ниже, отчего домой Кэсерил поплелся по улицам Кардегосса, шатаясь и держась за стены, словно пьяный. Королевские стражи порядка, прибывшие вовремя к месту избиения, проигнорировали и то, что его бьют, и то, с каким трудом он встал на ноги.

Отчаянно пытаясь найти выход, он вспомнил о секретном туннеле, связывающем Зангру и дом Джироналов, который когда-то принадлежал лорду Лютезу — король использовал его днем, когда ему нужно было увидеться с Лютезом по делам, и ночью, когда его охватывал приступ любовной тоски (как говорили сплетники). Правда, теперь факт существования туннеля в Кардегоссе не был ни для кого секретом, а потому с обеих его сторон стояла стража, а двери были заперты. Кэсерил пытался подкупить стражников, но те, обругав, вытолкали его, пообещав устроить ему взбучку.

Да! Убийца из меня еще тот! Вернувшись в сумерках в свою спальню, морщась от боли, он застонал и упал на постель. В голове горячо

пульсировала кровь, тело ныло, но, полежав некоторое время, Кэсерил заставил себя встать и зажег свечу. Он обязан был подняться к дамам. Проверить, как у них и что, но сама мысль о том, что ему придется стать свидетелем их слез, казалась ему невыносимой. Он расскажет Бетрис о своей неудавшейся попытке, и это даст ей право вновь потребовать от него бог весть чего! Если ему не удалось убить Дондо, какое право он имеет запрещать ей действовать?

Я с радостью умру, лишь бы не дать осуществиться той мерзости, что назначена на завтра...

А ты это серьезно?

Кэсерил выпрямился и прислушался. Чей это голос только что прозвучал в его ушах? Его собственный? Не раскрывая губ, как он делал всегда, когда разговаривал с собой, лишь пошевелив в закрытом рту кончиком языка, он проговорил:

— Да!

И тотчас же, развернувшись к ногам кровати, он упал на колени перед своим сундуком и, откинув его крышку, принялся копаться в свернутых одеждах, переложенных от моли цветками сухой гвоздики. Отбрасывая в сторону один наряд за другим, он наконец добрался до черного бар-

хатного плаща, сложенного вокруг коричневой шерстяной туники. В нее была завернута книжка с зашифрованным текстом, загадки которой он так и не успел тогда разгадать до конца, а потом уже не рискнул нести ее в Храм, дабы не подвергать себя нелепым расспросам и не давать столь же нелепые ответы. Дрожа от волнения, Кэсерил вытащил книжку и зажег все свечи, которые были в комнате. В книжке осталось непереведенной одна треть. К черту неудавшиеся попытки! Иди на последнюю страницу!

Шифр не мог скрыть того волнения, которое испытывал торговец шерстью, и оно во всей своей сияющей простоте открылось Кэсерилу. Торговец, вероятно в порыве отчаяния, уже не усердствовал в сложных заклинаниях, а прибег к самой простой молитве. Крыса и ворона нужны были лишь для того, чтобы умилостивить Бога, свечи — чтобы осветить его путь, травы — чтобы своим ароматом возвысить душу молящего, но главное было не в этом. Пав ниц перед алтарем, в самой простоте сердца своего он попросил: *Помоги мне! Помоги мне! Помоги!*

Этими словами и завершалась книга.

Я смогу это сделать, подумал Кэсерил.

А если у него ничего не выйдет, остается Бетрис

с ее кинжалом.

У меня все выйдет, все получится. В этой жизни мне ни в чем не везло. Но в смерти — обязательно повезет!

Спрятав книгу под подушку, он вышел и, закрыв за собой дверь, нашел сонного пажа.

Тот стоял в коридоре, дожидаясь, когда в зале закончится обычный ежевечерний банкет и кому-то из подвыпивших и объевшихся придворных понадобятся его услуги. То, что принцессы на банкете не было, стало предметом многочисленных сплетен, причем гости не удосуживались об этом даже шептаться, поскольку король и Джироналы за столом отсутствовали — Дондо сидел в своем дворце, а Орико — в лесу.

Кэсерил выудил из кошелька золотой роял и, показав монету пажу, улыбнулся сквозь колечко, образованное согнутыми большим и указательным пальцами.

— Послушай, приятель! Не хочешь заработать роял?

Пажи в Зангре научились осторожности — роял был достаточной платой за известные интимные услуги и за то, чтобы тот, кто их оказывает, держал язык за зубами.

— Что я должен сделать, милорд?

— Поймай мне крысу.

— Крысу, милорд? Но зачем?

А действительно, зачем? Хороший вопрос. *Чтобы заняться магией смерти и погубить второго по влиятельности лорда Шалиона. Ответить так? Или не стоит?*

Кэсерил прислонился спиной к стене и широко улыбнулся.

— Когда я сражался в крепости Готоргет и нас держали в осаде целых три года… Ты, наверное, слышал, что я там был командиром, пока наш храбрый генерал не продал нас врагу. Так вот, мы там научились есть крыс. Вкусны эти твари необычайно, если наловишь достаточно много. Как я скучаю по их ароматным, хорошо прожаренным на свечном пламени окорочкам! Поймай мне большую толстую крысу, и получишь еще один роял.

Опустив монету в ладошку пажа, он облизал губы, понимая, каким идиотом он, наверное, выглядит. Но паж был уже далеко.

— Знаешь, где я живу? — крикнул он вдогонку мальчику.

— Да, милорд!

— Принеси ее туда. В сумке. Как можно скорее. Я голоден.

И Кэсерил повернул к себе, смеясь. Действительно смеясь, а не изображая смех. Дикий, возбужденный смех человека, который не видит перед собой преград, способствующих помешать его ужасным планам.

Смех еще покалывал Кэсерила острыми иголками, когда он вернулся в свою спальню и, сев за стол, принялся готовиться к своим черным молитвам, к своему самоубийству. Была уже ночь, и ворона вряд ли прилетит к нему. Хлеб, который он прихватил из банкетного зала перед тем, как вернуться, ему не пригодится. Вороны гнездятся в башне Фонзы. Если они не полетят к нему, придется лезть самому, по крыше. А если он поскользнется в темноте? Но выхода нет! Он обязан вернуться домой с каркающим свертком под мышкой.

Нет, не так! Сперва он получит крысу и пойдет в башню, держа под мышкой ее. Все равно это будет дорога в один конец. Там, на истлевшей шатающейся крыше, он и совершит обряд. Кстати, эта башня уже видела ритуал магии смерти! Его совершал дед принцессы. А вдруг дух Фонзы явится, чтобы помочь недостойному защитнику его внучки? Башня была священным местом, местом обиталища Бастарда и его питомцев.

Страшное место, особенно в эту холодную, дождливую ночь! И никто не найдет, никто не станет хоронить его тело; его расклюют вороны, совершенно справедливо мстя за то, что он собирается учинить с одной из их подруг. Животные и птицы невинны! Даже вороны невинны, и именно это делает их всех пусть немного, но священными созданиями.

Все еще недоумевающий паж явился гораздо скорее, чем ожидал Кэсерил. В руках мальчик держал извивающийся мешок. Кэсерил проверил его содержимое. Там вертелась и шипела здоровенная — в полтора фунта — крыса. Кэсерил заплатил, и мальчик, положив монету в карман и поминутно оглядываясь, удалился. Кэсерил потуже затянул ремни на мешке и, спрятав его в шкаф, запер на замок, чтобы обреченный зверь не сбежал.

Стянув с себя свой наряд придворного, Кэсерил надел тунику и плащ торговца шерстью — на удачу. Что надеть на ноги, чтобы не скользить по крыше башни? Сапоги, туфли? Или отправиться босиком? Лучше босиком. И все же он натянул туфли — один, самый последний раз.

— Бетрис! — прошептал он через дверь, ведущую в покои принцессы. — Леди Бетрис! Я знаю,

уже поздно, но не можете ли вы ко мне выйти?

Бетрис была полностью одета. Она была бледна и выглядела смертельно уставшей. Она позволила Кэсерилу сжать ее руки и прижалась лбом к его груди. Теплый запах ее волос всколыхнул его память и заставил вспомнить тот день в Валенде, когда он стоял рядом с ней в толпе в Храме. Единственное, что осталось в ней без изменения с того счастливого дня — это ее верность принцессе и своему долгу.

— Как принцесса? — спросил Кэсерил.

Бетрис подняла глаза, и в свете свечи он встретился с ней взглядом.

— Молится не переставая Дочери, — ответила она. — Со вчерашнего дня ничего не ела и не пила. Не знаю, где наши Боги, но, по-моему, они оставили нас.

— Сегодня я не смог убить Дондо. Просто не сумел подобраться.

— Я так и решила. А то мы все бы всё узнали.

— У меня есть еще одна попытка. Если это не сработает… утром я вернусь, и мы попробуем что-то придумать с вашим кинжалом. Но я хочу, чтобы вы знали вот что… Если утром я *не приду*, то, значит, все в порядке. А обо мне не волнуйтесь и не ищите меня.

— Но вы ведь не покидаете нас?

Руки Бетрис сжали плечи Кэсерила.

— Я никогда вас не покину.

— Я не понимаю.

— Ничего, потом… берегите Изелль. И не доверяйте канцлеру ди Джироналу. Никогда.

— Мне не нужно напоминать, — покачала головой Бетрис.

— Есть кое-что еще, — проговорил Кэсерил. — Мой друг Палли, марч ди Паллиар, знает, как меня предали после битв за Готоргет. Как мы с Дондо стали врагами, не имеет значения, но Изелль должна знать, что его старший брат намеренно вычеркнул меня из списка людей, которых должны были выкупить. Он предал меня и обрек на галеры и возможную смерть. Сомнений быть не может. Я видел список и узнал руку канцлера. Этим же почерком были написаны приказы, которые мне присылали в крепость.

Бетрис даже присвистнула.

— И ничего нельзя сделать? — спросила она.

— Сомневаюсь. Правда, если это доказать, добрая половина лордов откажется становиться под знамена канцлера. Может быть, этого будет даже достаточно, чтобы он свалился с тех высот, на которые забрался. А может быть, и нет. Пусть

Изелль сохранит эту стрелу в своем колчане. Придет время, и она сможет ею выстрелить.

Кэсерил пристально посмотрел на Бетрис. Она подняла к нему свое бледное, словно из слоновой кости, лицо, на котором горели коралловые губы и глаза цвета черного дерева, глубокие, как океан, и он, неловко склонившись, поцеловал ее.

Она негромко охнула и тут же рассмеялась, после чего, прижав ладонь ко рту, сделала шаг назад.

— Простите… У вас борода… колется.

— Это вы меня простите… Палли… Палли станет вам достойным мужем. Он же вам нравится, так? Он человек верный. Как и вы. Передайте ему мои слова.

— Кэсерил! Что вы…

И тут из покоев принцессы раздался голос Нан ди Врит:

— Бетрис! Прошу вас, идите сюда!

Он должен со всеми расстаться и отказаться от всего на свете. Даже от сожалений. Поцеловав руку Бетрис, он вышел.

ОВЗ

Как Кэсерил и ожидал, пробираться по крышам Зангры от главного здания к башне Фонзы стало для него настоящим испытанием. Дождь лил не

переставая; луна время от времени выглядывала из-за облаков, но от ее мрачного, неясного света пользы было мало. Переступая босыми ногами по черепицам крыши, Кэсерил ощущал их липкий пронизывающий холод. Самым опасным оказался прыжок с главного здания на крышу круглой башни. Днем и в других обстоятельствах эти шесть футов было бы преодолеть легко, но ночью, в дождь — одно неверное движение, и смерть приняла бы его в свои объятья далеко внизу, на холодных камнях. К счастью, прыгать нужно было чуть вниз, а не вверх.

Перепрыгнув на крышу башни, Кэсерил, дрожа от напряжения и ловя губами холодный воздух, лег, уцепившись пальцами за липкую от влаги черепицу. Под мышкой у него злобно дергалась упакованная в сумку крыса. Одна черепица шаталась. Если она упадет вниз и разобьется о камни, то неизбежно привлечет внимание стражников. Кэсерил медленно пополз вперед, пока не добрался до широкой прорехи в поверхности крыши. Аккуратно перевалившись с живота на спину, он сел и, протянув ногу вниз, попытался нащупать хоть какую-нибудь твердую поверхность. Нога едва не провалилась в пустоту. Дождавшись, когда на несколько коротких мгновений на небо

выплывет луна, он заглянул в дыру. Что-то темнело в нескольких футах от крыши. Но что это было? Пол? Или просто балка перекрытия? Где-то поблизости заворчала ворона.

Минут десять Кэсерил, балансируя, пытался на ощупь зажечь прихваченный из кабинета огарок свечи, оперируя огнивом и пучком трута. Он обжег пальцы, но свечу все-таки зажег и глянул вниз.

Да, это была балка, точнее — несколько балок, между которыми был положен настил. Вниз, в кромешную темноту, уходили оставленные строителями леса. Очевидно, после пожара рабочие стали укреплять камни стены, чтобы они не попадали на головы редким посетителям башни. Задержав дыхание, Кэсерил ступил босыми ногами на грубые, необработанные доски. Закрепив свечу между двумя досками, он достал и зажег от ее огня другую свечу, после чего вытащил из кармана хлеб и кинжал, отобранный у Бетрис. Огляделся.

Нужно поймать ворону. Нужно. Но одно дело — думать об этом, сидя в теплом кабинете. А другое — ловить их здесь, под полуразбитой крышей башни короля Фонзо. В колеблющемся свете он не видит ни одной птицы!

Неожиданно над головой Кэсерила раздалось хлопанье крыльев, и на балку рядом с ним уселась ворона. Дрожа от волнения, он протянул птице кусок хлеба. Та ухватила лакомство жестким клювом и улетела. Кэсерил негромко выругался, после чего несколько раз вздохнул и попытался привести нервы в порядок. *Что у меня есть? Хлеб. Кинжал. Свечи. Под мышкой — крыса в сумке. Сам я на коленях сижу под крышей башни. Знаю ли я, что нужно делать? Знаю. Получится? Не уверен!*

Помоги мне! Помоги мне! Помоги!

Ворона вернулась. Хотя, может быть, это была совсем другая птица.

— Кэс! Кэс! — прокаркала она, и голос ее эхом отозвался в темном колодце башни.

— Да, это я, — негромко отозвался Кэсерил.

Он вытащил из сумки крысу, прижал к ее горлу кинжал и прошептал:

— Отправляйся к своему хозяину и передай ему мою молитву.

Резанул крысу по горлу, и густая горячая кровь хлынула ему на руку. После этого он положил все еще подрагивающий труп перед собой и протянул омытую кровью руку вороне. Та, нелепо подскакивая, приблизилась и, раскрыв клюв,

склонилась к руке Кэсерила. Тот, увидев черный язык птицы, отшатнулся, но поборол страх и схватил пернатую. Зажав ворону под мышкой, он поцеловал ее в голову и прошептал:

— Прости меня! Но иначе нельзя. Может быть, Бастард накормит тебя пищей Богов, а когда ты долетишь до Него, Он позволит тебе посидеть на своем плече. Лети к своему хозяину и передай ему мою молитву.

Быстрым верным движением Кэсерил свернул вороне шею. Несколько мгновений она трепыхалась, после чего затихла. Он положил ее тело перед собой, рядом с мертвой крысой.

— Господин мой Бастард! — начал он. — Бог справедливости! Бог равновесия и разума! Бог, к которому припадаю я в смертельной нужде! Ради ди Санды! Ради Изелль! Ради всех, кто любит ее — ради леди Бетрис, королевы Исты, старой провинкары. Ради шрамов, исполосовавших мою спину! Ради правды, которая должна победить ложь! Прими мою молитву!

Он не был уверен, что это именно те слова, которые нужно в этом случае произносить, и есть ли вообще на этот случай правильные слова. Он задыхался. Может быть, он даже плакал. Склонившись над мертвыми телами крысы и вороны, он

почувствовал вдруг, как страшная боль пронзила его нутро, скручивая кишечник тугими узлами. О Боги! Он и не знал, что может быть *так* больно!

Ну что ж, это лучше, чем сдохнуть от попавших в задницу браджарских стрел!

И все-таки он не забыл, что в конце нужно вежливо — насколько это возможно — произнести:

— И благодарим тебя за твои благословенные дары, Бог межсезонья.

Так Кэсерил говорил перед сном, когда был еще ребенком.

Помоги мне! Помоги мне! Помоги!

О Боги!

Пламя свечи метнулось в сторону и погасло. Темнота навалилась на него и поглотила — всего, без остатка…

12

С неимоверным усилием он наконец расклеил веки и открыл глаза, невидящим взглядом всматриваясь в нависшее над ним серое пятно, окаймленное черным. Облизав запекшиеся губы, сглотнул. Под ним были жесткие доски настила, и он чувствовал спиной их грубую поверхность. Воспоминания минувшей ночи навалились на него.

Я жив? Я жив. Значит, у меня ничего не вышло…

Он потянулся вправо, нащупал небольшую кучку перьев и отдернул руку. Воспоминания об ужасе, испытанном ночью, отдались тупой болью в животе. Его трясло от пронизывающего липкого холода. Так холодны только трупы. Но он был жив. Он дышал. И был жив и дышал, конечно, Дондо ди Джиронал. И это было утро его свадьбы.

Несколько попривыкнув к сумеркам, царив-

шим в этот ранний час под крышей башни, он заметил, что здесь он не один. На грубых перилах, которыми был увенчан настил, сидела дюжина ворон; они сидели и тихо и молча глядели на Кэсерила.

Кэсерил потрогал лицо. Нет, ран на нем не было, ни одна из ворон пока не попробовала его клюнуть.

— Нет уж! — прошептал он, с трудом шевеля дрожащими губами. — Мной вам не позавтракать. Простите.

Одна из птиц взмахнула было крыльями, но прочие, услышав голос Кэсерила, даже не шелохнулись. Даже когда он сел, никто из них не попытался взлететь.

И все-таки ночной мрак не до конца вытеснил из его сознания странное видение, что явилось к нему перед тем, как он без чувств упал на настил. Ему виделось, что он — Дондо ди Джиронал, и что он пирует вместе со своими друзьями и продажными женщинами в каком-то зале, и зал залит светом, стекающим с золотых светильников, а на столе сияют серебряные бокалы, и он протягивает к ним свои толстые руки, увешанные кольцами. И вот он произносит похабный тост за девственность принцессы Изелль, с которой ей назавтра

предстоит расстаться, и пьет… И вдруг кашель поражает его легкие, а в горле — словно раскаленные иглы, которые пронзают его плоть… И горло вдруг вспухает, и вздутие перекрывает дыхание, и он начинает задыхаться, как будто кто-то душит его изнутри… Разгоряченные физиономии его приятелей начинают кружиться вокруг, а их смех и шутки вдруг сменяются криками ужаса, когда они понимают, что его побагровевшее от удушья лицо — это не шутовская маска. Крики, звон посуды, чей-то шепот: *Это яд! Это яд!* Но ни одно слово уже не в состоянии вырваться из его рта, проскользнув мимо распухшего языка — только конвульсии, бешеный стук сердца, острая рассекающая боль в груди и темени, черные облака в глазах, пронзаемые красными молниями, и — мрак…

Это всего лишь сон. Если я жив, то жив и он.

Кэсерил повернулся набок, свернувшись полукольцом вокруг точки ноющей боли, заполонившей его живот. Больше ни на что сил у него не достало. Стая ворон по-прежнему бесстрастно взирала на него. Постепенно до Кэсерила дошло, что он каким-то образом должен возвращаться. А обратный маршрут он не продумал.

Он может спуститься вниз по строительным

лесам. И что? Окажется на поверхности толстого слоя птичьего помета, который собирался там долгие годы, станет кричать, стараясь, чтобы голос его пробился сквозь глухую каменную кладку. Но кто его услышит? А если услышат, то примут его голос за отзвук вороньих криков или за вой призраков, населяющих башню.

Придется возвращаться тем же путем, которым пришел.

Кэсерил с усилием встал, держась за перила, и, потянувшись, расправил затекшие мышцы. Даже теперь вороны никуда не улетели — ему даже пришлось отодвинуть парочку рукой, чтобы освободить небольшое пространство перил. Они с отвращением захлопали крыльями, но не произнесли ни звука. Он подоткнул свою коричневую тунику под пояс, взгромоздился на перила и, ухватившись за край кровли, стал подтягиваться наверх. Несколько тошнотворно-ужасных мгновений, в течение которых он беспомощно болтал ногами в воздухе (но руки у него были сильные, а тело сухое и стройное), и вот он уже лежит животом на поверхности крыши, тяжело отдуваясь. Туман был настолько плотен, что из-за него не было даже видно замкового двора. Раннее утро, понял он. В эти часы в последние дни осени

бодрствуют лишь самые низшие из замковой челяди. Вороны мрачно последовали за Кэсерилом, вылетев одна за другой через прореху в крыше и усевшись на черепицу и камни. С самым внимательным видом они принялись наблюдать за его действиями.

Чего они ждут? Что он решит прыгнуть на крышу главного здания, а они, мстя ему за свою погибшую подругу, бросятся на него, начнут дружно бить крыльями, чтобы он сорвался и разбился о камни двора? А может быть, не дожидаясь этого, самому прыгнуть вниз — и пропади все пропадом? Резкая боль комком скрутила ему желудок, блокируя дыхание.

Он бросился бы вниз, но вдруг смерть не примет его в свои объятья, и он останется беспомощным калекой? Это страшнее, чем смерть. И эта мысль толкнула его к карнизу крыши и дальше — к краю кровли главного здания. Прыгнув, он неимоверным усилием, едва не разрывая сухожилия рук, зацепился за крышу и, подтянувшись, перевалил на ее поверхность свое жилистое тело.

Кэсерил не помнил точно, через какое из мансардных окон он вылезал на крышу накануне вечером. А вдруг кто-то, прогуливаясь по коридору, обнаружил, что окно не заперто, и закрыл

его? Дюйм за дюймом пробираясь по крыше, он пробовал одно окно за другим. Вороны следовали за ним по пятам, вышагивая по черепице и краям водосточных желобов, временами поднимаясь на крыло и перелетая с места на место. Туман серебряными каплями оседал на их перьях, на бороде Кэсерила, блестел цехинами на его черном плаще. Четвертое по счету окно подалось под его ладонями и открылось. Это был какой-то чулан. Перевалившись через подоконник, Кэсерил скользнул внутрь и захлопнул окно перед самым носом своих провожатых, двое из которых хотели было броситься вслед за ним; одна ворона попыталась с налету грудью пробить стекло, но с костяным звуком отлетела прочь.

Он сполз по ступеням на свой этаж, не встретив никого из слуг, и закрыл за собой дверь. Мочевой пузырь его был переполнен; корчась от судорог, он принялся опорожнять его в ночное судно и с ужасом увидел в фарфоровом сосуде сгустки крови. Руки его дрожали, когда он принялся отмывать их в тазу с водой. Открыв окно, он хотел вылить окрашенную кровью воду вниз, в крепостной ров, но увидел сидящих на посту двух черных птиц. Закрыв окно, он защелкнул задвижку.

Шатаясь, Кэсерил добрался до постели и, упав в нее, натянул на себя покрывало. Его трясло, но, несмотря на это, он слышал, как слуги, переговариваясь, носят по коридорам полотенца и воду. Кто-то отдавал приказы, кто-то кого-то разносил за нерасторопность.

Интересно, а Изелль уже подняли с постели? Уже умыли и нарядили, украсив нитками жемчуга и созвездиями бриллиантов, чтобы подготовить к ужасной встрече с Дондо? Да спала ли она вообще? Может быть, проплакала всю ночь, тщетно взывая к умолкнувшим для нее Богам? Он должен встать и попытаться сделать то, что в его силах, — успокоить, утешить нечастную. Нашла ли Бетрис себе другой кинжал? *Нет, я не в состоянии встретиться с ними, не в состоянии посмотреть им в глаза!* Свернувшись клубком на постели, он плотно прикрыл глаза.

Он все еще лежал в постели, задыхаясь от душивших его, с трудом сдерживаемых рыданий, когда в коридоре раздался топот множества ног, и его дверь с грохотом отворилась.

— Я знаю, это он! Он, и никто другой!

Топот приблизился вплотную, и кто-то сорвал покрывало с тела Кэсерила. Повернувшись, он с удивлением посмотрел на стоящего над ним ди

Джиронала, который с не меньшим удивлением смотрел на него.

— Так вы живы! — воскликнул ди Джиронал голосом, полным ненависти и отчаяния.

Позади канцлера сгрудились с полдюжины придворных, среди которых Кэсерил узнал подручных Дондо. Те, уставившись на лежащего, держали руки на эфесах своих мечей, словно готовые по первому приказу исправить то, что так удивило и раздосадовало старшего ди Джиронала. А дальше, за этой толпой, Кэсерил увидел Орико — в ночной рубашке, поверх которой был накинут старый потертый плащ. Воротник плаща король судорожно сжимал пальцами. Орико выглядел… странно. Кэсерил потер глаза. Фигуру короля окружала некая аура, но не светлая, а темная. Она не заслоняла Орико, все части его тела виделись ясно и отчетливо, из чего можно было вывести, что это — не туман и не облако. И тем не менее аура окружала короля и двигалась вместе с ним, словно прозрачный кокон.

Ди Джиронал закусил губы, впиваясь глазами в лицо Кэсерила.

— Если это не вы, то кто? Это был кто-то… кто-то близкий этой девчонке. О, маленькая злобная убийца!

И, развернувшись, он выбежал из комнаты, кивнув своей свите, которая поспешила за ним.

— Что случилось? — спросил Кэсерил у короля, который отправился было за канцлером и его подручными.

Орико глянул на Кэсерила через плечо и, недоуменно разведя руками, проговорил:

— Свадьба отменяется. Дондо ди Джиронал сегодня ночью был убит. Магия смерти.

Кэсерил, открыв рот, выдохнул: *О!* Сказать что-то еще он был не в состоянии. Упав на постель, он уставился в потолок, а король тем временем засеменил по коридору за канцлером.

Я ничего не понимаю!

Если Дондо убит, то почему я жив? Чудеса такого рода невозможны. И, тем не менее, он мертв. Каким образом это произошло?

Может быть, кто-то обошел Кэсерила?

А куда отправился ди Джиронал?

Неужели Бетрис?

О, только не это!

Он рванулся из постели, упал на пол, с огромным трудом встал и, преодолевая дикую боль во всем теле, поплелся туда, куда ушла компания разъяренных утренних гостей.

Он добрался до покоев принцессы и сразу же

услышал разгневанный голос ди Джиронала.

— Так приведите ее! Я хочу ее видеть! — кричал он бледной испуганной Нан ди Врит, которая тем не менее стойко, словно бастион, прикрывала своим телом проход внутрь анфилады комнат, занимаемых принцессой. Кэсерил едва не потерял сознание от радости, когда из-за плеча Нан увидел сердитое лицо Бетрис. Нан де Врит была в ночной рубашке; Бетрис же, изможденная и усталая, была в том же голубом шерстяном платье, что было на ней накануне. *Спала* ли она этой ночью? *Но она — жива. Жива!*

— Почему вы так кричите, милорд? — холодно спросила Бетрис. — Да еще в столь ранний час?

Ди Джиронал открыл рот, и даже его седеющая борода не смогла скрыть этого обстоятельства. Он явно был ошарашен. Но уже через мгновение, захлопнув рот, он резко спросил:

— Где принцесса? Я должен ее видеть!

— Она прилегла, впервые за эти кошмарные дни, — ответила Бетрис, враждебно глядя на канцлера. — И я не позволю ее разбудить. Вскоре ей придется сменить сны на кошмар.

Ди Джиронал выпрямился, из его горла вырвалось шипение.

— Разбудите ее, — произнес он яростно.

О Боги! Неужели Изелль…

Но не успел ужас охватить Кэсерила, как появилась сама Изелль. Отодвинув в сторону дам своей свиты, она прямиком подошла к канцлеру и холодно посмотрела в его лицо.

— Я не сплю, — провозгласила она. — Что вам угодно, милорд?

Она перевела взгляд на Орико, который сиротливо стоял позади ворвавшейся в ее покои толпы, презрительно усмехнулась и вновь посмотрела в лицо ди Джиронала. Сдвинув брови, принцесса напряженно всматривалась. Вне всякого сомнения, она понимала, кто стоит за ненавистным ей браком.

Ди Джиронал переводил взгляд с одной женщины на другую — все они, вне всякого сомнения, были живы. Развернувшись, он уставился на Кэсерила, который не сводил глаз с Изелль. Вокруг принцессы, как и вокруг короля, появилась аура, только более подвижная и сочетающая в себе глубоко черные и сияющие голубые тона — точь-в-точь как цвет утренней зари, виденной однажды Кэсерилом в ночном южном небе.

— Кто бы это ни был! — взревел ди Джиронал. — Кто бы это ни был, я найду грязный труп этого труса! Даже если мне придется перевернуть

весь Шалион.

— И что тогда? — спросил король, потирая небритые щеки. — Вы его повесите?

Про его лицу скользнула тень иронической ухмылки. Ди Джиронал с ненавистью зыркнул на Орико и бросился прочь. Кэсерил сделал шаг назад, чтобы сойти с дороги следовавшей за канцлером толпы придворных, не спуская одновременно глаз с короля и его сестры, сравнивая две… две галлюцинации? Никто из находящихся в комнате, не был окружен этой… *Наверное, я болен. Наверное, я сошел с ума.*

— Кэсерил! — спросила Изелль, когда последний придворный скрылся на лестнице, а Нан бросилась к дверям, чтобы закрыть и запереть их. — Что случилось?

— Кто-то, использовав магию смерти, убил сегодняшней ночью Дондо ди Джиронала.

Изелль вспыхнула и, всплеснув руками, словно ребенок, чьи сердечные мечты исполнились, воскликнула:

— О Боги! Какое счастье! Благодарю тебя, Госпожа Весны! Благодарю тебя, Бастард! Я немедленно пошлю дары на ваши алтари… Но, Кэсерил, кто…

Увидев, как Бетрис обратила на него свой проницательный взгляд, Кэсерил состроил гримасу.

— Только не я… Вероятнее всего… Хотя и не потому, что не хотел.

— Так вы… — начала Бетрис и осеклась. Кэсерил одним только взглядом дал ей понять, сколь высоко ценит ее деликатность — не будет же он перед двумя свидетелями рассказывать, как планировал столь тяжкое преступление! Слова были не нужны — Бетрис понимала его по глазам.

Изелль расхаживала взад и вперед, едва не подпрыгивая от радости и чувства облегчения.

— Мне кажется, я это чувствовала! — говорила она голосом, полным восторженного изумления. — В любом случае, что-то было… в полночь. Около полуночи, вы сказали?

Никто не говорил ничего подобного!

— На сердце стало вдруг легко, так, словно молитвы мои были услышаны. Но я не думала, что все получится именно *так*! Я просила Госпожу о смерти для *себя*.

Она остановилась и, приложив ладонь ко лбу, замолчала.

— Кэсерил, — произнесла она несколькими мгновениями спустя медленно и задумчиво, — а могла ли я сделать это? Может быть, Богиня именно так ответила на мою молитву?

— Не думаю, принцесса! Вы ведь молились

Госпоже Весны, так?

— Да, но еще и Лету. Хотя больше — Весне.

— Эти Боги даруют чудо жизни, а не смерти, — ответил Кэсерил.

Обычно! Как правило! Но пути Богов неисповедимы! Кто знает, в каких пределах они проявляют свою власть и в чем состоит их цель.

— В том, что я чувствовала, не было ощущения, не было ни малейшего привкуса смерти, — продолжила Изелль. — И тем не менее мне стало много легче. Я даже смогла поесть и поспать.

Нан ди Врит, подтверждая слова принцессы, кивнула:

— А уж как я была этому рада!

Кэсерил глубоко вздохнул.

— Я уверен, что ди Джиронал разрешит для нас эту загадку. Он будет разыскивать всех, кто умер вчера ночью, пока не найдет убийцу своего брата.

— Да будь благословен тот, кому удалось разрушить их грязные планы, — проговорила Изелль, прикоснувшись ладонью по очереди к своему лбу, губам и сердцу, — да еще такой неимоверной ценой. Пусть демоны Бастарда будут к нему милосердны!

— Аминь! — подхватил Кэсерил. — Будем на-

деяться, что ди Джиронал не найдет ни близких родственников, ни друзей этого человека и не сможет отомстить.

И он вновь взялся обеими руками за живот, в котором проснулась тупая боль.

Бетрис подошла и, вглядевшись в лицо Кэсерила, протянула руку и тут же ее опустила.

— Лорд Кэс, — сказала она. — Выглядите вы ужасно. Глаза впали, кожа — что земля.

— Я… приболел, — отозвался Кэсерил. — Что-то не то съел.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Ну что ж, милые дамы! Готовьтесь — но не к печальному бракосочетанию, а к веселым похоронам! Надеюсь, вам удастся скрыть от публики свою радость!

Нан ди Врит фыркнула. Изелль же жестом призвала ее к молчанию и произнесла:

— На наших лицах вы увидите лишь выражение торжественной скорби. И только Боги будут знать, что у нас в сердце.

Кэсерил кивнул и потер ноющую шею.

— Обычно, — сказал он, — жертву магии смерти сжигают до полуночи, чтобы в тело не вселились потусторонние сущности. Очевидно, их особенно привлекает такого рода смерть. Так говорят свя-

щенники. Поэтому мы увидим самые торопливые похороны на свете. Наверное, все будет сделано еще засветло.

Он сглотнул засевший в горле комок и отвернулся от принцессы.

— Тем более, Кэсерил, — проговорила Бетрис, — вам следует пойти и лечь. Мы же в полной безопасности, а вы можете отдохнуть.

Она взяла холодные руки Кэсерила в свои ладони и, пожав их, озабоченно улыбнулась. Он ответил слабой улыбкой и ретировался.

Кэсерил вновь забрался в постель. Уже больше часа он лежал, по-прежнему содрогаясь от озноба, когда дверь открылась и, осторожно ступая, вошла Бетрис. Подойдя к Кэсерилу, она положила ладонь ему на лоб.

— Боюсь, у вас лихорадка, — сказала она. — Наверное, простыли?

— Простыл… Да, я простыл. Должно быть, прошлой ночью нечаянно сбросил с себя одеяло.

Бетрис коснулась его плеча.

— И вся одежда насквозь мокрая.

Она пристально посмотрела в лицо Кэсерила

и спросила:

— Когда вы последний раз что-нибудь ели?

Этого он не помнил.

— По-моему, вчера утром, — отозвался он.

— Понятно, — произнесла Бетрис и, нахмурившись, вышла.

Спустя минут десять явилась служанка с медной грелкой, полной тлеющих углей, и толстым стеганым одеялом; еще через несколько минут — слуга с баком горячей воды и строгими инструкциями — проследить, чтобы больной хорошенько вымылся и лег в согретую постель, надев сухое белье. Приставить слуг к Кэсерилу было совсем непросто — все руки были нарасхват в замке, который в спешке готовился к торжественной церемонии похорон, и каждый придворный лорд и каждая придворная дама с ног сбились, чтобы успеть вырядиться тщательнейшим образом. Кэсерил ни о чем не спрашивал. Едва слуга успел подоткнуть под него одеяло, как явилась Бетрис с большой миской на подносе. Оставив дверь открытой, она присела на край кровати.

— Ешьте! — сказала она.

Миска была наполнена хлебом в горячем молоке с медом. Бетрис наполнила ложку и протянула Кэсерилу. Тот, несколько озадаченный, прогло-

тил еду, после чего подтянулся и сел в постели, опираясь спиной на подушки. Достоинство нужно хранить в любой ситуации.

— Ну, не так уж я и слаб, — сказал он, забирая миску. Бетрис не возражала и принялась смотреть, как он ест. Оказывается, он был страшно голоден! К моменту, когда он покончил с едой, озноб его отпустил.

Бетрис удовлетворенно улыбнулась.

— Ну вот, теперь вы уже не похожи на призрак, — сказала она.

— Как там принцесса? — поинтересовался Кэсерил.

— Гораздо лучше. Сейчас она отдыхает, спит. Невыносимое напряжение отпустило, пришло благословенное освобождение; а вы ведь знаете, что эти перепады тоже непросто вынести. Будет спать, пока не придет время одеваться.

— Да, я понимаю.

Бетрис кивнула, приняла у Кэсерила пустую миску и, склонившись к нему, тихо спросила:

— Кэсерил! А что вы *делали* прошлой ночью?

— Ничего… Как мне кажется.

Бетрис скорчила недовольную гримаску. Но какой смысл перекладывать на ее плечи груз тайны? Конечно, исповедь могла облегчить его

душу, но тогда он подвергнет и себя, и эту девушку страшной опасности — вдруг начнется следствие и ей придется давать показания под клятвой?

— Лорд ди Риналь сказал, что вчера вечером вы заплатили пажу за то, чтобы он принес вам крысу. Именно поэтому ди Джиронал явился в вашу спальню. Паж, правда, сказал, что вы хотели эту крысу съесть.

— Ну и что? Разве в поедании крысы есть что-то противозаконное? Я решил устроить себе торжественный ужин в память о Готоргете.

— Вот как? Но вы ведь сказали, что ничего не ели с прошлого утра!

Бетрис колебалась, глаза ее взволнованно горели.

— А горничная сообщила, что в вашем ночном судне была кровь.

— О, демоны Бастарда! — воскликнул Кэсерил, который, умастившись было головой на подушках, вновь выпрямился и сел. — Для местных сплетников нет ничего святого. Даже ночной горшок уже не принадлежит человеку.

Бетрис покачала головой.

— Лорд Кэс! Нам пока не до шуток. Что вас беспокоило?

— Живот. Сейчас, кстати, мне много лучше.

Почти все прошло.

Он скривился и решил ничего не говорить о своих галлюцинациях.

— Очевидно, — продолжил он, — кровь в судне была кровью крысы, которую я тут свежевал. А боли в животе я заслужил — кто же, кроме меня, станет есть этот ужас? Как вам..?

Бетрис кивнула и медленно произнесла:

— Хорошая история. Все логично.

— Еще бы!

— Но, Кэс! Люди станут считать, что вы — странный…

— А чего вы хотите от человека, который насилует девочек? То, что он ест крыс, вполне соответствует образу. Нужно, конечно, приобрести и третье отклонение от нормы — ради баланса и симметрии.

Третье было — занятие магией смерти. Это занятие вполне симметрично могло отправить его на эшафот.

Бетрис откинулась на спинку кресла, нахмурившись и сложив руки на груди.

— Ладно! — сказала она. — Ни на чем настаивать не стану. Но мне вот что интересно…

Внимательно посмотрев Кэсерилу в глаза, она продолжила:

— Если, рассуждая чисто теоретически, за дело возьмутся одновременно два человека, а целью их будет одна жертва на двоих, то не получится ли так, что они, закончив ритуал, не умрут, а останутся… мертвыми лишь *наполовину*?

Кэсерил пристально посмотрел на Бетрис. Нет, больной она не выглядела. Он покачал головой.

— Не думаю. Если исходить из того, как давно и сколько раз люди прибегали к магии смерти, то о таких случаях, конечно же, стало бы известно. Да и демон Бастарда на стенах Храма всегда изображается с коромыслом через плечо и двумя ведрами — по одному на каждую душу. Я не думаю, что демону интересны какие-то варианты.

Неожиданно он вспомнил слова Умегата. *Боюсь, что именно так все и происходит*.

— Не уверен, что и Боги вольны в своем выборе, — закончил он.

Бетрис в волнении покусывала губы.

— Вы говорили, чтобы, если не вернетесь к утру, о вас не беспокоиться и вас не искать. Сказали, что с вами все будет в порядке. И также вы говорили, что если тела правильно не сжечь, то с ними может произойти нечто ужасное. Так?

Кэсерил пожал плечами.

— Я просто хотел предусмотреть все вариан-

ты, — сказал он. — *Все*.

— Какие еще варианты? Вы ускользнули, не сказав тем, кому вы дороги, где вас искать. Мы даже не знали, как за вас молиться!

Кэсерил откашлялся.

— Вороны с башни Фонзы, — проговорил он. — Прошлой ночью я забрался на крышу его башни, чтобы помолиться. Если бы что-то пошло не так, я думаю, вороны все бы за мной убрали — так же, как их сестры убирают поле боя.

— Кэсерил! — воскликнула Бетрис голосом, полным ужаса, и тут же перешла на шепот. — Кэс! Вы хотите сказать, что отправились туда в одиночку, чтобы умереть, в полном отчаянии, зная, что ваше тело будут расклевывать… О, это *ужасно*!

Слезы навернулись на ее глаза.

— Почему ужасно? — переспросил Кэсерил. — Вполне по-солдатски, как я думаю.

Он протянул было руку, чтобы отереть слезы, покатившиеся по щекам Бетрис, но не рискнул этого сделать и опустил ладонь на одеяло.

Бетрис же, сжав кулачки, стукнула ими о свои колени.

— Если вы когда-нибудь затеете что-либо подобное, ничего мне не сказав… ничего не сказав никому, я… я устрою вам такую взбучку! Вы меня

не знаете, но вы меня еще узнаете!

И, утерев слезы, она выпрямилась и заговорила своим обычным голосом:

— Похороны начнутся за час до захода солнца, в Храме. Вы пойдете или останетесь в постели?

— Если смогу, пойду обязательно. Там же будут все враги Дондо — хотя бы для того, чтобы доказать, что они его не убивали. Будет на что посмотреть!

На торжественный обряд прощания с телом лорда Дондо ди Джиронала собралось гораздо больше людей, чем на похороны бедного, одинокого ди Санды. Сам король Орико, облаченный в подобающее случаю одеяние, в тона черные и лиловые, шел во главе процессии, которая от замка Зангра стекала вниз, к Храму. Королеву Сару несли в паланкине. Ее лицо, словно высеченное из куска льда, не выражало ровным счетом ничего, зато одежда, сочетавшая в себе самые яркие цвета, цвета всех Богов сразу, и усыпанная бриллиантами (словно она опустошила половину своих шкатулок), была красноречивее любых слов. Впрочем, никто старался ничего не

замечать.

Кэсерил тайком рассматривал королеву, но его интересовала не столько цветовая гамма ее наряда, сколько окружавшая ее, как и ее мужа, темная аура. Такое же темное пятно окутывало и Тейдеса; юноша шел по камням мостовой, а аура, немного отставая, тащилась за ним. Чем бы ни был этот темный мираж, было ясно, что это — фамильная черта королевского семейства. А интересно, есть ли такая же аура вокруг вдовствующей королевы Исты?

Церемонию вел сам архиепископ Кардегосский, облаченный в пятицветную ризу. Народу было так много, что ритуал было решено провести в главном дворе Храма. Процессия, явившаяся из дома ди Джироналов, водрузила гроб с телом усопшего на постамент перед большим храмовым светильником — круглой каменной платформой с медным навесом, который был установлен на пяти изящных, но прочных столбах и был призван защищать священный огонь от ветра и дождя. Холодный дождливый день неуклонно двигался к туманному вечеру, и рассеянный фиолетово-серый свет, смягченный фимиамом, поднимавшимся над курильницами, заполнял двор.

Тело Дондо, положенное в гроб и окруженное гирляндами цветов и трав, символизировавших добрую судьбу и защиту от бед (слишком поздно, подумал Кэсерил), было облачено в бело-голубые тона военного ордена Дочери, со всеми атрибутами генеральского достоинства. На груди мертвеца лежал обнаженный меч, руки покойника обхватывали его эфес. Тело не казалось ни раздутым, ни деформированным; ди Риналь распространил слух, будто перед одеванием и положением в гроб лорда Дондо туго обвязали льняными бинтами. Лицо мертвеца было раздуто не больше, чем бывало раздутым наутро после обычной попойки. Но оказалось, что сжигать его придется, не снимая колец — стащить украшения с подобных сосискам пальцев можно было бы разве что с помощью мясницкого ножа.

Кэсерилу удалось дойти до Храма не спотыкаясь, но теперь желудок его вновь скрутило, а ремень давил на больной живот немилосердно. Он занял, как ему показалось, укромное местечко в пришедшей из замка толпе, позади Бетрис и Нан ди Врит. Изелль увели и поставили между канцлером и Орико. Она должна была играть роль основной скорбящей, ибо неумолимая смерть нанесла свой самый страшный удар именно ей,

уведя у нее дорогого жениха. Кэсерил неотрывно смотрел, напрягая глаза, на мерцающую ауру, окружавшую ее фигуру. Вид мертвеца отбил у принцессы всякое желание радоваться — тайно или открыто.

Двое из придворных выступили вперед, чтобы в идущих от самого сердца словах поведать собравшимся о неизмеримых достоинствах и добродетелях покойного, но то, что они говорили, как показалось Кэсерилу, ну никак не вязалось с разнузданным, греховным стилем жизни того, кого они прославляли. Канцлер ди Джиронал был слишком переполнен чувствами, чтобы говорить долго, хотя и неясно было, чего больше скрывается под маской суровой скорби, которую он надел на лицо — горя или ярости. Он объявил награду в тысячу роялов за сведения, которые помогли бы раскрыть личность убийцы его брата — единственное за сегодня, хотя и косвенное напоминание об обстоятельствах внезапной смерти лорда Дондо.

Ясно было, что немало роялов из карманов канцлера перетекло и в казну Храма, ибо в церемонии участвовали почти все из имевшихся в наличии служек, певчих и священников кардегосского Храма. Выстроившись рядами, они пели

молитвы и в унисон, и раскладывая на голоса, на полную мощь своих легких — надеясь, вероятно, убедить слушателей, будто громкость их песнопений находится в прямо пропорциональной зависимости от степени святости отпеваемого, а не от щедрости его брата. Внимание Кэсерила привлекла одна из певчих, стоящая в ряду одетых в зеленые одежды альтов. Средних лет, невысокая, она, казалось, источала сияние, словно свеча, на которую смотрят сквозь зеленое стекло. Бросив на Кэсерила внимательный взгляд, она вновь обратила свои взоры на священника, который управлял хором.

Кэсерил тронул Нан ди Врит за плечо и спросил:

— Что это за женщина в конце второго ряда поющих, в цветах Матери? Вы ее знаете?

Нан ди Врит посмотрела и ответила:

— Одна из повитух Матери. Говорят, очень хорошая.

— Понятно!

Когда вперед вывели и вынесли священных животных, толпа обратилась в зрение и слух. Было ясно заранее, кто из Богов заберет душу Дондо ди Джиронала. Его предшественник, долгое время занимавший пост генерала военного

ордена Дочери, несмотря на то что имел множество детей и внуков, после смерти сразу же был востребован Богиней, которой служил так много лет. Сам Дондо в юности служил офицером военного ордена Сына. Кроме того, после него осталось немало незаконнорожденных детей, а также две нелюбимые дочери от первой, рано умершей, жены которых воспитывали какие-то родственники в провинции. И хотя об этом не говорили открыто, поскольку душу Дондо унес один из демонов Бастарда, то Бастарду она и станет принадлежать. Логично?

Первым выступила вперед юная девушка, служка-грум Дочери, со священной сойкой, сидящей на запястье. По кивку архиепископа Менденаля она подняла руку, но птица, покачнувшись, только крепче вцепилась в ее рукав. Служка беспомощно посмотрела на архиепископа, и тот, нахмурившись, очередным кивком послал ее к гробу Дондо. Девушка недовольно нахмурилась, но послушно ступила вперед и, взяв сойку в обе ладони, усадила ее на грудь покойника.

Сделав это, она отняла руки, а птица, подняв хвостик, тут же опростала свой крошечный кишечник на мундир генерала ордена Дочери и с громким верещанием взмыла в небо, унося за

собой ритуальные ленточки, пристегнутые к лапкам. По крайней мере трое из присутствующих сдержанно хмыкнули, но, увидев каменное лицо канцлера и его сжатые губы, рассмеяться не рискнули. В лазоревых глазах Изелль вспыхнули искорки, но она скромно потупила взор, хотя ее аура принялась колыхаться, словно зашлась в смехе. Служка отшатнулась от гроба и, вскинув глаза, с волнением принялась следить за тем, куда полетит ее птица. Та уселась на украшенный орнаментом выступ одной из колонн, окружавших двор Храма, и принялась громко кричать. Архиепископ, нахмурившись, кивнул девушке, и та, поклонившись, поспешно ретировалась — птицу следовало водворить домой, в клетку.

Зеленая птица Матери также отказалась покидать руку своей хозяйки. Архиепископ не стал рисковать и просто кивнул служке, чтобы та вернулась на свое место.

Третьей была выведена лиса, священное животное Сына. Зверь натягивал цепь, скулил, извивался и упирался, скребя когтями по плитам двора и всеми силами стараясь удрать. Менденаль удалил служку с лисой.

Приземистый серый волк, который до этого сидел с вывалившимся из зубастой пасти красным

языком, гортанно зарычал, стоило его одетому в серое служителю взяться за цепь, пристегнутую к ошейнику. Когда же служка попытался потянуть зверя к гробу, тот улегся брюхом на плиты, покрывавшие двор, и вытянул лапы, отказываясь подниматься. Служка испуганно глянул на архиепископа — *я ничего не делал*. Тот не стал спорить.

Наконец все с надеждой стали смотреть на одетую в белое платье девушку — служку Бастарда, — которая несла в руках двух белых крыс. Канцлер ди Джиронал в немой ярости взирал на происходящее. Но что он мог сделать или сказать? Белая леди вздохнула, подошла к гробу и опустила своих питомцев на грудь Дондо в знак того, что Бог, покровительствующий ей, принимает и непременно успокоит душу, отвергнутую прочими Богами.

Но как только она отвела руки, ее подопечные, блестя белыми шелковистыми шкурками, бросились прочь, словно камни, выпущенные из катапульты. Девушка заметалась, не зная, за которой из двух крыс ей бежать. Один из зверьков скрылся в колоннаде, другой решил спрятаться в толпе скорбящих, что понравилось далеко не всем дамам, и многие отчаянно завизжали. Вол-

на охов и вздохов пронеслась по двору Храма. Люди были озадачены, удивлены, ошарашены; перешептываясь, они с ужасом и удивлением взирали на происходящее.

Бетрис повернулась и, прильнув к уху Кэсерила, взволнованно зашептала:

— Кэсерил! Что все это значит? Бастард всегда забирает себе то, *что остается*, что никому больше не нужно. Всегда. Это… Это его обязанность. Он не может не забрать то, что отвергнуто другими Богами. Я думала, он *уже* забрал душу Дондо.

Кэсерил, ошеломленный произошедшим, стоял не шелохнувшись. Наконец он проговорил:

— Если ни один из Богов не забрал душу покойного… значит, она по-прежнему пребывает в мире. Я хочу сказать, если она не *там*, она — *здесь*! Где-то среди нас…

Неуспокоившаяся грешная душа! Призрак! *Проклятый и обреченный на вечные скитания в мире живых.*

Церемония запнулась. Архиепископ и канцлер ди Джиронал обошли священный огонь и, встав в отдалении, принялись шепотом совещаться, а может быть, и спорить, о чем толпа могла составить суждение на основе резких отрывочных фраз, долетавших до ушей собравшихся, уми-

равших от любопытства. Наконец архиепископ вышел вперед и подозвал к себе другого служку Бастарда. Тот, выслушав нечто сказанное ему на ухо, быстро убежал. Небо быстро темнело. Помощник священника, вероятно по собственной инициативе, взмахнул руками и исторг из глоток стоящих рядами певчих, очередной гимн. Ко времени, когда канцлер и архиепископ закончили совещание и вернулись на свои места, закончилась и песня.

И тем не менее ничего не происходило. Певчие завели очередной гимн. Жаль, подумал Кэсерил, что книжка Ордола «Пять дорог к высшей цели», которую он клал на физиономию, чтобы днем подремать, осталась в Валенде. Там, наверняка что-нибудь да сказано про такие случаи. Если дух Дондо не попал к хозяину демона, к Бастарду, то где он? А если демон в любом случае должен был вернуться к Бастарду с двумя наполненными ведрами, то где сейчас исторгнутая из тела душа неизвестного убийцы Дондо? И еще вопрос: и где, скажите пожалуйста, был сам демон? Кэсерил никогда не любил копаться в теологических нюансах, считая это занятие непрактичным, интересным лишь мечтателям, — пока сам не столкнулся с этим кошмаром.

Кто-то царапался у его ног. Кэсерил глянул вниз и увидел возле своего башмака белую крысу. Подрагивая розовым носиком, зверек тянулся вверх. Кэсерил нагнулся и поднял крысу, намереваясь отдать служке. Оказавшись в ладонях Кэсерила, крыса радостно завертела хвостиком и лизнула его в большой палец.

К удивлению Кэсерила, запыхавшийся служка привел к Храму Умегата, который был одет в свой обычный наряд. Но что более всего поразило Кэсерила, так это белая аура, которая окружала рокнарийца, — так окно, выходящее на морские просторы, осиянные восходящим солнцем, обрамляет фигуру стоящего перед ним человека. Кэсерил даже закрыл глаза, хотя и понимал, что ауру он видит не ими — белое сияние, окружавшее Умегата, ощущалось и сквозь веки. Но это было не все. На темном фоне прикрытых век он прямо перед собой увидел еще две ауры, перед ними — трепещущее, беспокойное сияние, а чуть в стороне — зеленую искру света. Открыв глаза, Кэсерил увидел остановившийся на нем внимательный взгляд Умегата и почувствовал себя раздетым. Но Умегат отвел глаза и, с поклоном подойдя к архиепископу, принялся слушать, что тот говорит ему на ухо.

Посовещавшись с грумом, архиепископ подозвал служку Бастарда, которая уже успела поймать одну из своих двух подопечных. Девушка передала крысу Умегату, и тот, мягко удерживая ее в одной руке, вопросительно посмотрел на Кэсерила, после чего, извиняясь за причиняемое беспокойство, стал пробираться сквозь толпу придворных по направлению к нему. Кэсерил не мог понять, почему придворные не расступаются перед мощной белой аурой рокнарийца — как морские волны расступаются под носом клипера. Но те едва удостаивали Умегата своим взглядом. Наконец грум добрался до Кэсерила и протянул руку. Тот непонимающе посмотрел на Умегата.

— Священную крысу, милорд! — негромко произнес королевский грум.

— О!

Зверек по-прежнему с неизъяснимым удовольствием нежился в ладонях Кэсерила и был страшно недоволен, когда Умегат его забрал. Вторая крыса, увидев, что ладони Кэсерила освободились, хотела уже броситься туда, но Умегат, удержав ее, отправился назад, к ожидающему его архиепископу. Кэсерилу показалось, что он сходит с ума, но он точно видел, что архиепископ с трудом сдерживается, чтобы не поклониться

королевскому груму. Впрочем, для всех присутствовавших ничего странного не было в том, что Менденаль в этой непростой и странной ситуации послал за главным королевским специалистом в деле ухода за животными. Странным все казалось лишь Кэсерилу.

Подняв крыс прямо к своему лицу, Умегат что-то прошептал, после чего приблизился к телу Дондо. Крысы спокойно сидели на руках грума, но ни одна из них не захотела даже взглянуть на гроб с покойным — Бастард не желал обладать душой этого человека. Время тянулось и тянулось, но ничего не происходило. Наконец Умегат, словно извиняясь, покачал головой и, поклонившись архиепископу, отдал крыс девушке-служке, которая, не находя себе места от волнения, стояла чуть поодаль.

Упав ничком между светильником и гробом, архиепископ принялся молиться, но вскоре поднялся на ноги. Служки забегали по двору с факелами, зажигая лампы, установленные на стенах, окружавших двор. Подозвав носильщиков, архиепископ приказал им взять гроб и нести его к сложенному заранее погребальному костру. Те двинулись, сопровождаемые скорбной песней хора.

Вернулась Изелль. Она подошла к Бетрис и Кэсерилу, потирая тыльной стороной ладоней обведенные черными кругами глаза.

— Больше не могу, — сказала она. — Это выше моих сил. Пусть ди Джиронал сам смотрит, как жарят его братца. Лорд Кэс! Отведите меня домой!

Маленькая свита принцессы выбралась из толпы скорбящих и вышла через передний портик Храма на сырые улицы осеннего города. За ними из Храма потянулись и другие.

Грум Умегат, стоящий у колонны, подошел к ним и поклонился.

— Милорд Кэсерил! Могу я с вами поговорить?

Кэсерила удивило то, что аура, окружавшая Умегата, не отражалась на мокрых плитах, лежавших у него под ногами. Жестом извинившись перед Изелль, он отошел с рокнарийцем. Женщины остались ждать его у края портика, при этом Изелль опиралась на руку Бетрис.

— Милорд! — проговорил Умегат. — Я хотел бы при первом удобном для вас случае поговорить с вами наедине.

— Я приду в ваш зверинец, как только доставлю Изелль в ее апартаменты.

И, поколебавшись, Кэсерил добавил:

— А вы знаете, что вы сияете, как зажженный факел?

Грум склонил голову.

— Так мне говорили, милорд, те немногие, кто видит не только то, что видят глаза. Увы, сами мы не в состоянии себя увидеть. Ни одно земное зеркало, способно отразить это сияние. Только глаза самой души способны на это.

— Там была женщина, которая сияла, словно зеленая свеча.

— Мать Клара? О да, она мне о вас говорила. Мать Клара — замечательная повитуха.

— Так чем же является это свечение? — спросил Кэсерил, бросив взгляд в сторону, где его дожидались дамы.

Умегат коснулся губ пальцем, словно призывал к молчанию.

— Не здесь, милорд, — сказал он, — прошу вас!

Кэсерил согласно кивнул.

Рокнариец низко поклонился ему и, прежде чем повернуться и раствориться в темноте, сказал:

— Вы сами, милорд, сияете, как горящий город.

13

Принцесса была настолько вымотана странной церемонией похорон лорда Дондо, что ко времени, когда они добрались до замка, едва переставляла ноги и постоянно спотыкалась. Кэсерил, оставив Нан ди Врит и Бетрис с принцессой, которую те прямиком отправили в постель, и приказав слугам принести дамам ужин, вышел из главного здания и отправился к воротам Зангры. На мгновение остановившись, он посмотрел в сторону города — не виден ли над Храмом дым, и ему показалось, будто нависшие над ним облака отдают оранжевым свечением. Впрочем, было слишком темно, и сказать что-либо определенное Кэсерил не мог.

Сердце его подпрыгнуло, когда он, пересекая дворик перед конюшнями, услышал вокруг себя

хлопанье крыльев. Это были вороны с башни короля Фонзы. Отмахнувшись от двух из них, которые норовили сесть ему на плечи, Кэсерил затопал ногами. Но вороны не улетели, а продолжали сопровождать его, пусть и на расстоянии, до самых ворот зверинца.

Здесь, в свете ламп, освещавших ворота, его ждал один из помощников Умегата, маленький пожилой человек с обрубленными большими пальцами рук и с обрезанным языком — обстоятельство, объяснявшее то, что приветствовал он Кэсерила дружественным мычанием, которое для верности сопровождалось дружественными же жестами. Приоткрыв ворота, он пропустил Кэсерила вперед, а сам принялся отпугивать ворон, которые намеревались ворваться внутрь; одну самую настойчивую ему пришлось отбросить ударом ноги, после чего он закрыл ворота.

Свеча, которой помощник Умегата освещал их путь по коридору, была прикрыта сверху стеклянным колпаком. Звери, сидевшие по краям коридора в своих вольерах, шумно вдыхали воздух и топали лапами, прижимаясь к решеткам и вглядываясь из темноты в проходящих. Глаза леопарда сияли, словно зеленые искры, а исторгаемый из самого его нутра рык был отнюдь не

враждебным, а скорее — вопрошающим.

Грумы, работающие в зверинце, спали в одной половине второго этажа, в то время как другая была отдана под хранение корма и соломы. Дверь туда была открыта, и в коридор проникал скудный свет свечи. Провожатый Кэсерила постучал о косяк двери; Умегат отозвался:

— Спасибо! Очень хорошо!

Помощник Умегата, поклонившись, посторонился. Кэсерил вошел в узкую, но опрятную комнату с окном, выходящим на конюшни. Умегат задернул штору на окне и выдвинул вперед грубоватый сосновый стол, укрытый яркой скатертью, на которой стоял кувшин с вином, глиняные чашки и тарелка с сыром и хлебом.

— Благодарю вас, что пришли, лорд Кэсерил, — произнес хозяин комнаты, — присаживайтесь. И спасибо тебе, Дарис! Можешь идти.

Дарис вышел, Умегат закрыл за ним дверь. Прежде чем опуститься на стул, предложенный хозяином, Кэсерил задержался у полки с книгами. Заголовки здесь были и ибранские, и дартаканские и, естественно, рокнарийские. Внимание Кэсерила привлекли золотые буквы на знакомом корешке: Ордол, «Пять дорог к высшей цели». Кожаный переплет был потрепан, сам томик, как

и все, стоящие рядом, не носил на себе следов пыли. Книгами пользовались постоянно. Книги — преимущественно по теологии. *Почему, однако, меня это не удивляет?*

Наконец Кэсерил сел на простой деревянный стул. Умегат взял глиняную чашку и, налив в нее тяжелого красного вина, улыбнулся и протянул гостю. Кэсерил благодарно обхватил сосуд подрагивающими ладонями.

— Спасибо! Это именно то, что мне нужно.

— Так я и думал, милорд! — отозвался Умегат и, налив вина себе, сел за стол напротив Кэсерила. Стол был простой и незатейливый, но обилие горящих свечей придавало ему некий даже торжественный вид. Да, это была комната, в которой много читали.

Кэсерил поднял чашку и отпил вина. Когда он вновь поставил ее на стол, хозяин немедленно подлил вина, дополнив сосуд до краев. Кэсерил закрыл глаза и тут же открыл их вновь. Закрытыми были глаза или нет — Умегат по-прежнему источал сияние.

— Как я понимаю, вы не просто грум, — произнес Кэсерил. — Так?

Умегат смущенно откашлялся.

— Да, — ответил он. — Я принадлежу к ордену

Бастарда. Хотя здесь я нахожусь совсем по иной причине.

— И по какой?

— Мы об этом еще поговорим, — ответил Умегат и, взяв в руку столовый нож, принялся нарезать хлеб и сыр.

— Я думал, — проговорил Кэсерил. — Я надеялся… Мне казалось, а вдруг вас послали Боги, чтобы направлять и защищать меня?

Умегат иронически скривил губы.

— Вот как? Мне казалось, что Боги послали вас, чтобы направлять и защищать *меня*!

— Вот как?

Кэсерил уселся поудобнее и пригубил вина.

— Но тогда это не то, о чем я думал, — сказал он. — И когда вам начало так казаться?

— Когда вороны с башни короля Фонзы буквально атаковали вас с криками «Это он! Это он!». Бог, которому я служу, иногда говорит двусмысленные вещи, но в этом случае ошибиться было трудно.

— Я тогда сиял?

— Нет.

— И когда же это началось?

— Где-то в промежутке между тем моментом, когда я видел вас в последний раз — вы шли в

замок, хромая так, словно вас сбросили с лошади, — и сегодняшней встречей в Храме. Думаю, вы лучше знаете о точном времени, когда это началось.

Посмотрев в глаза Кэсерила, Умегат предложил:

— Поешьте, милорд! Вы выглядите нездоровым.

Кэсерил ничего не ел с полудня, когда Бетрис принесла ему хлеба с молоком. Умегат дождался, когда его гость набил рот сыром с хлебом, после чего сказал:

— Когда я был молод и служил священником, одной из моих многочисленных обязанностей было ассистировать храмовому дознавателю по части дел, связанных с магией смерти.

Кэсерил едва не подавился сыром, Умегат же продолжал как ни в чем не бывало:

— Или чудом смерти, если сформулировать теологически более точно. Нам удалось тогда разоблачить немало искусных имитаций, связанных, как правило, с использованием яда, хотя менее изобретательные убийцы применяли и более грубые методы. Я вынужден был объяснять им, что Бастард никогда не казнит грешников с помощью кинжала или, скажем, большого мо-

лотка. Истинные чудеса — вещь гораздо более редкая, чем уверяет нас молва. Но мне никогда не приходилось сталкиваться с реальным актом магии смерти, где жертва была абсолютно невинна. Если выразить эту мысль более тонко и деликатно, то можно утверждать, что чудо, на которое способен Бастард, — это чудо справедливости.

Голос Умегата становился все более решительным и резким; тон почтительной вежливости исчез из нее вместе с рокнарийским акцентом.

— Понятно, — пробормотал Кэсерил и вновь пригубил вина. *Да это самый остроумный из людей, что я встретил в Кардегоссе. И я целых три месяца смотрел на него и не видел этого — только потому, что он носил одеяние слуги.* Ясно, Умегат просто не хотел привлекать к себе внимание.

— Одежда слуги — отличный плащ-невидимка, — сказал Кэсерил.

— О, да, — с улыбкой проговорил Умегат и пригубил вина.

— Так вы теперь… вы здесь — как дознаватель?

Неужели для него все теперь кончено? Ему, вероятно, предъявят обвинение пусть и в неудачной, но попытке совершить покушение на Дондо.

Предъявят, осудят и казнят?

— Больше нет, — покачал головой Умегат.

— Так кто же вы тогда?

Кэсерил был безмерно озадачен, когда глаза Умегата заискрились смехом, и он произнес:

— Я — *святой*.

Кэсерил уставился на Умегата и смотрел на него долго-долго, после чего залпом осушил чашку. Умегат, дружески улыбнувшись, вновь наполнил ее. Сегодня выдался настолько странный денек, что Кэсерил ни в чем не мог быть уверенным, но он совсем не думал, что Умегат сумасшедший или лжет.

— Святой? — переспросил он. — Бастарда?

Умегат кивнул.

— Но это не вполне… не вполне обычная роль. Особенно для рокнарийца. Как вы пришли к этому?

Вопрос был абсолютно бессмысленный, но чего еще ждать от человека, который на пустой желудок опрокинул пару чашек вина? Голова у Кэсерила действительно шла кругом.

Умегат грустно улыбнулся. Взгляд его, казалось, был направлен не на собеседника, а куда-то внутрь, в глубины собственной души.

— Вам расскажу только правду. Имена уже не

имеют значения. Это случилось давно, пролетела целая жизнь. Я жил в те годы на Архипелаге, был юным лордом, и я влюбился.

— В юности это происходит и с лордами, и с нищими. И не только на Архипелаге.

— Моему возлюбленному было около тридцати. У него был острый ум и доброе сердце.

— Но вы же жили на Архипелаге! Как такое возможно?

— Так уж вышло. В те годы я совершенно не интересовался религиозными вопросами. Но по каким-то причинам этот человек был тайным квинтарианцем. Мы собирались убежать. Вместе. Я сел на корабль, идущий в Браджар. Он не смог. В море я страдал от морской болезни и отчаяния и, как я думал, научился молиться. Я надеялся, что он сядет на другой корабль, и мы встретимся в портовом городе, который избрали нашей целью. Только через год с лишним я узнал, как он встретил свой конец. Об этом мне рассказал рокнарийский купец, с которым мы оба были знакомы.

Кэсерил пригубил вина.

— С ним поступили, как обычно поступают в таких случаях? — спросил он.

— Ну да! Отсекли гениталии и большие пальцы

— чтобы пальцев было по числу их Богов.

Умегат, сложив ладонь так, чтобы большой палец спрятался в ладони, тронул лоб, сердце, живот и пах — так делают рокнарийцы, не признающие пятого из Богов, Бастарда.

— Язык они не тронули, надеясь, что он предаст остальных. Но он этого не сделал и погиб мучеником. Его повесили.

Кэсерил открытой ладонью тронул лоб, губы, сердце, живот и пах.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Умегат кивнул.

— Я много думал об этом, — произнес он. — По крайней мере, в те часы, когда не был пьян и не занимался всевозможными глупостями. Молодость, сами понимаете! До всего доходишь с трудом. Но однажды я пришел в Храм.

Он глубоко вздохнул и, помолчав мгновение, продолжил:

— И орден Бастарда принял меня. Они дают приют бездомным, становятся друзьями тем, кто уже отчаялся найти родственную душу, возвращают чувство собственного достоинства униженным и оскорбленным. Они дали мне работу… Я был очарован.

Святой Храм. Кэсерил чувствовал, что Умегат

опускает некоторые детали. И этих деталей достало на сорок с лишком лет. Впрочем, ничего удивительного не было в том, что такой умный, энергичный и целеустремленный человек поднялся в храмовой иерархии на такие высоты. Голова у него закружилась лишь при описании того, как полная луна сияет над покрытой снегом долиной. Умегат был мастером метафор.

— Отлично! Замечательно! Организация больниц, школ… расследования. Все это здорово. Только объясните мне — почему все-таки вы в темноте издаете сияние?

Умегат потер шею и, мягко потянув себя за косичку, спросил:

— А вы понимаете, что это такое — быть святым?

Кэсерил откашлялся.

— Должно быть, вы очень добродетельны, так? — произнес он.

— Вовсе нет. Совсем не обязательно быть добрым, мягким, любить людей и прочее.

В глазах его неожиданно блеснула искорка насмешки.

— Все дело в том, что… новый, неожиданный опыт меняет твои вкусы и предпочтения. То, что казалось страстно желанным, перестает быть

таковым. Стремление обладать, гордость, тщеславие, гнев — все эти страсти теперь кажутся убогими и недостойными времени, которое тратишь на их удовлетворение.

— А желания особого рода?

Кэсерил не стал уточнять.

— Ах, это?

Лицо Умегата просветлело.

— Что касается этих желаний, то изменения почти не коснулись их. Или, сказал бы я, наоборот, они полностью изменились. Плотские желания, очищенные от грубости и эгоизма, от всех этих убогих наслоений, превратились в любовь. Но в центре всего, как я думаю, лежит не стремление к добродетели, а то, что живущее в твоем сердце зло вытесняется Богом, которому ты посвящаешь свою жизнь.

Умегат осушил чашку и продолжил:

— Боги любят великодушных мужчин и женщин, посвятивших им себя, как скульптор любит свой мрамор. Но в основе этой любви — не добродетель, а воля. Именно она становится резцом и молотом в руках Бога-скульптора. Кто-нибудь цитировал вам классическую проповедь Ордола относительно чашек?

— Это там, где говорится про святого, кото-

рый все орошает своей живительной влагой? Я, первый раз услышал эту проповедь, когда мне было лет десять. Помню, мне стало смешно. Если святой все орошает, то у него наверняка будут мокрые башмаки. Но что вы хотите? Мне было десять, и, наверное, в нашем храме не нашлось священника, который смог бы толком объяснить юному Кэсерилу, что там к чему.

— Внимайте же, и, уверяю, скучно вам не будет.

Умегат перевернул свою чашку и, поставив ее на скатерть донышком вверх, произнес:

— Человек свободен в своей воле. И если он не желает этого, Боги не способны войти в его душу — так же, как я не сумею налить вина в эту чашку через донышко.

— Умоляю, не тратьте зря вино, — запротестовал Кэсерил, увидев, что Умегат потянулся за кувшином. — Я уже видел этот фокус.

Умегат усмехнулся, но протесту внял и вино лить не стал.

— Значит, вы уже понимаете, — продолжил он, — насколько бессильны Боги, если самый бесправный раб способен исключить их из своего сердца. А если он исключает их из сердца, то исключает и из мира, потому что лишь че-

рез человеческие души Бог способен явиться к нам. Если бы все было иначе и Боги могли по собственному желанию овладеть душой любого из нас, человечество превратилось бы в сборище кукол, марионеток. Действовать в этом мире Боги способны лишь в тех случаях, когда человек или иное живое существо открывается им по своей собственной воле. Иногда они проникают сюда с помощью животных, что очень трудно. Иногда им помогают даже растения, хотя это — невыносимо трудно. А иногда…

Умегат перевернул и поставил чашку на скатерть, после чего поднял кувшин.

— …иногда человек открывается Богам, и тогда, уже через него, их воля входит в наш мир.

Он наполнил чашку вином.

— Святой обладает не добродетельной душой, а скорее пустой. Он или она свободно, по собственной воле, отдает ее Богу, которого себе избрал. И, отрекаясь от своего собственного, маленького *я*, он позволяет Богу утвердить в мире *Я* божественное. Отрекаясь от желания действовать самому, он дает возможность действовать Богу.

Подняв чашку, Умегат поверх ее края посмотрел на Кэсерила и, выпив, добавил:

— Вашему священнику не следовало лить воду.

Так не завладеть вниманием слушателей. Вино! Только вино! Или кровь. То есть жидкость со смыслом.

Кэсерил только хмыкнул.

Откинувшись на спинку стула, Умегат некоторое время изучал Кэсерила. Тому было понятно, что изучает он не тело его, а нечто иное. *Но скажите мне, что бывший священник рокнарийского Храма, а ныне святой Бастарда делает в Зангре, притворившись грумом местного зверинца?* Правда, вслух Кэсерил смог произнести только:

— Но что вас привело *сюда*?

Умегат пожал плечами.

— Воля Бога, — сказал он и, сочувственно улыбнувшись, добавил:

— А Бог, как я понимаю, хочет, чтобы король Орико жил и здравствовал.

Кэсерил выпрямился, отчаянно борясь с головокружением.

— Так Орико болен?

— Да. Это государственная тайна, хотя человеку с глазами и умом все уже давно понятно. И тем не менее… Говорить об этом нельзя!

Умегат поднял указательный палец к губам, призывая к неразглашению столь важных сведений.

— Но ведь, насколько мне известно, лечить недуги — это забота Матери и Дочери, — сказал Кэсерил.

— Да, если болезнь имеет естественные корни.

— А здесь что, неестественные?

Кэсерил задумался и спросил:

— Темная аура вокруг короля — вы ее тоже видите?

— Вижу. — Но ведь такая же аура окружает и Тейдеса, и Изелль. А еще и королеву Сару. Что же это за зло, о котором нельзя говорить?

Уменгат поставил чашку на стол и, потянув себя за косичку, вздохнул.

— Все это восходит к временам короля Фонзы Мудрого и Золотого генерала. Для вас, как я полагаю, все это — сказки и легенды. А мне в те жуткие времена довелось жить.

И, сменив тон на менее торжественный, Умегат продолжил:

— Знаете, я видел генерала. Один раз. Меня послали в его королевство шпионом. Я ненавидел все, что было ему дорого, и все, за что он воевал. Но если бы он сказал мне слово… одно только слово… я на коленях пополз бы за ним и навсегда сделался его сторонником. Стал бы самым верным его подданным. Он не просто был отме-

чен Богами. Он был воплощением Бога и явился в этот мир в нужное время и в нужном месте, чтобы изменить его к лучшему. Для достижения своей цели ему оставалось сделать всего один, маленький шажок, и тут в дело вмешался Фонза, обратившийся за помощью к Бастарду. Вы знаете, чем все закончилось.

В голосе Умегата, который до этого вел рассказ вполне спокойно и бесстрастно, послышались нотки благоговения. Ясно было, что он погрузился в самые глубины своей памяти.

Но прошло несколько мгновений, и Умегат вновь посмотрел на Кэсерила. Вспомнив, что гостю следует улыбаться, он вытянул вперед ладонь с поднятым вверх большим пальцем и пошевелил им из стороны в сторону.

— Хотя Бастард в семье самый слабый, он — Бог равновесия. Посмотрите на ладонь. Без большого пальца ей никуда! Попытайтесь без него что-нибудь ухватить! Не тут-то было! Сказано: если один из Богов начинает доминировать над всеми другими, останется всего одна правда — ясная, простая и совершенная. И мир тогда попросту исчезнет во вспышке яркого света. Некоторым людям, тем, у кого особо рациональный склад ума, эта идея кажется привлекательной. Я же

нахожу ее ужасной, чудовищной! Но что с меня взять? Совершенным вкусом я никогда не отличался. Но вернемся к Бастарду. Поскольку он не связан ни с одним из времен года, он и странствует от Бога к Богу, поддерживая равновесие. Благодаря ему мы еще живы.

И, словно иллюстрируя свою мысль, Умегат принялся по очереди касаться кончика большого пальца кончиками других пальцев: вот Дочь в союзе с Бастардом, вот Мать, вот Сын, а вот и Отец. После этого он продолжил:

— Золотой генерал был последней волной судьбы, готовой обрушиться на человечество. Фонза смог уравновесить мощь его души своей душой, но судьба генерала была ему не по плечу. И когда демон смерти унес их, ее избыток пролился на потомков короля Фонзы, и род их был с тех пор обречен на неудачу и горечь поражений. Та черная аура, что вы видите вокруг потомков Фонзы — это неосуществившаяся судьба Золотого генерала, омрачающая судьбу враждебного ему рода, царящего в Шалионе. Его проклятие, если хотите.

Кэсерил покачал головой. Теперь ему стало понятно, почему и Иас, и Орико терпели неудачу во всех своих военных кампаниях.

— Но как снять проклятие? — спросил он.

— За все эти годы я так и не узнал ответа на этот вопрос. Может быть, проклятие будет снято со смертью последнего из рода Фонзы.

Но ведь это — нынешний король, а после него — Тейдес, Изелль!

— А может быть, — продолжал Умегат, — оно, словно яд, будет медленно разрушать и ныне живущих, и их потомков. Проклятие могло убить Орико уже несколько лет назад, но его общение со священными животными восстанавливает ему силы, хотя и ненадолго. Зверинец отодвигает день смерти короля, хотя Бог и не сказал мне, почему так происходит.

Голос Умегата зазвучал угрюмо. Подумав, он продолжал:

— Боги не пишут писем с инструкциями. Не пишут даже своим святым. В своих молитвах я постоянно спрашивал: что мне делать? Кто мне поможет? Часами сидел с чернилами, сохнущими на кончике пера, полностью пребывая в его власти. А что в конце концов он мне прислал? Какую-то сверх меры взволнованную ворону, знавшую всего одно слово.

Чувство вины переполняло Кэсерила. По правде говоря, смерть вороны он переживал гораздо более тяжело, чем смерть Дондо.

— Вот этим я здесь и занимаюсь, — подытожил Умегат.

И, пристально посмотрев на собеседника, он спросил:

— А *вы* что здесь делаете?

Кэсерил беспомощно развел руками.

— Умегат! Я не знаю.

И добавил едва ли не умоляющим тоном:

— А может быть, вы мне скажете? Вы же сказали, что я… сияю. Как кто? Как вы? Или как Изелль? Или Орико?

— Такого, как вы, я не видел ни разу с тех пор, как мне открылось внутреннее зрение. Изелль — просто свеча. А вы — настоящий пожар. На вас даже больно смотреть.

— Я совсем не ощущаю себя пожаром.

— А кем тогда?

— Сейчас? Кучей навоза. Мне плохо. Я пьян.

Кэсерил поболтал остатками вина на дне своей чашки.

— У меня живот крутит.

Сейчас, правда, его желудок находился в относительном покое, хотя тупая боль прошла не вполне.

— И я устал, как последняя собака, — продолжил он. — Такой усталости я не ощущал с тех пор,

как валялся без сил в приюте в Загосуре.

— Я думаю, теперь очень важно, чтобы вы рассказали мне всю правду, — сказал Умегат.

Губы его по-прежнему улыбались, хотя в серых глазах горел неумолимый огонь. Кэсерил подумал: а ведь хороший дознаватель действительно должен уметь влезть в душу, чтобы вытащить из подозреваемого всю его подноготную. И винца нальет, чтобы напоить, и сыру предложит.

Вы же все рассказали мне о своей жизни. Стоит ли теперь упираться? Это нечестно.

— Я прибег к магии смерти прошлой ночью, чтобы убить Дондо ди Джиронала.

Умегат не выказал ни удивления, ни ужаса — только стал слушать еще внимательнее.

— Понятно, — сказал он. — Где?

— В башне Фонзы. Я пролез туда через крышу. Крыса у меня была. А вот ворона… Она сама пришла ко мне. Она не боялась. Я же ее кормил…

— Продолжайте, — тихо проговорил Умегат.

— Убил крысу, потом бедную ворону, а потом молился. И тут мне стало больно. Очень больно. Я никак не ожидал такого. Я не мог дышать, свеча погасла. И я сказал *спасибо*, потому что почувствовал…

Слова изменили Кэсерилу. Да и как рассказать

о том странном покое, который снизошел на него? Словно он наконец попал туда, где наконец отдохнет, отдохнет вдали от всех опасностей, и отдых его будет продолжаться вечно.

— А потом я потерял сознание. Мне показалось, что я умираю.

— А потом?

— А потом — ничего. Я проснулся ранним утром. Был туман, меня тошнило, я замерз и чувствовал себя последним дураком. Хотя подождите! У меня был кошмар: я словно наяву видел смерть Дондо. Он задохнулся! Но я знал, что моя затея провалилась. Я пополз назад, добрался до постели, а потом в мою комнату ворвался канцлер ди Джиронал.

Некоторое время Умегат постукивал кончиками пальцев по поверхности стола, глядя на Кэсерила через щелочки прищуренных глазами, после чего полностью прикрыл глаза и вновь открыл. Наконец он произнес:

— Милорд! Могу я коснуться вас?

— Конечно!

Рокнариец склонился к нему, и Кэсерил внутренне напрягся — а не затевает ли Умегат нечто неприличное? Но тот с профессионализмом врача приложил ладонь ко лбу Кэсерила, потом к лицу, шее, позвоночнику, животу… Ниже он не

пошел, и Кэсерил успокоился. Закончив осмотр, рокнариец поднялся, чтобы взять из стоящей у дверей корзины еще один кувшин вина, и вернулся к столу.

Кэсерил прикрыл свою чашку ладонью.

— С меня довольно, а то я домой не дойду.

— Вас чуть позже отведут мои грумы.

Впрочем, настаивать на том, чтобы Кэсерил выпил еще, он не стал. Наполнив свою чашку, он сел и принялся кончиком пальца чертить на скатерти некую фигуру (Кэсерил не мог понять — то ли это некий тайный знак, то ли просто нервы), после чего сказал:

— Если принимать во внимание реакцию священных животных, то ни один из Богов не принял душу Дондо ди Джиронала. Обычно в этих случаях неуспокоенная душа усопшего остается среди живых, и тогда друзья и родственники, а также враги спешат в Храм, чтобы заказать молитвы и обряды. Некоторые — за упокой усопшего, а некоторые — чтобы защитить себя.

— Я уверен, — сухо ухмыльнулся Кэсерил, — что Дондо получит все молитвы, которые только можно купить за деньги.

— Надеюсь.

— Но почему? Что… Что вы знаете?

Умегат посмотрел в глаза Кэсерилу и повел носом, словно принюхиваясь.

— Дух Дондо был взят демоном, но Боги не приняли его. Это мы знаем. Я убежден, что демон смерти не смог вернуться к своему хозяину потому, что ему запретили забрать вторую душу, вес которой уравновесил бы тяжесть первой.

Кэсерил облизнул губы и, с трудом сдерживая страх, хрипло спросил:

— Как это — *запретили*?

— В тот момент, когда он попытался сделать это, его поймали, захватили… он был связан, если хотите, иной силой. Произошло какое-то другое чудо, и свершилось оно одновременно с чудом смерти. Если судить по цвету источаемого вами сияния, то можно сказать, что проистекало оно от Госпожи Весны. Если я прав, то служители Храма могут спокойно ложиться спать, ибо дух Дондо ничем им не грозит. Он привязан к демону смерти, а тот в свою очередь — к тому месту, где пребывает вторая душа, которая, как мы все прекрасно понимаем, сосредоточена в живом теле.

И Умегат ткнул пальцем в Кэсерила:

— В этом!

Челюсть у Кэсерила отвисла. Он глянул на свой больной, чуть опухший живот, перевел глаза на

святого, сидевшего напротив, вспомнил ворон Фонзы, которые, словно пребывая в трансе, следовали за ним по пятам. Вопль протеста поднялся было к его губам, но он осекся, остановленный видом чистой, незамутненной ауры, окружающей Умегата.

— Но я не молился вчера Дочери! — произнес он.

— Скорее всего, это делал кто-то другой.

Изелль!

— Принцесса сказала, что она молилась. Вы видели ее сегодня так, как видел я?

Кэсерил судорожно размахивал руками, не находя слов, чтобы выразить свои ощущения от того, чему свидетелем он был.

— Было ли в ней то, что вы нашли во мне? А она? Она видит меня так же, как я вижу ее?

— Она что-нибудь об этом говорила?

— Нет. Но и я ничего не говорил!

Умегат, чуть скосив глаза в сторону, посмотрел на Кэсерила.

— Наверное, когда вы были на Архипелаге, — сказал он, — вы видели по ночам море, тронутое прикосновением Матери. Зеленое свечение за кормой проходящего корабля. Видели?

— Да.

— Подобное свечение коснулось и Изелль. Там прошла Дочь, оставив после себя благоуханный след. В вашем случае дела обстоят несколько иначе. В вас же я вижу не След, но Присутствие. Благословение. Только еще более глубокое и сильное. Ваша аура медленно рассасывается. Священные животные будут очаровываться вами еще день-другой, но свечение исчезнет, и они успокоятся. Но в центре вашего тела я вижу большой голубой сапфир. Капсула. Внутрь этой капсулы мне не заглянуть — это за пределами моих возможностей.

И он сложил ладони вместе — так, словно хотел удержать в них, не повредив, большую живую улитку.

Кэсерил, едва не задохнувшись от волнения, сглотнул и спросил:

— Вы что, хотите сказать, что Бог превратил мой живот в маленький анклав ада? Один демон, одна пропащая душа, заточенные вместе, как две змеи в бутылке?

И он ухватился обеими руками за живот, словно намереваясь вырвать себе кишки.

— И вы называете это *благословением*?

Лицо Умегата оставалось серьезным, хотя брови и приподнялись сочувственно.

— Все зависит от системы координат, которые вы налагаете на объект. В одной системе это — проклятие, в другой — благословение. Точка зрения — вот что важно! Если вас это утешит, то, как мне кажется, Дондо ди Джироналу нынче гораздо менее сладко, чем вам.

И, подумав, Умегат добавил:

— Да и демон, наверное, не вполне счастлив.

Кэсерил, сидя на своем стуле, едва не бился в судорогах.

— О, Боги! — воскликнул он. — И как я избавлюсь от этого… этого ужаса?

Умегат предостерегающе поднял руку:

— Не советую форсировать события. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

— Как? Непредсказуемыми? Неужели что-то может быть более непредсказуемым, чем этот чудовищный кошмар, поселившийся у меня в брюхе?

Умегат облокотился на спинку стула и, задумчиво сложив ладони вместе, проговорил:

— Самый логичный способ освободиться от… от благословения — это умереть. Когда ваша душа освободится от своего материального вместилища, демон подхватит ее и унесет вместе с душой Дондо.

Холодок пробежал по позвоночнику Кэсерила. Он окончательно протрезвел, вспомнив, как скрутило у него живот, когда утром он перепрыгивал с крыши башни Фонзы на крышу главного здания — демон явно хотел ему помешать и убить. Чтобы не сойти с ума от страха, Кэсерил нашел убежище в юморе — как это делал Умегат.

— Просто замечательное средство! — проговорил он. — И какие еще лекарства есть в вашем распоряжении, мой любезный доктор?

Умегат, ухмыльнувшись, показал глазами, что оценил шутку.

— Ну, допустим, чудо. Подобное тому, что совершила Госпожа Весны.

Умегат раскрыл ладони, словно выпускал сидевшую там птичку.

— Я думаю, и в этом случае демон немедленно предпримет попытку до конца исполнить свою работу. У него нет выбора — демоны Бастарда не наделены свободной волей. Нет никакого смысла спорить с ними, убеждать. Даже говорить с ними бесполезно.

— То есть вы хотите сказать, что я могу в любой момент умереть?

— Именно! А что, это сильно отличается от того, как вы жили все это время? — спросил Умегат и

испытующе-холодно посмотрел на собеседника.

Кэсерил хмыкнул. Да, небольшое утешение. Хотя все-таки утешение, пусть и несколько замысловатое. Похоже, Умегат был вполне разумный святой, чего Кэсерил никак не мог ожидать… Впрочем, разве до этого у Кэсерила были контакты со святыми? Откуда ему было знать, какие они в деле. *Но как мне повезло! Я бы мог просто пройти мимо этого типа и не заметить!*

Умегат же вдруг заговорил в несколько ином тоне. Теперь перед Кэсерилом сидел исследователь, ученый.

— Ваш случай, надеюсь, позволит мне ответить на вопрос, который меня давно интересует. Я хочу узнать, сколько у Бастарда демонов — один или целый полк. Если мы перестанем получать известия о новых удачных экспериментах с магией смерти, это будет означать, что священные силы Бастарда представлены в одной-единственной демонической сущности.

Кэсерил не смог удержаться от смеха.

— Это будет мой вклад в квинтарианскую теологию. Но, Умегат! Скажите, ради всех Богов, что мне делать? В моем роду не было случаев подобного безумия, пусть и вызванного Богами. Это занятие не для меня! *Я* же не святой!

Умегат открыл было рот, но потом закрыл. Подумав, он наконец сказал:

— Ко всему привыкаешь. Когда я в первый раз лично столкнулся с чудом, мне тоже было несладко. Но я профессионал, так сказать. Это моя работа. А вам бы я посоветовал напиться сегодня до потери всякой сознательности и завалиться спать.

— То есть проснуться назавтра не только с демоном в животе, но еще и в жутком похмелье?

Он и представить не мог, как сможет заснуть после таких открытий. Разве что кто-то хорошенько стукнет его по голове, и он потеряет сознание.

— Мне это когда-то помогло, — проговорил Умегат. — Похмелье, по крайней мере, помешает вам на первых порах наделать глупостей.

Умегат на мгновение отвел взгляд и продолжил:

— Боги творят чудеса не ради нас, а ради самих себя. Если вы стали их орудием, значит, тому были веские причины. Запомните: вы — орудие Бога, а не Бог. А потому готовьтесь к тому, что и оценивать вас будут соответственно.

Пока Кэсерил пытался, хоть и безуспешно, уместить все это в голове, Умегат наклонился и налил ему в чашку свежего вина. Кэсерил оставил все

попытки сопротивляться.

Спустя час с небольшим двое помощников Умегата протащили почти бесчувственное тело Кэсерила по камням конюшенного дворика и через ворота замка, после чего подняли по ступенькам и опустили на кровать в его комнате. Кэсерил не вполне осознал момент, когда сознание, растерзанное событиями прошедшего дня, покинуло его тело, но никогда до этого он не был так рад этому обстоятельству.

14

Да, утром Кэсерил в полной мере оценил качество вина, которым накануне упоил его святой, — он не столько страшился смерти, сколько желал, чтобы она явилась и избавила его от мучений. Но постепенно похмелье отступило, и в душе Умегата воцарился страх.

Нет, он не сожалел (или почти не сожалел) о своей пропащей жизни. Кэсерил повидал гораздо больше, чем большинство из живущих, и случались у него настоящие моменты истины, хотя Боги и не были к нему слишком благосклонны. Размышляя с натянутым на голову покрывалом, он с немалым удивлением пришел к выводу, что более всего ввергает его в отчаяние то обстоятельство, что он не сможет завершить порученное ему дело.

Когда он решал проблему Дондо и был готов умереть, эти мысли почему-то ему в голову не приходили. А мысли-то важные, важнее не быва-

ет! Кто станет защищать его дам, если он вдруг отдаст концы? Сколько времени ему нужно, чтобы обеспечить им надежную защиту? Кому он может препоручить их? Бетрис вполне способна найти спасение в статусе жены, допустим, марча ди Паллиара. Но Изелль! Ее бабушка и мать находятся слишком далеко, и они не так сильны и могущественны, чтобы прикрыть собой принцессу. Тейдес слишком молод, а Орико полностью зависит от своего канцлера. Нет, Изелль будет постоянно пребывать в опасности, пока не покинет этот проклятый Богами двор.

Неожиданный спазм вновь скрутил живот Кэсерилу. Приподняв покрывало, он посмотрел на источник беспокойства. И долго это будет продолжаться? Сегодня утром он потерял не столько крови, сколько было накануне. Моргая, он осмотрел свою комнату, залитую светом дня. Сидящие по углам странные размытые тени, явление которых ранним утром он приписал выпитому вчера вину, не исчезли. Может быть, это еще один симптом его состояния? Галлюцинации?

Резкий стук в дверь отвлек Кэсерила от размышлений. Выскользнув из-под теплого покрывала и почти не сгибаясь, он протопал к двери и открыл. Умегат, держа в руках закупоренный кувшин,

поприветствовал его, вошел и закрыл за собой дверь. Он все еще излучал некое остаточное сияние. Увы! То, что произошло вчера, произошло не во сне!

— Милорд! — удивленно произнес грум, глядя по углам комнаты, после чего замахал свободной рукой:

— А ну-ка, пошли прочь!

Сидевшие по углам бледные тени заметались по комнате и ушли в стены.

— Что это было? — спросил Кэсерил, забираясь в постель. — Вы их тоже видели?

— Призраки, — ответил Умегат и, взяв с умывальника кружку, налил в нее какой-то жидкости из своего кувшина. — Выпейте, — сказал он, протягивая Кэсерилу кружку. — Это успокоит ваш желудок и прочистит мозги.

Первой мыслью было возмутиться и отвергнуть принесенный грумом напиток, но Кэсерил увидел, что это не вино, а какой-то холодный травяной чай. Он осторожно попробовал. На вкус горьковат и терпок, что было крайне приятно обожженным вчерашней попойкой небу и языку. Умегат, подвинув к кровати Кэсерила стул, уселся и весело посмотрел на хозяина комнаты. Кэсерил закрыл глаза и вновь открыл.

— Призраки? — переспросил он.

— Никогда не видел, чтобы их так много собиралось в одном месте, — покачал головой грум. — Должно быть, их, как и священных животных, к вам тянет.

— А еще их кто-нибудь видит?

— Любой, у кого есть внутреннее зрение. В Кардегоссе таковых, насколько мне известно, всего трое.

И двое из них — в моей комнате.

— Они тут находятся все время?

— Время от времени кто-нибудь из них мне попадается, — ответил Умегат. — Обычно они не так заметны. Но бояться их не нужно. Эти духи бессильны и не способны кому-либо причинить вред. Старые заблудившиеся души.

И, заметив ошарашенный взгляд Кэсерила, Умегат добавил:

— Время от времени Боги не принимают вылетевшую из тела душу, и она вынуждена остаться в миру. Постепенно она теряет свою субстанцию и растворяется в воздухе. Новые, только что появившиеся призраки, поначалу принимают форму, которую имели при жизни тела, но, пораженные отчаянием и одиночеством, оказываются неспособными ее поддерживать.

Кэсерил обхватил руками живот.

— Вот как?

Его ум пытался бешено двигаться сразу в трех направлениях. Какова судьба душ, не принятых Богами? И что конкретно происходит с душой, которая заключена нынче в его собственное тело? И… На память ему пришли слова вдовствующей королевы Исты. Как она тогда сказала? *Кстати, там множество призраков, вы знаете?* Оказалось, что это и не метафора, и не следствие безумия. Просто наблюдение. Констатация реального положения дел. А сколько еще странных, необъяснимых вещей содержит этот замок? И это тоже — не плоды фантазии, а — для человека, наделенного внутренним зрением, — простой факт.

Кэсерил поднял глаза. Умегат, внимательно всмотревшись в его лицо, спросил:

— Ну и как вы себя чувствуете?

— Сейчас лучше, чем утром, — ответил Кэсерил.

И добавил нехотя:

— А утром было лучше, чем вчера.

— Вы что-нибудь ели? — спросил рокнариец.

— Пока нет. Может быть, попозже.

Он провел ладонью по бороде и спросил:

— А что вообще происходит?

Умегат, пожав плечами, облокотился спиной на спинку стула.

— Канцлер ди Джиронал, не найдя кандидатов в городе, умчался прочь из Кардегосса, надеясь найти труп убийцы брата, а заодно и оставшихся в живых сообщников.

— Надеюсь, невинные не пострадают!

— Он взял с собой из Храма опытного дознавателя, так что ошибки исключены.

Кэсерил не спеша усвоил сказанное. Через некоторое время Умегат продолжил:

— Еще новость. Некоторая часть ордена Дочери отправила курьеров к своим офицерам, чтобы те созвали общий съезд. Они не хотят, чтобы король назначил генералом ордена такого же… такого же человека, каким был лорд Дондо.

— И как они смогут повлиять на Орико? Планируют бунт?

Умегат отмахнулся — разговор о государственной измене он поддерживать не собирался.

— Почему обязательно бунт? — сказал он. — Петиция. Просьба. Есть много способов.

Кэсерил недоверчиво хмыкнул.

— Мне кажется, они и в прошлый раз протестовали, но безрезультатно. Ди Джиронал никогда

не допустит, чтобы хоть часть власти ускользнула из его рук.

— На это раз весь орден единодушен в своем желании, — отозвался Умегат.

Некоторое время Кэсерил лежал, размышляя, после чего спросил:

— А вы? Что вы делали с утра?

— Молился. Просил совета и руководства.

— На вашу молитву ответили?

Умегат несколько двусмысленно улыбнулся:

— Возможно.

Прежде чем продолжить, Кэсерил обдумал, как лучше сформулировать то, что он собирался сказать, и произнес:

— Интересную новость я вам сообщил, верно? Теперь, как я понимаю, мне уже не нужно идти в Храм и исповедоваться архиепископу Менденалю в убийстве Дондо ди Джиронала, так?

Умегат приподнял брови.

— Да, — задумчиво сказал он через мгновение, — Госпожа Весна выбрала действительно острое оружие.

— Вы же священник, да еще и дознаватель, — сказал Кэсерил. — Не думаю, что вы станете нарушать данные вами обеты и клятвы. Меня вы обездвижили, чтобы иметь возможность доло-

жить обо всем куда надо…

Кэсерил колебался.

— Но то, что я пока не арестован, свидетельствует о чем-то… чего я не понимаю.

Умегат изучающе посмотрел на собственные ладони, тыльной стороной лежащие на коленях.

— Как священник, — сказал он, — я несу ответственность перед старшими, то есть теми людьми в храмовой иерархии, кто находится выше меня. Но как святой я отвечаю только перед своим Богом. Если он доверяет моему мнению, доверяю и я сам. А также должны доверять те, кто в Храме стоит выше меня.

Рокнариец посмотрел Кэсерилу в глаза и продолжил:

— То, что Богиня от своего имени снарядила вас в некое путешествие, ясно из того, что она час за часом оберегает вашу жизнь. Храм же служит ей, а не наоборот. Думаю, я могу пообещать вам, что с вами ничего не случится.

Кэсерил едва не закричал от отчаяния.

— Но что-же все-таки я должен *делать*?

Голосом почти извиняющимся Умегат произнес:

— Если исходить из моего опыта, то лучше всего — заниматься выполнением своих обычных

обязанностей.

— Но это вряд ли поможет!

— Я знаю, — произнес рокнариец, иронически ухмыльнувшись. — Скромность не всем к лицу, а величие человека измеряется целями, которые он перед собой ставит. Это я тоже знаю.

И устало добавил через мгновение:

— А вот мне пора возвращаться к моим ежедневным делам. Орико сегодня нездоров. А вы, милорд Кэсерил, можете в любой момент дня и ночи — когда вам только заблагорассудится — приходить в зверинец и чувствовать там себя как дома.

— Постойте! — жестом остановил его Кэсерил. — Ответьте… Знает ли Орико о чудесных свойствах своего зверинца? Знает ли он, что он… проклят? Я могу поклясться, что ни Изелль, ни Тейдес об этом и не подозревают.

С другой стороны, королева Иста…

— Или Орико об этом и не думает? Ему в зверинце становится лучше, а почему — ему все равно?

Умегат отрицательно покачал головой.

— Орико знает, — сказал он. — Король Иас, когда умирал, рассказал сыну все. Кстати, Храм пытался снять проклятие. Проводил разные обряды, но все — без толку. Зверинец остался

единственным средством, от которого королю становится лучше. Точнее, не становится хуже.

— А вдовствующая королева Иста? Над ней тоже висит проклятие, как и над Сарой?

Умегат потянул себя за косичку и нахмурился.

— Если бы я встретился с ней лицом к лицу, можно было бы что-то сказать. Но семья ди Баосии уехала из Кардегосса до того, как я здесь появился.

— А канцлер? Он что-нибудь знает?

Рокнариец нахмурился еще больше.

— Если и знает, то не от меня. Я часто предупреждал Орико, чтобы он ни с кем не обсуждал чудо, но…

— Если Орико и утаивает что-то от ди Джиронала, то этот секрет — в первую очередь.

Умегат пожал плечами и добавил:

— Похоже, те катастрофы, что королевство пережило за годы правления Орико, убедили его ничего не делать самому, чтобы не навредить Шалиону, не отравить государство ядом нависшего над его родом проклятья. Король использует ди Джиронала в качестве инструмента, чтобы хоть как-то управляться с делами.

— Тут уже не скажешь, является ли ди Джиронал частью проклятья или же средством борьбы

с ним.

— Раньше такой вид правления срабатывал неплохо.

— А теперь?

— Теперь? — переспросил рокнариец. — Теперь мы вдвое сильнее просим Богов о помощи Шалиону.

— И как они ответили?

— Прислали *вас*.

Кэсерил вскочил на кровати, сжимая простынь в кулаках, и почти закричал:

— Меня никто не посылал! Я оказался здесь совершенно случайно! Такое уж вышло стечение обстоятельств.

— Когда-нибудь я попрошу вас рассказать мне об этом, милорд. Обо всех случайностях и стечениях обстоятельств. Понятно, когда вам будет удобно.

И, бросив на Кэсерила полный надежды взгляд, который испугал хозяина комнаты не меньше, чем прочие намеки рокнарийца, поклонился и вышел вон.

Пролежав под одеялом еще несколько часов,

Кэсерил понял, что умереть от страха сегодня ему не удастся. А если он и умрет, то все равно поделать с этим он ничего не сможет. А между тем желудок его начинал рычать — и совсем не потому, что там засел демон с пойманной заблудшей душой. Поэтому, когда в окне комнаты начало темнеть, Кэсерил выбрался из постели, оделся и отправился на обед.

В замке было необычайно тихо. Поскольку весь двор предавался скорби, не было ни музыки, ни танцев. В банкетном зале почти никого не было; отсутствовали и принцесса, и принц Тейдес, равно как и королева Сара. Орико, не расстающийся со своей темной аурой, отобедав в спешном режиме, покинул зал.

Отсутствие Тейдеса, как вскоре выяснил Кэсерил, было вызвано тем, что отправившийся вести свое следствие за пределами столицы канцлер предложил принцу поехать с ним. Услышав эту новость, Кэсерил едва не онемел. Неужели старший из братьев ди Джиронал продолжит попытки соблазнить юношу удовольствиями разврата — дело, которое не сумел, как видно, завершить лорд Дондо? Но нет! Вряд ли! Полная противоположность брату, суровый и мрачный канцлер ди Джиронал совсем не был расположен

к бурным удовольствиям жизни. Трудно было представить его в компании буйствующей молодежи. А может быть, он хотел завладеть умом юноши совершенно иным способом — стать ему чем-то вроде отца и обучить премудростям государственного управления? Тейдес уже с ума сходил от безделья и обилия пустых развлечений, и любая по-настоящему мужская работа могла бы стать для него лекарством. Не менее вероятным было и то, что канцлер не собирался и на мгновение выпускать из своих рук правление в Шалионе.

Лорд ди Риналь, сидя напротив Кэсерила, усмехнулся на полупустой зал и проговорил:

— Все бегут, спасаются. У кого есть — в загородные дома, пока снег не выпал. Да, празднование прихода Отца будет мрачноватым. Без дела не сидят лишь белошвейки да портные — шьют траурные наряды.

Протянув руку сквозь пятно призрака, который парил рядом с его тарелкой, Кэсерил запил обед хорошим глотком разбавленного изрядной порцией воды вина. С собой он притащил еще пять или шесть призраков, которые сгрудились теперь вокруг него, как дети возле очага. Интуитивно он выбрал одеяние более мрачное, чем обычно,

хотя до ди Риналя, известного модника и жуира, ему было далеко — тот был в траурном одеянии, черном с лиловым. А тот тип, что сидит у него в животе — как он примет его нынешний костюм? Как жест лицемерия или, напротив, уважения? Впрочем, понимает ли он вообще что-нибудь? Вырванный из собственного тела, какую часть отвратительной природы своего хозяина сохранил в себе этот дух? Сгрудившиеся вокруг него духи наблюдали за его действиями снаружи. А как дух Дондо? Рассматривает его, выходит, изнутри? Усмехнувшись, он предпочел ничего не говорить ди Риналю и просто коротко спросил:

— А вы остаетесь или уезжаете?

— Думаю, что уеду. Проследую в свите марчессы ди Херон до самого Херона, а потом напрямик через равнину — и домой. Старушка была так рада тому, что в ее распоряжении будет еще один меч, что пригласила меня погостить.

Отхлебнув вина, он пригнулся к столу и тихо сказал, чтобы слышал только Кэсерил:

— Если уж даже Бастард не стал мараться о душу лорда Дондо, тот, стало быть, находится среди нас. Кто-то говорит, что он застрял во дворце канцлера, где умер, но я думаю, он может гулять по всему Кардегоссу. А поскольку грешником и

злодеем он был примерным, наверняка захочет мстить. Умереть в ночь перед свадьбой! Да за такое захочешь отомстить всему миру!

Кэсерил безразлично пожал плечами.

— Канцлер искренне верит, что это была магия смерти, — продолжал ди Риналь, — но я не удивлюсь, если в этом деле главным действующим лицом был яд. Увы, теперь уже не узнать — тело-то сожгли! Кому-то повезло, верно?

— Но ведь он был среди друзей! Вряд ли кто из них… Вы-то там были?

Ди Риналь состроил гримаску.

— После истории с поросенком? Слава Богам, там меня не было.

Ди Риналь огляделся по сторонам, явно опасаясь увидеть мстительного призрака. То, что на расстоянии вытянутой руки от него колыхалось в воздухе с полудюжины привидений, ему было невдомек. Кэсерил отмахнулся от одного, самого назойливого, который болтался прямо перед его физиономией и мешал сфокусироваться на лице собеседника.

Сэр ди Марок, костюмер короля, подошел к их столу и спросил:

— Ди Риналь! Слышали последние новости из Ибры?

Тут он увидел Кэсерила, который сидел напротив ди Риналя, облокотившегося локтями о стол, и вспыхнул.

Кэсерил ядовито улыбнулся.

— Вижу, вы нынче получаете ибранские сплетни из более надежных источников, — сказал он.

Ди Марок застыл.

— Если вы имеете в виду личного курьера канцлера, то — да. Он в полном расстройстве явился в замок, когда мой помощник перешивал траурный наряд короля — тот даже ошибся в размерах на несколько сантиметров. Так или иначе, но новость — официальная. Наследник короля Ибры на прошлой неделе умер. Неожиданно, от горловой лихорадки. Оппозиция протянула ноги и теперь собирается заключить с Лисом мир. Во всяком случае, теперь им остается либо бежать, либо спасаться. Сдавая друг друга. Кто успеет первым, тот в выигрыше. Таким образом, война в Южной Ибре окончена.

— Понятно! — проговорил ди Риналь, поглаживая бороду. — Как мы назовем эту новость? Хорошей или плохой? Для Ибры это, конечно, хорошо. Но наш Орико опять оказался на стороне проигравшей армии.

Ди Марок кивнул.

— Старый Лис, говорят, обозлен на Шалион за то, что Орико подливал масла в огонь. Хотя дровишки-то подкладывал сынок.

— Может быть, воинственность старого короля сгорит на погребальном костре его сына! — предположил Кэсерил, впрочем, без особой надежды в голосе.

— У Лиса теперь новый наследник, — сказал ди Риналь. — Еще ребенок, правда. Как его зовут?

— Принц Бергон, — отозвался Кэсерил.

— Понял, — кивнул ди Марок. — Да, совсем молодой. А ведь старик может преставиться в любой момент, и тогда вместо него на троне усядется мальчишка без всякого опыта.

— Опыт-то у него есть! — возразил Кэсерил. — Он пережил две осады, бегство в обозе матери, гражданскую войну. К тому же вряд ли сын Лиса может быть дураком.

— Старший был, — уверенным тоном произнес ди Риналь. — Оставить всех своих сторонников у разбитого корыта!

— Смерть от горловой лихорадки не может быть следствием глупости, — сказал Кэсерил.

— Если это действительно была лихорадка! — поджав губы, высказал ди Риналь новое предположение.

— Что? Вы думаете, старый Лис стал бы травить собственного сына? — спросил ди Марок.

— Он, может, и нет. Но его лазутчики — запросто!

— Тогда он мог бы сделать это и пораньше. Избавил бы Ибру от стольких бед!

Кэсерил улыбнулся и, встав из-за стола, покинул банкетный зал, оставив ди Риналя и ди Марока сплетничать. Похмелье его оставило, чувствовал он себя после обеда гораздо лучше, хотя вызываемая усталостью дрожь, не отпускавшая его измочаленное тело, не позволяла ему признать, что с ним все в порядке. Поскольку от принцессы за ним не посылали, Кэсерил решил вернуться к себе и снова лечь в постель.

Усталость победила в нем страх, и он моментально заснул, но примерно в полночь проснулся. Чьи-то крики эхом отдавались в его голове. Кричал явно мужчина. Крики прерывались рыданиями, яростными сдавленными воплями… Кэсерил вскочил с отчаянно бьющимся сердцем и принялся прислушиваться, надеясь засечь источник странных звуков. Этот источник мог находиться и на равнине, за стенами замка, и у реки, которая протекала под окном. Но никто в замке не всполошился, не ответил на доносив-

шиеся до слуха Кэсерила вопли; никто не бегал по коридорам, не хлопал оконными ставнями; молчала и стража. Через несколько мгновений Кэсерил вдруг осознал, что слышит эти крики не ушами — как не глазами он видит плавающие над его кроватью темные сгустки тумана. И он узнал голос.

Задыхаясь от ужаса, он упал в постель и свернулся клубком. Крики звучали еще с десяток минут. Неужели проклятая душа Дондо собиралась вырваться из своей темницы, из-под власти чуда, свершенного Дочерью, и препроводить Кэсерила в настоящий ад? Кэсерил готов был уже вскочить с постели и, не переодеваясь, прямо в ночной рубашке, бежать в зверинец к Умегату с просьбой помочь (хотя что мог в этом случае сделать рокнариец?), как крики стали затихать и затихли.

Как понял Кэсерил, это был час смерти Дондо. Может быть, в эти минуты душа умершего обретает какие-то особые возможности? Прошлой ночью в это же самое время Кэсерил был мертвецки пьян, и если кошмарные крики и звучали в его сознании, то они смешивались с прочими кошмарами, которые порождал его пораженный алкоголем мозг.

Могло быть и хуже, сказал Кэсерил себе, постепенно успокаиваясь. Вот был бы номер, если бы душа Дондо сохранила навыки членораздельной речи! Тогда она стала бы донимать его своими разговорами, жалобами, угрозами — каждый день, ночи напролет. Тут-то бы храбрость его и оставила. Он не смог сдержать слез, представив себе тот ужас, который наполнил бы тогда его жизнь.

Доверься Госпоже! Доверься Госпоже! Кэсерил прочитал несколько бессвязных молитв, и постепенно к нему вернулось самообладание. Если она, заведя его так далеко, имела определенную цель, она его не бросит.

Он продолжал прокручивать в своем уме то, что говорил ему Умегат. Как следовало из слов рокнарийца, Боги могут явиться в этот мир только в том случае, если человек, во имя избранного им Бога, отказывается от собственной воли. Но если он, Кэсерил, отчаянно хочет жить и не желает умирать, то не будет ли это желание оценено Госпожой Весны как волевой акт? И в этом случае не уйдет ли она из его жизни, не перестанет ли поддерживать то, что сделала для него и для Изелль? Но тогда сапфировая капсула, которую она поместила в его теле, лопнет как мыльный

пузырь, материализуя парадокс сосуществования смерти и проклятия. Вновь и вновь пробегая по кольцам этой логической петли, Кэсерил уже несколько часов беспокойно ворочался в постели, и только когда на оконное стекло лег серый туман раннего утра, благословенное небытие окутало его сознание.

И вот, сопровождаемый своим призрачным эскортом, на следующее утро Кэсерил поднялся по лестнице в свой рабочий кабинет. Голова его тупо гудела от недосыпа, и он без всякого энтузиазма думал о том, как ему придется разбираться с корреспонденцией и счетами, которые неопрятной горкой лежали на его столе, нетронутые со дня обручения Изелль, обернувшегося катастрофой.

Дамы уже не спали. На столе в гостиной, которая примыкала к кабинету Кэсерила, они разложили свои учебные географические карты, и теперь принцесса, опершись о край стола, внимательно что-то в них рассматривала, а Бетрис, сложив руки на груди, смотрела на карты через плечо своей госпожи и скептически хмурилась. Обе девушки, как и сидящая здесь же со своим

вязанием Нан ди Врит, были одеты в черное и лиловое, что подобало случаю и что Кэсерил, безусловно, одобрил. Порядок есть порядок, даже если что-то в нем вам не нравится.

Войдя, он увидел на столе, рядом с картами, обрывки бумажек с какими-то списками. Некоторые списки были испещрены зачеркиваниями, подчеркиваниями, галочками, кружочками. Изелль, склонившись над картой, ткнула пальчиком в точку, отмеченную воткнутой булавкой, и хмуро произнесла, обращаясь через плечо к Бетрис:

— А здесь ничем не лучше…

Тут она обернулась и увидела Кэсерила. Темное, невидимое обычному глазу пятно по-прежнему окружало ее фигуру, и только редкие полосы голубого света пробивались через складки этой темноты. Сопровождавшие Кэсерила призраки в страхе бросились прочь и, к его радости, исчезли из поля его внутреннего зрения.

— С вами все в порядке, лорд Кэс? — спросила принцесса, озабоченно глядя на него из-под сдвинутых бровей. — Вы неважно выглядите.

Кэсерил, приветствуя дам, поклонился.

— Примите мои извинения за вчерашнее отсутствие, принцесса, — сказал он. — Был нездоров.

Колики. Теперь почти все прошло.

Нан ди Врит, на мгновение оторвавшись от вязания, недружелюбно взглянула на Кэсерила и проговорила:

— Горничная сказала, что у вас было похмелье после попойки и безобразий, которые вы учинили с грумами на конюшне. Говорит, после похорон лорда Дондо вы явились таким пьяным, что едва могли передвигаться.

Чувствуя на себе грустный взгляд Бетрис, Кэсерил извиняющимся тоном произнес:

— Попойка была, признаю. Безобразий не было. Обещаю, что подобное не повторится, моя госпожа.

И добавил:

— Во всяком случае, постараюсь.

— Какой скандал! — не унималась Нан ди Врит. — Секретарь принцессы, настолько нетрезвый, что…

— Прекратите, Нан! — остановила свою гувернантку принцесса. — Оставим эту тему.

— Что это, принцесса? — спросил Кэсерил, глядя на утыканную булавками карту.

Изелль глубоко вздохнула.

— Я целыми днями думаю об этом, — сказала она. — Пока я не замужем, вокруг меня будут

постоянно крутиться заговоры. Наверняка ди Джиронал уже ищет другого кандидата на мою руку, чтобы привязать меня и Тейдеса к своему клану. А есть ведь и другие группировки. Мне тут сказали, что Орико мог бы выдать меня и за менее знатного лорда. Теперь и среди них уже начинается соперничество. Моя единственная защита, мое спасение — в замужестве. Но это должен быть ровня.

— Признаюсь, принцесса, — произнес Кэсерил, — последнее время я также думал в этом направлении.

— Нужно думать быстрее, Кэсерил. Пока они не предложили мне в мужья кого-нибудь еще ужаснее, чем Дондо.

Голос принцессы выдавал степень ее беспокойства.

— Не беспокойтесь, принцесса. Даже наш драгоценный канцлер не всесилен, — с деланой скромностью произнес Кэсерил, чем, к своему удовольствию, вызвал улыбку Изелль.

Он продолжил:

— Да, проблема есть, но опасность не так велика. Сам ди Джиронал примется отбивать менее знатных лордов, если они заявят о своих претензиях. Ваша первая линия обороны — там, где

на горизонте появится кандидат ди Джиронала. Хотя я пока не знаю, кого он может предложить. Сыновья его оба женаты. Если бы это было иначе, то вашим женихом был бы назначен кто-нибудь из них, а не Дондо. Сам он тоже женат.

— Но жены умирают, — мрачно сказала Бетрис. — А иногда — от естественных причин.

Кэсерил отрицательно покачал головой:

— Нет. Ди Джиронал очень тщательно выбирает те семьи, с которыми хочет породниться. Его невестки, как и жена, связывают его с самыми влиятельными семьями в Шалионе. Все они либо дочери, либо сестры провинкаров. Конечно, он всегда готов подцепить что-то новое, но и от старого он вряд ли откажется. А его внуки — младенцы. Нет, он будет ждать иных вариантов.

— А племянники? — спросила Бетрис.

Кэсерил, подумав с минуту, отрицательно покачал головой.

— Слишком слабые связи, — сказал он. — Сложно контролировать. Ему нужны не соперники, а подчиненные.

— Я не хочу, — проговорила Изелль сквозь зубы, — ждать десять лет, чтобы потом выйти замуж за того, кто будет на пятнадцать лет моложе, чем я.

Неожиданно для себя Кэсерил глянул в сторону Бетрис. Он сам был на пятнадцать лет старше, чем… И он прогнал назойливую мысль. Барьер, который существовал между ним и Бетрис, — это не просто разница в годах. Это разница между *жизнью* и *смертью*.

— Мы отметили булавками всех неженатых принцев и наследников, которые только есть между Шалионом и Дартакой, — сказала Бетрис.

Кэсерил подошел и посмотрел на карту.

— И рокнарийских принцев? — спросил он.

— Мне нужна была полная картина, — сказала Изелль. — Без них выбор совсем невелик. Признаюсь, выйти замуж за рокнарийца — кислая идея. Во-первых, меня в ужас ввергает их квадратная религия. А во-вторых, этот дикий обычай выбирать наследника не только из законнорожденных, но и из бастардов! Никогда не знаешь, кто у них станет королем, а кто умоется!

— А кто протянет ноги, — подхватил Кэсерил. — У доброй половины побед, одержанных Шалионом над рокнарийцами, была лишь одна причина: какой-то обойденный кандидат на престол втыкал кинжал в спину своему более удачливому сводному братцу.

— Ну что ж, — проговорила Бетрис. — В этом

случае у нас остается только четыре достойных кандидата, исповедующих квинтарианство. Это король Браджара, Бергон из Ибры, да братья-близнецы, сыновья марча Йисса, что живут за дартаканской границей. А им по двенадцать лет.

— Вполне возможный вариант, — задумчиво проговорила Изелль. — Только вот у марча Йисса нет никаких мотивов, чтобы родниться с Тейдесом и вступать с ним в союз против рокнарийских принцев. У него нет общих с ними границ, и они его никоим образом не беспокоят. Кроме того, он хранит верность Дартаке, а той совсем не интересно, чтобы сильный союз ибранских государств положил наконец конец войне на севере.

Кэсерилу было приятно слышать, как принцесса озвучивает его собственные мысли — она гораздо серьезнее относилась к урокам географии, чем он думал. Он ободряюще улыбнулся своей подопечной.

— Кроме того, — сердито произнесла Изелль, — Йисс не имеет береговой линии.

Рука ее скользнула по карте в восточном направлении, и она добавила невесело:

— Мой кузен король Браджара уже стар и слишком много пьет, чтобы успешно воевать. А его внук слишком юн.

— Браджар располагает отличными портами, — произнесла Бетрис с нотками сомнения в голосе, хотя позитива в ее сомнениях было больше, чем негатива. — И, я думаю, сам король долго не протянет.

— Да, но какой прок будет Тейдесу от вдовствующей королевы? Я что, должна буду объяснять этому малолетке, его внуку, как расставлять полки на поле боя?

Рука принцессы отправилась к противоположному берегу.

— Старший сын Лиса Ибры женат, — сказала она, — а младший не может быть наследником. К тому же эта гражданская война!

— Все уже не так! — резко проговорил Кэсерил. — Совсем не так. Разве вы не слышали вчерашних новостей из Ибры? Наследник мертв. Горловая лихорадка. Никто не сомневается, что его место займет молодой принц Бергон. Все это время он хранил верность отцу.

Изелль повернулась к нему и взглянула на своего секретаря широко раскрытыми глазами.

— Вот как? — воскликнула она. — А сколько ему лет? Пятнадцать?

— Около шестнадцати, принцесса.

— Ну, это гораздо лучше, чем пятьдесят семь.

Пальцы принцессы быстро пробежали по ибранскому берегу, через цепочку портовых городов, прямо к Загосуру. Там они остановились, возле булавки, увенчанной крупной жемчужиной.

— А что вы знаете о принце Бергоне, Кэсерил? Как к нему относятся? Вы видели его, когда были в Ибре?

— Своими глазами не видел. Но говорят, он красивый юноша.

Изелль нетерпеливо пожала плечами.

— Обо всех принцах говорят, что они красивые, — сказала она. — Если, конечно, они не абсолютные уроды. Но тогда заявляют, что у них сильный *характер*.

— Говорят, Бергон учился морскому делу, — сказал Кэсерил. — А это значит, что он силен и физически здоров. И это говорит в пользу его внешности.

Но, увидев, как загорелись юным энтузиазмом глаза принцессы, он поспешил добавить:

— Но не забывайте, что ваш брат Орико последние семь лет поддерживал врагов ибранского короля. И старый Лис не питает к Шалиону никакой симпатии.

Сложив руки на груди, Изелль ответила:

— Брачный договор — лучший способ прекратить любую войну.

— Будет сопротивляться и канцлер ди Джиронал. Кроме того, что он хочет заполучить вас в свою семью, ему не нужно, чтобы у Тейдеса были иные союзники, кроме него самого.

— Если следовать вашей логике, он станет противником любого моего союза — с кем бы то ни было.

Склонившись над картой, Изелль провела на ней ладонью широкую дугообразную линию, объединившую Шалион и Ибру. Вместе они занимали две трети земли между морями.

— Но если мне удастся свести Тейдеса и Бергона…

Проговорив это, она пошла дальше по морскому побережью в направлении рокнарийских владений, сбивая и разбрасывая воткнутые в карту булавки.

— Да! — проговорила наконец принцесса.

Глаза ее сузились, лицо приняло решительное выражение. Когда она вновь взглянула на Кэсерила, глаза ее сияли.

— Я сейчас же скажу об этом своему брату Орико, пока не вернулся ди Джиронал. Если мне удастся добиться от короля согласия, причем

публичного, никакой ди Джиронал не заставит его забрать свои слова обратно.

— Обдумайте все хорошенько, принцесса, — не унимался Кэсерил, хмурясь. — Все возможные последствия и проблемы. Конечно, главная проблема — это ваш возможный ужасный тесть. Отвратительный старик. Хотя со временем проблема будет снята. И если на свете есть люди, которые во имя политики способны наступить на собственные чувства, то это прежде всего старый Лис.

Изелль, отойдя от стола, принялась ходить по гостиной взад и вперед, шурша тяжелыми юбками. Вместе с ней перемещалась по гостиной ее темная аура.

Войдя в семью шалионских королей, королева Сара понесла на своих плечах бремя тягот родового проклятья. Если Изелль выйдет замуж за пределы королевства, сбросит ли она с себя этот груз? Может быть, для нее это и будет спасением от предначертанной ей судьбы? Но Кэсерил сдержал все возрастающее радостное волнение. Нужно быть осторожным. Нужно все хорошенько обдумать. Не исключено, что черное наследие Золотого генерала отправится по следам принцессы и за границы Шалиона. Лучшее, что он

может сейчас сделать, — это как можно скорее посоветоваться с Умегатом.

Наконец Изелль остановилась и посмотрела в амбразуру окна, возле которого ей несколько дней назад пришлось вынести отвратительные ухаживания Дондо. Ее взгляд выражал решительность. Наконец она сказала:

— Я должна попытаться. Нельзя позволять судьбе тащить тебя от одной неудачи к другой и не оказывать сопротивления! Я сейчас же отправлюсь к своему брату-королю.

И она двинулась к двери.

— Бетрис! Кэсерил! За мной! — приказала она, словно генерал, ведущий свои войска на приступ вражеской крепости.

15

Обойдя почти весь замок, они наконец нашли Орико в покоях королевы Сары, на самом верху башни короля Иаса. Король и королева сидели у окна, за маленьким столиком, и играли в *калах*, настольную игру, атрибутами которой была резная доска и цветные камешки. Игра — самая примитивная, для малых детей и выздоравливающих больных, а не для короля и королевы огромной страны (хотя, если взглянуть на Орико взглядом знающего человека, совсем здоровым его назвать было нельзя). Да и королева представляла собой скорее печальную тень своей природной натуры. Впрочем, было ясно, что королевская семья занята этим делом не ради удовольствия и не от лености — они должны были во что бы то ни стало отвлечься, хоть как-нибудь забыть о горе и страхе, которые поселились в Зангре.

Кэсерила немало удивил наряд королевы.

Орико был, как и полагалось, в черно-лиловом, Сара же надела белое платье — праздничное одеяние, которое она надевала в День Бастарда, устраивавшийся каждые два года сразу после дня летнего солнцестояния, в самой середине сезона Матери. Отбеленный лен не спасал от осенних холодов, а потому королева куталась в пушистую шерстяную шаль. На фоне своих белых одежд она выглядела худой и изможденной. Кэсерил не мог не отметить: нынешнее одеяние выглядит куда более оскорбительным для памяти Дондо, чем те яркие разноцветные вещи, что Сара надела на сами похороны. Интересно: она так и останется в белом во все время траура? И что ей на это скажет ди Джиронал? Если, конечно, скажет.

Поприветствовав царственных родственников реверансом, Изелль встала перед Орико, сложив руки на груди и сияя глазами — воплощенная юная женственность, но с крепким стержнем внутри. Кэсерил и Бетрис, заняв места по сторонам и чуть сзади принцессы, также совершили все подобающие случаю телодвижения. Орико отвлекся от игры и кивнул в ответ на приветствия вошедших. Положив пухлую ладонь на колено, он с беспокойством смотрел в глаза Изелль. При ближайшем рассмотрении Кэсерил увидел на

одеяниях короля те места, где королевскому портному пришлось расшивать парчовую тунику и делать вставки, чтобы уместить в траурный наряд чуть раздавшееся тело монарха. Королева Сара подобрала концы шали и поглубже уселась в кресло.

После короткой преамбулы Изелль попросила короля начать официальные переговоры с Иброй. Целью переговоров должны были стать ее обручение и последующий брак с принцем Бергоном. Она особенно напирала на возможное установление мира, что, безусловно, исправило бы тот урон отношениям между странами, что нанесла необдуманная поддержка, которую Орико оказывал наследнику старого Лиса — тем более что ни Шалион, ни Ибра уже не имели сил, чтобы продолжать противостояние. Особо она отметила соответствие в возрасте и знатности возможного жениха и невесты, а также те преимущества, которые Орико (она дипломатично не назвала имя Тейдеса) получит от родства со столь могущественными соседями. Она также красноречиво описала картину разочарования, которое всякая мелочь, ныне претендующая на родство с королем (унизительное для Орико и всего королевского рода), испытает при известии

о начавшихся переговорах — в этом месте ее яркой речи король задумчиво вздохнул.

Тем не менее, как Кэсерил и ожидал, король начал увиливать от прямого ответа. Ухватился он за последний пункт.

— Но, Изелль! Траур, который ты носишь, будет тебе некоторое время защитой от любых притязаний! Даже Марту… даже Марту не станет оскорблять память своего брата, настаивая на том, чтобы его понесшая столь тяжелую утрату невеста вышла замуж, не дождавшись, пока остынут угли его погребального костра.

Изелль фыркнула. *Понесшая тяжелую утрату?*

— Эти угли *очень скоро* остынут, — сказала она. — И что тогда? Орико! Вам никогда не удастся выдать меня замуж без моего согласия. Моего предварительного согласия!

— Нет, нет, конечно, — замахал руками король. — Это была ошибка. Прости!

А вот что здесь подразумевается…

— Я не хотел обижать ни тебя, дорогая сестра, ни Богов, — продолжил он, опасливо оглядываясь, словно боялся, как бы обиженные Боги не свалились на него из астрального мира и не наказали за ложь. — Я хотел лишь добра. И тебе,

и Шалиону.

Пусть и с опозданием, но Кэсерил вдруг понял: все вокруг знали, что принцесса молилась о своем спасении. Конечно, никто не обвинит ее в том, что она занималась магией смерти, как никто не обвинит и его самого, но факт оставался фактом — Изелль здесь, а Дондо умер. Всякий мало-мальски соображающий придворный был, конечно, напуган таинственной смертью Дондо, а многие наверняка напуганы изрядно. И не только напуганы…

— Никакой брак не станут тебе навязывать без твоего предварительного согласия, — сказал Орико с нехарактерной для него твердостью в голосе. — Клянусь своей головой и короной.

Да, это была торжественная клятва, и Орико произнес ее со всей возможной серьезностью. Кэсерил приподнял брови. Изелль поджала губы и приняла сказанное с легким поклоном.

С места, где сидела королева Сара, до Кэсерила донесся тихий, сдавленный звук. Саму королеву было видно плохо, поскольку она сидела в тени оконного переплета, но, как смог разглядеть Кэсерил, рот ее скривился в иронической усмешке. Да, видно, Орико и ей давал самые торжественные клятвы, которые потом вынужден был нарушать.

Обеспокоенный, Кэсерил отвел взгляд.

Изелль же нетерпеливо всплеснула руками.

— Но если мы станем ждать, — проговорила она, — Бергона у нас уведут. Принц — наследник трона, возраст как раз для женитьбы, а его отцу нужны безопасные границы! Лис запросто отдаст его тому, кто заключит с ним дружественный союз. У марча Йисса есть дочь на выданье, есть подходящие невесты и в Дартаке. Шалион может упустить свой шанс!

— Все это слишком поспешно. Слишком! Согласен, твои доводы очень убедительны. Скажу больше — несколько лет назад Лис закидывал насчет тебя удочку. Не помню, в связи с которым из своих сыновей, но наши отношения прервались из-за войны в Южной Ибре. Так что никакого соглашения мы не достигли. Так бывает. Бывает и хуже. Моя несчастная мать, принцесса Браджара, была помолвлена пять раз, пока не вышла замуж за короля Иаса. Так что наберись терпения, успокойся и жди более подходящих времен.

— Я думаю, сейчас как раз самое подходящее время. Я хочу, чтобы вы приняли решение, объявили о нем и свято его придерживались. И сделать это нужно до того, как вернется канцлер ди Джиронал.

— Кстати! Есть еще одно важное обстоятельство. Я не могу предпринять столь важный шаг, не посоветовавшись с лордами и особенно с канцлером.

— Но когда вы собирались выдать меня за Дондо, вы не советовались с лордами! Странно! Вы как будто боитесь что-либо сделать без одобрения ди Джиронала. Непонятно, кто у нас король — Орико ди Шалион или Марту ди Джиронал?

— Я… я… я подумаю о твоих словах, дорогая сестра, — произнес Орико, слабым взмахом руки давая пришедшим понять, что аудиенция закончена.

Изелль несколько моментов жгла брата огнем своих глаз, отчего он, казалось, весь сморщился и сплющился, после чего кивнула и сказала:

— Да, подумайте о моей просьбе, милорд. Я приду за ответом завтра.

Было ли это обещанием или угрозой — непонятно, но, отвесив реверанс королю и королеве, принцесса ретировалась, сопровождаемая Бетрис и Кэсерилом.

— Завтра, а потом послезавтра, и так — без конца? — спросил Кэсерил негромко, едва поспевая за Изелль, которая яростно шуршала юбками, двигаясь к выходу из башни.

— Каждый день, пока Орико не сдастся, — ответила принцесса сквозь зубы. — Готовьтесь к долгой борьбе, Кэсерил.

Безрадостный желтоватый свет пробился сквозь низко повисшие облака, когда Кэсерил вышел из замка и отправился в конюшни, завернувшись поплотнее в расшитый шерстяной плащ и по-черепашьи спрятав голову в плечи. Дул сильный холодный ветер, и когда Кэсерил открыл рот и выдохнул, перед его лицом образовалось облачко тумана. Он несколько раз дунул таким образом в сопровождавших его призраков — в свете зимнего солнца те были почти невидимы, но упрямо тащились вслед за ним — куда он, туда и они! Мороз украсил камни двора белым инеем. Отодвинув тяжелую дверь зверинца ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, он вошел и тут же закрыл вход. Несколько мгновений он стоял, дожидаясь, пока глаза его не привыкнут к темноте, вдыхая сладкую пыль сена.

Грум с отсеченными большими пальцами отставил кадушку, с которой возился, поспешил навстречу и, поклонившись, принялся издавать

приветственное мычание.

— Я пришел повидаться с Умегатом, — сказал ему Кэсерил. Безъязыкий поклонился еще раз и кивком головы пригласил пройти внутрь зверинца. Прекрасные животные прижались к передним прутьям своих клеток, шумно вдыхая воздух, а песчаные лисицы, когда он проходил мимо их вольера, возбужденно запрыгали и залаяли тоненькими голосами.

В дальнем конце коридора находилось сложенное из камня просторное помещение, где когда-то хранили сбрую. Теперь же в этой комнате работали и отдыхали слуги, приписанные к зверинцу. В камине весело горели дрова, прогоняя холод и сырость, и легкий запах дыма смешивался с ароматами кожи, полировочных средств и мыла. Шерстяные подушки, лежавшие на стульях, на один из которых указал Кэсерилу грум, были потерты и изрядно выцвели, а старый рабочий стол носил на себе следы долгой трудовой жизни в виде пятен и царапин. Но пол был выметен, окна, по одному с каждой стороны камина, чисто вымыты, а свинцовые профили, в которые было впаяно стекло, тщательно отполированы. Безъязыкий произнес что-то на своем мычащем языке и вышел.

Через несколько минут, вытирая руки полотенцем и оправляя плащ, вошел Умегат.

— Добро пожаловать, милорд! — негромко сказал он.

Кэсерил вдруг смутился: каким этикетом руководствоваться в общении с Умегатом? Кто он Умегату? Кто ему Умегат? Слуга или господин? Есть ли правила, регулирующие отношения святого и простого секретаря, если святой при этом — грум, работающий в зверинце, а секретарь — благородный лорд? Поэтому Кэсерил, найдя компромисс, низко поклонился, но зада при этом от стула не оторвал:

— Умегат!

Тот закрыл дверь, справедливо полагая, что разговор будет не для посторонних. Кэсерил склонился через стол, сцепив ладони, и заговорил торопливо и беспокойно — так пациент говорит врачу о своих заботах.

— Вы видите призраков, — сказал он. — А слышите ли вы их?

— Как правило, нет, — ответил грум-святой. — А вы? — Умегат взял стул и сел бок о бок с Кэсерилом.

— Этих — не слышу, — ответил Кэсерил и ладонью отбросил самого назойливого из своих

провожатых, который все-таки прорвался за ним в зверинец. Умегат махнул на паршивца полотенцем, и призрак в панике исчез в каменной стене.

— А Дондо — слышу, — закончил фразу Кэсерил.

И описал свои ночные переживания.

— Мне казалось, он пытается вырваться, — объяснял Кэсерил причину своих страхов.

И спросил:

— А он может? Вдруг хватка Богини ослабнет?

— Я абсолютно уверен, что призрак не в состоянии превзойти волю и силу Бога.

— Это… Это не вполне удовлетворительный ответ, — задумчиво произнес Кэсерил.

А вдруг Дондо сговорился с демоном, и они собираются убить Кэсерила, сведя с ума, истерзав и вымотав его этими постоянными криками?

— Можно хоть как-нибудь заставить его замолчать? Подушкой же уши не заткнешь!

Умегат же, казалось, думал о своем — в нем говорил исследователь.

— Очевидно, здесь реализуется некая симметрия, — сказал он. — Тех призраков, что летают вокруг, вы не слышите. Тех же, что внутри вас, вы не видите, но слышите. Если ко всему этому приложил руку Бастард, он и поддерживает рав-

новесие.

И, посмотрев на Кэсерила, он добавил, но уже другим тоном:

— В любом случае, жить вы остались не благодаря случайности, а потому беспокоиться не о чем. Богиня о вас печется, будьте уверены. И ни о чем не думая, занимайтесь делами.

Некоторое время Кэсерил сидел, обдумывая сказанное. Заниматься делами? Сегодня появились любопытные дела! Посмотрев на святого грума, Кэсерил заговорил с ним совершенно потоварищески:

— Слушайте, Умегат! У меня идея. Мы знаем, что проклятие передается по мужской линии рода Шалион — от Фонзы к Иасу, а теперь — к Орико. Тем не менее королева Сара тоже несет вокруг себя такую же темную ауру, как и Орико, а она ведь не связана с Фонзой кровными узами. Она вышла замуж в проклятую семью и именно поэтому сама стала жертвой проклятья.

Умегат нахмурился. Глубокие морщины прорезали его лицо.

— Когда я здесь появился впервые, Сара уже носила эту ауру. Хотя, думаю, вы правы, все так и есть.

— И то же самое произошло с Истой. Так?

— Так.

Кэсерил помедлил мгновение и произнес:

— А если Изелль выйдет замуж на сторону? Вдруг она освободится от проклятия? Сбросит с себя его груз, когда будет произносить брачную клятву? А? Оставит проклятие своим кровным родственникам, а в новую семью его не понесет? Или все-таки понесет? И тогда проклят будет ее муж. А?

Умегат приподнял брови. Мозг его лихорадочно работал.

— Увы, я не знаю, — сказал он.

— Но вы же можете признать, что такое возможно, верно? Я думал, есть шанс каким-то образом кое-кого… спасти!

Умегат откинулся на спинку стула и сказал:

— Возможно, вы и правы. Я не знаю. Мне не приходилось об этом думать, поскольку такого рода варианты Орико не касаются.

— Но мне крайне нужно обо всем этом знать, Умегат. Принцесса Изелль просит Орико начать переговоры с Иброй по поводу ее брака с тамошним наследником.

— Канцлер ди Джиронал на это *никогда* не пойдет.

— Я бы не стал недооценивать риторических

способностей принцессы. Она умеет убеждать. Это не Сара!

— Сара раньше тоже была отнюдь не нынешней Сарой. Но вы правы. О, мой бедный Орико! Оказаться зажатым между такими жерновами!

Покусывая губу, Кэсерил подождал несколько мгновений, прежде чем начал новую тему.

— Умегат, — сказал он. — Вы наблюдаете за этим двором много лет. Скажите, ди Джиронал всегда был вором и интриганом или же таковым его сделала жизнь при проклятом короле? Интересно вот что: это проклятие притягивает к власти таких людей, как ди Джиронал, или же изначально они были безгрешны, а безнадежно испортило их служение проклятому роду Шалион?

— Вы задаете очень интересные вопросы, лорд Кэсерил, — задумчиво сказал Умегат. — Только, боюсь, пока у меня нет на них ответов. Марту ди Джиронал всегда был волевым, умным человеком, последовательным в своих планах и действиях. Не будем ничего говорить о его младшем братце, который составил себе репутацию на поле боя, а не в придворных интригах — не та у Дондо была голова! Когда Марту впервые занял пост канцлера, он был не более жадным и

тщеславным, чем все прочие лорды, служащие королю.

Забавно, если только таким образом можно хоть как-то похвалить человека!

— И тем не менее, я думаю…

Умегат, казалось, просто подхватил мысль Кэсерила и довел ее до конца.

— … умаю, что проклятие не сделало ему ничего хорошего.

— А потому, избавление от ди Джиронала не избавит Орико от его бед и печалей, так? Придет другой человек, еще хуже, и все начнется сначала?

Умегат посмотрел на свои раскрытые ладони.

— Проклятие способно принимать самые разнообразные формы, разрушая все, что окружает проклятого. Вместо того чтобы рожать, жена становится бесплодной. Главный помощник — уже не самый надежный и верный советчик, а вор, обкрадывающий своего покровителя и сюзерена. Друзья готовы ежеминутно предать. Еда уже не дает силы и здоровье, а вызывает слабость и отвращение. И так далее, и тому подобное…

А секретарь и наставник, вместо того чтобы становиться все более мудрым и смелым, глупеет и превращается в последнего труса… Если все,

кто приходит в соприкосновение с проклятием, становятся его жертвами, не станет ли он, Кэсерил, настоящей чумой в жизни Изелль — как в чуму для короля превратился его канцлер?

— А как тогда будут обстоять дела с Тейдесом и Изелль? Они в той же мере, что и король, будут страдать? Или все-таки ноша короля тяжелее — он же все-таки король?

— Мне кажется, дела короля с каждым днем становятся все хуже, — проговорил рокнариец, прищурившись. — Но послушайте, лорд Кэсерил! Вы задали мне с дюжину вопросов. Позвольте и мне задать вам — всего один. Как вы оказались на службе у принцессы Изелль?

Кэсерил, не ожидавший такого вопроса, открыл рот и откинулся на спинку стула. Его память вернулась к тому дню, когда провинкара Баосии подловила его, предложив место секретаря и наставника принцессы. Хотя, были еще обстоятельства, предшествующие этому эпизоду его биографии… И он, совершенно неожиданно для себя, рассказал Умегату про солдата ордена Дочери, который, сидя на излишне нервной лошади, выронил в грязь золотую монету, и как он потом пришел в Валенду…

Умегат заварил чай на маленьком огне и при-

двинул к Кэсерилу дымящуюся чашку, но тот сделал лишь маленький глоток, чтобы промочить высохшее горло и не отвлекаться. Продолжив повествование, он вспомнил, как Изелль на праздновании Дня Дочери отчихвостила продажного судью и как со временем они прибыли в Кардегосс.

Потянув за свою косичку, Умегат спросил:

— Так вы полагаете, Боги управляли вашими действиями с тех самых пор? Есть над чем задуматься. Впрочем, Боги экономны, зря силы не растрачивают, а потому используют любой подвернувшийся шанс.

— Но если Боги ведут меня по этой дороге, как быть с моей свободной волей? — спросил Кэсерил.

Умегат просветлел лицом, как бывало всегда, когда он сталкивался с непростой теологической проблемой.

— У меня есть еще один вариант, который вполне учитывает факт и свободной воли человека, и вмешательства Богов в земные дела. Допустим, по дороге, ведущей к известной нам цели, Боги запустили сотню, нет — тысячу Кэсерилов и Умегатов и до конца ее пройдут те двое, что верно выбрали маршрут. Сами выбрали,

заметьте!

— А я — первый или последний?

— Ну уж точно не первый, — отозвался рокнариец.

Кэсерил понимающе хмыкнул. Потратив некоторое время на переваривание услышанного, он неожиданно сказал:

— Хорошо! Вас приставили к Орико, меня — к Изелль. Но кто-то допустил серьезную ошибку! Тейдес ведь остался без защиты! Разве нас не должно быть трое? Третий — некто от Брата. Инструмент, святой или просто дурак — я не знаю! Или, может быть, та сотня или тысяча, что была послана его охранять, заблудилась по дороге? А может быть, нужный человек еще в пути…

Новая мысль вдруг явилась Кэсерилу и бросила его в дрожь.

— А вдруг это был ди Санда? — спросил он сам себя.

И бессильно упал лицом в лежащие на столе ладони.

— Если я буду соревноваться с вами в теологических дебатах, — проговорил он слабым голосом, — то закончу тем, что опять наберусь в стельку — просто для того, чтобы мозги не перегрелись. Уж больно бешено они крутятся у меня

в черепе.

— Пьянство — достаточно распространенный порок среди священников, — сказал Умегат.

— Понятно, почему!

Кэсерил, запрокинув голову, влил остатки холодного чая в горло, после чего поставил чашку на стол.

— Умегат! — произнес он, подумав. — Если я буду советоваться с вами по поводу всех своих действий… Допустим, буду спрашивать вас, хорошо или плохо закончится то, что я должен предпринять… Или выбрать мне то или выбрать это… Я тогда с ума сойду! Или просто завалюсь куда-нибудь в угол, свернусь калачиком и стану причитать да всхлипывать.

Умегат ухмыльнулся — достаточно зло и иронично, как показалось Кэсерилу, — после чего покачал головой.

— Богов вам все равно не перехитрить, — сказал он. — Изберите стезю добродетели — если сможете ее опознать — и верьте, что долг, который вы исполняете, есть именно то, чего от вас ждут. А достоинства, которые вам даны, вы должны направить на служение Богам. Верьте: Боги никогда не потребуют назад то, чем они вас предварительно не одарили. Даже вашу жизнь.

Кэсерил потер лоб и глубоко вздохнул.

— Тогда, — сказал он, — я приложу все силы для того, чтобы устроить брак Изелль и ибранского принца. Только так проклятье отступится от принцессы. Буду доверять своему рассудку. Ведь Богиня не зря выбрала ей в наставники именно разумного человека.

Проговорив это, он добавил со вздохом:

— По крайней мере, когда-то меня таковым считали.

С мгновение поразмыслив, он встал, выпрямился и, резко отодвинув стул, твердо произнес:

— Молитесь за меня, Умегат.

— Ежечасно, милорд!

За окнами уже темнело, когда леди Бетрис принесла в кабинет Кэсерила свечку и стала, расхаживая по комнате, зажигать одну за другой укрепленные в стеклянных подсвечниках свечи, при свете которых хозяин кабинета обычно читал по вечерам. Он улыбался и, кивая, благодарил девушку. Бетрис улыбнулась Кэсерилу в ответ и затушила свою свечу, но в покои принцессы не пошла, а задержалась в кабинете ее секретаря.

Она стояла, как заметил Кэсерил, в том самом месте, где они расстались в ночь смерти лорда Дондо.

— Все понемногу налаживается, слава Богам, — проговорила Бетрис.

— Да, понемногу, — согласился Кэсерил, откладывая перо.

— Я начинаю верить, что все будет хорошо.

— Да.

Но желудок Кэсерила скрутило, и он понял — *не будет*!

Воцарилась длинная пауза. Кэсерил взял перо и обмакнул его в чернила, хотя, по правде говоря, писать ему было нечего.

— Кэсерил, — сказала наконец Бетрис, — вам что, обязательно нужно идти на смерть, чтобы иметь возможность поцеловать даму?

Он склонил голову, вспыхнув, и, откашлявшись, проговорил:

— Примите мои глубочайшие извинения, леди Бетрис. Это больше не повторится.

Он боялся поднять глаза, полагая, что, увидев его взгляд, она попытается сломать разделяющие их хрупкие барьеры и, конечно же, ей это удастся.

О, Бетрис! Не жертвуйте своим достоинством

ради того, кто не способен ответить на вашу жертву!

Голос ее прозвучал сухо:

— Мне очень жаль слышать это от вас.

Он слушал, как она уходила, вперив невидящий взгляд в строки бухгалтерского отчета.

Пролетело несколько дней, а Изелль все еще вела свою кампанию против Орико. Прошло столько же ночей, и каждая ночь приносила Кэсерилу мучения — дух Дондо, заточенный внутри его тела, не переставая кричал все то время, когда, как было уже известно, он умирал в доме своего брата. Кэсерил не мог лечь спать, не дождавшись этого полуночного концерта, да и после него сон не шел, а потому лицо его от недосыпа осунулось, а сам он устал немилосердно. Теперь его обычные дневные спутники — привидения — казались ему милыми домашними питомцами. Вином себя глушить он не хотел, а потому решил: буду держаться, а там будь что будет.

По мере движения времени Орико встречал атаки своей сестры со все меньшей решительностью. Пытался он и избегать ее, причем самыми

замысловатыми способами. Прятался то в своих покоях, то на кухне… А однажды, к возмущению Нан ди Врит, принцесса нашла его в бане. Однажды он попытался вновь скрыться в охотничьих угодьях в дубовом лесу, но тотчас же, сразу после завтрака, вслед за ним устремилась и Изелль. Кэсерил облегченно вздохнул, когда его постоянные спутники призраки отстали от него и остались в Зангре. Видно, за пределами того места, где они расстались с жизнью, им было неуютно.

Было видно, какую радость принцессе принесла скачка по лесным дорогам, напоенным хрустящим зимним воздухом. Понятно было, что она сбросила со своих плеч все заботы, которые окружали ее при дворе, и теперь наслаждалась скоростью и свободой. Несмотря на то что встреча с братом не дала ощутимых результатов, глаза ее сияли, а кожа на лице порозовела. Леди Бетрис в не меньшей степени, чем принцесса, испытывала удовольствие от поездки. Сопровождали их четыре охранника из Баосии, которые едва поспевали за дамами.

Кэсерил же не без труда скрывал то, насколько ему больно и неудобно сидеть на лошади. Дело в том, что утром он вновь обнаружил в ночном судне кровь, чего не было уже несколько дней. К

тому же еженощная серенада, которую исполнял Дондо, в этот раз оказалась ужасной как никогда — впервые внутреннее ухо Кэсерила услышало в воплях младшего ди Джиронала членораздельные слова. То есть смысла в них было немного, но, по крайней мере, слова были различимы. Что-то будет дальше?

На следующее утро, опасаясь, что Изелль захочется повторить вчерашние скачки, Кэсерил устало поднялся в свой кабинет на этаже принцессы, и не успел он усесться в кресло и погрузиться в бухгалтерские книги, как появилась королева Сара, сопровождаемая двумя придворными дамами. Она прошелестела мимо Кэсерила, окруженная облаком белой шерсти. Удивленный, он вскочил и низко поклонился, на что королева ответила ему легким кивком головы.

Из покоев, куда было запрещено входить мужчинам, послышались приветственные возгласы. Принцесса радушно встретила королеву, и они уединились, отослав и придворных дам королевы, и Нан ди Врит в гостиную, где те сидели, вязали и тихими голосами сплетничали. Через полчаса королева Сара вышла и с тем же холодным видом прошествовала через кабинет Кэсерила на выход.

Вскоре появилась Бетрис.

— Принцесса просит вас прийти в ее гостиную, — сказала она Кэсерилу. На лице Бетрис было написано беспокойство и волнение, темные брови ее были сдвинуты. Кэсерил тут же встал и проследовал за Бетрис.

Изелль сидела в резном кресле, крепко сжав его подлокотники побелевшими пальцами. Она тяжело дышала.

— Мой брат — негодяй, Кэсерил, — сказала она, как только он вошел и, поклонившись, подвинул к ее креслу стул, чтобы сесть.

— Моя госпожа? — произнес он, стараясь как можно аккуратнее опуститься на сиденье — боль в животе не унималась и, если он двигался излишне резко, резала его словно ножом.

— Никакой свадьбы без моего согласия, говорил он, и это звучало правдиво. Но ничего и без согласия ди Джиронала! А что мне сейчас рассказала Сара! После смерти брата, но еще до того, как он отправился из Кардегосса на поиски его убийцы, канцлер прижал моего брата к стене и убедил его внести поправки в завещание. В случае смерти Орико ди Джиронал становится регентом при моем брате Тейдесе.

— Об этой схеме известно уже достаточно

давно, принцесса! Если есть регент, то при нем существует Совет, который выполняет совещательные и контрольные функции. Провинкары Шалиона не допустят, чтобы один из них прибрал к рукам слишком большую власть.

— Да, я знаю, но…

— Ведь поправки в завещание не отменяют существование Совета? — обеспокоенно спросил Кэсерил. — Лорды возмутятся!

— Нет, эта часть осталась без изменения. Но есть кое-что другое! Раньше я была под опекой своей бабушки и дяди, провинкара Баосии. Теперь опека передается ди Джироналу, и никакой совет не имеет возможности все это контролировать. И еще, Кэсерил. Ди Джиронал является моим опекуном до того момента, как я выхожу замуж, но разрешение на мое замужество дает он! Если он захочет, то я до старости не выйду замуж!

Кэсерил постарался скрыть свою обеспокоенность.

— Не переживайте, принцесса, — сказал он. — Он уже стар и долго не протянет. К тому же, когда Тейдес вступит в возраст совершеннолетия и примет на себя все полномочия короля, он освободит вас от этой опеки королевским указом.

— Но для Тейдеса этот возраст наступит в два-

дцать пять лет, Кэсерил!

Лет десять назад Кэсерил разделил бы с принцессой ее негодование. Но теперь это выглядело даже неплохой идеей. Если бы, конечно, не ди Джиронал.

— Мне будет почти двадцать восемь!

Еще двенадцать лет проклятие Шалиона будет оказывать на нее свое разрушающее воздействие. Нет, как ни посмотри, хорошего в этом мало!

— И он может убрать *вас* из моего штата! — сказала принцесса.

У вас, принцесса, есть другая Покровительница, которая пока меня никуда не убирает.

— У вас есть причины для беспокойства, принцесса, но не стоит их преувеличивать. Подождем! Все это не имеет никакого значения, пока Орико жив.

— Сара говорит, он не совсем здоров!

— Да, крепости ему не хватает, — осторожно кивнул Кэсерил. — Но он же еще совсем не стар. Ему же чуть больше сорока.

По выражению лица Изелль Кэсерил понял, какими стариками этим юным дамам кажутся сорокалетние мужчины.

— Ему гораздо хуже, чем кажется, говорит Сара.

— Неужели она с ним настолько близка, что знает так много о его здоровье? — спросил Кэсерил.

— Я их не понимаю, — сказала Изелль, потирая глаза. — О, Кэсерил! То, что мне рассказал Дондо, было правдой! Потом я думала, что он просто лжет мне, чтобы напугать. Сара так отчаянно хотела ребенка, что, когда Орико уже ничего не мог, она разрешила попробовать ди Джироналам. Марту был совсем неплох, сказала она. По крайней мере, он был галантен и красиво ухаживал. И только тогда, когда у старшего ничего не получилось, в дело вступил Дондо. Тот был ужасен и особое удовольствие получал, когда унижал Сару. Самое страшное в этом — Орико все *знал*. Больше того, он сам *склонял* Сару к этой отвратительной связи. Я ничего не понимаю, Кэсерил! Ведь Орико достаточно хорошо относится к Тейдесу. Мог ли он хотеть, чтобы на его место уселся бастард от ди Джиронала?

— Нет! *И нет, и да!* Сын ди Джиронала и Сары не будет прямым потомком Фонзы Мудрого. Орико мог прийти к мысли, что такой ребенок, в конечном счете, освободит род Шалион от проклятья Золотого генерала. Отчаянная мера, но, не исключено, эффективная.

— Королева Сара, — продолжила Изелль с усмешкой, — сказала, что, если ди Джиронал найдет убийцу Дондо, она заплатит за его похороны, установит пенсию его семье и попросит священников в кардегосском Храме постоянно молиться за него.

— Хороший план, — слабым голосом сказал Кэсерил. Правда, у него самого семьи не было. Он слегка сгорбился, чтобы скрыть гримаску боли. Итак, даже Сара, наполнившая девичьи ушки принцессы дикими деталями своей интимной близости с ди Джироналами, ничего не сказала ей о родовом проклятье. А то, что Сара о нем знала, не подлежало сомнению. Итак: Орико, Сара, ди Джиронал, Умегат, возможно — Иста, не исключено, что и провинкара — все всё знали, но ни один из них не рискнул нагрузить этих детей знанием о темной туче, которая нависла над ними. Неужели именно ему предстоит разрушить завесу молчания? Но кто он такой, чтобы делать это? Это дело близких!

Но в таком случае, когда же официальные защитники и покровители Тейдеса и Изелль собирались рассказать им об их страшной судьбе? Может быть, это собирался сделать сам Орико, уже на смертном одре — как это сделал его отец

Иас?

Имеет ли право Кэсерил открыть Изелль тайну, которую скрывают от нее ее родственники и защитники?

А готов ли он рассказать ей, *как* он узнал об этой тайне?

Он посмотрел на леди Бетрис, которая, усевшись на соседний стул, озабоченно смотрела на свою госпожу, пребывающую в крайнем расстройстве. Даже Бетрис, которая прекрасно знала, что он прибегал к магии смерти, не подозревала, что он в ней преуспел.

— Даже не представляю, что еще попробовать! — простонала Изелль. — Орико *бесполезен*!

А может быть, Изелль способна избежать проклятья, даже о нем не узнав? Он глубоко вздохнул — то, что он собирался произнести, отдавало государственной изменой.

— Вы можете сами предпринять шаги по организации собственного замужества.

Бетрис, широко раскрыв глаза, удивленно посмотрела на Кэсерила.

— Что? Тайно? — спросила Изелль. — Тайно он моего брата — короля?

— Тайно от его канцлера.

— А это будет законно?

— Брак, заключенный по всем правилам и скрепленный всеми необходимыми способами, не может отменить даже король. Если мы добьемся, что в вашем желании вступить в брак самостоятельно вас поддержит значительная часть шалионцев, а также та оппозиция канцлеру, которая уже существует, то вашему браку ничто не может угрожать.

А если вас удастся вывезти из Шалиона и отдать под защиту влиятельного и умного свекра, такого, как ибранский Лис, то и проклятие, и братец с его канцлером останутся далеко позади.

Непросто было выбрать между положением беспомощной заложницы при одном дворе и положением не менее беспомощной заложницы при другом, но чтобы снять проклятие — ради этого стоило и попробовать.

— И что, — глаза Изелль одобрительно загорелись, — это может получиться?

— Есть технические сложности, — произнес Кэсерил, — но у них есть и свои решения. Главное — найти человека, которому вы могли бы полностью доверять и который сыграл бы роль вашего посланника. Он должен быть наделен изрядным умом, чтобы занять максимально выгодную позицию на переговорах в Ибре, деликатностью,

которая позволила бы ему ни в чем не обидеть Шалион, крепкими нервами и выдержкой — они необходимы при преодолении неспокойных границ между странами. Так же он должен быть абсолютно предан вам, и только вам, и храбро защищать в случае необходимости ваши интересы. Ошибка в выборе такого человека была бы фатальной.

Изелль, сложив руки, нахмурилась.

— Вы можете найти такого человека? — спросила она.

— Я займусь этим, и решу, кто достоин такой миссии.

— Прошу вас, Кэсерил, — попросила принцесса. — Найдите.

А леди Бетрис проговорила, с неожиданной хрипотцой в голосе:

— Далеко вам искать не придется.

— Это не могу быть я, — сказал он, одновременно думая: *я в любой момент могу упасть мертвым у самых ваших ног*. — Я не имею права оставить вас без своей защиты.

— Мы все будем об этом думать, — твердо сказала Изелль.

Праздники, посвященные Дню Отца, прошли спокойно. Ледяной дождь омрачил празднования в Кардегоссе, помешав многим придворным из Зангры присутствовать на городской процессии, хотя Орико, исполняя свои монаршие обязанности, отправился в Храм, в результате чего подхватил жестокую простуду. Он воспользовался этим обстоятельством себе во благо — залег в постель и не хотел никого видеть. Жители замка, все еще носящие траур по Дондо, собрались на скромный пир в честь Дня Отца; музыка в банкетном зале играла, но танцев не было.

Дождь со снегом шел всю неделю. Как-то утром, когда Кэсерил, пытаясь объединить педагогику с бухгалтерией, учил Бетрис и принцессу ведению книг, раздался стук в дверь и пажеский голос провозгласил:

— Марч ди Паллиар желает видеть милорда Кэсерила!

— Палли! — воскликнул Кэсерил. Он поворотился к вошедшему и, вставая со стула, оперся ладонью о поверхность стола. Дамы радостно вспыхнули и зарделись от удовольствия и пробудившейся в них энергии. Куда только девались тоска и скука, которые преследовали их все последние дни?

— Я и не ждал, что ты так скоро окажешься в Кардегоссе!

— Сам не ждал!

Палли поклонился дамам и с улыбкой приветствовал Кэсерила. Опустив монетку в ладонь пажа, он отправил его прочь, и тот, вполне удовлетворенный, отчалил.

— Я взял с собой только пару офицеров, — продолжил Палли. — Лошадей нещадно гнали. Остальной отряд идет следом, не торопясь.

Оглядев внутреннее убранство комнаты, он содрогнулся широкими плечами.

— Спаси нас и сохрани, Богиня! — произнес он наконец. — Когда я был здесь в прошлый раз, я и не думал, что окажусь таким пророком. То, что случилось, ввергает меня в дрожь сильнее, чем самый мокрый дождь с самым холодным снегом.

Он сбросил промокший шерстяной плащ, оставшись в бело-голубом одеянии офицера ордена Дочери, и стряхнул с черных волос оставшиеся там капли дождя, после чего крепко пожал руку Кэсерила.

— Демоны Бастарда! Кэс! Да ты неважно выглядишь!

Увы, Кэсерил не мог ответить другу так же бодро и энергично. Вместо этого он пробормотал:

— Это все погода. Все мы тут вялые и скучные.

Палли сделал шаг назад и осмотрел Кэсерила с головы до ног.

— Погода, говоришь? Когда я видел тебя в последний раз, кожа твоя не была цвета заплесневелого теста, а под глазами не было синих кругов, как у толстохвостой крысы! И выглядел ты вполне справно, а не как сейчас: бледный, какой-то ощипанный, и пузо торчит!

Кэсерил резко выпрямился, пытаясь втянуть внутрь изнывающий от боли живот, а Палли, ткнув в него пальцем, добавил:

— Принцесса! Вашему секретарю нужен врач!

Изелль взглянула на Кэсерила — так, словно увидела его в первый раз после долгой разлуки, охнула и машинально прикрыла рукой рот. Она действительно совсем мало внимания обращала на своего секретаря, будучи полностью поглощена своими собственными бедами. Бетрис же, прикусив нижнюю губу, переводила взгляд с Кэсерила на принцессу и обратно.

— Не нужен мне никакой врач! — твердо провозгласил Кэсерил. *Или кто-либо иной, кто принялся бы задавать мне вопросы.*

— Именно так говорят все мужчины, когда их самомнению угрожают скальпель и слабитель-

ное, — проговорил Палли, отмахнувшись от слов друга. — Когда один из моих сержантов натер седлом… ну, вы знаете что, я препроводил его к пиявочнику, уткнув ему в спину острие своего меча. Не слушайте его, принцесса!

Тут лицо его стало вполне серьезным, и, поклонившись принцессе, он произнес:

— Принцесса! Вы позволите мне поговорить с кастилларом наедине? Обещаю, что надолго его не задержу. У меня, увы, совсем нет времени.

Изелль царственным кивком головы дала свое согласие. Кэсерил, моментально уловив по интонации Палли, что разговор предстоит серьезный, повел его не в кабинет, находившийся в покоях принцессы, а на нижний этаж, в свою комнату. Коридор, к счастью, был пуст. Войдя, он плотно закрыл и запер тяжелую дверь, чтобы избежать подслушивания. Единственным свидетелем их разговора был дряхлый дух какого-то давно протянувшего ноги старика.

Чтобы не показать Палли, как он неуклюж теперь в движениях, Кэсерил тут же сел в кресло. Палли присел на краешек постели, бросил куда-то в сторону свой свернутый плащ и сложил руки на коленях.

— Курьер, прибывший в Паллиар от Дочери,

вероятно, не был разочарован приемом? — предположил Кэсерил, быстро подсчитав в уме, сколько дней нужно было, чтобы весть о смерти Дондо добралась до Палли.

Палли в удивлении приподнял брови.

— Ты уже знаешь? Я полагал, что созыв конклава — вещь секретная. Хотя, конечно, от кого скроешь, что главные люди ордена уже начали прибывать в Кардегосс.

— У меня есть свои источники, — пожал плечами Кэсерил.

— Не сомневаюсь, — отозвался Палли и с улыбкой погрозил Кэсерилу пальцем. — Но у меня есть и свои.

После этого он заговорил тихо и отчетливо:

— Ты единственный умный человек в Зангре, которому я доверяю. Что все-таки происходит при дворе? В связи с кончиной нашего генерала ходят самые дикие и нелепые слухи, сколь бы мне эта история ни казалась приятной, но я не верю в то, что мерзавца унесли яркокрылые демоны Бастарда после того, как об этом его в своей молитве попросила принцесса Изелль.

— Все было немного не так. Он насмерть подавился во время пирушки накануне своей свадьбы.

— Подавился своим ядовитым лживым языком, как многие надеются.

— Очень похоже на правду.

Палли фыркнул и продолжил:

— Высшие офицеры ордена — и те, кого он не смог купить, и менее несговорчивые, видят в смерти Дондо знак того, что судьба поворачивается к нам лицом. Как только в Кардегоссе соберется кворум, мы постараемся обойти канцлера и сами представим королю своего кандидата на пост святого генерала ордена Дочери. Или, допустим, список из трех достойных людей, из которых король выберет одного.

— Второй вариант лучше. — сказал Кэсерил. — Там очень тонкая грань…

Кэсерил не стал произносить *между верностью и предательством*.

— К тому же, — продолжил он, — у ди Джиронала свои люди в Храме и в Зангре. Ты же не хочешь, чтобы у нас началась внутренняя грызня?

— Даже ди Джиронал не рискнет послать солдат Сына против солдат Дочери, — уверенно произнес Палли.

— Ну это… — неопределенно пожал плечами Кэсерил.

— Кроме того, — продолжил Палли, — некото-

рые лорды из ордена хотят пойти дальше. Они намереваются собрать полный набор улик, обвинив канцлера в получении взяток, угрозах, присвоении чужого имущества, должностных преступлениях. Мы представим эти улики королю и таким образом добьемся смещения ди Джиронала с поста канцлера. Пусть король, наконец, займет хоть какую-то позицию!

Кэсерил потер переносицу и проговорил остерегающим тоном:

— Добиться, чтобы Орико занял какую-нибудь позицию — все равно что строить башню из горчицы. Бессмысленно делать на это ставку. К тому же король полагается на ди Джиронала в гораздо большей степени, чем я могу объяснить. Ваши доказательства должны быть по-настоящему убийственными.

— И именно поэтому явился я к тебе, — сказал Палли, склонившись в сторону Кэсерила. — Ты сможешь под присягой повторить историю про то, как ди Джиронал продал тебя на галеры?

Кэсерил колебался.

— Из доказательств у меня нет ничего. Только мое слово. Вряд ли это убедит короля.

— Твое свидетельство будет не единственным. Будут еще. Но твои слова станут искрой, от кото-

рой разгорится пламя.

Искра? Яркая, но мгновенно погасшая? Он станет осью, на которой будет вращаться колесо обвинения! А ему это нужно? Кэсерил напряженно покусывал губы.

— Кроме того, у тебя прочная репутация! — продолжил Палли.

Кэсерил с сомнением пожал плечами:

— Не такая уж она и прочная…

— Напрасно ты так говоришь! Все на свете знают о секретаре принцессы Изелль, который мудро ведет дела принцессы, охраняет ее и при этом — совершенно равнодушен к богатству.

— Да все не так! — Кэсерил замахал руками. — Просто я плохо одеваюсь. А богатство я люблю.

— И пользуется полным доверием со стороны принцессы. А что касается жадности, которой прочим придворным не занимать… Я помню, Кэсерил, как ты трижды отвергал взятки рокнарийцев, которые просили тебя сдать Готоргет. Причем последний раз — когда ты почти умирал с голоду. И я могу дать на этот счет свидетельские показания.

— Но, конечно же, я не мог…

— Совет прислушается к твоим словам, Кэс!

Кэсерил вздохнул.

— Я подумаю, Палли, — сказал он. — У меня ведь и других забот полон рот. Я дам показания, но только на закрытом заседании и только в том случае, если в них действительно будет необходимость. Внутренняя политика Храма — это не мои дела!

Резкая боль в животе дала ему понять, что слова он выбрал неверно. *Боюсь, что я, наоборот, даже слишком озабочен внутренней политикой Дочери!*

Радостный кивок со стороны Палли дал Кэсерилу понять, что тот получил даже больше, чем надеялся получить. Палли встал, крепко пожал другу руку и вышел.

16

Через два дня, когда Кэсерил сидел в своем кабинете и чинил перья, вошел замковый паж и провозгласил:

— Служитель Храма Материнского Милосердия Роджерас, по приказу принцессы Изелль, милорд.

Роджерасу было около сорока лет, песочного цвета волосы его несколько поистерлись на макушке, а умные голубые глаза смотрели из-под выцветших бровей. О его профессии можно было узнать по зеленой тунике (такого цвета наряды носили работники приюта, не относившиеся к священству), а о высоком статусе — по спускавшейся до плеча косичке. Кэсерил сразу понял, что целитель прибыл по его душу; если бы заболел кто-то из дам, прислали бы, соответственно, женщину. Кэсерил скрыл свою обеспокоенность и

вежливо поклонился, после чего хотел доложить о приходе Роджераса принцессе, но, подойдя к дверям, увидел Изелль и Бетрис, которые уже приветствовали гостя улыбками. Судя по их виду, явление врача их не удивило.

Полуприсев в реверансе в ответ на низкий поклон Роджераса, Бетрис сказала:

— Это человек, о котором я говорила вам, принцесса. Настоятель приюта говорил, что он специально занимался изучением болезней, связанных с истощением и упадком сил. В Шалионе у него множество учеников.

Выходит, вчерашний визит леди Бетрис в Храм был связан не только с необходимостью помолиться и раздать милостыню. Да и Изелль гораздо лучше осведомлена о подводных течениях придворной жизни, чем он предполагал. Наверняка она знает все и о его прошлом. Да, он попал в капкан, который установили на него его собственные подопечные. Пожав плечами, он натянуто улыбнулся. Бояться было нечего — признаков того, что врач наделен способностью к внутреннему зрению, он не заметил. А что он сможет сказать, имея перед собой лишь тело Кэсерила?

Изелль оглядела врача, удовлетворенно кивнула и произнесла:

— Осмотрите моего секретаря и доложите мне о состоянии его здоровья!

— Принцесса! Но мне не нужен врач!

Особенно врач, способный осмотреть не только мое тело, но и душу.

— Много времени это не займет, — произнесла Изелль. — Тем более что все время, которым мы располагаем, дают нам Боги. А я приказываю вам, Кэсерил, дабы не вызвать моего неудовольствия, сейчас же отправиться с этим человеком.

Ошибиться в степени ее решительности было нельзя. Чертов Палли! Не только влез не в свое дело, но еще и принцессу научил, как его прижать к стенке. Хотя врач может либо диагностировать чудо, либо нет. Если он поставит верный диагноз, Кэсерил прибегнет к помощи Умегата, и пусть тогда святой, у которого особые, недоступные простым смертным, отношения с Храмом, сам решает его дела. Если же врач не определит, что с ним, — что толку беспокоиться?

Кэсерил покорно, хотя и несколько обиженно, поклонился и повел своего непрошеного гостя вниз, в свою спальню. Леди Бетрис отправилась за ними, чтобы проверить, насколько четко будет выполнен приказ ее госпожи. Словно извиняясь, она улыбнулась Кэсерилу и тут же надулась,

когда он закрыл перед ее носом дверь.

В спальне врач посадил Кэсерила у окна и начал осмотр. Пощупал пульс, посмотрел в глаза, уши, горло. Заставил Кэсерила расстаться с небольшим количеством воды, которую, перелив в стеклянную колбочку, долго рассматривал на свет и нюхал. Решил исследовать кровь, и Кэсерил допустил врача к своей вене. Затем его попросили раздеться и лечь на кровать, а врач принялся выстукивать его тело холодными костлявыми пальцами, после чего приложился ухом к груди, вслушиваясь в биение сердца и дыхание. Кэсерилу пришлось объяснять происхождение шрамов на спине. Врач, внимательно выслушав, предложил свои услуги в избавлении он этого украшения. У Кэсерила едва волосы дыбом не встали на голове, когда он услышал о тех методах, которыми в таких случаях пользовался сей целитель, и он заявил, что лучше подождет, когда в очередной раз сверзнется с лошади, на что врач глухо хохотнул.

Но улыбка сошла с физиономии Роджераса, когда тот принялся исследовать живот Кэсерила. Мял и простукивал его, спрашивая поминутно:

— Болит?

Кэсерил, решивший не выдавать ни себя, ни

демона, твердо отвечал:

— Нет.

— А если так?

Кэмерил охнул — такой острой и неожиданной оказалась боль.

— Боль есть. Понятно.

Некоторое время врач продолжил свои манипуляции, после чего, оставив ладони лежать на животе пациента, задумался. Встряхнулся и посмотрел на Кэсерила, чем-то напомнив в этот момент Умегата.

Пока Кэсерил одевался, Роджерас с улыбкой смотрел на него, но глаза его были задумчивы.

Кэсерив, приведя себя в порядок, проговорил уверенным тоном:

— Говорите, доктор! Я разумный человек, и никакая новость меня не убьет.

— Вы полагаете? Хорошо.

Роджерас вздохнул и произнес спокойным будничным тоном:

— Милорд, у вас большая опухоль.

— Понятно, — отозвался Кэсерил, осторожно усаживаясь в кресло.

Врач быстро взглянул на него.

— И вас это не удивляет? — спросил он.

У меня уже была возможность удивиться.

Кэсерил с тоской подумал о том, каким было бы облегчением узнать, что у него обычный, пусть и смертельный, рак. Он был уверен, что ни у кого из больных с таким диагнозом опухоль не орет по ночам непристойности, не давая заснуть своему хозяину.

— У меня были причины полагать, что со мной не все в порядке, — сказал он вслух. — Но что все это означает? Что, как вы полагаете, должно случиться?

Он старался говорить как можно более нейтральным тоном.

— Ну, как вам сказать…

Доктор сел на краешек кровати Кэсерила и сложил пальцы ладоней вместе.

— Есть разные виды новообразований, — проговорил он наконец. — Некоторые дают метастазы, некоторые капсулируются, некоторые быстро убивают, а с некоторыми можно жить годами, и никакого беспокойства они не причиняют. У вас — капсула, и это дает надежду. Достаточно распространенный вид, киста, наполненная жидкостью. Я пользовал одну даму с такой кистой, и она прожила с ней двадцать лет.

— Вот как! — произнес Кэсерил, стараясь показать, насколько обрадовала его эта новость.

— К моменту, когда эта дама умерла, опухоль весила более восьмидесяти фунтов, — продолжал врач, а у Кэсерила мурашки пробежали по спине.

Роджерас же между тем продолжал, как ни в чем не бывало:

— За все годы моих исследований было еще два крайне интересных случая — круглой формы массивная капсула, в которой после вскрытия обнаружили комки плоти с волосами, зубы и кости. Одна такая опухоль была в животе женщины, что вполне логично, а другая — в мужском бедре. Я думаю, что эти люди были использованы сбежавшим демоном, который хотел приобрести человеческие формы. Если бы демон преуспел в этом деле, я полагаю, он бы, обретя плоть, прогрыз себе путь в этот мир, что было бы отвратительно и богопротивно. Все это время я мечтал о живом пациента с подобным новообразованием. Я мог бы наблюдать его и таким образом нашел бы подтверждение своей теории.

И врач задумчиво посмотрел на Кэсерила.

Огромным усилием Кэсерил удержался от отчаянного крика. В ужасе посмотрел на свой припухший живот. Он-то полагал, что его ненормальность имеет духовную, а не физическую

природу. Ему и в голову не приходило, что они могут сочетаться. Такого рода вторжение сверхъестественного в естественное было просто невероятным, и тем не менее оно осуществилось.

Он проговорил сдавленным голосом:

— Они тоже вырастают до сотни фунтов весом?

— Нет, те две опухоли были значительно меньше, — попытался успокоить врач Кэсерила.

Тот посмотрел на целителя с надеждой.

— Но вы ведь можете их удалить, верно?

— Только из умершего, — извиняющимся тоном проговорил врач.

— Но ведь можно и… из живого?

Если найти достаточно храброго человека, который сознательно ляжет под остро отточенную сталь… Если есть хоть какая-то возможность с помощью быстрой ампутации избавиться от этой мерзости. Нельзя ли совершить чудо во плоти, если именно плоть стала полем чуда?

Роджерас с сомнением покачал головой.

— Нога, рука — может быть. Но это… Вы же воевали и видели, что происходит с ранами в животе. Даже если вы сможете пережить боль операции, лихорадка убьет вас через несколько дней.

Голос врача зазвучал более искренне.

— Я трижды пробовал делать такие операции, — сказал он. — И то только потому, что эти пациенты угрожали убить себя. Все они умерли. Я больше не хочу никого убивать. И не терзайте себя напрасными мечтами. Ничего не выйдет. А потому, пока есть время, берите от жизни все, что можете, и молитесь.

Именно потому, что я молился, все и произошло.

— Не говорите принцессе.

— Милорд! — грустно произнес Роджерас. — Я должен это сделать.

— Но я не могу… Она не может отправить меня в постель! Я не имею права оставить ее!

Кэсерил едва не кричал.

Врач удивленно вскинул брови.

— Ваша преданность принцессе делает вам честь, милорд Кэсерил. Успокойтесь! Пока нет никакой нужды укладываться в постель. Более того, ваши обязанности (физически, кстати, необременительные) позволят вам занять свою голову и успокоить душу.

Кэсерил глубоко вздохнул, но решил не разочаровывать Роджераса относительно тягот, связанных с исполнением обязанностей секрета-

ря принцессы.

— Дайте понять принцессе, что меня нет нужды отстранять от этих обязанностей.

— Обязательно. Но это не будет гарантией того, что вы сможете изнурять себя на этой работе. Вам нужно гораздо больше и чаще отдыхать, чем вы привыкли.

Кэсерил поспешно кивнул, давая понять, насколько он послушен и полон сил.

— Есть кое-что еще важное, — проговорил Роджерас, собираясь встать. — Я говорю это только потому, что вы — человек разумный и можете меня понять.

— Слушаю вас.

— Можно мне попросить вас дать мне письменное разрешение на помещение вашей опухоли в мою коллекцию — уже после вашей смерти?

— Вы собираете такой ужас? — скривился Кэсерил в гримасе. — Большинство коллекционирует живопись, древнее оружие, резьбу по дереву.

Отвращение боролось в Кэсериле с любопытством, но проиграло битву.

— И как вы все это храните? — спросил он.

— В банках с фруктовым спиртом, — улыбнулся Роджерас несколько смущенно. — Это может звучать жутковато, но надеюсь, когда я узнаю

достаточно много, мне удастся найти способ победить эту болезнь и рак перестанет убивать людей.

— Но ведь это — темные дары Богов! Как мы можем сопротивляться их воле?

— Мы ведь сопротивляемся гангрене, ампутируя пораженные части тела. Лечим воспаление зубов. Находим средства, чтобы победить лихорадку, — это холод, тепло и уход. Когда-то человечество просто не умело этого делать, но потом научилось.

Он замолк, но, помолчав несколько мгновений, сказал:

— Вполне понятно, почему принцесса очень высоко ценит вас и так о вас заботится.

Кэсерил, не зная, как ответить на эти слова, проговорил:

— Я служу ей еще с прошлой весны. До этого я служил ее бабушке, в Валенде.

— Она не подвержена истерике.

А? Высокородные дамы иногда…

Роджерас пожал плечами, не рискнув проговорить то, что могло показаться ему грубым.

— Нет, — отозвался Кэсерил. — Как и никто среди ее окружения. Скорее наоборот!

И добавил:

— Но, наверное, не стоит говорить дамам о том, что вы нашли… и расстраивать их слишком поспешно.

— Увы, придется, — отозвался Роджерас, поднимаясь с краешка кровати. — Как принцесса сможет найти верный способ действий, не зная, что происходит?

Разумный вывод. Провожая врача наверх, в покои Изелль, Кэсерил, озадаченный, размышлял.

Услышав его шаги, Бетрис вышла в коридор.

— С ним будет все в порядке? — спросила она у Роджераса.

— Всему свое время, моя госпожа, — ответил врач.

Они вошли в гостиную принцессы, где Изелль, сложив руки на коленях, сидела в резном кресле. На поклон врача она ответила легким кивком. Кэсерилу не очень хотелось присутствовать при разговоре принцессы с врачом, но услышать то, что скажет Изелль на его слова, ему было интересно, а потому он опустился в кресло, которое предусмотрительная Бетрис для него приготовила и на которое принцесса ему указала. В присутствии принцессы врач остался стоять.

— Моя госпожа, — сказал Роджерас, низким поклоном извиняясь за свою смелость, — у вашего

секретаря опухоль в кишечнике.

Изелль в ужасе посмотрела на врача. Бетрис побледнела. Изелль сглотнула и спросила, посмотрев на Кэсерила с выражением крайнего беспокойства:

— Он обречен на смерть?

Как правило, Роджерас в своей практике старался не подслащивать пилюль, какими бы горькими они ни оказывались, и на этот раз не изменил своим принципам:

— Смерть приходит ко всем, моя госпожа. Но сказать, сколько проживет лорд Кэсерил, я пока не в состоянии.

Бросив беглый взгляд на Кэсерила и столкнувшись с его умоляющим взглядом, он добавил уверенным тоном:

— Тем не менее нет никаких оснований освобождать его от обязанностей вашего секретаря, пока он себя неплохо чувствует. Хотя нужно запретить ему работать слишком много. И, с вашего позволения, я буду еженедельно приходить и обследовать лорда Кэсерила.

— Конечно, — согласилась Изелль.

Поговорив еще о диете для Кэсерила и о его обязанностях, Роджерас галантно откланялся и ушел.

Бетрис, с полными слез бархатными карими глазами, проговорила:

— Кэсерил! Я не хочу, чтобы вы умирали.

Кэсерил, усмехнувшись, ответил:

— Я сам не горю желанием умереть. Таким образом, нас уже двое.

— Трое! — подхватила принцесса. — Кэсерил! Что мы для вас можем сделать?

Тот хотел было сказать *ничего*, но решил воспользоваться возможностью и твердо произнес:

— Прежде всего, никому и ничего не рассказывайте. Мое самое горячее желание — чтобы об этом никто ничего не знал как можно дольше.

Известие о том, что Кэсерил умирает, могло навести ди Джиронала на некие мысли по поводу причины смерти Дондо. Канцлер должен был вернуться в Кардегосс со дня на день, и постигшая его в его поисках неудача могла заставить по-иному посмотреть на проблему исчезнувшего мертвеца.

Изелль приняла просьбу Кэсерила медленным кивком головы, и ему было позволено вернуться в кабинет, где он попытался сосредоточиться на бухгалтерских книгах. После того, как Бетрис в третий раз на цыпочках проникла в кабинет (два раза по собственной инициативе и один раз по

просьбе принцессы) и осведомилась, не нужно ли ему чего, Кэсерил пошел в контратаку и заявил, что пора бы им заняться грамматикой. Если дамы не собирались оставить его в покое, то он, по крайней мере, обратит их внимание к нему им на пользу. Никогда еще его ученицы не были столь послушны, внимательны и трудолюбивы, как во время этого урока, — настолько, что к концу занятий он едва не проклинал себя за то, что довел своих подопечных до такого состояния.

И тем не менее урок получился замечательный — скучными не показались даже долгие упражнения по освоению придворного рокнарийского. Чтобы им, боже упаси, не захотелось каким-то образом выказать ему свое сочувствие, он был колюч и язвителен, и мало-помалу к концу урока дамы стали обращаться с ним как обычно, хотя его и опечалило отсутствие на грустном лице Бетрис ее обычных ямочек.

После урока Изелль, чтобы сбросить усталость, принялась ходить по комнате из угла в угол, время от времени останавливаясь у окна. Равнина за стенами Зангры спала, окутанная зимним холодом. Принцесса потерла рукав своего траурного платья и сказала:

— Терпеть не могу черное с лиловым. Носишь,

словно синяк под глазом. Слишком много смерти в Кардегоссе. Жаль, что мы сюда приехали.

Решив, что согласиться со словами принцессы было бы неверно с политической точки зрения, Кэсерил молча поклонился и отправился к себе, чтобы переодеться к обеду.

Утром первый снег побелил улицы и стены Кардегосса, но пролежал всего до полудня. Палли сообщал Кэсерилу о прибытии лордов — офицеров ордена Дочери, которые один за другим появлялись в городе, а в обмен узнавал у друга последние замковые сплетни. Офицеры ордена, связанные взаимным доверием, были силой, которой Зангра вряд ли смогла бы противостоять.

Тем временем, словно подгоняемый холодным юго-восточным ветром, в город вернулся и сопровождаемый принцем ди Джиронал. Вернулся, к тайной радости Кэсерила, с пустыми руками, так и не отыскав жертву, на которой мог бы поупражняться в правосудии и выместить свою злобу. По лицу канцлера трудно было сказать, что было причиной его возвращения — то ли он отчаялся в успехе своего предприятия, то ли его быстрые

и вездесущие шпионы доложили ему о том, что в Кардегоссе собираются силы, которые он не контролирует.

Тейдес вернулся в свои покои усталый, раздраженный и печальный, чему Кэсерил нимало не был удивлен — таскаться по трем провинциям в поисках мертвеца, который умер как раз в момент смерти Дондо, было развлечением малоприятным, даже независимо от капризов погоды.

Пока Дондо был жив и, всячески стараясь угодить принцу, не отпускал его своим вниманием и попойками, Тейдес редко виделся с сестрой. Теперь же, войдя в покои принцессы, он обменялся с ней объятьями и они, словно соскучившись после долгой разлуки, принялись обсуждать разные дела. Кэсерил предусмотрительно ушел к себе и сел там над бухгалтерскими книгами, вертя в пальцах подсыхающее перо. Хозяйство принцессы значительно усложнилось после того, как Орико на помолвку подарил сестре ренту с шести городов, а после похорон жениха не стал этот подарок забирать.

Кэсерил вполуха слушал через полуоткрытую дверь, как Тейдес рассказывал сестре о своем путешествии — о грязных, непролазных доро-

гах, о встреченных неприветливых людях, о безвкусной еде и промозглых комнатах, где ему приходилось останавливаться на ночь. В голосе Изелль звучала скорее зависть, чем сочувствие, и она не преминула вставить, что для принца это была отличная подготовка к будущим зимним кампаниям. О поводах для поездки они даже не говорили — Тейдес все еще был обижен тем, что его сестра отвергла руку и сердце его кумира, а принцессе совсем не хотелось нагружать братца сведениями о более глубоких причинах той антипатии, которую она питала к Дондо.

Тейдес был не только среди тех, кто был расстроен неожиданной смертью младшего ди Джиронала, но и среди тех немногих, кто искренне по нему скорбел. Дондо очень ловко обхаживал принца, льстил ему, осыпал подарками, многие из которых были явно преждевременными, если учитывать юный возраст принца, а Тейдес был слишком неискушен, чтобы понимать: пороки мужчины не всегда являются оборотной стороной его добродетелей.

По сравнению с Дондо старший ди Джиронал был компанией слишком холодной и малоприятной. Все предприятие, по мере того, как время шло, а результатов не прибывало, начинало

раздражать ее участников. Ди Джиронал, который, как никто, нуждался в поддержке принца, уже не мог скрывать, как его недолюбливает, а потому заботу о Тейдесе препоручил своим подчиненным — секретарю, охранникам и слугам. И вообще Тейдес начал понимать, что для ди Джиронала он — обуза, а не помощник, а потому стал и реагировать соответственно, о чем можно было судить по тому, как он обращался к канцлеру, каким тоном и какими словами говорил со своим опекуном. Новый наставник продолжил было дело, незаконченное ди Сандой, а именно — привитие юноше правил благородного поведения, — но нисколько в том не преуспел.

Наконец, Нан ди Врит напомнила молодым людям, что пора одеваться к обеду, и брат с сестрой расстались. Тейдес медленно прошел через кабинет Кэсерила, мрачно глядя на свои башмаки. Мальчик сравнялся ростом с Орико, а его круглое лицо свидетельствовало в пользу того, что со временем он станет и таким же плотным, как его брат, хотя пока ему удавалось сохранять юношескую стройность и гибкость. Кэсерил перевернул страницу в книге, с которой работал, окунул в чернила перо и, глянув на принца с приветливой улыбкой, спросил:

— Как ваши дела, милорд?

Тейдес пожал плечами, и вдруг, вернувшись с полпути, подошел к столу Кэсерила. На лице его было написано не только раздражение, но и усталость, и крайняя степень обеспокоенности. Постукивая кончиками пальцев по поверхности стола, он оглядел стопку книг и бумаг, лежащую перед Кэсерилом. Тот, сложив руки на груди, ободряюще смотрел на принца.

Тейдес же резко проговорил:

— В Кардегоссе что-то не так. Верно?

В Кардегоссе многое не так. Кэсерил не знал, к чему отнести слова принца, а потому осторожно спросил:

— Отчего вы так думаете?

Тейдес раздраженно махнул рукой.

— Орико вечно нездоров, — сказал он. — И не правит так, как должен. Спит много, словно старик, а он еще не старик. И все говорят, что он утратил…

Тейдес слегка покраснел и рукой сделал неопределенный жест.

— …Ну, не может с женщиной, как положено. Вам не кажется, что в его болезни есть нечто странное?

Мгновение поколебавшись, Кэсерил ответил:

— Вы проницательны, принц!

— И смерть Дондо была странной, — продолжал Тейдес. — И мне кажется, это как-то связано.

А мальчик-то способен к глубоким размышлениям! Это хорошо!

— Вам следует обратиться с этими мыслями к…

Только не к ди Джироналу!

— …своему брату Орико. Это самый правильный вариант.

Кэсерил попытался представить, как Тейдес станет добиваться от короля прямого ответа на свои вопросы, и вздохнул. Если уж Изелль с ее искусством убеждать за все это время не добилась от Орико ничего, то как в этом деле преуспеет ее менее красноречивый брат? Король сделает все, чтобы уклониться от прямого ответа.

А может, Кэсерилу самому открыть принцу все тайны Шалиона? Хотя кто давал ему право раскрывать государственную тайну? Строго говоря, он даже знать ничего не должен о проклятии Шалиона! И если эти сведения обязаны достичь ушей Тейдеса, пусть ему обо всем поведает сам король. В противном случае это будет смахивать на заговор.

Похоже, он молчал слишком долго. Тейдес,

устав ждать, склонился к нему через стол и, прищурившись, прошептал:

— Лорд Кэсерил! А вы знаете?

Мы не можем оставлять вас более в неведении. Ни вас, ни Изелль.

— Принц! Я поговорю об этом с вами потом, но не сегодня!

Тейдес поджал губы и нетерпеливым жестом провел рукой по поверхности стола. В глазах его отразились недоверие и, как показалось Кэсерилу, страшное одиночество.

— Понятно, — сказал принц вяло-раздраженно и, повернувшись на каблуках, пошел по коридору.

— Придется все делать самому... — услышал Кэсерил звук его удаляющегося голоса.

Если он имеет в виду разговор с Орико, то это хорошо. Кэсерил предварительно сам сходит к королю и, если этого будет мало, позовет с собой Умегата. Отложив перо, он закрыл книгу, глубоко вздохнул, чтобы подавить резкую боль, пронзившую его внутренности, и встал из-за стола.

ови

Проще было решиться на встречу с королем, чем ее добиться. Думая, что Кэсерил явился к нему по поводу возможного брака Изелль с

ибранским принцем, Орико послал к нему своего постельничего, и тот попытался отделаться от гостя, наговорив с три короба по поводу того, как плохо себя чувствует король и как трудно ему видеть даже самых приятных для него людей. Дело осложнялось тем, что поговорить с Орико было необходимо с глазу на глаз и чтобы никто не прерывал. После обеда Кэсерил шел из банкетного зала, опустив голову, погруженный в размышления по поводу того, где же ему поставить капкан на короля, когда неожиданный толчок в плечо заставил его резко обернуться.

Он посмотрел на того, перед кем хотел было извиниться за свою рассеянность, но слова замерли у него на устах. Человека, с которым он столкнулся, звали сэр ди Жоал, и был он одним из совсем недавно нанятых Дондо молодчиков — кому в наши дни не нужны лишние карманные деньги? Рядом с ди Жоалом стоял его приятель. Неужели бывшие подручные Дондо перешли по наследству к его брату? Чуть поодаль, с обеспокоенным выражением лица, стоял сэр ди Марок. Получалось, не Кэсерил столкнулся с ними, а они с Кэсерилом! Свет от горящих в настенных канделябрах свечей искрами сиял в глазах молодых забияк.

— Неловкий болван! — взревел ди Жоал тоном явно отрепетированным. — Какое право вы имеете мешать мне пройти в дверь?

— Прошу меня извинить, сэр ди Жоал! — ответил Кэсерил. — Мои мысли унесли меня слишком далеко.

Отвесив поклон, он хотел было пройти дальше, но ди Жоал сделал шаг вбок, блокируя ему дорогу, и, отбросив полу своего плаща, обнажил эфес своего меча.

— Я сказал, что вы мешаете мне пройти! Так вы еще и лжете?

Так это засада? Хорошо! Кэсерил остановился и, сжав губы, устало спросил:

— Что вам угодно, ди Жоал?

— Будьте свидетелями, — обратился забияка к своему приятелю и стоящему поодаль ди Мароку. — Он мешал мне пройти!

Приятель послушно отозвался:

— Именно так! Я все видел!

Ди Марок промолчал.

— Я требую сатисфакции, лорд Кэсерил! — сказал ди Жоал.

— Я это вижу, — сухо произнес Кэсерил. Кто стоял перед ним? Просто разнузданный пьяница или наемный убийца, прибегший к самой простой его

формуле? Как это происходит? Горячие головы, поссорившись, решают драться до первой крови, а потом: *Он сам налетел на мой меч! Клянусь честью!* А проплаченный свидетель подтвердит что угодно.

— Меня удовлетворят три капли вашей крови, — произнес ди Жоал.

Обычная формула вызова.

— А я говорю вам, юноша, идите и окуните голову в холодную воду, пока не протрезвеете, — сказал Кэсерил. — Я не дерусь на дуэлях. Понятно?

И, подняв руки и похлопав ими по полам плаща, он показал, что при нем нет меча — кто же носит меч на обед?

— Позвольте пройти, — произнес он.

— Уррас! Одолжите этому трусу свой меч. Два свидетеля у нас есть. Выйдем во двор!

И ди Жоал кивком указал на двери коридора, которые вели наружу.

Его приятель отстегнул меч, усмехнулся и протянул Кэсерилу. Тот приподнял брови, но руки не протянул, отчего меч со стуком упал к его ногам. Он отбросил меч ногой в сторону хозяина и повторил:

— Я не дерусь на дуэлях!

— Может быть, назвать вас трусом прямо вам в лицо?

Рот забияки был полуоткрыт, дыхание его, в предвкушении драки, стало учащенным. Краем глаза Кэсерил заметил поодаль еще пару придворных, которых привлекли голоса. Эти люди, влекомые любопытством, медленно приближались к месту ссоры.

— Можете звать меня как угодно, и мерой вашему красноречию станет лишь мера вашей глупости. Но меня ваша болтовня нисколько не интересует, — сказал Кэсерил, пытаясь изобразить голосом утомленную скуку, которую он якобы испытывал. Но внутри его поднимался… Страх? Нет, *ярость*!

— Вы носите имя лорда, — не унимался ди Жоал. — Разве в вас нет чести и достоинства, присущих лордам?

Кэсерил скривился в ухмылке, и отнюдь не юмористической.

— Честь и достоинство — это болезни, от которых есть отличное средство на рокнарийских галерах, — сказал он негромко.

— Тем более вы должны их защищать. И вы не откажете мне в удовольствии получить с вас три капельки крови!

— Хорошо!

Голос Кэсерила стал неожиданно спокойным, сердце, которое разогналось было до невероятной скорости, замедлило свой ход, а на губах появилась странная усмешка.

— Хорошо! — выдохнул он.

Выставив вперед левую руку ладонью вверх, Кэсерил выхватил из-за пояса нож, которым обычно резал хлеб. Ди Жоал схватился за эфес меча и наполовину вытащил его из ножен.

— Только не в королевском замке! — воскликнул ди Марок. — И у него же нет меча, ди Жоал! Клянусь Братом, так нельзя!

Ди Жоал колебался. Кэсерил же, вместо того чтобы двинуться к нему, быстро закатал левый рукав и неглубоко полоснул ножом по левому запястью. Боли он не почувствовал. В свете канделябров показались капли карминно-красной крови. Словно туман поднялся перед глазами Кэсерила, заслонив все и всех, кроме него самого и этого ухмыляющегося молодого идиота, который только что потребовал от него сатисфакции. *Я тебе дам сатисфакцию!* Он сунул нож назад в ножны. Ди Жоал, ничего пока не понимающий, сделал то же с собственным мечом. Улыбаясь, Кэсерил показал ди Жоалу обе руки — одну с

каплями крови на запястье, другую — голую. И тут же бросился вперед.

Схватив застигнутого врасплох соперника, Кэсерил с глухим стуком, эхом отразившимся по коридору, бросил его на стену, после чего ухватил за горло и пригвоздил к стене, одновременно резким ударом погрузив колено ему в пах. Одна рука ди Жоала оказалась за спиной, второй он судорожно схватил соперника за запястье, но его ладонь заскользила в крови, и освободиться он не смог. Кричать он тоже не мог и только хрипел, задыхаясь и вращая побелевшими глазами, пятками при этом выбивая дробь из стены. Подручные ди Джироналов знали, что корявые руки Кэсерила умеют держать перо, но они забыли, что когда-то они держали весло. Шансов у ди Жоала не было никаких.

И Кэсерил прорычал в ухо забияке — тихо, но так, чтобы слышали все:

— Я не участвую в дуэлях, малыш! Я убиваю так, как убивают солдаты, ударом мясника — быстро, эффективно и с наименьшим риском для себя. Если я решу, что тебе нужно умереть, ты умрешь — так, как мне нужно, где мне нужно и когда мне нужно. И ты даже не почувствуешь удара.

Освободив окровавленную руку от ослабевшей

хватки дрожащего противника, Кэсерил поднял ее к лицу ди Жоала и прижал к его рту.

— Ты хотел три капельки крови? Вот тебе моя кровь! Пей!

Он обмазал кровью трясущийся рот ди Жоала, его стучащие зубы, и ди Жоал даже не сопротивлялся.

— Пей, тебе говорят!

Кэсерил нажал еще сильнее, размазывая кровь по физиономии ди Жоала. Неожиданно его поразила яростная красота кровавых полос и пятен на бледной коже физиономии ди Жоала, восхитили искры света, брызжущего от свечей и отражающегося в выкатившихся из глазниц глазах его жертвы; он почти с восторгом почувствовал грубую мягкость бороды своего противника на своем запястье. Уставившись в глаза ди Жоала, он смотрел, как они медленно гаснут.

— Кэсерил! Ради всего святого, вы его задушите! — раздался в ушах Кэсерила сдавленный крик ди Марока.

Он ослабил хватку и дал ди Жоалу сделать вдох. Не опуская колена, Кэсерил оттянул назад свою окровавленную левую руку, сжал ее в кулак и точным ударом направил в солнечное сплетение противника, вновь выбив из того весь воздух. Ди

Жоал дернулся. И только тогда Кэсерил сделал шаг назад и освободил его.

Тот рухнул на пол, задыхаясь и отчаянно откашливаясь, весь в слезах и соплях, даже не пытаясь подняться. Через несколько мгновений его вывернуло наизнанку.

Перешагнув через ди Жоала, Кэсерил двинулся к Уррасу, который отшатнулся к противоположной стене коридора. Кэсерил склонился к его физиономии и проговорил:

— Я не дерусь на дуэлях. Но если вы хотите, чтобы вас забили, как бычка на скотобойне, я вам это устрою.

Он развернулся и, уже уходя, услышал приглушенный шепот ди Марока:

— Кэсерил! Вы сошли с ума?

— Хотите проверить?

Ди Марок отшатнулся. Кэсерил же, сопровождаемый ропотом стоящей в коридоре небольшой толпы, с каплями крови, текущими по ладони, вышел в холод ночи. Дверь за ним закрылась, наступила тишина.

Почти бегом он пересек вымощенный камнем двор замка и вбежал в коридор главного здания — здесь было его укрытие. По мере того как он приближался к своей комнате, дыха-

ние его и сердцебиение становились все более учащенными. Что это было? Страх? Или просто здравомыслие? Пальцы его тряслись столь яростно, что он не сразу смог попасть ключом в замочную скважину и вынужден был помогать себе второй рукой, да еще и дважды ронял ключ. Наконец дверь подалась, Кэсерил вошел и, заперев ее изнутри, упал, задыхаясь, на постель. Призраки, его постоянные спутники, во время его схватки с ди Жоалом куда-то смылись, чего он тогда и не заметил. Кэсерил перекатился на бок и свернулся калачиком вокруг своего ноющего живота. Порезанное запястье пульсировало болью, как и голова.

Несколько раз во время войны он видел впадавших в боевое неистовство воинов, которые, не чувствуя ран и не обращая внимания на яростно хлещущую из них кровь, врубались в ряды врагов и сеяли вокруг смерть и разрушения. Он и не думал, что когда-нибудь сам почувствует все это изнутри. Но почему никто не говорил ему о сопровождающем это состояние чувстве яростного возбуждения, которое пьянит сильнее, чем любовь или вино? Неожиданное, хотя и вполне естественное, совместное действие нервного возбуждения, предвосхищения соб-

ственной смерти и, наконец, страха — и все это чрезвычайно плотно и интенсивно, в предельно ограниченном времени и пространстве. Все естественно… А может, это тот, кто притаился у него внутри, — хочет ему смерти, а себе, соответственно, освобождения?

О!

Ты знаешь, что ты сделал Дондо. Теперь ты знаешь, что Дондо пытается сделать тебе.

17

На следующее утро совершенно случайно Кэсерил столкнулся с королем, когда тот, сопровождаемый одним лишь пажом, вышел из замка и направился в зверинец. Засунув письма, которые он нес в канцелярию, во внутренний карман плаща, Кэсерил последовал на Орико. Несколько дней назад постельничий не позволил Кэсерилу беспокоить монарха — у того болела голова, и он после завтрака отдыхал. А как у него с головой на этот раз? Головная боль не помешает пообщаться с животными?

Спеша через двор, Кэсерил выстраивал полки своих аргументов. Если король не хочет ничего делать, Кэсерил докажет ему, что бездействие только усугубит влияние и власть проклятья. Если Орико скажет, что дети еще слишком малы, чтобы знать о проклятии, нависшем над их родом, то Кэсерил укажет ему на его собственную вину: зачем тогда он вызвал их в Кардегосс? Но

уж если они здесь, то он, как старший брат, обязан защитить их и рассказать о нависшей над ними опасности. Это его прямая обязанность! Если будет нужно, Кэсерил заручится поддержкой Умегата, и они оба докажут королю, что он не может нести этот груз один. *Нельзя отправлять их на битву слепыми*, и эта истина, которая была так хорошо известна им с Палли, должна дойти и до сердца короля. А если не дойдет…

Тогда придется брать все в свои руки. Кому сообщить первому? Тейдесу как наследнику престола? Сообщить и добиться, чтобы тот дал обязательство защитить сестру? Или сперва открыть все Изелль, и уже через нее воздействовать на менее управляемого принца — представив дело таким образом, будто бы инициатива исходит от нее? А вдруг она что-то заподозрит? Тогда ему вряд ли удастся избежать ее острых вопросов!

Топот копыт отвлек его от мыслей. Он едва успел отпрянуть в сторону и дать дорогу кавалькаде, которая выезжала из конюшен. Впереди, на своем прекрасном гнедом жеребце, ехал Тейдес, а за ним поспешали охранники, которых они привезли из Баосии — капитан и двое солдат. В зимнем свете круглое лицо принца, до сих пор носившего траур, выглядело бледным и изнурен-

ным. Зеленый камень, когда-то принадлежавший Дондо, сверкнул на руке капитана, когда тот вежливо салютовал Кэсерилу.

— Куда вы, принц? — спросил Кэсерил. — На охоту?

Компания была вооружена копьями и арбалетами, мечами и дубинками.

Тейдес придержал своего горячащегося коня и бегло взглянул на Кэсерила.

— Нет! Прокатимся вдоль реки, — сказал он. — Что-то душновато в замке нынче утром…

Ну что ж! А если поднимут парочку оленей, то они и к этому подарку судьбы готовы. Впрочем, во время траура охотиться не принято.

— Понимаю, — проговорил Кэсерил, скрывая улыбку. — Лошадям нужно размяться.

Тейдес хотел отпустить поводья, но Кэсерил, отойдя в сторону, неожиданно добавил:

— Мне необходимо с вами поговорить, принц, по поводу того, что так беспокоит вас.

Тейдес неопределенно махнул рукой и нахмурился — не вполне согласие, но и это сойдет!

Кавалькада потянулась со двора, провожаемая поклоном Кэсерила.

Разогнулся он не сразу — боль, которую он почувствовал в животе, была такой сильной,

что перехватило дыхание. Его словно лошадь тяжелым копытом поразила в желудок! Боль иррадиировала из своего центрального источника по всему телу — в кончики пальцев, пятки. Ужасное видение явилось Кэсерилу: чудовищный демон прогрызает в нем дыру, чтобы выбраться на свет. Сколько их будет? Один или двое? Поскольку тел, которые могли бы удерживать их духовные сущности порознь, у них не было, не начали ли они сливаться воедино, в одну единую, кошмарную, составную сущность? Ведь когда он слушал свои ночные концерты, он явно различал лишь один голос, доносящийся до его внутреннего уха из недр тела, а не дуэт. Он беспомощно опустился на колени и, весь дрожа, втянул в себя воздух. Мир, казалось, вращался вокруг его головы резкими неверными рывками.

Через пару минут над ним возникла тень, источающая запах лошадей. Грубый голос ворвался в уши Кэсерила:

— Милорд? С вами все в порядке?

Подняв глаза, Кэсерил увидел, что над ним склонился один из грумов, работавших на конюшне, — пожилой человек с плохими зубами.

— Не вполне, — только и смог ответить Кэсерил.

— Пойдете в помещение, сэр?

— Да, я думаю…

Грум, подхватив Кэсерила под локоть, помог ему встать на ноги и повел через ворота к главному зданию. На нижней площадке лестницы Кэсерил, судорожно вздохнув, сел на ступеньку и проговорил:

— Подождите…

Прошла неловкая минута. Грум спросил:

— Позвать кого-нибудь? У меня дела.

— Это просто… спазм. Через пару минут пройдет. Все будет хорошо. Идите.

Боль действительно ослабевала, оставляя после себя некое странное чувство.

Грум обеспокоенно нахмурился, глядя на Кэсерила, после чего кивнул и отправился восвояси.

Кэсерил медленно выпрямился и начал не спеша восстанавливать дыхание. Мир вокруг него перестал пульсировать. Даже парочка призраков, которые выбрались из стены и угнездились возле его ног, выглядели спокойными и умиротворенными. Кэсерил принялся разглядывать их. Каким ужасным, холодным и одиноким было существование этих бледных теней, обреченных на медленное уничтожение. А ведь когда-то они были мужчинами и женщинами! Каково это —

ощущать, что твой дух медленно выветривается из твоей сущности — точно так же, как разрушается плоть в умерших членах? А интересно, ощущают ли духи этот процесс саморазрушения, или же милосердные Боги избавили их от самосознания? Воспетый в легендах ад Бастарда будет казаться раем по сравнению с тем, что могли бы испытывать призраки Зангры.

— О, Кэсерил! — разрался удивленный голос, и он поднял глаза. Перед ним, поставив одну ногу на ступеньку лестницы, стоял Палли. Его сопровождали двое молодых мужчин, у которых из-под серых дорожных плащей виднелись бело-голубые наряды солдат ордена Дочери.

— Я тебя везде искал, — проговорил Палли, озабоченно вглядываясь в лицо друга. — Почему ты сидишь на ступенях?

— Присел отдохнуть, — ответил Кэсерил, не без усилия улыбнувшись Палли, после чего встал, упираясь, якобы для того чтобы поддержать равновесие, в стену. — Что стряслось?

— Я думал, у тебя будет время, чтобы пройтись со мной до Храма и поговорить там с нашими людьми…

Он махнул рукой в сторону воображаемого горизонта.

— …о Готоргете.

— Уже?

— Вчера вечером приехал ди Яррин, и у нас достаточно людей, чтобы принять общее решение. А теперь, поскольку в город вернулся и ди Джиронал, медлить и откладывать уже нельзя.

Именно так! Он ведь и сам не случайно разыскивает Орико! Он посмотрел на сопровождающих Палли молодых людей, спрашивая взглядом: *а им можно доверять*?

— А! — весело воскликнул Палли. — Позволь представить тебе моих кузенов, Ферду и Фойкса ди Гура. Они приехали со мной из Паллиара. Ферда — лейтенант моего конюшенного, а его младший брат Фойкс… Он у нас для решения более трудных задач. Поклонитесь кастиллару, юноши!

Тот из братьев, что был помоложе и помассивнее, застенчиво улыбнулся Кэсерилу, и оба брата, как смогли грациозно, приветствовали Кэсерила. На своих физиономиях они несли черты явного сходства с Палли — в линии подбородка, рисунке ярких карих глаз. Ферда был среднего роста, жилистый и, по всей видимости, хороший всадник, если судить по его уже прилично искривленным ногам. Брат же его был широк в плечах и муску-

лист. Приятная пара молодых лордов — здоровых, веселых и бесстрашных. И удивительно юных. А то ударение, которое Палли сделал на слове *кузены*, ответило на немой вопрос Кэсерила.

Братья последовали за Кэсерилом и Палли, когда те вышли из ворот замка и отправились в Кардегосс. Они были молоды, но глаза их сверкали отвагой, и, поглядывая по сторонам, они держали руки на эфесах своих мечей. Кэсерил был рад, что Палли имеет столь внушительный эскорт — несмотря на раннее утро, опасность могла подстерегать их на каждом углу. Проходя мимо одетого в камень дома ди Джироналов, Кэсерил напрягся, но, к счастью, ни один из подручных канцлера не появился у железных ворот, чтобы затеять ссору. До Храма они добрались, не встретив никого, за исключением трех служанок, которые, увидев мужчин в одеяниях ордена Дочери, принялись перешептываться и хихикать, чем слегка обеспокоили братьев ди Гура, которые невольно ускорили шаг.

Стена прихода Дочери вытянулась вдоль пятиугольной площади храмового двора. Главные ворота прихода были предназначены для женщин и девушек, которые исполняли в приходе священнические обязанности, а также в качестве

служанок, обеспечивали ежедневную деятельность этой части Храма. Мужчины, принадлежавшие к святому ордену Дочери, имели свой собственный вход, здание, а также конюшни, где они держали лошадей. В коридорах этого здания было холодно, несмотря на большое количество горящих канделябров, а также изобилие висящих по стенам занавесей и драпировок, сотканных и расшитых набожными дамами со всего Шалиона. Кэсерил двинулся было в главный зал, но Палли повел его в боковой коридор, откуда по лестнице они пошли на второй этеж.

— Разве вы сидите не в главном зале? — спросил Кэсерил, глянув назад через плечо.

Палли покачал головой.

— Слишком холодный, слишком большой и слишком пустой. Ощущение такое, что ты у всех на виду. Для закрытых дебатов мы собираемся в зале поменьше. Там мы чувствуем себя единым целым, да к тому же и ноги не отмораживаем.

Палли оставил братьев ди Гура в коридоре, где они принялись рассматривать позолоченную фреску, изображавшую старую легенду о девственнице и кувшине с водой. Рассматривать было что — формы девственницы и Богини были по-настоящему роскошны. Палли провел

Кэсерила мимо вооруженных охранников Дочери, которые внимательно посмотрели в лица прибывших и отдали им честь, после чего через двойные резные двери, украшенные виноградной лозой, они вошли в зал, где за длинным столом сидело около двадцати человек — самые высокопоставленные люди в ордене Дочери. В зале было тепло. Горели свечи, а сквозь витражное окно, изображавшее любимые цветы Дочери, пробивался тусклый зимний свет.

Сидящие за столом повернули головы и посмотрели на вошедших. Здесь были и молодые люди, и почтенные лорды, убеленные сединами, в бело-голубых нарядах — и новеньких, с иголочки, и уже в меру поношенных, но все — с выражением крайней серьезности на лицах. Во главе стола, под окном, восседал провинкар Яррин, принадлежавший к высшей знати Шалиона. А интересно, подумал Кэсерил, сколько здесь, среди собравшихся, шпионов и сколько просто беззаботных болтунов? Компания собралась слишком большая и разношерстная, чтобы ей можно было без опаски доверить тайные сведения, хотя формально заседание было закрытым. *Госпожа! Научи их мудрости!*

Палли поклонился и сказал:

— Милорды! Перед вами кастиллар ди Кэсерил, который был моим командиром в Готоргете. Он хочет познакомить вас с теми свидетельствами, которыми располагает.

Заняв место в центре стола, Палли оставил Кэсерила стоять перед собравшимися. Подошел один из воинов ордена и попросил Кэсерила во имя Дочери принести присягу и говорить только правду. Кэсерил без смущения, с должной искренностью и жаром произнес текст клятвы. *Да пребуду я вовек под покровительством Богини, служа ей и повинуясь.*

Допрос вел сам ди Яррин. Он был умен и проницателен, а Палли его хорошо подготовил к приходу Кэсерила, отчего всю историю последствий сдачи Готоргета он вытащил из Кэсерила за считаные минуты. Каких-либо живописных деталей Кэсерил к своему рассказу не добавлял — для большинства собравшихся эти дела были не в новинку, и по тому, как они стискивали зубы, он понял, что понимают его здесь вполне. Что было неизбежно, его попросили рассказать, как они с Дондо стали врагами, и он нехотя рассказал историю про их пленение принцем Олусом. Обычно считалось, что о покойниках нельзя говорить плохо, поскольку они себя не в состоянии защи-

тить, но Кэсерил не был уверен в применимости этой нормы по отношению к Дондо, а потому, хотя и скупо, он довел свой рассказ до конца.

Несмотря на то что он был предельно лаконичен, к концу он уже вынужден был опираться ладонями о стол, а голова его кружилась. Последовали краткие дебаты относительно возможности добыть дополнительные свидетельства со стороны. Кэсерил никогда не думал, что такого рода сведения можно было бы добыть у оставшихся в живых рокнарийцев. С его точки зрения, это было невозможно, хотя ди Яррин считал иначе — можно было сделать это через отделения ордена Дочери, которые действуют по ту сторону границы.

— Но, милорды, — проговорил Кэсерил с сомнением в голосе, — даже если вы найдете двадцать, сто фактов, подтверждающих мои слова, мой случай слишком незначителен, чтобы стать поводом для того, чтобы сместить столь крупную фигуру, как канцлер ди Джиронал. Это вам не государственная измена, в которой подозревался лорд ди Лютез.

— Его вина так и не была доказана, — сухо проговорил ди Яррин.

Слово взял Палли:

— Что значит *крупная фигура*? Я думаю, у Богов свое представление о том, кто из людей имеет вес, а кто нет. И, с моей точки зрения, погубить жизнь человека просто так, без особых причин, есть гораздо более отвратительное злодеяние, чем предумышленное убийство.

Кэсерил еще тверже оперся на стол, чтобы не рухнуть перед всем благородным собранием и не стать дурацкой иллюстрацией своей грустной и трагической истории. Палли настаивал на том, чтобы слова Кэсерила прозвучали перед всеми членами совета.

— Избрание генерала ордена входит в ваши полномочия, милорды. Орико легко согласится на ваш выбор, если вы облегчите ему задачу. Что касается нашего желания сместить ди Джиронала с постов канцлера и генерала ордена Брата, то это за пределами наших возможностей. Нам никогда не убедить Орико пойти нам навстречу, а потому я против таких попыток.

Раздались голоса:

— Нельзя останавливаться на полдороге… Орден не вынесет еще одного такого, как Дондо…

Ди Яррин поднял руку, чтобы остановить ропот и возгласы собравшихся.

— Благодарю вас, лорд Кэсерил, за ваши свиде-

тельства и высказанные мнения.

Ди Яррин выбирал слова так, чтобы его коллеги понимали, что есть что.

— Мы продолжим обсуждение без свидетелей, — закончил он.

Это означало, что Кэсерил может покинуть собрание. Палли рывком встал, отодвинув свое кресло. Они вышли к братьям ди Гура, которые ждали в коридоре. Кэсерил был немного удивлен, когда Палли вышел вместе с ними из ворот Храма и пошел рядом с Кэсерилом по улице.

— А ты на совет не вернешься? — спросил он.

— Ди Яррин потом расскажет мне о результатах. А мне важно доставить тебя целым и невредимым до ворот замка. Я помню судьбу несчастного ди Санды.

Кэсерил глянул через плечо на молодых офицеров, которые шли в нескольких шагах сзади. Вот как? Так этот вооруженный эскорт был для него! Он решил не ворчать и не жаловаться, а только спросил Палли:

— Кто, вероятнее всего, станет кандидатом на пост генерала? Кого представят Орико? Ди Яррина?

— Я буду поддерживать его.

— Похоже, он не самый сильный и авторитет-

ный лорд в вашем совете. У него есть личный интерес?

— Может быть. Но он собирается передать должность провинкара своему старшему сыну и посвятить все время и все свои силы ордену. Если, конечно, его выберут.

— Интересно, готов ли Марту ди Джиронал сделать то же самое для ордена Сына?

— Чего я не понимаю, так, как он справляется с тем количеством постов, которые занимает. Чем больше должностей, тем сложнее исполнять каждую из них.

Они поднялись по склону холма, пробираясь по узким мощеным улочкам нижнего города и аккуратно перешагивая через сточные канавы, промытые недавними холодными дождями. Наконец узкие улочки, заставленные по бокам лавками, закончились, и открылись широкие площади верхнего города. По пути им вновь попался дворец ди Джиронала. Если проклятие, нависшее над Шалионом, прежде всего разрушает и искажает добрые качества людей, какие свойства натуры Марту ди Джиронала пострадали в первую очередь? Любовь к семье, которая, извратив свою сущность, превратилась в ненависть к любому, кто к его семье не принадлежал?

Его доверие к брату Дондо обратилось в слабость и привело к катастрофе. Может быть…

— Мне кажется, спокойствия и уравновешенности ему хватает.

Палли состроил гримаску.

— Придворная жизнь, Кэс, сделала из тебя дипломата, — сказал он.

Кэсерил слабо улыбнулся в ответ.

— Я даже не могу сказать, кем меня сделала придворная жизнь… Ой!

Он пригнулся — одна из ворон Фонзы, слетев с ближайшей крыши, с громким карканьем спикировала к его ногам, потеряв равновесие и едва не перевернувшись при приземлении. Следом летели еще две. Кэсерил вытянул руку, и одна из ворон села на нее, вцепившись в рукав когтями, щелкая клювом и посвистывая. Несколько черных перьев, крутясь, опустились к ногам Кэсерила.

— Вот несносные птахи! — покачал он головой.

Кэсерил думал, что вороны потеряли к нему всякий интерес, но оказалось, они относятся к нему с прежним пристрастием.

Палли, со смехом отскочивший было в сторону, посмотрел на крыши домов и сказал:

— Боги! Да их кто-то согнал. Посмотри — они кружат над замком. Вся стая!

Ферда ди Гура прикрыл козырьком ладони глаза и глянул на темные тени, которые, словно черные листья, подхваченные вихрем, взлетали вертикально вверх и вновь падали вниз. Его брат Фойкс зажал уши ладонями и закричал, стараясь перекрыть карканье ворон, которые сновали у их ног:

— Замолчите!

Птицы не просто радовались Кэсерилу. Их поведение напоминало истерику. Сердце в груди Кэсерила упало.

— Что-то случилось! — воскликнул он. — Что-то ужасное! Бежим!

Кэсерил был не в лучшей форме, чтобы бежать вверх по склону холма. Когда они наконец, приблизились к конюшням замка, ладонь его была прижата к боку, в котором пульсировала дикая боль. Мрачный эскорт птиц хлопал крыльями над его головой. К этому моменту они уже ясно слышали громкие мужские крики, перекрывавшие шум и возгласы толпы. Палли и его кузенов не нужно было подгонять — они бежали вровень с задыхающимся Кэсерилом.

Они подбежали к входу в зверинец. Перед его

дверями сновал взад и вперед грум с окровавленным лицом — он кричал что-то невразумительное и плакал. Сами двери прикрывали, обнажив мечи, двое из баосийских охранников принца, на которых наседали, но не решались использовать оружие, трое местных гвардейцев. Вороны же были куда более решительными — они бросились на баосийцев, целясь в их лица и руки клювами и когтями. Те, ругаясь, принялись отбиваться, и уже скоро несколько убитых птиц легли бездыханными на камни дворика.

Кэсерил подбежал к дверям зверинца.

— Что, черт побери, здесь происходит? Как вы осмелились убивать священных птиц?

Один из баосийских охранников направил меч к груди Кэсерила.

— Ни с места, лорд Кэсерил! Проход закрыт. У нас приказ принца!

Скривившись в яростной гримасе, Кэсерил отбил меч рукой, обернутой в полу плаща, бросился вперед и вырвал оружие из рук охранника.

— Отдай, идиот! — прохрипел он и швырнул меч на камни — туда, где стояли местные воины и Палли, застывший в ужасе при виде того, как его друг, безоружный, ринулся на вооруженную охрану. Меч с металлическим звоном упал и

отскочил к Фойксу, который тяжелым башмаком остановил его и придавил к камням.

Кэсерил ринулся к второму баосийцу. Тот опустил оружие и воскликнул:

— Кастиллар! Мы это делаем, чтобы спасти жизнь короля Орико!

— Что вы делаете? Орико внутри, в зверинце? *Что вообще происходит?*

Кошачий вой, тоном переходящий в визг, заставил Кэсерила обернуться к дверям зверинца и, оставив баосийских охранников на попечение гвардейцев Зангры, он бросился внутрь по темному коридору зверинца.

Старый грум стоял на коленях, привалившись к стене, кашлял и плевался кровью. Руку он прижимал к окровавленному лицу. Увидев Кэсерила, он отнял ладонь и прохрипел что-то своим безъязыким ртом. Пробегая мимо вольера медведей, Кэсерил увидел две неподвижно лежащие горы шерсти, пронзенные арбалетными стрелами и пропитанные кровью. Вольер напротив был открыт, и его длинношеие обитатели неподвижно лежали на соломе — каждый с перерезанным горлом.

В дальнем конце коридора Тейдес, с окровавленным мечом в руке, стоял над неподвижным

телом только что убитой дикой кошки. Он тяжело дышал, лицо его выражало крайнюю степень яростного возбуждения, а тень, которую он отбрасывал, клубилась у его ног, словно грозовая туча в полночь.

— Ага! — вскричал он, увидев Кэсерила, и злобно ухмыльнулся.

Из дверей птичьего вольера, держа в ладони все еще трепыхающуюся птицу, навстречу Кэсерилу выбежал капитан баосийских охранников, попытавшийся преградить ему путь. Вокруг лежали и трепыхались в предсмертной агонии разноцветные птицы, а многие, еще живые, летали по коридору взад и вперед.

— Остановитесь, кастиллар, — начал было капитан, но Кэсерил, ухватив его за тунику, швырнул назад по коридору, под ноги набегающего Палли, который, глядя на происходящее, удивленно бормотал:

— О, демоны Бастарда! Демоны Бастарда!

Те же самые слова он бормотал в Готоргете, когда, стоя на крепостной стене, раз за разом опускал свой меч на головы ползущих по лестницам рокнарийцев. Сил, чтобы кричать, у них тогда уже не было.

— Держи его! — крикнул Кэсерил Палли, а сам

направился к Тейдесу.

Принц, гордо вскинув голову, уставился на Кэсерила и прокричал:

— Вам меня не остановить! Я сделал это! Я спас короля!

— Что?.. Что все это…

Кэсерил был в такой ярости, что губы и язык его не слушались, и он не мог произнести ни слова.

— Глупец! Что за безумная…

Тейдес приблизился, сверкнув в темноте зубами.

— Я разрушил проклятье! Я уничтожил черную магию, которая была причиной болезни Орико! Она шла от этих зверей. Это был тайный дар рокнарийцев, которые таким образом медленно травили короля. И я убил их шпиона…

С некоторым сомнением во взоре Тейдес посмотрел через плечо, в темноту коридора.

Только теперь Кэсерил увидел последнее тело, простершееся на полу в дальнем конце коридора. Умегат лежал неподвижно — как и птицы из его разоренного птичника. Рядом валялись бездыханные трупики песчаных лисиц. Кэсерил сразу не заметил рокнарийца, поскольку чистое белое сияние, некогда окружавшее его, исчезло. Мертв? Кэсерил застонал и, бросившись к Умегату, упал

рядом с ним на колени. Левая сторона головы у того была в крови. Кровь пропитала его седеющие волосы и косичку, а кожа на лице была серой и безжизненной. Но кровь по-прежнему сочилась из раны на голове, а потому…

— Дышит? — спросил Тейдес, приблизившись и заглядывая через плечо Кэсерила. — Капитан ударил его рукояткой меча, когда он не хотел нас пропустить…

— Какой глупец! Какой глупец!

— Никакой я не глупец! — возразил принц. — Этот человек стоял за всем этим.

Он окинул взглядом зверинец.

— Это был рокнарийский колдун, которого прислали убить Орико.

Кэсерил сжал зубы так, что они заскрипели.

— Умегат был святым. Его прислал орден Бастарда, чтобы он ухаживал за священными животными. А животных Бог дал для того, чтобы они *хранили* Орико. И если Умегат еще жив, нам серьезно повезло.

Он прислушался. Руки Умегата были холодны, как у мертвеца, но он дышал. Слабо, но — дышал.

— Нет! — замотал головой Тейдес. — Вы не правы! Этого не может…

Но геройское выражение начало сползать с его физиономии.

Кэсерил встал, и принц сделал шаг назад. Слава Богам, Палли был рядом, а за его спиной стоял Ферда, ошарашенно глядя по сторонам. Палли знал, как оказывать первую помощь.

— Палли! — произнес Кэсерил, показав на тело Умегата. — Иди сюда. Осмотри этого грума. У него может быть разбит череп. Ферда!

Одеяние Ферды и значок ордена Дочери на его груди обеспечивали ему доступ в святая святых Храма.

— Да, милорд! — отозвался он.

— Бегите в Храм и найдите там архиепископа Менденаля. Не останавливайтесь нигде и направляйтесь прямо к нему. Расскажите, что здесь произошло, и пусть он пришлет храмового врача. Умегату нужна повитуха из Храма Матери. Та, особая! Архиепископ знает, о чем идет речь. Поспешите!

— Оставь здесь свой плащ и — вперед, мой мальчик! — добавил Палли.

Ферда бросил плащ Палли и мгновенно исчез — Кэсерил даже не успел глазом моргнуть! Палли укрыл лежащего без сознания рокнарийца серой шерстью плаща.

Кэсерил обернулся к принцу. Глаза у того бегали, и он явно пребывал в замешательстве. Позади него лежал безжизненный остов того, кто когда-то был леопардом — шесть футов, если считать от кончика носа до кончика хвоста, погибшей красоты. Пятна на шкуре маскировали входные отверстия ран. Кэсерилу вспомнился труп ди Санды, также многократно прошитый острием металла.

— Я сам пронзил его своим мечом, — заявил Тейдес. — Хотя он и был заколдован, он все-таки был символом королевского дома! А еще своими когтями он разодрал мне ногу.

Тейдес наклонился и потер голень. Панталоны там были порваны в клочья и окрашены кровью.

Тейдес был наследником престола и братом Изелль. Разве мог Кэсерил желать, чтобы леопард перекусил его горло?

— О Боги! Но как вы додумались до этой глупости? — спросил он.

— Это не была глупость! Вы же знали о таинственной болезни Орико! Я вижу это по вашему лицу, клянусь демонами Бастарда! Все это знали! Лорд Дондо открыл мне секрет, перед тем как умер. Точнее, был убит, чтобы тайна не вышла наружу. Но он успел!

— И вы сами разработали этот… этот план?

Тейдес вновь гордо вскинул голову.

— Нет! — сказал он. — Но когда я остался один, мне пришлось действовать самому. А так — мы собирались сделать это вместе с Дондо, после того как он женится на Изелль. Мы должны были разрушить власть проклятия и освободить Шалион от зла, которое оно творит. Но мне пришлось действовать одному. И я пошел в бой, один, но и от имени Дондо! С моей помощью он из могилы нанес свой последний удар по врагам Шалиона.

— О, какая чушь!

Кэсерил был так переполнен чувствами, что заходил кругами по коридору. Интересно, Дондо сам верил в эту бессмыслицу, или же это был хитрый план — использовать наивного принца, чтобы убить Орико? Что это — глупость или злобное коварство? Дондо мог удивительным образом соединять в себе несоединимое.

— Лорд Кэсерил! А что нам делать с этими баосийцами? — услышал он голос Фойкса.

Подняв глаза, он увидел разоруженного капитана баосийских охранников, которого удерживали Фойкс и один из гвардейцев Зангры.

— А вы! — обрушился он на капитана. — Вы позволили втянуть себя в это и никому не ска-

зали? Или вы по-прежнему служите купившему вас Дондо?

И, обратившись к замковому гвардейцу, он приказал:

— Посадите его и его людей в подвал, пока…

Кэсерил колебался. Он был уверен в том, что за произошедшим стоит Дондо, которому и из могилы удалось учинить этот хаос, эту катастрофу. Но, как понимал Кэсерил, Марту ди Джиронал за всем этим не стоял. Скорее наоборот.

— …пока я не извещу о произошедшем канцлера. А вы…

И он подозвал еще одного замкового гвардейца.

— …вы немедленно отправляйтесь либо в канцелярию, либо во дворец канцлера и доложите ему о произошедшем. Попросите его, перед тем как он отправится к королю, дождаться меня.

— Лорд Кэсерил! Вы не имеете права арестовывать моих охранников! — воскликнул Тейдес.

Кэсерил был единственным, кто мог принимать хоть какие-то решения.

— Принц! Вы отправляетесь в свои покои и ждете дальнейших распоряжений вашего брата. Я вас туда провожу.

— Уберите руки! — завопил Тейдес, когда Кэ-

серил железной рукой ухватил его за плечо. Но, взглянув в лицо кастиллара, он понял, что лучше вести себя тихо и не сопротивляться.

Кэсерил же прошипел сквозь зубы, изображая на физиономии убийственную почтительность:

— Ни в коем случае, милорд! Вы ранены, и я просто обязан доставить вас к врачу.

И добавил — тихо, чтобы слышал только принц:

— А будешь сопротивляться, я тебя вырублю, щенок, и отнесу на закорках.

Тейдес восхищенно посмотрел в глаза Кэсерила, после чего, встряхнувшись, обратился к своему капитану:

— Отправляйтесь, куда было сказано. Я пришлю за вами позже, когда докажу, что лорд Кэсерил не прав.

А поскольку капитана уже уводили, эти слова принц произнес ему в спину и тот ничего не услышал. Вот незадача!

Раненые грумы подползли к Палли, чтобы помочь тому с Умегатом. Палли глянул через плечо на Кэсерила и ободряюще кивнул. Кэсерил кивнул в ответ и, делая вид, что просто поддерживает принца, железной хваткой взял его за руку и повел из того кошмара, в который он пре-

вратил королевский зверинец. *Слишком поздно, слишком поздно…* — билось в его мозгу. Снаружи вороны уже не кружили в воздухе и не орали истошно, а взволнованно прыгали по камням — так же беспорядочно и бесцельно, как кружились в голове Кэсерила его мысли.

Не отпуская Тейдеса, Кэсерил прошел через замковые ворота, где наконец столкнулся с целым отрядом гвардейцев. Тейдес не протестовал, хотя по мрачно-обиженному выражению его лица Кэсерил понимал, что в будущем от принца ему не светит ничего хорошего. Нога у принца кровоточила, и, шагая по камням замкового двора, он оставлял на них кровавый след.

Неожиданно внимание Кэсерила привлекли появившиеся на пороге башни Иаса люди — одна из служанок королевы Сары и паж. Мальчик, лицо которого было бледным, как полотно, пробегая, едва не столкнулся с Кэсерилом.

— Куда вы, юноша? — успел спросить Кэсерил.

Паж на бегу обернулся и прокричал:

— В Храм, милорд! Тороплюсь… королева Сара… король упал… лежит.

И помчался дальше. Охранники посмотрели ему вслед, после чего повернулись и, в состоянии крайнего беспокойства, уставились на башню

Иаса.

Кэсерил почувствовал, как рука Тейдеса, до этого оказывавшая сопротивление его хватке, вдруг обмякла. Гневное выражение лица сменилось у принца выражением испуганным; он беспомощно посмотрел на своего спутника.

Мгновение поколебавшись, Кэсерил, не отпуская принца, повернулся и двинулся в сторону королевских покоев. Он попытался догнать служанку королевы и позвал ее, но та, похоже, не расслышала, и он догнал ее лишь на третьем этаже, где располагались занимаемые королем комнаты. Задыхаясь и сипя от недостатка воздуха в легких, он посмотрел вдоль коридора и увидел королеву. В своей белой шали, сопровождаемая служанкой, она торопливо шла к лестнице. Кэсерил поклонился.

— Что случилось, моя госпожа? — спросил он. — Могу ли я чем-то помочь?

Королева, вероятно, была так испугана происходящим, что плохо соображала. Потерев ладонью лоб, она ответила:

— Я толком не знаю, кастиллар. Орико… он читал мне вслух, а я шила. Иногда он делает так, чтобы меня развлечь. И тут он вдруг остановился, начал моргать и тереть глаза и сказал, что больше

ничего не видит и все темно… Но это было не так. А потом он упал из кресла. Я закричала, и мы со служанками положили его в постель, и я послала в Храм, за врачом.

— Я видел пажа, — сказал Кэсерил. — Он несся как пуля.

— Это хорошо, — кивнула королева.

— Вы думаете, это удар?

— Не думаю… Не знаю. Он немного говорит и дышит нормально… А что там были за крики на конюшнях? Совсем недавно?

И, не дожидаясь ответа, королева прошла мимо Кэсерила и отправилась вверх по ступеням лестницы.

Стоящий рядом со свинцово-бледным лицом Тейдес молчал и только нервно облизывал губы. Кэсерил развернулся и повел принца вниз.

Принц наконец заговорил, когда они поднялись в его покои. Хрипло дыша, он принялся повторять:

— Но этого не может быть! Дондо говорил мне, что зверинец — это черная магия; рокнарийцы прислали его нам, чтобы Орико болел и медленно умирал. Это — проклятие, которое наслали на нас рокнарийцы. Я же видел, что это именно так!

— Проклятие действительно связано с рокна-

рийцами, но зверинец — это не черная, а белая магия, и зверинец поддерживает силы Орико, несмотря на проклятье, — сказал Кэсерил и добавил с горечью:

— Точнее — поддерживал. До сегодняшнего дня.

— Нет! Все не так! Дондо сказал мне…

— Дондо ошибался, — покачал головой Кэсерил. — Или, что хуже, постарался сделать так, чтобы заменить короля, который поддерживал его брата, королем, который стал бы поддерживать его самого.

Тейдес открыл было рот, чтобы протестовать, но слова изменили ему. Вряд ли он притворялся, изображая испуг и крайнюю степень смятения. Единственное утешение (если в этот день можно было говорить о хоть каком-то утешении) состояло в том, что Дондо, вероятно, так и не удалось окончательно развратить принца. Да, он вел его по неверной дорожке, но испортить его натуру не смог. Тейдес стал для Дондо инструментом, но не сообщником, исповедующим те же цели, что исповедовал младший ди Джиронал. К несчастью, этот инструмент продолжал работать и воплотил в жизнь планы негодяя уже после того, как рука Дондо перестала ему служить. Но чья вина в том,

что этот мальчик проглотил ложь, в то время как никто не смог внушить ему правду?

Болезненного вида человек, исполнявший после смерти ди Санды роль секретаря и наставника принца, с удивлением посмотрел из-за стола, на котором что-то писал, на Кэсерила, который подвел Тейдеса к дверям его комнаты.

— Займитесь своим господином, — коротко сказал Кэсерил секретарю. — Он ранен. Не выпускайте его из его покоев, пока канцлеру не сообщат, что случилось, и он не примет решения.

И добавил с горечью:

— Если вы знали о том, что готовится, и ничего не сделали, чтобы остановить принца, канцлер будет в бешенстве, и я вам не завидую.

Секретарь побледнел. Кэсерил развернулся и пошел к выходу из покоев принца. Теперь — к Умегату.

— Но, лорд Кэсерил! — услышал он дрожащий голос принца. — Что мне делать?

— Молиться, — бросил Кэсерил через плечо и вышел.

18

С лестничной площадки он услышал стук женских башмачков — кто-то торопливо поднимался ему навстречу. Это была леди Бетрис. Ее лиловые юбки развивались, не успевая поспевать за хозяйкой.

— Лорд Кэсерил! — воскликнула она. — Что происходит? Мы слышали крики! Одна из служанок кричала, что Тейдес сошел с ума и хочет убить животных из зверинца.

— Не сошел с ума, а был введен в заблуждение, — уточнил Кэсерил. — И не хочет убить, а убил.

И Кэсерил кратко поведал Бетрис о том, что произошло.

— Но почему он это сделал?

Кэсерил покачал головой.

— Это все ложь, исходящая от Дондо, как я думаю. Он убедил принца, что Умегат — рокнарийский колдун и использует своих животных

как средство отравить короля. Хотя в действительности все было наоборот — животные поддерживали Орико, а теперь у него случился удар. О Боги, я не могу объяснить это все здесь, на лестнице! Скажите Изелль, что я скоро приду. Мне нужно заняться грумами. И держитесь подальше от зверинца!

И тем не менее Изелль нужно чем-то отвлечь, иначе она найдет занятие сама.

— Идите к королеве Саре. Сейчас важно быть с ней рядом, она не в себе!

И он направился по лестнице вниз. А вот и место, где его — совсем недавно — намеренно остановил сидящий внутри дух Дондо. Какую боль он испытал тогда! Теперь же — никакой боли, никакого неудобства!

Вернувшись в зверинец, Кэсерил обнаружил, что Палли и его кузены уже отправили Умегата и тех из грумов, кто пострадал более всего, в больницу при приходе Матери. Оставшиеся грумы пытались поймать истерично оравшую маленькую птичку с желто-голубым оперением, которая каким-то образом избежала меча баосийского капитана и спряталась под потолком. Из конюшен прибежали слуги, которые кинулись помогать грумам: один сбросил свой короткий

плащ и размахивал им, надеясь сбить птицу.

— Прекратите! — крикнул им Кэсерил. Как он понимал, это маленькое создание в перьях было единственным звеном цепи, связывавшей короля с жизнью. Отправив незадачливых помощников собирать трупы убитых животных и складывать их во дворике, он взял из кормушки горсть зерен — чей-то недоеденный ужин — и принялся приманивать птичку, изображая губами чириканье и посвистывание, как это делал Умегат. К удивлению Кэсерила, птица слетела ему на руку и дала препроводить себя в клетку.

— Защищайте ее, даже если придется рисковать жизнью, — сказал он грумам.

И добавил, сделав для убедительности свирепое лицо:

— Если она умрет, умрете и вы.

Пустая угроза, хотя — хороша ложка к обеду. На грумов, во всяком случае, впечатление он произвел.

Если она умрет, умрет и Орико!

Неожиданно очевидность происходящего предстала перед Кэсерилом во всей своей страшной простоте. Он повернулся и отправился помогать грумам, тащившим наружу тяжелые туши убитых медведей.

— Может, снять с них шкуры, милорд? — спросил один из грумов, глядя на ужасающие результаты кровавой охоты, устроенной принцем в зверинце.

— Нет! — твердо ответил Кэсерил.

К мертвым телам животных не выказали интереса даже те несколько ворон, что остались во дворе перед зверинцем.

— Отнеситесь к ним так же, как вы отнеслись бы к королевским солдатам, погибшим в сражении, — сказал Кэсерил. — Их следует сжечь или предать земле. Ни в коем случае не снимать шкуру и не есть.

Сглотнув, Кэсерил добавил к ряду мертвых тел тушки лежавших поодаль двух ворон, сраженных баосийскими охранниками.

— Хватит на сегодня актов святотатства! — произнес он.

И, дай Бог, чтобы выжил святой, которого Тейдес хотел убить — так же, как он убил священных животных.

Топот копыт стал предвестником прибытия Марту ди Джиронала, которого, как можно было понять, нашли в его городском дворце. Его сопровождали бежавшие следом четверо слуг. Канцлер соскочил со своей тяжело дышащей

лошади, передал поводья подоспевшему груму и застыл над бездыханными телами погибших животных и птиц — только у одного из медведей ветром колыхало густую шерсть. Губы канцлера произносили беззвучные проклятья.

— Какое безумие! — проговорил он наконец и, подняв глаза на Кэсерила, спросил:

— Это вы подговорили Тейдеса совершить эту дикую расправу?

Ди Джиронал, и это было очевидно, не притворялся — как и Кэсерил некоторое время назад, он был полностью выбит из седла.

— Я? — переспросил Кэсерил. — Ни в коей мере. Тейдес не входит в сферу моего влияния.

И саркастически добавил:

— Как, впрочем, и вашего. Хотя последние две недели вы с ним общались постоянно. Делал ли он какие-нибудь намеки на то, что задумал совершить?

Ди Джиронал отрицательно покачал головой.

— В его оправдание могу сказать, что принц искренне верил, что эти действия спасут короля. Он слишком молод, чтобы судить обо всем здраво. А кто мог бы внушить ему представления о том, что есть хорошо, а что плохо? Он общался только с вами. Если бы вы должным образом просветили

его ум, в нем не было бы места для лжи. Я арестовал его баосийских охранников и отправил их в казематы, ждать…

Приказов короля им придется ожидать слишком долго, если те вообще воспоследуют.

— …ждать ваших распоряжений.

Канцлер покачал головой.

— Подождите! Но ведь принц вчера был оставлен на присмотр и попечение сестры. Неужели она его надоумила?

— Есть пять свидетелей, которые на ваш вопрос ответят отрицательно. И одним из этих свидетелей будет сам Тейдес. Он ничем не давал понять, что у него на уме.

Хотя должен был, должен был, должен…

— Вы имеете большое влияние на принцессу Изелль, — с горечью в голосе произнес канцлер. — Думаете, я не знаю, кто виновен в том, что она так горда и заносчива? Я не уверен, что знаю о причинах ее столь сильной к вам привязанности, но я намерен разрубить эту связь.

— Да, — произнес Кэсерил, зловеще улыбаясь. — Рубить вы мастер. Ди Жоал вчера уже попытался сыграть роль вашего кинжала. В следующий раз он хорошенько подумает, служить ли вам или поберечь свою жалкую жизнь. Не тот он игрок!

Глаза ди Джиронала гневно сверкнули. Он все понял. Какой смысл скрывать враждебность, которую они чувствовали друг к другу? Чтобы взять себя в руки, Кэсерил глубоко вздохнул.

— В любом случае, никакой особой тайны в этом деле нет. Тейдес говорит, что нападение на зверинец планировал вместе с ним ваш любезный братец Дондо.

Ди Джиронал отшатнулся. Глаза его расширились и, казалось, готовы были вылезти из орбит. Он совсем не ожидал услышать то, что сообщил Кэсерил.

Тот между тем продолжал:

— Но что я больше всего хочу узнать — а вам это должно быть известно лучше, чем кому-либо другому, — так это то, был ли осведомлен *Дондо* о том, какое значение зверинец имеет для Орико.

— А вы? Вы об этом осведомлены?

— Теперь об этом известно всей Зангре. Орико ослеп и упал с кресла ровно в тот момент, когда умирали его звери. Сара со служанками уложили короля в постель и послали в Храм за врачом.

Произнеся это, Кэсерил избежал новых вопросов и умело перенаправил внимание канцлера: ди Джиронал побледнел, резко развернулся и поспешил в замок. Про Умегата он ничего не

спросил, отметил про себя Кэсерил. Ясно было, что канцлер знал о том, какую роль в жизни короля играл зверинец. Но знал ли он, каким образом зверинец исполнял свою роль?

А ты знаешь?

Кэсерил покачал головой и, развернувшись, отправился в город — еще одна прогулка, на которую у него едва оставалось сил.

Кардегосская больница Храма Материнского Милосердия представляла собой довольно бестолковое в архитектурном отношении здание, бывшее некогда жилым особняком и переданное Храму в дар набожной вдовой. Больница стояла за приделом Матери, на соседней с ним улице. Кэсерилу удалось быстро найти Умегата в лабиринте коридоров и галерей, разбегавшихся от входа в особняк — перед закрытой дверью комнаты, где лежал рокнариец, на страже стояли братья ди Гура. Отдав Кэсерилу честь, они пропустили его внутрь.

Там седовласая женщина в зеленом платье храмового врача склонилась над Умегатом и накладывала шов на скальп лежащего без сознания грума-святого. Ей помогала средних лет приземистая женщина, тоже в зеленом платье, окруженная сияющей легкой аурой — ее Кэсерил

видел даже с закрытыми глазами. Здесь же в комнате находился и архиепископ Кардегосский в своих пятицветных одеждах. Сложив руки на груди, у стены стоял Палли. Увидев Кэсерила, он выпрямился и просиял лицом.

— Как тут дела? — негромко спросил Кэсерил, обращаясь к Палли.

— Бедняга все еще без сознания, — прошептал тот в ответ. — Приличную оплеуху получил, надо думать. А как ты?

Кэсерил принялся рассказывать про неожиданную болезнь Орико. Услышав это, к ним придвинулся и стал вслушиваться в слова Кэсерила архиепископ. Обернулась и врач.

— Разве вам про это не рассказали? — спросил Кэсерил Менденаля.

— Рассказали, — ответил архиепископ. — И я отправлюсь с врачами в Зангру, как только смогу.

Если врачу и показалось странным, что для архиепископа судьба раненого грума интереснее и важнее судьбы больного короля, то она выказала это, лишь легко приподняв брови. Наконец, наложив последний стежок, она опустила салфетку в миску с водой и смыла корки засохшей крови с выбритого черепа Умегата. Вытерев руки,

она заглянула под веки рокнарийца, проверив состояние его зрачков, и выпрямилась. Храмовая повитуха, проворно орудуя у изголовья раненого, привела все в порядок.

Архиепископ стоял перед ней, нервно сжимая руки.

— Ну как? — спросил он врача.

— Как я поняла, череп не разбит. Я оставила рану неприкрытой, чтобы можно было наблюдать — не случится ли воспаления. Пока он не очнется, сказать что-либо определенное трудно. Единственное, что можно сейчас сделать, — это укрыть его и ждать, когда придет в себя.

— И когда это случится?

Врач с сомнением посмотрела на пациента. Посмотрел и Кэсерил. Вряд ли аккуратисту и щеголю Умегату понравилось бы то, в каком состоянии он сейчас пребывал, — помятый, с разлохмаченной прической. Некогда золотистая кожа на лице по-прежнему сохраняла землистый оттенок и была похожа на серую тряпку. Дышал он с хрипотцой. *Это не хорошо*. Кэсерил не раз видел людей в таком состоянии. Иногда они выздоравливали, а иногда и умирали.

— Не скажу наверняка, — ответила архиепископу врач, подтверждая диагноз Кэсерила.

— Тогда вы можете идти. За ним будет ухаживать наша повитуха.

— Да, ваше преосвященство.

Врач поклонилась и, повернувшись к повитухе, проговорила:

— Пошлите за мной сразу, если очнется, если поднимется температура или начнутся судороги.

И она собрала свои инструменты.

— Лорд ди Паллиар! — обратился архиепископ к Палли. — Благодарю вас за помощь.

И добавил, обратившись к Кэсерилу:

— А вас, лорд Кэсерил, я попрошу остаться.

— Рад быть полезным, ваше преосвященство, — просто сказал Палли. И, обратившись к Кэсерилу, произнес:

— Если с тобой все в порядке, Кэс…

— Пока все.

— …тогда я пойду в приход Дочери. Если тебе что-нибудь понадобится, в любое время, пошли за мной туда или во дворец ди Яррина. И не ходи нигде в одиночку.

Он сурово посмотрел на Кэсерила — так, чтобы тот воспринял это как приказ, а не знак вежливости. После этого поклонился и, пропустив вперед врача, вышел.

Как только дверь за ним закрылась, Менденаль

повернулся к Кэсерилу. В голосе его звучали нотки почти умоляющие:

— Лорд Кэсерил! Что нам делать?

Кэсерил даже вздрогнул:

— О Боги! Вы об этом спрашиваете *меня*?

Архиепископ скривил губы в горестной усмешке.

— Лорд Кэсерил, — сказал он, — я служу архиепископом Кардегосским всего два года. Я был избран потому, что, как все считают, являюсь неплохим администратором, а также для того, чтобы сделать приятное моей семье, поскольку мой отец и мой старший брат были влиятельными провинкарами. В четырнадцать лет я был посвящен в воины ордена Бастарда, с хорошим вступительным взносом от моего отца, который таким образом хотел обеспечить мое продвижение. Всю свою жизнь я служил Богам, но они… они не говорят со мной!

Он посмотрел на Кэсерила, а потом — на повитуху, и в глазах его отразилось чувство безысходной зависти, впрочем — беззлобной. Он продолжал:

— Когда обычный, хоть и богобоязненный человек оказывается в одной комнате с тремя святыми, он ждет от них наставлений. Но сам не станет их наставлять — Боже упаси!

— Но я *не*…

Кэсерил не закончил. У него было слишком много забот, чтобы обсуждать с архиепископом вопросы, касающиеся его теологического статуса, но если Боги действительно решили наградить его святостью, то радости от этого он получил ровно столько же, сколько бы получил от их проклятья.

— Досточтимая… Простите, я забыл ваше имя!

— Я Клара, лорд Кэсерил.

Кэсерил поклонился.

— Досточтимая Клара! — продолжил он. — Вы видите сияние вокруг Умегата? Я никогда не видел Умегата… Скажите, это сияние всегда пребывает с человеком, отмеченным Богами — и когда он спит, и когда находится без сознания?

Клара покачала головой.

— Боги пребывают с нами и тогда, когда мы спим, и тогда, когда мы бодрствуем. Я не наделена столь мощной силой видения, как вы, но, как мне кажется, Бастард, увы, оставил Умегата своим присутствием.

— Не может быть! — хрипло выдохнул Менденаль.

— Вы уверены? — спросил Кэсерил. — Может быть, что-то случилось с вашим внутренним

зрением?

Клара посмотрела на Кэсерила и иронически усмехнулась.

— Нет! Вас-то я вижу, и очень ясно. Я увидела вас еще до того, как вы вошли. С вами почти невозможно находиться в одной комнате. Глазам больно.

— Означает ли это, что зверинец утратил свою чудодейственную силу? — взволнованно спросил Менденаль, жестом показывая на неподвижно лежащего грума. — И у нас нет защиты от грозящего нам проклятья?

Клара несколько минут колебалась, после чего произнесла:

— Умегат за чудо уже не отвечает. Может быть, Бастард передал эту ответственность другому?

Менденаль с надеждой посмотрел на Кэсерила и кивнул в его сторону:

— Может быть, ему?

Клара, нахмурившись, посмотрела на Кэсерила, держа ладонь козырьком у лба, словно нестерпимый свет бил ей в глаза, и сказала:

— Если я и святая, как меня называл Умегат, то в очень малой степени. Домашняя святая, так сказать. Если бы Умегат за эти годы не сделал мое восприятие по-настоящему острым, я прожила

бы свой век, думая, что я просто необычайно удачливая повитуха.

Да уж! Удача, не мог не подумать, усмехнувшись про себя, Кэсерил, не слишком-то баловала его с тех пор, как он ввязался в эту историю с Богами.

— И тем не менее Мать время от времени использует меня для связи с миром. А потом — уходит… Зато лорд Кэсерил — он… он просто ослепителен. С того самого дня, как я увидела его во время похорон лорда Дондо. Белый свет от Бастарда и голубая чистота Госпожи Весны присутствуют в этом сиянии одновременно. И есть там еще одна, темная сущность, которую я не в состоянии различить. Умегат смог бы. Что еще добавил Бастард к тому, что я вижу, я не знаю.

Архиепископ тронул себя за лоб, губы, живот, пах и сердце, после чего с благоговением посмотрел на Кэсерила.

— Два Бога одновременно! Два Бога в этой комнате…

Кэсерил склонился к нему, сжимая кулаки. Напряженная боль в животе вернулась и заставила согнуться.

— Говорил ли вам Умегат про то, что я сделал с лордом Дондо? — спросил он. — Вы разговарива-

ли с Роджерасом?

— Да, я говорил с Роджерасом. Хороший человек, но, конечно же, он не в состоянии понять.

— Он понимает лучше, чем это кажется на первый взгляд. Что касается меня, то в своем чреве я несу смерть и убийство. Несу мерзость, которая имеет и физические, и психические формы — это демон Бастарда и проклятый дух Дондо ди Джиронала. Каждую ночь я слушаю вопли и брань Дондо, а его рот — что твоя сточная канава, из самых грязных в Кардегоссе. Меня буквально разрывает изнутри. Это отвратительно!

Менденаль, моргая, сделал шаг назад.

— Мне снятся ужасные сны, — сказал Кэсерил. — Меня мучают боли. И я боюсь, что Дондо понемногу… вытекает.

— О Боги! — выдохнул Менденаль. — Я и не предполагал, лорд Кэсерил! Умегат говорил, что у вас просто легкие галлюцинации, но просил оставить вас на его попечение.

— Галлюцинации? — мрачно переспросил Кэсерил. — А он говорил про призраков?

Да, призраки, как оказалось, были наименьшим из источников беспокойства!

— Призраков?

— Все призраки Зангры не отходят от меня ни

на шаг, а по ночам собираются у моей постели.

— Вот как? — спросил Менденаль, неожиданно обеспокоенный.

— А в чем дело?

— Умегат не предупреждал вас относительно призраков?

— Нет, — ответил Кэсерил. — Он только говорил, что они не способны причинить мне вреда.

— Все это так, — покачал головой архиепископ. — Но лишь до тех пор, пока вы живы. Чудо Госпожи Весны лишь отложило исполнение того, что должен был исполнить Бастард, но отнюдь не отменило. Если Дочь, скажем, прекратит свое участие в вашей судьбе и демон вырвется из вашего тела с вашей душой (и, разумеется, с духом Дондо), то ваш корпус останется, скажем так, в статусе теологической пустоты, что не будет естественной смертью. И тогда кто-то из призраков тех, кому было отказано в успокоении, сделает попытку заполнить собой эту пустоту.

Кэсерил размышлял. Через несколько мгновений он спросил:

— И что, так бывает?

— Иногда, — отозвался архиепископ. — Когда я был молодым священником, я столкнулся с одним таким случаем. Эти призраки, особенно

когда они уже разрушаются от времени, — глупые, нелепые создания, но их бывает очень трудно исторгнуть из тела, в котором они поселяются. Единственный способ — сжечь тело… *заживо*, хотя это не вполне точное слово. Весьма жуткое предприятие, особенно если родственники противятся; ведь это же ваше тело, и оно кричит вашим голосом… Конечно, это будет уже не ваша проблема, поскольку к тому моменту вы будете уже… в другом месте, но это сможет избавить окружающих от каких-то болезненных переживаний, если подле вас постоянно будет находиться некто, кто понимает, что ваше тело необходимо до захода солнца сжечь.

И Менденаль улыбнулся, словно извиняясь.

— Благодарю вас, Ваше преосвященство, — произнес Кэсерил с убийственной вежливостью. — Я добавлю ваш комментарий к теории Роджераса относительно того, что демон может из опухоли в моем теле вырастить себе новое тело и прогрызть себе путь наружу, пока я сплю. Хотя, как мне кажется, может произойти и то, и другое. Либо одновременно, либо поочередно.

Менденаль прокашлялся.

— Простите, милорд! Я полагал, вам следует об этом знать.

Кэсерил вздохнул.

— Да, вы правы, следует…

Он поднял глаза и, посмотрев на архиепископа, вспомнил вчерашнюю потасовку с ди Жоалом.

— А что будет, если Госпожа Весны ослабит свое воздействие? Не сможет ли дух Дондо, хотя бы частично, проникнуть в мой дух?

Архиепископ сокрушенно покачал головой.

— О, я не знаю… Умегат должен знать. Что же он так медлит! Должен же он очнуться! Я думаю, духу Дондо будет проще завладеть чьим-нибудь телом, чем выращивать новое из опухоли. Вряд ли у него получится вырастить достаточно большое!

Он неопределенно повел руками.

— Это не соответствует представлениям Роджераса, — сухо сказал Кэсерил.

Архиепископ потер лоб.

— Ох уж этот Роджерас! Когда я спросил его о ваших делах, он подумал, что я интересуюсь его специальностью, а я его не поправил, и он совсем меня заговорил — болтал полночи, а потом решил познакомить со своей коллекцией. Пришлось откупиться — я предложил ему взнос на развитие его исследований.

— Я бы тоже заплатил, — усмехнувшись, прого-

ворил Кэсерил.

И через минуту спросил:

— Скажите, Ваше преосвященство, а почему… почему вы не арестовали меня за убийство Дондо? Как Умегату удалось представить дело?

— Убийство? Так убийства-то и не было!

— Простите, но этот человек мертв. Это сделал я, с помощью магии смерти, а это — тяжкое преступление.

— Понимаю. Люди несведущие исповедуют массу глупостей по поводу магии смерти. Даже сам этот термин некорректен. Кстати, это интересная теологическая проблема. Попытка заняться магией смерти есть преступное намерение. Но успешный акт магии смерти не является преступлением, поскольку жертву лишает жизни рука Бога. Точнее, не одну жертву, а две. А потому это — акт справедливости. В противном случае король должен был бы отправить своих солдат, чтобы арестовать Бастарда. Как вам такая перспектива?

— И вы думаете, для нынешнего канцлера Шалиона эти тонкости что-то значат?

— Боюсь, что нет. Именно поэтому Умегат посоветовал Храму выбрать очень осторожный подход к этому… очень сложному вопросу.

Менденаль почесал щеку — все новые и новые сложности этого дела открывались перед ним.

— Дело не в том, — продолжил он, — что совершивший акт… справедливости выжил — раньше ничего подобного не случалось. Оказалось, что ясным это различие может быть чисто теоретически. Мы имеем не одно, а сразу *два* чуда! Вещь беспрецедентная! Госпожа Весны, похоже, любит вас, кастиллар!

— Так же, как погонщик любит своего мула, когда тот тащит его багаж, — хмуро кивнул головой Кэсерил. — Лупит кнутом по чему попало.

Архиепископ был явно ошарашен, и только Клара скривила губы в понимающей усмешке. Усмехнулся бы и Умегат. Кэсерил понял, почему рокнариец любил с ним поболтать. Только святые способны отпускать шуточки по поводу Богов, и только они знают, что для Бога шутка и вопль отчаяния — это одно и то же.

— Да, — кивнул между тем Менденаль. — Но, как сказал Умегат, столь неожиданное исключение из правил было вызвано исключительными обстоятельствами, а также целью исключительной важности. Вы не догадываетесь, какова эта цель?

— Архиепископ! Я ничего не знаю.

Голос Кэсерила дрожал и срывался.

— И мне…

— Ну! — попытался поощрить его Менденаль.

Если я произнесу это вслух, меня разорвет на куски. Кэсерил облизнул губы и сглотнул. Когда он все-таки заставил слова соскользнуть с кончика языка, они зазвучали хрипло и отрывисто:

— Мне очень страшно!

Воцарилась тишина. Наконец архиепископ произнес:

— Понимаю. Я думал, что все будет именно так… Что же это Умегат никак не очнется?

Повитуха вдруг откашлялась и сказала неуверенно:

— Милорд Кэсерил!

— Слушаю вас, Клара.

— Мне кажется, у меня есть для вас сообщение.

— Что за сообщение?

— Вчера ночью со мной говорила Мать, — сказала повитуха. — Я была не вполне уверена, потому что очень часто мои ночные фантазии вытекают из того, о чем я думаю днем, а днем я постоянно думаю о Матери. Поэтому я и хотела поговорить с Умегатом, чтобы он меня направил. Но Мать сказала мне…

Клара глубоко вздохнула и продолжила голо-

сом более спокойным:

— Она сказала: «Скажи верному посланнику моей Дочери, чтобы ни в коем случае не предавался отчаянию».

— Ну? — нетерпеливо спросил Кэсерил. — И это все?

Черт! Если Боги собираются посылать ему сообщения через других людей, он предпочел бы что-нибудь менее двусмысленное. И более практическое.

— Все, — кивнула Клара.

— Вы уверены? — спросил ее Менденаль.

Клара колебалась.

— Тут память меня может подвести. В этом месте все было как-то расплывчато. Она могла сказать *верный придворный ее Дочери*, могла сказать *хранитель замка*. Или *капитан*. Или сказать про всех четырех.

— Но если это так, кто же эти остальные трое?

Кэсерил вспомнил когда-то, еще в Валенде, обращенные к нему слова провинкары и содрогнулся — до самых глубин нутра, страдающего от непрестанной боли.

— Это… это я, архиепископ. Я.

И, поклонившись Кларе, он произнес сквозь напряженные полуприкрытые губы:

— Благодарю вас, Клара! Помолитесь за меня своей Госпоже!

Оставив Клару присматривать за Умегатом, архиепископ собрался к королю Орико и пригласил Кэсерила пойти с ним. Тот с благодарностью принял предложение, и они отправились. Ярость и ужас, которые владели Кэсерилом с утра, давно улетучились, оставив его совершенно обессиленным. Когда он начал спускаться по ступеням, то колени его подогнулись, и он, конечно, покатился бы вниз, если бы не ухватился за перила. Смутило его до крайности и предложение архиепископа, который настоял на том, чтобы Кэсерил уселся в его паланкин, который понесли по улицам четыре дюжих служки, а сам пошел рядом в пешем порядке. Кэсерил чувствовал себя идиотом, хотя, должен был признать, благодарным.

Разговор, которого Кэсерил так боялся, состоялся уже после ужина. Пришел паж, и Кэсерил вынужден был подняться в гостиную принцессы, что сделал с неохотой. Изелль, крайне напряженная, ждала его в компании Бетрис. Сев на стул, Кэсерил взглянул на принцессу. Несмотря на оби-

лие света, отражавшегося в зеркальных панелях, темная тень по-прежнему окружала Изелль.

— Как Орико? — спросил Кэсерил дам. Ни одна из них не спускалась к ужину, предпочтя остаться с королевой и королем в верхних покоях главного здания.

— Теперь он стал намного спокойнее, — ответила Бетрис, нервно покусывая губы, — когда понял, что ослеп не полностью. Правым глазом он видит огонь свечи. Но у него… сильные отеки, и врач опасается водянки.

Кэсерил повернулся к принцессе:

— А вам удалось повидаться с Тейдесом?

— Да, после того, как с ним встретился канцлер ди Джиронал. Принц выглядит обезумевшим. Будь он помоложе, можно было бы сказать, что у него случилась его обычная вспышка гнева. Жаль, что он уже вырос, и его нельзя отшлепать. Он ничего не ест, швыряется в слуг всем, что под руку попадет, и из своих комнат не выходит, хотя ему разрешено. Когда он в таком состоянии, лучше его не трогать. Завтра ему будет лучше.

И, внимательно, слегка прищурившись, посмотрев на Кэсерила, Изелль спросила:

— Ну, а теперь, милорд, скажите, как давно вы знаете о проклятье, что висит над Орико?

— Это Сара вам рассказала, верно?

— Да.

— А что конкретно?

Изелль вкратце изложила историю Фонзы и Золотого генерала, а также о злой судьбе рода Фонзы, которая подчинила себе жизни Иаса и Орико. Себя или Тейдеса Изелль не упомянула.

Кэсерил подавил усмешку.

— Вам известна лишь половина. — сказал он.

— А мне не нужна половина, Кэсерил! Все требуют, чтобы я принимала правильные решения, но не дают необходимой информации, а потом укоряют меня за ошибки, как будто я виновата. Неведение не есть глупость, хотя часто и ведет к глупым поступкам и решениям. А мне не нравится чувствовать себя идиоткой.

Последние слова принцессы звенели, как остро отточенная сталь.

Кэсерил склонил голову. Как бы он хотел сохранить то, что должен был теперь потерять! Он молчал так долго не потому, что хотел уберечь Изелль, равно, как и Бетрис, от страшной правды, и не потому, что страшился ареста. Он боялся потерять их уважение, стать в их глазах отвратительным чудовищем.

Трус! Говори, и будь, что будет!

— Впервые я узнал о проклятии в ту ночь, что последовала за днем смерти Дондо, от грума Умегата, который, по правде говоря, никакой не грум, а священник ордена Бастарда и святой, который охранял чудо зверинца, принадлежавшего Орико.

Глаза Бетрис расширились.

— О, он мне нравился. Как его дела?

Кэсерил неопределенно махнул рукой.

— Плохо. Он все еще без сознания. И самое плохое — это то…

Вот оно! Вперед!

— …это то, что он перестал сиять.

— Перестал сиять? — спросила Изелль. — А я и не знала, что он сиял.

— Вы просто не видите. И есть еще кое-что, что я не рассказывал вам о смерти Дондо.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Это я принес в жертву ворону и крысу. И обратился к Бастарду с молитвой, прося смерти Дондо.

— Так я и думала! — выдохнула Бетрис.

— Да. Но вы не знали вот чего: моя молитва была услышана и исполнена; но сам я не умер, потому что вмешалась другая молитва. Я думаю, это была молитва Изелль.

И он кивнул в сторону принцессы.

Принцесса поднесла руку к груди; она прерывисто дышала.

— Я молила Дочь, чтобы она спасла меня от Дондо, — сказала она.

— Вы молились, и Дочь спасла — *меня*!

И грустно добавил:

— Но, как оказалось, меня она от Дондо не спасла. Вы видели, как во время похорон Боги один за другим отказывались принять душу Дондо.

— Да, и теперь его проклятая душа навеки застряла в этом мире, без успокоения, — сказала Изелль. — Половина придворных решила, что он останется в Кардегоссе, и запаслась амулетами, чтобы защититься. А то будет свободно гулять по городу и замку и всех пугать!

— Да, в Кардегоссе. Но насчет свободы — сомневаюсь. Большинство отвергнутых Богами душ привязаны к месту, в котором они расстались со своими телами. Дондо же привязан к человеку, который его убил.

Он прикрыл глаза — смотреть на побледневшие лица сидящих перед ним девушек было выше его сил. И тем не менее он продолжал:

— Вы слышали про мою опухоль. Так вот, никакая это не опухоль. Эта запертая у меня внутри

душа Дондо. Там, вместе с ней, еще заключен демон смерти, но тот по крайней мере по этому поводу не очень переживает. Зато Дондо никак не может угомониться. По ночам вопит — не остановишь!

Он открыл глаза, но посмотреть на слушающих его Изелль и Бетрис так и не смог.

— Все эти… мистические заморочки подарили мне нечто вроде внутреннего зрения. Им также наделен Умегат. В Храме, в приходе Матери, есть маленькая святая, которая обладает этой способностью. Ну и я — тоже. Умегат, кстати, светится… светился белым светом. Мать Клара — слабо-зеленым. А я, как они говорят, свечусь белым и голубым. Свет переливчатый и очень яркий.

Наконец он сделал над собой усилие и поднял глаза, встретившись взглядом с Изелль.

— Я вижу темную тень, окружающую Орико. А теперь, Изелль, слушайте, это очень важно! Я не думаю, что Сара знает об этом. Тень лежит не только на Орико. Она — на вас и на Тейдесе. Похоже, жертвами проклятия стали все потомки Фонзы.

Наступило молчание. Наконец Изелль, которая все это время сидела в своем кресле напряженно и неподвижно, сказала:

— Ну что ж, в этом есть какой-то смысл.

Бетрис же пристально его рассматривала. Если судить по положению его ремня, опухоль за это время не выросла, но, все равно, под взглядом Бетрис Кэсерил чувствовал себя чудовищем. Он немного нагнулся, стараясь замаскировать припухлость живота, и улыбнулся ей слабой улыбкой.

— Но как вы избавитесь от этого… неудобства? — спросила Бетрис.

— Как я понимаю, — сказал Кэсерил, — если меня убьют, моя душа утратит связь с моим телом, и освобожденный демон смерти доделает свою работу. Я немного боюсь вот чего: демон каким-то образом попытается поймать меня в ловушку. Но вероятность этого невелика — демон устроен очень просто, без хитростей. Ему нужно побыстрее сделать свое дело и — домой! Или, допустим, Дочь просто ослабит свое воздействие на демона, тот освободится, оторвет мою душу от тела и мы все втроем его покинем.

Он решил не усложнять рассказ изложением теории Роджераса.

— Нет, лорд Кэс, вы не понимаете. Я хочу знать, как вы сможете освободиться от демона и Дондо, *не умирая*.

— Мне бы тоже хотелось это узнать, — вздохнул Кэсерил. Не без усилия он выпрямился и, улыбнувшись, продолжил:

— Впрочем, это не так важно. Я выторговал смерть Дондо ценой своей жизни, сделал это совершенно свободно и должен заплатить. Я просто получил отсрочку долга, но мне его никто не простил. Госпожа Весны поддерживает во мне жизнь ради задачи, которую я еще должен решить. Если бы это было не так, я наложил бы на себя руки — и дело с концом!

На эти слова Изелль, нахмурившись, твердо сказала:

— Я не освобождаю вас от служения мне, лорд Кэсерил. Вы меня слышите?

Кэсерил улыбнулся с искренней радостью:

— Благодарю, принцесса!

— И еще, — вмешалась Бетрис. — Не думайте, что мы изменим свое к вам отношение потому, что в вас сидит этот… непрошенный жилец. Я имею в виду, все мы, в конце концов, превратимся Бог знает во что, и каждый из нас видел, что происходит с человеком после смерти. Но никто из-за этого не убегает в пустыню и не живет там один, преисполненный отвращения к человечеству!

И она замолчала, размышляя, куда бы могли увести ее такие размышления.

Кэсерил же, некоторое время пытавшийся отогнать от себя эту мысль, спросил:

— Но у вас же, у каждой, были свои счеты с Дондо.

По правде говоря, каждый человек, которого он когда-то убил, проникал в его память и поселялся там. *Все мы несем груз своих грехов.*

Неожиданно Изелль, приложив ладонь к губам, обеспокоенно произнесла:

— Кэсерил! Но он ведь не выберется, нет?

— Я молю Госпожу Весны, чтобы этого не произошло. Правда, остается нечто не менее опасное — что он войдет в мою душу и станет частью моего сознания. Это даже хуже, чем… Впрочем, это неважно. О, кстати, я должен предупредить вас насчет призраков.

И, словно спохватившись, он кратко пересказал Изелль и Бетрис то, что архиепископ сказал ему про необходимость сжечь тело, в котором поселился чей-то дух. Сделав это, он почувствовал странное облегчение. Девушки были ошеломлены и испуганы, но выслушали его внимательно. Он мог им доверять — у них достанет мужества, если возникнет необходимость… Какой он был

глупец, что раньше не доверял их мужеству и выдержке!

— Послушайте, принцесса! — вернулся он к главной теме. — Проклятие Золотого генерала распространяется не только на потомков Фонзы. Сара тоже несет на себе его тень. Мы с Умегатом думаем, что она получила ее, выйдя замуж за Орико.

— И жизнь ее с тех пор превратилась в сплошное несчастье, — кивнула Изелль.

— Но если подойти чисто логически, вы можете избавиться от подобной участи, выйдя замуж за человека, не имеющего отношения к Шалиону, к Кардегоссу, к проклятию Золотого генерала. И я собираюсь над этим работать…

— То есть я должна покинуть Шалион, когда здесь происходит Бог знает что? — резко перебила его Изелль. — А как же Тейдес? А Орико? А весь Шалион? По-моему, это все равно как если бы генерал убежал от своей армии, видя, что проигрывает битву.

— У высших чинов в армии есть более серьезные заботы, чем победа в конкретном сражении. Если генерал понимает, что проигрывает, он может отойти, чтобы сохранить армию и победить, когда сложатся более благоприятные

обстоятельства.

Изелль нахмурилась, обдумывая сказанное, после чего спросила:

— Кэсерил! Как вы считаете — мама и бабушка знают о проклятии?

— Насчет бабушки — не уверен. А ваша мать…

Если Иста сама видела призраков Зангры, значит, на некоторое время она получила способность к внутреннему видению. Но что из этого следует? Мысли Кэсерила судорожно метались, перебегая от одного варианта ответа к другому.

— … ваша мать что-то знала. Достаточно много, чтобы испугаться, когда она узнала, что вас с Тейдесом отправляют в Кардегосс.

— Я-то думала, что она видит то, чего нет, — тихо сказала Изелль. — Что она сумасшедшая, как о том шептались слуги.

Печальные морщинки перерезали ее лоб.

— Мне нужно обо всем этом подумать, — сказала она.

Воцарилось молчание. Кэсерил встал и вежливо пожелал дамам доброй ночи. Принцесса ответила ему, машинально кивнув. Бетрис, сжав ладони, всматривалась в него, с трудом сдерживая охватившие ее противоречивые чувства.

— Подождите! — позвала его неожиданно

Изелль. Поднявшись с кресла, она быстро подошла к нему и взяла за руки.

— Наклонитесь! Вы слишком высокий, — приказала принцесса.

Кэсерил подчинился. Принцесса встала на цыпочки. С удивлением он увидел, как ее губы приближаются к его лицу. Поцеловав его в лоб, принцесса поочередно приложилась губами к его рукам и наконец, опустившись на колени в шелесте напоенного ароматом духов шелка, одну за другой, несмотря на его протест, поцеловала ему ноги.

— Вот, — сказала она, поднявшись. — Теперь вы можете идти.

Слезы текли по лицу Бетрис. Слишком потрясенный, Кэсерил не смог ничего сказать и, глубоко поклонившись, вышел.

19

Проснувшись утром, Кэсерил обратил внимание, насколько тихо стало в замке. После смерти Дондо все были взволнованы, сходились кучками по углам и сплетничали. Теперь даже сплетни затихли. Те из придворных, кто не имел в замке прямых обязанностей, уехали в город. Те же, кто вынужден был остаться, выполняли свою работу быстро и, по возможности, прокрадываясь тихо, как мыши.

Изелль и Бетрис отправились утром в башню Иаса, ухаживать за Сарой и Орико. Кэсерил, вместе с суровым комендантом замка, проследил за сожжением погибших животных и захоронением их останков. В течение всего дня он по очереди то принимался разгребать горы бумаг, скопившихся на его рабочем столе, то торопливо шел в город, в храмовую больницу. Умегат пребывал все в том же состоянии — с посеревшим лицом и тяжело дыша, он лежал без сознания на постели. После второго посещения его комнаты Кэсерил отправился в Храм и принялся молиться — всем Богам по очереди, у всех пяти алтарей. Уж если

Боги действительно наделили его какими-то качествами святого, должна же от всего этого быть хоть какая-то польза, верно?

Боги совершают чудеса не ради нас, а ради себя, говорил Умегат. Так ли это? Кэсерил считал, что люди должны упорядочить свои отношения с богами на более справедливой основе. Ведь если бы мы прекратили делегировать Богам свою свободную волю (посредством чего, собственно, Боги и совершают чудеса), смогли бы они совершить хоть что-нибудь? *В отношении меня? Запросто! Прикончат и глазом не моргнут!*

Так-то. Кэсерил долго лежал перед алтарем Госпожи Весны, но не смог произнести ни слова. Даже губы его оставались неподвижными. Что это было? Стыд? Отчаяние? Страх? И Боги молчали — все пять не проронили ни слова, ни намека на слово.

Он вспомнил о том, как Палли настаивал на том, чтобы он никуда не ходил в одиночку, когда возле дворца ди Джиронала он встретился с ди Жоалом и еще одним из подручных хозяина дворца. Рука ди Жоала скользнула к эфесу меча, но доставать оружие он не стал. Сухо кивнув друг другу, они разошлись.

Вернувшись в свой кабинет, Кэсерил, потирая

разболевшуюся голову, принялся думать о замужестве принцессы. Так, у нас есть ибранский принц Бергон. Юноша ничем не уступает прочим, а многих и превосходит. Правда, то, что происходит нынче в Шалионе, делает прямые переговоры невозможными, а потому следует отправить в Ибру тайного посланника, и поскорее.

Пробежавшись мысленно по списку придворных, способных выполнять дипломатические функции, Кэсерил понял, что не может доверять ни одному из персонажей, включенных в список. Просмотрев, также мысленно, более короткий список людей, которым он мог доверять, он с не меньшим удивлением заметил, что среди них нет ни одного опытного дипломата. Умегат лежит без сознания. Архиепископ не сможет уехать в Ибру незамеченным. Палли? Марч ди Паллиар — это большой человек, и ибранцы не смогут не отнестись к нему с должным уважением. Но он представил, как прямой и честный Палли станет обсуждать с ибранским Лисом деликатные нюансы брачного договора, и застонал… Может быть, если снабдить Палли подробнейшими инструкциями, то все и получится?

Ну что ж! *Нужда заставит, и не так раскорячишься!* Завтра он начнет работать с Палли.

Кэсерил, стоя на коленях перед постелью, молился. Он просил Богов избавить его от кошмара, который являлся ему уже три ночи подряд — будто Дондо, выросший у него в животе до прижизненных размеров, облаченный в свой похоронный наряд и с мечом в руке, пытается прорубить себе путь наружу. Возможно, Госпожа Весны услышала его молитву; во всяком случае, на рассвете он проснулся, с колотящимся сердцем, от нового видения: каким-то образом Дондо загнал душу Кэсерила в его живот, а сам занял его тело, после чего отправился в женские покои — грабить и насиловать, а Кэсерил, совершенно беспомощный, вынужден был все это наблюдать. В довершение к этому кошмару Кэсерил, судорожно восстанавливая дыхание и связь с реальностью, с ужасом обнаружил, что он пребывает в состоянии возбуждения.

А интересно, что видит и что чувствует Дондо — если, конечно, он что-то видит и чувствует! Его бросили в темный мешок тюрьмы, где он, отторгнутый от света и всех звуков, ничего не не слышит и не ощущает? Или же он, наоборот, все видит, слышит и все ощущает? После того,

как он стал тюрьмой для Дондо, Кэсерил даже не думал о том, как бы он занялся любовью с Бе… с любой дамой из тех, что сновали вокруг. Теперь он представил это себе и содрогнулся — какое-то странное извращение: четверо под одной простыней, и все такие разные…

А что, если сбежать через окно? Главное, протащить плечи, а потом нырнуть вниз. Полет будет потрясающий, удар моментальный и эффективный. А если ножом? По венам на руке, по горлу или в живот? Или сразу во все места? Моргая, Кэсерил сел на кровати и увидел с полудюжину призраков — те сгрудились вокруг, словно стервятники вокруг дохлой лошади. Кэсерил присвистнул и принялся размахивать рукой, чтобы отогнать гостей. Кстати, а если разбить при падении из окна голову, один из этих типов все равно не погнушается войти в тело? Из слов архиепископа так и следовало. Нет, пожалуй, самоубийство не для него — слишком настырный у него караул! Страшась сна, Кэсерил выбрался из постели и отправился умываться и одеваться.

Рассеянно позавтракав, Кэсерил возвращался из банкетного зала, когда на ступенях встретил запыхавшуюся Нан ди Врит.

— Моя госпожа просит, чтобы вы немедленно

пришли к ней, — сказала она, и Кэсерил, кивнув, заспешил по лестнице к покоям принцессы.

— Не туда! — остановила его Нан. — Она у принца.

— Вот как?

И, пройдя мимо собственной комнаты, с поспешавшей за ним по пятам Нан ди Врит, он отправился в покои Тейдеса.

Войдя в приемную, подобную той, что была наверху, в покоях Изелль, он услышал голоса — тихий, принадлежащий принцессе, и громкий — Тейдесу.

— Я ничего не хочу есть! — говорил принц. — Никого не хочу видеть. Уходите!

Гостиная была завалена оружием, одеждой, подарками, в беспорядке лежавшими тут и там. Кэсерил, обходя все это, направился к входу в спальню.

Тейдес лежал на подушках, все еще в ночной рубашке. Влажный воздух непроветренного помещения был пропитан запахом юношеского пота. С той стороны кровати над принцем навис его секретарь-наставник. С этой стороны перед братом, упершись руками в талию, стояла принцесса. Тейдес не унимался:

— Я хочу спать. Уходите!

Увидев Кэсерила, он скривился:

— А особенно не хочу видеть этого!

Нан ди Врит, очень по-домашнему, произнесла:

— Так нельзя, мой хороший! Нельзя так говорить со старушкой Нан!

Тейдес же, вдруг почувствовав себя маленьким, начал скулить:

— У меня голова болит…

Изелль же твердо произнесла:

— Нан! Принесите свет. Кэсерил! Я хочу, чтобы вы осмотрели ногу принца. Какая-то она странная.

Нан подняла повыше подсвечник с несколькими жарко горящими свечами. Тейдес натянул одеяло до подбородка, но суровый взгляд старшей сестры заставил его ослабить хватку — она стащила с него одеяло и, свернув, положила в сторону.

Три глубокие параллельные царапины пересекали правую ногу мальчика. Сами по себе они не выглядели опасными, но кожа между ними вспухла; она лоснилась и казалась серебристой. Полупрозрачная сукровица и желтоватый гной сочились по краям царапин. Кэсерил постарался ничем не выдать себя, когда увидел красные про-

жилки, протянувшиеся через коленную область к внутренней стороне правого бедра. Глаза у принца лихорадочно сверкали. Кэсерил наклонился, чтобы потрогать его лоб, но он дернул головой:

— Не трогайте меня!

— Лежать спокойно! — негромко приказал Кэсерил. Лоб у принца горел.

Посмотрев в угрюмую физиономию стоящего тут же секретаря, он спросил:

— Давно его лихорадит?

— С утра, как я думаю.

— Когда в последний раз приходил врач?

— Принц отказался принять врача, лорд Кэсерил, — ответил секретарь. — А когда я попытался помочь ему, швырнул в меня стулом и наложил повязку сам.

— И вы позволили? — спросил Кэсерил, и от тона его голоса секретарь едва не провалился сквозь пол.

— А что мне оставалось делать? — ответил он.

Тейдес же проворчал:

– *Некоторые* люди слушаются меня. И я хорошо помню, кто эти люди.

Он сверкнул глазами на Кэсерила из-под полуприкрытых век, а сестре показал язык.

— Он подхватил инфекцию, — сказал Кэсе-

рил. — Нужно срочно прислать сюда храмового врача.

Тейдес же проговорил недовольным голосом:

— Могу я, наконец, поспать? *Если* вы, конечно, не возражаете! И закройте шторы, мне свет режет глаза.

— Хорошо, принц. Оставайтесь в постели, — сказал Кэсерил и вышел в приемную.

Следом за ним там появилась Изелль.

— Все плохо, да? — тихо спросила она.

— Плохо. Вы вовремя заметили и точно определили опасность.

Она кивнула, а он, низко поклонившись, заспешил вниз по лестнице. Принцесса умеет читать по лицам. По обеспокоенному виду Нан ди Врит можно было без труда поставить диагноз, что Изелль и сделала. Он шел к башне короля Иаса и вспоминал, сколько на его памяти было людей, молодых и сильных, которые не сумели пережить ампутацию ноги выше бедра. Таковых оказалось раз-два и обчелся. Кэсерил ускорил шаг.

К счастью, ди Джиронал был на месте, в канцелярии. Он как раз запечатывал седельную сумку, готовя ее к отправке с курьером.

— Как дороги? — спросил ди Джиронал курьера — жилистого парня, у которого под ливреей, ука-

зывающей на его принадлежность к курьерской службе канцлера, виднелось несколько слоев теплой шерстяной одежды.

— Грязные, милорд! — ответил курьер. — В темноте будет непросто.

— Ну что ж, будь осторожен, — проговорил канцлер и похлопал парня по плечу. Тот отдал честь и, миновав Кэсерила, вышел.

Увидев нового посетителя, канцлер скривился в злой усмешке.

— Кэсерил!

— Милорд! — ответил Кэсерил и, поклонившись, вошел.

Ди Джиронал устроился на краешке стола и, сложив руки на груди, заявил:

— Ваша попытка, спрятавшись за орден Дочери, устроить заговор с целью устранить меня со всех государственных должностей, обречена на провал. И я буду действовать так, что зачинщики в заговоре горько пожалеют об этой попытке.

Кэсерил нетерпеливо отмахнулся. Понятно, у ди Джиронала были шпионы во всех орденах и всех советах.

— Вас ждут гораздо большие неприятности, милорд, чем то, что я мог бы вам устроить.

Канцлер удивленно уставился на Кэсерила.

— Вот как?

— Как выглядела рана Тейдеса, когда вы видели ее в последний раз?

— Какая рана? Он не показывал мне никаких ран.

— На правой ноге. Его поцарапал леопард Орико, когда принц убивал бедного зверя. Царапины неглубокие, но рана инфицирована. Кожа горит. А вы ведь знаете, какие знаки оставляет на коже отравленная рана!

— Да! — кивнул обеспокоенно ди Джиронал.

— У Тейдеса эти следы поднимаются от лодыжки до паха. Похоже на пожар в крови.

Ди Джиронал негромко выругался.

— Советую на время забрать у Орико его врачей и перебросить их в покои принца. А то за неделю вы потеряете обеих своих марионеток королевской крови.

Они встретились глазами — так камень встречается со сталью, но, глубоко вздохнув, канцлер согласно кивнул и встал. Кэсерил последовал за ним. Как бы ни был Марту ди Джиронал испорчен властью и семьей, он был решителен и компетентен. Кэсерил понимал, почему Орико терпел канцлера — несмотря на все его недостатки.

Удостоверившись, что ди Джиронал с должной

поспешностью поднимается по лестнице в покои короля, Кэсерил ушел. С прошлой ночи он не имел никаких известий из храмовой больницы. Нужно было проведать Умегата. Он вышел из ворот Зангры к дворику перед конюшнями, где совсем недавно разыгралась кровавая драма, омрачившая и без того безрадостную жизнь Шалиона. К своему удивлению, он увидел безъязыкого грума, который поднимался по склону холма по направлению к конюшням. Заметив Кэсерила, грум замахал рукой с обрубленным большим пальцем и ускорил шаг.

Наконец, задыхающийся, но с улыбкой на устах, он подошел к Кэсерилу. На лице грума красовались синяки, один глаз был окружен кровоподтеком, полученным во время битвы у зверинца, сломанный нос, с оцарапанным до мяса почерневшим кончиком, распух, но глаза его сияли. Он не шел, а почти танцевал.

Кэсерил внимательно посмотрел груму в глаза.

— Радуетесь? Что, Умегат очнулся?

Грум оживленно закивал головой.

Кэсерил улыбнулся. Новость приятная, но он был почти без сил.

Грум заговорил гортанными нечленораздельными звуками — из четырех слов, которые он

пытался произнести, Кэсерил от силы понимал одно. Но по тому, что смог сказать грум, Кэсерил понял, что тот прибыл с поручением. Попросив Кэсерила подождать снаружи, грум зашел в темный, опустевший зверинец и через минуту вышел оттуда с притороченным к поясу мешком и книгой, которой он принялся размахивать в воздухе. Кэсерил понял: Умегат не просто очнулся, но и чувствует себя достаточно хорошо, чтобы потребовать свою любимую книгу, «Пять дорог» Ордола. Радуясь, что будет идти в компании, Кэсерил направил свои шаги в город.

Идя рядом с грумом, Кэсерил искоса поглядывал на знаки мученичества, которые тот носил с таким безразличием. Они были свидетельством страданий, которые он принял во имя Бога. Сколько дней длилась эта пытка? Час, день, а может, месяцы? Что было причиной мягкой округлости его внешности — насильственная кастрация или просто возраст? Кэсерил не решался попросить грума поведать свою историю. Даже просто слушать его речь было невыносимо для слуха и разума. Кэсерил даже не знал, кем был грум — шалионцем, ибранцем или рокнарийцем, как давно он живет в Кардегоссе и сколько уже служит у Умегата в зверинце, аккуратно исполняя свои

ежедневные обязанности. Вот он топочет рядом с Кэсерилом, с радостными глазами и книгой под мышкой. Это был верный слуга своих Богов, любимый ими герой, многое потерявший на дороге жизни, но многое и нашедший.

Прибыв в комнату, куда поместили Умегата, они увидели, что тот уже полусидит, окруженный подушками. Он был бледен и выглядел изнуренным, с частично выбритой головой, на которой виднелись стежки хирургического шва; остатки волос скрутились в некое подобие крысиного гнезда, губы запеклись, а на подбородке топорщилась трехдневная щетина. Безъязыкий грум порылся в мешке, вытащил оттуда бритвенные принадлежности и радостно помахал ими в воздухе. Умегат устало улыбнулся и посмотрел на Кэсерила, не отрывая головы от подушки. Потерев глаза, он прищурился.

Кэсерил сглотнул:

— Как вы себя чувствуете?

— Голова болит, — отозвался рокнариец и хмыкнул. Помедлив, он спросил: — Неужели все мои прекрасные создания мертвы?

Язык его плохо слушался, голос был тихий и дрожал, но говорил он внятно.

— Почти все, — ответил Кэсерил. — Спаслась

желто-голубая птичка, и я посадил ее назад в клетку. Я запретил делать из погибших животных чучела. Их кремировали, как солдат, павших в бою. Архиепископ Менденаль нашел для них почетное место упокоения.

Умегат кивнул, после чего содрогнулся и сжал запекшиеся губы.

Кэсерил взглянул на безъязыкого грума — да, этот человек, конечно, знает правду. Затем он вновь посмотрел на Умегата и, после секундного колебания, сказал:

— Вы знаете, что уже не испускаете сияние?

Умегат ответил легким кивком.

— Я… подозревал, что так и будет. Теперь, по крайней мере, я могу спокойно на вас смотреть.

— Внутреннее зрение тоже исчезло?

— Внутреннее зрение — лишь дополнение к разуму, — ответил Умегат. — Вы живы, из чего я делаю вывод, что Госпожа Весны пока не оставила вас своим расположением.

И через мгновение добавил:

— Я всегда знал, что этот дар будет предоставлен мне лишь на время. И, скажу вам, пока я им владел, это было здорово!

Его голос сошел на шепот.

— Здорово!

Он отвернулся. Голос его задрожал сильнее.

— Я знал, что его у меня заберут. Выбьют из рук. Я должен был догадаться…

Боги должны были предупредить вас…

Маленький грум, слушая Умегата, поморщился, словно от боли, и, чтобы успокоить своего начальника, протянул ему книгу.

Умегат слабо улыбнулся и осторожно взял том в руки.

— По крайней мере, у меня есть мое прежнее занятие, — сказал он.

Открыв книгу в знакомом месте и любовно разгладив, вероятно, ее самую любимую страницу, он посмотрел на текст. Улыбка погасла на его лице, а голос задрожал.

— Это что, шутка? — спросил он.

— Какая шутка, Умегат? Это ваша книга. Грум принес вам ее из зверинца, я сам видел.

Не без труда управляясь со своим телом, рокнариец выпрямился в постели.

— Что это за язык? — спросил он.

— Как что за язык? Ибранский, — ответил Кэсерил, заглянув через плечо рокнарийца в текст.

Умегат принялся судорожно перелистывать книгу, пробегая глазами по страницам и тяжело дыша — словно им все больше и больше овла-

девал ужас.

— Но ведь это какая-то тарабарщина! — бормотал он. — Просто бумага, испачканная чернилами. Кэсерил!

— Это ибранский. Просто ибранский язык, и все!

— Что-то случилось с моими глазами. Что-то не так во мне…

Умегат закрыл лицо ладонями, принялся тереть глаза, после чего воскликнул:

— О Боги!

И разразился плачем.

— Я наказан! — бормотал он. — О, как я наказан!

— Срочно врача! — крикнул Кэсерил перепуганному груму, и тот, кивнув, убежал. Умегат судорожно сжимал книгу, бумага расползалась под его пальцами. Кэсерил пытался помочь рокнарийцу, гладил его по плечу, взял из его рук и закрыл книгу. Как Умегат ни сопротивлялся нервному срыву, тот прорвал стены, которые рокнариец возвел вокруг себя, в самом уязвимом месте, и этот суровый человек заплакал — и заплакал не как дитя! Никакие детские слезы не способны вызвать в окружающих такой ужас, какой вызвали в душе Кэсерила слезы повержен-

ного судьбой рокнарийца.

Прошло несколько ужасных минут. Наконец пришла седовласая женщина-врач, которая принялась успокаивать испуганного святого. Он ухватил ее за руки, мешая заниматься врачебным делом, но она смогла быстро восстановить его уверенность в самом себе и внушить надежду, рассказав, что большинство мужчин и женщин, ставших жертвами тяжелого сотрясения мозга, которых, почти бездыханными, приносили и привозили в больницу взволнованные родственники, уже через несколько дней благополучно покидали ее на своих ногах. Обследуя Умегата, она послала проходящего по коридору больницы служку в библиотеку ордена, чтобы тот принес книги на рокнарийском и дартаканском. Опыт оказался для Умегата неудачным — он не смог разобрать тексты и на этих языках. Более того, его перестали слушаться руки, и он не смог вывести на бумаге ни одной буквы. Тем не менее это обследование он прошел со всем возможным мужеством и самообладанием.

Единственный только раз, когда перо выскользнуло из его пальцев, оставив чернильную кляксу на льняной тунике, он закрыл лицо руками и простонал:

— Я наказан. Моя радость и мое спасение отняты у меня!

— Иногда люди заново вынуждены осваивать то, что забыли, — сказала между тем врач. — Кроме того, вы прекрасно понимаете слова на слух и узнаете знакомых людей. Я такое видела не раз… И кто-то может читать вам книги вслух…

Умегат встретился взглядом с безъязыким грумом, стоящим в ногах кровати с Ордолом в руке. Старик прижал кулак к губам и что-то бессвязно бормотал в приступе отчаяния. Слезы рекой текли из уголков его глаз по морщинистым щекам.

Тяжело вздохнув, Умегат покачал головой и, отвлеченный от собственных бед видом горя, которое поразило грума, потянулся и взял того за руку.

— Ну, ну, успокойся! — сказал он. — Мы с тобой теперь — отличная пара.

Вздохнув, он упал на подушку и сказал:

— Пусть не говорят, что у Бастарда нет чувства юмора.

Через мгновение веки его сомкнулись. Устал ли он, или просто решил спрятаться, закрыться от мира — Кэсерил не знал.

Напуганный тем, что произошло с принцем, Кэсерил пришел спросить: *Что нам делать,*

Умегат? Но, увы, тот не мог ни помочь, ни посоветовать, ни направить. Даже помолиться за Тейдеса он был не в состоянии.

Он стал дышать все тише и вскоре забылся в дремоте. Осторожно, чтобы не потревожить рокнарийца нечаянным шумом, грум положил бритвенные принадлежности на прикроватный столик и сел дожидаться пробуждения пациента. Врач что-то записала в своей тетрадке и тихо вышла. Кэсерил проводил ее до галереи, выходящей во двор. В такую холодную погоду центральный фонтан не работал, и вода в нем стояла черная и мрачная.

— Он что, действительно наказан? — спросил Кэсерил.

Врач устало потерла шею.

— Откуда мне знать? — сказала она. — Ранения головы — самые странные из всех ранений. Я однажды видела женщину, которая ослепла, несмотря на то что глаза у нее не были повреждены. Она получила удар в совершенно противоположное место — в затылок. Ну скажите — какая тут связь? Я видела людей, которые утрачивали способность говорить, теряли контроль над одной половиной тела, в то время как другая половина работала как часы. Они тоже были

наказаны? Если это так, то Боги должны быть весьма злобными созданиями, а это явно не так. Я думаю, здесь сыграла свою роль случайность.

Боюсь, Боги ведут нечестную игру. Кэсерил хотел попросить врача хорошенько позаботиться об Умегате, но та уже делала это, и Кэсерилу не хотелось выглядеть в ее глазах занудой, который к тому же сомневается в ее умениях и опыте. Вежливо пожелав врачу доброго утра, он отправился на поиски архиепископа, чтобы сообщить тому об опасном состоянии, в котором оказался Тейдес.

Архиепископа он нашел в Храме, у алтаря Матери, где Менденаль совершал обряд благословения над женой богатого торговца кожей и ее новорожденной дочерью. Кэсерил дождался, когда семья положит на алтарь свои подношения, и, склонившись к уху архиепископа, шепотом сообщил новость. Тот побледнел и тут же отправился в Зангру.

Кэсерилу не раз пришлось убеждаться, сколь малодейственной, а то и опасной может быть молитва, и тем не менее он лег на холодный каменный пол перед алтарем Матери и принялся думать об Исте. Надежды на то, что Боги смилостивятся над Тейдесом, которого вверг в греховную жизнь и бросил там неистовый Дондо,

было мало. Но, может быть, у них осталось хоть немного жалости для несчастной Исты? Надежду на это внушило ему послание, которое Мать передала для него через свою святую Клару. Хотя то послание могло иметь и совершенно практическое значение. Распростершись на холодных отполированных камнях, он чувствовал твердый комок размером с два сложенных вместе кулака, который засел в его животе и в этом положении причинял особое неудобство.

Через некоторое время Кэсерил встал и отправился в каменный дворец провинкара Яррина, чтобы найти там Палли. Слуга провел его в заднюю половину дворца, предназначенную для гостей. Палли сидел за столом и что-то писал в большой книге, но, увидев друга, отложил перо и показал тому на кресло, стоящее напротив.

Как только слуга закрыл за собой дверь, Кэсерил наклонился вперед и негромко сказал:

— Палли! Ты сможешь, если потребуется, съездить в качестве тайного посланника в Ибру? Начать переговоры по поводу принцессы Изелль?

Палли внимательно посмотрел на Кэсерила и спросил:

— Когда?

— Скоро.

Палли с сомнением покачал головой:

— Если ты имеешь в виду прямо сейчас, то вряд ли. Сейчас я слишком занят своими обязанностями офицера ордена — я обещал ди Яррину свой голос и поддержку в совете.

— Ты можешь оставить за себя полномочного представителя или еще кого-нибудь, кому доверяешь.

Палли почесал свой выбритый подбородок и неопределенно хмыкнул.

Кэсерил подумал: а не выложить ли на стол главный козырь — он вообще-то святой самой Дочери, и весь орден, включая ди Яррина, должны к нему прислушиваться. Но это заявление потребовало бы пространных комментариев — нужно было бы рассказывать о проклятии Фонзы, о своем собственном и весьма странном недомогании. Да, Богиня тронула его своей благословенной рукой. Но она же и раздирает его на части. Если он начнет все это объяснять, Палли сочтет его сумасшедшим — таким же, какой в глазах обычных людей выглядит Иста.

— Я полагаю, это может быть в интересах Дочери.

Палли скривился в усмешке.

— Откуда тебе известно? — спросил он.

— Уверяю тебя, известно!

— Не понимаю.

— Послушай! — сказал Кэсерил. — Сегодня ночью будешь ложиться спать, помолись Богине. Попроси совета и руководства.

— Я? А почему не помолишься ты сам?

— Я ночью… не тем занят.

Палли усмехнулся.

— С каких это пор ты веришь в пророческие сны? — спросил он. — Сколько помню, ты всегда говорил, что это чушь, что люди либо обманывают себя и других, либо притворяются, чтобы выглядеть более важными, чем они есть на самом деле.

— С каких пор? С недавних. Слушай же, Палли! Просто послушайся меня, ради эксперимента. Чтобы сделать мне приятно, а?

Палли сдался.

— Для тебя — сколько угодно! Что касается всего остального…

Он задумался.

— Ты сказал, в Ибру? И от кого все это нужно держать в тайне?

— Главным образом, от ди Джиронала.

— Вот как? Это может быть интересно ди Ярри-

ну. Есть там что-то для него?

— Не напрямую, — ответил Кэсерил и добавил: — Это, также, должно держаться в тайне и от Орико.

Палли откинулся на спинку кресла и сказал тихо, почти шепотом:

— Какой камень ты хочешь повесить мне на шею, Кэс? Там у нас, случайно, не государственная ли измена?

— Хуже, — вздохнул Кэсерил. — Вопросы теологии. Кстати, я вспомнил!

Кэсерил потер переносицу, пытаясь понять, насколько сильнее, чем раньше, у него болит голова, и продолжил:

— Скажи ди Яррину, что в заседаниях его совета участвует шпион, который все докладывает ди Джироналу. Хотя, конечно, он и сам может догадаться.

— Час от часу не легче, — покачал головой Палли. — Слушай, Кэс, ты по ночам высыпаешься?

Кэсерил горько рассмеялся:

— Увы!

— Я заметил, Кэс: когда ты слишком измотан или не выспался, в тебе появляется некая обреченность. Тебе начинает казаться, что все летит к черту. Я ни на что не намекаю, но признаки есть.

— В любом случае, у тебя будет полная информация.

— Вот когда будет, тогда я и решу.

— Справедливо, — кивнул Кэсерил. — Мне нужно обсудить все это с принцессой. Но я не хочу предлагать ей человека, который бы ее подвел.

— Когда я кого подводил?

— Именно поэтому я и пришел к тебе, Палли, — сказал Кэсерл, улыбнувшись.

И, слегка скривившись от пронзившей его боли, он поднялся.

— Мне нужно в Зангру, — сказал он, но, уходя, вкратце поведал другу о болезни принца.

Палли посерьезнел лицом.

— Насколько все плохо?

— Я не знаю…

Осторожность помешала Кэсерилу говорить откровенно.

— Тейдес молод, — сказал он, чуть помедлив. — Не вижу причин, по которым он не мог бы справиться с инфекцией.

— Кэс, клянусь Богами, но он же — надежда королевства. Что будет с Шалионом, если он не выкарабкается? А на Орико надежды нет!

Кэсерил колебался.

— Орико… не вполне здоров. Я уверен, ди

Джироналу и не снилось, что они оба заболеют. Скажи, кстати, ди Яррину, что канцлер в ближайшие несколько дней будет сильно занят, а потому лорды его ордена вполне могут, не опасаясь вмешательства ди Джиронала, добраться до короля и что-то там подписать. По-моему, шансы складываются неплохие.

Палли начал было делиться с ним своими сомнениями и предположениями относительно грядущих событий, но Кэсерил, остановив пространные рассуждения друга, поспешил на выход. Впрочем, от эскорта в лице юных братьев ди Гура спастись ему не удалось. Поднимаясь по склону холма, он более всего был озабочен не тем, как ему удастся спасти Изелль из-под обломков гибнущего рода ди Шалион, а скорее как бы ему не упасть на глазах этих молодых здоровяков. Вот будет позор, если им придется тащить его на руках!

Когда он вошел в коридор третьего этажа главного здания, то увидел там множество народа. Врачи в своих зеленых нарядах, сопровождаемые помогавшими им служками, сновали туда и сюда.

Суетились слуги, таскавшие кувшины с водой, простыни, одеяла, странное питье в серебряных бокалах. Кэсерил остановился, думая о том, какую помощь он может оказать, когда из приемной появился архиепископ и двинулся по коридору. Менденаль был погружен в свои мысли и не заметил стоящего у стены Кэсерила.

— Ваше преосвященство! — остановил его, тронув за рукав, Кэсерил. — Как себя чувствует принц?

— А, это вы, лорд Кэсерил! — произнес, остановившись, архиепископ. — Канцлер и принцесса передали в Храм богатые дары и попросили молиться за принца. Иду, чтобы выполнить их просьбу.

— Вы думаете, молитва поможет?

Помогают ли нам вообще наши молитвы?

— Молитва — это всегда хорошо.

Увы, нет! — хотел ответить Кэсерил, но промолчал.

— Ваша молитва может быть особенно полезна, — негромко проговорил архиепископ, — именно сейчас.

Что-то Кэсерил не замечал, чтобы его молитвы кому-нибудь помогли.

— Ваше преосвященство, — сказал он, — не

желал бы я быть на месте человека, по поводу которого я бы молился.

Глаза архиепископа расширились. Он опасливо посмотрел на Кэсерила и, изобразив вежливую улыбку, ушел.

В коридор вышла принцесса. Увидев Кэсерила, она подозвала его.

Он подошел и поклонился.

— Принцесса!

Тихо, как это делали все вокруг, она проговорила:

— Идут разговоры об ампутации. Вы могли бы… помочь? При необходимости нужно будет удерживать Тейдеса. Мне кажется, вам все это знакомо.

— Знакомо, принцесса!

Он сглотнул, вспомнив ужасные сцены, происходившие когда-то в полевых госпиталях. Он тогда долго не мог решить, с кем лучше иметь дело — с храбрецами, которые приняли решение мужественно перенести то, что им предстояло перенести, или с теми, кто от страха и боли сходил с ума. В конце концов Кэсерил пришел к выводу, что самыми удобными пациентами были те, кто потерял сознание и все время операции пребывали в каких-то иных мирах.

— Скажите врачам, что я всегда к их услугам. И к услугам принца, — закончил он.

Из приемной, где он стоял, прислонившись к стене, Кэсерил услышал реакцию принца на предложение об ампутации. Похоже, юноша принадлежал ко второй категории пациентов. Он принялся кричать, что не позволит предателям и идиотам превратить себя в калеку, стал бросать во врачей всем, что попадалось ему под руку. Несколько успокоился он только тогда, когда второй врач высказал предположение, что у принца не гангрена (и Кэсерил готов был на это согласиться), а заражение крови, и здесь ампутация не поможет, а скорее навредит. Поэтому лечение свелось к иссечению пораженных участков и наложению всяческих повязок, но принц и при этом кричал так, словно ему действительно отрезали ногу. Несмотря на то что раны на ноге принца были тщательно обработаны, температура у него не снижалась, и слуги налили огромное количество холодной воды в медную ванну, куда врачи, не без труда и борьбы, наконец поместили принца.

Рук вполне хватало, а потому Кэсерил решил подняться этажом выше, в свой кабинет, и заняться другими делами. Там он отвлекся от текущих забот тем, что написал письма правителям ше-

сти городов, которые были выделены принцессе в качестве королевского подарка в связи с ее помолвкой. Эти города должны были прислать в казну принцессы полагающиеся ей средства, но так и не прислали. Правители и городские советы жаловались на неурожай, на бандитов, на плохую погоду и ужасные дороги, обманывали сборщиков налогов и вообще всячески увиливали от исполнения своих обязательств. Неужели Орико заведомо выделил принцессе самые хилые города, или же во всей стране все находится в упадке?

Вошли Изелль и Бетрис, усталые и напряженные.

— Никогда не видела брата таким больным, — сказала принцесса. — Мы раскроем домашний алтарь и перед обедом будем молиться. Не исключено, что нужно будет устроить пост.

— Мне кажется, что молиться должны не столько вы, сколько сам Тейдес. И молиться не о возвращении здоровья, а о прощении.

Изелль покачала головой.

— Он вообще отказывается молиться, — сказала она. — Говорит, в том, что произошло, его вины нет. Это все Дондо, что, в общем-то, верно… Кричит, что никогда не хотел в чем-то навредить

Орико, а кто так говорит — те сплетники.

— А так говорят?

— В лицо принцу — никто, — вмешалась Бетрис. — Но среди слуг, по словам Нан, ходят странные разговоры.

Изелль нахмурилась.

— Скажите, Кэсерил, — проговорила она. — Это может быть правдой?

Опершись локтями о стол, Кэсерил потер лоб в месте, где болело особенно сильно.

— Думаю… — протянул он. — Впрочем, здесь вина не столько Тейдеса, сколько Дондо. Я верю Тейдесу, когда он говорит, что все придумал именно Дондо. Тот был способен на что угодно. Я продумал все, что произошло, с его точки зрения. Смотрите — он женится на сестре принца, потом принц восходит на престол, будучи еще несовершеннолетним. Он же видел на примере своего старшего брата, сколько власти имеет человек, сидящий за пазухой короля. Я не знаю, как он планировал избавиться от Марту, но уверен, что Дондо собирался стать следующим канцлером, а возможно, и регентом, и, что я не исключаю, королем. Все зависело от той судьбы, которую он готовил Тейдесу.

Изелль прикусила нижнюю губку и сказала:

— Теперь я вижу, что вы спасли не только меня.

И, бегло тронув Кэсерила за плечо, она прошла в свои покои.

Перед обедом Кэсерил сопровождал принцессу и Бетрис во время их визита к Орико. Хотя королю не становилось лучше, не было ему и хуже. В чистых одеждах, он сидел в постели, и Сара читала ему. Он рассказал о тех улучшениях, которые у него произошли — правым глазом он видел не только свет, но и тени двигающихся у его постели людей. Кэсерил подумал, что врач, пользовавший короля, был прав в своем диагнозе — король опух еще сильнее, что говорило о поразившей его водянке, и, когда он касался указательным пальцем лица, в месте прикосновения еще долго оставался белый след. Изелль не стала расстраивать короля новостями о состоянии Тейдеса, но в приемной перед покоями Орико она все откровенно поведала Саре. Сара поджала губы и почти ничего не ответила принцессе, но Кэсерил понял, что в Зангре есть по меньшей мере один человек, кто не возносит молитв во здравие жестокого, пусть и введенного кое-кем в заблуждение, мальчика.

После ужина температура у Тейдеса поползла вверх. Он перестал бороться и жаловаться, впав

в полузабытье. За пару часов до полуночи принц вроде бы заснул. Изелль и Бетрис наконец решили покинуть его спальню, подняться к себе и немного отдохнуть.

Около полуночи, мучимый дурными предчувствиями, Кэсерил по коридору прошел к покоям принца. Главный врач, который собирался дать принцу снимающий температуру свежий сироп, только что изготовленный и доставленный из Храма запыхавшимся служкой, не смог разбудить Тейдеса.

Кэсерил торопливо поднялся на третий этаж и сообщил об этой новости Нан ди Врит.

— Что принцесса может сделать в этих обстоятельствах? — проворчала Нан. — Она буквально упала в постель, бедняжка. Может быть, дадим ей поспать?

Кэсерил, мгновение поколебавшись, ответил:

— Нет.

И две юные дамы, усталые и несчастные, оделись и спустились в переполненную людьми гостиную принца. Приехал и канцлер ди Джиронал, которого вызвали из его городского дворца.

Ди Джиронал, увидев Кэсерила, нахмурился. Поклонившись Изелль, канцлер проговорил:

— Принцесса! Эти комнаты скорби — не лучшее

для вас место.

И бросил взгляд на Кэсерила. Тот прочел в этом взгляде: *и для вас*.

Изелль прищурилась, но ответила спокойно и с достоинством:

— Никто из присутствующих не имеет больше прав быть здесь, чем я. И больше обязанностей.

И после паузы добавила:

— Кроме того, я должна буду свидетельствовать перед своей матерью, вдовствующей королевой!

Канцлер сделал вдох, но промолчал. В конце концов, он может без ущерба для себя перенести эту битву на более позднее время. Возможностей помериться, чья воля сильнее, будет предостаточно.

В дело между тем пошли холодные компрессы, но и они не смогли унять жар. Принца кололи иголками, но из беспамятства не вывели. Все забегали, когда у принца начались судороги, а дыхание стало хриплым и еще более затрудненным, чем у Умегата, когда тот лежал без сознания. В коридоре квинтет канторов, по одному из каждого прихода Храма, пели молитвы; их голоса сходились и отражались друг в друге — душераздирающе красивый фон для страшного события, что происходило в спальне принца.

Певцы сделали паузу, и в наступившей тишине Кэсерил не услышал того, к чему был прикован слух всех, находившихся в спальне и в соседних с ней комнатах. Дыхание остановилось. Принц больше не дышал. И все собравшиеся молчали пред лицом этой тишины. Один из врачей, с лицом, залитым слезами, вышел из спальни и позвал ди Джиронала и Изелль, чтобы те засвидетельствовали факт смерти. Голоса вошедших в обитель смерти звучали недолго и негромко, после чего они вышли — бледные, с застывшими лицами.

Ди Джиронал выглядел полностью выбитым из колеи. Как понимал Кэсерил, он до самого конца надеялся, что принц выкарабкается. На лице принцессы застыла ничего не выражающая маска. Темное облако вокруг ее фигуры стало явно плотнее и объемнее.

Все лица в приемной обернулись в ее сторону, словно стрелки компаса в северную сторону. У королевства Шалион появилась новая наследница.

20

Глаза Изелль были сухими, несмотря на тяжесть поразившей ее утраты. Бетрис, намеревавшаяся поддержать ее, лила слезы и едва держалась на ногах, так что было трудно сказать, кто из них двоих кого поддерживает.

Канцлер ди Джиронал откашлялся.

— Я сообщу об этой утрате королю, — сказал он и, после небольшой паузы, добавил: — Если вы позволите мне сделать это, принцесса!

— Да, — отозвалась Изелль, невидящими глазами оглядывая гостиную. — Пусть эти добрые люди, каждый, занимаются своими делами.

Ди Джиронал нахмурился — так, словно сразу тысяча мыслей пролетела в его голове, и он не знал, за которую ему ухватиться первой. Просмотрев сперва на Бетрис, а потом на Кэсерила, он проговорил:

— Ваш штат и ваше содержание должны быть увеличены в соответствии с вашим новым статусом, принцесса. Я займусь этим.

— Об этом я пока думать не в состоянии. Завтра будет не поздно. Сейчас же, милорд канцлер, оставьте меня наедине с моей печалью.

— Конечно, принцесса!

И, поклонившись, ди Джиронал направился к выходу.

— Постойте! — остановила его Изелль. — Прошу вас не отправлять курьера к моей матери, пока я не напишу ей письмо.

Ди Джиронал от двери отвесил поклон и проговорил:

— Разумеется, принцесса!

Бетрис взяла Изелль под руку, и, когда они проходили мимо Кэсерила, принцесса сказала ему:

— Кэсерил! Приходите ко мне через полчаса. Я должна подумать.

Кэсерил склонил голову.

Толпа придворных, собравшихся в гостиной и приемной, понемногу рассасывалась, и вскоре все они ушли, за исключением секретаря принца. Тот стоял, всеми покинутый и совершенно никому не нужный. Служки из Храма и местные слуги сновали по этажу — нужно было прибрать

помещения, а также обмыть тело принца и приготовить его к похоронам. Испуганные участники квинтета, откашливаясь и постоянно сбиваясь, пропели, словно по инерции, еще одну бесполезную молитву, на этот раз упокойную, после чего покинули замок.

Кэсерил не понимал, что у него болит сильнее — живот или голова. Он отправился в свою спальню, закрыл дверь и приготовился к очередной схватке с Дондо, которую, как сказал ему комок в животе, откладывать было больше нельзя.

Острая боль, как обычно, заставила его согнуться, но, к его удивлению, Дондо в эту ночь молчал. Что, его тоже поразила смерть Тейдеса? Да, все шло так, или почти так, как он планировал: Орико едва дышал, Тейдес умер. Но воспользоваться всем этим Дондо, увы, не мог — по той простой причине, что уже несколько дней как отдал концы.

Вряд ли это будет долгой передышкой! Обостренная чувствительность, которую обрел Кэсерил, убеждала его: Дондо все еще там, заперт внутри его тела. Голодный. Злой. Чем он там занимается? Может, думает? Склонность к размышлениям не была главной прижизненной чертой Дондо. А может быть, тот шок, который

испытал Дондо, когда умер, уже прошел? И что он будет делать? Ждать? Таиться в засаде? Когда-то Дондо был весьма умелым охотником.

Кэсерилу неожиданно пришла в голову мысль: если единственное желание демона — это побыстрее упаковать две души в ведра и вернуться к хозяину, то Дондо этих желаний мог и не разделять. Конечно, тело врага было для Дондо настоящей тюрьмой, но огненный ад Бастарда или же медленное умирание забывшего себя и свое прошлое призрака — не лучшая альтернатива. Какие еще тут могли быть варианты, Кэсерил представлял слабо, но если Дондо действительно собирался вернуться в мир в некой физической форме, то сама форма была, что называется, под рукой. Лежа на боку и подтянув колени к груди, Кэсерил пытался определить, насколько выросла его опухоль.

Понемногу боль в животе утихла, страх развеялся. Кэсерил вспомнил о просьбе принцессы. Задачка ей предстояла не из легких — написать Исте о смерти сына! Не удивительно, что Изелль нуждается в помощи. И хотя Кэсерил понимал, что сил и умений у него не достанет, чтобы выполнить просьбу принцессы, он обязан откликнуться на зов ее горя. Выбравшись из постели, он привел

себя в порядок и отправился на этаж принцессы.

Изелль уже сидела в приемной за рабочим столом. Перед ней лежали ее лучшие пергаменты, перья и воск для запечатывания писем. По всей комнате горели свечи, прогнавшие темноту в самые отдаленные углы. Рядом сидела Бетрис и, выкладывая на кусок шелкового полотна разные украшения, рассматривала их и считала — кольца, брошки, бледная нитка жемчуга, которую подарил принцессе Дондо и которую Кэсерилу все никак не удавалось отнести в Храм.

Изелль хмуро смотрела на лежащий перед ней чистый лист пергамента и задумчиво крутила на пальце свой перстень с печатью. Подняв глаза на вошедшего Кэсерила, она негромко проговорила:

— Хорошо, что вы здесь. Закройте дверь.

Кэсерил выполнил просьбу и, поклонившись, сказал:

— К вашим услугам, принцесса!

— Да, Кэсерил! Благодарю вас, Кэсерил, — задумчиво ответила Изелль, вглядываясь в своего секретаря.

Бетрис же произнесла озабоченным тоном:

— Он же так болен, Изелль. Вы уверены?

— Я ни в чем не уверена, но у меня нет ни времени, ни выбора.

Изелль глубоко вздохнула и сказала:

— Кэсерил! Я хочу, чтобы завтра утром вы отправились в Ибру в качестве моего посланника. Вы начнете переговоры по поводу моего брака с принцем Бергоном.

Кэсерил прищурился, пытаясь быстро восстановить последовательность мыслей, которая привела принцессу к такому решению.

— Канцлер ди Джиронал не позволит мне уехать.

— Конечно, это будет тайная миссия, — нетерпеливо махнула рукой принцесса. — Вы отправитесь в Валенду, которая почти по пути, в качестве моего личного курьера, чтобы донести новость о смерти Тейдеса до моей матери. Ди Джиронал согласится и будет даже рад увидеть вашу спину. Более того, он еще даст вам жезл королевского курьера, чтобы вы могли беспрепятственно брать принадлежащих канцелярии почтовых лошадей. А пока вас не будет, он нашпигует мой штат своими шпионами.

— Что он так сделает, было ясно с самого начала.

— Но после того, как вы побываете в Валенде, путь ваш ляжет не в Кардегосс, а в Загосур. Или в какие-то иные места, где нынче находится принц

Бергон. А пока я буду просить короля разрешить мне похоронить брата в Валенде, дома.

— Тейдес как можно скорее хотел уехать из Валенды, — заметил Кэсерил, у которого начинала кружиться голова.

— Это так, — кивнула Изелль. — Но ведь ди Джиронал об этом не знает, верно? По иным поводам из Кардегосса он меня не отпустит, но вставать поперек семейных традиций тоже не станет. Завтра, кстати, заручусь поддержкой Сары.

— Вряд ли в ближайшие месяцы канцлер предложит вам нового жениха. Вы же теперь в двойном трауре — по его брату и по собственному.

Изелль покачала головой.

— Час назад, — сказала она, — я стала надеждой и будущим Шалиона. Поскольку ди Джиронал собирается контролировать это будущее, он не спустит с меня глаз. Критической точкой станет начало траура, но не по Тейдесу, а по Орико. Именно в этот момент я подпаду под полный контроль со стороны канцлера. Если не успею выйти замуж.

Она подумала и продолжила:

— Если я выберусь из Каргедосса, то назад

уже не вернусь. По такой погоде кортеж с телом Тейдеса будет в дороге не одну неделю. А если погода нам не поможет, я найду другие способы затянуть время. К моменту, когда вы приедете сюда с принцем Бергоном, я уже буду в Валенде, в полной безопасности.

— Подождите! *Сюда*? С принцем Бергоном?

— Конечно! Вы должны привезти его ко мне. Подумайте! Если я покину Шалион и отправлюсь в Ибру, чтобы выйти замуж там, канцлер объявит меня бунтовщицей и принудит вернуться домой во главе иностранной армии. Но если я сразу же займу самую выгодную позицию, мне не придется ее отвоевывать. *Вы* же меня научили этому.

Неужели я?

Она наклонилась к нему, и речь ее зазвучала более уверенно и решительно:

— Да, я выйду замуж за принца Бергона, но, чтобы его заполучить, я не отдам Шалион! Ни пяди его земли! Ни ди Джироналу, ни старому Лису. Мы с Бергоном унаследуем короны наших предков — каждый свою. Бергон будет королем-консортом в Шалионе, а я — исполнять те же обязанности в Ибре. Это будет взаимно и справедливо. А наш будущий сын — таково желание и Матери, и Отца, — унаследует обе короны и будет

коронован королем единого государства. Но я никому не отдам власть в Шалионе; я не передам ее в качестве приданого своему супругу. Никому не удастся превратить меня в некое подобие Сары — безгласной и бесправной жены, которую может заставить замолчать любой.

— Но если старому Лису захочется большего?

Принцесса гордо вскинула подбородок.

— Именно поэтому посланником от меня поедете вы, и никто иной. Если вам не удастся уладить это дело на моих условиях, поворачивайтесь и возвращайтесь домой. Тогда после смерти Орико я сама объявлю войну ди Джироналу.

Губы ее сложились в ироничную усмешку; темная аура облаком клубилась вокруг ее фигуры.

— Висит надо мной проклятие или нет — канцлеру не удастся сделать из меня вьючную лошадь, которая будет подчиняться его узде и шпорам.

Да, у Изелль было то, чего не было ни у Орико, ни у Тейдеса — выдержка, воля и ум, которые позволят ей успешно противостоять ди Джироналу. Кэсерил видел это в глазах принцессы, в темной ауре, клубящейся вокруг нее — видел полки с изготовленными к бою копьями, видел кровь бойцов и пламя, охватившее осажденные города. Да, именно такую форму проклятие Шалиона

обретет в следующем поколении — это будет не личное бремя горе потомков королевского рода, но гражданская война, где в непримиримом единоборстве столкнется королева и ее лорды, война, которая разорвет на части некогда процветавшую страну.

И это произойдет, если Изелль не сбросит с себя родовое проклятье и не перейдет под защиту принца Бергона.

— Я выполню все, что вы мне поручите, принцесса.

— Отлично! — сказала Изелль и разгладила лежащий перед ней лист пергамента. — Теперь мы напишем несколько писем. Первое письмо — это ваша верительная грамота. Ее вы отвезете Лису, и она должна быть написана моей рукой. Вы читали и составляли разные договоры. Подскажите правильные формулы, чтобы я не выглядела наивной безграмотной девочкой.

— Я сделаю все, что смогу, Изелль, но я не законник.

Принцесса пожала плечами.

— Если у нас все получится, за нашими словами будут стоять мечи. А если ничего не выйдет, нам не помогут никакие юридические тонкости. Будем выражаться просто и ясно. Начнем…

Через три четверти часа напряженного покусывания нижней губы принцесса составила вполне достойный документ, который подписала и скрепила личной печатью. Бетрис тем временем закончила инвентаризацию небольшой кучки драгоценностей и монет.

— Это все деньги, что у нас есть? — спросила Изелль.

— К сожалению, да, — вздохнула Бетрис.

— Ему придется заложить это, когда он доберется до Валенды или какого-нибудь другого безопасного места, — проговорила Изелль.

Завернув драгоценности в шелк, она протянула их Кэсерилу.

— Это вам на дорогу, — сказала она. — Клянусь Дочерью, здесь достаточно, чтобы доехать туда и вернуться.

— Здесь гораздо больше, чем нужно, — покачал головой Кэсерил.

— Вы не понимаете, Кэсерил, — возразила принцесса. — Ваша задача — не экономить, а тратить. В качестве моего представителя вы должны произвести в Ибре впечатление. Не забудьте о соответствующих нарядах. А принц Бергон должен путешествовать так, чтобы ни себя, ни меня не уронить ни в чьих глазах. И не уронить честь

Шалиона.

— Без военного эскорта это будет непросто. Я об этом подумаю. И многое будет зависеть от вещей, которые мы пока не предусмотрели. Да, кстати, нам нужны надежные каналы общения. Ди Джиронал и его шпионы наверняка сделают все, чтобы перехватить мои письма.

— Вот как? Я об этом не подумала.

— Есть очень простой шифр, который почти невозможно разгадать. Необходимо взять два экземпляра одной и той же книги, один будет у меня, другой — у вас. Я пишу последовательность трех цифр: одна — это номер страницы, вторая — строки, третья — слова. Вы, ориентируясь на эти цифры, находите в своем экземпляре соответствующее слово. То же самое слово можно найти и на другой странице. Есть более сложные шифры, но у меня нет времени, чтобы вас им обучить. Да… и у меня нет двух копий одной книги!

— Я найду, — твердо сказала Бетрис.

— Спасибо! — отозвался Кэсерил и задумался.

Это было настоящее безумие — отправиться в столь дальнее путешествие зимой, через горы. А он болен и по-прежнему по утрам видит кровь в ночном судне. А если он упадет с лошади в снег и замерзнет, а волки сожрут и его, и коня, и его

верительные грамоты?

— Изелль, — сказал он. — Я всем сердцем желаю отправиться с вашим поручением. Но мое тело оккупировано врагом. Оно наполовину пустыня, мне не принадлежащая. Боюсь, я не справлюсь с немощами телесными. Мой друг марч ди Паллиар — отличный ездок и боец. Могу ли я предложить вам его в качестве замены?

Нахмурившись, Изелль задумалась, после чего проговорила:

— Я думаю, что битва за принца Бергона должна быть битвой умов, а не мечей. Лучше послать туда умного человека, а сильного оставить в Шалионе.

А это хорошая мысль — оставить Изелль и Бетрис не одних, беззащитными, а под охраной надежного человека, друга! Неплохое решение.

— В любом случае, позвольте завтра пригласить его к вам.

Изелль бегло глянула на Бетрис. Кэсерил не увидел никаких знаков, которыми могли бы обменяться девушки, но принцесса согласно кивнула:

— Хорошо! Пригласите, и как можно раньше.

Она подвинула к себе еще один лист пергамента и взяла свежее перо.

— А сейчас, — сказала Изелль, — я напишу личное письмо принцу Бергону, которое вы передадите ему в руки нераспечатанным. А потом — письмо матери. Я думаю, здесь ваша помощь мне не понадобится, а потому идите и поспите, пока есть время.

Кэсерил встал и, поклонившись, пошел к двери. Когда он уже собирался выйти, принцесса окликнула его и мягко проговорила:

— Я рада, что эту печальную новость ей поведаете вы, а не какой-нибудь курьер. Хотя это будет непросто.

Она глубоко вздохнула и склонилась над столом. В свете горящих свечей янтарные волосы принцессы окружали ее голову, словно сияющий ореол. Кэсерил бросил на Изелль прощальный взгляд и покинул озеро света и тепла, погрузившись в холодный темный омут коридора.

Кэсерил был разбужен на рассвете настойчивым стуком в дверь. Выбравшись из постели и отперев дверь, он увидел не пажа, а Палли. Обычно аккуратно наряженный, Палли выглядел так, словно одевался в темноте, хватая первое, что по-

падалось под руку. Голова его была взлохмачена, волосы торчали в разные стороны. Зевающие братья ди Гура, сонные, но веселые, улыбались, стоя в коридоре, откуда Палли ввалился в комнату. Кэсерил передал свечу со своего прикроватного столика Ферде, тот зажег ее о настенный светильник в коридоре и передал Палли, который взял свечу слегка дрожащими руками. Палли заговорил только тогда, когда дверь за ним закрылась.

— Что случилось, Кэс? Скажи, во имя демонов Бастарда!

— Случилось с кем? — ответил Кэсерил недоуменно.

Палли зажег еще несколько свечей, стоящих на умывальнике, и принялся кружить по комнате.

— Ты велел мне молиться. Для совета и руководства, как ты сказал. А потом должны были последовать вещие сны, верно? И что я получил? Этой ночью во сне меня пять раз убили. Потом я куда-то ехал. Несколько раз, и с каждым разом поездка была все ужаснее. В последнем сне меня сожрали мои лошади. Теперь я неделю не сяду ни на лошадь, ни на мула, ни на осла!

— Вот как? — переспросил, задумавшись, Кэсерил. А пророчество-то попало в самую точку!

— Ну что ж, тогда я не стану тебя просить куда-

нибудь поехать.

— Вот это облегчение!

— Поеду сам.

— Куда? В такую погоду? Снег же валит!

— Если бы это было главной бедой! — покачал головой Кэсерил. — Разве тебе никто не сказал? Принц Тейдес умер в полночь от инфицированной раны.

Палли мгновенно стал серьезным.

— Вот это да! — произнес он. — Теперь все меняется в Шалионе.

— Именно! Позволь мне одеться, и пойдем со мной, наверх.

Умывшись холодной водой, Кэсерил надел на себя вчерашнюю одежду.

Наверху, в покоях принцессы, они нашли Бетрис, которая, судя по одежде, еще не ложилась. Кэсерил и Палли, оставив братьев ди Гура в кабинете, примыкающем к приемной, прошли в гостиную.

Бетрис, коснувшись запечатанного пакета, лежащего на столе, сказала:

— Письма готовы.

Взглянув на Палли, поколебалась мгновение и добавила:

— В Валенду.

— Изелль спит? — тихо спросил Кэсерил.

— Прилегла отдохнуть, — ответила Бетрис. — Она хочет вас видеть. Обоих.

И исчезла в спальне, из которой через несколько мгновений появилась, что-то шепча, с двумя книгами под мышкой.

— Я пробралась в королевскую библиотеку и нашла там два идентичных тома. Там не так уж и много парных экземпляров. Я решила, что лучше взять книгу пообъемнее, чтобы было побольше слов.

— Отлично, — кивнул Кэсерил. Он глянул на обложку и усмехнулся. Ордол. «Пять дорог к высшей цели».

— Изумительный выбор. Мне как раз не помешало бы подтянуться по теологии.

И положил книгу вместе с письмами на стол.

Вошла Изелль, одетая в голубой бархатный халат, из-под которого выглядывал кончик ночной рубашки. Янтарные волосы каскадом стекали по ее плечам, бледное лицо припухло от недостатка сна. Она кивнула Кэсерилу и, обратившись к Палли, проговорила:

— Милорд ди Паллиар! Благодарю, что согласились помочь.

— Я… — начал было Палли и с выражением

отчаяния посмотрел на Кэсерила: на что это я согласился?

— Он поедет вместо вас? — взволнованно спросила Бетрис Кэсерила.

— Нет… Палли никуда не поедет, — покачал головой Кэсерил и, обратившись к другу, произнес: — Палли! Я прошу тебя стать верным защитником принцессы Изелль, во имя всех пяти Богов и особенно во имя Госпожи Весны. В этом нет признаков государственной измены, поскольку она является законной наследницей Шалиона. А ты, таким образом, становишься ее первым придворным, и это — особая честь!

— Я… я могу поклясться ей в верности лишь в дополнение к той клятве, что я дал ее брату, королю Орико. Я не могу поклясться, что буду верным вам, а не ему!

— Служить королю мы обязаны все, — сказал Кэсерил. — Но не канцлеру.

Палли понял намек. Он просиял лицом.

— О! Это мы со всем нашим удовольствием! — сказал он и, приложившись губами ко лбу, рукам и ногам принцессы, пал перед нею ниц и поклялся в верности — как истинный лорд Шалиона и, как положено, в присутствии двух свидетелей — Кэсерила и Бетрис.

— Что бы вы сказали, принцесса, — проговорил он, поднявшись, — если бы следующим святым генералом ордена Дочери стал лорд ди Яррин?

— Мне кажется, — ответила она, — мне пока рано говорить о моих предпочтениях относительно столь высоких должностей, но, как я думаю, лорд ди Яррин был бы гораздо более уместным кандидатом, чем кто бы то ни было из клана ди Джиронал.

Палли кивнул. Ему понравился взвешенный ответ принцессы. Встав, он заявил:

— Я дам ему знать.

— Изелль потребуется от тебя практическая помощь, — сказал Кэсерил Палли. — Тейдеса похоронят в Валенде. Будет неплохо, если военный отряд марча ди Паллиара станет частью кортежа принцессы. Ваше тесное общение, таким образом, ни у кого не вызовет вопросов, и ты будешь рядом с ней, когда она покинет Кардегосс.

— Отличный план, — кивнула Изелль. — Как быстро вы все продумали!

Но самому Кэсерилу не казалось, что думает он быстро. Напротив, его мысли тащились вслед за мыслями Изелль так, словно были обуты в башмаки, на которые налипло по двадцать фунтов дорожной грязи. Новый статус, который

принцесса обрела минувшей ночью, казалось, освободил в ней некую скрытую энергию, и эта энергия сияла внутри темной ауры, по-прежнему окружавшей ее, так, что временами было больно смотреть.

— Но неужели вы поедете один, Кэсерил? — воскликнула озабоченно принцесса. — Как мне это не нравится!

Принцесса прикусила нижнюю губу.

— До Валенды придется ехать так, — сказала она, изучающе глядя на Кэсерила. — В Кардегоссе нет ни одного человека, которому я доверила бы вас сопровождать. А в Валенде моя бабушка найдет людей. Тем более что ко двору старого Лиса лучше являться не в одиночку, а со свитой. Пусть не думает, что мы тут в отчаянном положении.

И добавила с горечью в голосе:

— Хотя иначе наше положение и не назовешь.

Бетрис нервно теребила краешек своего черного бархатного платья.

— А если вы упадете по дороге? А вдруг опухоль начнет расти? И если вы умрете, кто тогда предаст ваше тело сожжению?

Палли резко обернулся к Кэсерилу.

— Опухоль? Кэсерил! Что за дела?

— Кэсерил! Вы что, не сказали ему? Он же ваш

друг.

И, обращаясь к Палли, Бетрис взволнованно продолжила:

— Представляете? Он собирается прыгнуть на лошадь и ехать в Ибру без всякой помощи и поддержки, с огромной непонятной опухолью в животе. Это не смелость. Это глупость. Нет, в Ибру он должен ехать, поскольку заменить его там некем, но ведь не в одиночку же!

Палли откинулся на спинку кресла, изучающе глядя на Кэсерила, и, после минутной паузы, заявил:

— Да ты действительно выглядишь больным!

— Ну и что? — покачал головой Кэсерил. — Тут уж ничем не поможешь.

— А… насколько все… насколько все…

— Умираю я или нет? Конечно. И когда это случится? Никто не знает. Все мы там будем, как сказал Умегат. А он, между прочим, святой! С другой стороны, кому охота умирать в постели?

— Ты всегда это говорил! — хохотнул Палли. — Что хочешь умереть глубоким стариком, в собственной постели, но с чужой женой!

— Разве я так говорил? — переспросил Кэсерил, стараясь не смотреть на Бетрис. — Моя смерть — это забота Богов. А я отправлюсь, как только

моя лошадь окажется под седлом.

Взяв книгу и пакет, он встал.

Палли взглянул на Бетрис, которая, в отчаянии сжимая руки, умоляюще смотрела на него, и открыл дверь в приемную. Фойкс ди Гура, стоявший с приложенным к двери ухом, выпрямился и улыбнулся своему родственнику и командиру. Его брат Ферда, притулившись у стены, храпел.

— Мальчики, — проговорил Палли, — у меня есть для вас небольшое задание.

Кэсерил, сопровождаемый Палли, вышел из ворот Зангры одетым по-зимнему тепло, с седельной сумкой через плечо. В сумке лежала смена одежды, небольшое состояние, богословская книга и пакет с письмами, которые, попав в руки умелого крючкотвора, могли бы стать поводом для обвинения в государственной измене.

У конюшен их уже ждали братья ди Гура, которые по приказу Палли успели съездить во дворец ди Яррина и сменить свои бело-голубые наряды на нечто более подходящее для зимней дороги. На ногах их были поношенные, но крепкие сапоги для верховой езды.

С братьями была Бетрис, одетая в белый плащ. Они склонились головами друг к другу, и Бетрис что-то говорила, сопровождая свою речь взволнованной жестикуляцией. Фойкс глянул и увидел подходящих к ним Кэсерила и Палли. На лице его отразился испуг. Он что-то сказал Бетрис, та посмотрела через плечо, и разговор закончился. Братья повернулись и поклонились Кэсерилу. Бетрис же внимательно посмотрела на него, словно его лицо было неким уроком, который ей следовало запомнить.

— Ферда! — сказал Палли.

Тот подошел и вытянулся перед командиром. Палли вытащил из нагрудного кармана два письма, одно запечатанное, другое — просто сложенное.

— Это, — продолжил Палли, — верительная грамота от меня как одного из лордов ордена Дочери. Она позволит вам пользоваться полной поддержкой отделений ордена по всему пути вашего следования. Все расходы должны быть отнесены на счет марча ди Паллиара. А это…

Он протянул Ферде запечатанное письмо.

— …это письмо вы вскроете по прибытию в Валенду.

Ферда кивнул и убрал письма. Во втором пись-

ме содержался приказ братьям поступить под командование Кэсерила — без каких-либо деталей и уточнений — и исполнять все его приказы именем Дочери. Поездка в Ибру станет для них интересным сюрпризом.

Палли обошел их со всех сторон, командирским взглядом проверяя одежду и амуницию.

— Теплой одежды достаточно? Против бандитов вооружены?

Братья продемонстрировали отполированные мечи и арбалеты, надежно защищенные от влаги, с достаточным количеством стрел; все вооружение было в самом лучшем виде. Лишь несколько снежинок скользнуло вниз и опустилось на одежду путешественников. В городе снегопада не было, зато в горах, конечно, все будет сложнее.

Из-под плаща Бетрис достала пушистый белый предмет. Кэсерил присмотрелся и увидел меховую кроличью шапку, из тех, что носят в южных горах Шалиона — ее клапаны можно было завязывать под подбородком. Хотя особой разницы между женским и мужским стилем здесь не было, эта предназначалась явно для дамы, поскольку на ней золотыми нитками были вышиты цветы над короной.

— Кэсерил, — сказала Бетрис. — Мне кажется,

это может пригодиться на перевалах.

Фойкс иронически улыбнулся, а Ферда скрыл усмешку в ладони, сказав только:

— Подойдет.

Бетрис покраснела.

— Это единственная вещь, которую я смогла найти за это время, — сказала она. — Лучше же, чем уши морозить!

— Вы правы, — серьезно сказал Кэсерил. — У меня никогда не было такой хорошей шапки. Спасибо огромное.

И, не обращая внимания на ухмыляющуюся молодежь, он аккуратно упаковал шапку в седельную сумку. И поступил он так не только для того, чтобы сделать приятное Бетрис, которая скорчила сердитую гримаску в сторону Ферды: когда эти юнцы столкнутся с горными ветрами, им будет не до веселья.

В воротах появилась Изелль в пурпурном бархатном плаще — таком темном, что в неясном утреннем свете он казался почти черным. Сопровождал ее чиновник канцелярии, который вручил Кэсерилу номерной курьерский жезл в обмен на подпись, которую тот поставил в раскрытом гроссбухе. Захлопнув гроссбух, чиновник почти побежал по мосту в замок, прочь

от холода.

— Вам удалось получить жезл у ди Джирона-ла? — спросил Кэсерил, пряча жезл во внутренний карман плаща. Жезл обеспечит того, кто им владеет, свежими лошадьми, едой и крышей над головой на всех почтовых станциях, что стоят на главных дорогах Шалиона.

— Почему у ди Джирона-ла? — спросила Изелль. — У Орико. Орико по-прежнему является королем, хотя об этом пришлось напоминать даже канцелярскому клерку.

И, усмехнувшись, она произнесла:

— Да пребудет с вами милость Богов.

— Увы! — почему-то сказал Кэсерил и спохватился: то, что сказала принцесса, было не просто пожеланием, а формой прощания. Склонившись, он поцеловал ее озябшие руки. Бетрис искоса смотрела на его прощание с Изелль. Мгновение поколебавшись, он взял и ее руки в свои. Пальцы Бетрис сжали его пальцы, как только он коснулся их губами. Она вздохнула, но ее глаза в это время смотрели не на него. Кэсерил выпрямился и увидел, что она испепеляет взглядом улыбающихся братьев ди Гура.

Грум вывел трех оседланных лошадей. Пал-ли пожал руки кузенам. Ферда взял под уздцы

лошадь, которая предназначалась для Кэсерила, — поджарый чалый жеребец, как раз ему по росту. Мускулистый Фойкс, помогая ему забраться в седло, подставил сложенные ладони и, когда Кэсерил уселся, спросил:

— Все в порядке, сэр?

Они ведь еще не трогались. Что, интересно, Бетрис говорила этим молодым людям?

— Да, все в порядке, — ответил он. — Спасибо!

Ферда передал Кэсерилу поводья, а Фойкс помог хорошо уложить седельную сумку. Наконец Ферда взлетел в седло своей лошади, Фойкс, более грузный, забрался на свою, и они выехали со двора конюшен. Кэсерил обернулся, чтобы еще раз посмотреть на Изелль и Бетрис, которые по мосту шли к главным воротам Зангры. Бетрис оглянулась и помахала рукой, Кэсерил ответил тем же жестом, после чего лошади свернули за первый поворот, и кардегосские дома закрыли вид на ворота замка. По пятам за ними следовала одинокая ворона, то садившаяся на карнизы домов, то слетавшая вниз, на мостовую.

На первой же улице они встретили канцлера ди Джиронала, который медленно ехал на лошади, сопровождаемый двумя пешими охранниками. Скорее всего, дома он успел лишь помыться, по-

есть, переодеться, да прочитать что-то из самой срочной корреспонденции, и было видно, если судить по его покрасневшим глазам и серой коже, что поспать в эту ночь ему удалось не больше, чем принцессе Изелль.

Ди Джиронал подъехал и, несколько удивленный, приветствовал Кэсерила.

— Куда это вы, лорд Кэсерил? — спросил он, глядя на государственный символ Шалиона, нанесенный на седла курьерских лошадей — леопарда на фоне замка. — И на лошадях моей канцелярии!

Кэсерил поклонился.

— В Валенду, милорд! Принцесса решила, что не стоит доверять постороннему человеку и снарядила меня курьером, чтобы я донес печальную новость до матери и бабушки усопшего принца.

— До безумной Исты? — скривился ди Джиронал. — Не завидую вам.

— Да уж, завидовать тут нечему. А вы прикажите мне вернуться назад, к Изелль, и я сразу же вам подчинюсь.

— Нет уж!

Губы ди Джиронала растянулись в удовлетворенной улыбке, и он продолжил:

— Даже не знаю, кто лучше вас смог бы спра-

виться с этой миссией. Езжайте. Да, и когда вам возвращаться?

— Пока не знаю. Изелль хочет, чтобы я не уезжал, пока не удостоверюсь, что ее мать справилась с ударом. А я не думаю, что это произойдет быстро.

— Согласен. Ну что ж, будем вас ждать!

Еще бы ты не ждал! Кэсерил обменялся с ди Джироналом полупоклонами, и они разъехались. Кэсерил оглянулся посмотреть, не оглянется ли ди Джиронал, и тот как раз и оглянулся, чтобы, очевидно, посмотреть, не оглянется ли курьер принцессы Изелль, и тут же свернул к воротам замка. Канцлер понимал, что ему уже не удастся устроить засаду на Кэсерила. На пути назад — дело другое, *хотя назад я поеду не по этой дороге!*

А если я вообще не вернусь? Кэсерил обдумал все возможные катастрофы, которые могут последовать, если его предприятие окажется неудачным. А если он добьется нужного результата, какова в этом случае будет его судьба? Что делают Боги со своими святыми, в которых у них более нет нужды? Кто знает? Хотя есть Умегат, и то, что стало с рокнарийцем, Кэсерилу было совсем не по душе.

Добравшись до городских ворот, они пересекли мост и выехали на дорогу, идущую вдоль

реки. Ворона, которая провожала их, отстала, и, усевшись на зубчатый верх городских ворот, несколько раз печально прокаркала, глядя, как путешественники спускаются в лощину. Стена замка, воздвигнутая на горном утесе, на зиму расставшемся с растительностью, высилась, крутая и мрачная, над поверхностью реки. А интересно, смотрит ли Бетрис из какого-нибудь верхнего окошка на то, как они едут по дороге. Самому-то ему ее не разглядеть — слишком темно и далеко!

Его мрачные мысли были прерваны топотом копыт. Мимо них, в сторону города, пронесся на тяжело дышащей лошади курьер, который, проезжая, помахал им. Точнее — помахала! Конюшие канцлера предпочитали женщин курьеров, поскольку те были легче мужчин, да и с лошадьми обращались более бережно. Фойкс ответил на приветствие и посмотрел вслед курьеру, на ее летящие по ветру косы. Кэсерил понял, что юноше интересно совсем не то, насколько хорошо эта женщина сидит в седле.

Ферда подвел своего коня поближе и предложил:

— Может быть, перейдем на галоп, милорд? Лошади свежие, а день короток.

Клянусь Богами, только не это! Но, вздохнув,

он сказал:

— Давайте!

Ударив своего чалого шпорами, он перевел его в легкий галоп. Дорога разворачивалась перед ними, перерезая тронутые снегом долины, утопая в клубах тумана, пропитанного сладким запахом гниющей растительности, и исчезая в неопределенности.

21

В Валенду путники прибыли к вечеру следующего дня. Город на фоне оловянного неба выглядел черным, и только местами тени, в которых он утопал, прорывались огоньками факелов или свечей, этими слабыми искорками света и жизни. По дороге на Валенду, куда они свернули, не было ни одной почтовой станции (все они стояли на основном пути, ведущем в Тариун, где сидел провинкар Баосии), а потому лошадей поменять путешественникам не удалось, и Кэсерил позволил усталым животным весь остаток пути через город и вверх по холму, к замку, идти не спеша. Как бы хотелось Кэсерилу остановиться здесь, не доехав до замка, и сидеть много дней напролет, не двигаясь! Ведь буквально через несколько минут ему придется рассказывать бедной матери, как умирал ее сын. Из всех испытаний, которые он ожидал встретить по дороге, это было наихудшее.

И все-таки им пришлось подъехать к воротам замка провинкары. Охранники сразу узнали Кэсерила и побежали звать слуг. Деми, грум, взял лошадь Кэсерила под уздцы и сразу же спросил, зачем они приехали. Он был первым, кто обратился к Кэсерилу с этим вопросом, но далеко не последним.

— Я привез письма провинкаре и леди Исте, — коротко ответил Кэсерил, склоняясь к луке своего седла. Тут же, у плеча его лошади вырос Фойкс, готовый помочь. Кэсерил перекинул ногу через круп коня, освободил ногу от стремени и спрыгнул на землю. Колени его подогнулись, и он бы упал, если бы сильная рука не подхватила его за локоть. Дорога изрядно его вымотала. Борясь с головокружением, Кэсерил понимал, как дорого он заплатит за радости путешествия. Некоторое время он стоял, испытывая дрожь в ногах и пытаясь установить равновесие, после чего спросил:

— Сэр ди Феррей в замке?

— Он сопровождает провинкару, которая отправилась на свадебный пир в город, — сказал Деми. — И я не знаю, когда они собираются вернуться.

— Вот как! — отозвался Кэсерил.

Он слишком устал, чтобы думать. Прошлой

ночью он был так измотан, что забылся во сне, как только его провожатые довели его до кровати на почтовой станции, и спал так крепко, что даже пропустил ежевечерний концерт Дондо. Ждать ли ему провинкару? Он собирался сначала доложить о произошедшем ей, чтобы она сама решила, как все рассказать дочери. Но нет, это невыносимо! Нужно с этим кончать!

— В таком случае, первым делом я навещу леди Исту, — сказал он.

И добавил:

— Лошадей нужно растереть, напоить и накормить. Это — Ферда и Фойкс ди Гура, двоюродные братья марча ди Паллиара. Пожалуйста, проследите, чтобы у них было… все. И мы ничего не ели в дороге.

И, конечно же, не мылись. На них были пропотевшие, забрызганные зимней слякотью шерстяные плащи; руки были испачканы, а лица — в полосках грязи. Все трое устало моргали, щурясь на свет горевших вокруг факелов. Пальцы Кэсерила, закоченевшие на холоде, ухватились за лямки седельных сумок. Фойкс хотел помочь ему, но Кэсерил решительно отвел его руки и, повесив сумки себе на локоть, повернулся к слугам и сказал слабым голосом:

— Отведите меня к леди Исте, пожалуйста! У меня для нее письма от принцессы Изелль.

Слуга повел его в замок, вверх по лестнице, идущей на верхние этажи нового здания. Время от времени слуге приходилось останавливаться и ждать, пока Кэсерил, преодолевая свинцовую тяжесть в ногах, его догонит. Добравшись до покоев Исты, слуга шепотом сообщил о прибытии гостя помощникам вдовствующей королевы.

Воздух внутри комнат, где жила Иста, был напоен запахами сушеных розовых лепестков, согрет пламенем многих свечей и жаром углового камина. В изящной гостиной Исты Кэсерил в своей дорожной одежде почувствовал себя неуклюжим и грязным.

Иста сидела на скамье, на которой были разложены подушки, тепло одетая, а ее светло-каштановые волосы, тронутые сединой, были уложены на спине в толстую косу. Как и вокруг Сары, вокруг Исты клубилась темная аура. *Значит, я был прав в своих подозрениях*.

Иста повернулась к Кэсерилу, глаза ее расширились, а лицо застыло. Конечно же, уже по самому факту появления Кэсерила она поняла, что произошло нечто ужасное. Увидев эти темные, вдруг ставшие огромными глаза, Кэсерил начисто за-

был всю придуманную и отрепетированную им тысячу способов поведать королеве о смерти Тейдеса. Но откладывать разговор было бы слишком жестоко. Поэтому, откашлявшись и опустившись перед Истой на одно колено, он произнес:

— Первое: с Изелль все в порядке. Пусть это вас поддержит.

Он глубоко вздохнул и продолжил:

— Второе: Тейдес умер два дня назад, от инфицированной раны.

Две женщины, которые сидели с королевой, вскрикнули и ухватились друг за дружку, заливаясь слезами. Иста же лишь дернулась, словно невидимая стрела пронзила ее сердце. Не говоря ни слова, она сделала долгий выдох.

— Вам понятно то, что я сказал, моя госпожа? — спросил Кэсерил, неуверенный, что ему удалось исполнить свою миссию.

— О, да! — ответила Иста.

Уголок ее рта приподнялся. Кэсерил не мог назвать это улыбкой — слишком много горечи было в этой гримасе королевы.

— Когда удара ждешь слишком долго, — сказала она, — сам удар приходит как облегчение. Время ожидания кончилось. Можно ничего не бояться. Вы меня понимаете?

Кэсерил кивнул.

После минутного молчания, прерываемого лишь всхлипыванием ее компаньонок, королева спокойным голосом спросила:

— Как он эту рану получил? На охоте? Или было… что-то еще?

— Не вполне на охоте. Это было…

Кэсерил облизал губы, заветревшиеся на холодном ветру, и спросил:

— Моя госпожа! Во мне есть нечто *странное*?

— Увы! — ответила Иста. — Теперь я вижу только глазами. Уже много лет я — слепая. А вы видите *не только глазами*?

То, как она это произнесла, не оставляло возможности для неправильного толкования ее слов. Кэсерил кивнул:

— Да.

Иста откинулась спиной на спинке скамьи.

— Я так и думала, — сказала она. — Есть нечто особое в том, у кого есть способность к другому зрению.

Одна из женщин подошла, вся дрожа, к королеве, и предложила:

— Моя госпожа! Может быть, вам лучше отправиться в постель? Ваша мать, вероятно, уже скоро приедет.

Она бросила на Кэсерила полный скрытого значения взгляд: королева может сорваться в очередной приступ безумия. Приступ того, что прочие называют безумием. Но была ли она безумна?

Кэсерил повернулся к компаньонкам королевы и сказал:

— Прошу вас, дамы, оставьте нас. Я должен без свидетелей поговорить с королевой по поводу неотложного дела.

— Сэр… милорд…

Женщина попыталась улыбнуться, после чего прошептала Кэсерилу на ухо:

— Мы не рискнем оставить ее в столь тяжелый для нее час — она может причинить себе вред.

Поднявшись во весь свой рост, Кэсерил подхватил обеих дам под руки и мягко, но настойчиво повел их к двери.

— Я буду ее охранять. — сказал он. — А вы можете подождать в комнате на той стороне холла. Если в вас будет необходимость, я позову. Хорошо?

И, несмотря на их ропот, он закрыл дверь.

Иста сидела, не двигаясь, и только руки ее шевелились: она складывала кружевной платок — вдвое, вчетверо, в восемь раз — и так до тех пор,

пока он не превратился в крохотный квадратик. Кэсерил подошел и, скрестив ноги, сел на пол перед королевой, глядя снизу вверх в ее бледное лицо с широко раскрытыми темными глазами.

— Я видел призраки Зангры, — сказал он.

— Ясно.

— Более того, я видел темное облако, нависшее над вашим семейством. Проклятие Золотого генерала, бич рода Шалион, всех наследников короля Фонзы.

— Понимаю.

— Вы о нем знаете?

— Конечно!

— Это облако сейчас висит и над вами.

— Я знаю.

— Оно висит над Орико, над Сарой, над Изелль. Висело и над Тейдесом.

— Все это мне известно, — сказала Иста и отвернулась.

Кэсерил вспомнил состояние шока и недоумения, признаки которого он читал в глазах воинов, только что получивших смертельный удар, но еще не рухнувших на поле боя — они еще жили, они еще не потеряли сознание, они еще боролись, и в этот момент с ними происходило нечто, что выходило за рамки человеческого понимания.

Было ли то спокойствие, что было написано на лице Исты, следствием этого шока, и через мгновение шок перейдет в нечто иное? И сможет ли он уловить этот момент перехода? И будет ли он вообще этот переход?

— Орико серьезно заболел, — сказал он. — Как я обрел способность внутреннего видения — отдельный разговор. Но, прошу вас, расскажите, как *вы* к этому пришли. Что вы увидели, когда и как? Я *должен* понять. Потому что, как я думаю, эта способность была мне дана, чтобы я *действовал*! Но пока ничто и никто не дал мне понять, как именно. Даже мое внутреннее видение не способно проникнуть сквозь эту непроглядную темноту.

Иста внимательно посмотрела на сидящего перед ней Кэсерила.

— Я могу рассказать только то, что я знаю. Правду. Понимание того, что происходит, — за пределами моего ума. Понимания я вам не дам. Только правду. Я всегда говорю только правду.

— Теперь я это вижу, — сказал Кэсерил, глубоко вздохнув. — Но вы когда-нибудь рассказывали то, что знаете?

Покусывая нижнюю губу, королева внимательно смотрела на Кэсерила. Ее дрожащие руки,

принадлежавшие, казалось, какой-то совсем иной Исте, а не той, что сидела перед Кэсерилом, принялись разворачивать сложенный платок, лежащий на ее колене. Она кивнула и заговорила голосом столь тихим, что Кэсерилу пришлось вытянуть шею, чтобы уловить ее слова.

— Это началось, когда я была беременна Изелль. Мне стали являться разные вещи. Пришла, а потом ушла способность внутреннего видения. Я думала, что это следствие беременности — у некоторых женщин с мозгом в это время происходит нечто необычное. В этом меня убеждали и врачи. Я видела медленно плывущие по воздуху тени. Это были призраки. Видела темную ауру вокруг Иаса и юного Орико. Слышала голоса. Во сне мне являлись Золотой генерал, Фонза и его верные друзья, горящие в башне. Видела я и весь Шалион целиком — мою страну, гибнущую в огне.

Королева помолчала, после чего заговорила вновь:

— Когда Изелль родилась, видения прекратились. Я думала, что просто на время сошла с ума, а потом выздоровела.

Глаз не способен увидеть сам себя. И даже если ты наделен внутренним видением, ты не можешь видеть в себе то, что познать тебе не дано. Ему на

пути встретился Умегат, ему, за счет других людей, было даровано искусство видения, а он все еще мечется в поисках ответа на вопросы, от которых зависит и его жизнь, и, что важнее, жизнь Шалиона. Королева между тем продолжала:

— Потом я вновь забеременела, на этот раз — Тейдесом. Видения возобновились, причем все было вдвое хуже, чем было до этого. Я думала, что окончательно сошла с ума, и это было невыносимо. Только тогда, когда я пригрозила королю, что убью себя, Иас рассказал мне о проклятии. Он все это время знал о нем и думал о нем.

Как должен себя чувствовать человек, которому не хотят рассказать правду — пусть даже ужасную правду? Пребывая в неведении, он мечется в страхе, не понимая, что происходит. Лучше уж горькая правда, чем полное неведение!

— Я была в ужасе. Оказалось, что я родила детей для кошмарной судьбы! Я молила Богов, чтобы проклятие не коснулось их, чтобы Боги рассказали мне, как избавить моих крошек от мучений и преждевременной смерти, как спасти невинных.

Мгновение помолчав, Иста продолжила свой рассказ:

— И вот, когда я уже готова была родить Тейдеса, мне явилась Мать Лето. Не во сне, не в

видениях. Она пришла днем — в своем истинном облике. Она стояла от меня так же близко, как вы сейчас. Я упала на колени. Если бы я осмелилась, я бы могла прикоснуться к ее одеждам. Дыхание ее было пропитано самыми изысканными ароматами цветов. Лицо ее было столь прекрасным, что глазам было больно. Голос ее был словно чудесная музыка.

Губы Исты смягчились — воспоминания о встрече с Богиней эхом отозвались в ее памяти, отразились на ее лице, словно отблеск солнечных лучей на темной воде. Но вот она вновь нахмурилась и заговорила:

— Мать Лето сказала, что Боги ищут возможности снять проклятие. Оно не принадлежит этому миру. Это был дар Богов Золотому генералу, и тот недолжным образом им распорядился. Она сообщила мне, что Боги освободят наш род от проклятия, если кто-то из наших подданных по собственной воле трижды пожертвует своей жизнью ради рода Шалиона.

Кэсерил недоумевал. Звук собственного дыхания казался ему столь громким, что заглушал тихий голос Исты. Он решился задать вопрос, хотя ему самому вопрос этот показался глупейшим.

— Я не уверен, что найдутся сразу трое, способ-

ные на такой поступок, — сказал он.

— Все не так, — иронически улыбнулась Иста. — Вы не понимаете. Не трое, а один!

— Нет, я понимаю, но только не вижу решения. Это что, иносказание? Пророчества не так просто читать. Там же сплошной шифр!

Королева неопределенно покачала в воздухе раскрытыми ладонями и вновь принялась складывать платок.

— Я рассказала об этом Иасу. Тот — лорду ди Лютезу. Он во всем доверял ди Лютезу, готов был все ему отдать. Кроме меня.

Острое любопытство, свойственное историкам, охватило Кэсерила. Теперь, когда им обоим стало ясно, что они оба причастны… святости, говорить с Истой оказалось очень просто. Это была простота хрупкая, шаткая, тонкая; Кэсерилу казалось — одно неосторожное слово, и она пропадет безвозвратно… И тем не менее между святым и святой, между их душами установилась связь гораздо более деликатная и интимная, чем связь между обычными влюбленными. Кэсерил начал понимать, почему общения с ним с такой страстью искал Умегат — это был духовный голод, жажда неутолимая, любовь истинная.

— А что у них были за отношения? — спросил

он.

Иста пожала плечами.

— Они стали любовниками задолго до того, как я родилась. Кто я такая, чтобы их судить? Ди Лютез любил Иаса, я тоже любила Иаса. Иас любил нас обоих. Он так старался, он так обо всех заботился, он с таким упорством нес на себе тяжесть утраты и своих братьев, и своего отца, Фонзы. Он почти до смерти вымотал себя этой заботой и этой любовью, и тем не менее все пошло прахом.

Несколько мгновений Иста колебалась, и Кэсерила поразила мысль, что она не просто делится с ним своими воспоминаниями; она делится с ним своим сердцем. Ибо она вновь заговорила — еще более медленно и тихо:

— Я не помню, кому это пришло в голову первому. Мы сидели ночью, все трое. Только что родился Тейдес. Я по-прежнему была наделена внутренним видением и знала, что оба наших ребенка окружены темной аурой проклятья. Как и бедный Орико. «Спаси моих детей, — кричал Иас, упав головой на стол и плача. — Спаси моих детей!» А лорд ди Лютез сказал: «Ради любви к тебе, я попытаюсь это сделать. Я пойду на жертву».

— Но каким образом? — шепотом спросил Кэсерил.

Королева покачала головой.

— Мы обсуждали сотни способов. Было непонятно, как можно убить человека, чтобы потом его оживить и убить вновь? Невозможно! И тем не менее мы нашли лазейку. Утопление. Минимальные физические повреждения, к тому же мы слышали множество историй о том, как утопленников возвращали к жизни. Ди Лютез даже ездил к людям, с которыми это приключилось, чтобы изучить их случаи и определить, как нам все устроить.

Кэсерил слушал, затаив дыхание. *Утопление! О Боги!* Человек должен пойти на это сознательно, находясь, что называется, в ясном уме и твердой памяти! Его руки дрожали. Иста же продолжала рассказ:

— Мы призвали одного из наших врачей и клятвой обязали молчать обо всем, в чем он будет участвовать. После этого спустились в казематы замка. Ди Лютез позволил раздеть себя и связать. Мы подвесили его головой вниз над баком с водой, а потом опустили. Когда он перестал дергаться, мы подняли тело.

— И он умер? — тихо спросил Кэсерил. — Тогда обвинение в государственной измене…

— Да, он умер. Но не в последний раз. Мы его

оживили.

— Вот как?

— Мы поняли, что наш способ работает! — воскликнула Иста, сжимая руки. — Я это чувствовала! Проклятие можно снять! Но ди Лютез… Нервы у него не выдержали. На следующую ночь он отказался совершить второе погружение. Он кричал, что я хочу убить его из ревности. А потом мы с Иасом… совершили ошибку.

Кэсерил понимал, куда она ведет. Беда была в том, что он все видел даже с закрытыми глазами. Поэтому он не стал их закрывать, а не отрываясь, смотрел в лицо королеве.

— Мы схватили его, — продолжила королева, — И предприняли вторую попытку, используя силу. Он кричал и плакал. Иас стал уже сомневаться, но я крикнула ему: «Мы должны это сделать! Подумай о детях!» Но на этот раз, когда мы вытащили его из воды, он был мертв, и ни наши молитвы, ни слезы его не оживили.

Королева сделала паузу и посмотрела Кэсерилу в глаза.

— Иас был потрясен, я растерянна. Внутреннее видение меня покинуло. Боги от меня отвернулись…

— Следовательно, обвинение в государствен-

ной измене было ложным? *Фундаментально ложным*.

— Да. Это была ложь — чтобы скрыть наш грех и объяснить людям смерть ди Лютеза.

Она глубоко вздохнула:

— Но его семье позволили унаследовать его имущество и земли. Ничто не было отобрано, как это делается с изменниками. Ничто, кроме репутации и чести.

Кэсерил же знал: репутация и честь были всем для гордого ди Лютеза. Богатство же для него являлось лишь внешним знаком репутации и чести. Королева же продолжала:

— Все это было совершено под влиянием паники, а потом мы уже не смогли повернуть вспять. И именно это обстоятельство все последующие месяцы грызло Иаса более всего. Больше уж пробовать он не стал. Ведь здесь нужен был доброволец, готовый пожертвовать собой! Насилие бы ни к чему не привело. Поэтому Иас отказался от борьбы и умер от горя и чувства собственной вины, оставив меня с двумя детьми, совершенно беззащитными перед темными силами проклятия.

Пальцы королевы судорожно рвали кружева платка, но она не провалилась в истерику, как

того боялся Кэсерил, готовый вызвать помощь. Наконец королева успокоилась, дыхание ее выровнялось, руки улеглись на колени.

— А вы? — наконец обратилась она к Кэсерилу. — Рука Бога коснулась и вас?

— Да.

— Мне очень жаль!

Неуверенная улыбка осветила его лицо.

— Ничего! — сказал он, потирая шею.

Наступила его очередь исповедоваться. Говоря с другими, он мог скрывать правду во имя минутной целесообразности. С Истой этот номер не пройдет. Здесь — искренность за искренность и правда за правду. А еще — рана за рану.

— Что вы знаете об обручении Изелль и о смерти Дондо ди Джиронала? — спросил он.

— Два вестника приехали один за другим до того, как мы стали праздновать помолвку. Мы даже не знали, что нам и думать!

— Праздновать? Помолвку сорокалетнего и шестнадцатилетней?

Она вскинула голову — совсем, как это делала Изелль, и у Кэсерила перехватило дыхание.

— Между мной и Иасом разница в возрасте была еще больше, — сказала она.

Понятно. Именно по этой причине королева

могла иначе оценивать то, что произошло.

— Дондо не был Иасом, моя госпожа! — проговорил Кэсерил. — Он был развращен, распущен и развратен. Он был преступник. Я более чем уверен, что это он убил сэра ди Санду. Может быть, даже собственноручно. Они с братом планировали прибрать к рукам все в Шалионе — через Орико, Тейдеса и Изелль.

Иста тронула ладонью горло и сказала:

— Я встречалась с Марту при дворе, много лет назад. Он тогда уже пытался стать вторым ди Лютезом. Ди Лютез — ярчайшая звезда королевства! Марту был недостоин чистить его сапоги. А с Дондо я никогда не виделась.

— Дондо — это настоящая катастрофа, — проговорил Кэсерил. — Впервые я встретил его много лет назад, и уже тогда он был насквозь испорченный человек. С годами все стало только хуже. Изелль была в ужасе, когда Орико устроил эту помолвку. Она умоляла Богов избавить ее от этого позорного брака, но Боги ей не ответили. Поэтому за дело взялся я. Я хотел убить его, но мне не удалось подобраться достаточно близко. И тогда я обратился с молитвой к Бастарду и совершил ритуал магии смерти. И у меня все получилось.

Королева удивленно вскинула брови.

— Но почему же вы не умерли?

— Я думал, что умираю. Когда же я очнулся и узнал, что Дондо погиб, а я нет, я не знал, что и думать. Но Умегат предположил, что молитва, которую Изелль обратила к Дочери, вызвала второе чудо, и Госпожа Весны спасла мою жизнь от Бастардова демона, хотя, вероятно, лишь на время. Умегат — святой, хотя я думал, что он всего-навсего грум…

История становилась все более запутанной. Кэсерил глубоко вздохнул и рассказал королеве про Умегата, про зверинец и про то, как зверинец хранил бедного Орико от проклятья.

— Но Дондо, пока был жив и собирался жениться на Изелль, обманул Тейдеса, сказав, что зверинец — это рокнарийское колдовство и цель его — убить Орико. Тейдес поверил ему. Пять дней назад Тейдес, взяв в помощники свою баосийскую охрану, убил почти всех священных зверей и птиц и только случайно не убил самого святого Умегата. Леопард Орико, умирая, оцарапал принцу ногу. Клянусь! Это была лишь царапина. Если бы я тогда понимал! Но рана инфицировалась… Конец был… конец был быстрым и безболезненным.

— Бедный Тейдес, — прошептала Иста, глядя в

сторону. — Мой бедный Тейдес! Ты был рожден, чтобы быть обманутым.

— Так или иначе, — закончил Кэсерил, — благодаря странному сочетанию чудес, Дондо и демон оказались заключенными в моем нутре. Там у меня нечто вроде опухоли, капсула. Когда они выйдут наружу, я умру.

Лицо Исты стало совсем неподвижным. Подняв глаза, она изучающе посмотрела в лицо Кэсерила.

— Это будет второй раз, — сказала она.

— Что?

Она вдруг отбросила платок и дрожащими пальцами ухватила Кэсерила за воротник плаща. Ее глаза жгли его лицо, дыхание ее участилось.

— Кто вы? — спросила она. — Вы — лорд ди Лютез? Не отпирайтесь! Вы явились, чтобы спасти Изелль. Вы — *ее* лорд ди Лютез, так?

— Я… я… — забормотал Кэсерил. Сердце его упало.

— Дважды… дважды… — страстно шептала королева. — Но как совершить это в третий раз?

Зрачки ее расширились, почти полностью поглотив радужную оболочку, губы дрожали.

— *Кто вы?* — спросила она хрипло.

— Я только Кэсерил, моя госпожа, — ответил

он. — И никакой ни ди Лютез. В этом нет никаких сомнений! Я не богат, не могуч. Блестящим придворным я никогда не был и не буду. Не буду и красивым. Боги мне в этом свидетели. Не буду и особо храбрым, хотя, если меня зажать в угол, я вступлю в драку.

Иста нетерпеливо отмахнулась.

— Сбросьте с него все эти украшения, и он все равно будет сиять. Верный. Преданный. До самой смерти. Два раза умирал. Но как быть с третьей смертью?

— Все это *безумие*, моя госпожа, — покачал головой Кэсерил. — Есть другой способ избежать проклятия. У меня есть план, как спасти Изелль.

Только, клянусь Богами, не через утопление!

Глаза ее, все еще пугающе большие, по-прежнему изучали его лицо.

— Вас надоумили Боги? — спросила она. — Они с вами говорили?

— Нет, я дошел до этого своим умом.

Иста, к радости Кэсерила, отпустила его воротник и, откинувшись на спинку скамьи, озадаченно на него осмотрела.

— Своим умом? В этом деле?

Кэсерил принялся объяснять.

— Сара, как и вы, вышла замуж за короля из

рода Шалион и таким образом стала жертвой проклятья. Как и вы. Но, я думаю, возможен и обратный ход — Изелль выйдет замуж за пределами проклятого рода и будет спасена! Тейдесу, увы, этот вариант не мог подойти. А Изелль… Я как раз направляюсь в Ибру, вести переговоры о браке Изелль с тамошним наследным принцем Бергоном. Ди Джиронал хотел бы предотвратить этот брак, ибо он положит конец его царствованию в Шалионе. Изелль сбежит из Кардегосса под предлогом того, что будет сопровождать в Валенду тело брата.

Кэсерил в деталях изложил план путешествия Изелль в Валенду и ее встречи с Бергоном.

— Может быть, — прошептала Иста. — Может быть…

Кэсерил не был уверен, что понимает, к кому она обращается. С лица Исты все не сходило выражение крайней обеспокоенности.

— А ваша мать, — спросил он, — знает о проклятии, знает правду про смерть ди Лютеза?

— Как-то я пыталась ей рассказать. Она решила, что я сошла с ума. Кстати, быть сумасшедшим не так уж и плохо. Здесь есть свои преимущества. Не нужно принимать никаких решений — что есть, что носить, куда идти… Совсем не важно

— кто там умирает, а кто остается жить… Можете попробовать, коли есть охота. Просто расскажите всю правду. Расскажите, что вы беременны демоном и призраком, что у вас есть опухоль, которая ежевечерне ругает и оскорбляет вас, что Боги охраняют каждый ваш шаг. Расскажите, и тогда посмотрим, что получится.

Она рассмеялась. Кэсерилу же было не до смеха. Иста скривилась в ироничной усмешке.

— И не делайте такое озабоченное лицо, лорд Кэсерил, — сказала королева. — Если я кому-нибудь расскажу вашу историю, вам будет достаточно просто опровергнуть меня, сказав, что я безумна. И вам охотно поверят.

— Мне кажется, безумен тот, кто считает вас безумной, моя госпожа.

Иста, покусывая нижнюю губу, отвернулась. Она вся дрожала.

Кэсерил вспомнил о своих седельных сумках, которые лежали на полу возле его ног.

— Изелль написала письмо вам и письмо провинкаре, наказав мне доставить их сюда и передать вам.

Он покопался в сумке, нашел пакет с письмами и отдал королеве предназначавшееся ей письмо. Руки его дрожали от усталости и голода — кроме

всего прочего.

— Мне нужно привести себя в порядок и поесть, — сказал он. — Ко времени, когда она вернется, я надеюсь стать подходящим ей собеседником.

Иста прижала письмо к груди.

— Позовите моих компаньонок, — сказала она. — Я отправляюсь спать. Нет смысла в бодрствовании…

Кэсерил посмотрел на королеву и твердо сказал:

— Смысл есть. И этот смысл — ваша Изелль.

— А, вы все об этом? Еще один заложник. Точнее, заложница. Как только она исполнит свою роль, можно будет и заснуть, но уже навсегда. Вечным сном.

Она наклонилась к Кэсерилу и потрепала его по плечу, словно хотела приободрить.

— Но сейчас, — сказала Иста, — я хочу просто поспать. Я так устала! Мне кажется, я все свои горести и страдания испила до срока, и сил у меня более нет. Я абсолютно пуста.

— Я понимаю вас, моя госпожа.

— Конечно, понимаете. Как, однако, все это странно!

Кэсерил осторожно потянулся к скамье, с ее

помощью выпрямился и вышел, чтобы позвать компаньонок королевы. Иста нехотя позволила им начать ухаживать за ней. Кэсерил перебросил седельные сумки через плечо и откланялся.

Как много значат в жизни человека горячая вода, свежая одежда и сытный ужин! Отмывшись, переодевшись и поев, Кэсерил — по крайней мере, физически — ожил, хотя в уме своем все еще переживал то, что было сказано и услышано во время разговора с королевой. Когда слуги усадили его в маленькой гостиной покоев провинкары, где он должен был ожидать ее возвращения, он был благодарен судьбе за время и возможность причесать свои мысли. Веселый огонь потрескивал дровами в камине. Чувствуя боль в каждой косточке, Кэсерил сидел в мягком кресле, потягивал вино, разбавленное водой, и пытался не заснуть. Провинкару ждали с минуты на минуту.

И действительно, она вскоре появилась, сопровождаемая своей компаньонкой леди ди Хьюлтар и мрачным сэром ди Ферреем. На ней был роскошный наряд из зеленого атласа и бархата, сияющий бриллиантами, но, только взглянув на

лицо провинкары, Кэсерил понял, что печальную новость ей уже передал кто-то из взволнованных слуг. Кэсерил вскочил и отвесил поклон.

Провинкара схватила Кэсерила за руку и, пристально вглядываясь в его лицо, спросила:

— Кэсерил, это правда?

— Тейдес неожиданно умер от инфекции. С Изелль все хорошо.

Он глубоко вздохнул и добавил:

— Она теперь наследница Шалиона.

— Бедный мальчик! Вы уже сообщили Исте?

— Да.

— О Боги! И как она это приняла?

Все лучше не рассказывать. Из всех вариантов ответа Кэсерил выбрал самый простой:

— Спокойно, ваша светлость. Я боялся, что у нее будет приступ, но этого не произошло. Мне кажется, удары, которые нанесла ей жизнь, сделали ее достаточно бесчувственной к новым бедам. Не знаю, что будет завтра. Ее компаньонки уложили королеву в постель.

Провинкара вздохнула. Взор ее блеснул слезами.

Кэсерил склонился над своими седельными сумками.

— Изелль доверила мне передать вам письмо.

А это — письмо для вас, сэр ди Феррей, от Бетрис. У нее не было времени, чтобы много писать.

Он передал адресатам запечатанные послания.

— Они скоро приедут, — добавил он. — Изелль собирается похоронить Тейдеса в Валенде.

— О! — произнесла провинкара, разламывая восковую печать и совершенно не заботясь о том, куда упадут ее обломки. — Как я хочу ее увидеть!

Она быстро пробежалась по строчкам письма и пожаловалась:

— Коротенькое.

После чего вскинула брови и прочитала, глядя на Кэсерила:

— «Кэсерил тебе все расскажет».

— Да, Ваша светлость. Я должен многое рассказать, и кое-что — только вам.

Обернувшись к своим провожатым, она велела им уйти:

— Идите! Я потом вас позову.

Ди Феррей по пути к дверям ломал печать на своем письме.

Она села, шурша тканями и по-прежнему сжимая письмо, и, указав на кресло, велела Кэсерилу сесть.

— Я должна повидать Исту, пока та не уснула, — сказала она.

— Я постараюсь говорить кратко, Ваша светлость, — пообещал Кэсерил. — Вот, что я узнал за это время, проведенное в Кардегоссе, и через что я прошел, чтобы это узнать…

Он не был уверен, что до провинкары дойдет смысл его истории. Иста это сразу поняла. Но он обязан вскрыть перед провинкарой суть того, что происходит.

— Правда, это не имеет большого значения. Но архиепископ кардегосский Менденаль подтвердит правдивость моего рассказа, если у вас будет возможность с ним встретиться. Вы сможете сказать ему, что это я вас послал, и он все вам откроет.

Провинкара вскинула брови.

— Причем здесь архиепископ?

— Мне нужен человек с непререкаемым авторитетом.

Провинкара сердито глянула на Кэсерила.

— Кэсерил, мне не до глупых шуток. Вы стали таким же загадочным, как и Иста.

Конечно, ирония, с помощью которой Иста защищается от внешнего мира, может раздражать. Иста! Но кто поддержит Исту?

— Провинкара, — продолжил он, — у вашей дочери разбито сердце. Чтобы спастись от этой

боли, она хотела бы умереть. Но она не безумна! Боги не столь милосердны.

Пожилая женщина вздрогнула, словно слова Кэсерила резанули ей по незажившей ране.

— Горе ее слишком экстравагантно. Как будто кроме нее никто не вдовел и не терял детей. У меня было и то, и другое, но я не стонала и не выла годами. Да, бывали и случаются часы горечи, но есть обязанности, которые я выполняю. Если она не безумна, то, значит, предельно эгоистична.

Может ли он объяснить провинкаре, почему горе Исты уникально, не погрешив против того доверия, которое оказала ему королева? Полуправда должна помочь. Он склонился головой к голове провинкары и начал:

— Все началось в года, когда король Фонза вел войну против Золотого генерала…

В самых простых и доходчивых словах Кэсерил рассказал провинкаре историю проклятья и то, как оно действует на род Шалиона. Во времена правления Иаса было достаточно несчастий, а потому ему не нужно было упоминать гибель ди Лютеза. Неспособность Орико иметь детей, медленное, но верное разложение двора и первых советников короля, неудачи в политике и утрата здоровья — этого вполне хватило в качестве

аргументов.

Провинкара нахмурилась.

— Это что, следствие рокнарийской черной магии?

— Нет, — покачал головой Кэсерил. — Как я это понимаю, мы имеем дело с нарушением некоего баланса в мире Богов и духов, с неоправданным истощением океана святости, лежащего в основании всего сущего.

Провинкара недовольно пожала плечами.

— Ну вы скажете! Ладно! Оставим эти тонкие материи богословам. А мы будем считать это черной магией. Вопрос практический — как ее преодолеть?

Увы, не так-то все просто. Решение зависит от точного диагноза. Иас и Иста попытались действовать напролом, словно проклятие было лишь актом черной магии. И что получилось? Нельзя механически исполнять ритуал, не зная, что за ним стоит.

— А все это имеет связь с магией смерти, в результате которой умер Дондо ди Джиронал?

На этот вопрос Кэсерил, по крайней мере, мог ответить. Нет ничего проще. Он уже решил отбросить как можно больше деталей, имеющих отношение к противоестественному — вряд ли

провинкара станет верить ему больше, если он продолжит бубнить ей про демонов, про привидения, про святых, про внутреннее видение и прочие, не менее гротесковые вещи. У него и так было чем ее поразить. Он начал рассказ с истории помолвки, которая привела к столь ужасным последствиям, хотя и умолчал о реальных причинах смерти Дондо, о совершенном им, Кэсерилом, убийстве — так же, как он ни слова не сказал об убийстве, совершенном Истой и Иасом.

Правда, провинкара оказалась не столь щепетильной.

— Если лорд Дондо был таким отвратительным человеком, как вы его описываете, — фыркнула она, — я буду ежедневно молиться за нашего безымянного благодетеля.

— Именно так, Ваша светлость. Я молюсь за него каждый день.

— К тому же Дондо всего лишь младший брат в семье ди Джироналов. И о чем только думал этот Орико? Глупец, да и только!

Избегая говорить о невыразимом, Кэсерил описал зверинец как оздоровительное средство, придуманное и созданное для Орико священниками Храма. Собственно, именно таким средством зверинец и был. Провинкара сразу же поняла

политические мотивы, которые побудили Дондо спровоцировать нападение Тейдеса на зверей. Погибнуть должны были не только звери, но и король. На известие о предательстве Тейдеса она ответила горестным стоном. Зато новость о том, что Валенда должна готовиться к похоронам, к свадьбе и последующей войне, которые, не исключено, придутся на одно и то же время, вернула провинкару к жизни.

— Может ли Изелль рассчитывать на поддержку своего дяди, нынешнего провинкара Баосии? — спросил Кэсерил. — И кого еще вы с ним смогли бы привлечь под наши знамена в войне со сторонниками ди Джиронала?

Провинкара быстро посчитала лордов, которых она могла бы рекрутировать в ряды сторонников Валенды. Они будут приглашены на похороны Тейдеса и, конечно же, помогут вырвать Изелль из цепких лап канцлера. Список произвел на Кэсерила немалое впечатление. Десятки лет находясь в гуще политических событий, сотрясавших Шалион, провинкара могла даже не заглядывать в карту, чтобы планировать свои действия.

— Попросите их привести с собой как можно больше людей, — сказал Кэсерил. — И особое внимание нужно уделить дорогам, соединяющим

Валенду с Иброй, чтобы гарантировать безопасность принца Бергона.

— Это будет непросто, — проговорила провинкара, покусывая нижнюю губу. — Между нами и границей лежат земли, принадлежащие либо ди Джироналу, либо его родственникам. Чтобы безопасно добраться до Ибры и обратно, вам нужен приличный отряд. Я дам вам своих людей.

— Нет, — покачал головой Кэсерил. — Ваши люди вам понадобятся здесь, когда приедет Изелль, а она может это сделать до моего возвращения. К тому же если со мной в Ибру отправится большой отряд, мы потащимся как черепахи. Будут сложности со сменой лошадей, невозможно будет обеспечить секретность. Пусть нас будет мало, но мы выиграем и в скорости, и в скрытности передвижения. А ваше войско пусть нас встречает. Кстати! Капитан, которого вы отправили с Тейдесом, продался Дондо. Доверять ему нельзя. Замените его кем-нибудь, когда он вернется.

Провинкара выругалась.

— Клянусь демонами Бастарда, я отрежу ему уши.

Они спланировали отправку шифрованных писем от него к Изелль и от Изелль к нему — через Валенду, чтобы у шпионов ди Джиронала

сложилось впечатление, будто Кэсерил все еще находится в Баосии. Провинкара пообещала заложить кое-что из драгоценностей Изелль на самых лучших условиях, чтобы у него были деньги на дальнейшее путешествие. Они обсудили еще сотню деталей практического свойства. В этом провинкара была особенно сильна. Несмотря на то что она строго следовала религиозным традициям и соблюдала ритуалы, Богам в ее душе было мало места. Боги, конечно, наградили ее — мудростью, практической хваткой. Но это были не те дары, которые они предоставили Кэсерилу. Ну что ж, ее счастье!

— Хочу, чтобы вы поняли, — сказал он под конец. — Я думаю, замужество способно спасти Изелль. Не знаю, спасет ли оно и Исту.

Исту. А также Орико, который, слепой и опухший от водянки, лежал теперь в своих покоях в Зангре. Но никакие материнские увещевания не помогут Исте встряхнуться и вернуться к жизни, пока над родом висит этот удушающий черный туман проклятья Золотого генерала.

— Если этот брак вырвет Изелль из когтей канцлера, уже одно это принесет мне удовлетворение, — сказала провинкара. — Понять не могу, как это Орико решился на такое — и не посовето-

вавшись со мной?

— Если наш план удастся, — сказал Кэсерил, поглаживая бороду, — ваша внучка станет законной королевой Шалиона и королевой-консортом Ибры.

Провинкара возмущенно проговорила:

— Это самая дикая часть того, что происходит. Она же совсем маленькая девочка! Нет, конечно, она всегда соображала лучше, чем Тейдес. Но что там себе думают Боги, если они собираются посадить на трон Шалиона ребенка?

На что Кэсерил ответил тихо и спокойно:

— Может быть, на возрождение Шалиона уйдет так много лет, что лишь столь юному созданию, как Изелль, удастся увидеть его новый расцвет. Но не нам с вами.

— Вы сам еще почти ребенок, — хмыкнула провинкара. — Куда катится свет! Всем здесь заправляют дети. Неудивительно, что мир сошел с ума!

Помолчав, она сменила тон и проговорила:

— Но нужно подумать о завтрашнем дне. Идите спать, во имя всех пяти Богов! Я-то уж вряд ли засну, а вам нужно. Вы выглядите как смерть, которую чуть разогрели на сковородке, простите меня и мои года!

Не без труда Кэсерил встал и, поклонившись, вышел. Приливы яростной энергии, которые овладевали провинкарой, были для нее достаточно разрушительными — если ее не сдерживать, она быстро истощала свои ресурсы. Поэтому, выйдя, он тут же отправил леди ди Хьюлтар к провинкаре, чтобы та последила за кузиной.

Кэсерила поместили в так хорошо знакомую ему комнату в главном здании. В комнате было холодно, и он с благодарностью забрался под нагретые простыни. Это было похоже на долгожданное возвращение домой, хотя теперь знакомые очертания и предметы казались ему странными — мир изменился, потому что изменился он, и в этом мире, казалось, не было места, где он мог бы лечь и по-настоящему отдохнуть.

Дондо как с цепи сорвался. Он целую ночь терзал Кэсерила, не давая уснуть. Конечно, он представлял собой опасность, но эта опасность стала столь обыденной, что бояться ее не было никакого смысла.

Терзали Кэсерила и воспоминания о разговоре с Истой. Ужасные надежды, которые та питала,

мешали ему овладеть собой и успокоиться. Ну и в добавление ко всему, волновал его завтрашний день, когда, взгромоздившись на коня, он отправится в сторону моря, с которым у него были связаны не самые радужные воспоминания.

22

С сожалением Кэсерил расстался с жезлом курьера канцелярии и с теми преимуществами, которые он давал и которые включали, кроме всего прочего, возможность всегда иметь свежих лошадей. Соображения секретности — прежде всего! Нельзя давать в руки ди Джиронала сведений об их маршруте и, соответственно, цели путешествия. Но у них были верительные грамоты от Палли, которые позволили им пользоваться благами, предоставляемыми местными отделениями ордена Дочери — лошадьми, кровом, провиантом.

Добравшись до западной границы, Кэсерил вынужден был иметь дело с барышником, у которого хотел раздобыть могучих и выносливых мулов, способных перевезти их через горные высоты.

Этот человек делал неплохие деньги, до нитки раздевая путешественников, отчаянно нуждавшихся в мулах. Ферда осмотрел животных, которых тот предложил и негодующе заявил:

— У этого запал. А у того вывих, и если это не

так, я съем вашу шляпу!

И они с барышником вступили в язвительную перепалку.

Кэсерил стоял, прислонившись к ограде, и думал, что ему меньше всего на свете хочется как раз того, чего добивался от барышника Ферда, а именно — получить хорошего мула, забраться на него и ехать к ближайшему перевалу. Он был измотан, изнурен, лишен остатка сил. Но, преодолев отвращение, он вошел в загон, где кружило стадо лошадей и мулов, встревоженных поимкой и уводом трех их товарищей, простер вперед руки, закрыл глаза и сказал:

— Прошу тебя, Госпожа, дай нам трех самых хороших мулов.

Почувствовав, что его кто-то толкает в бок, Кэсерил открыл глаза. Своими ясными, любопытными глазами на него смотрел мул. Потом из общего стада вышли еще два животных. Они прядали длинными ушами, а самый большой из них, темно-коричневый и с розоватой мордой, положил свою голову на плечо Кэсерила и удовлетворенно фыркал.

— Благодарю тебя, Госпожа! — прошептал Кэсерил. И уже громко сказал:

— Отлично! Пошли со мной!

И двинулся по взбитой копытами грязи к выходу из загона. Три мула потопали вслед за ним, с интересом втягивая воздух.

— Мы берем этих, — сказал Кэсерил барышнику, который, как и Ферда, смотрел на происходящее с открытым ртом.

Наконец он обрел дар речи.

— Но это же… это же мои лучшие животные, — проговорил он.

— Я знаю, — ответил Кэсерил и, выйдя из загона, прикрыл за собой ворота. Выбранные им мулы, тревожно мыча, толкались в ограду, намереваясь, видно, пробить ее и присоединиться к Кэсерилу.

— Ферда! Договоритесь о цене, — сказал он. — А я пока пойду полежу на том стоге сена. Разбудите меня, когда мулов оседлают.

Мулы действительно оказались здоровыми, выносливыми и, что особенно важно, производили такое впечатление, будто в этой жизни им все осточертело. Это было хорошо. Нервные, порывистые скаковые лошади, которых так любил Ферда, вряд ли были способны столь же быстро карабкаться вверх, зато именно в силу своей порывистости они запросто могли бы, сорвавшись, и сами погибнуть, и погубить седока. А мулы

никуда не рвались: что воля, что неволя — все равно! Медленно, словно скучая, они шли к цели и никогда не сбивались с маршрута. Кстати, их спокойный, размеренный шаг был хорош и для Кэсерилова живота — тот не так болел. С погодой, правда, складывалось не лучшим образом, и Кэсерил недоумевал: почему, помогая им с мулами, Госпожа Весны не обеспечила их и погодой получше.

Братья ди Гура перестали посмеиваться над Кэсерилом уже на полпути к перевалу через горный хребет, который назывался Зубы Бастарда. Кэсерил опустил уши меховой шапки, которую подарила ему Бетрис, и завязал под подбородком тесемки как раз в тот момент, когда порывистый ветер принялся швырять путешественникам в лицо колючую снежную крошку. Жмурясь от ветра, Кэсерил вглядывался в дорожку между глыбами камня и льда, пытаясь понять, сколько у них еще есть времени до наступления темноты.

Ферда подъехал и поравнялся с ним.

— Милорд! — произнес он, перекрывая вой ветра. — Не укрыться ли нам от этого бурана?

— Бурана? — переспросил Кэсерил, стряхивая лед с бороды. Зимы в Паллиаре были мягкими, почти бесснежными, а братья никогда еще не

покидали своих краев. — Если бы это действительно был буран, вы не увидели бы ушей своего мула. А здесь… Ничего опасного. Просто немного неприятно…

Ферда опустил встревоженное лицо, закрываясь от очередного удара ветра, но тверже натянул поводья и двинулся вперед. И через несколько минут, когда они выбрались на вершину перевала, ветер вдруг стих, снег прекратился, и перед их глазами открылась долина, к которой вел длинный пологий спуск.

Кэсерил простер вперед руку и воскликнул:

— Ибра!

От непогоды не осталось и следа, когда они двинулись вниз. Кряхтящие на каждом шагу мулы, в отличие от седоков, не спешили вниз. Когда снежные скалистые горы постепенно уступили место пологим бурым холмам, между которыми простирались широкие лощины, Кэсерил нехотя позволил Ферде обменять мулов на более быстрых лошадей. Дороги становились все лучше, придорожные постоялые дворы были все более опрятными, и через два дня они вышли к реке, ко-

торая текла к Загосуру. Вдоль реки одна за другой шли фермы, а к реке спускались ирригационные каналы, вспухшие от зимних дождей.

Отклонившись от речной долины, они выехали к городу, который встретил путешественников серыми каменными стенами и чистенькими, выбеленными домиками с характерными для этой местности зелеными черепичными крышами. Над городом высилась крепость, а дальше открывался вид на знаменитый загосурский порт. Стальная гладь моря простиралась до горизонта, и где-то там, совсем далеко от берега тусклое солнце выбивало из воды мутные всполохи отраженного света. Принесенный низким приливом солоноватый запах водорослей заставил Кэсерила вздрогнуть. Ферда же жадно вдыхал незнакомые ароматы моря, которое он видел первый раз в своей жизни.

Верительные грамоты Палли, а также статус братьев ди Гура обеспечили им кров во дворце прихода Дочери загосурского главного Храма. Кэсерил отправил братьев к кастеляну ордена, чтобы тот выдал им соответствующие их статусу официальные наряды, а сам отправился к портному. Портной, услышав, что клиент готов заплатить двойную цену, если приличная вер-

сия траурного придворного наряда для лорда из Шалиона будет готова в кратчайшие сроки, расстарался, и уже через час Кэсерил вышел из портняжной с объемистым свертком под мышкой.

Приняв холодную ванну и щедро натерев себя намыленной губкой, Кэсерил влез в серо-лиловую тунику с высоким воротником и толстые темно-пурпурные панталоны. Блестящие, отменно вычищенные сапоги уже ждали своей очереди. Прикрепив на поясе меч, подаренный еще сэром ди Ферреем (меч был потерт, но выглядел весьма импозантно), он набросил на плечи черный бархатный плащ. Надел одно из колец Изелль, подходящее по размеру для мизинца, — небольшой аметист, оправленный в золото, чьи размеры говорили скорее о благородной сдержанности, чем о бедности, — и оглядел себя в зеркале. Траурный придворный наряд, легкая проседь в бороде — все выглядело достойно и солидно. Серьезный господин, с самыми серьезными планами. Сунув под мышку пакет с привезенными дипломатическими письмами, он захватил своих спутников, которые к тому моменту уже обрядились в бело-голубые цвета ордена Дочери, и отправился по узким извивающимся улочкам к лежбищу

старого Лиса.

Благородно-серьезный вид Кэсерила вызвал у ворот замка небольшой переполох, в результате чего через считаные минуты перед ним предстал комендант. Увидев официальные письма с печатью особы королевской крови, комендант тут же препроводил Кэсерила и его спутников к секретарю короля, который встретил их в пустом и холодном по сезону кабинете.

Секретарь, средних лет худой человек, явно измученный исполнением своих обязанностей, ответил на полупоклон Кэсерила полупоклоном — равный равному.

— Я — кастиллар ди Кэсерил и прибыл из Кардегосса со срочной дипломатической миссией. У меня верительные грамоты и письма для короля Ибры и принца Бергона от принцессы Изелль ди Шалион.

Он продемонстрировал печати, но прижал письма к груди, когда секретарь протянул руку, чтобы их взять.

— Я получил эти письма непосредственно из рук принцессы и обязан вручить их самому королю и его сыну.

Секретарь понимающе склонил голову.

— Я посмотрю, что смогу сделать для вас,

милорд, — сказал он. — Но короля буквально осаждают родственники тех, кто поддерживал его врага. Ждут от него милости.

Он смерил взглядом Кэсерила с головы до ног и продолжил:

— Вас, вероятно, не предупредили, но король запретил носить траур по принцу Ибры, умершему нераскаявшимся бунтовщиком. Таковой носят лишь те, кто хочет выказать свое неповиновение, да и то делают они это тайком, а не открыто. Если вы не намерены оскорбить короля, я бы предложил вам переодеться и уже после этого просить об аудиенции.

Кэсерил вскинул брови.

— Неужели до вас еще не дошли новости? Мы ехали быстро, но, не думаю, что смогли их обогнать. Я ношу траур не по принцу Ибры, а по принцу и наследнику Шалиона. Принц Тейдес умер неделю назад, скоропостижно, от инфекции.

— О! — воскликнул взволнованный секретарь. — О!

И, постепенно успокоившись, произнес:

— Мои соболезнования дому Шалиона! Тяжелая утрата!

Несколько мгновений поколебавшись, он

спросил:

— Вы говорите, у вас письма от принцессы Изелль?

— Да, — кивнул Кэсерил, также демонстрируя сообразную моменту печаль. — Король Орико тяжело болен и отошел от дел. По крайней мере, так было, когда мы спешно покидали Кардегосс.

Секретарь открыл и тут же закрыл рот, после чего сказал:

— Идемте со мной.

Он провел их в более уютное помещение, с небольшим камином, горящим в углу.

— Я посмотрю, что можно будет сделать.

Кэсерил устроился на мягком кресле, поближе к огню; Фойкс уселся на скамью, а Ферда принялся расхаживать по комнате, хмурясь на стены, увешанные картинами.

— Примет ли нас король? — спросил Ферда. — А то мы столько проехали и сидим теперь в приемной, словно коробейники с товаром…

— Примет, — ответил, улыбнувшись, Кэсерил, и тут же в комнату вошел слуга, принесший поднос с вином и небольшими пирожными с пряностями. Поверх каждого пирожного красовалась кремовая печать — местный деликатес, качество которого было гарантировано авторитетом коро-

ля и государства.

— Почему у этой собаки нет ног? — спросил Ферда перед тем, как вонзить зубы в пирожное. Он показал на изображение животного, висящее на стене.

— Это морская собака, — ответил Кэсерил. — Вместо ног у нее ласты, и она охотится на рыбу. У них огромные колонии на берегу — здесь и в Дартаке.

Он позволил слуге налить себе лишь глоток вина — частично оттого, что хотел сохранить ясную голову, частично — чтобы вино не пропало зря. Как он и ожидал, тут же вернулся секретарь.

Теперь секретарь поклонился значительно ниже и произнес:

— Прошу вас, идите за мной, милорд! И вы, джентльмены!

Ферда залил в себя полный стакан темного ибранского вина, Фойкс стряхнул крошки со своего бело-голубого одеяния, и они поспешили за Кэсерилом и секретарем, который повел их вверх по лестнице и через каменный мостик в новую, только что отстроенную часть крепости. Еще пара поворотов, и они подошли к высоким дверям, на которых, в рокнарийском стиле, были вырезаны фигуры морских чудовищ.

Двери распахнулись, и из них вышли двое изящно одетых придворных, один из которых жаловался другому:

— Но я ждал целых пять дней! Зачем же обманывать?

— Придется подождать еще немного, — говорил ему другой, твердой рукой выводя первого из приемной.

Секретарь поклонился Кэсерилу и его спутникам, после чего объявил их имена и статус.

Это был не тронный зал, а менее помпезная приемная, предназначенная для работы, а не проведения торжественных церемоний. В конце ее стоял большой стол, на котором можно было разложить карты и документы. Дальняя стена комнаты представляла собой ряд высоких прямоугольных окон, выходящих на балкон с зубчатым ограждением; с балкона же открывался вид на порт и ибранские судоверфи — основу силы и богатства королевства. Серебряный свет, исходящий от поверхности моря, проникал в комнату через широкие стекла, делая фактически ненужными горящие по стенам светильники.

В комнате находилось пять-шесть человек, но Кэсерил без труда опознал Лиса и его сына. Король в свои семьдесят с небольшим лет был подтянут,

жилист, с широкой лысиной, уничтожившей когда-то, как можно было предположить, густую шевелюру, воспоминания о которой хранили седые пряди по бокам головы. Все в нем говорило о внутренней энергии; сидя в мягком кресле, он являл собой образец покоя и одновременно готовности к действию. Стоящий рядом с ним молодой человек имел длинные прямые волосы, унаследованные от недавно ушедшей из жизни матери, бывшей родом из Дартаки, хотя и с ибранской рыжиной. Волосы были пострижены на морской манер. По крайней мере, выглядит здоровым. Это хорошо! Плащ цвета моря был вышит жемчужными нитками, изображавшими барашки, кипящие на вершине морской волны. Когда принц повернулся к вошедшим, вышивка заиграла элегантной рябью.

Стоящий справа от короля человек, если судить по стекавшей на грудь золотой цепи, был канцлером Ибры. Осторожный и несколько испуганный вид этого утомленного тяжелым трудом человека говорил о том, что ибранский канцлер был слугой короля, а отнюдь не соперником в борьбе за власть.

Кэсерил встал перед королем на одно колено, постаравшись, несмотря на боль в спине, сделать

это элегантно и, склонив голову, произнес:

— Я принес печальную новость о смерти принца ди Шалион, а также срочные письма от его сестры принцессы Изелль.

И он протянул старому Лису привезенные бумаги.

Лис сломал печати и быстро пробежался по строкам писем, после чего, вскинув брови, пристально посмотрел на Кэсерила.

— Очень интересно, — проговорил он. — Встаньте, лорд посланник!

Кэсерил глубоко вздохнул и, собравшись с силами, поднялся — так, что ему не пришлось ни опираться о пол, ни, что было бы еще хуже, хвататься за ручку королевского кресла. Поднявшись, он посмотрел на принца, который во все глаза его рассматривал, и, кивнув, приветливо улыбнулся. Да, принц был хорошо сложен, с правильными чертами лица, может быть, даже привлекателен, когда не таращится, как сейчас. Нет видимых ненормальностей в теле и лице; немного тяжеловат, но это от мышечной массы, а не от жира. И главное, ему не сорок, как… Юный, чисто выбритый, абрис подбородка говорит об энергии и ранней мужественности. Да, Изелль была бы довольна.

Бергон вдруг воскликнул:

— Говорите! Еще! Мне нужно услышать…

Глаза его горели.

— Прошу прощения, милорд? — проговорил Кэсерил и, обеспокоенный странным поведением принца, сделал шаг назад. Тот же приблизился и обошел его сзади. Дыхание его участилось, он был явно сверх меры возбужден.

— Снимите тунику! — вдруг потребовал Бергон.

— Что?

— Снимите тунику! Снимите!

— Милорд! Принц!..

Кэсерил вдруг вспомнил ужасную сцену, когда ди Джиронал хотел опорочить его в глазах Орико и Изелль. Но здесь, увы, ему на помощь не придут священные вороны с башни Фонзы! Он тихо проговорил:

— Прошу вас, милорд, не позорьте меня в столь уважаемом обществе!

— Прошу вас, сэр, вспомните, — волнуясь сверх меры, проговорил принц, — осенью прошлого года не вас ли спасли с рокнарийской галеры — как раз у берегов Ибры?

— Да, было такое… И что?

— Снимите же тунику!

Принц едва не танцевал, кружа вокруг Кэсерила. Тот почувствовал, как ноги его становятся ватными, и посмотрел на Лиса. Тот, не менее озадаченный, чем все присутствующие в комнате, тем не менее жестом дал понять, что не возражает против того, чтобы Кэсерил выполнил странное требование принца. Смущенный и немало напуганный, Кэсерил подчинился, выпростав тело из туники и держа ее вместе с плащом на согнутых руках. Подняв голову, он готов был с максимальным достоинством выдержать любое унижение, которое могло на него обрушиться.

— Вы — *Кэс*! Вы — *Кэс*! — воскликнул Бергон. Лицо его растянулось в счастливой улыбке. Ничего себе! Ехать за тридевять земель, чтобы узнать, что наследник Ибры — сумасшедший, с которым, конечно же, невозможен никакой брак. Бедная Изелль!..

— Ну да, так зовут меня мои друзья, — начал было Кэсерил и тут же едва не задохнулся в объятиях принца, который подхватил его и, оторвав от пола, прижал к груди.

— Отец! — закричал Бергон. — Это Кэс! Это именно тот человек!

– *Что?* — произнес Кэсерил, и вдруг — то ли из-за того, что свет упал несколько по-иному, то

ли потому, что в голосе послышались знакомые тона, — он узнал! Улыбка озарила его лицо. *А мальчик-то вырос!* Если сбросить годик, да четыре дюйма роста, да представить подбородок, который еще не знает бритвы, зато побрить голову, а еще добавить детской округлости плечам, да волдырей на сгоревшую под солнцем кожу…

— О Боги! — выдохнул он. — Дэнни? Дэнни?

Принц схватил руки Кэсерила и принялся целовать их.

— Куда же вы делись? — спрашивал он. — После того как меня привезли домой, я неделю провалялся больным. Потом я снарядил людей на ваши поиски, но вы исчезли. Других людей с корабля нашли, но не вас. И никто не знал, где вы.

— Я тоже болел, в приюте Материнского Милосердия в Загосуре. А потом отправился домой, в Шалион. Пешком…

— Вы были здесь? Все то время? Нет, я сейчас взорвусь! Я ведь отправлял людей и в больницы, и в приюты. Как они могли вас не заметить? Я боялся, что вы умерли от ран! Они были ужасны!

— Я был уверен, что он умер, — медленно произнес Лис, бесстрастно глядя на разыгравшуюся перед ним сцену. — А то бы он, конечно же, пришел за долгом. Мы ведь перед ним в неоплатном

долгу! Разве нет?

— А я и не знал, кто вы… принц Бергон!

Лис удивленно вскинул брови.

— Разве?

— Нет, отец, — принялся уверять Лиса Бергон. — Я никому не сказал, кто я. Я использовал то имя, которым меня дома звала мама, когда я был маленьким. Мне казалось, это будет не так опасно, как если бы я сказал, что я сын короля.

И добавил, обращаясь уже к Кэсерилу:

— Когда подручные моего брата меня похитили, то не сказали рокнарийскому капитану, кто я. Надеялись, что я умру на галерах.

— Вообще, принц, скрывать свое истинное лицо было не очень разумно, — покачал головой Кэсерил. — За вас могли бы назначить большой выкуп.

— Да, конечно, это я знаю. Но, кроме того, они могли бы выставить отцу и политические требования, если бы я согласился стать заложником.

Бергон гордо поднял голову.

— Нет, я не собирался стать разменной картой в их игре, — закончил он.

— Означает ли это, — проговорил Лис, — что вы сознательно рисковали жизнью, спасая от насилия не принца, а какого-то мало знакомого

вам мальчика-раба?

— Именно так, милорд. Мало знакомого мальчика-раба.

Кэсерил сжал губы, наблюдая, как старый Лис пытается понять, кто же все-таки перед ним стоит — герой или глупец.

— Ваш ум делает вам честь, — наконец сказал король.

— Тогда мне трудно было полагаться на свой ум, — проговорил Кэсерил с усмешкой. — Я пахал на галерах с того самого момента, как был продан туда после падения Готоргета.

Глаза Лиса сузились.

— Вот как? Значит, вы — *тот самый* Кэсерил?

Кэсерил отвесил в сторону короля неглубокий поклон (*интересно, а что он знает об этой бессмысленной кампании?*) и стал надевать тунику, при этом Бергон поспешил помочь ему. Подняв глаза, Кэсерил столкнулся взглядом с ошеломленными взорами собравшихся в комнате людей. Такое же выражение было написано и на лицах его спутников, Фойкса и Ферды. Натянутой улыбкой Кэсерил постарался сдержать рвущийся наружу смех, хотя в этом смехе прорастал пока непонятный страх, источник которого Кэсерил пока не мог понять. *Сколько же я уже иду по этой*

дороге и сколько мне еще идти?

Наконец он достал из пакета последнее письмо и, обратившись к принцу, отвесил глубокий поклон.

— Как говорится в документе, который я передал вашему уважаемому отцу, я явился сюда в качестве представителя гордой прекрасной леди. И приехал я скорее к вам, а не к нему. Наследница Шалиона просит вашей руки, принц!

И он передал запечатанное письмо Бергону, которого вновь охватило неподдельное волнение.

— В этом письме принцесса Изелль говорит от своего имени, — сказал Кэсерил, — что более уместно, чем все мои речи, ибо за нее здесь говорят ее глубокий ум, ее естественное право, ее святые и благородные цели. После того как вы прочитаете письмо, принц, я имею сказать вам еще многое.

— Буду рад говорить с вами, лорд Кэсерил! — ответил принц и, бросив беглый взгляд вокруг, уединился у окна, где распечатал письмо и принялся читать. Пока он делал это, выражение его лица менялось — от удивленного к радостному.

Удивление не сходило и с лица старого Лиса, хотя радости на его лице Кэсерил не прочитал. Вне всякого сомнения, визит Кэсерила заставил

изрядно поработать королевские мозги. Его же собственные мозги, как он понимал, нуждались в крыльях — самое меньшее!

Кэсерил и его спутники, конечно же, были приглашены на ужин вечером того же дня. Перед закатом солнца Кэсерил и Бергон вышли прогуляться по берегу у стен крепости. Чтобы им с принцем поговорить без свидетелей, Кэсерил попросил братьев ди Гура держаться в стороне, хотя и не отходить далеко. Охрана Бергона тоже держалась подальше, хотя зорко приглядывала за принцем и округой — в стране все еще шла гражданская война, и меры безопасности были отнюдь не лишними, тем более что Бергон был в этой игре одновременно и игроком, и картой. Картой, которая разыгрывала саму себя.

Шум прибоя скрывал их голоса от окружающих. В небе над ними носились чайки, их крики отдаленно напоминали карканье ворон, и Кэсерил вспомнил, что эти птицы с их золотистыми глазами почитались в Ибре священными птицами Бастарда — точно так же, как вороны в Шалионе.

— Никогда не забуду тот день, когда я вас встре-

тил, — говорил Бергон, — когда они бросили меня на скамью галеры, рядом с вами. Тогда, в первые минуты, вы напугали меня больше, чем сами рокнарийцы.

Кэсерил усмехнулся.

— Это потому, что я был волосатым, вонючим пугалом в струпьях и болячках.

Бергон улыбнулся в ответ.

— Да, что-то вроде того, — кивнул он и смущенно улыбнулся. — Но потом вы сказали «добрый вечер, молодой господин!» с таким видом, словно приглашали разделить с вами не скамью на галерах, а стол в таверне.

— Вы были совсем новичком в этих делах, а среди нас таких было немного.

— Я потом много об этом думал, — сказал принц. — Тогда-то я туго соображал…

— Еще бы! Вас же избили до полусмерти!

— Именно. Похитили, запугали. Именно тогда меня избили первый раз в жизни. Но вы мне помогли. Сказали, как себя вести, чего ожидать. Научили выживать. Давали мне воду из своего рациона, и без того скудного.

— Да, но только тогда, когда вы действительно в ней нуждались, — сказал Кэсерил. — К тому времени я уже привык к жаре, хотя все мы страдали

от обезвоживания. Но со временем начинаешь понимать разницу между теми, кому просто хочется пить (мало ли кому чего хочется!), и теми, кто находится на грани. В последнем случае взгляд у страдальца лихорадочный. Еще несколько мгновений — и обморок. А когда сидишь на веслах, позволить себе этого нельзя.

— Вы были добры.

Кэсерил пожал плечами.

— Почему бы и нет? Если мне это ничего не стоило!

Бергон покачал головой.

— Любой может быть добрым, когда ему уютно и покойно, — сказал он. — Я всегда полагал, что доброта — это весьма банальная добродетель. Но там, на галерах… Мы хотели есть, хотели пить, мы были напуганы, и смерть смотрела на нас со всех сторон. И все-таки вы были щедры и благородны — как какой-нибудь джентльмен, который в сытости и достатке сидит у собственного камина.

— Это *обстоятельства* могут быть ужасными или неотвратимыми. *Человек* же всегда имеет выбор — как ему переносить эти обстоятельства. Если, конечно, захочет переносить. Но это тоже выбор.

— Да, это так, — согласился принц. — Я понял

это, когда стало ясно, что выжить можно и там. И не только телесно, но и в смысле рассудка…

Кэсерил произнес, криво усмехнувшись:

— Вообще-то все меня считали чокнутым…

Бергон покачал головой и выбил носком башмака небольшой фонтанчик золотистого песка. Заходящее за горизонт солнце высветило унаследованную от отца рыжину в его черных дартаканских волосах.

В Шалионе уже ушедшую из жизни мать Бергона считали интриганкой, которая спровоцировала ссору Лиса со старшим сыном, чтобы тот сделал наследником принца Бергона. Но Бергон вспоминал ее с любовью — еще ребенком он пережил вместе с ней две осады, когда во время войны с отцом его старший брат блокировал их в одном из городов. Он не имел ничего против того, чтобы женщины в делах мира и войны имели с мужчинами равные права, а их голос учитывался при обсуждении всех вопросов. Когда они с Кэсерилом делили скамью на галере, Бергон много говорил о своей умершей матери, хотя и не открывая ее имени — для того чтобы воспоминаниями о ней подбодрить и поддержать себя. Зато о своем живом отце он не сказал ни слова. Эту выдержку и способность контролировать себя

принц наверняка унаследовал от старого Лиса.

Кэсерил улыбнулся и проговорил:

— А теперь позвольте рассказать вам о принцессе Изелль ди Шалион.

Бергон, затаив дыхание, слушал речь Кэсерила о вьющихся янтарных волосах принцессы Изелль, о ее ясных серых глазах, красивой белозубой улыбке, о мастерстве, с котором она гарцует на лошади, и о ее замечательных успехах в науке. О ее воле и выдержке, о том, насколько быстро и успешно она оценивает обстоятельства. Внушить принцу любовь к принцессе было так же просто, как продать еду голодному, воду жаждущему, а плащ — замерзающему в пургу. Это притом что Кэсерил пока ни словом не обмолвился о том, что она наследница трона. Со старым Лисом все будет, конечно, сложнее. Лис заподозрит здесь некий капкан, уловку. Придется вести с ним серьезную, хитрую игру. Иное — с Бергоном. *Ему — только правду, и ничего, кроме правды.*

— У предложения, которое делает вам Изелль, есть и иная, тайная сторона, — продолжил Кэсерил, когда они дошли до края пляжа и повернули назад. — Но от вас у нее нет тайн, она полностью доверяет вам, как истинная жена должна доверять мужу. И то, что я скажу, предназначается

лишь вам.

Кэсерил, чтобы поддержать себя, глубоко вдохнул морской воздух.

— Тайна эта восходит ко временам войны между королем Фонзой Мудрым и Золотым генералом…

Чтобы Кэсерил смог рассказать всю историю, им пришлось сделать еще два поворота на усыпанном песком пляже. К моменту, когда он закончил, красный шар солнца уже касался слегка выгнутой линии горизонта, а волны, подхваченные силой прилива, накатывались на берег, шурша галькой и отражая своими гребнями алый цвет заката. С Бергоном Кэсерил был так же искренен, как с Истой, — он ничего не скрыл, за исключением, может быть, признаний самой Исты. Рассказал даже о своих непростых отношениях с Дондо — и в прошлом, и в настоящем. Лицо Бергона, когда он закончил свой рассказ, выражало глубокую задумчивость.

— Лорд Кэсерил, — сказал принц. — Если бы то, о чем вы поведали, исходило из чьих-то других уст, я не поверил бы ни единому слову и счел бы этого человека сумасшедшим.

— Хотя безумие и может быть следствием этих событий, принц, но здесь все реально. Я все это

видел. Я в этом участвую. Я бы даже сказал, эти события почти полностью поглотили меня.

Неудачная фраза — море, готовое поглотить кого и что угодно, было совсем рядом. Интересно, а принц заметил, что, идя с ним по берегу, Кэсерил умудряется идти так, чтобы принц всегда оказывался между ним и полосой прибоя?

— Получается, — сказал принц, — что я — какой-то персонаж волшебной сказки, поцелуем спасающий прекрасную принцессу от последствий злого волшебства.

Кэсерил откашлялся.

— Здесь все гораздо серьезнее, чем просто поцелуй. Брак связывает жениха и невесту не только перед лицом человечества, но и перед ликом Богов.

Принц бросил на Кэсерила взгляд, смысл которого понять было непросто. Некоторое время он молчал, после чего сказал:

— Я видел вас в деле. И это… это значительно расширило мои представления о мире и человеке. Меня воспитывал отец. Он благоразумный, осторожный человек, который, когда имеет дело с людьми, всегда ищет стоящие за их поступками скрытые мотивы. Никто не способен его обмануть. Но я видел, как легко он обманывает сам

себя. Если вы, конечно, понимаете, что я имею в виду.

— Конечно, понимаю.

— С вашей стороны было очень глупо нападать на того рокнарийца, хозяина галеры.

— Согласен.

— И тем не менее я уверен, что, сложись сейчас такие же обстоятельства, вы поступите точно таким же образом.

— Зная то, что я знаю сейчас… Это будет труднее сделать, принц. Но я надеюсь, принц… Я буду молить Богов, чтобы в случае необходимости они вновь внушили мне подобную глупость.

— Что же это за удивительная глупость, которая сияет ярче, чем все золото моего отца? Кэсерил! Вы научите меня быть таким же глупцом?

— О! — с улыбкой произнес Кэсерил. — Не сомневайтесь!

Кэсерил встретился со старым Лисом на следующее утро. Его вновь проводили в рабочую комнату, окнами выходящую на море, но теперь посторонних не было — лишь он сам, король и королевский секретарь. Секретарь устроился в

дальнем углу стола, разложив перед собой стопку бумаги, перья и скляночки с чернилами. Лис сел за стол, положив перед собой шахматную доску и вертя в пальцах фигурки, вырезанные из нефрита и кораллов; сама же доска была инкрустирована полированным малахитом, ониксом и белым мрамором. Кэсерил поклонился, и король кивнул ему на место напротив.

— Играете? — спросил Лис.

— Увы, нет, милорд, — с сожалением в голосе ответил Кэсерил. — Во всяком случае, плохо.

— Жаль, — покачал головой Лис и, отодвинув доску, продолжил: — Бергон под сильным впечатлением от вашего рассказа о жемчужине Шалиона. Хорошая работа, лорд посланник.

— Я надеюсь.

Лис тронул лежащие перед ним на полированном дереве стола верительные грамоты, которыми Изелль снабдила Кэсерила.

— Удивительный документ, — сказал он. — Вы понимаете, что, если исходить из этой бумаги, все, что вы подпишете от имени принцессы, должно быть принято ею к обязательному исполнению.

— Именно так, милорд.

— Но имеет ли она право наделять вас такими полномочиями? Здесь могут возникнуть сомне-

ния. С одной стороны, мы должны учитывать ее возраст…

— Милорд! Если вы отрицаете наличие у нее права заключать брачный договор, я сейчас же сажусь на лошадь и уезжаю в Шалион.

— Нет! Нет! — в голосе Лиса послышалось беспокойство, даже легкая паника. — Я нисколько не сомневаюсь.

— Сами наши переговоры, милорд, есть акт публичного признания ее прав.

— Согласен, согласен… Молодые люди такие доверчивые! Именно затем и нужны мы, старики, чтобы охранять их интересы.

Он взял в руки другой документ, переданный ему накануне.

— Я изучил предлагаемые вами пункты брачного контракта. У нас есть что обсудить.

— Это не предлагаемые пункты, милорд. Это обязательные пункты. Если у вас есть нечто, чем можно их дополнить, я вас выслушаю.

Король вскинул брови и внимательно посмотрел на Кэсерила.

— Да нет, все в порядке, — сказал он. — Может быть, только вот этот пункт: вопрос установления порядка наследования в тот период, пока их ребенок — да благословят его Боги! — будет оста-

ваться несовершеннолетним. Один несчастный случай — и королева Шалиона становится регентом Ибры. Так не пойдет! Бергона, как мужчину и короля, могут подстерегать опасности войны. Изелль же — нет.

— Будем надеяться, что нет. В противном случае вы сможете обвинить меня в том, что я плохо знаю историю Ибры. Насколько мне известно, мать принца сумела выдержать две осады, верно?

Лис смущенно откашлялся. Кэсерил же продолжал:

— В любом случае следует исходить из того, что риск должен быть обоюдным. Изелль принимает на себя риски деторождения, которых не может разделить Бергон. Представьте — одно неверное действие акушерки, и принц становится регентом Шалиона. Скажите, милорд, кто из ваших жен сумел пережить вас?

Лис вздохнул, сделал паузу и продолжил:

— Теперь пункт о новом имени Бергона.

Через несколько минут вежливых споров стороны пришли к выводу, что имя Бергон ди Ибра-Шалион не более благозвучно, чем Бергон ди Шалион-Ибра, а потому этот пункт также остался в редакции, которую предложил Кэсерил.

Лис поджал губы и задумчиво сказал:

— Как я знаю, земли у вас нет, лорд Кэсерил, верно? Как это принцесса Изелль не одарила вас наделом, соответствующим вашему статусу?

— Она одаривает меня настолько, насколько возможно. Она ведь не королева Шалиона — пока.

— Гм… Я же, с другой стороны, — король Ибры, и в моей власти делать значительные подарки.

Кэсерил понимающе улыбнулся.

Воодушевленный этой улыбкой, Лис заговорил об элегантном дворце, выходящем окнами на море, и, подвинув шахматную доску, поставил на нее ладью. Кэсерил, которому было страшно интересно узнать, куда заведет их разговор, сообщил Лису, что вид моря его скорее пугает. Тогда Лис заговорил о прекрасных лошадях, которые могли бы пастись на лужайке возле дворца, и поставил на доску фигуру коня, одновременно сказав, как ему не нравится пункт третий брачного договора, и добавив на доску пешек. Кэсерил хмыкнул совершенно нейтральным тоном. Лис же заговорил о деньгах, которые могли бы позволить человеку справить себе костюм, соответствующий куда более высокому рангу, чем ранг кастиллара, и как было бы неплохо переписать пункт шестой.

Одновременно он выставил на доску нефритовую фигурку офицера. Секретарь записывал каждое произнесенное королем слово и все ответы Кэсерила. По мере продвижения переговоров вперед во взгляде Лиса, обращенном на Кэсерила, сквозило все больше уважения и одновременно недоумения. Когда шахматные фигуры заполнили почти все клеточки доски, король проговорил тоном, в котором звучала даже какая-то боль:

— Вы играете лучше, чем я ожидал, кастиллар!

Откинувшись на спинку кресла, он показал Кэсерилу на стоящие перед ними фигурки и произнес:

— Что вам здесь не по душе? Неужели вы думаете, что эта девочка даст вам нечто лучшее, чем могу дать я?

Кэсерил широко улыбнулся.

— Видите ли, милорд! Я верю в то, что у Изелль найдется для меня отличный кусок земли, которым я буду владеть вечно, размером два метра на полтора.

Мягко, чтобы не обидеть хозяина и не показать, будто он обижен и сам, Кэсерил подвинул фигурки ближе к королю и сказал:

— Наверное, я должен объяснить. У меня опухоль, которая, как я полагаю, скоро меня

прикончит. То, что вы предлагаете, может быть интересно живым. Но не умирающим.

Губы короля дрогнули; удивление и испуг на мгновение сменились в его лице выражением стыда, впрочем быстро подавленного. Он коротко рассмеялся.

— О Боги! Маленькая девочка имеет достаточно ума и воли, чтобы учить меня моему ремеслу! Не удивительно, что она дала вам такие полномочия! Клянусь яйцами Бастарда, Изелль прислала мне абсолютно неподкупного посланника!

Три мысли молниеносно проскользнули в голове Кэсерила. Первая: Изелль вряд ли имела столь изощренный план переговоров. Вторая: когда ей станет известно о том, как шли переговоры, она произнесет: *Гм!* — и возьмет сказанное на заметку. И третья: Лису лучше ничего не знать про первую мысль.

Лис успокоился и, внимательно посмотрев на Кэсерила, сказал:

— Мне очень жаль, что вы так больны, кастиллар. Я серьезно. Мать Бергона умерла от опухоли в груди, а было ей всего тридцать шесть. Ничто не могло ее испугать, а тут…

— Мне тоже тридцать шесть, — сказал Кэсерил с печалью в голосе.

Лис взглянул на него.

— Вы плохо выглядите, — проговорил он.

— Увы! — согласился Кэсерил и, взяв в руки текст договора, предложил: — Ну что, вернемся к делам?

В конце концов Кэсерил не уступил ни по одному из пунктов и по всем добился согласия короля Ибры. Совершенно опечаленный, Лис предложил несколько умных добавлений к пункту, касающемуся обстоятельств непреодолимой силы, с которыми Кэсерил согласился. Король еще немного поныл насчет формы договора, а также относительно того, что самый его дух дает что-то уж слишком много воли женщине, что не соответствует логике современной ибранской истории. Кэсерил дипломатично обошел стороной это хныкание короля, заметив:

— Успокойтесь, милорд! Сегодня вы не выиграете королевства для своего сына. Вместо этого вы выигрываете империю для своего внука!

Лицо старого Лиса прояснилось. Даже его секретарь улыбнулся.

Наконец Лис предложил ему в качестве личного подарка на память лежавшие на столе шахматы.

— Если это личный подарок, то я откажусь, —

сказал Кэсерил, с сожалением глядя на изящные фигуры. Но ему пришла в голову более удачная мысль, и он произнес: — Но, если вы не против, я отвезу эти шахматы в качестве вашего личного подарка будущей вашей невестке, в связи с помолвкой.

Лис рассмеялся и покачал головой.

— Мне бы таких придворных, которые служили бы мне так верно, не заботясь о награде. Неужели вам не нужно ничего для себя лично, Кэсерил?

— Мне нужно время, — ответил он.

Лис хмыкнул с сожалением:

— Увы, время нужно всем. Но за этим даром следует обращаться к Богам, а не к королю Ибры.

Кэсерил горько улыбнулся.

— Мне хватило бы и немного, — сказал он, — лишь бы увидеть, как Изелль выходит замуж. И если бы вы помогли устроить ее брак как можно быстрее, этот подарок я бы принял от вас с удовольствием, милорд.

И добавил:

— И очень важно, чтобы Бергон поскорее стал королем-консортом Шалиона, пока Марту ди Джиронал не стал его регентом.

Даже старый Лис вынужден был признать разумность этого плана.

Этим же вечером, после ужина в королевском зале, Кэсерил улизнул от Бергона, который, ни на шаг от него не отходя, оказывал ему всяческие знаки внимания и угощал всем самым изысканным, что было в распоряжении королевского хозяйства, и отправился в Храм. В этот поздний час в круглых приделах Храма было особенно тихо и торжественно; молящихся было немного, несмотря на то что главный светильник и светильники по стенам горели мощно и ровно, а парочка служек следили за порядком. Кэсерил ответил на их радушное приветствие и по выложенному разноцветной плиткой проходу отправился в придел Дочери.

Здесь на полу лежали ковры, сотканные ибранскими девами и матронами, которые подарили их Храму, что было с их стороны актом благочестия, а с другой стороны, облегчало жизнь прихожан, которым не нужно было студить колени и животы на холодном мраморе пола. Кэсерил подумал, что неплохо было бы эту традицию перенять и в Шалионе — количество прихожан в Храме в зимние месяцы резко бы возросло. Ковры всех размеров, формы и цвета были разложены вокруг алтаря Госпожи Весны. Кэсерил выбрал

один из них, широкий и толстый, с чуть потершимся изображением весенних цветов, и улегся. Целью его, как он себе напомнил, была молитва, а не сон…

По пути в Ибру Кэсерил пользовался любой возможностью, пока Ферда менял коней на конюшне какого-нибудь очередного деревенского Храма Дочери, зайти внутрь и помолиться. Он молил Богиню продлить жизнь Орико, даровать Изелль и Бетрис безопасность, а Исте — покой. Более всего, несколько опасаясь старого Лиса, о репутации которого Кэсерил был немало наслышан, он молился об успехе своей миссии. Похоже, эта молитва была услышана. Но насколько далеко будет простираться благосклонность Богини? Его раскинутые по сторонам руки медленно скользили по нитям ковра, вытканного, петля за петлей, какими-то терпеливыми женскими руками. А может быть, эта женщина не была терпеливой? Может быть, она была уставшей, раздраженной, равнодушной, злой и голодной? Может быть, она умирала? Но руки ее тем не менее, работали создавая этот ковер.

Сколько я уже иду по этой дороге и сколько мне еще предстоит пройти?

Когда-то, совсем недавно, он связывал начало

своей службы Дочери с монеткой, оброненной в дорожную грязь недотепой-солдатом. Теперь он думал несколько иначе, и то, что он думал, ему не вполне нравилось.

До того, как он подобрал монету из грязи, был кошмар рокнарийских галер. Неужели все его страхи, вся боль, которую он испытывал в плену, были заранее предопределены Богами? Неужели он всего лишь марионетка, болтающаяся на своих шнурках? Или глупый и упрямый мул, которого нужно гнать по дороге, охаживая кнутом? Он не понимал, что разрывает его сердце, что он чувствует — ярость или удивление? Он вспомнил слова Умегата: Боги не могут овладеть волей человека; они ждут, когда он предложит им себя в качестве пути в наш мир. Когда он, Кэсерил, подписался на *это*?

О!

Вот оно! Он вспомнил!

Однажды холодной зимней ночью в Готоргете, уже несколько месяцев страдающий от голода, усталости и ран, он обходил посты, расставленные на стенах крепости. На самой высокой башне стоял на страже молодой солдат, с трудом державшийся на ногах. Кэсерил на время отпустил юношу вниз, чтобы тот мог согреть-

ся и подкрепиться, а сам занял его место. Он принялся разглядывать разрушенную деревню и окрестные холмы, где, словно издеваясь над защитниками крепости, горели вражеские костры, — там было тепло, готовилась еда, а и того, и другого так не хватало тем, кто сидел запертый в стенах Готоргета! Он смотрел и думал о том, чего ему стоит поддерживать в своих людях силу духа и верность родине, как все они во время вылазок дружно бьют врага, а потом обагряют его кровью штурмовые лестницы, заведенные на стены крепости. Думал и молился.

Но его молитвы не находили ответа, и Кэсерил бросил это бесполезное занятие.

Когда-то в юности, когда он жил в Кэсериле, их родовом поместье, он решил пойти по дорожке, которой идет большинство отпрысков благородных фамилий, и посвятить себя службе в ордене Сына — лучшем месте, которое способно удовлетворить юношу, ищущего славы и военных подвигов. Тогда, сидя в осаде, он молился — правда, не всегда охотно и внимательно, Богу, которого когда-то избрал сообразно своему положению. Но в этот момент, стоя на погруженной в ночной мрак крепостной башне, он понял, куда привела его вера в Сына — полный тупик, где он

оставлен на произвол судьбы и своими начальниками, и избранным им Богом.

Когда ему было тринадцать, как раз перед тем, как отправиться ко двору провинкара Баосии и служить там пажом, он принял посвящение и с тех пор носил под туникой медаль ордена Сына. Теперь, стоя на башне и чувствуя, как слезы усталости, отчаяния и гнева стекают по его щекам, он сорвал эту медаль и швырнул ее в ночь, отказавшись от Бога, который отказался от него. Кусочек золота беззвучно исчез в темноте. Кэсерил упал на камни и поклялся отдать себя любому иному Богу или Богине, если он или она выведут доверившихся ему людей из этого капкана живыми и невредимыми. За себя он не просил. Он был человек конченый, и на нем можно было ставить точку.

Ничего не произошло.

Просто пошел дождь.

Через несколько минут Кэсерил поднялся, несколько устыдившись своей минутной слабости, благодарный судьбе, что никто из его людей не стал свидетелем устроенного им представления. Подошел сменщик, и Кэсерил спустился вниз. Несколько недель все шло установившимся порядком, пока из Кардегосса не приехал упитан-

ный курьер и не сообщил, что защита Готоргета — дело пустое, а их кровь и жертвы были проданы за золото, которое отправилось прямиком в сундуки Марту ди Джиронала.

И все его люди оказались на свободе и в безопасности.

Он же, Кэсерил, отправился другой дорогой…

Как это сказала Иста? *Самые жестокие проклятья Богов есть ответ на наши самые искренние молитвы. Молитва — опасное занятие.* Так?

Когда ты выбираешь Бога и доверяешься ему, делая свою волю его волей, делаешь ли ты это всего один раз в жизни — так же, как воин, подписывающий договор с военной компанией, клянется служить ей и только ей? Или же ты имеешь право и возможность делать свой выбор ежедневно, каждый раз отдавая себя новому Богу? А может ли он, скажем, сойти с дороги, по которой идет, сесть на коня и отправиться, к примеру, в Дартаку, где примет другое имя и станет жить совершенно иной жизнью? Как один из той сотни возможных Кэсерилов, которые, как утверждал Умегат, уже живут, но еще не созрели для свершения главного дела своей жизни? Конечно, при этом ему придется бросить всех, кто ему доверился, — Изелль, Исту, Бетрис,

провинкару, Палли…

Правда, Дондо ему, увы, не бросить.

Лежа на ковре, Кэсерил сменил позу, чувствуя неудобство и боль внизу живота — он хотел думать, что это последствия ужина, а не растущая опухоль, которая готовится действовать — как только ослабеет рука Дочери. Может быть, Богов чему-то научила ошибка Исты и минутная слабость ди Лютеза? Может быть, они хотят удостовериться, что их послушный мул не сбежит в самом интересном месте этой истории — так, как когда-то сбежал ди Лютез?

Бежать некуда, кроме как в смерть. Эта дверь всегда раскрыта. Но что ждет его по другую ее сторону? Ад Бастарда? Полное исчезновение? Мир?

Еще чего!

На другой стороне храмовой площади, в доме Дочери, Кэсерила ждала теплая мягкая постель. То, что он дошел до этого лихорадочного состояния ума, говорило в пользу того, что ему пора именно туда. Не страшно, что ему не удалось помолиться — он не молился, он спорил с Богами.

Молитва, как он решил, поднимаясь к своей комнате, есть лишь способ ставить одну ногу перед другой. Молитва есть путь, но не цель.

23

В самый последний момент, когда все было решено и подписано и самими сторонами, и свидетелями, когда документы были в достаточном количестве экземпляров запечатаны и уложены в ларцы, дело едва не застопорилось из-за некоторых трудностей практического свойства. Лис, не без оснований, как полагал Кэсерил, заартачился и не захотел отправлять сына в Шалион с минимальными гарантиями личной безопасности. У короля страны, долгие годы раздираемой гражданской войной, не было ни достаточно людей, чтобы отправить с принцем, ни достаточно денег, чтобы снарядить отдельный специальный отряд охраны. С другой стороны, Кэсерил опасался, что заход в Шалион большого отряда чужеземцев с оружием — даже с самыми благородными намерениями — вызовет в стране переполох. Обсуждая эти обстоятельства, Лис и Кэсерил горячились. Лис, правда, помня о том, что именно Кэсерилу

он обязан жизнью и свободой принца, не рубил сплеча, как то подобало бы суверенному монарху, а мастерски лавировал, напоминая своими ходами тактику, столь хорошо знакомую Кэсерилу по манере, в которой вел свои дела Орико.

Кэсерил получил от Изелль первое шифрованное письмо — через сеть курьеров, которую организовал из людей, служивших ордену Дочери. Оно было написано и отправлено через четыре дня после его отъезда из Кардегосса, оказалось совсем коротким и говорило, что все погребальные ритуалы, связанные со смертью Тейдеса, идут своим чередом и что Изелль тем же днем выезжает из столицы в Валенду со своим кортежем. Она заметила, с явным чувством облегчения, что их молитвы услышаны: священные животные показали, что душа бедного Тейдеса перешла во власть Сына, и она молится, чтобы та нашла успокоение в общении с Богом. И добавила, что ее старший брат жив, уже видит темные тени правым глазом, хотя отек и не спадает, зато все время проводит в постели. И, более холодным тоном, написала, что их враг ввел в ее штат двух своих племянниц, отчего ей не удастся писать слишком часто, и она молит Богиню ускорить посольство Кэсерила.

Он поискал хоть какую-нибудь приписку от Бетрис, но нашел ее, лишь перевернув лист, где под остатками восковой печати обнаружил цифры, написанные ее рукой. Кэсерил соскреб остатки воска ногтем, и по короткой череде значков вышел на одну из последних страниц книги Ордола, где находился текст страстной молитвы во имя безопасности и благополучия любимого, отправившегося в дальние края. Это была самая лиричная страница книги. Сколько лет (десятилетий!) назад хоть кто-то за него молился? Кэсерил даже не был уверен, может ли он читать эту молитву, или же она предназначена только Богине, но он бережно прикоснулся письмом ко всем священным точкам тела, задержавшись чуть дольше на губах, после чего отправился искать Бергона.

Он показал принцу письмо Изелль и объяснил, как работает шифр. Бергон был в восторге. Кэсерил составил краткое письмо, в котором извещал принцессу об успехе своего предприятия, после чего Бергон, закусив от усердия язык, собственной рукой тщательно вывел небольшое послание своей невесте.

Кэсерил в уме считал дни. Конечно же, у ди Джиронала есть шпионы при дворе короля Ибры,

и рано или поздно о делах Кэсерила узнают в Кардегоссе. Но как скоро? Догадается ли канцлер, сколь успешными оказались его переговоры с королем Ибры? Захватит ли он принцессу Изелль, вычислит ли следующий ход Кэсерила и попытается ли перехватить принца Бергона в Шалионе?

Прошло между тем несколько дней, а король и Кэсерил так и не могли найти решение, которое обеспечило бы безопасность принца, пока Кэсерил, в приступе гениальности, не решил ввести в состав спорщиков и самого принца. К такому повороту событий Лис не был готов. Бергон был молод и энергичен, Лис стар и измотан. К несчастью, а может, и к счастью, если смотреть на это с точки зрения Кэсерила, город в Южной Ибре, где умерший наследник имел немало сторонников, вновь поднял восстание, и старому Лису пришлось срочно направлять туда войска, чтобы повторно его утихомирить. Введенный возникшей проблемой в ступор, разрываемый между великими надеждами и великим же страхом, Лис предоставил самому принцу решать, как тому быть.

Как обнаружил Кэсерил, решительности Бергону было не занимать. Принц одобрил план Кэсерила двигаться налегке и скрытно. В ка-

честве эскорта Бергон выбрал, в дополнение к самому Кэсерилу и братьям ди Гура, двоих молодых ибранских лордов, ди Тагилля и ди Цембуэра, а также марча ди Суда, годами чуть постарше, чем принц.

Изобретательный ди Тагилль предложил притвориться компанией ибранских купцов, направляющихся в Кардегосс. Кэсерил настоял, чтобы все члены этой компании, и благородные, и слуги, имели опыт владения оружием. Вся группа тайно, как о том молил Кэсерил, собралась в одном из особняков ди Тагилля за пределами Загосура. Компания вышла весьма многолюдная — вместе со слугами оказалось около дюжины верховых, да еще и багаж на дюжине мулов, плюс пять тщательно подобранных по цвету ибранских пони — подарок невесте Бергона; в пределах сочиненной ди Тагиллем легенды об ибранских купцах этим пони отводилась роль сменных лошадей.

Выехали они радостные, воодушевленные благородством и значимостью цели, которую преследовали. Бергон был серьезен и вдумчив, что понравилось Кэсерилу, которому поначалу казалось, что он ведет за собой компанию детей, ведет навстречу немалым опасностям. Но, по

крайней мере если иметь в виду Бергона, они движутся отнюдь не вслепую. Что было гораздо лучше того, что Боги сделали для *него*, Кэсерила. Что его беспокоило помимо прочего, так это подозрение — а не играет ли с ним проклятие злую шутку, и не приведут ли их действия к новой войне. В конце концов, ди Джиронал не всегда был таким испорченным злодеем!

Скорость их движения была ограничена скоростью самого медленного вьючного мула, а потому Кэсерил не испытывал тех неудобств, что сопровождали его по дороге в Загосур. На то, чтобы добраться до подножья Зубов Бастарда, им потребовалось четыре дня. Там, на одном из постоялых дворов, Кэсерила ждало еще одно письмо от Изелль, написанное через две недели после того, как он покинул Кардегосс. Она писала, что Тейдес был похоронен с надлежащими почестями, что ее план на время остаться в Валенде, с горюющими матерью и бабушкой, сработал. Ди Джиронал вынужден был вернуться в Кардегосс из-за новостей об ухудшающемся здоровье Орико. К сожалению, помимо шпионок-женщин, он оставил в Валенде некое количество солдат — защитить, в случае чего, наследницу шалионского престола. *Я думаю, что мне с ними делать*, писала Изелль. В

пакет Изелль также положила личное письмо к Бергону, которое Кэсерил отдал принцу нераспечатанным. Бергон не стал рассказывать Кэсерилу о содержании письма, но, сидя в душной комнате постоялого двора и расшифровывая письмо с помощью Ордола, периодически улыбался.

В пакете находилось и письмо от провинкары, весьма ободряющего характера. Она писала, что Изелль получила обещания в поддержке от своего дяди, правящего провинкара Баосии, а также еще от трех провинкаров. То есть, когда Бергон доберется до Валенды, его будет кому защитить.

Кэсерил показал это письмо принцу, и тот одобрительно кивнул:

— Отлично! Двигаемся дальше.

Правда, время от времени им приходилось уточнять свои планы. Так, путешественники, шедшие с верхнего перевала им навстречу, сообщили, что тамошний проход завален снегом, и Кэсерилу пришлось воспользоваться картой и своими воспоминаниями, чтобы отправиться в обход — к более высокому, но свободному от снежных заносов, перевалу. Переход прошел в целом успешно, но две лошади потянули связки, а марча ди Суда, который говорил, что на палубе корабля чувствует себя гораздо увереннее, чем

в седле, при подходе к перевалу неожиданно вывернуло наизнанку.

Вся компания остановилась и спешилась. Кэсерил, Бергон и Ферда принялись обсуждать, что им делать, в то время как смущенный ди Суд бормотал извинения и слабым голосом протестовал.

— Может, нам следует остановиться и разжечь костер, чтобы его согреть? — предложил принц, глядя на пустынные горные склоны.

Кэсерил, который и сам чувствовал себя не лучшим образом, ответил:

— Его явно лихорадит, но температуры нет. Он вырос на морском берегу. Поэтому то, что с ним происходит, — не результат заражения. Это слабость, которая на большой высоте может овладеть людьми, привыкшими жить в низинах. Думаю, ему станет лучше, когда мы покинем этот дикий горный массив и спустимся вниз.

Ферда, искоса глядя на Кэсерила, спросил:

— А как вы себя чувствуете, милорд?

Озабоченно посмотрел на него и Бергон.

— Как бы я себя ни чувствовал, выхода нет, и нужно идти вперед, — ответил Кэсерил.

И, вновь забравшись на лошадей, они двинулись дальше. Бергон, когда позволяла ширина тропинки, держался ближе к ди Суду; тот же,

с лицом, выражающим упорную решимость, вцепился в седло, словно поставил себе целью не расставаться с ним до конца жизни. Наконец через полчаса Фойкс издал восторженный крик и показал на кучку камней, которая отмечала границу Ибры и Шалиона. Путешественники оживились и на минуту остановились, чтобы добавить к кучке и свои камни, после чего начали спуск, оказавшийся еще более крутым, чем был подъем. Ди Суду не становилось хуже, что убедило Кэсерила в верности поставленного им диагноза. Самому же Кэсерилу лучше не становилось, что, впрочем, его не смущало — иного он и не ожидал.

В полдень они спустились к основанию горы и вошли в густой сосновый лес. Воздух здесь был более густой, чем на перевале, и пронизанный ароматом сосен. Израненные камнями копыта лошадей чувствовали себя более уютно на мягкой лесной подстилке, а деревья заслоняли путешественников от пронизывающего ветра. Когда они повернули на лесной тропинке, Кэсерил услышал впереди приглушенный стук копыт и вскоре увидел всадника — первого человека, которого они встретили, спустившись в Шалион. Тот был один и не представлял, соответственно, никакой

опасности.

Всадник, седой человек с кустистыми бровями и окладистой бородой, одетый в потертую кожу, приветствовал Кэсерила и его спутников и, к их удивлению, преградил им путь на узкой тропинке.

— Я — комендант замка кастиллара ди Завара. Мы увидели вас, когда вы спускались в долину, и решили предупредить — надвигается буран. Мой лорд приглашает вас в свой замок переждать непогоду.

Ди Тагилль радостно улыбнулся — ему явно по душе были шалионские традиции гостеприимства. Бергон же, притормозив, поравнялся с Кэсерилом и тихо спросил:

— Вы думаете, нам следует воспользоваться приглашением?

— Я не уверен…

Кэсерил пытался вспомнить, слышал ли он когда-нибудь что-либо о кастилларе ди Заваре.

Бергон глянул на своего друга ди Суда, который клонился к луке седла, и сказал:

— Хотелось бы поместить его под крышу. Мы вооружены, нас много.

Кэсерил размышлял вслух:

— Буран нас серьезно притормозит, к тому же

мы можем сбиться с пути.

Седой всадник между тем продолжил:

— Решайте сами, джентльмены, но, поскольку в мои обязанности входит еще и собирать здесь по канавам тела, что я делаю каждую весну, то я бы воспринял согласие принять мое предложение как вашу личную мне услугу. Буран продлится до середины завтрашнего дня, как я полагаю.

— Я рад, что нам удалось пройти перевал до того, как все началось, — сказал Бергон. И, обратившись к всаднику, сказал: — Мы с благодарностью принимаем предложение вашего лорда.

Тот кивнул и направил коня по тропинке назад. Через милю он повернул налево, где сузившаяся тропинка, петляя, повела путников через густой сосновый лес. Они спустились в лощину, после чего стали вновь подниматься на холм. За деревьями Кэсерил услышал вороний гомон, который пробудил в нем приятные воспоминания.

Из сосновой чащи тропинка вывела их к скалистому уступу горы, на вершине которой стояла полуразрушенная крепость из необработанного местного камня. Из трубы приветливо вился дымок.

Проехав под каменной аркой ворот, путники оказались во дворе, вымощенном плиткой. От-

сюда можно было пройти в конюшню, а также в главный зал, находящийся за портиком, сооруженном из толстых бревен. Инструменты, старые бочки и всяческий хлам лежали навалом по углам двора. На стенах конюшни были развешаны оленьи шкуры. Из портика, чтобы помочь приезжим с их лошадьми и мулами, подтянулись люди — с виду не то слуги, не то грумы, не то стражники. Но не они, а нечто иное встревожило Кэсерила. Он увидел то, от чего у него перехватило дыхание, — с полудюжину привидений, которые клубились над двором.

Привидения только недавно расстались со своими телами — это Кэсерил определил по еще довольно четким силуэтам, которые повторяли контуры их прижизненных форм. Это были трое мужчин, женщина и плачущий мальчик. Женщина-привидение указывала дымчатой рукой на седого человека. Белый огонь струился из ее рта — молчаливые крики.

Кэсерил осадил коня и, поравнявшись с Бергоном, склонился к нему и прошептал:

— Это ловушка. Приготовьте оружие и передайте остальным.

Бергон передал команду ди Тагиллю, который прошептал то же самое сопровождавшим их

двоим грумам. Кэсерил, демонстрируя улыбку, подъехал к Фойксу и, прикрыв рот ладонью, как это делают, когда рассказывают шутку, не предназначающуюся для чужих ушей, сказал ему то же самое. Фойкс рассмеялся и, стрельнув глазами вдоль двора, оценивая шансы, склонился к брату.

Шансы были бы совсем неплохие, если бы не поджарый тип, который стоял на крыльце рядом с воротами. В руках он держал взведенный арбалет. Кэсерил вновь подъехал к Бергону, расположив себя как раз между принцем и арбалетчиком, и сказал:

— Берегитесь того типа на крыльце. Если что, ныряйте под мула.

Привидения сновали по двору, указывая на места, где за бочками, в тени стен и, очевидно, за дверями прячутся еще люди. Кэсерилу пришлось заново пересчитать шансы. Самозваный комендант кивнул одному из своих людей, и тот захлопнул ворота за спинами прибывших. Кэсерил изогнулся в седле и засунул руку в седельную сумку. Пальцы его коснулись шелка и нащупали гладкий холод жемчужин. Он не стал закладывать дар Дондо в Загосуре из-за невыгодной цены — жемчуг редко стоит дорого в тех местах, где его

добывают. Выхватив жемчуга из сумки, он широким жестом показал нитку глядящим на него членам шайки, после чего принялся раскручивать ее над головой. Когда украшение, со свистом рассекая воздух, превратилось в один сверкающий круг, он большим пальцем руки расстегнул замок. Жемчужины, подхваченные центробежной силой, одна за другой стали срываться с нитки и, подскакивая на каменной плитке, разлетелись по всему двору. Ошарашенные бандиты заорали и со смехом бросились их поднимать.

— Вперед! — крикнул Кэсерил.

Седой главарь банды, который, вероятно, тоже собирался отдать команду о нападении, опешил. Люди Кэсерила первыми выхватили оружие и бросились на не ожидавших нападения врагов. Кэсерил уклонился за мгновение до того, как пущенная из арбалета стрела ударила в его седло. Конь его прянул назад и тут же бросился вперед, а Кэсерил выхватил свой меч.

Фойкс, умница, успел изготовить свой арбалет еще до того, как началась всеобщая суета. Одно из привидений скользнуло рядом с Кэсерилом и указало на неясную тень, прячущуюся за карнизом портика. Похлопав Фойкса по руке, Кэсерил крикнул:

— Там, наверху!

И показал цель.

Фойкс взвел механизм арбалета и, резко обернувшись, выстрелил — как раз в тот момент, когда второй арбалетчик бандитов выскочил и вскинул оружие. Кэсерил был готов поклясться, что привидение пытается направить стрелу в цель. И действительно, пущенная Фойксом стрела поразила врага в правый глаз, убив его на месте. Фойкс, пригнувшись, принялся перезаряжать арбалет.

Кэсерил резко обернулся в поисках цели и тут же заметил врага, который искал его самого. Из главной двери крепости с обнаженным мечом к Кэсерилу мчалась странным образом знакомая фигура, в которой он опознал сэра ди Жоала, стременного ди Джиронала, с которым у них вышла стычка в Кардегоссе. Кэсерил вскинул меч и отразил первый яростный удар противника. И тут же его живот скрутило, боль пронзила внутренности, но он преодолел ее, и противники закружились друг против друга, ища наиболее выгодной позиции.

Ди Жоал нанес очередной удар.

Новый приступ боли лишил Кэсерила сил, едва не заставив согнуться. Он не без труда отбил

атаку врага; о контратаке не могло быть и речи. И вдруг краем глаза он увидел между собой и ди Жоалом привидение, бывшее когда-то женщиной. То ли она скользнула вниз, под башмак ди Жоала, то ли там случайно оказалась жемчужина, а может, жемчужина и привидение каким-то странным образом оказались там вместе, но ди Жоал неожиданно для Кэсерила и самого себя споткнулся, нелепо взмахнул руками и упал вперед, горлом наткнувшись на меч Кэсерила, который, прорезав ему мягкие ткани, застрял в костях верхнего отдела позвоночника.

Словно удар молота поразил Кэсерила. Не только живот, но и все тело свело судорогой. Все расплылось в глазах и потемнело. С превеликим трудом сохраняя сознание, Кэсерил услышал, как внутри его торжествующе завопил Дондо. Демон смерти поднялся из глубин его существа, словно огонь, беспощадный и неумолимый. Кэсерил забился в конвульсиях, и его вывернуло наизнанку. Меч судорожно дергался в его руке, направо и налево, разрывая кровеносные сосуды на шее ди Жоана; тот упал в лужу собственной крови и, несколько раз содрогнувшись, затих.

Придя в себя, Кэсерил обнаружил, что стоит на коленях на холодных как лед плитках, а его вы-

павший из руки меч лежит рядом все еще слабо звенит. Он был так слаб и так сильно дрожал, что не мог встать. Сплюнув горьковатую слюну, он посмотрел на кончик своего меча, на котором дымилась, чернея, кровь ди Жоала. Новый приступ тошноты пронзил распухшее, пульсирующее болью чрево Кэсерила.

Внутри его Дондо вопил от бессильной ярости, но постепенно его заставили замолчать. Демон вернулся назад и устроился на старом месте, словно кот, поджидающий добычу, — внимательный и напряженный. Кэсерил сжал и разжал кулак, чтобы удостовериться, что все еще владеет своим телом.

Итак, получается, что демон Бастарда не очень привередлив относительно того, чьи души заполнят его ведра — лишь бы этих душ было две. Душа Кэсерила и душа Дондо. Или душа Кэсерила и какого-то другого убийцы… или жертвы. В сложившихся обстоятельствах эти детали вряд ли хоть что-нибудь значили. А Дондо явно хотел прицепиться к его телу в тот момент, когда его душу заберет Бастард. Воплотиться. Стать собственником материальной субстанции. Значит, цели демона и цели Дондо слегка, так сказать, разнились. Демону хватило бы, если бы Кэсерил

просто умер, Дондо же жаждал убийства, причем жестокого.

Соскользнув на холодные камни, чувствуя, как слезы стекают с уголков его глаз, Кэсерил вдруг осознал, что шум сражения затих. Чья-то рука тронула его за локоть, и он слабо дернулся. Раздался обеспокоенный голос Фойкса.

— Милорд, вы ранены? — спросил тот.

— Нет! — ответил он хриплым голосом. — По крайней мере, если и ранен, то не железом.

Протянув руку к мечу, он тут же отдернул ее — металл был словно раскален. С другой стороны подошел Ферда, и братья поставили Кэсерила на ноги. Он кое-как стоял, но его трясло.

— Вы правда в порядке? — спросил Ферда. — А то темноволосая леди в Кардегоссе пообещала нам, что принцесса оторвет нам уши, если с вами что-то случится.

— Точно! — весело подхватил Фойкс. — А наши шкуры натянет на барабаны.

— Ну что ж, — покачал головой Кэсерил, — шкурам вашим пока ничто не угрожает.

Он протер все еще слезящиеся глаза и огляделся. Принадлежащий их компании грум, держа меч наготове, стоял над лежащими ничком, с руками на затылке, сдавшимися и обезоруженными бан-

дитами. Пленных было с полдюжины. Еще трое раненых, окровавленные и горестно стонущие, сидели, прислонившись к стене конюшни. Еще один слуга тащил тело мертвого арбалетчика.

Кэсерил смотрел на тело поверженного ди Жоала. Во время их скоротечного контакта они не сказали друг другу ни единого слова. Кэсерилу было жаль, что подручный ди Джиронала убит. Его присутствие в полуразрушенной крепости, среди бандитов, говорило о многом, но ничего не подтверждало. Действовал ли он по наущению ди Джиронала или же все делал самостоятельно?

— Где их главарь? — спросил Кэсерил. — Я хочу задать ему один вопрос.

— Он там, — махнул Фойкс в сторону, — но боюсь, он уже не ответит.

Бергон только что закончил осмотр бездыханного тела. Увы, это был как раз тот седой мужчина, что привел их сюда.

Ферда сказал извиняющимся тоном:

— Он сражался яростно и не хотел сдаваться. Ранил наших двух грумов, и Фойксу пришлось снять его из арбалета.

— Вы полагаете, он действительно был комендантом замка, милорд? — спросил Фойкс.

— Нет, конечно!

Бергон с мечом в руке подошел к Кэсерилу и, внимательно осмотрев его, спросил:

— Что делаем дальше, Кэс?

Кэсерил не ответил. Привидение-женщина жестами звала его в сторону ворот. Одно из привидений-мужчин, напротив, показывало на главную дверь.

— Сейчас, иду… — сказал Кэсерил.

— Что? — непонимающе переспросил Бергон.

Кэсерил оторвал взгляд от того, что было явлено лишь его внутреннему взору.

— Так! — произнес он, кивнув в сторону пленных. — Этих запереть в конюшне и приставить охрану. И здоровых, и раненых вместе. Потом разберемся. Несколько человек пусть обыщут дом. Вдруг так еще кто-то прячется… Или что-то…

Он вновь взглянул на ворота, возле которых висело в воздухе привидение-женщина, жестами предлагающая ему следовать за ней.

— Фойкс, — сказал Кэсерил, — приготовьте свой арбалет и идемте со мной.

— Может, возьмем еще людей? — предложил Фойкс.

— Да нет, не стоит…

Оставив Бергона и Ферду заниматься осмотром крепости, Кэсерил пошел вслед за призраком.

Фойкс последовал за ним, с удивлением глядя, как Кэсерил, ни мгновения не колеблясь, уверенно устремился по незнакомой тропинке в чащу. По мере их движения в глубь леса крики ворон становились громче. Кэсерил приготовился. Тропинка вывела их на край глубокого оврага.

— О, Бастард! — прошептал Фойкс. Опустив арбалет, он поочередно тронул вся пять ключевых точек на своем теле — лоб, губы, живот, пах, сердце…

Они нашли тела.

Тела были брошены поверх кучи мусора и отходов из кухни и конюшни, которые скопились здесь за долгие годы. Один молодой мужчина, двое постарше. В сельской местности трудно отличить хозяина от работника — и те, и другие носят простую рабочую одежду из кожи и шерстяные плащи. Женщина, средних лет, пухленькая и, очевидно, миловидная, была раздета — как и мальчик лет пяти. Оба тела были изуродованы; над обоими надругались. Умерли, если судить по следам, оставленным на телах воронами, день назад. Женщина-призрак молчаливо плакала, призрак-ребенок приник к ней и вопил. Нет, Боги не отвергали их души! Чтобы погибшие создания нашли успокоение, необходим соответствующий

ритуал.

Кэсерил упал на колени и прошептал:

— Госпожа! Если я жив и нахожусь здесь, в этом месте, ты, конечно же, здесь, со мной! Прошу тебя, принеси успокоение этим несчастным душам!

Лица призраков вдруг изменились — на смену горю и печали пришли удивление и радость. Привидения вдруг слились в единое пушистое облачко и, словно туман под солнечными лучами, исчезли.

Через минуту Кэсерил попросил слабым голосом:

— Помогите подняться, прошу вас.

Озадаченный Фойкс подхватил Кэсерила под локоть и помог встать. Вместе они вновь вышли на тропинку.

— Милорд! Других искать будем? — спросил Фойкс.

— Нет. Здесь никого больше нет, — ответил Кэсерил.

Не говоря ни слова, Фойкс двинулся за ним.

Войдя во дворик крепости, они встретили Ферду и одного из грумов, которые только что вышли из главного входа в крепость.

— Нашли кого-нибудь еще? — спросил Кэсерил.

— Нет, милорд!

Тем не менее у дверей по-прежнему висел призрак молодого мужчины, хотя от его формы, словно ленты, отрывались полосы туманной субстанции и уносились прочь. Он отчаянно жестикулировал. Какая необходимость заставила это привидение отказаться от следования за Госпожой и задержаться в этом ужасном мире?

— Я иду, — сказал Кэсерил привидению и двинулся в дом.

Призрак вел его. Кэсерил кивнул Ферде и Фойксу, которые с беспокойством во взоре посмотрели на него, но пошли следом. Пройдя через главный зал, они вышли к галерее, после чего, миновав кухню, оказались в каменной кладовой.

— Здесь смотрели? — спросил братьев Кэсерил.

— Да, милорд! — ответил Ферда.

— Зажгите еще свечей! — попросил Кэсерил, глядя на призрак, который кружил по комнате, все сокращая диаметр своих кругов, пока не завис в одной точке.

— Отодвиньте эти бочки! — приказал Кэсерил.

Фойкс откатил бочки в сторону, Ферда принес из кухни сальных свечей, и в их ярком свете Кэсерил увидел в полу каменную плиту с вделанным в нее железным кольцом. Фойкс взялся за кольцо

и, напрягшись, сдвинул плиту в сторону. В открывшемся проеме видны были узкие ступеньки, а дальше — темнота!

Оттуда, однако, донеслись слабые голоса.

Призрак, приведший их, приник к Кэсерилу, словно пытался поцеловать его лоб, руки и ноги, после чего исчез в вечности. Неяркая голубая искра, подобная звучному музыкальному аккорду, ставшему видимым, сверкнула перед внутренним взором Кэсерила и исчезла. Ферда, со свечой в одной руке и мечом в другой, принялся спускаться вниз, в темноту.

Радостные крики поднялись из темноты, из глубин подвала. Через несколько минут на поверхности появился Ферда, который поддерживал растрепанного грузного старика с лицом, покрытым ссадинами и синяками, еле-еле ковылявшего на трясущихся ногах. Вслед за ним поднялось еще с десяток плачущих от радости людей.

Освобожденные буквально утопили Фойкса и Ферду в своих рассказах и одновременно вопросах. Кэсерил, облокотившись на высокую бочку, на основе того, что услышал, выстроил картинку произошедшего с этими людьми. Грузный старик действительно был кастилларом ди Заваром, по-

жилая, едва не обезумевшая от страха женщина — его женой, а двое молодых людей, юноша и девушка, — их детьми. Слава Богам, бандиты пожалели девушку! Остальные люди были слугами, а также теми, кто зависел от кастиллара.

Ди Жоал со своим отрядом явился в крепость накануне. С виду они были простыми путешественниками, и только тогда, когда парочка приехавших попыталась изнасиловать повариху кастиллара, а ее муж и комендант крепости вступились за нее и хотели прогнать гостей, те выхватили оружие. Правду сказать, в обычаях кастиллара и его домочадцев было приглашать в крепость путников, которым угрожала непогода на перевале. Но никто из жителей крепости не опознал ни ди Жоала, ни его людей.

Старый кастиллар взволнованно схватил Ферду за рукав:

— Милорд! А где мой старший сын? Он жив? Вы его видели? Он бросился помочь коменданту крепости…

— Он был молодым человеком примерно такого возраста? — спросил Кэсерил и кивнул в сторону братьев ди Гура. — Одет, как и вы, в кожу и шерсть?

— Да!

Лицо старика застыло в напряженном ожидании известий.

— Сейчас он в руках Богов, и ему там хорошо, — сказал Кэсерил, и это было правдой.

Горестные крики стали ему ответом. Семья по ступеням поднялась в кухню, Кэсерил устало отправился следом. Им теперь предстоит убирать в доме, хоронить мертвых, заботиться о раненых.

— Милорд! — обратился к Кэсерилу Ферда, когда тот на минуту присел погреться к огню. — Вы уже бывали в этой крепости?

— Нет.

— Тогда каким образом вы нашли эту каменную плиту под бочками? Когда я заглянул в кладовую, я ничего не услышал. Эти люди умерли бы там, в темноте, от голода и жажды.

— Я думаю, люди ди Жоала им кое-что успели рассказать, — мрачно предположил Кэсерил. — Мне нужно хорошенечко их расспросить.

Выпущенные из-под стражи бандиты были рады поведать свою часть истории. Они представляли собой шайку всякого сброда, среди которых оказались бывшие солдаты, а также кое-кто из местных, решивших последовать ради легкой наживы за кустистыми бровями седого главаря. Тот и привел их к старой крепости обедневшего

кастиллара — с главной башни просматривалась вся дорога от перевала, и легко было вычислить путников побогаче для последующего их ограбления. Ди Жоал, едущий на ибранскую границу, нашел их и нанял в ближайшем городе, где они пробавлялись тем, что либо охраняли проезжих от грабителей, либо сами их грабили.

Бандиты знали только, что ди Жоал приехал сюда, чтобы подстеречь какого-то человека, который должен был пересечь горный перевал со стороны Ибры. Кем был человек, их нанявший, они не знали, но презирали его — и за его придворный наряд, и за манерничанье. Кэсерилу было ясно, что ди Жоал не управлял столь поспешно нанятыми им бандитами. Когда ссора по поводу поварихи перешла в вооруженную стычку, у него не оказалось ни физических сил, ни достаточного характера, чтобы прекратить ее, а также установить дисциплину и порядок до того, как дело приняло совсем скверный оборот.

Бергон, обеспокоенный тем, что узнал, отвел Кэсерила в сторону от места, где наспех проводилось расследование, и спросил:

— Кэс! Я что, навлек на этих бедных людей столько напастей?

— Нет, принц! Ясно, что ди Джиронал искал

лишь меня, хотел перехватить на моем обратном пути как курьера принцессы Изелль. Канцлер хотел удалить меня с моего поста секретаря принцессы, потом попытался тайком убить меня. Какая жалость, что я убил этого дурака! Я бы все отдал, лишь бы узнать, что известно ди Джиронолу и чего он не знает.

— А вы уверены, что именно канцлер устроил нам эту ловушку?

Кэсерил колебался.

— У ди Жоала была, конечно, личная на меня обида, но все знали, что я уехал в Валенду. Мой истинный маршрут ди Жоал мог узнать только от канцлера. Если исходить из всего этого, мы можем сказать, что у ди Джиронала в Ибре есть шпионы. Всего до конца о наших действительных целях он не знает, но, думаю, знает достаточно много. Ди Жоала собирали второпях, на всякий случай. Но из этого следует, что нам могут встретиться и другие эмиссары канцлера.

Бергон хмурился на небо, похлопывая убранным в ножны мечом по бедру. По мере наступления вечера небо прояснялось, покрытые соснами западные горы четкими темными силуэтами высились на фоне зеленого сияния; появились первые звезды. Да, рассказ седого главаря про

приближающийся буран был лишь приманкой, хотя идею ему мог подать и легкий снегопад, прошедший раньше.

— Луна почти полная, — сказал Бергон. — И все будет хорошо видно даже в полночь. Если мы будем ехать день и ночь, то сможем промахнуть эти местности до того, как ди Джиронал пришлет подкрепление.

Кэсерил кивнул.

— Пусть отправляет своих людей на охрану границы, которую мы уже перешли, — сказал он. — Отлично! Мне это нравится.

Бергон изучающе посмотрел на Кэсерила.

— Но вы… вы сможете ехать? — спросил он.

— Лучше уж ехать, чем драться.

Бергон согласно кивнул:

— Это так!

Кастиллар ди Завар, который за горечью утраты не забыл о благодарности, решил сделать для своих спасителей все, на что было способно его полуразоренное бандитами хозяйство. Бергон решил оставить на его попечение мулов, раненых грумов, а также захромавших лошадей,

чтобы те, поправившись, отправились в Валенду самостоятельно. Таким образом, их компания приобретала необходимую для быстрого продвижения легкость и мобильность. Ферда выбрал на конюшне самых быстрых лошадей и позаботился, чтобы их вычистили, накормили и перед выездом дали хорошенько отдохнуть. Марч ди Суд через несколько часов пребывания на равнине полностью пришел в себя и настаивал, чтобы ему позволили сопровождать принца. Ди Цембуэр, который в сражении сломал руку и получил несколько кровоточивших ран, решил остаться с грумами и багажом, чтобы подлечиться и помочь ди Завару.

Вынести решение по справедливому наказанию разбойников, к немалому облегчению Кэсерила, должны были сами их жертвы. Поскольку компания, предводительствуемая Бергоном и Кэсерилом, уезжала в полночь, утренняя казнь должна была быть проведена в их отсутствие. Кэсерил позволил людям из хозяйства кастиллара собрать разбросанный по двору жемчуг, а нитку с остатками жемчужин убрал в седельную сумку.

Как только луна поднялась над холмами, залив заснеженные долины серебристым светом, кавалькада выехала на дорогу. Теперь весь путь до

Валенды они пройдут, не сворачивая.

24

Так они прошли, только в обратном порядке, весь путь, который Кэсерил проделал из Валенды в Ибру. Двигаясь через Западный Шалион, путники меняли лошадей на деревенских станциях, принадлежащих ордену Дочери. На каждой остановке Кэсерил интересовался, не приходили ли очередные шифрованные сообщения от Изелль и нет ли из Валенды каких-нибудь новостей, чтобы он мог определиться с контурами тактической ситуации, в которой они вскоре окажутся. Он все более волновался из-за отсутствия писем. В соответствии с изначальным планом Изелль должна была жить в доме своей бабушки и матери под защитой гвардии провинкара Баосии, своего дяди. Кэсерил подозревал, что изначальный план был нарушен.

Не доезжая двадцати пяти миль до Валенды, они решили остановиться в деревне Пальма. Земли вокруг Пальмы представляли собой прекрасные пастбища, где люди из ордена Дочери выпасали и тренировали лошадей для Храма. Кэсерил был уверен, что в Пальме они найдут свежих лошадей. Он также молил Богов о свежих новостях.

Кэсерил не столько спешился, сколько медленно упал с лошади, неспособный пошевелить ни руками, ни ногами — словно все его тело было вырублено из единого куска дерева. Ферда с Фойксом вынуждены были подхватить его и провести под руки через широкий двор, вокруг которого стояли храмовые постройки, занимаемые орденом, в относительно уютную комнату, где в каменном камине горел яркий огонь. Стоящий в комнате широкий сосновый стол тут же был очищен от карточной игры, появился командир местного отряда ордена, который принялся служить гостям, переводя несколько недоуменный взгляд с ди Тагилля на ди Суда и с них — на Бергона, который, перейдя границу, в целях безопасности одевался грумом. Командир совершенно смутился и рассыпался в извинениях, когда принца представили, и отправил своего лейтенанта за едой и питьем

для знатных гостей.

Кэсерил устроился у стола. Как же хорошо сидеть в мягком кресле после жесткого седла — пусть даже никак не отпускает ощущение, что вся комната под тобой раскачивается из стороны в сторону! Он начал ненавидеть лошадей так же, как в свое время возненавидел море и корабли. Голова его, казалось, была набита шерстью, а тело… Наконец Кэсерил, после обмена обычным набором вежливых фраз, хрипло спросил командира:

— Какие у вас новости из Валенды? Есть ли письма от принцессы Изелль?

Ферда вложил в его руку стакан разбавленного вина, и Кэсерил залпом выпил половину.

Командир отряда понимающе кивнул и, поджав губы, проговорил:

— На прошлой неделе канцлер ввел в город еще тысячу своих людей. А еще тысяча стоит биваками на берегу реки. Они патрулируют местность вокруг, ищут вас. Дважды приходили и сюда. Канцлер крепко держит Валенду в своих руках.

— А разве у провинкара Баосии здесь нет людей?

— Есть, две роты, но что сделают две роты против двух тысяч солдат? Во время похорон принца

Тейдеса сражение не начинали, а после похорон уже не решились.

— Есть что-нибудь от марча ди Паллиара? — спросил Кэсерил.

— Были письма, — ответил командир. — А вот от принцессы ничего нет уже пять дней. Ходят слухи, что она больна и никого не принимает.

Глаза Бергона расширились от беспокойства. Кэсерил сощурился и потер больную голову.

— Больна? Изелль? Хотя может быть. Или же ее во всем строго контролирует ди Джиронал, и болезнь — это просто отговорка.

А что, если одно из его писем попало не в те руки? Он боялся, что принцессу придется похищать из Валенды или же освобождать силой. Предпочтительнее, конечно, первое. Но сможет ли она скакать на лошади, если нездорова?

В смятенном сознании Кэсерила возник безумный план: а не помочь ли Бергону тайком, ночью, пробраться в спальню Изелль по крышам и балконам, как это делают влюбленные в романах и поэмах? Ночь тайной любви поможет им разрушить проклятье, вернуть его энергию Богам, которые так неразумно ею распорядились. Но какое чудо им необходимо, чтобы превозмочь силы двухтысячной армии свежих солдат?

— А как Орико? Жив? — спросил он наконец.

— Насколько нам известно, да.

— Сегодня вечером мы уже ничего не будем делать, — сказал Кэсерил, понимая, что его усталый мозг не способен строить планы. — Завтра мы с Фердой и Фойксом пешком, замаскировавшись, отправимся в Валенду на разведку. Обещаю, что завтра вы меня не отличите от простого бродяги. Если мы поймем, что дороги в Валенду нам нет, отправимся в Тариун, к провинкару Баосии, и составим новый план.

— А вы способны ходить, милорд? — с волнением в голосе спросил Фойкс.

Прямо сейчас Кэсерил не был уверен, сможет ли он просто встать на ноги. Он беспомощно посмотрел на Фойкса, который после долгих дней в седле выглядел уставшим, но бодрым и был скорее розов лицом, чем сер. Молодость! Чего ж вы хотите?

— Завтра смогу, — ответил он и, потерев лоб, спросил: — А люди ди Джиронала понимают, что они выполняют роль не стражей порядка, а тюремщиков? Что их вовлекают в преступление — измену законной наследнице престола?

Командир откинулся на спинку своего кресла и, разглядывая собственные ладони, проговорил:

— Такими обвинениями обмениваются обе стороны — как снежками перебрасываются. Повсюду ходят слухи, что принцесса отправила своих людей в Ибру, чтобы вести переговоры по поводу брака с тамошним новым наследником.

Словно извиняясь, он поклонился в сторону Бергона.

Такова цена секретности в Шалионе! Кэсерил оценил возможности разного расклада сил. Если это Изелль и Орико против ди Джиронала, то это хорошо. А если Орико и ди Джиронал против Изелль, то весьма опасно.

— Эту новость воспринимают по-разному, — продолжал командир. — Дамы смотрят на Бергона благосклонно и видят во всей истории прежде всего романтическую подоплеку, поскольку о принце говорят, что он храбр и благороден. Более трезвые головы опасаются, что Изелль может обронить Шалион в лапы старого Лиса, потому что она слишком юна и неопытна.

Иными словами, *глупа и легкомысленна*! Этим трезвым головам придется многое переосмыслить. Губы Кэсерила сложились в ироничную усмешку.

— Нет, — пробормотал он. — Мы этого не делали.

Он вдруг понял, что разговаривает со своими коленями, при этом голова его упала на стол.

Где-то через минуту рядом с его ухом раздался голос Бергона, который тихо прошептал:

— Кэс! Вы спите?

— Ммм…

— Может быть, ляжете в постель, милорд? — предложил командир после минутного молчания.

— Ммм…

Он негромко застонал, когда сильные руки с обеих сторон подхватили его и поставили на ноги. Ферда и Фойкс куда-то повели его. Зачем? Стол был такой мягкий! Он ничего не ощутил, когда его положили в постель.

Кто-то тряс его за плечо.

Отвратительно радостный голос завопил прямо у него над ухом:

— Солнечный капитан! Немедленно встать и — на коня!

Он дернулся и ухватился за одеяло, попытался сесть, но у него ничего не вышло. Расклеив веки, он принялся моргать на горящую перед его кро-

ватью свечу. Наконец он узнал этот голос.

— Палли! Ты жив!

Он собирался крикнуть громко и радостно, но вышел какой-то скрип.

— Который час?

Он вновь попытался сесть, но смог лишь приподняться на локте. Осмотрелся. Судя по простецкому убранству, это была спальня в доме командира местного отряда ордена Дочери.

— До рассвета ровно час, — провозгласил Палли. — Мы скакали всю ночь. Изелль отправила меня, чтобы я тебя разыскал.

Он поднял свечу повыше. Рядом с ним с озабоченным лицом стоял Бергон. С другой стороны — Фойкс.

— Клянусь демонами Бастарда, Кэс, ты выглядишь как смерть, которую переехал полковой обоз!

— Да уж, представляю…

Он вновь упал на подушки. Палли здесь, и это хорошо! Он может переложить и Бергона, и все свои заботы на его широкие плечи и просто полежать. Полежать здесь в одиночестве и в тишине. И умереть с миром, отправившись вместе с Дондо прочь из этого мира.

— Отвези Бергона и всю нашу компанию к

Изелль. А меня оставь…

— Что? Чтобы тебя нашли патрули ди Джиронала? И не думай! Я слишком ценю свое будущее первого придворного. Изелль хочет, чтобы ты немедленно приехал к ней в Тариун.

— В Тариун? Не в Валенду? Она в безопасности?

На этот раз он решил не сдаваться. Выполз из-под одеяла и неимоверным усилием заставил себя встать. И тут же потерял сознание.

Черный туман перед глазами рассеялся, и он увидел Бергона, который удерживал его на краю кровати.

— Посиди-ка минутку с опущенной головой, — сказал Палли.

Кэсерил послушно наклонился, чувствуя, как болит его живот. Если Дондо и приходил к нему в гости этой ночью, то хозяина дома не было. Хотя, похоже, призрак довольно сильно дубасил ногами в дверь. Изнутри.

Бергон негромко сказал:

— Он ничего не ел с тех пор, как мы приехали. Сразу отключился, и мы положили его в постель.

— Понятно, — кивнул Палли и сделал знак Фойксу, который тотчас же выскользнул из комнаты.

— Тариун? — еще раз пробормотал Кэсерил, обращаясь к своим коленям.

— Ну да! Принцесса обвела вокруг пальца две тысячи солдат ди Джиронала! Ну, конечно, перед этим ее дядя ди Баосия вывел из Валенды всех своих людей и отправил домой, и эти идиоты позволили ему свободно уйти! Они думали, что он представляет для них опасность. Потом Изелль пять дней подряд отправлялась погулять верхом и скакала как бешеная. Причем ди Джиронал распорядился, чтобы рядом с ней всегда был эскорт его солдат. Ну и загоняла же она этих болванов! Принцесса же их убедила, что собирается удрать от них верхом! Поэтому, когда она и Бетрис отправились вместе со старушкой ди Хьюлтар погулять пешком, ее охранники легко отпустили их одних. А я ждал неподалеку с двумя оседланными лошадьми и двумя дамами — те переоделись в наряды принцессы и Бетрис, а потом вернулись в замок с леди ди Хьюлтар. А мы погнали по лесам и полям! Неплохо, да?

Палли довольно хмыкнул и продолжал:

— Старая провинкара все скрывала так долго, как было возможно. Всем говорила, что принцесса сидит в покоях своей матери. Думаю, канцлер и его люди все поняли, но принцесса уже была в

Тариуне со своим дядей, когда в Валенде только начали подозревать, что дело нечисто. Боги! Но эти девицы таки умеют гарцевать! Шестьдесят миль по пересеченной местности, ночью, при полной луне, и только одна смена лошадей!

— Девицы, ты сказал? Леди Бетрис — с принцессой? В безопасности?

— Ну да! Кода я оставил их, они щебетали как птички! И я подумал — какой же я старый!

Кэсерил скривился. Палли-то на целых пять лет моложе его. Хотя Бог с ним, с этим шутником!

— А как сэр ди Феррей? Провинкара? Леди Иста?

Палли нахмурился.

— Остались в Валенде. В заложниках. Но все они, как один, настаивали на том, чтобы девушки бежали к дяде принцессы.

— Понятно.

Фойкс принес между тем миску бобовой каши, горячей и ароматной, а Бергон помог Кэсерилу усесться на постели в подушках, чтобы поесть. Кэсерилу казалось, что сейчас он набьет желудок до отвала — так он был голоден, — но оказалось, что он способен проглотить лишь несколько ложек. Палли настаивал на отъезде в темноте, чтобы случайный соглядатай не смог определить

количества всадников, и Кэсерил, скрепя сердце, позволил Фойксу помочь ему одеться. Мысль о том, что ему вновь придется скакать на коне, Кэсерила ужасала.

Когда же он добрел, поддерживаемый Фойксом, до конюшни, то увидел, помимо дюжины солдат из отряда ордена Дочери, которые сопровождали Палли из Тариуна, конные носилки, закрепленные между двумя конями. Кэсерил, было, принялся возмущаться, но Бергон убедил его забраться в это средство передвижения, и кавалькада, тронувшись, растворилась в темноте. Ухабы и ямы, из которых состояла дорога, заставляли носилки раскачиваться и биться о бока лошадей, и уже через полчаса Кэсерил, с трудом подавив очередной приступ тошноты, попросил пощады, которая ему и была предоставлена в виде специально заранее подобранного спокойного иноходца, на которого тот и взгромоздился. Ухватившись за луку седла, он принялся раскачиваться в такт размеренному ходу лошади, которая несла его вокруг Валенды и оккупировавших ее окрестности патрулей.

Уже днем лошади вынесли их из холмистого леса на более широкую дорогу, и Палли поехал рядом с Кэсерилом, с любопытством глядя на него.

— Я слышал, ты творишь чудеса с мулами, — сказал он.

— Это не я, — ответил Кэсерил. — Это Богиня. Это у нее хорошие отношения с мулами.

— А еще говорят, что ты весьма крут с разбойниками.

— У нас была отличная, сильная компания, — произнес Кэсерил. — И мы были неплохо вооружены. Если бы не ди Жоал, разбойники на нас бы и не напали.

— Ди Жоал был одним из лучших мечей ди Джиронала. Фойкс сказал, что ты положил его за секунды.

— Это была ошибка. К тому же он споткнулся.

Палли усмехнулся:

— Только никому об этом не рассказывай! Знаем мы тебя! Видели в деле…

Некоторое время они ехали молча. Палли долго смотрел в пространство между ушами своего коня, словно хотел увидеть там нечто никогда никем не виденное, после чего сказал:

— Следовательно, мальчик, которого ты спас на рокнарийских галерах, был Бергоном?

— Да. Как оказалось, его похитили люди его старшего брата. Теперь я понимаю, почему ибранский флот так гнался за нами.

— А ты догадывался, кто он? Раньше или позже?

— Ни в малейшей мере. Как оказалось, у него было гораздо больше самообладания, чем я думал. Это истинно королевское качество, и оно ему пригодится, когда он войдет в возраст и силу.

Палли глянул вперед, на Бергона, ехавшего рядом с ди Судом, и вздохнул:

— Боги на нашей стороне! Можем ли мы с такой поддержкой потерпеть поражение?

Кэсерил горько усмехнулся:

— Можем.

Он подумал про Исту, про Умегата, про безъязыкого грума. Про смертоносные потоки зла, которые пытались поглотить и погубить его.

— И если мы потерпим поражение, поражение потерпят и Боги.

Похоже, эта мысль никогда не приходила ему в голову, тем более оформленная в таких выражениях.

По крайней мере, Изелль находилась в безопасности, защищенная армией своего дяди. Кроме того, как законная наследница престола, она должна будет привлечь на свою сторону многих и многих благородных людей, думающих о славе и чести. Они, включая Бергона, защитят Изелль

от врагов. Сложнее найти умных советников, которые защитят ее от друзей… А интересно, как все это скажется на судьбе Бетрис? Кэсерил посмотрел на Палли и спросил:

— У тебя была возможность поближе познакомиться с леди Бетрис, пока ты сопровождал принцессу в Валенду, да и в самой Валенде?

— О, да!

— Прекрасная девушка, ты не находишь? А с ее отцом, сэром ди Ферреем, ты говорил?

— О, да! В высшей степени достойный человек.

Говорит так, словно палку проглотил. Будто это не весельчак и храбрец Палли, которого все мы знаем!

— Вот и я… И я того же мнения!

— Леди Бетрис очень беспокоит судьба ее отца, — добавил Палли.

— Представляю себе! А его — ее судьба. Если… если все пойдет хорошо, Бетрис станет фавориткой новой королевы. Такой политический капитал — солиднее любых материальных, так сказать, видов приданого, ты не находишь? Если, конечно, у мужчины достаточно ума, чтобы это увидеть.

— Это уж точно!

— Она еще и умна, и энергична, — продолжил

Кэсерил.

— И с лошадью управляется мастерски, — проговорил Палли сухо.

Кэсерил сглотнул и произнес, стараясь говорить как можно более обыденным тоном:

— А ты не видишь ее в будущем марчессой ди Паллиар?

Палли изобразил на лице гримасу, смысл которой ускользнул от Кэсерила.

— Боюсь, мое сватовство ни к чему бы ни привело, — проговорил он после минутного молчания. — Думаю, у нее другой на уме. Если исходить из количества вопросов, которые она про него задает, и при каждом удобном случае.

— Вот как? И кто же это?

Кэсерил попытался, хотя и безуспешно, убедить себя в том, что это, допустим, ди Риналь или кто-то еще из кардегосских придворных… Все они легковесны, конечно. Мало кто из молодежи имел достаточно влияния или обладал достаточно крупным состоянием… Или умом, чтобы составить Бетрис приличную партию. Теперь, когда он всерьез об этом задумался, он понял, что ни один из молодых людей, крутившихся поблизости, не подходил Бетрис.

— Я обещал никому не рассказывать. Это сек-

рет, — ответил Палли. — Но ты сам сможешь спросить, когда приедем в Тариун.

Палли улыбнулся и послал своего коня вперед.

Кэсерил принялся обдумывать скрытый смысл улыбки Палли, вспомнил меховую шапку, лежащую в седельной сумке. *Любит ли тебя женщина, которую любишь ты?* В ответе на этот вопрос он не сомневался. Но было много чего, что могло обратить радость в печаль. *Слишком поздно! Слишком поздно! Слишком поздно!* В обмен на ее верность он мог подарить ей лишь горе и страдания, а его катафалк был бы чересчур жестким и узким ложем, чтобы стать им брачной постелью.

И тем не менее это была последняя нота счастья в симфонии смерти — как если бы он нашел последнего выжившего в разрушительном кораблекрушении моряка или отыскал нежную фиалку на поле, выжженном страшным пожаром. Что делать? Нужно каким-то образом помочь ей преодолеть эту привязанность! И изо всех сил сдерживать себя, чтобы не поощрять ее любви. А интересно, согласится ли она выйти замуж за Палли, если он выскажет эту просьбу в качестве последней просьбы умирающего?

В пятнадцати милях от Тариуна их встретил большой отряд баосийских гвардейцев. Они

привезли с собой ручные носилки и достаточное количество носильщиков. Сверх меры измотанный дорогой и своим недомоганием, Кэсерил не протестовал и позволил поместить себя на уютно разложенные подушки. Ему даже удалось пару часиков поспать под пуховым одеялом. Проснувшись, он принялся смотреть на зимний пейзаж, на который с запада постепенно наваливались вечерние сумерки.

Итак, он умирает. А все это не так уж и плохо, когда лежишь, не двигая ни рукой ни ногой! *Но прошу тебя, Богиня, дай мне возможность увидеть, что проклятие Шалиона более не довлеет над Изелль!* Это была хорошая работа. Любой, совершив такое, мог бы сказать: *Это была моя жизнь. Я сделал все, что мог, и с меня довольно!* Он не просил более ничего — лишь завершения того, что начал. Свадьба Изелль, уверенность в том, что Бетрис находится в полной безопасности — если Боги преподнесут ему это в качестве подарков, он сможет уйти из этой жизни вполне довольным. *Я устал!*

Через час после захода солнца кавалькада

въехала в ворота Тариуна, столицы Баосии, резиденции провинкара. Любопытные горожане высыпали на улицы, шли параллельно процессии, забирались на балконы и балюстрады домов, чтобы с высоты обозревать всю картину. Женщины бросали сверху букетики цветов, которые Бергон и его спутники ловко подхватывали на лету, возвращая в качестве ответа воздушные поцелуи. После прохода колонны в воздухе еще долго шелестело восторженное перешептывание, особенно на балконах. Недалеко от центра города Бергон и его друзья, сопровождаемые Палли, отделились от общей процессии и направились ко дворцу богатого и знатного марча ди Хуэста, бывшего одним из самых влиятельных сторонников провинкара и одновременно его шурином. Гвардейцы перенесли носилки с Кэсерилом в новый дворец самого провинкара, который был воздвигнут недалеко от старой крепости, изрядно покосившейся и утратившей былой грозный вид.

Крепко держа в руках седельные сумки, в которых было надежно спрятано будущее двух королевств, Кэсерил вслед за комендантом баосийского замка прошел в тепло нагретую спальню. В свете многочисленных восковых све-

чей Кэсерил увидел слуг-мужчин, стоящих подле ванны, наполненной горячей водой, с полотенцами, мылом, ножницами и фиалами, в которых всеми цветами радуги сияли ароматные духи. Еще один слуга держал поднос с белым сыром, фруктовыми пирожными и горячим травяным чаем. Некто взял на себя заботу о гардеробе Кэсерила, и на постели он увидел разложенные одежды придворного — от свежего нижнего белья до парчи и бархата верхней одежды. Все венчал инкрустированный серебром и аметистами пояс. Всего двадцать минут потребовалось Кэсерилу, чтобы из дорожного бродяги превратиться в щегольски одетого придворного лорда.

Из запачканных дорожной грязью седельных сумок он извлек пакет документов, завернутых в шелк, а потом в клеенку, и посмотрел, нет ли на нем пятен грязи или крови. Развернул клеенку и сунул шелковый сверток под мышку. Комендант провел Кэсерила через двор, где рабочие клали последние метры плитки, в соседнее здание. Там, пройдя через анфиладу просторных комнат, Кэсерил оказался в большом, выложенном разноцветной плиткой зале, стены которого были увешаны гобеленами и коврами. Освещался зал высокими, в человеческий рост, канделябрами,

каждый из которых в своих изящно выделанных лапах держал по пять свечей. Изелль сидела у дальней стены в компании Бетрис и провинкара. Все они были в траурных нарядах.

Кэсерил вошел, и все подняли ему навстречу глаза — женщины с радостью, а пожилой провинкар — с осторожной сдержанностью. Дядя Изелль был отдаленно похож на свою младшую сестру, королеву Исту, хотя был скорее грузен, чем хрупок. Столь же невысокого роста, с таким же, как у Исты, цветом волос, тронутых сединой. Рядом, чуть позади провинкара стояли его секретарь, толстяк средних лет, и, в пятицветном плаще, архиепископ Тариуна. Кэсерил с надеждой вглядывался в служителя Храма, надеясь увидеть вокруг него золотое сияние, но, к сожалению, ничего не заметил.

Темное облако все еще окутывало Изелль, хотя было оно значительно меньше, чем прежде, и тоньше. *Скоро оно совсем исчезнет, с благословения Богини!*

— Добро пожаловать домой, кастиллар! — произнесла Изелль. Тепло ее голоса было подобно ласковому поглаживанию руки, хотя то, что она использовала его титул, а не имя, явилось знаком скрытого предупреждения.

Кэсерил приложился ладонью к сакральным точкам тела и произнес:

— С благословения пяти Богов, все прошло удачно, принцесса!

— Договор с вами? — спросил провинкар, глядя на пакет, который Кэсерил держал по-прежнему под мышкой. Он протянул руку и произнес: — Нам пришлось изрядно поволноваться по поводу этих документов.

Кэсерил улыбнулся и, пройдя мимо него, опустился перед Изелль на одно колено, постаравшись не застонать от боли и не показать, насколько он неуклюж. Прикоснувшись губами к ее протянутым рукам, он вложил в них привезенные бумаги и произнес:

— Все исполнено, как вы приказали.

Ее глаза просияли.

— Благодарю вас, Кэсерил, — сказала она и, посмотрев на секретаря своего дяди, попросила: — Принесите кресло для моего посланника. Он ехал долго, преодолел множество препятствий и совсем не отдыхал.

И принялась разворачивать шелк.

Секретарь принес кресло с набитыми шерстью подушками. Кэсерил несколько натянуто улыбнулся, поблагодарил и начал обдумывать, как

бы ему подняться, не выказав неловкости. Но неловкость все же случилась — Бетрис, склонившись к нему, взяла его за локоть; архиепископ сделал то же самое, но с другой стороны, и вдвоем они помогли Кэсерилу встать и сесть в кресло. Черные глаза Бетрис бегло пробежались по его фигуре, задержавшись на долю секунды на средней части, несколько увеличенной из-за опухоли, но его обеспокоенный взгляд она встретила ободряющей улыбкой.

Изелль читала брачный договор, отвлекшись на мгновение, чтобы улыбнуться Кэсерилу, когда тот уселся в кресло. Он ждал и наблюдал. Прочитав очередную страницу, она передавала заполненный каллиграфическим почерком пергамент своему дяде, который тут же склонялся над ним и, прочитав страницу, немедленно передавал архиепископу. Секретарь был последним в этой очереди читателей, но от этого — не менее внимательным и аккуратным. Прочитав страницу, он прикладывал ее к другим в том же порядке, в каком они были написаны.

Сложив ладони, ди Баосия смотрел, как архиепископ скользит глазами по последней странице. Наконец он передал пергамент секретарю.

— Ну? — спросил его провинкар.

— Нет, она не потеряла Шалион! — произнес он и вскинул открытые ладони в благодарственном жесте. — Зато приобрела Ибру! Мои поздравления, принцесса! Вам и вашему посланнику!

— И всем нам! — провозгласил провинкар. Все трое мужчин излучали чистую радость.

Кэсерил откашлялся.

— Все так, — сказал он, — но я просил бы вас не говорить об этом в таких словах принцу Бергону. Договор дарует преимущества обеим сторонам.

Он посмотрел на секретаря провинкара и добавил:

— Хотя, чтобы развеять страхи людей, можно было бы скопировать договор крупными, насколько возможно, буквами и вывесить на стене возле ворот вашего дворца, чтобы каждый смог прочитать.

Ди Баосия нахмурился; архиепископ же кивнул и сказал:

— Это мудро, кастиллар!

— И я была бы этому очень рада, — сказала негромко Изелль. — Прошу вас, дядя, сделайте, как советует лорд ди Кэсерил.

Не успел провинкар сказать и слова, как в зал влетел запыхавшийся паж, который подбежал к хозяину дворца, резко затормозил и почти

прокричал:

— Госпожа провинкара говорит, что к дворцу приближается со свитой принц Бергон, и вы должны присоединиться к ней, чтобы приветствовать его!

— Ну что ж, я пошел!

Провинкар вздохнул, встал и улыбнулся племяннице:

— Итак, сейчас мы приведем тебе твоего возлюбленного. И помни: он должен выказать тебе все знаки покорности и смирения: целование лба, целование рук, целование ног. Пусть все видят, что отныне Шалион станет управлять Иброй. Не поступись гордостью и честью своего рода. Мы не имеем права дать ему возвыситься над тобой. Как себя поставишь вначале, так все и пойдет. Не питай своею слабостью его самонадеянность.

Изелль нахмурилась. Кэсерил увидел, как тень вокруг нее сгущается, становится плотнее и больше.

Кэсерил выпрямился в своем кресле и, слегка покачав головой, бросил на принцессу обеспокоенный взгляд.

— Принц Бергон принадлежит к не менее гордому и славному роду, чем вы, принцесса. Кроме того, с ним прибыли его лорды.

Принцесса с минуту колебалась, после чего вскинула голову и произнесла голосом, в который вкрались стальные нотки:

— Я поступлю так, как считаю нужным, дядя, — сказала она. — Честь и гордость моего рода не подлежат сомнению, а потому не нуждаются в дополнительных знаках. Наше равенство утверждено этим договором.

Она показала провинкару на бумаги, которые держал его секретарь, и закончила:

— Мы обменяемся приветственными поцелуями, и этого будет довольно.

Темное облако вокруг принцессы просветлело и немного уменьшилось. Кэсерил испытал странную дрожь, словно какая-то хищная тень пролетела над его головой и исчезла.

— Осмотрительность, достойная похвалы, — с облегчением в голосе заметил он.

Паж, нетерпеливо пританцовывая, открыл дверь, и провинкар торопливо вышел.

— Лорд Кэсерил! Как прошло ваше путешествие? — спросила Бетрис, воспользовавшись паузой. — Вы выглядите таким… усталым.

— Верховая езда так утомляет… Но в целом все прошло хорошо.

Он поудобнее устроился в кресле и улыбнулся

Бетрис.

Ее темные брови изогнулись.

— Нужно будет позвать сюда Ферду и Фойкса, — сказала она. — Пусть расскажут побольше. Уверена, что не все было так гладко.

Кэсерил решил рассказать поподробнее.

— У нас возникли небольшие проблемы в горах, с разбойниками, — начал он. — Уверен, это все были дела ди Джиронала. Бергон показал себя с самой лучшей стороны. Старый Лис… С ним все оказалось проще, чем я ожидал. Не знаю, почему…

Он наклонился к девушкам и заговорил потише:

— Помните юношу, который плавал со мной на галере? Дэнни, мальчик из хорошей семьи?

Бетрис кивнула. Изелль же сказала:

— Такое трудно забыть!

— Я тогда и не представлял, насколько это хорошая семья. Дэнни — это другое имя Бергона. Он так себя называл на галерах, чтобы скрыть от рокнарийцев свое настоящее имя. Его похищение было делом рук старшего брата, который тогда был наследником старого Лиса. Бергон узнал меня, когда я приехал к королю Ибры. Он вырос и изменился так, что я не сразу понял, кто это.

Глаза Изелль удивленно расширились. Через мгновение она прошептала:

— Воистину, вас мне подарила сама Богиня!

— Согласен! — признал Кэсерил неохотно. — Я тоже пришел к такому заключению.

Принцесса обратила взор к двойным дверям на противоположной стене зала. В волнении она крепко сжала ладони.

— Как я его узнаю? — спросила она. — Он хорош собой?

— Я не знаю, как дамы оценивают такие вещи, но…

Двери распахнулись и вошла живописная группа: пажи, придворные, провинкар с женой, Бергон с друзьями и, в арьергарде — Палли. Ибранцам также предоставили удовольствия мыла и горячей воды, после чего они надели то лучшее, что привезли с собой, дополнив свои наряды, как Кэсерил был абсолютно уверен, тем, что им удалось одолжить во дворце провинкарова шурина. Бергон был в легкой панике, переводя глаза с Бетрис на Изелль и вновь на Бетрис, пока наконец не остановился на принцессе. Изелль же по очереди смотрела на трех ибранцев, явно озадаченная.

Высокий Палли, стоявший позади Бергона,

показал на него принцессе и беззвучно, одними губами, произнес:

— Вот этот!

Серые глаза принцессы засияли, а бледные щеки зарделись румянцем.

Протянув вперед руки, она произнесла слегка дрожащим голосом:

— Милорд Бергон ди Ибра! Добро пожаловать в Шалион!

— Моя госпожа Изелль ди Шалион! — отозвался Бергон, голос которого тоже слегка дрожал. — Ди Ибра благодарит вас!

Он опустился на одно колено и поцеловал руки принцессы. Та склонила голову и поцеловала руки принца.

Бергон встал и представил своих друзей. Те церемониально раскланялись. Слегка кряхтя, провинкар и архиепископ подтащили кресло для принца, которого усадили рядом с Изелль, по другую сторону от Кэсерила. Из кожаной сумки, которую держал ди Тагилль, было извлечено изумительное изумрудное ожерелье — одно из последних украшений, принадлежавших матери Бергона. Лис, тративший все, что было в государстве, на оружие, не успел его заложить, и Бергон преподнес ожерелье Изелль в качестве

подарка. Белые пони, к сожалению, не поспели к торжественной встрече. Собираясь в Шалион, Бергон хотел было взять длинную нить свежих ибранских жемчугов, но Кэсерил посоветовал ему не делать этого, и принц внял его совету.

Ди Баосия собрался произнести коротенькую приветственную речь, которая могла стать весьма длинной, если бы провинкара, поймав взгляд племянницы, не воспользовалась паузой, образовавшейся в речи провинкара, и не пригласила гостей перейти в соседнюю комнату, перекусить. Юную пару оставили на время одних, поговорить без свидетелей, и те, склонив головы, о чем-то шептались, не обращая внимания на любопытных, которые как бы случайно задержались в открытых дверях и поминутно оглядывались, пытаясь определить, как идут дела у молодых.

С того места возле стола, где оказался Кэсерил, ему были видны и отчасти даже слышны Изелль и ее жених, и он наблюдал за ними, время от времени откусывая кусочек пирожного, но еще чаще покусывая костяшки пальцев. Иногда голоса юной пары становились громче, после чего затихали; Бергон то и дело жестикулировал, а Изелль начинала смеяться. Иногда она затаивала дыхание и смотрела на принца широко откры-

тыми глазами, иногда, понизив голос, говорила что-то со всей откровенностью, и Бергон внимательно слушал, почти не отводя глаз от ее лица. Он посмотрел в сторону лишь дважды, глянув на Кэсерила, после чего юная парочка вновь зашепталась.

Леди Бетрис принесла Кэсерилу стакан разбавленного вина, кивнув в ответ на его благодарность. Он догадывался, кто прислал в его спальню слуг с горячей водой, одеждой и едой. Юная, гладкая кожа Бетрис золотом сияла в свете канделябров, в то время как строгая одежда и стянутые на затылок волосы придавали девушке вид неожиданно зрелой элегантности. Неуемная энергия, готовая обрести союз с властью и мудростью…

— Как там все было в Валенде, когда вы ее покидали? — спросил Кэсерил.

Серьезное выражение сменило улыбку на лице Бетрис.

— Напряженно, — ответила она. — Но мы надеемся, что теперь, когда Изелль оставила Валенду, там будет поспокойнее. Вряд ли ди Джиронал попытается причинить вред вдове и теще короля Иаса.

Кэсерил покачал головой.

— Не сразу, конечно, но может. В безвыходном, отчаянном положении — все становится возможным.

— Это правда! Но, по крайней мере, люди перестали гадать о возможном и невозможном.

Кэсерилу захотелось узнать подробности их ночного бегства, которое разом перевернуло стратегическую ситуацию в стране.

— Как вам удалось убежать? — спросил он.

— Ди Джиронал, вероятно, думал, что мы все будет прятаться в замке, испуганные его войском. Представьте себе, как все это сказалось на старой провинкаре! Изелль была под постоянным присмотром шпионок, а я — нет. Я брала Нан ди Врит, и мы шли в город, делали какие-то мелкие покупки и, главным образом, наблюдали. Люди канцлера ждали нападения извне и совершенно не обращали внимания на то, что делается внутри, а потому мы могли легко посещать Храм, где останавливался лорд ди Паллиар — якобы для того, чтобы помолиться за здоровье Орико.

— Мы стали на время жутко набожными! — сказала она, улыбаясь, и ямочки появились на ее щеках.

И тут же исчезли. Она продолжала:

— Потом провинкара получила известие, не

знаю уж, из каких источников, что канцлер отправляет своего младшего сына с отрядом в Валенду, и те должны спешно перевезти Изелль в Кардегосс, потому что Орико умирает. Что могло быть сущей правдой, но могло быть и поводом для ди Джиронала полностью взять принцессу под свой контроль. Поэтому у нас не было выхода, и мы сбежали.

К ним присоединился Палли, чуть позже — ди Баосия.

Кэсерил обратился к провинкару:

— Ваша мать написала мне о том, что другие провинкары готовы оказать вам поддержку. Они подтверждают эту готовность?

Ди Баосия перечислил имена людей, которым он отправил письма и от которых получил ответ. Список был не так велик, как того хотелось бы Кэсерилу.

— Но это лишь слова. Как насчет войска? — спросил он.

Ди Баосия пожал плечами и ответил:

— Двое из моих соседей обещали более материальную поддержку Изелль — если будет необходимость. Им совсем не нравится, что канцлер оккупировал один из моих городов. Третий же женат на одной из дочерей ди Джиронала и

пока молчит.

— Что вполне понятно, — кивнул Кэсерил. — А где сейчас ди Джиронал? Кто знает?

— Мы думаем, в Кардегоссе, — ответил Палли. — Орден Дочери все еще не имеет генерала. Ди Джиронал боится надолго оставлять столицу — вдруг в его отсутствие ди Яррин убедит Орико сделать генералом именно его! Сам Орико висит на ниточке, как мне тайно пишет ди Яррин. Впрочем, король, конечно, болен, но ума не лишился — он использует свою болезнь как повод не принимать решений, чтобы никого не обидеть.

— Как это на него похоже! — сказал Кэсерил, пощипывая бороду и глядя на провинкара. — А сколько солдат ордена Сына расположено в Тариуне?

— Рота! Не больше двух сотен, — ответил ди Баосия. — Здесь не такие сильные гарнизоны, как в Гвариде или других провинциях на границе с Рокнари.

Две сотни потенциальных врагов, и в стенах города!

Провинкар прочитал обеспокоенность во взгляде Кэсерила.

— Архиепископ поговорит сегодня вечером с их командиром, — сказал он. — Я думаю, текст

брачного договора убедит его, что наследница престола заботится о… о будущем Шалиона.

— И тем не менее они дали присягу, — негромко проговорил Палли. — Лучше не настаивать на том, чтобы они ее нарушили.

Кэсерил оценил расстояния и время, потребное на их преодоление.

— Думаю, известие о бегстве Изелль из Валенды уже достигло Кардегосса. А следом и новость о прибытии принца Бергона. Думаю, ди Джиронал понимает, что регентство, на которое он так надеялся, ускользает из его рук.

Ди Баосия в воодушевлении всплеснул руками:

— Уже ускользнуло! События развиваются гораздо стремительнее, чем он… любой мог предположить.

И он бросил на Кэсерила взгляд, полный уважения и благодарности.

— Лучше вести себя следующим образом, — проговорил Кэсерил. — Не стоит заставлять канцлера делать то, от чего он потом не сможет отказаться. Нельзя загонять его в ловушку, откуда не будет выхода. Нужно в любом случае дать ему шанс пойти на попятный.

Если две стороны, являющиеся, как известно,

жертвой проклятия, столкнутся друг с другом в пылу гражданской войны, они обе могут и проиграть, и случится то, чего хотел Золотой генерал; а он хотел падения и гибели Шалиона. Избежать кровопролития — вот главная победа, которую могут одержать стороны в гражданской войне. Несмотря на то что брак с Бергоном освободит Изелль от проклятия, Орико по-прежнему останется в его тени, а ди Джиронал будет делить с ним его судьбу… *Но что тогда произойдет с Истой?*

— Грубо говоря, — продолжил размышлять вслух Кэсерил, — многое зависит от того, когда умрет король. А он может протянуть еще долго.

Конечно, проклятие может навязать королю самую ужасную из судеб и катастрофы, суть которых никому не откроется, пока они не случатся. Зверинец Умегата отводил от короля многие неприятности, и не только те, что связаны со здоровьем.

— Глядя в будущее, мы должны предусмотреть, какие подачки бросить гордости и тщеславию ди Джиронала, — продолжал Кэсерил. — До возведения Изелль на престол и после.

— Я не думаю, что он удовлетворится подачками, — возразил Палли. — Все последние

десятилетия он был некоронованным королем Шалиона.

— Тем более можно быть уверенным, что он устал, — вздохнул Кэсерил. — Пару лакомых кусочков его сыновьям — вот он и смягчился! Верность семье — это его слабость, его слепая зона! Здесь он беспомощен.

А может быть, все это из-за проклятия, которое любую добродетель превращает в смертный грех?

— Можно его и потеснить, но нужно показать уважение к его семье, к его клану. Удалять зубы лучше не торопясь и без боли.

Кэсерил взглянул на Бетрис, которая внимательно слушала. Можно рассчитывать на то, что позже она передаст принцессе содержание разговора.

Наконец Изелль и Бергон поднялись со своих кресел. Изелль взяла принца под руку, и они вышли к хозяевам и гостям дворца, глядя друг на друга с величайшей приязнью и радостью. Правда, иногда казалось, что Изелль торжествует чуть больше, чем Кэсерилу хотелось бы, но он вполне удовлетворился, когда принц ободряюще кивнул ему: все в порядке!

— Наследная принцесса Шалиона… — провоз-

гласила Изелль и сделала паузу;

— …и наследный принц Ибры… — подхватил Бергон.

— …счастливы объявить, — продолжила Изелль, — что они произнесут свои брачные клятвы перед Богами, перед нашими благородными гостями из Ибры и перед жителями этого города…

— …в храме города Тариун в полдень послезавтра! — закончил Бергон.

Гости и хозяева встретили известие радостными возгласами. Кэсерил же принялся высчитывать, за сколько времени дошла бы до Тариуна колонна вражеского воинства. И ответом было: не успеют! Соединенные Богами, взаимно укрепившие свои силы, юные правители в дальнейшем смогут действовать в строгом согласии. Как только Изелль выйдет замуж и избавится от власти проклятия, время окажется на ее стороне. Каждый день под их знамена будут вставать новые бойцы. Кэсерил, почувствовав прилив сил, откинулся на спинку своего кресла и ехидно улыбнулся, посмотрев на свой слегка вспухший живот.

25

Во дворце, где кипели приготовления к торжеству, Кэсерил оказался единственным, кому было нечего делать. Изелль имела с собой лишь то, в чем приехала в Тариун, вся корреспонденция Кэсерила и книги оставались в ее покоях в Кардегоссе. Когда он попытался зайти к ней и спросить, чем ей помочь и что она может ему поручить, он обнаружил в ее комнатах огромную толпу взбудораженных женщин, посланных женой провинкара. Те носились по всем помещениям с ворохами всяческой одежды на руках.

Увидев Кэсерила, Изелль освободила голову от облака шелка, в которое погрузили ее портнихи, и, прочти задыхаясь, проговорила:

— Ради меня вы только что проехали больше восьмисот миль, Кэсерил. Отдыхайте!

Послушно вытянув руку, на которую портниха

примеряла рукав, она вдруг покачала головой и сказала:

— Нет! Работа все же есть! Составьте два письма, которые потом скопируют и размножат дядины клерки. Одно письмо — для всех провинкаров Шалиона, а второе — для всех архиепископов Храма. В письме объявите о моем замужестве. Пусть они прочитают это народу. Для вас это не составит особого труда. Когда у вас будут все семнадцать… нет, шестнадцать…

— Семнадцать, — уточнила жена провинкара, стоящая рядом. — Твоему дяде нужна копия для архива канцелярии. Стой смирно, а то уколешься!

— Когда письма скопируют, — продолжила Изелль, — отложите их, чтобы завтра после свадьбы мы с Бергоном могли их все подписать. А вы проследите, чтобы их тотчас же отправили.

Она скрепила свое распоряжение кивком головы — к недовольству служанки, которая пыталась надеть на нее ожерелье.

Кэсерил поклонился и вышел побыстрее, пока его не укололи булавкой. Оказавшись в галерее, он облокотился на перила и несколько минут постоял, просто наблюдая за тем, что происходит вокруг.

Денек выдался чудесный, и в воздухе явственно пахло приближающейся весной. Мягкий солнечный свет, льющийся с бело-голубого неба, заливал вымощенный плиткой двор, где садовники устанавливали вокруг только что запущенного фонтана цветущие апельсиновые деревья в кадках.

Кэсерил перехватил слугу и приказал принести и поставить прямо на солнце письменный стол и кресло помягче — те восемьсот миль, что он отмахал, не прошли бесследно для его ягодиц. Сев в кресло поудобнее и подставив лицо солнцу, Кэсерил принялся сочинять — абзац за абзацем, после чего склонился над бумагой и записал текст письма. Клерк канцелярии отнес написанное для копирования более красивым почерком, чем почерк Кэсерила, а он, отложив перо, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Он не открыл их даже тогда, когда услышал приближающиеся шаги. Наконец раздался легкий стук, и, посмотрев на источник звука, Кэсерил усидел поднос с чаем, кувшином молока, тарелкой сушеных фруктов и белым хлебом с орехами и медом. Поднос на стол поставил слуга, которого привела леди Бетрис. Отослав слугу, она сама налила Кэсерилу чая и, вложив в его

руку хороший кусок хлеба, устроилась на чаше фонтана, глядя, как он ест.

— Что-то вы опять осунулись. Все это время питались как попало? — сурово спросила она.

— Не помню. Посмотрите, какое чудесное солнце! Как хотелось бы, чтобы хорошая погода продлилась до завтра!

— Леди ди Баосия думает, что так и будет, хотя и подозревает, что на День Дочери пойдут дожди.

Запах цветов апельсинового дерева наполнил все пространство двора и смешался с запахом меда. Кэсерил выпил глоток чая, чтобы залить кусок хлеба, и заметил с удивлением:

— Через три дня будет ровно год с тех пор, как я вошел в замок Валенда. Я хотел стать помощником повара.

Ямочки на щеках Бетрис покрылись румянцем.

— Я помню! В первый раз мы увидели друг друга именно в День Дочери, за столом провинкары.

— Нет, я вас до этого уже видел. Вы въехали во двор замка на лошадях с Изелль и… и Тейдесом. И бедным ди Сандой.

Бетрис была обескуражена.

— Вот как? — произнесла она. — И где вы были? Я вас не видела.

— Я сидел на скамье у стены. А вы были слишком заняты — вас ругал отец за то, что вы так неосторожно гнали коня. Вот вы меня и не заметили!

— Вот как?

Бетрис вздохнула, потом провела ладонью по глади воды, после чего, нахмурившись, стряхнула с пальцев холодные капли. В воздухе, без сомнения, чувствовалось дыхание Весны, но вода все-таки принадлежала Зиме.

— Мне кажется, это было сто лет назад, — сказала она.

— А для меня это — мгновение, — отозвался Кэсерил. — Время теперь меня… обгоняет. Поэтому мне так трудно и дышать, и передвигаться.

И через минуту он спросил:

— Изелль уже сообщила своему дяде, что завтра мы попытаемся снять проклятье с рода Шалион?

— Нет, конечно! — ответила Бетрис и, увидев его недоуменно приподнятые брови, добавила:

— Изелль ведь дочь Исты. Если она начнет говорить об этом, все скажут, что она сошла с ума, как и ее мать. И воспользуются этим как поводом… все забрать. Ди Джиронал так и думал. Во время похорон Тейдеса он именно в таком духе комментировал все, что она делала, причем так, чтобы

его слышали лорды и провинкары, собравшиеся на похороны. Если Изелль плакала, он объявлял ее поведение чересчур экстравагантным, если улыбалась, то странным и несоответствующим случаю. Если принцесса что-то говорила, он объявлял ее несдержанной, а если молчала — излишне мрачной. Ближе к концу церемонии он произносил такие вещи даже в ее присутствии, надеясь, вероятно, что испугает ее и заставит взорваться, а потом объявит сварливой и не умеющей себя контролировать особой. Кроме того, он распространял и заведомую ложь. Хорошо, что мы с Нан ди Врит его раскусили и убедили Изелль сдерживаться в его присутствии.

— Она это умеет.

Бетрис кивнула и продолжила:

— Но когда стало известно, что люди канцлера собираются забрать ее в Кардегосс, у Изелль не осталось выбора, кроме как бежать из Валенды. Если бы Изелль попала в его власть, он мог бы сплести любую легенду о ее поведении, и никто бы не смог его опровергнуть. Объявил бы безумной и убедил всех провинкаров в необходимости своего бессрочного регентства. И прибрал бы все к рукам — даже не обнажив меча!

Бетрис вздохнула.

— Поэтому она и молчит о проклятии, — закончила она.

— Понятно, — кивнул он. — Быть осторожной — мудро. Боги желают, чтобы все это поскорее кончилось.

— Боги и кастиллар ди Кэсерил.

Кэсерил покачал головой и, отхлебнув чая, спросил:

— А когда ди Джиронал узнал, что я уехал в Ибру?

— Я не думаю, что он о чем-то догадывался до того, как кортеж прибыл в Валенду и вас нигде не нашел. Старая провинкара утверждает, что он получил несколько сообщений от своих ибранских шпионов. Я думаю, это частично объясняет то, что он дождался, пока в Валенду прибудут подчиняющиеся ему войска, и только потом вернулся в Кардегосс, чтобы помешать ди Яррину заручиться поддержкой Орико.

— Он послал убийц, чтобы те перехватили меня на границе. Думал, вероятно, что я буду один. Вряд ли он ждал, что я так быстро привезу Бергона.

— Да никто и не ждал! Кроме Изелль.

Бетрис разглаживала на колене ладонью черную ткань своего плаща, после чего подняла глаза и посмотрела на Кэсерила.

— Скажите, — произнесла она, — когда вы жертвовали собой, чтобы спасти Изелль, продумали ли вы то, как спастись самому?

Мгновение он молчал, после чего ответил просто и коротко:

— Нет.

— Это… это неправильно.

Избегая встретиться взглядом с глазами Бетрис, он принялся осматривать залитый солнечным светом двор.

— Мне нравится это новое здание, — сказал он. — И, знаете, здесь нет привидений.

— Вы сменили тему, — сказала Бетрис, нахмурившись. — Вы всегда так поступаете, когда не хотите о чем-то говорить. Я давно это поняла.

— Бетрис, — начал он мягко, — наши дороги разошлись в ту ночь, когда я призвал смерть на голову Дондо, и я не могу вернуться. Вы будете жить. А я — нет. Мы не можем быть вместе, даже если… Просто не можем!

— Вы не можете знать, сколько времени вам дано, — проговорила Бетрис. — Может быть, недели, а может, и месяцы. Но если даже Боги подарят нам всего один час, мы оскорбим Богов, если отвергнем их дар.

— Дело не в недостатке времени, — сказал он

горько. — Дело в избытке… участников. Подумайте. Мы не сможем остаться наедине. С нами будут еще и Дондо, и демон Бастарда! Я должен вызывать в вас ужас и отвращение — как вызываю ужас в самом себе!

Она посмотрела на его живот, после чего перевела взгляд на двор, где по-прежнему работали садовники. В глазах ее горела решительность.

— Я не думаю, что сидящие в вас духи и призраки меня остановят. Вы считаете меня недостаточно храброй?

— Да ни в коей мере!

Глянув на кончики своих башмаков, она тихо проговорила:

— Ради вас я готова штурмовать небеса. Если бы только знать, где они!

— А разве вы не читали книгу Ордола, когда помогали Изелль шифровать ее письма? Он утверждает, что Боги постоянно находятся рядом с нами и разделяет нас пространство не шире толщины тени. Чтобы мы могли добраться друг до друга, не требуется преодолевать никаких расстояний.

Я вижу их мир с того самого места, где сейчас нахожусь. Конечно, Ордол прав!

— Но, — продолжал он, — вы не можете заста-

вить Богов что-то сделать. Как и они не могут заставить нас.

— Вы опять за свое! Опять уходите от темы.

— Что вы завтра наденете? — спросил он. — Будет очень красиво! Вам нельзя затмевать невесту, вы помните?

Бетрис бросила на Кэсерила яростный взгляд.

Тем временем леди ди Баосия выглянула в галерею из покоев Изелль и задала Бетрис вопрос, который показался Кэсерилу слишком сложным, так как включал в себя названия огромного количества разнообразных тканей. Бетрис кивнула провинкаре и, неохотно поднявшись, отправилась к принцессе, резко бросив Кэсерилу через плечо:

— Может быть, вы и обречены. Но если завтра я свалюсь с лошади и сверну себе шею, вы будете чувствовать себя последним дураком.

— Больше, чем дураком, — прошептал он вслед шуршанию ее юбок. Яркий свет, заливающий двор, резал глаза и заставлял их слезиться. Пришлось их вытирать рукавом!

Утро следующего дня, как все и надеялись,

оказалось ясным и солнечным. Пропитанный запахом флердоранжа двор был до отказа заполнен нарядной публикой, когда Изелль в сопровождении провинкары и Бетрис появилась на вершине лестницы, ведущей в галерею. Кэсерил довольно прищурился — портнихи совершили настоящий подвиг, соорудив из шелков и сатина голубое чудо в тонах, идеально соответствующих сегодняшнему событию. Голубой плащ невесты был декорирован жемчугами, из которых были мастерски составлены фигурки маленьких леопардов. Когда Изелль во всем своем великолепии показалась на вершине лестницы и начала спускаться вниз, ее появление вызвало взрыв аплодисментов. В лучах утреннего солнца волосы принцессы выглядели как некое сокровище. Две девочки, кузины Изелль, несли за ней ее шлейф, повинуясь указаниям матери. Даже облако проклятья, казалось, решило взять на себя роль части свадебного наряда. *Недолго тебе еще здесь висеть…*

Кэсерил занял свое место возле провинкара Баосии, по сути, оказавшись во главе колонны, которая должна была пешком пройти по извилистым улочкам Тариуна к городскому Храму. Благодаря некоему заранее спланированному

чуду согласованности возглавляемая Бергоном процессия из дворца марча ди Хуэсты прибыла к портику Храма одновременно с прибытием невесты. Принц, как то соответствовало его полу и возрасту, был одет в красно-оранжевые тона, а выражение лица у него было такое, словно сейчас он легко мог бы взять приступом любой бастион. Чтобы ибранская сторона не чувствовала себя в подавляющем меньшинстве, в свите принца прибыли не только его друзья, но и Палли со своими молодыми кузенами, а также весь отряд Палли в соответствующих случаю придворных одеяниях. Несмотря на то что все происходило достаточно спешно, Кэсерил насчитал во дворе Храма около тысячи человек шалионской знати. Кроме того, по пути следования принца и принцессы в Храм на улицы высыпало все население Тариуна, и дух праздника царил в городе повсеместно.

Пестря разноцветными одеждами, две процессии, сойдясь у портика, двинулись в Храм. В Тариуне был замечательный хор, и певцы по случаю расстарались — звонкое пение заставило стены Храма дрожать и звенеть. Молодая пара, ведомая архиепископом тариунским, по очереди вошла во все приделы Храма, чтобы помолиться о благосклонности каждого из Богов и поблагода-

рить Сына и Дочь за то, что так хорошо помогли молодым на их жизненном пути, а Отца и Мать попросить о помощи в дальнейших делах и поступках.

По закону и традиции Бастард официально не участвовал в церемонии бракосочетания, но все благоразумные пары делали этому Богу подношение, чтобы умилостивить его и задобрить. Кэсерила и ди Тагилля выбрали на роль святых курьеров. Получив дары Бастарду от Изелль и Бергона, они, сопровождаемые небольшой группой поющих детей, отправились из главного нефа Храма в башню Бастарда, где, улыбаясь, у алтаря их уже ждал священник в белых одеждах.

Юная королевская пара была вынуждена пока обходиться тем, что им давали взаймы и на время — одежду, деньги, еду, кров, но Бергон решил не скупиться, и ди Тагилль водрузил на алтарь Бога увесистый мешочек с ибранским золотом. Изелль преподнесла Бастарду записанное собственноручно обещание починить башню Бастарда в Кардегоссе, когда она станет королевой. Кэсерил добавил подарок и от себя — тронутые пятнами крови остатки того самого жемчуга, что не достался разбойникам. Этот проклятый дар, как совершено справедливо рассудил Кэсерил, пол-

ностью соответствовал статусу Бога, и Кэсерил вздохнул с облегчением, когда от него избавился.

Возвращаясь из башни Бастарда позади немного смешавшейся компании певчих, Кэсерил вдруг увидел в толпе средних лет мужчину, вокруг которого висела неяркая светло-серая аура, подобная неясному свету осеннего дня. Когда Кэсерил прикрыл глаза, аура не исчезла. Он вновь открыл глаза и принялся внимательно рассматривать этого человека. На нем была черно-серая мантия чиновника тариунского муниципального суда, а на голове — рыжая косичка до плеч, подобающая должности судьи по разбору мелких дел. Мелкие дела в суде, малые дела в служении Сыну — так же, как Клара служила Матери в Кардегоссе.

Этот человек, открыв рот и побелев лицом, уставился на Кэсерила. Перебросить словом у них не было возможности, так как течение церемонии увлекло Кэсерила внутрь Храма, но при случае Кэсерил собирался спросить у архиепископа, что это за человек.

Стоя у большого светильника, принцесса и принц произнесли короткие клятвенные речи, после чего архиепископ, Кэсерил и прочие собравшиеся отправились во дворец провинкара Баосии. Там был накрыт огромный праздничный

стол, причем Кэсерил был удивлен тем, что такое количество еды и питья удалось собрать в течение всего двух дней. Вероятно, на свадебный стол пошла часть запасов, прибереженных ко Дню Дочери, но Кэсерил не думал, что Богиня обидится. Так как и Кэсерил, и архиепископ были на свадебном пиру важными гостями и каждый имел закрепленное за ним место, им не скоро удалось пересечься и поговорить. Но когда заиграла музыка и начались танцы, архиепископ сам нашел Кэсерила. Рядом с ним стоял тот самый человек. Выглядел он расстроенным. Они обменялись беглыми взглядами, пока архиепископ наспех представлял их друг другу:

— Милорд ди Кэсерил! Это достопочтенный Паджинин. Он служит в тариунском муниципалитете.

И, понизив голос, архиепископ добавил:

— Он говорит, что вас коснулась рука Бога. Это так?

— Увы, да! — вздохнул Кэсерил.

Паджинин кивнул архиепископу: *А что я говорил?*

Найти укромное местечко, чтобы поговорить, было затруднительно. Наконец они нашли небольшой дворик перед одним из входов во

дворцовый флигель. Музыка и смех доносились досюда через темнеющий воздух. Слуги зажгли факелы на стенах и вернулись внутрь дворца. Облака стали затягивать первые звезды, высыпавшие на небо.

— Ваш коллега, архиепископ кардегосский, все про меня знает, — сказал он архиепископу тариунскому.

— Вот как? — с явным облегчением произнес тот.

Кэсерил подумал, что об этом совершенно необязательно говорить, но пусть уж успокоится!

— Менденаль — отличный человек! — произнес он и, обратившись к судье, сказал:

— Судя по всему, Отец Зима одарил вас. В чем суть его дара?

Паджинин грустно ответил:

— Иногда — но отнюдь не каждый раз — Бог позволяет мне понять, кто говорит правду, а кто лжет.

Он поколебался и добавил:

— Но не всегда из этого получается что-то хорошее.

Кэсерил коротко рассмеялся. Паджинин просиял — и лицом, и аурой. Улыбнувшись, он сказал:

— А, вы понимаете меня!

— Еще как!

— Но вы, сэр!

Паджинин встревоженно обернулся к архиепископу и произнес, обращаясь к нему:

— Я сказал, он *тронут рукой Бога*, но это мало объясняет то, что я вижу. На него больно смотреть! С тех пор как мне было даровано внутреннее видение, я трижды сталкивался с теми, кого коснулось Божество, но здесь — что-то особое! Ничего подобного я никогда не встречал.

— Святой Умегат в Кардегоссе говорил, что я похож на горящий город, — признался Кэсерил.

— Это… это хорошо сказано, — проговорил Паджинин, смотря на Кэсерила и одновременно стараясь отвести взгляд.

— Да, он говорил мало, но веско. *Когда-то давно*.

— А в чем состоит ваш дар? — спросил Паджинин.

— Ммм… Я думаю, я сам есть дар! Дар Госпожи Весны принцессе Изелль.

Архиепископ прижал ладонь к губам, после чего осенил себя прикосновением к сакральным точкам и проговорил:

— Это объясняет истории, которые о вас рас-

сказывают.

— Какие такие истории? — спросил озадаченный Кэсерил.

— Но, послушайте, лорд Кэсерил! — вторгся судья. — Что это за ужасная тень, которая окутывает принцессу Изелль? Это явно не дар Богов. Вы тоже видите ее?

— Я как раз над этим работаю. Освободить принцессу от этого ужасного облака и есть, как мне кажется, задание, данное мне Богами. И это задание почти выполнено.

— Какое счастье! — произнес Паджинин уже более радостным голосом.

Кэсерил вдруг понял, что более всего ему сейчас хочется отвести этого судью в сторону и поболтать об их общих проблемах. Поболтать как святой со святым об общих делах и заботах. А как у вас с такими-то и такими-то проблемами? А здесь не болит? А тут не тянет? Архиепископ мог быть сколь угодно богобоязнен, он мог быть хорошим администратором, мог быть даже начитанным богословом, но вряд ли он понимал беды и заботы профессии святого! Горькая улыбка на лице Паджинина так много говорила! Кэсерилу хотелось с ним на пару хорошенько набраться и, выслушав жалобы друг друга, они бы всласть

поплакались к друг другу в… отвороты плащей.

К удивлению Кэсерила, архиепископ низко ему поклонился и произнес восхищенным тоном:

— Благословенный господин мой! Могу ли я что-нибудь для вас сделать?

Вопрос, заданный Бетрис, эхом прозвучал в его голове. *А вы придумали, как спастись самому?* Может быть, сам ты себя спасти и не можешь. А что, если мы можем спасти друг друга, по очереди?

— Не сегодня, — ответил Кэсерил архиепископу. — Завтра… или попозже на этой неделе. Есть личная проблема, с которой я хотел бы к вам обратиться. Если, конечно, смогу.

— Конечно! Благословенный господин мой! Я полностью к вашим услугам.

И они вернулись к гостям. Кэсерил был вымотан, ему хотелось в постель, но дворик под входом в его спальню был полон шумных гостей. Запыхавшаяся Бетрис разок попросила его потанцевать с ней, но он с улыбкой отказал, извинившись. Впрочем, недостатка в партнерах она не испытывала, хотя, танцуя то с одном, то с другим, неизменно посматривала на Кэсерила, который, сидя в кресле у стены, потягивал разбавленное вино. Он, кстати, тоже не оставался один

ни на минуту — изрядная толпа мужчин и женщин выстроилась к нему в очередь. Приветливо разговаривая с Кэсерилом, эти люди, вероятно, надеялись получить ту или иную должность при дворе будущей королевы. Для каждого из них у Кэсерила находились вежливые ответы, впрочем в будущем ни к чему его не обязывавшие.

Ибранские лорды кружили вокруг шалионских дам, как пчелы вокруг меда, и выглядели крайне счастливыми. Где-то в середине вечера прибыл лорд Цембуэр, и радость окончательно переполнила души ибранцев, которые наконец оказались в полном составе. К удивлению и восторгу своих шалионских слушательниц, они принялись рассказывать истории о поразительных событиях, в которых участвовали. Политические интересы Кэсерила были удовлетворены, когда он понял, что Бергон в этих рассказах предстает перед слушателями как герой романтического приключения — так же, как и Изелль, главным подвигом которой считалась ночная гонка на лошадях из Валенды в Тариун. Так формировался новый миф, призванный вытеснить из сознания людей создаваемую ди Джироналом вялую легенду о Бедной Безумной Принцессе Изелль. *Кроме того, наша легенда — правдива!*

Наконец пришел час церемонии, которую Кэсерил ждал затаив дыхание. Молодых должны были отвести в опочивальню. Как и положено новобрачным, ни Изелль, ни Бергон к вину за весь вечер не притронулись, зато сам Кэсерил, который поначалу пил только разбавленное вино, к концу вечера про воду позабыл, а потому, когда молодожены позвали его, чтобы поблагодарить и обменяться церемониальными поцелуями, язык его чувствовал себя во рту несколько неуверенно. Тем не менее, тронутый их счастьем, красотой и молодостью, он взял себя в руки и, осенив сакральные точки ритуальными прикосновениями, призвал божественное благословение на головы молодой пары. Они отвечали благодарно и с торжественной важностью, сознавая значимость момента.

Леди ди Баосия организовала небольшой хор — тот пел молитвы, под которые молодая пара осуществила путь наверх, в спальню, и кристальные голоса певчих должны были внушить всем гостям, что у предстоящего события есть особый, сакральный смысл. Глаза Изелль сияли, а сама она зарделась румянцем, когда они с Бергоном остановились на площадке перед входом в опочивальню и, обратившись к стоящим внизу

гостям, с улыбкой их поблагодарили и бросили в радостную толпу цветы.

Молодые исчезли в залитой светом канделябров спальне, и двери за ними закрылись. Два офицера армии ди Баосии заняли место в карауле. Через некоторое время вниз спустилась Бетрис и помогавшие ей портнихи и служанки, и все закружились в танце. С Бетрис по очереди танцевали то Палли, то юный ди Тагилль.

Была опасность, что веселье затянется до утра, но, к радости Кэсерила, пошел моросящий дождь, прогнавший музыкантов и танцоров со двора в дом. Медленно, опираясь на перила лестницы, Кэсерил поднялся в свою спальню, расположенную за углом от спальни принца и принцессы. *Мой долг исполнен. Что дальше?*

Он не знал. Огромный груз свалился с его плеч — груз ужаса и ответственности. Теперь он предоставлен самому себе и может сам решать — жить ему или умереть. *Я ни о чем не жалею. И не оглядываюсь назад!* Это был момент равновесия на перепутье прошлого и будущего.

Неплохо было бы завтра увидеться с судьей. Вот кто хоть не долго избавит его от одиночества!

Впрочем, я никогда не одинок, подумал Кэсерил несколькими минутами позже, когда в свой обычный час Дондо принялся вопить непристойности. Плененный в его теле дух пребывал в гораздо большей ярости, чем обычно, и, похоже, уже утратил последние остатки здравого смысла и человеческих представлений о том, что есть хорошо и что — плохо. Кэсерил понимал причины этой ярости, и, свернувшись калачиком вокруг источника боли, который, вспучившись, бился в его животе, улыбался.

Опухоль все увеличивалась, и боль вдруг стала настолько острой, что он едва не потерял сознание, но силой вернул себя к реальности, поскольку опасался, что взбешенный сегодняшними событиями Дондо каким-то образом воспользуется его беспамятством и, завладев его еще живым телом, нападет на Изелль и Бергона. Катаясь в конвульсиях по полу, он подавлял крики и грязные ругательства, которые пытались вырваться из его горла, уже не вполне понимая, *кому* принадлежат эти слова.

Когда приступ прошел, Кэсерил обнаружил, что лежит на холодных досках пола, в сбившейся ночной рубахе, а ногти у него на руках сломаны и кровоточат. Оказывается, его вывернуло на-

изнанку. Он провел рукой по рту и ощутил на бороде высыхающую пену. Живот (а может, ему показалось, что он так увеличился?) вернулся к обычным в последние месяцы размерам, хотя диафрагма болела так, словно ее растягивали каким-то невероятным напряжением.

Нет, так меня надолго не хватит! Что-то неизбежно сломается — его тело, его рассудок, его дыхание. Его вера. Что-то обязательно сдаст.

Кэсерил встал, вытер пол и, умывшись, надел свежую ночную рубашку, после чего поправил простыни на кровати, зажег все свечи в комнате и лег, вбирая в себя свет широко открытыми глазами.

Наконец перешептывание слуг и приглушенный топот ног по коридору дали Кэсерилу понять, что дворец просыпается. Похоже, он все-таки заснул, потому что свечи прогорели, а он не помнил, чтобы гасил их. Серый утренний свет пробивался в щель под дверью и через ставни окон.

Скоро утренняя молитва. Утренняя молитва — вещь освежающая, хотя мысль о том, что для совершения ее нужно встать и куда-то пойти,

пугала. Кэсерил медленно поднялся. Ну что ж, сегодня он не один страдает от похмелья. Хотя он-то и не был пьян! На время свадьбы траур был прерван, а потому из всей одежды, которую ему выделили, он выбрал то, что могло бы подчеркнуть и радостный, и одновременно серьезный характер события, в котором участвовал.

Он спустился во двор. Солнце еще не встало, и, хотя дождь прекратился, холодное небо было затянуто облаками. Носовым платком Кэсерил отер край фонтана и сел. Молодые новобрачные еще не появлялись. Кэсерил улыбнулся служанке, которая проскользнула мимо со стопкой белья, и она улыбнулась в ответ. В дальнем конце двора в поисках пищи расхаживала по плитке ворона. Кэсерил внимательно посмотрел на нее, но птица не выказала никакой в нем заинтересованности. Подумав, он решил, что ее безразличие к нему — это добрый знак.

Наконец двери наверху галереи распахнулись, сонные охранники, их караулившие, вытянулись в струнку и отдали честь. Раздались женские голоса и среди них один мужской — густой и веселый. Появились рука об руку Изелль и Бергон, одетые для утренней молитвы. Они стали спускаться по лестнице и наконец вышли из тени,

отбрасываемой карнизом галереи.

Увы, черная тень не исчезла!

Кэсерил протер глаза и пристально всмотрелся в новобрачных. Дыхание его замерло в груди.

Облако, которое до этого окутывало лишь Изелль, теперь клубилось и вокруг Бергона.

Изелль улыбалась мужу, тот улыбался Изелль, оба они казались возбужденными, несколько усталыми и напуганными. Глядя на юную пару, можно было с уверенностью сказать — это идеальные влюбленные! Хотя вокруг них и клубилось черное облако, словно дым горящего корабля.

Они приблизились, и Изелль пропела:

— Доброе утро, лорд Кэс!

Бергон улыбнулся и проговорил:

— Вы присоединитесь к нам, сэр? Мы должны поблагодарить вас за это утро!

Кэсерил через силу улыбнулся и сказал:

— Да, обязательно… но чуть позже. Я кое-что забыл у себя в комнате.

Проскользнув мимо них, он начал подниматься по лестнице. На ходу обернулся и посмотрел. Да! Никаких сомнений! Та же тень, но теперь — удвоившаяся!

Захлопнув за собой дверь спальни, он остано-

вился, судорожно хватая ртом воздух и едва не рыдая.

Боги! Что я наделал?

Я не освободил Изелль! И Бергон — теперь он тоже стал жертвой проклятья!

26

Абсолютно раздавленный случившимся, Кэсерил все утро оставался в спальне. Днем в его дверь постучал паж и сообщил, что принц и принцесса желают видеть его в своих покоях. Кэсерил решил поначалу сказать, что он болен, что, собственно, было совершенной правдой. Но потом он подумал, что Изелль сразу же пришлет ему толпу врачей, а с него было достаточно и тогдашнего визита Роджераса. Вспомнив тот ужас, он содрогнулся. И вот, преодолевая себя, он оправил одежду, привел себя в надлежащий вид и отправился по галерее в комнаты Изелль и Бергона.

Высокие створчатые окна в гостиной были открыты, и в комнату беспрепятственно втекал прохладный весенний свет. Изелль и Бергон, одетые в праздничные наряды, в которых они вернулись с обеда во дворце марча ди Хуэсты, ждали его, сидя за столом, на котором были

разложены листы пергамента и перья. Третье кресло было придвинуто к столу — оно ожидало его, Кэсерила. Молодые сидели, склонив головы друг к другу, и о чем-то негромко говорили. Тень по-прежнему клубилась вокруг них, густая и тягучая, как смола. Когда Кэсерил вошел, они оба улыбнулись. Он же, откашлявшись, поклонился.

Изелль показала на лежащие перед ней бумаги.

— Наш следующий, самый безотлагательный шаг — это написать моему брату Орико и сообщить ему о предпринятых нами шагах. Мы должны убедить короля в нашей по отношению к нему верности и приложить выписки из брачного договора, из которых будет ясно, что наш брак — это благо для Шалиона. Таким образом нам удастся примирить его со случившимся. Я права?

Кэсерил сглотнул и вновь откашлялся.

— Кэс! — произнес Бергон. — Как вы бледны! С вами все хорошо? Пожалуйста, сядьте!

Кэсерил отрицательно покачал головой. Как хорошо было бы спрятаться за какой-нибудь невинной ложью или, на крайний случай, полуправдой. У него есть оправдание — он действительно болен! Но он не мог…

— Нет! Все очень плохо!

И, опустившись перед принцессой на одно колено, он произнес:

— Я совершил ошибку. Ужасную ошибку! Мне очень жаль! Как мне жаль!

Обеспокоенное лицо Изелль расплылось перед его глазами.

— Лорд Кэс?.. — только и вымолвила она.

— Ваш брак…

Он снова сглотнул и, собрав все силы в кулак, заставил себя продолжить.

— Ваш брак не снял проклятие с Изелль, как я надеялся. Что еще хуже, так это то, что теперь проклятие распространяется на вас обоих.

– *Что?* — выдохнул Бергон.

Слезы мешали Кэсерилу говорить.

— И теперь я не знаю, что делать, — пробормотал он, едва шевеля губами.

— Но откуда вам это известно? — спросила Изелль.

— Я вижу это. Облако висит над вами обоими. Более того, оно стало еще темнее и плотнее.

Бергон проговорил со страхом:

— Может быть, мы что-то сделали не так?

— Нет! Это все я. Я исходил из следующего: Сара и Иста вышли замуж за наследников Шалио-

на и стали жертвой проклятья. Я полагал, что, поскольку мужчины и женщины отличаются друг от друга, проклятье касается лишь мужской половины рода и тех женщин, что берут себе их имя, выйдя за них замуж.

— Но ведь я тоже наследница Фонзы, — медленно проговорила Изелль. — А кровь и плоть — это нечто большее, чем просто имя. Когда двое вступают в брак, это не означает, что один из них исчезает в другом. Мы стали единым целым, и я никуда не исчезла, как и Бергон.

Она помолчала мгновение и спросила, глядя в пустоту:

— Неужели нельзя ничего сделать? Должен же быть выход!

— Иста сказала… — начал Кэсерил и тут же осекся. Он не был уверен, что хотел поведать этим двоим молодым решительным людям то, что сказала ему Иста. Изелль может забрать в голову Бог знает что, и тогда…

Неведение не есть глупость, хотя часто и ведет к глупым поступкам и решениям, сказала как-то Изелль. Слишком поздно защищать ее и беречь от реальности. Волею богов она должна стать следующей королевой Шалиона, а вместе с правом распоряжаться жизнью других на нее

ляжет обязанность их защищать. Привилегия же быть защищенной — это то, что осталось в прошлом, вместе с прочими детскими игрушками. Даже защищенной от горькой правды. От правды — особенно!

Кэсерил вновь сглотнул, чтобы прочистить горло.

— Иста сказала, что существует еще один способ, — проговорил он.

Забравшись в кресло, он тяжело сел. Дрожащим голосом, не смягчая слов и не щадя молодых людей, он рассказал переданную ему Истой историю лорда Лютеза, короля Иаса и видения Госпожи Весны, явленного Исте. Рассказал о двух адских ночах в казематах Зангры, о связанном по рукам и ногам человеке и чане ледяной воды. Когда он закончил, его слушатели молча смотрели на него в упор.

— Я думал… я боялся… что я — именно тот человек, который должен это сделать, — проговорил Кэсерил. — И именно из-за того, что я обменял свою жизнь на смерть Дондо. *Для Изелль вы — лорд ди Лютез!* Так сказала Иста. Но, клянусь Богами, если бы я знал, что это сработает, я заставил бы вас прямо сейчас пойти и утопить меня в фонтане. Дважды.

Он подумал и, горестно покачав головой, продолжил:

— Но, увы, я не могу стать этой жертвой. Моя вторая смерть станет и последней, потому что, как только я умру, демон смерти унесет мою душу вместе с духом Дондо, и я не знаю, каким образом я смог бы вернуться в свое тело, чтобы умереть в третий раз.

Бергон посмотрел на жену такими глазами, что, казалось, они готовы ее проглотить. Наконец он хрипло произнес:

— А как насчет того, чтобы это сделал я?

— Сделал что?

— Я прибыл сюда, чтобы спасти тебя от этого ужаса. Просто метод станет чуть другим, более жестким. Но я не боюсь воды. Давай попробуем утопить меня, а?

Кэсерил и Изелль одновременно замахали руками, протестуя.

— Однажды уже попытались, — сказала Изелль, — и ничего не получилось. Я не собираюсь никого из вас топить. И вешать не стану. И вообще ничего не стану делать из того, что вы там можете себе придумать.

— Кроме того, — проговорил Кэсерил, — Богиня сказала, что трижды пожертвовать своей жиз-

нью должен кто-то из подданных Шалиона, а не тот, кто принадлежит к этому роду.

Так, по крайней мере, сказала Иста. Но правильно ли она передала словами волю Богини? А не могла ли она, формулируя эту волю, допустить фатальную ошибку? Правда, это не так важно, поскольку ее слова исключают Бергона из возможных героев.

— Я не думаю, что проклятие можно разрушить изнутри, — продолжил он. — Тогда бы это мог сделать Иас. Он, конечно же, сам полез бы в бочку вместо ди Лютеза. И, да простят меня Боги, но вы, Бергон, не являетесь подданным Шалиона. Вы ему принадлежите.

— И все-таки что-то здесь не так, — сказала Изелль, прищурившись. — Какой-то обман. Что вам говорил Умегат, когда вы спросили у него, что вам делать? Что-то о ежедневных обязанностях?

— Сказал, что я должен исполнять свои ежедневные обязанности по мере того, как они появляются.

— Понятно. Будем исходить из того, что Боги нас не оставили.

Изелль постукивала кончиками пальцев по поверхности стола. Через мгновение она продолжила:

— Мне вот что пришло в голову. Моя мать дважды рисковала своей жизнью во имя Шалиона, когда рожала нас с братом. Третьего раза ей было не дано. Но разве это не была ее обязанность? Как и моя?

Кэсерил подумал, к каким катастрофам может привести проклятие, наложившись на опасности беременности и деторождения — так же, как оно наложилось на тяготы войн, которые вели Иас и Орико, и содрогнулся. Бесплодие, которым страдает Сара, — это меньшее из возможных несчастий.

И он сказал:

— Лучше уж суньте меня в бочку с водой, принцесса! Во имя пяти Богов!

— Кроме того, Богиня сказала, что это должен быть кто-то из подданных. А ведь подданный, по-шалионски, — мужчина, верно, Кэс?

— Это те слова, которые я услышал из уст королевы Исты.

— Священники говорят: когда Боги внушают людям их святые обязанности, они имеют в виду и женщин, — проговорила Изелль. — Так что мы здесь равны. Я же жила под властью проклятия шестнадцать лет. И каким-то образом выжила.

Но сила проклятья с тех пор значительно

выросла! Все стало много хуже! Смерть Тейдеса стала прекрасным примером того, как оно осуществляет свою власть: у мальчика были прекрасные задатки, но все они обернулись своей полной противоположностью. Добродетели превратились в грехи! И Изелль, и Бергон имеют не меньше добрых качеств. Но сила проклятья неимоверна и непреодолима!

Изелль и Бергон взялись за руки. Свободной ладонью Изелль отерла глаза, тронула переносицу и глубоко вздохнула.

— Есть проклятие, нет проклятия — не имеет значения! — сказала она. — Пока мы обязаны написать Орико и выказать ему свое почтение и преданность, чтобы у ди Джиронала не было повода обвинить нас в бунте и неповиновении. Если бы Орико был здесь, мне без труда удалось бы убедить его, насколько наш брак выгоден для Шалиона.

— Убедить Орико нетрудно, — кивнул Кэсерил. — Гораздо труднее заставить его не отказываться от того, в чем он был убежден пять минут назад.

— Это верно, — сказала Изелль. — И я ни на минуту не забываю, что Орико сейчас находится в Кардегоссе, в компании ди Джиронала. Более

всего я боюсь того, что канцлер попытается убедить короля вновь изменить свое завещание.

— Попросите о поддержке привинкаров Шалиона, принцесса, и они помогут вам опротестовать любые изменения условий завещания.

Изелль нахмурилась.

— Нам следовало бы отправиться в Кардегосс. Я должна быть рядом с Орико, даже если он и при смерти. Когда произойдут известные события, мне нужно быть в столице.

Кэсерил задумался и через минуту произнес:

— Это трудно и опасно. Вам нельзя оказаться в руках ди Джиронала.

— Я и не собираюсь отправляться одна, — сказала Изелль, и улыбка ее сверкнула, как отблеск лунного света на лезвии кинжала. — Но мы должны соблюсти все законные условия, и в этом будет наше тактическое преимущество. Будет неплохо, если мы напомним лордам Шалиона, что все полномочия канцлера дарованы ему исключительно волей короля.

Бергон обеспокоенно заерзал и сказал:

— Ты знаешь этого человека лучше, чем я. Ты думаешь, услышав о нашем браке, он ничего не предпримет?

— Чем дольше он будет сидеть на одном месте,

тем лучше. Наши силы прибывают с каждым днем.

— А вы слышали что-нибудь о его реакции? — спросил Кэсерил.

— Пока нет, — ответил Бергон.

Время — палка о двух концах, увы!

— Как только что-нибудь будет известно, дайте мне знать, — сказал Кэсерил, глубоко вздохнув. Разгладив чистый лист пергамента, он взял перо и спросил: — Ну, что вы хотите написать?

Доставка столь важного с политической точки зрения послания выглядит делом весьма деликатным, размышлял Кэсерил, идя по двору под окнами принца и принцессы с подписанным и опечатанным документом. Нельзя же просто положить его в сумку курьера и отправить обычным ходом в королевскую канцелярию. Статус письма требовал и соответствующего сопровождения. Было бы уместно, если бы его доставила королю солидная делегация знатных, достойных людей, что, кстати, обеспечило бы то, что письмо попадет в руки Орико, а не канцлера. Достойные доверия люди должны прочитать его слово в

слово умирающему королю и ответить на все вопросы, которые слепой мог бы задать относительно обстоятельств, в которых пребывает его сестра и наследница престола. Это должны быть священники и лорды, решил Кэсерил. Дядя принцессы мог бы рекомендовать соответствующих людей, которые к тому же могли бы отправиться уже сегодня ночью и ехать достаточно быстро. Он ускорил шаг в поисках пажа или слуги, способного сказать, где находится провинкар.

В аркаде, ведущей во двор, он встретил Палли и самого ди Баосия. Они еще не переоделись после торжественного обеда.

— Кэс! — окликнул Кэсерила Палли. — Отчего тебя не было на обеде?

— Отдыхал. Ночка выдалась непростая…

— Вот как? Но, насколько я помню, ты был единственным, кто лег спать трезвым.

Кэсерил улыбнулся, но не стал реагировать на шутку.

— Что это у тебя? — спросил он, показав на бумаги, которые Палли держал в руке.

Палли показал ему одно из распечатанных писем.

— Новости от ди Яррина из Кардегосса. Пришло с курьером Храма. Срочное. Я думаю, принцу и

принцессе нужно об этом знать. Ди Джиронал вчера утром уехал из Зангры, и никто не знает, куда.

— Он взял с собой войска? Нет, сначала расскажем все принцу и принцессе.

Кэсерил развернулся и стал подниматься по ступеням галереи. Провинкар и Палли последовали за ним. Один из слуг отворил двери и пригласил принца и принцессу в гостиную. Пока пришедшие ждали появления молодой четы, Кэсерил кратко рассказал о содержании письма к Орико. Провинкар одобрительно кивнул и тут же назвал нескольких людей, которые могли бы отвезти его в Кардегосс.

Вошли Бергон и Изелль. Принцесса торопливо поправляла сбившуюся прическу. Вошедшие поклонились. Принц Бергон, сразу оценивший важность принесенного Палли письма, пригласил гостей сесть за стол.

Палли повторил принцу и принцессе то, что сказал Кэсерилу, и добавил:

— Канцлер взял с собой лишь небольшой кавалерийский отряд. Ди Яррин предположил, что ди Джиронал собирался ехать либо совсем недалеко, либо ехать далеко, но быстро.

— Какие новости о моем брате Орико? — спро-

сила Изелль.

— Здесь не все ясно, — ответил Палли, передавая письмо принцессе. — Пока ди Джиронал в отъезде, ди Яррин хотел пройти к королю, но королева Сара сказала, что тот спит, и отказалась его беспокоить. Поскольку раньше она пускала ди Яррина, несмотря на протесты ди Джиронала, он боится, что королю действительно стало хуже.

— А что в другом письме? — поинтересовался Бергон.

— Старые новости, — сказал Палли, — хотя и интересные.

И, обратившись к Кэсерилу, спросил:

— Кэсерил! Что за дела? Архиепископ распространяет о тебе какие-то нелепости. Тут ко мне явился командир тариунского отряда ордена Сына — весь трясется и говорит, что боится к тебе подойти, потому что, как сказал архиепископ, тебя коснулась рука Бога. А у него — копия приказа, который переслали во все отделения ордена в западном Шалионе, чтобы тебя арестовать. Если тебе будет угодно посмеяться — по обвинению в государственной измене…

— Опять? — усмехнулся Кэсерил, принимая письмо из рук Палли.

— Канцлер обвиняет тебя в том, что ты отпра-

вился в Ибру, чтобы продать Шалион старому Лису. Теперь, когда весь мир знает, что произошло на самом деле, это выглядит как глупая шутка.

Кэсерил пробежал глазами приказ и, кивнув, сказал:

— Понятно. Это была сеть, в которую ди Джиронал собирался меня поймать в том случае, если не выгорит затея с убийством.

— Но у этой истории есть и продолжение. Этот послушный дурак отправил ди Джироналу письмо, в котором признался, что видел тебя, но арестовывать не стал. Он заявил, что приказ об аресте был ошибкой, что ты исполнял волю принцессы Изелль, сделал много добра Шалиону и не совершал никакой государственной измены, что брак принца Бергона и принцессы Изелль одобрили все жители Тариуна, и что принцесса необычайно хороша, умна и добра, и что ее правление, как тут все надеются, сделает народ Шалиона счастливым — после всех катастроф правления короля Орико.

Ди Баосия иронически ухмыльнулся и сказал:

— Поскольку за все эти катастрофы ответственность несет ди Джиронал, письмо звучит как оскорбление. Интересно только, намеренное оно или нет.

— Скорее нет, — усмехнулся Палли. — Парень прост как картофельный клубень. Он сказал, что хочет убедить ди Джиронала встать на сторону принцессы.

— Думаю, это письмо возымеет обратный эффект, — медленно проговорил Кэсерил. — Ди Джиронал убедится в том, сколь малой поддержкой он располагает, а потому предпримет энергичные действия. Когда, по твоим предположениям, письмо командира отряда могло попасть в руки ди Джиронала?

Палли покусывал нижнюю губу.

— Думаю, вчера утром.

— Ну что ж. В письме нет ничего такого, что ему не было бы известно, — сказал Кэсерил, передавая текст приказа Бергону, слушавшему с неподдельным интересом.

— Итак, ди Джиронал покинул Кардегосс, — проговорила Изелль.

— Да, но куда он направился? — спросил Палли.

Ди Баосия сосредоточенно думал.

— Если канцлер уехал с совсем небольшим отрядом, — сказал он, — то, скорее всего, туда, где есть скопление его сил. Причем, поближе к Тариуну. То есть либо к провинкару Тистану, своему

зятю, а это к востоку от нас; либо в Валенду, а это от нас к северо-западу.

— Тистан ближе, — проговорил Кэсерил.

— Но в Валенде в качестве заложников он держит мою мать и сестру, — мрачно произнес провинкар.

— Они сами настояли, чтобы я уехала, — сказала Изелль.

Как она ни старалась это скрыть, в голосе ее звучала тревога.

Бергон внимательно слушал их разговоры. Ибранский принц вырос во время гражданской войны. Он был, конечно, обеспокоен, но не паниковал.

— Я думаю, пока ди Джиронала в Кардегоссе нет, нам следует отправиться туда и перехватить инициативу, — сказал Кэсерил.

— А мне кажется, первым делом следует направиться в Валенду и освободить нашу семью. Таким образом, у нас будут развязаны руки. Правда, если канцлер собирается атаковать Тариун, мы не можем оставлять город без защиты.

Изелль отрицательно покачала головой и сказала:

— Если нас с Бергоном в Тариуне не будет, у ди Джиронала не будет повода его атаковать.

Равно как и Валенду. Ему нужно захватить меня, и только меня.

— Но ничего хорошего не выйдет, если канцлер устроит засаду и нападет на вашу колонну в открытом поле, — проговорил Кэсерил.

— Сколько людей вы сможете дать нам в качестве эскорта в Кардегосс, дядя? — спросила Изелль. — Верховых и пеших. И как скоро они будут готовы?

— Завтра к вечеру у вас будет пятьсот верховых, а через день — тысяча пехоты, — сказал ди Баосия не очень уверенно. — И двое моих соседей смогут добавить столько же, но не так быстро.

Ди Баосия мог бы запросто удвоить это количество, подумал Кэсерил. Перестраховщик. Слишком большая щедрость ничем не лучше крайней скупости. Нужна разумная расчетливость.

Изелль, скрестив руки на коленях, решительно проговорила:

— Тогда готовьте людей. Перед рассветом отстоим молитву в честь Дочери, потом примем участие в общей процессии. И еще просьба. Дядя! Лорд ди Паллиар! Отправьте людей в разные стороны — сколько сможете. Нужно понять, куда движется ди Джиронал. И уже с уточненными

сведениями примем окончательное решение.

Мужчины поклонились и вышли. Кэсерила же принцесса задержала.

— Мне не хотелось спорить с дядей, — сказала она. — Но мне кажется, что Валенда отвлечет нас от главной цели. Что вы по этому поводу думаете?

— С точки зрения принца и принцессы Шалиона-Ибры Валенда как стратегическая позиция не представляет особой ценности. Кто бы ее ни занимал.

— Тогда пусть это будет ложная приманка для ди Джиронала. Правда, я подозреваю, что дядю трудно будет убедить.

Бергон откашлялся и проговорил:

— Поначалу дорога на Валенду и дорога на Кардегосс — это одна дорога. Потом они расходятся. Мы можем сделать вид, будто идем на Валенду, а на развилке свернем на дорогу в столицу.

— Сделать вид для кого?

— Для всех! Тогда шпионы ди Джиронала, которые, конечно же, есть в Тариуне, отправят его в неверном направлении.

Да, подумал Кэсерил одобрительно, Бергон — истинный сын старого ибранского Лиса!

Изелль, обдумав сказанное мужем, нахмури-

лась.

— Это сработает только в том случае, если люди моего дяди последуют за нами, — сказала она.

— Если мы поведем их, у них не останется выбора и они за нами последуют.

— Моя цель — избежать войны, а не начать ее, — сказала Изелль.

— Тогда тем более есть смысл в том, чтобы не идти на город, набитый войсками канцлера. Ведь верно?

Изелль улыбнулась, склонилась к Бергону и поцеловала его в щеку. Он же со счастливой улыбкой на устах коснулся места поцелуя пальцем.

— До утра полно времени, чтобы хорошенько все обдумать. Чем мы и займемся, — провозгласила принцесса. — А вы, Кэсерил, все равно пошлите наше письмо Орико — пусть все решат, будто мы намерены оставаться в Тариуне. Не исключено, что мы догоним его по дороге и сами передадим королю.

Желающих отвезти письмо принцессы и принца в Кардегосс и в городе, и в Храме было хоть отбавляй. Люди стремились как можно ближе

оказаться к юной чете. Те, кто не успел приехать на саму свадьбу, съезжались на празднование Дня Дочери, которое должно было состояться на следующий день. Молодость и красота принцессы и принца казались всем людям волшебным талисманом, а сезон обновления, которое несла с собой Госпожа Весны, невольно отождествлялся ими с грядущим правлением королевы Изелль. Главное же состояло в том, что эти надежды должны были обрести надежные основания в последующей жизни и не вызвать разочарования и в менее счастливые дни. Но, так или иначе, ни один из тех, кто был свидетелем событий, происходящих в Тариуне, никогда не забудет этого времени надежды; она будет пребывать с ним и тогда, когда пройдет немало лет, а Изелль и Бергон уже не будут так молоды.

Кэсерил осмотрел компанию мрачно-серьезных людей, которые по своей воле предпочли забраться в седло, когда все прочие люди забираются в постель, и отдал документы в руки старшего священника ордена Отца. С ними поехал марч ди Суд — как свидетель и специальный представитель принца Бергона. Кавалькада выехала с храмовой площади, а Палли, проводив Кэсерила до дворца ди Баосии, пожелал ему спо-

койной ночи.

Понемногу отходя от суеты дел, Кэсерил тяжело поднялся на галерею, к своей спальне. Бремя проклятия было тайным грузом, способным уничтожить самые светлые надежды. Когда более десяти лет назад Орико вступил на престол, он так же, как и Изелль, был движим самыми искренними и чистыми намерениями. Он верил, что, приложив нужные усилия, добрую волю, твердо следуя стезею добродетели, он сможет преодолеть власть судьбы. Увы, все оказалось не так!

Да, Кэсерил стал для Изелль тем, кем ди Лютез был для Иаса. Но ведь могло быть и иначе! Он мог оказаться ее ди Джироналом! Сколько разочарований пережить, какой разрушительный путь может пройти человек, прежде чем сойдет с ума, наблюдая, как юные надежды оборачиваются отчаянием старости! И тем не менее кем бы ни стал теперь Орико, он держался достаточно долго, чтобы следующее поколение получило свой шанс — как некий юный герой, который из последних сил удерживает дамбу, за которой ревет океан зла, чтобы другие смогли избежать гибели в его пучине.

Кэсерил разделся и лег. Он ждал, но Дондо

нынче оказался на удивление спокойным. Исчерпал свою злобную энергию? Собирается с силами? Ждет? И Кэсерил заснул, утомленный развернувшейся в нем борьбой между надеждой и страхом.

Слуга разбудил его за час до рассвета и при свечах отвел во двор, где юная чета, в окружении домочадцев, должна была участвовать в ночной службе. Все вокруг было закутано пронизывающим до костей туманом, но яркие звезды над головой обещали ясное утро. Вокруг центрального фонтана были разложены ибранские ковры, на которых и расположились участники бдения — кто на коленях, кто ничком, в зависимости от внутреннего настроя. Изелль и Бергон стояли на коленях рядом, леди Бетрис устроилась между принцессой и Кэсерилом. Ди Тагилль и ди Цембуэр, зевая, поспешили присоединиться к молящимся, заняв места с краю, среди слуг. Священник из Храма, прочитав короткую молитву, призвал паству предаться медитации по поводу грядущих перемен, связанных с пришествием Госпожи Весны. Зимние огни по всему Тариуну

были погашены. Когда все было готово, потушены были и последние свечи во дворце. Все погрузилось во мрак и тишину.

Стараясь сделать это как можно тише, Кэсерил лег ничком на ковер. Он трижды прочитал те немногие весенние молитвы, что помнил, но их мало что значащие слова не смогли отвлечь его от терзающих душу мыслей, и он оставил это занятие. Позволив мыслям течь своим чередом, он вслушивался… Что он собирался услышать?

Когда поиск ответа становились все сложнее, на помощь приходила Бетрис. Он делал все, как велели Боги, ни в чем не обманув их.

Исте был дан шанс освободить род Шалиона от власти проклятья, но она потерпела неудачу, и проклятие распространилось на следующее поколение. Если неудачу потерпит и он, Кэсерил, ему не позволят повторить попытку, а Изелль и Бергон станут новым Орико и будут удерживать собою океан зла в надежде на попытки тех, кто придет вслед за ними.

Им страшно не повезет с детьми! Ему открылось это с очевидной ясностью. Все их планы на будущее строились вокруг надежды на появление сильного, умного, достойного наследника. Что же их ждет теперь? Если Боги даруют им

потомство, то его ждут болезни, безумие, ранняя смерть, предательство и преступления…

Ради вас я штурмовал бы небеса. Знать бы только, где они находятся!

Кэсерил знал. Небеса — это оборотная сторона жизни каждого человека, каждого живого существа. Они так же близки, как близки друг другу две стороны одной монеты. Открой двери — и войдешь! Каждая душа — это ворота в мир Богов. А интересно, что произойдет, если мы все, разом, откроем эти ворота? Может быть, мир сразу же наполнят чудеса, а небо станет пустым и скучным? Мысль явилась ему: святой — это канал, который Боги прокладывают из своего мира в мир людей — нечто подобное каналу, протекающему вокруг Загосура. Аккуратно открывая и закрывая шлюзы этого канала, Боги наделяют каждого человека-ферму достаточным объемом воды для орошения его полей. Хотя сейчас эта вода кажется разрушительным потоком, грозящим снести шаткие дамбы.

Привидения — это души, не нашедшие своих границ. Или перепутавшие границы. Это люди, вывернутые наизнанку. А можно, чтобы все было наоборот? Может ли тело, как некое анти-привидение, оказаться в мире духов? Тогда оно будет

невидимым для большинства духов — так же, как большинство людей неспособно увидеть привидение.

Но если мне дано видеть души, исторгнутые из тела, то, может быть, я способен лицезреть их и тогда, когда они еще заключены в свои телесные оболочки? А он пытался? Сколько разных людей сейчас вокруг него! Он закрыл глаза и попробовал увидеть их своим внутренним взором. Нет, его чувства слишком отягощены материальным: где-то во внешнем кольце молящихся кто-то начал похрапывать, и его тут же принялись будить шепотом и подталкиванием, при этом хихикая. Если бы он развил в себе эту способность, это стало бы для него окном в мир Богов.

Если Боги видят душу человека, но не видят его тела, становится понятным, почему они так безразличны к человеческой телесности — к внешнему облику человека, к различным функциям тела. Например, они не понимают, что такое боль. Может быть, боль для них — это иллюзия? Возможно, небеса — это не какое-то особое место, а особая точка зрения, иная перспектива? Смена точки зрения и есть прорыв в небеса.

Не исключено, что в момент смерти мы и осуществляем этот прорыв. Освобождаемся от

власти материального и обретаем… Что мы обретаем? Смерть — это зияющее отверстие между двумя мирами.

Но если смерть одного человека создает лишь небольшое отверстие, которое тут же затягивается, что нужно сделать, чтобы создать большое? Не крохотный портал, через который проскользнет маленькая индивидуальная душа, а огромные врата, способные пропустить через себя гигантские небесные воинства?

Если умирает Бог, какое отверстие между небом и землей появится в результате? В чем же, в конце концов, состояло благословение и одновременно проклятие Золотого генерала, если оно позволило прорваться с той стороны столь мощным силам зла? Что за портал открыл для себя рокнарийский гений, какого рода каналом он стал для людей и Богов?

Живот Кэсерила неожиданно свело судорогой, и он перевернулся на бок, чтобы освободить его от давления сверху. *Более необычного сосуда, чем я, в этом мире нет.* Два существа из мира духов поселились внутри его плоти. Демон, который вообще не от мира сего, и Дондо, которого, словно якорь, удерживают его неискупленные грехи. Дондо не стремился к Богам. Он был сгустком са-

молюбия, со свинцовой душой, который, словно баграми, впивался в свое плотское существование. Если бы не Дондо, Кэсерил давно бы избавил себя от тягот мира.

А я смог бы?

Он представил себе… а вдруг этот смертельный якорь каким-то чудом исчезнет? Он смог бы сбежать! Хотя никто не знает, к чему это приведет. Тот самый Кэсерил… *Если бы он выдержал еще один день, еще одну милю на этом пути, кто знает, может быть, он спас бы мир.* Но он отказался от своего предназначения слишком рано. Это ли не проклятие — оторвавшись от земной плоти и став привидением, превратиться в посмешище, в экзотический объект шуток? На все время своей жизни, а срок ей — вечность…

И все-таки единственный способ узнать ответ — это пройти весь путь до конца, к тотальному исчезновению.

О Боги! Наверное, я действительно сошел с ума, если собираюсь из любопытства дойти до последних глубин ада!

Он слышал, как люди вокруг него дышали, как шуршали чьи-то одежды. Нежно ворковал своими струями фонтан. Эти звуки успокаивали. Он чувствовал себя страшно одиноким, но, по

крайней мере, он был в хорошей компании.

Добро пожаловать в цех святых, Кэсерил! Во исполнение божеского благословения ты призван творить чудеса. Беда в том, что не ты их выбираешь!

С Бетрис дело обстоит ровным счетом наоборот. С ней не нужно штурмовать небеса. В ее случае вопрос состоит в том, позволить ли небесам штурмовать тебя. Сможет ли старый мастер осадной обороны сдаться и открыть свои врата?

В ваши руки, о Боги света, предаю я дух свой. Делайте, что считаете нужным, чтобы вылечить этот мир! Я готов исполнить вашу волю.

Небо между тем светлело, и серые тона Отца Зимы сменялись весенней голубизной, цветом Дочери. Кэсерил увидел, как тени людей, участвовавших в бдении, медленно наполняются цветом и обретают форму. В воздухе висел запах апельсиновых цветов, а совсем рядом — аромат волос Бетрис. Кэсерил поднялся на колени.

Вдруг откуда-то из недр дворца раздался мужской крик. Он резко оборвался, и следом тотчас же прозвучал женский вопль.

27

Кэсерил оперся рукой о каменную плиту, поднялся и, рывком отбросив плащ, освободил эфес меча. Люди вокруг поднимались и обеспокоенно посматривали по сторонам.

— Ди Тагилль! — позвал Кэсерил ибранца. — Посмотрите, что там.

Тот кивнул и бегом отправился в сторону, откуда донеслись крики.

Ди Цембуэр, чья сломанная правая рука все еще была на перевязи, извернувшись, выхватил меч левой и устремился вслед.

— Нужно запереть ворота! — крикнул он на бегу.

Кэсерил осмотрел двор и арку. Изящно выделанные кованые ворота широко отворились перед ди Тагиллем. Но нет ли здесь другого входа?

— Принцесса! Принц! Бетрис! Не попадитесь в ловушку! — крикнул он и бросился за ди Цембуэром, чувствуя, как неистово колотится сердце.

Только бы успеть до того, как…

Взволнованный паж выбежал из ворот за мгновение до того, как до них домчался ди Цембуэр.

— Милорд! Помогите! На дворец напали вооруженные люди!

Он в ужасе посмотрел назад.

А вот и они! Двое вооруженных мечами людей бежали вслед за пажом. Ди Цембуэр, пытавшийся закрыть ворота и одновременно орудовать мечом, зажатым в левой руке, едва увернулся от рубящего удара. И тут же у ворот оказался Кэсерил, нанесший быстрый первый удар. Враг отбил меч Кэсерила, и звон стали разнесся по всему двору.

— Уходите! — крикнул он через плечо. — Через крыши!

Но сможет ли Изелль в своем платье карабкаться по крышам? Он не смог посмотреть, потому что враг, оправившись от первого яростного контакта, бросился вперед. Нападавшие не носили никакой формы, никаких знаков отличия и были в обычной уличной одежде — так было легче затеряться в праздничной толпе и малыми группами просочиться во дворец.

Ди Цембуэр нанес удар второму из нападавших и тут же получил ответный удар по сломанной

руке. Побелев лицом и охнув, он отпрянул. Из-за угла появился еще один солдат, в зеленых тонах баосийского гарнизона. Сердце Кэсерила воспрянуло было надеждой, но тут же упало — в этом воине он узнал предателя — того самого капитана, который продался Дондо за зеленый камень и способствовал безвременной смерти Тейдеса. Да, с тех пор он еще понаторел в искусстве измены!

Увидев Кэсерила, капитан злобно прищурился и сжал рукоять меча. Теперь их было двое против одного. Кэсерил уже не имел возможности ни перевести дух, ни закрыть ворота, тем более что на его пути упал противник, сраженный наконец ди Цембуэром. Но Кэсерилу нельзя было ни падать, ни отступать. К счастью, в узкий проем в воротах противники могли прорваться только по одному — Кэсерилу сегодня явно везло! Но рука его постепенно немела от тяжести меча и силы наносимых и принимаемых ударов. К тому же судорога вновь скрутила внутренности. Но каждый его удар давал так нужные Изелль, Бетрис и Бергону мгновения для бегства и спасения! Вот они удалились от места боя на один шаг, на два, на три… А где ди Тагилль? Девять шагов, десять, пятнадцать… Сколько еще бандитов следует за этой троицей? Его меч отсек кусок челюсти у

нападавшего, и тот, истекая кровью, с криком отшатнулся от ворот. Но у капитана появился лучший угол для атаки. Он все еще носил перстень Дондо, и тот сверкал, когда, выбрасывая вперед руку с мечом, капитан атаковал и отбивал атаки. Сорок шагов. Пятьдесят…

Кэсерил бился, защищая ворота, с такой отчаянной яростью, что даже забыл о демоне и Дондо, заключенных в его теле. Смерть для него уже не значила ничего. Его мир сузился до крошечного пятачка, на котором разворачивалось его последнее сражение. Он бился не за жизнь, он сражался за шаги. Каждый шаг, который успевали сделать Изелль, Бетрис и Бергон, был для него победой. Шестьдесят шагов…

Он потерял счет. Что же, начнем сначала. *Один, два, три…*

Сейчас я умру. Но, увы, это будет лишь во второй раз. Он едва не взвыл от отчаяния. Он так и не смог умереть *достаточное* количество раз! Рука его дрожала от напряжения и усталости. Здесь, в этой схватке у ворот, нужен не секретарь, а богатырь, но где такого взять? На ночное бдение к принцу и принцессе явились всего несколько аристократов, способных держать оружие. Неужели никто не придет ему на помощь? Ведь

даже слуги могли бы, похватав первое, что подвернется под руку, швырять это в нападающих… *Двадцать два…*

Может быть, сменить позицию и отойти к лестнице? Успели ли они подняться? Он бросил взгляд назад. Это было ошибкой. Капитан нанес удар, и меч выпал из рук Кэсерила, загремев металлом на камнях двора. Капитан бросился на Кэсерила и резким ударом кулака опрокинул его. С полудюжины атакующих прорвались через ворота и бросились во все углы. Парочка из них, опытные и осторожные, нанесли Кэсерилу несколько тяжелых ударов кулаками, в голову и грудь, чтобы лишить его возможности защищаться. Он почти потерял сознание. Он не знал, кто были эти нападавшие, но он знал, *кому* они служили.

Задыхаясь в судорожном кашле, он перевернулся на бок и увидел ди Джиронала, который вбежал в ворота в сопровождении еще нескольких человек. Ди Цембуэр все еще лежал на земле, скрючившись и сжав зубы от боли. Спаслись ли Изелль и Бергон? Успели ли они спуститься по лестнице для слуг и подняться на крышу? Помогли ли им Боги не предаться панике и забаррикадироваться? Ди Джиронал проследовал к основанию ведущей на галерею лестницы, где

собрались, готовясь к броску вверх, его люди.

— Марту? — крикнул Кэсерил, с неимоверным усилием поднимаясь на колени.

Ди Джиронал резко обернулся.

— А, вот вы где!

По его кивку баосийский капитан и еще один из нападавших подхватили Кэсерила, подтащили его к канцлеру и поставили, заведя руки за спину. Стоять сам он уже не мог, и они поддерживали его норовящее сползти на землю тело.

— Вы пришли слишком поздно! — прохрипел Кэсерил. — Она вышла замуж, и не только юридически, но и фактически. Изелль и Бергон — единая душа и единая плоть. И этого вам уже не отменить. Шалион обрел Ибру в качестве свадебного подарка, и вся страна празднует это приобретение. Изелль — дитя Весны и радость Богов. Вам ее не победить. Сдавайтесь! Спасайте свою жизнь и жизнь своих людей.

— Вышла замуж? — прорычал ди Джиронал. — Если нужно, овдовеет! Она безумная предательница, которая продала себя ибранцам, и я этого не потерплю!

И, развернувшись, он направился к лестнице.

— Это вы всех продаете и предаете, Марту! Вы продали Готоргет за рокнарийское золото, от

которого я отказался, а потом продали меня на галеры, чтобы заткнуть мне рот.

Кэсерил огляделся. Стоявшие вокруг и поодаль нападавшие, которые услышали его слова, заметно колебались. *Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь...* И, обращаясь уже к ним, он продолжил:

— Этот лжец торгует собственными людьми. Он предаст вас, как только почует запах золота!

Ди Джиронал резко обернулся и выхватил меч.

— Я заткну рот этому несчастному глупцу! — крикнул он. — Держите его.

Люди, державшие Кэсерила, дрогнули, увидев, что Джиронал, ухватив рукоятку меча двумя ладонями для особо мощного удара, способного снести голову, бросился вперед.

— Но, милорд! — успел проговорить человек, удерживавший левую руку Кэсерила, — Это же убийство!

Выбросив свой меч, он остановил полет меча канцлера, готового отсечь голову Кэсерила. И тогда ди Джиронал нанес колющий удар, вложив в него весь вес своего тела.

Сталь пронзила шелк, парчу, кожу, мышцы живота и вошла внутрь его тела с такой силой, что Кэсерил дернулся и едва не упал.

Звуки исчезли. Меч шел сквозь плоть Кэсерила так же медленно, как жемчужина тонет в меде. Боли не было. Красное лицо ди Джиронала замерло в маске ярости. Люди, державшие Кэсерила, отпустили его и, отстранившись, открыли рты в крике, которому уже не суждено было прозвучать.

С триумфальным воплем, который был слышен лишь Кэсерилу, демон смерти вырвался из его тела и скользнул по мечу, раскалив его докрасна, в самые ладони канцлера. Следом густой черной патокой вытекла вопящая от отчаяния масса — дух Дондо. Бело-голубые искры с треском охватили руки канцлера, все еще сжимающие меч, после чего распространились на все его тело, закрутившись вокруг него яростной спиралью. Голова ди Джиронала дернулась, откинулась назад, из его рта, вместе с душой, вырвался белый огонь. Волосы на голове канцлера встали дыбом, а глаза расширились и вскипели. Раскаленный меч, понуждаемый к тому силой нанесенного канцлером удара, все еще двигался в теле Кэсерила, и он ощутил запах горящей плоти. Красные, черные, белые пятна закружились в бешеном хороводе и уплыли в никуда. Этот круговорот подхватил чувства и ощущения Кэсерила и, вы-

рвав из его тела, понес вверх, словно столб дыма. Три духа и демон смерти — все слитые воедино, помчались прочь, в голубую даль Бытия…

Сознание Кэсерила взорвалось.

Он летел вперед, и все вперед, и вверх, пока весь мир не оказался распростертым под его взором — так, словно он обозревал его с высокой горы. Но этот мир не был миром материи, это был пейзаж духа; он не знал, как назвать сияющие цвета, что его окружали и ввергали в экстатические вибрации. Все души мира открылись ему; они шептались между собой, и в этом шепоте, подобном шелесту листьев в летнем лесу, он отчетливо различал голос каждого листика. Ему слышны были все стоны боли и печали, все вздохи стыда и все крики восторга, возгласы надежды и вопли отчаяния. Тысячи тысяч мыслей, порождаемых тысячью тысяч жизней, вливались в его сознание, расширившееся до пределов всего мира.

С поверхности земли, окутанной голубой дымкой, одна за другой, словно капли дождя, летящего снизу вверх, поднимались разноцветные души — сотни, тысячи, тысячи тысяч душ. Они сходились в хороводе, улетая в небеса, прочь от земли. *Это умирающие, пробивающиеся сквозь оболочку, разделяющую земной и горний миры.*

Души, обретшие при прошлом рождении плоть, уходя из тварного мира, переживали новое, странное рождение и возвращались к своей сути. Как их много! Как много! Как много!.. Сознание Кэсерила не могло удержать эту картину, и она ускользнула прочь, словно вода, стекающая сквозь пальцы.

В своих смутных юношеских мечтаниях Кэсерил представлял себе Госпожу Весны красивой нежной молодой женщиной. Ордол и теологи из Храма лишь слегка уточнили этот образ прекрасной юной леди, наделив ее всеобъемлющим Сознанием. Это Сознание одновременно внимало всем крикам и песням, звучащим в мире. С таким же удовольствием, с каким умелый садовник вдыхает ароматы выращенных им цветов, она смотрела на то, как вращающиеся в сложном хороводе души поднимаются вверх. И вот это Сознание обратило все свое Внимание на Кэсерила.

Кэсерил таял, угнездившись в Ее ладонях. Она выпила его, попутно отделив от прочих ингредиентов — братьев ди Джиронал и демона, которые тут же растворились в лучистом воздухе и исчезли, после чего вновь выпустила на свободу, вниз, через зияющее отверстие его смерти, назад, к зем-

ле, в его же собственное тело. Оказавшись там, он увидел, что меч канцлера по-прежнему торчит из его спины, и кончик его окрашен кровью, словно лепесток весенней розы.

А теперь — за работу, Кэсерил, — прошептала Дочь. — *Откройся мне!*

Смотреть можно? — спросил он, трепеща.

Разрешено все, что ты способен вынести.

Кэсерил вновь погрузился в полузабытье, в то время как Богиня вошла через него в мир. Его губы стали складываться в улыбку. Тело его было словно набито ватой. Он опустился на колени. Труп ди Джиронала еще не упал на плиты двора, хотя его мертвая рука уже соскользнула с эфеса меча. Ди Цембуэр, опираясь на здоровую руку, вставал и медленно, мучительно медленно открывал рот, чтобы крикнуть: *Кэсерил*! Некоторые из людей упали ниц, некоторые бросились бежать.

Богиня, словно комок, собрала в свои ладони черную паутину проклятия, освободив от него Изелль и Бергона, которые в это время бежали где-то по улицам Тариуна, Исту, оставшуюся в Валенде, Сару, сидящую над постелью мужа в Кардегоссе. Освободила весь Шалион — от одного горного хребта до другого, от реки до равнины и холмов. Только Орико не был виден среди сво-

божденных!

Собрав паутину проклятья, Богиня, воспользовавшись Кэсерилом как порталом, вывела ее за пределы мира, в иные края, и когда она оказалась там, то утратила свою черноту, и стала тем, что могло показаться и чистым потоком кристальной воды, и молодым вином, и чем-то еще, столь же чудесным.

Иное Бытие, мрачное и торжественное, подхватило то, что осталось от проклятья, и, вобрав в себя, вздохнуло с облегчением. Дело было сделано! Равновесие восстановлено! *Я думаю, это была кровь Бога.* Пролитая, утратившая изначальную чистоту, но вновь собранная, очищенная и возвращенная в надлежащее место.

Я не понимаю! Неужели Иста ошиблась? Или я неправильно посчитал, сколько раз я умирал.

Богина рассмеялась.

А ты подумай…

И гигантское голубое Бытие, словно широкая река, перекатывающаяся через пороги, проскользнув через Кэсерила, покинуло этот мир. Красота триумфальной музыки, краше которой он не слышал и не услышит никогда, пока вновь не явится в Ее царство, поразила его в самое сердце. Великий портал закрылся. Затворен, заперт

и опечатан.

Все исчезло.

Его колени соприкоснулись с плитами, которым был выложен двор, и это было первым из чувств, что принялись возвращаться к Кэсерилу. Он изо всех сил старался сидеть прямо, чтобы меч, не дай Бог, как-нибудь не повернулся в его теле. Судя по положению эфеса, меч вошел под углом, чуть снизу верх, пронзил желудок и вышел справа от позвоночника, гораздо выше точки входа. *Теперь* явилась и боль. Кэсерил сделал первый судорожный вздох, и меч слегка подался вбок и назад. Ноздрей его достиг запах подгоревшей плоти, смешавшийся с небесно-прекрасным ароматом весенних цветов. Он дрожал от холода и боли, но старался держаться.

Как назло, Кэсерила душил смех. Но смеяться нельзя — станет еще больнее.

Горелым мясом пахло не только от него — прямо перед ним лежал ди Джиронал. Кэсерил видел сгоревшие трупы, но там огонь шел снаружи внутрь. Здесь же было все наоборот. Ди Джиронал сгорел изнутри. Его волосы и одежда еще дыми-

лись, но огонь их не взял, и они превратились в пепел, так и не воспламенившись.

Внимание Кэсерила привлек небольшой камень, лежащий возле его колена. Он был таким *плотным*, таким *увесистым*! Богам не дано поднять и перышка, зато обычный человек способен подхватить этого древнего свидетеля рождения нашего мира и сделать с ним что угодно — скажем, положить в карман. Он удивился — отчего это он никогда не оценивал по достоинству упрямой надежности всего материального? Рядом с камнем лежал высохший лист — еще более удивительная вещь! Материя изобретает столько форм! И она же создает красоту, которая является чем-то большим, чем материя, — души и умы, которые подобны музыке, льющейся из этого волшебного инструмента — материи… Вот что приводит в изумление самих Богов!

А как ясно материя помнит самое себя! Почему же он раньше ничего этого не видел? Его собственная дрожащая рука была настоящим чудом, как и этот замечательный меч, торчащий из его желудка, как и апельсиновые деревья в кадках; одну кадку кто-то опрокинул и разбил, и из нее высыпалась земля… И эти кадки, и утренние песни птиц, и вода… О, вода, струящаяся в фонтане!

О Боги! Что за чудо — эта вода! А сам фонтан, а утренний свет, окрашивающий небо в голубые тона…

— Лорд Кэсерил! — услышал он слабый голос.

Скосив глаза вбок, Кэсерил увидел подползшего к нему ди Цембуэра.

— Что это было? — спросил ди Цембуэр.

Он едва не плакал — но не от боли, а от чего-то другого.

— Какие-то чудеса, — ответил Кэсерил. Не слишком ли много чудес разом и в одном месте? Спасения нет! Куда ни бросишь взгляд — обязательно наткнешься на чудо!

Нельзя говорить! Дрожание голосовых связок и горла усиливает боль в животе. Хотя говорить он мог — меч, надо полагать, не задел легкого. Наверное, кашлять кровью — это особый вид боли! А у него — ранение в живот. *Через три дня я умру.* Неожиданно он ощутил еще один запах — его он помнил по войне. Он видел трупы солдат с развороченными кишками — так пахнет их содержимое. Смешанный запах крови и дерьма — запах войны. Запах смерти. Этот запах смешался с вонью обгоревшего мяса. Неужели и у него задет кишечник? Но нет, запах идет откуда-то сбоку. Прислушавшись, Кэсерил услышал сдерживае-

мые рыдания. Вот откуда эта вонь! Баосийский капитан, свернувшись калачиком, лежал на боку и, обхватив голову ладонями, всхлипывал. Но он не ранен! Понятно! Он был самым близким из оставшихся в живых свидетелей. Очевидно, Богиня, проходя мимо, задела его краями своих одежд, и он, думая, что умирает, не удержал…

Кэсерил рискнул сделать вдох.

— Что вы видели? — спросил он ди Цембуэра.

— Этот человек — ди Джиронал?

Кэсерил кивнул.

— Когда он ударил вас мечом, — прошептал ди Цембуэр, — раздался адский треск, и он весь вспыхнул голубым пламенем. Он что… Это его Боги поразили?

— Не совсем… Тут все немного сложнее…

Во дворе было странно тихо. Кэсерил рискнул повернуть голову. Около половины нападавших и кое-кто из слуг Изелль лежали на каменных плитах. Некоторые из них что-то тихо бормотали, другие, как баосийский капитан, плакали. Остальные куда-то подевались.

Кэсерил наконец понял, что это значит — трижды пожертвовать своей жизнью ради того, чтобы случилось то, что случилось. И еще он понял, как это произошло. Пути Богов неиспове-

димы, но кое-что ему открылось. Оказывается, первые две смерти он пережил, ну, скажем, ради тренировки, ради подготовки себя к третьей, главной. Да, он научился умирать — тогда, на галерах, под смертоносными ударами бича, а потом — на башне Фонзы, в компании священных ворон. Он не обсчитался. Его готовность погибнуть на галерах не была — тогда — смертью во имя Шалиона. Но она стала таковой после того, как Изелль вышла замуж за Бергона и стала с ним — с Дэнни — одной плотью, и Бергон понес на себе проклятие Золотого генерала. И получилось, что та жертва, которую принес Кэсерил на галерах, стала его свадебным подарком и принцессе Изелль, и всему роду шалионских королей. Кэсерил надеялся, что ему удастся пожить еще немного, чтобы рассказать об этом Бергону. Тому понравится.

Да, он научился умирать. Поэтому, когда пришел черед умереть в третий раз, он уже был ловким и покладистым союзником Богини — так хорошо вышколенный мул с готовностью подставляет свою спину под неподъемные седельные сумки.

Послышались шаги. Кэсерил поднял глаза и увидел бегущего к нему ди Тагилля, запыхавше-

гося и взлохмаченного, с мечом, вложенным в ножны. Подбежав, он резко остановился и, посмотрев на Кэсерила, воскликнул:

— О Боги!

После этого перевел взгляд на своего ибранского друга:

— С вами все в порядке, ди Цембуэр?

— Эти сукины дети снова сломали мне руку, — ответил то. — Но это ничего. С *ним* все гораздо страшнее. Как там, снаружи?

— Ди Баосия поднял своих людей и прогнал нападавших из дворца. Все там смешалось, но те из бандитов, кто остался в живых, сейчас бегут по городу в Храм.

— Хотят напасть? — в тревоге спросил ди Цембуэр и сделал очередную попытку встать.

— Нет! Сдаться, пока их не разорвали на части. А горожане высыпали из домов и гоняют их по улицам. Хуже всего им достается от женщин.

Ди Тагилль вновь посмотрел на дымящийся труп ди Джиронала.

— О Боги! — повторил он. — Какой-то шалионский солдат кричал, что канцлера ударила молния. Причем небо было чистое. Это ему наказание за то, что в День Дочери он затеял бой.

— Я тоже все видел! — кивнул ди Цембуэр. —

Грохот был жуткий. А этот тип даже крикнуть не успел.

Ди Тагилль оттащил труп канцлера в сторону и склонился над Кэсерилом, обеспокоенно глянув вначале на его живот, а потом в лицо.

— Лорд Кэсерил! — сказал он. — Мы должны попробовать вытащить его из вас. Причем, чем скорее, тем лучше.

— Нет, подождите, — попросил Кэсерил. — Я хочу сначала увидеться с леди Бетрис.

Он как-то видел солдата, пронзенного стрелой, пущенной из арбалета. Когда стрелу вытащили, хлынула кровь, и солдат тут же умер.

— Милорд! Но нельзя же тут просто сидеть с торчащим из живота мечом!

— Двигаться я не могу, а просто сидеть — сколько угодно! — сказал он, стараясь говорить как можно более убедительно. Кстати, когда он говорил, то начинал задыхаться. Это плохо. Было очень холодно, и его трясло. Но пульсирующая боль не была непереносимой — может быть, оттого, что он сидел, не двигаясь. Кстати, когда его терзал изнутри Дондо, все было хуже.

Во двор стали сходиться люди. К стонам раненых добавился звук голосов — люди взволнованно рассказывали друг другу о том, что слышали

и видели. Кэсерил отвлекся, вновь сосредоточившись на лежащем у колена камне. Интересно, как он здесь оказался? Чем он был перед тем, как стал камнем? Частью скалы? Горы? И где это было? Сколько лет он там пробыл? Боги все удерживают в своем Сознании — и камни, и горы, и вообще все. Все и всегда. Он видел это в глазах Госпожи Весны. Если бы он задержал свой взгляд чуть дольше, его душе пришлось бы взорваться. Но одновременно он чувствовал, что она стала много шире и протяженнее. Теперь она способна вбирать в себя гораздо больше, чем обычная человеческая душа. И что это — дар Богини или просто случайность?

— Кэсерил! — послышался дрожащий голос.

Как он ждал его! Кэсерил поднял глаза. Если камень был вещью удивительной, то лицо Бетрис было ошеломляюще удивительным. Форма ее носа могла бы запросто на часы, на годы приковать его восхищенное внимание. Что камень! Вот истинное наслаждение — лицезрение носа любимой! Но в глазах Бетрис стояли слезы, лицо ее было мертвенно-бледным. Это плохо! И хуже всего было то, что ямочки на ее щеках исчезли, словно высохли.

— Ну, вот и вы, — со счастливой улыбкой про-

изнес он хрипло. — Поцелуйте меня.

Бетрис проглотила подступающие рыдания, встала на колени и потянулась к лицу Кэсерила теплыми губами. Аромат ее рта не был похож на ароматы, которые источала Богиня, это был запах земной женщины, но он был чудесен! Своими холодными губами Кэсерил прижался к губам Бетрис, словно хотел испить ее тепла и ее юности. Да, чудо было с ним каждый день, а он этого не замечал!

Наконец он отодвинулся.

— Все! — сказал он.

Он не сказал *достаточно*, потому что это было бы неправдой.

— Теперь можно и меч тащить.

Вокруг сгрудились люди, главным образом, взволнованные незнакомцы. Бетрис стояла рядом, отирая катящиеся по щекам слезы. Кто-то ухватил Кэсерила за плечи. Паж держал сложенную в несколько раз салфетку, готовясь наложить ее на рану. Кто-то разматывал бинты, собираясь перевязать раненого.

Кэсерил колебался. Если Бетрис здесь, поблизости должна быть и Изелль.

— Изелль! Бергон!

— Я здесь, лорд Кэс! — раздался знакомый го-

лос.

Явно запыхавшаяся Изелль встала перед ним. Глаза принцессы были полны невыразимой грусти и сочувствия. Во время бегства она сбросила с себя верхние торжественные наряды. Правда, как обстояли дела с черной аурой, он наверняка сказать не мог — способность к внутреннему видению медленно покидала Кэсерила, и он не был уверен в том, что видит.

— Бергон сейчас с моим дядей, — продолжила она. — Помогает его людям очистить город от врагов.

Голос ее был тверд, хотя по щекам текли слезы.

— Черного облака более нет, — сказал он, хотя и не вполне уверенно. — От его власти свободны и вы, и Бергон. И вообще все, над кем висело проклятие.

— Но *как* это случилось?

— Расскажу, если получится.

— О, *Кэсерил*!

Он улыбнулся, услышав знакомые интонации, с которыми она произнесла его имя.

— В таком случае, — продолжила принцесса, — я вам приказываю *жить*!

Перед Кэсерилом встал на колени ди Тагилль.

Кэсерил кивнул:

— Тяните!

— Только аккуратно! — вмешалась Изелль. — Чтобы не сделать еще хуже.

— Конечно, моя госпожа! — отозвался ди Тагилль и, прикусив губу, взялся за рукоять меча.

— Аккуратно, — повторил Кэсерил, — только побыстрее, пожалуйста!

Лезвие меча покинуло его тело, а вслед за ним из раны вырвался поток горячей влаги. Кэсерил надеялся, что сейчас же умрет, но только покачнулся, когда паж с силой приложил к ране и принялся удерживать салфетку. Кэсерил скользнул глазами вниз — наверняка кровь густым потоком уже залила его колени! Но ни крови, ни вообще хоть чего-то красного он не увидел. Прозрачная жидкость, чуть тронутая розовым. Много жидкости! *Должно быть, меч пронзил мою опухоль.* Хотя, вероятно, это была совсем не опухоль. Бастард каким-то образом заставил Роджераса выдать такой кошмарный диагноз, чтобы скрыть реальную суть образования, поселившегося в теле Кэсерила. А это было, скорее всего, нечто вроде плодного пузыря, в котором, как эмбрион в околоплодной жидкости, и купался демон, удерживая в своих когтях душу Дондо. Удивленный шепот поднялся вокруг Кэсерила, когда сгрудившиеся

вокруг люди ощутили аромат небесных цветов, исходивший от жидкости, излившейся из раны.

Уже ничему не сопротивляясь, он упал в заботливые руки, подхватившие его тело, как будто лишенное костей, и только в последнем движении, перед тем как его понесли в спальню, умудрился подхватить лежавший возле ног камень. Люди, несшие его, были возбуждены и напуганы, он же — восхитительно спокоен и расслаблен. Как здорово! Теперь все будут за ним ухаживать! Заботиться! Исполнять малейшие его прихоти! Когда его положили на постель, он взял Бетрис за руку и не отпускал, пока забытье не поглотило его сознание.

28

Пробудили его стук и негромкие голоса у двери. Комната была погружена в полумрак, и огонек единственной свечи, боровшейся с простиравшейся за окном темнотой, сказал ему, что уже наступила ночь. Он услышал голос врача, который все это время сидел рядом с его постелью:

— Он спит, король, королева…

— Нет, я не сплю! — живо отозвался Кэсерил. — Входите!

Он уперся локтями, чтобы приподняться, но не рассчитал силы.

— Дайте еще света! — сказал он. — Больше! Я хочу вас видеть!

Большая группа людей вошла в его спальню, стараясь вести себя как можно тише, — военный парад, которому вдруг вздумалось продемонстрировать крайнюю степень стеснительности. Впереди были Изелль и Бергон, за ними стояли Бетрис, Палли, архиепископ тариунский, малень-

кий судья (по совместительству святой), а следом — придворные, слуги… Внесли свечи, и все озарилось их умноженным светом. Чистые простыни — это горизонтальная координата рая, и, лежа на них, Кэсерил дружески улыбался вошедшим.

Бергон внимательно посмотрел на Кэсерила и несколько хрипловато прошептал, обращаясь к врачу:

— Как он?

— Утром в пузыре было довольно много крови, а к вечеру — гораздо меньше. Лихорадки нет. Я не рискнул давать ему больше пяти ложек чая, потому что не знаю, как обстоят дела с его раной. И не знаю, насколько ему больно.

Кэсерил решил, что ему лучше самому говорить за себя.

— Больно, но куда деваться! — сказал он.

Сделав слабую попытку перевернуться набок, поморщился и проговорил:

— Я бы хотел сесть. Приподняться, хоть чуть-чуть. Трудно разговаривать с вашими нависшими сверху носами.

Палли и Бергон принялись усаживать Кэсерила, подкладывая сзади и взбивая подушки.

— Спасибо! — сказала Изелль врачу, который поклонился и, поняв намек, отошел в сторону.

Кэсерил откинулся на подушки и облегченно вздохнул.

— Что нового? — спросил он. — Тариун в осаде? И перестаньте говорить шепотом, как на похоронах.

Стоя в ногах его постели, Изелль улыбнулась.

— Произошло много чего, — сказала она, и голос ее обрел обычную твердость. — Люди ди Джиронала, получив известие от его шпионов, пошли в наступление с двух сторон — из Тистана, где сидит его зять, и из Валенды. Вчера поздно ночью колонна, которая шла из Валенды, встретила нашу делегацию, которая везла наше письмо Орико, и задержала ее.

— Они живы? — обеспокоенно спросил Кэсерил.

— Была небольшая потасовка, но никого не убили. А потом долго спорили. Ну что ж, мы послали самых разумных, самых солидных людей, которые способны убеждать. Лучших посланников в Тариуне нам было не найти.

— Потом, уже днем, мы послали несколько групп переговорщиков, — продолжала Изелль. — Туда мы включили и людей ди Джиронала — из тех, кто видел битву во дворце и, самое главное, — тот чудесный огонь, который убил канцлера. Они

плакали и стенали, но мы настояли, чтобы они поехали, и их рассказы были очень убедительны. Кэсерил, а что в действительности… Да, нам передали, что Орико умер.

Кэсерил вздохнул. *Я знал это.*

— Когда? — спросил он.

Архиепископ тариунский ответил:

— По этому поводу есть неясности. Новость о смерти короля сегодня днем привез курьер из Храма. Архиепископ Менденаль пишет, что король умер на следующую ночь после свадьбы принцессы… свадьбы королевы. Но люди ди Джиронала говорят, что он объявил им, будто Орико умер накануне свадьбы, и с тех пор он является полноправным регентом Шалиона. Думаю, он лгал. Хотя какое это теперь имеет значение?

Но если бы события приняли иной оборот, это имело бы значение, и немалое… Кэсерил, размышляя, нахмурился.

— В любом случае, — вступил в разговор Бергон, — когда люди ди Джиронала узнали, что выступают не против наследницы-бунтовщицы, а против своей законной королевы, их колонны распались, и все теперь возвращаются по домам. Я за этим проследил и только что вернулся.

И действительно, сапоги короля были забрызга-

ны дорожной грязью, а глаза сияли от осознания успеха предпринятого им дела. И от понимания того, что войны удалось избежать.

— Вы думаете, перемирие сохранится? — спросил Кэсерил. — Ди Джиронал держал в своих руках ниточки сети, где ключевыми узлами были его родственники. У этой сети была огромная власть и влияние, а интересы этих людей сейчас под угрозой.

Палли хмыкнул и покачал головой.

— Они не смогут теперь рассчитывать на поддержку ордена Сына — он обезглавлен. Более того, они понимают, что теперь власть в ордене перейдет к другой фракции. Клану ди Джиронала придется научиться осторожности.

— Провинкар Тистана уже прислал нам письмо, в котором пишет о своей нам верности. Похоже, письмо писалось в страшной спешке. Мы подождем еще один день, чтобы увериться в том, что дороги чисты, и вознесем благодарственные молитвы Богам в тариунском Храме. Затем мы с Бергоном поедем в Кардегосс, на похороны Орико и мою коронацию. Дядя дает нам свою кавалерию.

Глаза ее стали грустными.

— Боюсь, нам придется оставить вас ненадолго,

лорд Кэс, — проговорила она.

Он посмотрел на Бетрис. В ее темных глазах царила озабоченность и что-то еще, о чем не говорят. Ну что ж, придется на время расстаться. Куда едет королева Изелль, туда же едет и Бетрис, ее первая придворная дама.

Изелль же между тем продолжала:

— Если вам больно, можете не говорить слишком много, но, Кэсерил… Что случилось во дворе, во время битвы? Неужели Дочь действительно убила ди Джиронала ударом молнии?

— Если судить по тому, как выглядело тело, похоже на то, — сказал Бергон. — Его словно *поджарили*. Никогда такого не видел.

— Это отличное объяснение, и сойдет для большинства, — покачал головой Кэсерил. — Вы же должны знать правду. Только… только это не может выйти за пределы этой комнаты.

Изелль посмотрела на врача, и тот, все поняв, откланялся.

— А этот джентльмен? — спросила Изелль, указав на судью.

— Достопочтенный Паджинин… как бы это сказать? Он — мой коллега, поэтому должен остаться, как и архиепископ.

Они собрались вокруг его постели, затаив ды-

ханиe. Ни Паджинин, ни архиепископ, ни Палли ничего не знали про Дондо и демона, отчего Кэсерил счел нужным начать историю с начала и попытался рассказать ее достаточно связно, чтобы его слова не восприняли как бессвязное бормотание сумасшедшего.

— Кардегосский архиепископ Менденаль знает эту историю в деталях, — уверил он тех из присутствующих, кому эти события стали известны впервые и кто был теперь сверх меры поражен рассказом. Палли застыл столбом, вытаращив глаза. Кэсерил, чувствуя вину перед другом, отвел взгляд и продолжил:

— Ди Джиронал велел своим людям держать меня, что они и сделали. Я был уже безоружен. И когда он проткнул меня мечом, это было чистое убийство, хотя в этот момент он погиб и сам. Демон же, как я понимаю, был изрядно смущен. Его делом было забрать души убитого и его убийцы. Две души. А перед ним было три. И моя душа была душой убитого. Тем более что в этот краткий миг она уже принадлежала Богине…

Голос Кэсерила дрогнул. Но тем не менее он продолжил:

— Я не знаю, каким образом вместить в слова то, что мне открылось. Вселенная… Нет, невоз-

можно! Даже если бы я владел всеми языками мира и, не умолкая, говорил до скончания времен, я не рассказал бы и малой доли того, что мне было открыто.

Он дрожал, а его глаза вдруг наполнились слезами.

— Но ты же не был мертв? Мертв буквально, так сказать, — спросил обеспокоенно Палли.

— Выходит, был. На кратчайшую долю доли секунды, которая, однако, растянулась надолго. Но если бы я не умер, я не смог бы проломить стену, которая разделяет наши миры, а тогда Богиня не явилась бы к нам и не сняла бы проклятие. А это была, как я полагаю, просто капля крови Отца, хотя каким образом Золотой генерал получил этот дар, я не знаю. Кстати, это метафора, и у меня нет слов, чтобы описать все это доступно, простите… Это похоже на то, как если бы я сплел корзинку из теней и пытался носить в ней воду.

И души наши обожжены знанием.

— Все в этой Вселенной я увидел через глаза самой Госпожи Весны. И хотя теперь я уже не владею способностью к внутреннему видению, мои глаза стали другими.

Архиепископ осенил себя прикосновением к сакральным точкам. Паджинин откашлялся и

неуверенно произнес:

— И, правда, милорд, от вас уже не исходит тот яркий свет, что был раньше.

— Вот как? Отлично! — радостно отозвался Кэсерил. — А как насчет черного облака вокруг Изелль и Бергона? Они действительно исчезли? Я не был вполне уверен.

— Да, милорд. Король! Королева! Тень проклятия покинула вас.

— Вот и славно! — удовлетворенно проговорил Кэсерил. — Боги, демоны, призраки — все исчезли. Вся эта веселая компания. Теперь я — самый обычный человек.

Паджинин же изобразил на своей физиономии выражение, в котором прихотливо сочетались и удивление, и сомнение.

— Я бы не стал торопиться с такими заявлениями, милорд! — проговорил он негромко.

Архиепископ тронул Паджинина за плечо и прошептал:

— Но он ведь рассказал правду, верно? Какой бы странной она ни была…

— О да, ваше преосвященство! У меня нет ни малейших сомнений.

Взглядом он дал знать Кэсерилу, что понимает гораздо больше, чем архиепископ, который был

ошарашен и совершенно выбит из колеи всем услышанным в спальне Кэсерила.

— Завтра, — провозгласила Изелль, — мы с Бергоном идем в Храм с процессией благодарения. Босиком через весь город, чтобы выказать благодарность Богам.

Кэсерил не преминул посоветовать обеспокоенно:

— Ступайте осторожно. Вдруг попадется битое стекло или ржавая булавка!

Бергон же уверил Кэсерила:

— Будем смотреть друг другу под ноги на всем пути к Храму.

Повернув голову к Бетрис, Кэсерил протянул руку и коснулся ее руки.

— Ну что ж, — сказал он, — внутри меня посторонних больше нет. Изрядное облегчение — во всех смыслах. Свобода! Чего еще может желать мужчина?

Голос его между тем слабел, подчиняясь чувству усталости. Бетрис повернула свою руку ладонью вверх и тайком сжала руку Кэсерила.

— Мы уйдем и дадим вам отдохнуть, — сказала Изелль обеспокоенным тоном. — Может быть, вы чего-то хотите?

Он хотел было отрицательно покачать головой,

но вместо этого сказал:

— О, да! Музыки.

— Музыки?

— Возможно, немного тихой, спокойной музыки, — предположила Бетрис. — Чтобы уснуть.

Бергон улыбнулся и сказал:

— Прошу вас, леди Бетрис, выполните его пожелание.

Гости на цыпочках вышли. Вернулся врач. Он позволил Кэсерилу выпить немного чая в обмен на согласие предоставить материал для анализа, который он, ворча, принялся внимательно рассматривать на предмет наличия крови.

Наконец явилась леди Бетрис в сопровождении молодого лютниста. Тот явно нервничал — его разбудили и по высочайшему распоряжению предписали немедленно заняться исполнением лучших пьес из его репертуара. Тем не менее он сразу же успокоился, стоило ему взяться за инструмент, на котором он, быстро настроившись, сыграл семь коротеньких номеров. К сожалению, ни один из них не удовлетворил Кэсерила — все это было не то, ни одна из пьес не вызвала в его памяти воспоминаний о Дочери и аромате ее цветов. Но вот наконец лютнист заиграл восьмую пьесу, составленную из сплетенных в контра-

пункте сладчайших мелодий, и в ней Кэсерил распознал эхо небесной красоты. Он попросил юношу сыграть эту пьесу еще раз, и еще раз, и слезы потекли по его щекам, и, увидев, что он плачет, Бетрис сказала, что он устал и должен поспать, и отослала молодого человека.

И Кэсерил вновь не нашел времени сказать Бетрис, что он понял про ее нос, а когда он попытался объяснить это чудо врачу, тот дал ему столовую ложку настойки макового семени, после чего они отвязались друг от друга на целую ночь.

Через три дня его раны перестали источать дивно пахнущую прозрачную жидкость и закрылись. Врач разрешил Кэсерилу на завтрак немного каши, которая дала ему достаточно сил, чтобы он мог посидеть во дворе на теплом весеннем солнце. Чтобы перевести его из спальни во двор, сбежалось огромное количество слуг и самых разных добровольных помощников, которые, суетясь вокруг, только мешали делу, но в конце концов его свели с галереи вниз и усадили в выстланное шерстью и оснащенное мягкими подушками глубокое кресло, поставив под ноги

мягкую скамеечку. Отправив прочь помощников, которые назойливо и наперебой предлагали свои услуги, он погрузился в высшей степени приятное ничегонеделание. Рядом мягко журчал фонтан. Парочка небольших черно-оранжевых птичек порхала вокруг, принося в клювах пряди сухой травы, из которой они сооружали себе гнездо на капители одной из колонн, поддерживающих галерею. На маленьком столике, расположенном прямо у его локтя, лежала толстая пачка бумаги и ворох перьев, но он не обращал на него никакого внимания, следя за порхающими птицами.

Дворец ди Баосии затих — все, включая хозяина, хозяйку, гостей — короля и королеву, — а также многочисленную свиту и большой вооруженный отряд, отправились в Кардегосс. Поэтому Кэсерил, предвкушая удовольствие, лениво улыбнулся, когда ажурные ворота под аркой распахнулись и вошел Палли. Новая королева поручила марчу скучную обязанность наблюдать за своим выздоравливающим секретарем, пока все они будут принимать участие в грандиозных столичных событиях, что Кэсерил счел не вполне справедливым решением, если принять во внимание, сколько всего марч ди Паллиар сделал для новой королевской четы и для государства. Несмотря на

то, с какой заботой Палли присматривал за ним, Кэсерил все-таки предпочел бы, чтобы Изелль оставила с ним Бетрис, хотя ему и было несколько стыдно себе в этом признаться.

Палли, широко улыбнувшись, отдал Кэсерилу шутливый салют и, присев на краешек фонтана, произнес:

— Ну как дела, кастиллар? Неплохо выглядишь! И уже принял вертикальное положение! А это что? — и он показал на стол с бумагой и перьями. — Работа? Перед тем как уехать, твои женщины составили мне длинный список того, чего ты не имеешь права делать. Работа была на первом месте. Ты, конечно, надеялся, что я все забыл, но это не так!

— Никакой работы! — возразил Кэсерил. — Я собирался писать поэму в духе Бехара, но тут появились эти птицы… Вот одна летит.

И он показал Палли на черно-оранжевую молнию, которая скользнула над двором.

— Люди хвалят птиц за то, что они — великие строители, — продолжил он, — но эта парочка совсем неуклюжа. Возможно, они еще молоды и это их первая попытка. Хотя они весьма настойчивы. Правда, если я стал бы строить себе хижину, используя только рот, я бы, конечно, потерпел

неудачу. Надо мне написать поэму во славу птиц. Если материя, которая, подобно тебе, ходит и разговаривает, уже есть настоящее чудо, то сколь чудеснее материя, которая летает и поет!

Палли недоуменно вытаращил глаза.

— Это поэзия, Кэс, или горячка?

— Поэзия и есть горячка. Болезнь, причем заразная. Боги обожают поэтов. Стихи и музыка сотканы из той же субстанции, что и душа, отчего они совершенно беспрепятственно достигают небес. Резчики по камню… даже Боги восхищаются резчиками по камню.

Он прищурился, глянув на солнце, после чего с улыбкой посмотрел на Палли.

— И тем не менее, — проговорил Палли, — твой вчерашний утренний катрен про нос леди Бетрис был тактической ошибкой.

— Я не собирался посмеяться над ней! — запротестовал Кэсерил. — А она что, была сердита, когда уезжала?

— Нет. Сердитой она не была. Ее убедили в том, что это у тебя лихорадка, и она разволновалась. На твоем месте я не стал бы ее разубеждать.

— Боюсь, сейчас мне трудно будет написать поэму, посвященную всей леди Бетрис целиком. Я пытался.

Палли усмехнулся и проговорил:

— Ну, если ты хочешь написать пеан какой-нибудь одной части ее тела, напиши хвалебную песнь губам. Губы — штука более романтичная, чем нос.

— Но почему, если меня восхищает любой орган ее тела?

— Да, но мы целуем друг другу именно губы. Мы не целуем носы. Как правило. Поэты воспевают то, что им желаннее всего, чтобы как можно скорее это получить от того, кого они воспевают. Чтобы максимально приблизиться к объекту желания.

Кэсерил слабо отмахнулся и сказал:

— Ты слишком практичен. Если исходить из твоих представлений, поэт обязан воспевать дамские интимные части.

— Нет. За это дамы оторвут поэту голову. Губы — отличный компромисс, который подразумевает раскрытие иных, желанных тайн.

— Не понимаю. Она для меня желанна вся и целиком. Нос, губы, ноги, то, что между ног, ее душа, без которой ее тело напоминало бы холодную глину и стало бы разлагаться заживо вообще не смогло бы быть объектом желания.

— Увы, друг мой, — усмехнулся Палли и при-

гладил свою шевелюру. — Ты не понимаешь природы романтических отношений.

— Спешу тебя уверить, что я теперь вообще ничего не понимаю. Я фантастически озадачен и смущен тем, что произошло, и тем, что происходит.

Палли фыркнул и, склонившись к столу, взял верхний лист бумаги — единственный, на котором было хоть что-то написано. Просмотрев текст, он удивленно вскинул брови.

— Что это? Это не про дамские носы!

Лицо его стало серьезным, он пробежался по странице сверху вниз, потом снизу вверх и сказал:

— Я не могу даже сказать, о чем это. Хотя, признаться, у меня волосы встают дыбом и мурашки бегут по коже.

— Это? Это так, ровным счетом ничего. Я пытался, но то, что получилось, совсем не похоже на то…

Он беспомощно повел руками, после чего коснулся ладонью лба.

— …на то, что я видел.

И добавил, пытаясь объяснить то, что сказал:

— Я думаю, в поэзии слова более нагружены, чем в обыденной речи, потому что существуют по

обеим сторонам стены, разделяющей этот и тот миры — так же, как и люди. Но пока мне удалось лишь испортить лист бумаги. Он достоин только того, чтобы его сожгли.

— Гм, — произнес Палли. И, сложив лист вчетверо, он отправил его себе в карман.

— Я попробую снова, — вздохнул Кэсерил. — Не исключено, что однажды у меня все получится. Я должен написать несколько гимнов во славу материи и материального мира. Во имя птиц, камней. Это было бы, я думаю, приятно Госпоже Весны.

Палли усмехнулся:

— Чтобы к ней максимально приблизиться?

— Может быть.

— Опасная штука эта поэзия, — покачал головой Палли. — Я уж лучше буду заниматься каким-нибудь делом. Реальное действие лучше, чем поэма о нем.

— Будь осторожен, любитель реальных дел! Молитва — это ведь тоже и дело, и реальное действие.

Шепот и шорох достигли их слуха. Кэсерил посмотрел и увидел за резными перилами галереи небольшую группу служанок и мальчиков-слуг. Те наблюдали за ним, хихикали и перешепты-

вались. Палли, заметив, куда смотрит его друг, тоже посмотрел в их сторону. Одна из девушек смело высунулась из-за перил и дружески помахала. Кэсерил ответил. Хихиканье усилилось, и служанки убежали. Палли почесал себя за ухом и испытующе уставился на Кэсерила.

Кэсерил объяснил:

— Люди все утро рвались сюда, чтобы увидеть место, где был поражен бедняга ди Джиронал. Если лорд ди Баосия не предпримет соответствующих мер, его двор превратится в святилище, место паломничества и поклонения.

Палли откашлялся и возразил:

— Ошибаешься, Кэс! Люди рвутся сюда, чтобы посмотреть на тебя. Парочка тутошних слуг берет плату за то, чтобы провести любопытствующих из города — посмотреть на героя. Я не знал, прикрывать ли их лавочку или нет, но, если они тебя беспокоят, то…

Он встал и повернулся к галерее.

— О, не стоит, — покачал головой Кэсерил. — Я добавил немало лишней работы местным слугам, так пусть уж они поимеют с меня пару монет.

Палли фыркнул, но пожал плечами, после чего спросил:

— Так тебя точно не лихорадит?

— Сначала я не был уверен. Теперь знаю. Нет, не лихорадит. Врач разрешил мне есть, хотя и понемногу. Думаю, я выздоравливаю.

— Да, это настоящее чудо. Чтобы на тебя посмотреть, можно и заплатить. Я понимаю дворцовых слуг.

— Чудо не в этом. Я пока не понял, зачем Госпожа Весны сохранила мне жизнь. То ли как прощальный подарок, а может быть, я ей нужен как тот, кто смог бы вновь открыть ей врата в наш мир? Ордол был прав, когда писал о бережливости Богов. Они своим достоянием не разбрасываются. Так что, я думаю, оба объяснения хороши. Когда-нибудь мы с ней обязательно встретимся вновь.

Он откинулся на спинку кресла и взглянул в высокое голубое небо. Небо цвета Дочери. Губы его сами собой сложились в улыбку.

— Когда мы встретились в первый раз, Кэс, ты был самым серьезным парнем из всех, кого я знал. Теперь ты все время улыбаешься. Ты уверен, что получил обратно свою душу точно такой, какой отдал?

Кэсерил громко рассмеялся.

— Может, и не такой. Вспомни, как бывает, когда мы путешествуем: ты пакуешь все необхо-

димое в седельные сумки, а когда возвращаешься, они у тебя вдвое больше, чем во время отъезда, хотя ты клянешься, что по пути ничего туда не добавлял. Все дело в искусстве упаковки.

Он похлопал себя по бедру и закончил:

— Наверное, меня не очень аккуратно упаковали обратно.

Палли покачал головой и сказал:

— А теперь ты еще и протекаешь. Стихами.

Прошло еще десять дней. Кэсерил выздоравливал. Он совсем не тяготился бы вынужденным бездельем и отдыхом — если бы не тоска по людям, с которыми он расстался и с которыми так хотел воссоединиться. Наконец это желание победило в нем его ненависть к конным путешествиям, и он попросил Палли организовать их поездку в столицу. Конечно, Палли протестовал: Кэсерил еще не вполне здоров, ему рановато садиться в седло… Но Кэсерил был уверен, что и Палли не терпится посмотреть, что там происходит в Кардегоссе.

Кэсерил с небольшим эскортом, включавшим, помимо Палли, его кузенов и верных соратников

Фойкса и Ферду, особо не спеша, ехал по дороге, наслаждаясь чудесной погодой, совершенно непохожей на то, что они испытали во время своей прошлой поездки. Каждый вечер, когда ему помогали спуститься с лошади, Кэсерил клялся, что назавтра они поедут помедленнее, но следующим утром, оказавшись в седле, он невольно понукал своего коня, чтобы тот двигался быстрее. Наконец на горизонте, на фоне голубого неба и пушистых облаков, показалась Зангра, которая выглядела ярким бриллиантом посреди изумрудного ландшафта.

За несколько миль до Кардегосса на дороге они встретили небольшой обоз. Люди в ливреях провинкара Лабрана сопровождали три повозки и некоторое количество вьючных лошадей и мулов. Две из трех повозок были нагружены багажом, в третьей, с занавешенными окнами, ехали несколько женщин.

Подъехав к обочине, эта третья повозка остановилась, сидевшая в ней служанка подозвала сержанта в ливрее, что-то ему сказала, и тот, подъехав к компании, в которой ехал Кэсерил, спросил:

— Джентльмены! Если среди вас есть кастиллар ди Кэсерил, то моя госпожа вдовствующая коро-

лева Сара желала бы… просила бы, поправился он — возможности поговорить с ним.

Провинкар Лабрана, как вспомнил Кэсерил, был племянником Сары. Он понял, что является свидетелем возвращения королевы в свои родовые угодия.

— Я полностью в распоряжении королевы! — сказал Кэсерил сержанту.

Фойкс помог Кэсерилу спешиться. У задней дверцы повозки откинули ступеньки, и сопровождавшие королеву дамы вышли в поле — погулять и полюбоваться весенними цветами. Сара осталась внутри повозки.

— Прошу вас, кастиллар! — сказала она негромко. — Я очень рада этой нашей случайной встрече. Уделите мне минутку.

— Для меня это честь, моя госпожа!

Поклонившись, он забрался в повозку и сел на обитое сиденье напротив королевы. Вьючные мулы медленно прошествовали дальше, и воцарилась тишина, лишь слегка нарушаемая пением птиц, негромкими голосами, звучащими в отдалении, позвякиванием уздечек, тихим ржанием лошадей да хихиканьем служанок.

Сара была одета в простой плащ в черных и лиловых тонах — траур по бедному Орико.

— Примите мои извинения, — произнес Кэсерил, кивая на наряд королевы. — Я не мог присутствовать на похоронах, потому что не вполне оправился для путешествия.

Она понимающе кивнула:

— Из того, что мне рассказали Изелль, Бергон и леди Бетрис, я поняла, что ваше спасение от смерти было чудом.

— О, да! Это очень точное определение!

Сара со странным пониманием во взоре посмотрела на него.

— Боги приняли Орико? — спросил он.

— О, да! Это сделал Бастард. Как в жизни он был отвергнут старшими Богами, так и в смерти. Это вновь возбудило разные слухи о его происхождении.

— Все не так, моя госпожа! Орико, вне всякого сомнения, был ребенком Иаса. Я думаю, со времен Фонзы именно Бастард стал покровителем рода Шалион. Поэтому то, что именно Бастард принял Орико, выглядит вполне логичным.

Сара пожала плечами.

— Так себе покровитель, — проговорила она. — Накануне, перед самой смертью, Орико сказал мне, что хотел бы родиться сыном дровосека, а не короля Шалиона. Из всех эпитафий на его

смерть, что я слышала, эта мне кажется наиболее уместной.

Грусть смешалась с горечью в ее голосе.

— Марту ди Джиронал, как я слышала, был взят Отцом? — спросила она.

— Да. Его тело отправили в Тистан, к его дочери. Он сыграл свою роль в этой истории, хотя большой радости в конце она ему не принесла.

И, выдержав мгновение, он добавил:

— Я могу лично гарантировать вам, что Дондо Бастард забрал в свой личный ад.

Губы Сары скривились в горькой усмешке.

— Надеюсь, там его научат хорошим манерам, — сказала она.

К этой эпитафии добавить было нечего.

Кэсерил вдруг вспомнил разночтения, касавшиеся дня смерти короля и, осторожно откашлявшись, спросил:

— Накануне своей смерти… А в какой день он умер, моя госпожа?

Она внимательно посмотрела на него, вскинув темные брови, и ответила:

— На следующий день после свадьбы Изелль.

— А не накануне? Тогда получается, что Марту ди Джиронал был самым странным образом неверно информирован. И слишком поспешен

в некоторых своих действиях. Что же касается Орико… Есть какая-то злая ирония в том, что он умер за день до собственного спасения.

— Я, врач Орико, архиепископ Менденаль — все, кто постоянно был с королем, — можем поклясться, что Орико был жив и днем, и вечером того дня и умер лишь утром на следующий день.

Она в упор посмотрела на Кэсерила, все с той же горькой усмешкой на губах.

— Поэтому брак Изелль и Бергона юридически безупречен, — закончила она веско.

Да, теперь у лордов, которые хотели бы оспорить право Изелль на престол, не было для этого никаких оснований. Свидетельство королевы и архиепископа куда весомее мнения Марту ди Джиронала, который к тому же уже был трупом.

Но каково было королеве, представил себе Кэсерил, сидеть целый день и всю ночь в запертой комнате со студенистым, раздувающимся телом умершего супруга! О чем она думала? Что вспоминала в эти томительно текущие часы? И все-таки она сделала этот подарок Изелль и Бергону, всему роду королей Шалиона, который она сейчас покидала. Кэсерил вдруг представил ее аккуратной хозяйкой дома, которая, прибрав все вокруг, оставляет на каминной полке большую

вазу цветов для новых жильцов дома, из которого уезжает.

— Я думаю, что понимаю… — сказал Кэсерил.

— Конечно, понимаете. У вас всегда был очень зоркий глаз, — сказала Сара и добавила через мгновение: — И осторожный язык.

— Это условия моей службы.

— Вы хорошо послужили роду Шалиона. Может быть, даже лучше, чем он того заслуживал.

— Но и вполовину не настолько хорошо, как требовалось.

Сара вздохнула.

Кэсерил вежливо осведомился о планах вдовствующей королевы. Она возвращалась в свою провинцию, чтобы жить в своем замке, уже ни от кого не завися. По правде, она с радостью покидала Каргедосс, оставляя его наследникам Орико. Встав, Кэсерил пожелал Саре доброго пути, поцеловав ее руки. Она в ответ поцеловала руки Кэсерила и легко коснулась кончиками пальцев его лба.

Встав на обочине, он проводил обоз королевы глазами, сочувственно морщась, когда колеса повозок попадали в особенно глубокий ухаб. Да, дороги Шалиона нуждались в ремонте, и он отлично понимал это, поскольку странствовал

по многим из них. На Архипелаге дороги были широкие и гладкие. Ездить по ним было одно удовольствие в любую погоду. Нужно посоветовать Изелль и Бергону пригласить рокнарийских мастеров. Более качественные дороги, меньше бандитов — все это сослужит Шалиону хорошую службу. Точнее, Шалиону-Ибре, улыбнулся он Фойксу, который помог ему забраться в седло.

29

Пока Кэсерил разговаривал с королевой, Палли отправил Ферду в Зангру, известить об их прибытии Изелль и Бергона. И вот, когда Кэсерил въехал в ворота замка, его встретил сам комендант и целый сонм слуг. Комендант низко поклонился Кэсерилу, а грумы помогли ему спешиться. Аккуратно спустившись, Кэсерил спросил:

— Принцесса Изелль и принц Бергон в замке?

— Нет, милорд! Они отправились в Храм. Там проходит церемония возведения в должность лорда ди Яррина и принца Бергона.

Получается, что новая королева выбрала именно ди Яррина новым генералом святого ордена Дочери. А то, что генералом святого ордена Сына, этой важнейшей военной силы королевства, отныне станет король-консорт, было вдвойне мудрым шагом: эта сила попадает в полное под-

чинение двору и, кроме того, устраняется повод для раздоров между лордами Шалиона. Это была идея Изелль, и они обсуждали ее перед тем, как они с Бергоном покинули Тариун. Кэсерил тогда сказал, что ди Яррин, конечно же, будет верен королеве, поскольку получает столь желанную должность. Но поскольку он уже не очень молодой человек, в ближайшем будущем и эта должность должна перейти в ведение королевы и короля.

— Вот как? — воскликнул Палли. — И именно сегодня! Она ведь наверняка еще не закончилась?

— Думаю, нет, марч!

— Если я потороплюсь, то могу и успеть! Кэсерил! Могу ли я тебя доверить попечительству этого славного джентльмена? Милорд комендант, присмотрите за ним! Пусть отдыхает. Он еще не вполне оправился от своих ран. И не верьте ему, если примется убеждать вас, что с ним все гораздо лучше, чем есть на самом деле.

Резко развернув коня, он радостно отсалютовал Кэсерилу и, сопровождаемый своими кузенами, вылетел из ворот замка, на ходу успев крикнуть:

— С меня — подробный рассказ обо всем!

Грумы и слуги суетились вокруг багажа и ло-

шадей. Кэсерил отказался от руки коменданта, который предложил ее в качестве поддержки, по крайней мере до тех пор, пока они не доберутся до лестницы, и направился к главному зданию. Но комендант, остановив Кэсерила, сказал:

— Королева и король распорядились поселить вас в башне Иаса. Так вы будете рядом с ними.

А вот это поистине приятное новшество! Кэсерил поднялся вслед за комендантом на третий этаж, где устроил свою резиденцию Бергон и его ибранские придворные, хотя официальной спальней новый король выбрал не ту, где отдал душу Богам старый. Бергон, как Кэсерилу дали понять, спал совсем в другом месте, и это было вполне объяснимо. Изелль въехала в покои старой королевы, на четвертый этаж. Комендант провел Кэсерила в его комнату, куда кто-то уже перенес из главного здания его видавший виды сундучок и немногие вещи. На постели же была разложена совершенно новая одежда для предстоящего вечером банкета. Кэсерил позволил слугам принести ему горячей воды, после чего отослал их и послушно улегся — отдыхать.

Отдых длился ровно десять минут. Он встал и отправился наверх, чтобы осмотреть свой новый офис. Служанка, узнав Кэсерила, присела в реве-

рансе. Он заглянул в комнату, где раньше работал секретарь Сары. Как он и ожидал, в ней лежали на столе и были расставлены по полкам все его рабочие книги и бумаги — все, что когда-то лежало и стояло в его старом кабинете. Правда, появилось кое-что новое. Не только новые книги и бумаги, но и некий худощавый, лет тридцати, человек, который сидел за его широким рабочим столом. На нем была серая туника, а на голове — косичка, выдававшая в нем служку ордена Отца, и, что самое интересное, сидя за столом, он писал какие-то цифры в одной из бухгалтерских книг, принадлежавших Кэсерилу. Открытые, но еще не прочитанные письма лежали веером слева от молодого человека, а уже составленные и готовые идти на подпись — справа.

Он глянул на Кэсерила вежливо, но холодно.

— Чем могу помочь, милорд? — спросил он.

— Простите меня, но, как мне кажется, мы не знакомы, — произнес озадаченный Кэсерил. — Кто вы?

— Я Боннерет, личный секретарь королевы Изелль.

Кэсерил на мгновение открыл рот и тут же закрыл. *Но это я — личный секретарь королевы Изелль!*

— Временное назначение, так?

Боннерет удивленно вскинул брови.

— Нет, постоянное, насколько мне известно, — ответил он.

— И как вы получили эту должность? — спросил Кэсерил.

— Архиепископ Менденаль был настолько любезен, что порекомендовал меня королеве.

— И давно?

— Простите?

— Давно вас назначили?

— Две недели назад, милорд!

Боннерет обеспокоенно нахмурился.

— Простите… вы знаете нечто, что мне неизвестно, так? — спросил он осторожно.

— Королева… ничего мне не сказала, — произнес он.

Его что, уволили? Сняли с должности, где он был облечен высшей степенью доверия? С другой стороны, лавина дел, которая хлынула на Изелль в период восхождения на престол, не могла ждать, пока он выздоровеет, кто-то должен был безотлагательно заняться ими. Кстати, если судить по тому, что он увидел, у этого Боннерета отличный почерк. Тот же нахмурился еще больше. И тогда Кэсерил сказал:

— Мое имя — Кэсерил.

Хмурая гримаса моментально слетела с лица новоиспеченного секретаря, уступив место широкой восторженно-радостной улыбке.

— Милорд Кэсерил! — воскликнул он и глубоко поклонился. — Какая честь! Что я могу для вас сделать, милорд?

Последнее было произнесено совершенно иным тоном.

Этот восторг удивил Кэсерила куда больше изначальной холодности Боннерета. Он пробормотал какие-то невнятные извинения, сказал, что ему пора отдыхать, что он устал с дороги, и сбежал вниз, в свою комнату.

Некоторое время он исследовал свою одежду и книги, определяя им место в комнате. Как ни странно, из его имущества ничего не пропало. Подойдя к окну, он посмотрел на простиравшийся внизу город. Открыл ставни и высунулся наружу. Увы, ни одна священная ворона не появилась, чтобы нанести ему визит. Теперь, когда проклятие снято, а зверинец упразднен, живут ли они по-прежнему в башне Фонзы? Исследовав купола Храма, он принял решение при первой возможности разыскать Умегата. Затем он сел и долго пребывал в замешательстве.

Он был потрясен, хотя и приписывал это ощущение, по крайней мере частично, крайней усталости. Силы, если и возвращались к нему, то лишь временами, наплывом. Его заживающая рана все еще болела — он разбередил ее утренней поездкой. Впрочем, когда его изнутри грыз Дондо, все было намного хуже. Делать ему было совсем нечего — факт, который должен был бы наполнить его неизбывным счастьем. Но счастья он не ощущал. Зря он разве гнал коня? Спешил сюда, надеясь поскорее заняться делом? Ничегонеделание выглядело предательством. Он предавал и себя, и тех, кто был ему дорог!

Мрачные чувства мало-помалу овладевали Кэсерилом. Может быть, здесь, в новом королевстве Шалион-Ибра, в нем нет нужды? Чтобы помогать Изелль в решении стократ усложнившихся вопросов государства, ей потребуются люди более образованные, более галантные, чем потрепанный жизнью бывший солдат, да еще питающий слабость к поэзии. Что было еще хуже — выйдя из ближайшего окружения Изелль, он лишался возможности находиться рядом с Бетрис. Никто не будет в темноте зажигать ему свечи для чтения, не станет заставлять носить теплые странные шапки, не позовет страшного врача,

если он приболеет, не станет молиться, когда он будет в отъезде…

Услышав шум и громкие голоса, он понял, что процессия, возглавляемая Изелль и Бергоном, вернулась из Храма, но окно его комнаты располагалось таким образом, что двор замка виден не был. Конечно, он должен броситься им навстречу и приветствовать. *Нет, я отдыхаю*. Эти слова прозвучали так глупо, что он скривился. *Не будь дураком!* Но страшная усталость приковала его к креслу.

Прежде чем ему все-таки удалось преодолеть приступ меланхолии, в его комнату ворвался Бергон, и более демонстрировать грусть и усталость было уже неприлично. На короле был наряд генерала ордена Сына в коричневых, оранжевых и желтых тонах, и широкий пояс, орнаментированный символами осени, который выглядел на нем куда лучше, чем на старом и седом ди Джиронале. И вообще, если Бога не радовал вид его нового генерала, значит, Бога вообще невозможно было порадовать. Кэсерил встал, Бергон обнял его, спросил о том, как он доехал, спросил о ране, ответа не дождался, заговорил о десятке вещей одновременно и наконец рассмеялся — над собой и собственной сумбурной торопливостью.

— Обо всем этом мы еще поговорим, — сказал он наконец. — А пока я к вам с миссией от моей жены, королевы Шалиона. Но сначала скажите мне, лорд Кэс, по секрету — вы любите леди Бетрис?

Кэсерил опешил от неожиданности.

— Я… Она… Да, король, люблю, — пробормотал он.

— Отлично! Я был уверен в этом, но Изелль настаивала, чтобы я сперва спросил. А теперь — очень важный вопрос: не хотите ли побриться?

— Я… Что?

Рука его автоматически взлетела к бороде. Она уже не была такой лохматой и неприбранной, как раньше, и стала, как ему казалось, достаточно ровной, и кроме того он ее недавно подрезал.

— А в чем причина этого вопроса? Это, конечно, не так важно, тем более что борода может и вновь отрасти, как мне кажется…

— Но вы же к ней не безумно привязаны, верно?

— Не безумно, нет. После галер мои руки тряслись, и когда я пытался бриться сам, то резался в кровь. А на цирюльника у меня не было денег. Потом привык к бороде.

— Вот и отлично!

Бергон подошел к двери и, высунув голову, позвал:

— Заходите!

Вошли цирюльник и слуга с кувшином горячей воды. Цирюльник заставил Кэсерила сесть и окутал белой простыней. Не успел Кэсерил произнести и слова, как тот густо намылил его, ловко взбивая пену. Слуга поднес к груди Кэсерила тазик, и цирюльник, что-то напевая себе под нос, принялся орудовать стальным лезвием. Скосив глаза вниз, Кэсерил увидел, как в тазик падают, скошенные умелой рукой, клочки черных волос, окутанные пеной. Несколько раз мастер обеспокоенно курлыкнул, но в конце концов удовлетворенно крякнул и широким жестом отвел тазик в сторону.

— Вот и все, милорд! — произнес он.

Горячее полотенце и кусающий щеки спиртовой раствор лаванды завершили священное действо. Король опустил в ладонь художника монету, и тот, низко кланяясь и пятясь к двери, ретировался.

Из коридора раздалось негромкое женское хихиканье. Чей-то (понятно, чей!) голосок прошептал:

— Смотрите, Изелль! У него тоже есть подборо-

док. Я вам говорила!

— Точно! И премилый!

Вошла Изелль. Держа спину прямо, в своем величественном наряде королевы (да еще явившейся из Храма с торжественного обряда возведения в должность!) она хотела держаться соответственно своему статусу, но, увидев Кэсерила, расхохоталась. Следом, легкой, фантастически изящной походкой вошла Бетрис, с ямочками на щеках, с ярко горящими карими глазами, с умопомрачительной прической, кольцами локонов обрамлявшей ее лицо. Изелль прижала ладонь к губам.

— Боги! — воскликнула она. — Кэсерил! Оказывается, если лишить вас этого вашего кустарника на щеках, вы будете выглядеть не таким уж и старым!

— Совсем не старым! — горячо возразила Бетрис.

Он встал при появлении королевы и отвесил глубокий поклон, одновременно тронув свой непривычно голый и холодный подбородок. Никто не предложил ему зеркала, чтобы он смог выяснить причину, по которой так веселились дамы.

— Ну что ж, все в сборе! — таинственным голо-

сом проговорил Бергон.

Изелль, улыбаясь, взяла за руку Бетрис. Бергон взял руку Кэсерила. Изелль приняла соответствующую позу, и голосом, приличествующим тронному залу и тронной речи, провозгласила:

— Возлюбленная мною и преданная мне леди Бетрис ди Феррей попросила меня о подарке, которым я с радостью в сердце ее одариваю. Так как у вас нет отца, лорд Кэсерил, мы с Бергоном выступаем в его роли. Она просит вашей руки. Так как Нам величайшую радость доставляет то обстоятельство, что Наши самые любимые слуги также любят и друг друга, своей волей мы объявляем вас помолвленными женихом и невестой.

Бергон потянул Кэсерила за руку, Изелль сделала то же самое с рукой Бетрис. Король и королева сложили руки помолвленных, прижали их друг к другу и, сделав шаг назад, заулыбались.

— Но… Но… Но… — забормотал Кэсерил. — Это неправильно! Изелль! Бергон! Принести эту молодость и красоту в жертву моей седине — это ужасно!

Руки Бетрис он между тем не отпускал.

— От седины вы только что избавились, — парировала Изелль и, внимательно осмотрев его еще раз, добавила:

— Кстати, так вам идет больше.

— И ничего ужасного в нем нет, — добавил Бергон. — Скорее, напротив.

Ямочки на щеках Бетрис еще никогда не были так глубоки, а глаза буквально сияли сквозь скромно опущенные ресницы.

— Но… Но…

— И в конце концов, — продолжила Изелль, — я не приношу ее в жертву в благодарность за вашу мне верность. Я делаю ей подарок в награду за ее верность мне. Понятно?

— Ну что ж, так-то лучше…

Кэсерил прищурился, пытаясь привести в порядок свои мысли, и предположил:

— Но ведь есть лорды… более богатые, более молодые, более привлекательные, более достойные…

— Но она же просила не о них! — вставил свое слово широко улыбающийся Бергон. — Ей нужны вы! А о вкусах не спорят, верно?

— И я должна оспорить по крайней мере один пункт вашей самооценки, Кэсерил, — проговорила Бетрис. — В Шалионе нет лордов более достойных, чем вы.

И она еще крепче сжала его ладонь.

— Подождите, — сказал Кэсерил, испытывая

примерно то, что испытывает человек, скользящий вниз по снежному склону. — У меня нет ни земли, ни денег! Как я стану содержать семью?

— Отныне мой канцлер будет состоять на фиксированном жалованье, — сказала Изелль.

Какие неожиданные переходы! Сразу — к делам!

— Как это сделал Лис в Ибре? — спросил Кэсерил. — Это очень мудро, моя госпожа! Теперь высший чиновник в государстве будет полностью подчинен королевской власти и не станет разрываться между интересами королевской семьи и своего клана, как это было с ди Джироналом. И кем же вы собираетесь его заменить? У меня есть несколько идей…

— Кэсерил! — смеясь, остановила его королева. — Канцлером станете вы! Кого еще я могу назначить на эту должность? Никаких других кандидатов и никаких пустых разговоров. Это место — ваше!

Кэсерил так и сел в кресло, где его только что брили. Руки Бетрис он не выпустил из своей.

— Начинать прямо сейчас? — слабым голосом спросил он.

Изелль вскинула подбородок.

— Конечно, нет! Сегодня у нас праздник. Завтра

и начнете.

— Если будете себя хорошо чувствовать, — уточнил Бергон.

Некоторое время Кэсерил молча сидел, пытаясь осмыслить произошедшее, после чего произнес:

— Да, вот это новость!

Хотел синицу в руки, получил журавля. Ну что ж. Если выбирать… Кто-то, может быть, решил бы — за его заслуги — позволить ему до конца жизни существовать во славе, комфорте и покое… А кто-то решил пожертвовать его покоем и комфортом ради новых, больших дел. Лучше уж второе! *Канцлер Кэсерил. Милорд канцлер.* Губы его молча шевелились, привыкая к артикуляции этих непривычных пока сочетаний звуков.

— Официальное заявление мы сделаем сегодня, после ужина, — сказала Изелль. — Поэтому вам нужно соответственно одеться. Затем мы с Бергоном преподнесем вам цепь канцлера перед всем двором.

И повернувшись к двери, она отправилась на выход, бросив через плечо:

— Бетрис! Вы мне нужны…

Но вдруг остановилась, повернулась и, улыбнувшись, проговорила:

— Чуть позже.

И подхватив под руку мужа, вышла, предусмотрительно захлопнув за собой дверь.

Кэсерил протянул руку, обхватил Бетрис за талию и усадил ее себе на колени. От неожиданности она негромко взвизгнула.

— Да, губы — это то, что нужно! — произнес он и поцеловал невесту.

Через некоторое время, переводя дух, она отстранилась, с довольным видом потерла свой подбородок, потом подбородок Кэсерила, после чего произнесла:

— Вот теперь ты не колешься!

С Умегатом Кэсерил смог увидеться лишь на следующее утро, в приделе Бастарда кардегосского Храма. Служка, выказав должное почтение высокому гостю, проводил его в комнаты на третьем этаже, где дверь на его стук отворил, поклонившись, Дарис, безъязыкий грум. Кэсерил не удивился, увидев на груме одеяния ордена Бастарда снежной белизны. Дарис потер свой подбородок и, улыбаясь, показал Кэсерилу на его собственное безбородое лицо, пытаясь что-то произнести, и Кэсерил был рад, что ничего не

понял в бормотании бывшего грума. Безъязыкий провел его через гостиную на маленький деревянный балкон, увитый виноградом и уставленный горшками с красными геранями. Балкон выходил на площадь перед Храмом.

Умегат, также одетый в белые одежды, сидел в прохладной тени за маленьким столом, на котором Кэсерил с удивлением увидел бумагу и перья с чернилами. Дарис торопливо принес кресло, и Кэсерил поспешил сесть, не дав Умегату подняться. Дарис вновь пробормотал что-то, что Умегат понял как предложение выпить чаю, на что Кэсерил согласился, и Дарис умчался выполнять просьбу гостя и хозяина.

— Что это? — спросил Кэсерил, показывая на бумагу и перья, лежащие перед Умегатом. — Вернулась способность писать?

Умегат скривил губы.

— Пока на уровне пятилетнего ребенка. Похоже, я частично омолодился.

Он поднял лист бумаги и продемонстрировал Кэсерилу буквы-каракули, написанные действительно как будто детской рукой.

— Пытаюсь их запомнить, — продолжил он, — а они все выпадают. И рука отупела — никак не может вспомнить, что нужно делать с пером. За-

то на лютне я играю так же плохо, как и раньше. Врач говорит, что у меня сплошные улучшения, и он, наверное, прав, потому что месяц назад я совсем не мог изобразить то, что у меня сейчас получается. Когда читаю, уже могу поймать слово, хотя они все время разбегаются, как крабы во время отлива.

Он посмотрел на Кэсерила и, отложив перо, спросил:

— А вы как? Говорят, в Тариуне вы творили великие дела? Менденаль сказал, вас проткнули мечом?

— Как стрекозу, насквозь, от живота до спины, — кивнул Кэсерил. — Зато по мечу наружу выбрались демон с Дондо. Так что шкуру мне ди Джиронал попортил не зря. К тому же Дочь спасла меня от смерти.

Умегат улыбнулся и проговорил:

— Стало быть, легко отделались.

— Самым чудесным образом.

Умегат склонился к Кэсерилу и глянул ему в глаза.

— Вижу, у вас были интересные встречи. На самом высоком уровне. По вам заметно, — сказал он.

— А к вам что, вернулось внутреннее зрение? —

спросил Кэсерил.

— Да нет! Просто не заметить этого было бы трудно.

Он был прав. По самому Умегату это было видно тоже. Если человека тронет рука Бога и он при этом не сойдет с ума, то в результате он приобретает некую рационально необъяснимую внутреннюю гармонию, основанную на особой сосредоточенности и самоуглубленности.

— Вы ведь тоже видели своего Бога, — проговорил Кэсерил, и это был не вопрос.

— Пару раз, — признался Умегат.

— И сколько вам потребовалось, чтобы восстановиться?

— Точно не могу сказать, — ответил рокнариец и, задумчиво посмотрев на Кэсерила, спросил: — Скажите мне, если сможете, что вы видели?

В вопросе Умегата прозвучал отнюдь не холодный интерес профессионального теолога. Кэсерил увидел это по тому, как мелькнул во взоре рокнарийца неутоленный голод по общению с Богом. *Я что, тоже так выгляжу, когда говорю о Ней? Неудивительно, что люди смотрят на меня странно.*

Кэсерил рассказал всю свою историю — с момента спешного отъезда из Кардегосса. Появился

чай. Чашки были выпиты, и снова наполнены, и выпиты вновь, и только тогда Кэсерил закончил свой рассказ. Дарис все это время стоял у двери и слушал. Кэсерил был полностью уверен в надежности бывшего грума. Когда он подошел к описанию того, что увидел в те мгновения, когда Госпожа Весны перенесла его в иной мир, слова начали ему отказывать. Умегат же, не отрываясь и полуоткрыв рот, слушал.

— Это могла бы выразить поэзия, — покачал головой Кэсерил. — Мне нужны слова, которые означают больше, чем они обычно означают. Слова не только максимальной высоты и глубины, ширины и веса, но также слова, у которых было бы измерение, которого мы даже представить не можем.

— После своего первого… опыта я пытался выразить образ Бога музыкой. Но, увы, у меня нет музыкального дара.

Кэсерил кивнул и осторожно спросил:

— Есть ли что-нибудь, что я могу для вас — для обоих — сделать? Изелль вчера назначила меня канцлером Шалиона, поэтому, думаю, теперь я многое могу.

Умегат вскинул брови и, не вставая, отвесил в сторону Кэсерила поздравительный поклон.

— Молодая королева сделала хороший выбор, — сказал он.

— А я вот думаю, сколько же придется разгребать после прежнего канцлера! Он оставил непростое наследство.

Умегат понимающе улыбнулся.

— Ничего не попишешь, — сказал он. — Что же до наших дел, то Храм хорошо заботится о своих бывших святых, и у нас всего в достатке. Мне нравятся эти комнаты, этот город, этот весенний воздух, нравится моя компания. Надеюсь, Бог даст мне еще парочку заданий, прежде чем призвать к себе. И лучше, если они не будут связаны с животными или королями.

Кэсерил сочувственно кивнул и сказал:

— Вы ведь хорошо знали Орико. Наверное, не хуже, чем Сара.

— Я виделся с ним почти ежедневно в течение шести лет. Он говорил со мной предельно откровенно, особенно ближе к концу. Надеюсь, в этих разговорах он находил утешение.

Кэсерил, поколебавшись пару мгновений, предположил:

— Не знаю, насколько я прав, но мне кажется, он был чем-то вроде героя.

Умегат согласно кивнул:

— Мне тоже так кажется. Правда, особого героя — героя, который сознательно становится жертвой.

Он вздохнул и сказал:

— И все-таки это грех — горевать по поводу того, что отравляет нашу благодарность Богам за их благодеяния.

Безъязыкий грум встал со своего места, чтобы забрать и унести чайные приборы.

— Спасибо, Дарис, — сказал Умегат и похлопал по руке, которая тронула его плечо. Дарис взял чашки, тарелки и вышел вон.

Кэсерил с любопытством посмотрел ему вслед.

— Давно вы его знаете? — спросил он Умегата.

— Больше двадцати лет.

— Тогда он был не просто вашим помощником в зверинце, — предположил Кэсерил и, понизив голос, спросил: — И он тогда был… подвергнут пыткам?

— Нет. Позже.

— Вот как?

Умегат улыбнулся.

— Не смотрите так мрачно, лорд Кэсерил, — сказал он. — Все становится гораздо лучше, чем было. То — вчера, а это — сегодня. Я спрошу его позволения и как-нибудь расскажу вам его ис-

торию.

— Его доверие сделает мне честь.

— Все хорошо, — и если это не так, то, по крайней мере, каждый день делает нас ближе к нашему Богу.

— Я это заметил. У меня были проблемы с ощущением времени в первые дни после того, как я встретил Госпожу. Восприятие времени и пространства сильно изменилось, стало совсем иным.

Раздался легкий стук во входную дверь. Дарис пошел открыть и через пару мгновений ввел молодую девушку-служку в белых одеждах, которая в руках держала книгу.

— Ага! — просиял Умегат. — А вот и моя чтица. Поклонитесь-ка лорду канцлеру, моя милая!

И объяснил:

— Они мне каждый день присылают мелких нарушителей всяческих своих внутренних правил, и те мне читают по часу в день. Для них это наказание, но вот эта особа…

И, обратившись к служке, он спросил:

— А на завтра вы уже придумали себе преступление, моя хорошая?

— Как раз думаю, мой господин, — ответила девушка, скромно потупив очи.

— Ну что ж, если у вас закончатся идеи, дайте знать. Я покопаюсь в памяти о своей юности и найду что-нибудь повеселее.

Служка протянула книгу Кэсерилу и сказала:

— Я думала, меня пошлют читать скучный трактат по теологии, но вместо этого он захотел сборник новелл.

Кэсерил с интересом взглянул на томик, издательский знак на котором указывал, что вещица была импортирована из Ибры.

— Замечательная композиция, — сказал Умегат. — Автор следует к святым местам вместе с группой паломников, и каждый из них по очереди рассказывает какую-нибудь историю. И все о божественном…

— Неправда, милорд, — прошептала девушка, обернувшись к Кэсерилу, — некоторые истории очень… нескромны.

— Я пытаюсь показать ей, как уроки плоти могут иллюстрировать проповеди Ордола. Объяснил, что каждый раз, когда она краснеет, Бастард прощает ей очередной грех. Боюсь, что она мне верит.

Умегат улыбнулся.

— Мне бы хотелось почитать эту книгу после того, как вы с ней закончите, — проговорил Кэ-

серил.

— Я пришлю ее вам, милорд!

Кэсерил попрощался и, перейдя пятиугольный храмовый двор, вышел на улицу и направился вверх по холму, но перед тем, как стала видна Зангра, свернул и пошел в сторону столичного дворца провинкара ди Баосии. Приземистый старый дом напоминал дворец ди Джироналов, но был значительно меньше и не имел окон на первом этаже. Окна же на втором этаже были забраны ажурными чугунными решетками. Дворец вновь открыли, не только для хозяина и хозяйки, но и для старой провинкары и леди Исты, которые приехали из Валенды. Как по мановению ока в долго пустовавшем тихом здании поселились шум и суета. Кэсерил объявил свое имя и статус склонившемуся в низком поклоне портье, и тот незамедлительно провел его внутрь, в залитую солнечным светом гостиную в задней части дворца, где на балконе, выходящем на сад и конюшни, сидела леди Иста. Отпустив служанку, Иста указала Кэсерилу на кресло, стоящее рядом, колено в колено, с ее креслом. Волосы вдовствующей королевы были аккуратно заплетены и уложены короной вокруг головы, а ее лицо, наряд и весь внешний вид лишились той болезненной неопре-

деленности, что царила в ее облике прежде.

— Приятное место, — отметил Кэсерил, опускаясь в кресло.

— Да, мне нравится эта комната. Я здесь жила еще девочкой, когда отец привозил нас с собой в столицу, что было нечасто.

— Вчера вечером вы были в Зангре, на банкете, — сказал он.

Вчера, в замке, они смогли обменяться лишь парой формальных приветствий. Иста поздравила его с назначением и помолвкой, но уехала рано.

— Вы очень хорошо выглядели, — сказал Кэсерил. — Изелль была вознаграждена.

— Я езжу туда днем, чтобы сделать ей приятное. Но на ночь возвращаюсь сюда.

— Наверное, призраки все еще там, — предположил он. — Я их теперь не вижу, к счастью.

— Я тоже, — кивнула Иста. — Но ощущаю как сгустки холода, колышущиеся у стен. А может быть, это просто мои воспоминания.

Она потерла руки, чтобы согреть их, и добавила:

— Ненавижу Зангру.

— Я теперь понимаю привидения гораздо лучше, чем тогда, когда они меня пугали, — осторожно проговорил Кэсерил. — Я полагал, что,

отказав им в успокоении, Боги таким образом их проклинают. Теперь же я вижу, что это — милость Богов. Души, принятые Богами, помнят себя, помнят все с чрезвычайной ясностью — так же, как это делают Боги. И для многих, в том числе и для меня, небеса были бы сущим адом. Поэтому Боги, оставляя души на земле в виде привидений, даруют им забвение.

— Забвение. Мне это кажется райским блаженством. Как бы я хотела стать таким вот привидением.

Боюсь, в этой милости вам будет отказано.

Кэсерил откашлялся и сказал:

— Вы ведь знаете, что проклятие снято с Изелль и Бергона и вообще со всех, кто имеет отношение к роду Шалион?

— Да, Изелль рассказала мне об этом. Понятно, в тех пределах, в которых она осознает то, что произошло. Но я еще до этого все поняла, еще будучи дома. Мои служанки одевали меня в День Дочери к утренней молитве. Ничего не происходило, но я почувствовала, как вдруг прояснилась моя голова — словно липкий туман, который обволакивал мое сознание и тело, внезапно исчез. И мне стало очень грустно — я подумала в тот момент, что вы умерли.

— А я действительно умер, хотя Госпожа Весны потом вернула меня в мир, в мое собственное тело. Правда, мой друг Палли шутит, что она вернула меня вверх ногами.

И он весело улыбнулся.

Иста вновь посмотрела в сад и сказала:

— Снятие проклятия сделало мою боль более ясной и четкой, но одновременно и отдалила. Все это так странно!

Кэсерил мгновение помедлил, после чего проговорил:

— Вы были правы, леди Иста, когда говорили про пророчество. Три смерти — единственное средство. Я ошибся, когда решил, что замужество спасет Изелль. Нет! Только через смерть! Вы пошли по верному пути, как ни суров он был. В конце концов все так и вышло, по милости Госпожи!

— Очевидно, Боги сочли меня недостойной, а мою жертву — неприемлемой. Хотя я могла бы пойти до конца и пожертвовать всем, что у меня было.

— Дело не в… Причина в другом, — покачал головой Кэсерил. — Дело не в том, что вы достойны или, напротив, недостойны. Дело в самой форме вашей души, а не в ее содержании. Чтобы

принять Богиню и стать ее проводником в этом мире, вы обязаны обрести форму чаши, сосуда, куда изольется божественная воля. А вы — меч! И всегда были мечом. Как ваша мать и ваша дочь. У женщин вашего рода нутро из стали. Я понимаю, почему я раньше никогда не замечал святых. Мир не разбивается об их волю, как волны о скалы, он не расступается перед ними, как море перед носом корабля. Святые — они мягкие и податливые и проплывают через этот мир тихо и незаметно, как рыбы.

Иста кивнула, но был ли этот жест жестом согласия, несогласия или же просто жестом вежливости, определить он не смог.

— Ну и куда вы теперь? — спросил он. — Теперь, когда вам значительно лучше?

Иста пожала плечами.

— Моя мать стареет. Боюсь, нам придется поменяться ролями, и теперь я стану за ней ухаживать, как она ухаживала за мной. Но не в Валенде и не в Кардегоссе. Мне хочется уехать туда, где я еще не была. Туда, где меня не станут терзать воспоминания.

Спорить он не стал. Он подумал об Умегате, который, конечно, не превосходил Исту в силе духа, но был настолько опытен в делах горя и печали,

что возрождение души стало для него почти рутинным занятием. У Исты, правда, было еще лет двадцать, чтобы овладеть этим искусством установления внутренней гармонии. Наверняка, когда Умегат был в нынешнем возрасте Исты, он тоже, спасая изуродованное тело друга от того кошмара и ужаса, что им обоим удалось пережить, проклинал Богов за безразличие и молчаливый эгоизм.

— Я хотел бы, чтобы вы познакомились с моим другом Умегатом, — сказал он. — Он был святым и должен был охранять Орико. Теперь он бывший святой, как вы и я. Я думаю… думаю, вам было бы с ним интересно поговорить.

Иста устало пожала плечами — ни соглашаясь, ни оказываясь от предложения. Кэсерил решил чуть позже вернуться к этому разговору.

Желая повернуть беседу к более приятным вещам, он попросил ее рассказать про коронацию Изелль, куда они прибыли вместе с провинкарой. Кэсерилу уже человек пять описывали церемонию, и в деталях, но он так и не насытился разговорами про триумф Изелль. Иста оживилась, радость от дочерних успехов смягчила ее лицо и зажгла искорки в глазах. По взаимной молчаливой договоренности имя Тейдеса они

даже не упоминали — это был не тот день, когда можно было бы бередить старые раны. Придет время, и к судьбе несчастного мальчика они еще вернутся.

Наконец, склонив голову, он стал прощаться. Иста неожиданно встрепенулась и, впервые дотронувшись до руки Кэсерила, попросила:

— Перед тем как вы уйдете, благословите меня, Кэсерил.

Он опешил.

— Миледи! Я не более свят, чем вы, и уж точно не Бог, чтобы по собственной воле призывать благословение на чью-то голову…

Но ведь он и принцессой не был, когда от ее имени подписывал в Ибре брачный договор! Так что…

Госпожа Весны! Если я служил тебе верой и правдой, вознагради меня своей милостью!

И он сказал:

— Я попробую.

Склонившись к Исте, Кэсерил возложил ладонь на ее бледный лоб. Он не знал, из каких неведомых краев явились к нему эти слова, но он произнес:

— Пророчествую истину, и только истину. Когда души восстанут во славе и радости, твоя душа

не будет отвергнута, но обретет награду в небесных садах. И сама горечь твоей судьбы обратится в сладость, а боль — в благословение.

Он замолчал и с ужасом посмотрел на Исту, которая сидела перед ним с закрытыми глазами.

Хорошо ли я сделал? Или плохо? Или же я — последний глупец?

Иста открыла глаза, полные слез. Ладонь ее, лежащая, словно чаша, на колене, замерла. Королева склонила голову, принимая благословение, причем несколько неуклюже — словно ребенок, который делает свой первый шаг, после чего слегка дрожащим голосом произнесла:

— И вы все еще считаете себя любителем, Кэсерил? Вы заткнете за пояс любого профессионала.

Он улыбнулся, кивнул и, выйдя из дворца, поспешил вверх по улице, с каждым новым поворотом невольно ускоряя шаг. Его ждали — и люди, которые не могли без него обойтись, и новые дела.